

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАНИЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЪЕ.

1864.

ПРИБАВЛЕНІЯ

БЪ ИЗДАНИЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1864.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 23 дня 1864 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

Цензоръ Архимандритъ *Михаилъ*.

С Л О В О

**ВЪ НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ И НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА
НА ПРЕСТОЛЬ (а).**

*Помяните дни вѣчные, разумѣйте
льта рода родовъ. Второз. 32, 7.*

Когда народъ Божій, окончивая свое сорокалѣтнее странствованіе по пустынь, уже готовъ былъ вступить въ наслѣдіе земли обѣтованной; тогда законодатель его и вождь, пророкъ Моисей, заповѣдалъ ему, по вступленіи въ землю Ханаанскую, создать на ней жертвенникъ, написать слова закона на камняхъ, и въ сборѣ всѣхъ колѣнъ израилевыхъ, поставивъ посреди себя кивотъ завѣта, совершить жертву мира, прочитать слова закона, и одной половиною народа произнести благословеніе на всѣхъ вѣрныхъ исполнителей закона, а другой произнести проклятіе на его нарушителей. Левиты должны были провозглашать эти благословенія и проклятія; а народъ восклицать: буди!—

Подобное сему совершаетъ нынѣ православная Церковь, чрезъ своихъ пастырей, по заповѣди отцевъ своихъ. Въ торжественномъ собраніи вѣрныхъ, предъ

(а) Произнесено въ 1860 г.

алтаремъ Господнимъ , при совершеніи безкровной жертвы, среди славословіи и пѣсней духовныхъ, возглашаетъ она священные догматы своей вѣры, и потомъ изрекаетъ благословеніе всѣмъ вѣрнымъ сынамъ своимъ, наиболѣе содѣйствовавшимъ правому ихъ исповѣданію, и грозное осужденіе всѣмъ противникамъ ея православія, злонамѣренно и упорно возстававшимъ противъ него, и послѣ всѣхъ ея увѣщаній оставшимся въ противленіи.

Къ сему древнему, тысячелѣтнему торжеству Церкви присоединяется нынѣ новое, радостное для отечества, торжество, — воспоминаніе о воцареніи Благочестивѣйшаго Государя нашего. Торжество Церкви и торжество государства легко сливаются въ едино: ибо и Самодержецъ Россіи есть державный покровитель православія, и православію принадлежитъ огромное вліяніе на судьбы Россіи.

Торжество православія есть побѣда, купленная цѣною великихъ и многовѣковыхъ усилій. Оно опирается на единодушномъ исповѣданіи церковей всего міра, семикратно вопрошенныхъ о своей вѣрѣ и упованіи. Устами богомудрыхъ пастырей, послѣ зрѣлаго размышленія, съ твердостію достойной вѣрныхъ свидѣтелей истины, изречены догматы благочестія, или православія, опредѣлены уставы жизни церковной: подъ вліяніемъ священныхъ догматовъ и учреждений, воспитался отличенный особымъ характеромъ духъ Церкви православной. Въ сихъ догматахъ и учрежденіяхъ и мы родились, въ нихъ воспитались; имъ обязаны своимъ возвышеніемъ между народами. Съ ними только ожидаемъ и дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія въ дѣлахъ гражданскаго общежитія.

Помяните дни вѣчные, разумѣйте лета рода родовъ!

Царства земныя созидаются, возвышаются и падаютъ, чтобы служить единому вѣчному Царству Божію. Оно не отъ міра, но царствуетъ надъ міромъ. Пророкъ древній видѣлъ: *се на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ чловѣчь идый бяше, и даже до Вѣтхаго деньми дойде, и предъ Него приведеса: и Тому дадеса власть и честь и царство, и вси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ* (Даніил. 7, 13. 14.). Самъ же Сынъ чловѣческой, по совершеніи дѣла Своего на землѣ, возвѣстилъ: *дадеса ми всяка власть на небеси и на земли* (Матѣ. 28, 18.). Такимъ образомъ, судьбы всего міра, до конца вѣковъ, неразрывно связаны съ судьбою Его Царства непреходящаго и вѣчнаго. Царство же и власть и величество царей, иже подъ всемъ небесемъ, дается святымъ Вышняго. Иначе: Царство Христово есть Царство святыхъ Его, или Церковь. И добровольно, или неволью, своими дѣйствіями, своими судьбами и перемѣнами царства земныя служатъ къ созиданію Церкви Христовой.

Помяните дни вѣчные!—Когда древній Римъ палъ, грубыя племена германскія, водворившись въ его областяхъ, сами заимствовали отъ него свѣтомъ вѣры: и такимъ образомъ, на развалинахъ древняго міра, зацвѣла новая, христіанская жизнь; и въ обновленномъ мірѣ, изъ смѣщенія народовъ, возникли новыя державы, ввѣренныя духовному водительствоу напшаго Рима. Тогда не были починены жезлу пастырей римскихъ многочисленныя племена славянскія: они ждали своего времени и своего жребія. Примыкая къ восточной по-

ловинъ христіанской имперіи, отъ времени до времени, своими вторженіями въ нее, они напоминали владыкамъ ея, что нужно позаботиться и о ихъ призваніи въ Царство Христово. Но Промыслъ Божій, уставившій всѣмъ народамъ свои времена и предѣлы селеній, до времени сдерживалъ нетерпѣливые порывы молодыхъ племенъ. Еще не кончились бурныя волненія ересей въ державѣ греческой, однѣ за другими, усиливавшихся одержать верхъ надъ православіемъ. И вотъ, когда Церковь вышла съ побѣдою изъ борьбы со всѣми лжеученіями и уже успѣла отпраздновать достославное торжество православія; когда силы государства греческаго, обуреваемого съ разныхъ сторонъ, оскудѣвали, чтобы поддерживать свою самостоятельность и охранять возстановленное православіе; между тѣмъ на западъ возставала новая буря противъ вѣры и Церкви: лобочестіе и суемудріе первосвященниковъ римскихъ покушались расторгнуть вселенскій союзъ общества христіанскаго, и въ тоже время преобладаніе римское спѣшило покорить еще стоявшія внѣ ограды Христовой племена славянскія: въ это время небесный Дѣлатель, явившись снова на торжищѣ міра, простеръ Свой голосъ къ ожидающимъ своего призванія: что стоите праздни? идите и вы въ виноградъ мой,—мой виноградъ, а не величающаго себя моимъ намѣстникомъ; и еже будетъ праведно, примете.

Тогда, въ первый разъ, достигъ призывный голосъ благодати и до тебя, благословенное отечество. Буря, смятеніе и брань, среди которыхъ слышанъ былъ этотъ голосъ, не заглушили его кроткихъ звуковъ. И тотъ же архипастырь Царьграда, который своими уроками

воспиталъ благовѣстника славянскихъ племенъ, св. Кирилла, — который за чистоту догматовъ и за права своего престола возсталъ противъ первосвященника римскаго и звалъ его на судъ собора всеиенскаго; тотъ же первосвятитель востока, въ слухъ всего міра, засвидѣтельствовалъ, что воинственный народъ Русскій, преложивъ языческое суевѣріе на чистую и неблаженную вѣру, принялъ къ себѣ епископа и ведетъ себя, какъ послушный сынъ церкви. — Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ еще слабый зачатокъ вѣры; еще нужны были равноапостольные подвиги св. Ольги и Владиміра и благочестивая ревность многихъ пастырей, благовѣстниковъ и учителей, чтобы довершить твое христіанское образованіе. Тѣмъ не менѣе ясно, что призваніе твое, народъ Русскій, быть народомъ православія — рѣшено. — Соответственно такому назначенію, дается тебѣ и рѣшительный перевѣсъ надъ всеми единоплеменными и единовѣрными народами, чтобы ты могъ быть, въ свою очередь, самостоятельнымъ защитникомъ и хранителемъ православія. Предѣлы твои расширяются до необъятныхъ размѣровъ... Царьградъ дотоль стоитъ, доколь срокъ твоего воспитанія политическаго и церковнаго не окончился... И вся исторія твоя идетъ отдѣльно отъ народовъ запада, чтобы тебѣ преждевременно не слиться съ ихъ путями, чтобы не утратить ввѣренное тебѣ сокровище на распутіяхъ европейскаго міра... Итакъ, своимъ возвышеніемъ надъ народами, своимъ могуществомъ и силою, своимъ значеніемъ въ исторіи, своею судьбою ты обязанъ своему назначенію быть опорой православія.

Боговидѣцъ Моисей, приведши народъ свой къ предѣламъ земли обѣтованной, говорилъ ему: когда Гос-

подъ истребитъ народы, обитающіе въ земль Ханаанской предъ лицемъ твоимъ, *не рцы въ сердце твоемъ: правдъ ради моихъ введе мя Господь наслѣдiti землю благу ю сію. Не ради правды твоя, ниже преподобія ради сердца твоего ты входиши наслѣдiti землю ихъ* (Второз. 9, 4.). Да не будетъ тяжко приложить сіе слово и къ намъ. Не нашими особенными достоинствами, не нашею вѣрностію мы заслужили высокое преимущество быть членами св. православной Церкви, ея хранителями и защитниками. Благодать Божія указала намъ призваніе наше, еще прежде обращенія нашего ко Христу, и уже тогда предъустроила судьбу нашу такъ, чтобы она соответствовала назначенію нашему.

Но православію мы обязаны не только внѣшнимъ своимъ положеніемъ между народами. Чрезъ него получили мы и наше духовное образованіе. Долгое время оно было единственнымъ проводникомъ къ намъ просвѣщенія. Сравнимъ себя съ другими народами. Видимъ грековъ и римлянъ, еще до принятія вѣры христіанской умственно развитыми. Другіе европейскіе народы водворились на развалинахъ царствъ, нѣкогда славившихся своимъ образованіемъ, и овладѣли источниками и средствами ихъ образованія. Мы явились въ міръ народомъ новымъ, безъ предварительнаго приготовленія и развитія, и на почвѣ еще невоздѣланной. Свѣтъ умственнаго образованія къ намъ проникъ только съ свѣтомъ Евангелія. И книги слова Божія, писанія мужей богопросвѣщенныхъ, нѣсколько столѣтій, были для насъ единственнымъ источникомъ просвѣщенія. Ихъ содержаніемъ ограничивался и опредѣлялся нашъ умственный кругозоръ; въ нихъ мы почерпа-

ли свѣтъ и жизнь. И чѣмъ долѣе народъ находился подъ вліяніемъ такого церковнаго наставленія: тѣмъ благонадежнѣе долженствовало быть его развитіе для его высокаго назначенія.

Православіе не только не стѣсняло пользоваться этими средствами духовнаго развитія, но и содѣйствовало сему. Тогда какъ на западѣ Церковь не позволяла мірянину пользоваться словомъ Божіимъ, не давала ему читать книгу жизни на понятномъ для него языкѣ; и также не понятнымъ для него оставляла все богослуженіе, воспрещая совершать его на родномъ языкѣ: Церковь православная всѣмъ открывала возможность поучаться словесамъ Божіимъ, всѣхъ оглашала своими духовными пѣсногбніями и молитвами, на вразумительномъ языкѣ; своимъ молитвеннымъ благословеніемъ сопровождая челоуька на всѣхъ путѣхъ жизни, приходя къ нему на помощь, съ совѣтомъ, съ обличеніемъ, съ утѣшеніемъ, во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни, и всегда вводя его самаго въ разумъ предлагаемыхъ молитвословій, она легко проникала въ его душу, часто открывала предъ нимъ составъ христіанскихъ истинъ, и наставляла его правильно смотрѣть на свое настоящее и будущее. И тогда какъ наука западная запутывалась въ своихъ мудрованіяхъ: у насъ простому и немногосложному образу жизни народа и общества соответствовало простое слово о благочестіи, на все полезномъ, благоустроющемъ нашу временную жизнь и вѣчную.

Благопріятное отношеніе православія къ обществу не ограничивалось однимъ вліяніемъ на его образованіе.—Священноначаліе церковное, въ сознаніи своего духовнаго назначенія, всегда держало себя строго въ

отношеніи къ дѣламъ свѣтской власти. Оттого исторія нашего отечества свободна отъ тѣхъ кровавыхъ распрей, которыя вели первосвященники Рима съ государями западной Европы, по своимъ властолюбивымъ притязаніямъ. Въмѣсто этого, наши іерархи являются кроткими совѣтниками своихъ государей въ дѣлахъ общественныхъ, примирителями враждующихъ и печальниками за несчастныхъ. Не съ предписаніями законодателей, но съ представленіями благонамѣренности и опытности они входили въ совѣты князей и царей; во время междоусобія были первыми споспѣшниками мира; во время несчастнаго порабощенія земли Русской единственными ходатаями за нее предъ царями невѣрными. Ихъ содѣйствіемъ мало по-малу уничтожено пагубное многовластіе, возвышена власть единого, и земля Русская пришла въ силу. Имена первосвятителей русскихъ: Петра, Алексія, Іоны, Филиппа всегда будутъ сіять не только какъ имена мужей, угодившихъ Богу подвигами благочестія, но и какъ имена друзей и благодѣтелей отечества.

Но для того ли мы все это говоримъ, чтобы, оставиваясь на заслугахъ прежняго времени, не видѣть своихъ недостатковъ и не заботиться о ихъ исправленіи; не чувствовать новыхъ потребностей и не стараться о ихъ удовлетвореніи? Сохрани насъ Богъ отъ сего!—Въ новомъ времени духъ православія нерѣдко встрѣчаетъ себѣ новыхъ враговъ. Они не могутъ потрясти его основаній, утверждающихся на истинѣ Божіей: но могутъ потрясти, увлечь, совратить съ пути слабыхъ изъ насъ, не довольно знакомыхъ ни съ твердостью его доказательствъ, ни съ обширностью его стремленій, ни съ способностью его расширяться

соответственно новымъ, законнымъ требованіямъ жизни. Не коснѣніе на путяхъ прежней жизни, но всегда возражающееся обновленіе въ духъ вѣры и благочестія отцевъ нашихъ:—вотъ что составляетъ истинный характеръ православія. *Помяните дни древніе.* Чтò стало съ тѣми іудеями, которые, въ виду новыхъ опасностей, не заботясь о самоисправленіи, уповая только на внѣшнія учрежденія своей Церкви, повторяли одно: храмъ Господень! храмъ Господень! — храмъ преданъ врагамъ, а сами они увлечены въ плѣнъ.—Но въ храмъ этомъ лежалъ законъ, ими забытый, оставленный въ пренебреженіи, едва найденный первосвященникомъ. И этотъ законъ спасъ народъ въ порабощеніи: не далъ ему смѣшаться съ народами языческими, поддержалъ въ переселенцахъ стремленіе въ отечество, привелъ ихъ снова въ землю святую, и содѣйствовалъ здѣсь возстановленію всѣхъ учрежденій священныхъ; и явился у нихъ новый храмъ, котораго слава была паче славы перваго!—Такъ жизненно было и будетъ всегда истинное основаніе православія. Нужно только глубже входить въ духъ его; изучать его начала и его разнообразныя проявленія въ исторіи Церкви, въ исторіи нашего отечества; проникнуться его живительною силою; не умомъ только, но и сердцемъ отдаться ему, и быть ему вѣрнымъ до конца. Аминь.

П Р И Т Я З А Н І Я

«АПОЛОГЕТА» АВСТРІЙСКАГО СВЯЩЕНСТВА.

Въ недавнее время появилась въ спискахъ «апологія во извѣщеніе истины древле-православныя Россійскія Церкви». Это не что иное, какъ апологія такъ называемаго у нашихъ раскольниковъ австрійскаго священства.

Невходя здѣсь въ разборъ ни оправданія этого священства, ни обвиненій противъ церкви православной, мы намѣрены разсмотрѣть только ту часть апологіи, въ которой защитникъ австрійскаго священства старается обратить въ свою пользу распоряженія I-го вселенскаго собора о мелетіанахъ.

Къ удивленію авторъ апологіи показываетъ здѣсь знакомство не только съ новыми переводами съ греческаго, но и съ новыми изданіями твореній св. отцевъ на греческомъ языкѣ. Повидимому, это свидѣтельствуешь, что наши отдѣлившіеся братія начинаютъ выходить изъ неподвижности, отставать отъ повторенія однихъ прежнихъ доказательствъ, многократно разсмотрѣнныхъ и опровергнутыхъ. Дай Богъ, чтобы это знакомство съ исторіею Церкви съ ея учрежденіями и правилами довело ихъ наконецъ до признанія, что

напрасно они, по безотчетному пристрастію къ своимъ убѣжденіямъ, держатъ себя въ отдѣленіи отъ церкви истинно-православной.

Разсмотримъ ближе дѣло Мелетія.

А.

І. О Мелетіѣ ликопольскомъ дошли до насъ свѣдѣнія изъ различныхъ источниковъ. Первые и самыя древнѣйшія извѣстія о началѣ раскола Мелетіева находимъ въ памятникахъ, открытыхъ въ прошедшемъ столѣтіи ученымъ итальянцемъ Маффеемъ и изданныхъ въ 1738 г., а потомъ въ упоминаемомъ собраніи Рута: *Religiae Sacrae*, т. е. останки священные, Т. III. р. 381 и слѣд. Всѣ они дошли до насъ на латинскомъ языкѣ, но, очевидно, переведенные съ греческаго. Подлинность ихъ не подвергалась сомнѣнію, и важность ихъ для исторіи признана всеми учеными. Къ этимъ памятникамъ принадлежатъ а) *письмо къ Мелетію* четырехъ епископовъ египетскихъ: Исихія, Пахомія, Θεодора и Филея, писанное во время гоненія Діоклитіанова изъ темницы, прежде нежели Мелетій совершенно отдѣлился отъ церкви. Къ этому письму приложено б) *замѣчаніе* неизвѣстнаго собирателя этихъ памятниковъ. Здѣсь сказано, что вразумленіе, сдѣланное Мелетію четырьмя епископами, оказалось безуспѣшно. Затѣмъ слѣдуетъ в) *краткое письмо Петра*, епископа александрійскаго — къ своей церкви, въ предостереженіе отъ Мелетія. Изъ этихъ трехъ памятниковъ открываются слѣдующія обстоятельства: 1. Мелетій былъ епископомъ ликопольскимъ въ Оивандѣ. Воспользовавшись временемъ, когда многіе изъ епископовъ египетскихъ за вѣру были заклю-

чены въ темницу, онъ, вопреки церковнымъ правиламъ, позволилъ себѣ въ чужихъ епархіяхъ совершить нѣсколько рукоположеній. Въ этомъ, пишутъ епископы, отнюдь не настояло надобности; но еслибы и была нужда, Мелетій долженъ бы испросить на то согласіе у епископовъ, содержимыхъ въ узакъ, въ случаѣ же ихъ мученической кончины—у первенствующаго пастыря въ Египтѣ, епископа александрійскаго Петра.

2. Гдѣ былъ въ то время самъ архіепископъ Петръ, изъ разсматриваемыхъ памятниковъ не видно: только ясно, что небылъ онъ съ упомянутыми епископами въ узакъ, но и не находился въ Александріи. Съ этимъ согласно древнее сказаніе о мученичествѣ св. Петра^(а), гдѣ говорится, что онъ много времени провелъ въ Месопотаміи, Финикіи, Палестинѣ и на островахъ. Это подтверждается и словами Созомена, который говоритъ: «когда Петръ, въ послѣдствіи скончавшійся мученически, по случаю бывшаго въ то время гоненія, ушелъ изъ Александріи, — Мелетій присвоилъ себѣ непринадлежащее ему право рукоположеній» (1, 24.).

Обращаемъ вниманіе на это обстоятельство потому, что оно можетъ служить основаніемъ къ оцѣнкѣ достовѣрности другихъ сказаній о Мелетіи.

3. Какъ видно изъ «замѣчанія» неизвѣстнаго, Мелетій не обратилъ вниманія на внушеніе четырехъ епископовъ, и не хотѣлъ войти въ сношеніе ни съ ними, ни съ св. Петромъ александрійскимъ, но послѣ мученической кончины тѣхъ епископовъ пришелъ въ Александрію, соединился съ противниками Петра: Аріемъ и Исидо-

---

(а) Изд. Анжело Майемъ и признается по времени близкимъ къ жизни св. Петра. *Spicileg. Romanum. T. III.*

ромъ, отлучилъ поставленныхъ св. Петромъ надзирателей изъ пресвитеровъ и поставилъ двухъ своихъ. 4. Св. Петръ изъ своего убъжища предостерегалъ свою паству отъ всякаго общенія съ Мелетіемъ, общаясь разсудить о немъ съ разумными мужами.

Такимъ образомъ разсматриваемые памятники представляютъ намъ самое начало возникшаго раскола Мелетіева. Изъ нихъ видимъ мы, что вина Мелетіева заключалась въ противозаконномъ вторженіи въ чужія области и присвоеніи себѣ права посвящать въ нихъ. Это дѣлалъ онъ не по нуждамъ церкви, а по движенію властолюбія.

II. Другой источникъ свѣдѣній о Мелетіѣ представляютъ намъ писанія св. *Аѳанасія александрійскаго*, который имѣлъ непосредственныя сношенія съ мелетіанами и зналъ дѣло ихъ не только въ его началѣ, но и въ позднѣйшемъ его развитіи.

Въ апологіи противъ аріанъ ⁽⁶⁾ св. Аѳанасій пишетъ: «у насъ до гоненія (Діоклитіанова) епископомъ былъ Петръ, который во время гоненія скончался мученически. Онъ на общемъ соборѣ епископовъ низложилъ Мелетія, называвшагося епископомъ египетскимъ, обличеннаго въ разныхъ беззаконіяхъ и даже жертвоприношеніи идоламъ. Но Мелетій ни къ другому собору не прибѣгалъ, ни старался оправдаться предъ бывшими послѣ Петра епископами, произвелъ же расколъ, и держащіяся стороны его донынѣ, вмѣсто христіанъ, именуются мелетіанами. Вскорѣ сталъ злословить епископовъ, въ началѣ сего Петра, а послѣ него клеветалъ на Ахилла, и послѣ Ахилла на Александра (епископовъ александрійскихъ)».

---

(6) Творенія св. Аѳанасія въ русск. перев. Ч. I. стр. 267.

Въ посланіи къ епископамъ Египта и Ливіи онъ же говоритъ, что «мелетіане подали руку аріанамъ, ради первостоятельства и по безумной страсти сребролюбія» (в). И далѣе опредѣляетъ самое время, когда возникъ этотъ расколъ, именно за пятьдесятъ пять лѣтъ до этого посланія окружнаго, писаннаго 356—361 год.

Съ этими свѣдѣніями согласно и повѣствованіе Сократа (1, 6.), такъ, что, можно сказать, онъ руководствовался посланіями св. Аѳанасія.

Изъ этого источника узнаемъ мы, что 1) Мелетій былъ обвиненъ въ принесеніи жертвы идоламъ во время гоненія. Въ разсмотрѣнныхъ нами выше памятникахъ этого обвиненія мы не встрѣчали: тамъ только упоминалось, что св. Петръ намѣревался поступокъ Мелетія обсудить съ другими разумными мужами. Отъ св. Аѳанасія узнаемъ теперь, что соборъ состоялся и что на этомъ соборѣ Мелетій обличенъ въ идолопоклонническомъ жертвоприношеніи. — 2) Св. Аѳанасій не говоритъ прямо о іерархическихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ Мелетія; но можетъ быть, намекаетъ на нихъ словами: обличеннаго въ разныхъ беззаконіяхъ. Гораздо яснѣе высказывается это въ указаніи на стремленіе мелетіанъ къ первостоятельству и ихъ сребролюбіе. 3) Съ епископами александрійскими: Петромъ, Ахиллою и Александромъ Мелетій былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, злословилъ ихъ, клеветалъ на нихъ. 4) Св. Аѳанасій, самъ испытавъ множество огорченій отъ мелетіанъ, съ сожалѣніемъ отзывается о снисходительности вселенскаго собора, ихъ приняв-

---

(в) Твор. св. Аѳанасія въ русск. перев. Ч. I. стр. 432.

шаго. Въ апологіи противъ аріанъ онъ пишетъ: «когда принятъ былъ Мелетій (*лучше бы не быть ему!*), блаженной памяти Александръ, зная его коварство, вытребовалъ у него списокъ епископовъ, какіе, по словамъ его, были у него въ Египтъ, и пресвитеровъ» (г). И выше: «ересь (аріанская) на Никейскомъ соборѣ предана анаѳемъ, и аріане извергнуты; мелетіане же *какимъ-то образомъ* приняты, и теперь нѣтъ уже необходимости наименовывать тому причину» (д). Достойно примѣчанія еще одно мѣсто — въ письмѣ св. Аѳанасія къ Серапіону Тмуитскому, недавно найденномъ на сирскомъ, которое относится къ 340 или 341 г., слѣдовательно писано спустя 15 или 16 лѣтъ послѣ собора Никейскаго. «Мелетіане, пишетъ онъ, возвратившись изъ Сириі, хвалятся, что достигли того, что имъ вовсе не принадлежало, т. е. что и они причислены къ католической Церкви. Поэтому я посылаю тебѣ списокъ съ письма одного изъ сослужителей нашихъ въ Палестинѣ, чтобы ты, прочитавъ его, видѣлъ, какъ лгутъ эти лицемеры. Такъ какъ они хвастались, какъ выше сказалъ я, то нужно было написать къ сирскимъ епископамъ. И палестинскіе намъ отвѣчали, подтверждая изданное о нихъ сужденіе, какъ ты увидишь изъ списка». Къ сожалѣнію, этотъ списокъ не дошелъ до насъ.

III. Тогда какъ свѣдѣнія о Мелетіѣ, представляемыя древнѣйшими памятниками и писаніями св. Аѳанасія, примиряются между собою, взаимно себя дополняя, — совершенно особенный характеръ имѣетъ извѣстіе,

---

(г) Тамже, стр. 283.

(д) Тамже, стр. 268.

сообщаемое св. *Епифаніемъ Кипрскимъ* (e). Оно заимствовано, какъ видно, изъ разсказовъ какого-либо приверженца Мелетіева раскола. И не удивительно: св. Епифаній былъ родомъ изъ палестинскаго города Елевѳерополя, гдѣ Мелетіемъ основано было свое общество, какъ увидимъ ниже.

Св. Епифаній пишетъ: «есть въ Египтѣ партія мелетіанъ, которая получила свое имя отъ епископа ѳивайдскаго Мелетія. Онъ принадлежалъ къ Церкви католической и держался правой вѣры, ни въ чемъ неотступая отъ нея.... Онъ учинилъ расколъ, неизмѣняя однакожъ вѣры. Во время гоненія вмѣстѣ съ Петромъ епископомъ и мученикомъ и съ другими мучениками взятъ былъ и заключенъ въ темницу.... Мелетій считался старѣйшимъ въ сравненіи съ другими епископами, и вторымъ послѣ Петра по архіепископству, какъ бы помощникомъ его, но подъ его властію.... Во время гоненія нѣкоторые пали, принесли жертву и потомъ стали умолять исповѣдниковъ, чтобы приняли ихъ раскаяніе. Такіе катоціеся были изъ воиновъ и изъ клира: пресвитеры, діаконы и другіе. Изъ этого произошло не малое смущеніе, даже между исповѣдниками; одни говорили: не должно принимать покаянія падшихъ, чтобы скорымъ принятіемъ ихъ и другіе не увлеклись къ отреченію. И это имѣло свою справедливость. Защитниками такого мнѣнія были Мелетій, Пелей и многіе другіе изъ исповѣдниковъ и мучениковъ; они склонялись къ той мысли, чтобы допустить падшихъ къ покаянію уже по окончаніи гоненія, а клириковъ совсѣмъ не принимать болѣе въ клиръ, но по

(e) Hæres. 68, 1—4.

истеченіи извѣстнаго времени, дозволить имъ входить въ собранія церковныя и пріобщаться съ народомъ, а не въ клиръ... Но святѣйшій Петръ, по милосердію своему, умолялъ: будемъ принимать кающихся и назначать покаяніе, не будемъ отталкивать ихъ, даже клириковъ, чтобы они, стыда ради и отъ продолженія времени, совсѣмъ не погибли». Изъ разногласія между св. Петромъ и Мелетіемъ возникъ расколъ. Когда архієпископъ Петръ увидѣлъ, что его челолюбивое предложеніе не принимается приверженцами Мелетія, онъ повѣсилъ въ темницѣ свою мантию вмѣсто занавѣса и приказалъ діакону провозгласить: кто держится моего мнѣнія, тотъ ступай сюда; а кто согласенъ съ Мелетіемъ, иди къ нему. Большая часть пристала къ Мелетію, и только немногіе оказались съ Петромъ. Съ этой поры обѣ стороны стали по-разному совершать молитвы и священнодѣйствія. — Петръ скончался мученически, оставивъ по себѣ преемникомъ въ Александріи Александра. А Мелетій съ другими былъ осужденъ въ рудоконни Фанезскіе (въ Палестинѣ). Въ темницѣ и на пути вездѣ ставилъ онъ своихъ клириковъ, — т. е. епископовъ, пресвитеровъ и діаконівъ, и созидалъ особыя церкви. Преемники Петра называли свою церковь католическою, а Мелетіане свою — церковію мучениковъ. Такимъ образомъ Мелетій, будучи мимоходомъ въ Елеѡерополь, Газъ, Емін (Іерусалимъ), многихъ рукоположилъ. Много времени пробылъ онъ въ рудникахъ; но его приверженцы и послѣдователи Петра не соединялись въ молитвѣ. Наконецъ тѣ и другіе были освобождены, и Мелетій еще долго жилъ съ преемникомъ Петра, Александромъ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ,

и заботился о дѣлахъ церкви и вѣры. Онъ жилъ въ Александріи и имѣлъ тамъ свою церковь, и онъ первый довелъ до свѣдѣнія Александра объ ереси Арія.»

Очевидно, какъ разногласить это повѣствованіе съ тѣми свѣдѣніями, какія мы нашли въ древнихъ памятникахъ и у св. Аѳанасія. Но не трудно также видѣть, что достовѣрность историческая въ этихъ разногласіяхъ не на сторонѣ разказа св. Епифанія. 1) По свидѣтельству св. Епифанія, Петръ и Мелетій вмѣстѣ были въ темницѣ. Но изъ разсмотрѣнныхъ нами древнѣйшихъ памятниковъ видно, что предъ началомъ раскола Петръ совсѣмъ небылъ вмѣстѣ съ Мелетіемъ. 2) По разказу Епифанія, св. Петръ до чрезмѣрности снисходителенъ былъ къ падшимъ. Но извѣстныя въ церкви правила его о падшихъ показываютъ его въ иномъ свѣтѣ. Его снисходительность всегда соразмѣряется со степенями вины. Кто долгое время переносилъ жестокія мученія и наконецъ побѣжденъ немощію плоти, къ тому онъ болѣе снисходителенъ, нежели къ тому, кто не показалъ и кратковременнаго терпѣнія (пр. 1. 2. 3. 5.). Рабъ, принесшій жертву по приказанію господина и вмѣсто его, долженъ каяться годъ, а господинъ три года (пр. 6. 7.). Правило 10-е въ особенности воспрещаетъ принимать падшихъ клириковъ на прежніе степени, хотя бы по паденіи они показали новые подвиги терпѣнія въ страданіяхъ, и удостоиваетъ ихъ только пріобщенія съ мірянами.—И такъ св. Петръ предписываетъ именно то, чего требовалъ Мелетій, по свидѣтельству Епифанія, и что будто было причиною раздѣленія между св. Петромъ и Мелетіемъ.—3) Встрѣчаются и другія неточности въ

разсказъ св. Епифанія; напр. говорится, что св. Петръ тогдаже скончался мученически. А по свидѣтельству св. Аѳанасія, онъ возвратился изъ своего убожища, на соборъ лишилъ Мелетія общенія церковнаго, и послѣ того уже принялъ кончину мученическую.—Еще: по разсказу Епифаніеву, за Петромъ непосредственно слѣдовалъ Александръ; а въ дѣйствительности преемникомъ Петра былъ Ахилль, потому уже Александръ.— По разсказу Епифаніеву, Мелетій, хотя имѣлъ свою церковь въ Александріи, однакожь жилъ въ мирѣ съ преемникомъ Петра, Александромъ, и даже оказалъ ему услугу въ предостереженіи относительно Арія. Тогда какъ, по свидѣтельству св. Аѳанасія, который ближе зналъ дѣло, Мелетій не переставалъ злословить Петра, клеветать на всѣхъ его преемниковъ, и на послѣдняго, т. е. Александра, даже представилъ доносъ государю.

Итакъ, въ разсужденіи достовѣрности должно отдать преимущество свѣдѣніямъ о Мелетіѣ, какія находятся у св. Аѳанасія и въ древнѣйшихъ памятникахъ, предъ разсказомъ, очевидно пристрастнымъ, какой сообщается у св. Епифанія.

Встрѣчаются еще нѣкоторыя извѣстія о Мелетіѣ у позднѣйшихъ историковъ: Созомена и Θεодорита, но вообще краткія и по самому времени уступающія въ значеніи древнѣйшимъ. Существенное же согласно у нихъ съ свидѣтельствомъ св. Аѳанасія.

IV. Намъ остается теперь обратить вниманіе на то, что постановилъ о мелетіанахъ первый вселенскій соборъ. Расколъ Мелетіевъ столько былъ важенъ для спокойствія страны и церкви, что не могъ не возбудить заботливости государя и епископовъ. Распоря-

женія св. собора не включены въ изданныя имъ правила, но сохранились въ посланіи его къ церкви александрійской (ж). Приведемъ слова его полнѣе и въ болѣе точномъ переводѣ, нежели какъ то сдѣлано въ «аналогіи».

«Объявляемъ вамъ, возлюбленные братія, о постановленіяхъ собора относительно Мелетія и рукоположенныхъ имъ. Мелетію святой соборъ, движимый чело-вѣколюбіемъ (по строгому же суду онъ не заслуживалъ такого снисхожденія), присудилъ пребывать въ своемъ городѣ и не имѣть никакой власти: ни избирать, ни возлагать руки, и по этому новоду не являться ни въ какомъ селеніи или городѣ, но только сохранять имя чести. А поставленныхъ отъ него, утвержденныхъ таинственнѣйшимъ рукоположеніемъ, принять въ общеніе, съ тѣмъ, чтобы они пользовались честно и служили, но въ каждомъ приходѣ и церкви занимали непременно второе мѣсто послѣ рукоположенныхъ честнѣйшимъ сослужителемъ нашимъ Александромъ; при этомъ они не имѣютъ власти ни избирать, кого имъ угодно, ни предлагать имена, ни дѣлать что либо безъ воли епископовъ каѳолической и апостольской церкви, подвластныхъ Александру. Тѣмъ же, которые, по благодати Божіей и молитвамъ вашимъ, не состояли въ расколѣ, но безпорочно назидались въ каѳолической и апостольской церкви, — пользоваться властію, и избирать и предлагать имена достойныхъ клира, и все дѣлать по закону и установленію церковному. Если же кому изъ состоящихъ въ церкви случится умереть, то восходить въ права скончавшагося новопринимаемымъ, если только окажутся достойными, и народъ изберетъ ихъ, и епи-

---

(ж) Сократъ 1, 9. Θεοδωρὶτὴ 1, 9.

скопъ католической церкви въ Александріи будетъ на то согласенъ и утвердить. Такое снисхожденіе даруется всѣмъ прочимъ: но относительно Мелетія постановлено иначе, по причинѣ прежняго его безчинія, легкомыслія и дерзости права, чтобы чловѣку, который можетъ опять учинить тѣ же безпорядки, не дать на то полномочія».

Прибавимъ къ этому, что епископъ александрійскій Александръ, послѣ собора Никейскаго, истребовалъ у Мелетія списокъ всѣхъ епископовъ, поставленныхъ имъ въ Египтъ, и клириковъ собственно въ епархіи александрійской, чтобы на будущее время отнять у него возможность выдавать, кого онъ захочетъ, за получившихъ отъ него священный санъ. Такихъ епископовъ со включеніемъ самаго Мелетія нашлось 29. —

Изъ опредѣленія собора вселенскаго видно, что общество Мелетіево дѣлитъ онъ на два класса. Къ первому причисляетъ тѣхъ изъ поставленныхъ Мелетіемъ, которые состояли въ отдѣленіи отъ церкви: имъ предоставилъ соборъ не только имя епископа, но и право священнослуженія, но не далъ права участвовать въ избраніяхъ на степени церковныя, чтобы они не воспользовались имъ снова къ увеличенію своего общества; предоставилъ имъ второе мѣсто послѣ лицъ облеченныхъ іерархической властію, и не лишилъ надежды занять ихъ мѣста въ послѣдствіи. Ко второму относитъ тѣхъ, которые хотя поставлены Мелетіемъ, но не состояли въ расколѣ и постоянно пребывали въ мирѣ съ церковію. За ними соборъ утвердилъ всѣ тѣ права, какими они доселѣ пользовались наряду съ прочими. Самаго же Мелетія соборъ оставилъ только съ именемъ епископа, но

лишилъ его всѣхъ правъ, сопряженныхъ съ этимъ именемъ.

Остается неяснымъ, что значать въ опредѣленіи собора слова, относящіяся къ первому классу общества Мелетіева: *μυσικωτέρα χειροτονία βεβαιωθέντας* (тайнственнѣйшимъ рукоположеніемъ утвержденныхъ)? Разумѣть ли ихъ о прежнемъ рукоположеніи епископовъ отъ Мелетія, какъ переведено въ вышескъ приводимой апологетомъ? или признать, что принимаемые въ общеніе должны быть хиротонисаны отъ православныхъ епископовъ? или допустить, что здѣсь разумѣется только возложеніе руки на пріемлемыхъ въ общеніе церковное, какое требуется при принятіи и разрѣшеніи всякаго кающагося?—Первое толкованіе представляется несомвѣстнымъ съ теченіемъ рѣчи. Вотъ подлинныя слова опредѣленія: *τὸς δὲ ἀπ' αὐτῆ κατασταθέντας, μυσικωτέρα χειροτονία βεβαιωθέντας κοινωνήσῃαι ἐπὶ τέτοις...* Если словомъ *κατασταθέντας* уже опредѣлено іерархическое значеніе новопринимаемыхъ, то къ чему здѣсь слѣдующее за тѣмъ дополненіе *μυσικωτέρα χειροτονία βεβαιωθέντας*?—Второе толкованіе несообразно съ правилами церковными, которыя втораго рукоположенія на ту же степень не допускаютъ. Если самъ Мелетій не признавъ недостойнымъ сана епископскаго, а только оставленъ безъ управленія; то почему бы недѣйствительно было рукоположеніе поставленныхъ имъ? Если поставленные Мелетіемъ во все не признаются епископами, то къ чему всѣ распоряженія собора о рукоположеніи ихъ, когда въ нихъ не стоитъ надобности, о предоставленіи имъ втораго мѣста и т. под.? Не очевидно ли, что эти распоряженія вызваны необходимостію въ слѣдствіе снис-

ходительнаго признанія рукоположенныхъ Мелетіемъ въ ихъ степеняхъ?—Остается признать справедливымъ третье объясненіе, тѣмъ болѣе, что оно согласно съ распоряженіями того же вселенскаго собора относительно епископовъ и клириковъ секты «чистыхъ» или новаціанъ. Пр. 8. «О именовавшихъ нѣкогда самихъ себя чистыми, но присоединяющихся къ католической и апостольской Церкви, благоугодно святому и великому собору, да по возложеніи на нихъ рукъ (*χειροθετημένοις αὐτοῖς*), пребываютъ они въ клиръ».

Б.

Объяснивъ дѣло Мелетія и постановленія собора вселенскаго относительно его и епископовъ, имъ поставленныхъ, посмотримъ теперь, какъ пользуется ими апологія австрійскаго священства.

1. Апологія говоритъ: «Мелетій, епископъ Ликополя египетскаго, не соглашавшійся съ св. Петромъ александрійскимъ, о принятіи въ церковь падшихъ, отдѣлился отъ св. Петра, своего митрополита, и будучи низложенъ имъ, самъ одинъ поставлялъ епископовъ и пресвитеровъ».—Но а) изъ древнѣйшихъ памятниковъ, относящихся къ этому дѣлу, которые имѣлъ подъ рукою и сочинитель апологіи, мы видѣли, что Мелетій началъ дѣлать самовольныя поставленія въ чужихъ епархіяхъ, еще до суда надъ нимъ, произнесеннаго св. Петромъ. Письмо четырехъ епископовъ исповѣдниковъ прямо показываетъ, что въ то время, когда оно писано, суда надъ Мелетіемъ еще не было, а рукоположенія и смуты уже были. — Письмо св. Петра въ Александрію также только еще угрожаетъ

разсмотрѣнемъ дѣла Мелетіева съ разумными мужами. Наконецъ св. Аѳанасій неоднократно свидѣтельству-
етъ, что св. Петръ осудилъ не одного Мелетія, но
все общество его, т. е. и поставленныхъ имъ еще до
низложенія. б) Откуда апологія беретъ извѣстіе,
что Мелетій всѣхъ епископовъ ставилъ *одинъ*, — не-
извѣстно. Если бы зналъ то соборъ вселенскій, то
держась правилъ апостольскихъ, конечно, отрицалъ
бы такія незаконныя поставленія.

2. Апологія продолжаетъ: «что же разсудилъ о Ме-
летіѣ и поставленныхъ имъ епископахъ св. Никейскій,
первый вселенскій соборъ? Усмотрѣвъ, что вина Меле-
тіева въ догматахъ не погрѣшаетъ, принялъ и его и
поставленныхъ имъ епископовъ». Затѣмъ слѣдуетъ
выписка изъ посланія собора Никейскаго, выше нами
приведенная, въ болѣе полномъ видѣ. — Но а.) сочи-
нитель апологіи благоразумно, или точнѣе сказать:
неправдиво, умолчалъ, какъ принятъ Мелетій, а только
привелъ слова посланія о епископахъ имъ поставлен-
ныхъ. б.) Сочинитель апологіи, показывающій зна-
комство съ новыми изданіями греческихъ отцевъ, не
разсудилъ обратить вниманіе на давно извѣстные отзы-
вы св. Аѳанасія александрійскаго о свисходительности,
оказанной недостойному Мелетію и его сообщникамъ.
«Лучше бы сего не было», восклицаетъ св. Аѳанасій,
говоря о принятіи мелетіанъ. Не обратилъ вниманія
на то, что это принятіе произошло по какой-то осо-
бенной, неизвѣстной намъ, причинѣ, какъ пишетъ св.
Аѳанасій, который зналъ ее, но не призналъ за нуж-
ное раскрывать. И потому этотъ исключительный слу-
чай не можетъ обращаться въ правило для другихъ
подобныхъ дѣлъ в.) Сочинитель апологіи не обратилъ

также вниманія на то, что соборъ вселенскій сдѣланное имъ распоряженіе относительно мелетіанъ не включилъ въ число своихъ каноновъ для руководства въ послѣдующее время.

3. Въ переводъ посланія читается: «поставленные же имъ (Мелетіемъ) и утвержденные таинственнымъ рукоположеніемъ». Вставка частицы *и*, которой нѣтъ на греческомъ, даетъ всему мѣсту неправильное изъясненіе. Показывающій себя ученымъ авторъ апологіи не поставилъ себя въ трудъ повѣрить этотъ переводъ, благопріятствующій его цѣли, хотя и неточный.

4. Апологія говоритъ: «въ смиреніи своемъ... приложимъ сей случай къ именуемому австрійскому священству». Смиренія не видно въ приравненіи Амвросія къ Мелетію. а.) Сочинитель апологіи не соглашается допустить, что Мелетій былъ осужденъ за принесеніе жертвы идоламъ, но говоритъ, что онъ только строже разсуждалъ о принятіи надшихъ; слѣдовательно онъ признаетъ, что Мелетій никогда не отпадалъ отъ своей церкви. А Амвросій, вступивъ въ договоръ съ раскольниками бѣлокриницкими, согласился признать ихъ общество единственно православнымъ, и самъ написалъ въ прошеніи на имя австрійскаго императора 11 іюля 1846 г., что «совершенно увѣрился, что всѣ догматы и уставы греческой Церкви только у реченныхъ старовѣрцевъ въ своей первой чистотѣ и точности содержатся», и на этомъ основаніи «рѣшился принять избраніе реченнаго старовѣрческаго общества въ верховнаго пастыря». Слѣдовательно Амвросій этимъ осудилъ всю греческую церковь, яко не содержащую догматы и уставы въ первой чистотѣ. И потому, когда

рукополагалъ епископовъ раскольникамъ, самъ былъ уже раскольникомъ, отпадшимъ отъ православія греческаго.—Притомъ Амвросій уже лишень былъ управленія епархіею; новая кафедра, которую вздумалъ онъ открыть въ Бьлокриницкомъ монастырѣ, не іерархическою властію учреждена, и онъ безъ воли своего архинастыря, присвоилъ себѣ управленіе ею. Потому за одно дерзостное самочиніе справедливо подвергся осужденію отъ патріарха и угрозъ изверженія изъ сана вмѣстѣ съ поставленными отъ него незаконно.

5. Апологія говоритъ: «Мелетія Петръ александрійскій предостерегаетъ увѣщательнымъ посланіемъ». Не Петръ, но четыре епископа, какъ мы видѣли выше.

6. Изложивъ распоряженія Никейскаго собора о мелетіанахъ, сочинитель апологіи съ удивленіемъ восклицаетъ: «и сіе о еретикахъ». Не понятно, какъ авторъ такъ скоро забылъ свои собственные слова: «усмотрѣвъ, что вина Мелетія въ догматахъ не погрѣшаетъ, (соборъ Никейскій) принялъ и его и поставленныхъ имъ епископовъ». Для усиленія контраста авторъ не пожалѣлъ и себя, позволивъ себѣ противорѣчить собственнымъ своимъ словамъ, только бы уколнуть защитника православія.

7. До сихъ поръ апологетъ австрійскаго священства, прикрываясь смиреніемъ, домогался, повидимому, того только, чтобы сравнять ставленниковъ Амвросія съ поставленными Мелетіемъ. Но за тѣмъ, снимая съ себя личину смиренія, онъ начинаетъ говорить, что не православные должны принять въ общеніе поставленныхъ Амвросіемъ, а поставленные Амвросіемъ, какъ предстоятелемъ древле-православной церкви, должны принять всероссійскихъ архіереевъ. Это всего лучше

выясняетъ намъ, къ чему стремятся виды приверженцевъ незаконно поставленнаго священства. — Но въ такомъ случаѣ, какъ же они могутъ примѣнять къ себѣ распоряженія 1-го вселенскаго собора? Отношенія измѣняются. На соборѣ Никейскомъ мелетіане-раскольники допущены въ общеніе православными. А здѣсь приравнивающая себя къ мелетіанамъ партія хочетъ себѣ присвоить право стороны православной. Однимъ этимъ требованіемъ она разрушаетъ все, чего хотѣла достигнуть лукавымъ смиреніемъ.

Намъ же приходятъ здѣсь на память слова св. Кирилла александрійскаго о мелетіаныхъ, которые и спустя сто лѣтъ послѣ Никейскаго собора все еще оставались непримиренными съ церковію. «Православнымъ, — писалъ святой Кириллъ къ Калосирію, — не позволяй имѣть общія церковныя собранія съ такъ называемыми мелетіанами, чтобы не сдѣлались общниками ихъ отступленія. Но если мелетіане будутъ приходить къ православнымъ съ раскаяніемъ, да будутъ приняты. Только, никто не считай это дѣло безразличнымъ, и не входи въ общеніе съ непринносящими раскаянія, чтобы, какъ сказалъ я, не содѣлаться общникомъ ихъ зловѣрія» (3).

---

(3) Opera S. Cyrilli Alex. T. IX. Patrologiæ Græcæ T. LXXVI
p. 1077.

О ЕВАНГЕЛІЯХЪ И ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ.

По поводу книги Е. РЕНАНА „Жизнь Іисуса“ (E. RENAN—
VIE DE JESUS. PARIS 1863.)

1.

Общая характеристика книги Ренана въ ея отношеніи къ другимъ изслѣдованіямъ отрицательныхъ направленій библейской и евангельской критики; нужда въ разборѣ этихъ изслѣдованій. Общій очеркъ исторіи этихъ отрицательныхъ направленій въ послѣднее время въ протестанствѣ. Происхожденіе ихъ: вліяніе философскихъ школъ на богословіе вообще и на изслѣдованія о евангельской исторіи: Гегель и Шлейермахеръ. 1) Гегель и его школа; сущность его философіи и распаденіе школы; крайняя отрицательная сторона его школы въ изслѣдованіяхъ о евангельской исторіи: Штрауссъ и его послѣдователи,—крайность; Бауръ и новотюбингенская школа. 2) Шлейермахеръ и его вліяніе; его философско-религіозныя воззрѣнія и ихъ неопредѣлительность; отраженіе ихъ на изслѣдованіяхъ въ евангельской исторіи: Неандеръ и Евальдъ. 3) Противодѣйствіе этимъ философскимъ воззрѣніямъ въ такъ называемой церковной школѣ: Генгстенбергъ и значеніе этой школы. 4) Послѣднія направленія философскихъ школъ: философія спекулятивнаго теизма и матеріалистическая—Фейербаха. Ренанъ и его отношеніе къ сей послѣдней; его понятія о Богѣ, религіи и Христѣ. Общее заключеніе объ отношеніи отрицательныхъ направленій библейской критики къ евангельской исторіи.

Эта книга, въ непродолжительное время надѣлавшая столько шума и произведшая столько соблазна въ Европѣ, особенно во Франціи, въ сущности есть не что иное, какъ легкое популярное (общедоступное)

изложение результатовъ тѣхъ изслѣдованій, которыя сдѣланы въ области евангельской исторіи такъ называемыми отрицательными направленіями библейской исторической критики, особенно въ протестантской Германіи, и преимущественно въ продолженіе послѣднихъ 40 лѣтъ, — изложение, написанное бойкимъ и изящнымъ языкомъ. Оттого — а) огромный успѣхъ этой книги въ публикѣ, сравнительно съ учеными книгами нѣмцевъ тогоже направленія. Какъ извѣстно, публика, особенно нѣкоторые слои ея, не очень любитъ строго ученыя, научныя изслѣдованія, требующія при всякомъ направленіи серьезной, иногда напряженной, мысли и труда, а склонна болѣе къ легкимъ популярнымъ сочиненіямъ, которыя бы не очень утруждали мысль и не обременяли ея работой. Неудивительно поэтому, что книга Ренана разошлась въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, тогда какъ сочиненія, которыя онъ популяризовалъ, далеко не имѣли такого успѣха, исключая развѣ можетъ быть книгъ Штраусса, которыя въ свое время надѣлали еще болѣе шума и произвели еще больше соблазна, хотя менѣе раскупались. Надобно впрочемъ присовокупить, что въ книгѣ Ренана есть одно внѣшнее качество, которымъ она, въ соединеніи съ изяществомъ языка и изображенія, преимуществуетъ предъ тяжелыми кабинетными книгами нѣмцевъ; это наглядное знакомство автора, съ мѣстами дѣйствія изображаемыхъ событій; описанія этихъ мѣстъ весьма много оживляютъ книгу и заинтересовываютъ читателя, хотя въ нихъ много преувеличеній и риторики. Оттого — б) въ книгѣ Ренана нѣтъ ничего ни новаго, ни самостоятельнаго сравнительно съ тѣми изслѣдованіями, которыя въ ней популяризуются. Все,

что въ ней есть, высказано уже въ другихъ изслѣдованіяхъ и—гораздо полнѣе и подробнѣе, чѣмъ въ ней. Съ обычной легкостью француза авторъ взялъ только результаты тѣхъ изслѣдованій, и высказалъ ихъ живо, легко и изящно. Новаго и самостоятельнаго у него столько же, сколько и у всякаго популяризатора, т. е. онъ не слѣдуетъ рабски буквѣ сочиненій, которыми пользуется, свободно воспроизводитъ ихъ сущность въ своеобразномъ представленіи и изображеніи, съ нѣкоторыми своеобразными оттѣнками и—только; да еще самостоятельны описанія мѣстностей, гдѣ происходили изображаемыя событія. Оттого—в) въ ней нѣтъ даже той вѣншней кажущейся формальной основательности (хотя много цитатъ и примѣчаній подъ строкой), какая есть въ тѣхъ изслѣдованіяхъ. Какъ популяризаторъ, авторъ отбросилъ почти весь тяжелыя принадлежности нѣмецкой учености, оставивъ только развѣ самыя необходимыя, и то, кажется, болѣе для красоты книги, чѣмъ по сознанію ихъ значенія. Оттого—г) научнымъ образомъ нельзя имѣть дѣла собственно съ этой книгой; въ ней самой нѣтъ ничего научнаго, и потому она ниже всякой научной критики (а). Въ отношеніи къ ней вопросъ можетъ быть только тотъ, на сколько вѣрно изложены въ ней чужія изслѣдованія; но этотъ вопросъ конечно не стоить рѣшать; довольно и того,

---

(а) Какъ это можно видѣть напр. изъ критики на эту книгу Аббата Гетэ, помѣщаемой въ L'Union chrétienne за прошлый и нынѣшній годъ. Авторъ подробно разбираетъ каждое положеніе и доказательства книги Ренановой и обличаетъ ихъ неосновательность и несправедливость. Переводъ его статей начатъ въ Духъ Христіанина съ ноября прошлаго года.

что они изложены, и притомъ на изящномъ языкѣ Франціи, и—увлекають нетвердыхъ и неопытныхъ.

Вотъ почему находимъ мы болѣе полезнымъ, особенно для русской публики, писать по поводу книги Ренана, а не о самой книгѣ, имѣть дѣло главнымъ образомъ съ тѣми изслѣдованіями, которыя въ ней популяризованы. Нельзя скрывать того факта, что идеи, теоріи и воззрѣнія, въ нихъ раскрываемыя, смутно бродятъ и въ нашемъ обществѣ, особенно въ нѣкоторыхъ слояхъ его, и — книга Ренана, кажется намъ, потому наша себѣ въ немъ нѣкоторое сочувствіе, что въ ней оно увидѣло выраженіе и притомъ завлекательное этихъ смутно бродящихъ въ его сознаніи идей, теорій и воззрѣній,—выраженіе, соответствующее времени. Разобрать и рассмотреть по этому нужно ихъ: въ нихъ корень зла; а популярное изложеніе ихъ, какъ бы хорошо ни было сдѣлано, если они окажутся несостоятельными, потеряетъ свою силу и обаятельность само собою; главное—нужно разбирать ихъ, и разбирать прямо, открыто. Здѣсь не помогутъ—ни голословная брань, ни остроумная насмѣшка, ни грозное проклятіе, ни хитрая уклончивость, — здѣсь нужно серьезное изученіе и научный разборъ, тщательный, осмотрительный, логическій; только въ этомъ случаѣ эти воззрѣнія и изслѣдованія, равно какъ и популярныя изложенія ихъ, могутъ терять свою силу и обаяніе. Легко относиться къ этимъ отрицательнымъ направленіямъ нельзя уже потому одному, что они тяжело даютъ себя чувствовать въ жизни, внося въ нее разладъ, раздвоеніе. Притомъ же они, какъ показала исторія, составляютъ неизбѣжное историческое явленіе въ развитіи школьной философіи въ ея

соприкосновеніи съ богословіемъ, явленіе, въ развитіи котораго участвуютъ люди и ученые и умные, а такія явленія преобладаютъ не легкимъ отношеніемъ къ нимъ. Напрасно опасеніе, что знакомствомъ съ этими отрицательными направленіями можно повредить, можно увлечься и увлечь: гораздо больше увлекаетъ таинственность, въ которую они облечены, недоступность сферы, въ которой они вращаются, поползновеніе къ нимъ, какъ къ вещамъ запрещеннымъ, боязливое упоминаніе о нихъ мимоходомъ и т. под.; и напротивъ гораздо безопаснѣе прямое отношеніе къ нимъ, внимательное разсмотрѣніе ихъ съ исторической и теоретической стороны. Едва ли ошибемся, если скажемъ, что нѣкоторое сочувствіе къ нимъ и нашей публики основывается на неполномъ, одностороннемъ, и отрывочномъ знакомствѣ съ ними и недостаткѣ изученія ихъ въ историческомъ и теоретическомъ ихъ развитіи. Все плѣнительное, кромѣ истины, болѣе плѣнительно издали, на извѣстномъ разстояніи, при извѣстномъ освѣщеніи, при неполномъ отрывочномъ знакомствѣ съ нимъ; а—подойти къ нему поближе, всмотрѣться попристальнѣе, вникнуть въ него, такъ сказать, въ домашнемъ быту, и красота его, какъ мнимая, теряетъ свою обаятельность, и—становится человекъ въ должное отношеніе къ нему, безъ увлеченія. Тоже самое и съ этими идеями, теоріями и воззрѣніями; если уже нельзя не знать ихъ, то прямое отношеніе къ нимъ — лучшее средство противъ увлеченія ими и какими бы-то нибыло популярными ихъ изложеніями. Правда, это трудно, нужна работа и борьба; но что истинно полезное и правое совершается безъ работы и борьбы?... До тѣхъ же поръ

пока у насъ не будутъ прямо и серьезно разбираемы и обсуживаемы эти самыя идеи, теоріи и воззрѣнія въ ихъ сущности и историческомъ развитіи, всякая книга, подобная Ренановой, всякое популярное изложеніе ихъ неизбежно будетъ волновать общество нетвердыхъ и неискусныхъ, болѣе, чѣмъ при отчетливомъ знакомствѣ съ ними, особенно если подобныя книги будутъ прикрываться красивой наружностью, которая такъ часто соблазняетъ и увлекаетъ многихъ даже изъ проникательныхъ. До тѣхъ поръ будутъ волновать общество даже статьи, относящіяся къ богословію и библіи, каковаго нибудь Энциклопедическаго Словаря, составляемаго русскими учеными и литераторами, гдѣ личный произволь и уродливыя произведенія фантазій выдаются смѣло за последнее (будто бы) слово науки. До тѣхъ поръ всякій, кому не случайно или случайно попалась *такого рода книга*, или кто наслышался о подобныхъ книгахъ и узналъ о нихъ и изъ нихъ кое-что, также можетъ легко волновать и увлекать.—Нужно, говоримъ, прямое отношеніе къ этимъ идеямъ, теоріямъ и изслѣдованіямъ, нужно ихъ разбирать въ ихъ сущности и историческомъ развитіи, по мѣрѣ силъ и возможности, а не популярныя только изложенія ихъ, подобныя Ренановой книгѣ. Мы и возьмемъ книгу Ренана только какъ *исходный пунктъ* для отправки въ область этихъ изслѣдованій, результаты которыхъ въ ней изложены.

Да не оскорбится религіозно-нравственное чувство читателей, когда, въ изложеніи этихъ изслѣдованій, а равно и основаній ихъ—Философскихъ воззрѣній школь, встрѣтится могущее оскорбить религіозно-нравственное чувство. Что же дѣлать? Умалчивать

о нихъ нельзя, когда самыя популяризаціи ихъ обнаруживаютъ и, придавая имъ еще болѣе внѣшней плѣнительности, увлекаютъ . . .

Исторія, при достовѣрныхъ документахъ, великая учительница людей. Частный, отдѣльный фактъ часто можно толковать такъ и иначе, по личному воззрѣнію и усмотрѣнію, но цѣлый, болѣе или менѣе продолжительный, періодъ даетъ осязательно понятъ смыслъ фактовъ человѣку, безпристрастно, безъ предвзятой мысли разбирающему ихъ. Ложь, положенная въ основу цѣлаго ряда событій, въ этихъ же самыхъ событіяхъ со временемъ даетъ себя понятъ какъ ложь, какъ бы хитро и блестяще ни была она закрыта, а равно и истина, хотя забитая, непризнанная въ началѣ, по окончаніи круга развитія извѣстныхъ идей, ясно обнаруживается какъ истина, сначала для болѣе проницательныхъ, а потомъ и для всѣхъ любящихъ истину. Нужно ли указывать на примѣры? Трудно иногда бываетъ понятъ смыслъ фактовъ, разграничить, чтò развивается въ основѣ ихъ — истина или ложь, и разобрать, на сколько истины, на сколько лжи, человѣку, стоящему среди самаго процесса развитія и борьбы извѣстныхъ началъ и смѣны фактовъ; здѣсь возможно страстное отношеніе къ дѣлу, увлеченіе до ослѣпленія, можно растеряться въ разнообразіи и множествѣ фактовъ и не понятъ ихъ истиннаго смысла, и здѣсь нужна большая осторожность въ опредѣленіяхъ и рѣшеніяхъ. Но время болѣе и болѣе раскрываетъ смыслъ событій и дѣлаетъ для внимательнаго наблюдателя яснымъ, — чѣмъ мотивируется

известный рядъ фактовъ, что въ нихъ раскрывается и какой будетъ исходъ—результатъ эпохи, особенно для наблюдателя, стоящаго въ сторону, не участвующаго даже исторически въ известномъ процессѣ. Частныя мнѣнія могутъ расходиться и въ этомъ, равно какъ и въ пониманіи частныхъ мелкихъ фактовъ, но общій судъ, общее сознаніе объ общемъ смыслѣ фактовъ почти непогрѣшимы здѣсь; судъ исторіи (не какъ частное мнѣніе историка, но какъ общее мнѣніе) вѣренъ почти безъ ошибокъ. Нужны ли и для этого примѣры? Вотъ почему не только полезно, но даже необходимо посмотреть хотя только на близкое прошлое тѣхъ идей, теорій и воззрѣній, съ которыми считаемъ нужнымъ имѣть дѣло по поводу книги Ренана, сдѣлать хотя *общій очеркъ* исторіи ихъ происхожденія и развитія; это прошлое ихъ освѣтитъ для насъ истиннымъ свѣтомъ ихъ значеніе, и поставитъ насъ въ истинное отношеніе къ нимъ, укажетъ и книгѣ Ренана свое мѣсто въ области подобныхъ сочиненій. Здѣсь же познакомимся мы хотя пѣсколько и съ тѣми сочиненіями, которыя популяризуются въ этой книгѣ, съ ихъ происхожденіемъ, духомъ, пріемами и научнымъ значеніемъ. Чтобы не заходить далеко, мы ограничимся нашимъ вѣкомъ, особенно послѣдними 40 годами (и этого будетъ довольно для цѣли), и при этомъ будемъ указывать только на смыслъ этихъ явленій въ области философской и богословской мысли, не вдаваясь въ разсмотрѣніе ихъ фактической обстановки, а равно и частныхъ видоизмѣненій и развѣтвленій этихъ общихъ воззрѣній, что завлекло бы очень далеко.

Что прежде всего представляется при взглядѣ на

состояніе протестантской богословской мысли въ это время? Тоже, что и во всей исторіи протестантизма: быстрая и частая смѣна *школъ* и *направленій* мысли, при относительной твердости и постоянствѣ того направленія ея, которое ближе стоитъ къ истинному древлецерковному ученію. Дѣло — неизбежное по самымъ основамъ протестантизма и простое въ своемъ процессѣ. Оторвавъ религіозное сознаніе человѣка отъ общенія и единенія съ вселенски-церковнымъ сознаніемъ, протестантизмъ сдѣлалъ его только личнымъ дѣломъ самаго человѣка, все въ дѣлѣ религіи подчинилъ только личному суду и свободѣ личнаго разума, въ сущности ничѣмъ не стѣсняемаго, не признающаго надъ собой никакого высшаго авторитета (ибо и разумнѣе слова Божія подчинено въ немъ личному суду). Чтоже изъ этого неизбежно должно было выйти? Личная свобода, личное усмотрѣніе и личный произволъ въ рѣшеніи вопросовъ религіозныхъ, и — необходимое слѣдствіе сего — подчиненіе вліянію отъиуду привзошедшихъ въ развитіе религіозной мысли началъ естественнаго (не основывающагося на откровеніи) человѣческаго вѣдѣнія, а отсюда — отдѣленіе школы отъ церкви и борьба между ними. Такъ какъ начала естественнаго человѣческаго вѣдѣнія по самой природѣ своей ограничены, даже слишкомъ, и шатки; то необходимо ихъ разнообразіе и, при этомъ разнообразіи, смѣна болѣе или менѣе быстрая, смотря по большей или меньшей силѣ этихъ началъ, — смѣна *школъ* и *направленій*. Эти школы и направленія мысли, стоящей подъ вліяніемъ чуждыхъ началъ, неизбежно должны болѣе или менѣе враждебно относиться къ направленію мысли, стоящей въ единеніи съ вселенски-

церковнымъ ученіемъ, и, не смотря на свою часто противоположность, подавать другъ другу руку въ дѣль враждебнаго дѣйствованія противъ церкви. Завязывается полемика, и между самыми разными началами и между ними всѣми и церковію; въ этой полемикѣ и совершается процессъ развитія и смѣны этихъ началъ, процессъ, въ которомъ раскрывается несостоятельность ихъ, какъ частныхъ, человѣческихъ, погрѣшительныхъ, и торжество вселенски-церковнаго начала, какъ общечеловѣческаго непогрѣшнаго и божественнаго. Дѣло простое и понятное. — Плодотворно ли оно, — это другой вопросъ, который каждый можетъ рѣшать какъ ему угодно; мы беремъ фактъ, а фактъ таковъ, какъ мы сейчасъ сказали; выводъ же изъ факта таковъ, что не слѣдуетъ этимъ быстро смѣняющимся школамъ и направленіямъ мысли придавать абсолютную важность и довѣряться имъ безусловно; пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и они погребены будутъ въ архивахъ, какъ погребено уже множество другихъ — прежнихъ. На сколько въ нихъ вмѣстѣ съ ложью раскрывается истиннаго, на столько останется отъ нихъ для дальнѣйшаго потомства, и войдетъ рано или поздно въ сознаніе людей, а ложь ихъ со временемъ подниметъ развѣ одинъ труженикъ науки для характеристики того или другаго времени, того или другаго общества. Сколько уже ихъ смѣнилось при различныхъ смутахъ и тревоженіяхъ мысли, и — только вѣчная откровенная истина въ церкви остается незыблемою, а они какъ волны морскія приходятъ и уходятъ. — Самыми вліятельными на развитіе протестантской богословской мысли оказывались всегда начала философскія (мистическія менѣе вліятельны), и — сколько уже школъ и на-

правленій смѣнялось, начиная съ Декарта?.. Мы прослѣдимъ вліяніе на богословскую мысль въ протестантизмъ только послѣднихъ философскихъ школъ, воззрѣнія которыхъ легли въ основу новыхъ отрицательныхъ направленій протестантской мысли въ отношеніи къ библіи вообще и въ частности въ евангельской исторіи, которыя породили и книгу Ренана.

Новое направленіе мысли около двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка дано было, какъ извѣстно, философіею *Гегеля* (+1831), довольно долго имѣвшею большое вліяніе на богословскія науки школы. Рядомъ съ нимъ, на одной кафедрѣ въ берлинскомъ университетѣ училъ человекъ, котораго направленіе было почти противоположно Гегелеву и наряду съ нимъ развивалось; это—*Шлейермахеръ* (+1834). Ими начинается новый періодъ развитія философско-богословской мысли протестантизма, доколѣ не смѣнили ихъ подготовленные ими же направленія спекулятивнаго теизма и материализма. Постоянною противницею школъ ихъ, развивавшею въ области богословской мысли протестантской церковное воззрѣніе, была такъ называемая, церковная школа, во главѣ которой стоялъ *Генгстенбергъ* (+1861). Объ нихъ главнымъ образомъ и должна быть рѣчь при характеристикѣ направленій протестантской богословской мысли въ продолженіе послѣднихъ 40 лѣтъ.

Въ началѣ настоящаго вѣка мыслящимъ людямъ протестантизма становилось тяжело дышать въ сферѣ богословской мысли: легкомысленное, часто безсовѣстное и вообще пошлое и оскорбительное толкованіе библіи деистами, натуралистами и энциклопедистами,

частію развившимися изъ протестантизма, подъ вліяніемъ прежнихъ философскихъ воззрѣній, частію примѣнувшими къ нему, какъ убѣжищу свободы въ дѣлѣ религіозной и богословской мысли, — возбудило почти всеобщее отвращеніе отъ себя. Въ сухомъ, педантическомъ толкованіи библіи, такъ называвшимися, рационалистами почти совсѣмъ не было здоровой пищи. Мистическія направленія измельчали. Церковнымъ, супранатуральнымъ воззрѣніемъ, какъ оно развивалось тогда въ сочиненіяхъ представителей протестантскаго церковнаго ученія, также не были довольны; оно не было довольно строго само въ себѣ и не строго было проводимо, вдалось въ схоластику и въ педантизмъ. Религіозное чувство охладѣвало, уровень религіознаго образованія былъ не высокъ; дѣло доходило почти до апатіи. Великія политическія событія первыхъ 15-ти годовъ произвели и въ дѣлѣ религіозности и въ дѣлѣ религіознаго образованія, особенно въ Германіи, замѣтную перемѣну. «Войнами за освобожденіе, говоритъ Гизелеръ, интересы религіозный и церковный были возбуждены; живо чувствовалось, какъ упадокъ религіознаго и патріотическаго чувства сталъ причиною униженія Германіи и ея угнетенія чуждымъ народомъ; въ великихъ событіяхъ, которыми низвергнутъ былъ властелинъ міра (Наполеонъ) и освобождено отечество, видѣли почти непосредственное дѣйствіе Божіе въ судьбахъ міра; религіозное чувство было сильно возбуждено, и выразилось вообще съ великой живостью въ чувствахъ покаянія и благодарности, и въ восторженныхъ благожеланіяхъ добраго будущаго;... вообще чувствовалось, что прежнее равнодушіе къ религіи было великимъ несчастіемъ для народа, и что ему

долженъ быть положенъ конецъ» (6). Но выходы изъ этого возбужденія религіознаго чувства и сознанія были различны: а) многіе сердцемъ обратились къ вѣрѣ предковъ, къ ея спокойствію и искренности; въ ней хотѣли искать того спокойствія и порядка, которые были такъ нарушены въ новомъ протестантскомъ мірѣ; для такихъ людей средніе вѣка получали особую прелесть, какъ время идеальное, какъ время простоты и силы вѣры и благочестія; къ нему стремились они душой, его хотѣли возстановить, на реформацію они стали смотреть, какъ на причину зла, и—римская церковь, твердо стоявшая среди всѣхъ этихъ религіозно-научныхъ смуть и тревоженій протестантизма, казалась имъ столпомъ истины и тихимъ пристанищемъ. Много и другихъ постороннихъ причинъ содѣйствовали утвержденію такого взгляда на римскую церковь, и—вотъ замѣчательное явленіе въ протестантскомъ мірѣ. Протестанты ученые и неученые, богословы и не-богословы, профессоры и не-профессоры въ довольно значительномъ количествѣ переходили въ римско-католическую церковь; тамъ они думали найти себѣ успокоеніе, въ ея твердыхъ непоколебимыхъ воззрѣніяхъ на христіанство и библію. б) Еще болѣе, чѣмъ въ склонности къ католицизму, это возбужденіе религіознаго сознанія и чувства выразилось въ стремленіи къ ложному мистицизму. Возникли новыя и усилились нѣкоторыя изъ прежнихъ мистическихъ сектъ (в)

(6) Gieseler's Kirchengeschichte d. neuest. Zeit, herausg. Redepenning. Bonn. 1855. S. 179—180.

(в) Напр. првингіане, михельяне, прегнцеріане, Свободные каменщики, анабаптисты, шведенборгіане (Gieseler's—ibid. 189 и дал.)

съ различными цѣлями и стремленіями, съ тайными ученіями, въ которыхъ мечтательность иногда доходила до странныхъ размѣровъ. в) Большинство тѣхъ примкнуло къ такъ называвшемуся церковному ученію и воззрѣнію, и — такъ или иначе занималось разработкою и подробнымъ развитіемъ его. Но г) люди, сильные разсудочной мыслью, стоявшіе подъ вліяніемъ прежнихъ философскихъ воззрѣній, воспитанные на философіи, не удовлетворялись ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, и — шли своей дорогой; они-то имѣли огромное вліяніе на школьное богословіе послѣдующаго времени и на школьное пониманіе библіи. — Мы уже сказали, что во главѣ этихъ людей стояли Гегель и Шлейермахеръ.

Гегель и Шлейермахеръ — два главные двигателя философской и богословской мысли школы въ протестантизмъ, какъ ни различны были ихъ начала, изъ которыхъ вышли, и основанія, на которыхъ опирались ихъ воззрѣнія, имѣютъ то общее между собою, что оба признаютъ истину въ обоихъ противоположныхъ воззрѣніяхъ — рационалистическомъ философскомъ и церковномъ-супранатуральномъ, но истину, по ихъ мнѣнію односторонне взятую и развитую въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно какъ односторонность, какъ крайность, а потому оба они старались установить новую высшую точку зрѣнія, въ которой бы односторонность и противоположность тѣхъ воззрѣній исчезали. Задача — такого рода, что правильнаго рѣшенія ея ждать было невозможно, потому что такія взаимно исключаютія себя противоположности, какъ тогдашній философскій рационализмъ и церковный супранатурализмъ, соединить совсѣмъ невозможно. Въ рѣз-

кихъ крайностяхъ, противорѣчій и полемикъ должна была разрешаться эта задача, и—дѣйствительно страшныя крайности явились здѣсь и до страшныхъ отрицаній, какъ увидимъ, довела она, особенно въ исторической критикѣ библіи вообще и въ частности Евангелій, пока крайность, какъ ложь, не дошла до нелѣпости и тѣмъ не обличила несостоятельности началъ самыхъ системъ, ее произведшихъ.

1) Гегель съ тѣхъ поръ, какъ бывъ свидѣтелемъ дикихъ и вообще пошлыхъ нападковъ на религію, христіанство и библію, стороны деистовъ, натуралистовъ и энциклопедистовъ, пошелъ болѣе самостоятельнымъ и новымъ путемъ въ философіи, первоначально, кажется, не думалъ, что станетъ въ совершенное противорѣчіе съ христіанствомъ. Въ отношеніи къ библіи онъ скорѣе хотѣлъ образовать оппозицію помянутымъ пошлымъ воззрѣніямъ на нее, къ которымъ онъ чувствовалъ сильное отвращеніе, и прояснить супранатуральное воззрѣніе путемъ философски-раціональнымъ. Онъ не доволенъ былъ, и не могъ быть доволенъ тѣмъ супранатурализмомъ, котораго держалась протестантская церковная школа, и искалъ философски понять и прояснить библію и христіанство, какъ откровенную религію, не думая, можетъ быть, первоначально, что истинное христіанство и библія не узнаютъ себя въ его системъ и особенно въ крайней сторонѣ его школы. Существенное содержаніе религіи вообще и въ частности христіанства, какъ высшей формы религіи, истинной, и философіи, по его понятію, одно и тоже; различіе между ними только въ способъ пониманія его, такъ какъ одно и тоже содержаніе, одна и таже вѣчная истина въ христіанствѣ, какъ религіи, пони-

мается въ формѣ *представленія и чувства*, а въ философіи — въ формѣ *чистаго понятія, чистой мысли*; примиреніе религіи и философіи казалось возможнымъ. Усиленная дѣятельность Гегеля началась съ тѣхъ поръ, какъ изъ Іены и Гейдельберга, гдѣ онъ не имѣлъ особаго значенія, Гегель перешелъ въ берлинскій университетъ (1818 г.), а особенно сильное вліаніе и быстрое распространеніе его философскихъ воззрѣній обнаружилось подъ конецъ его дѣятельности и послѣ смерти, по изданіи его сочиненій. Въ Берлинѣ онъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго прусскаго правительства и многихъ знатныхъ лицъ; думали въ его философіи найти систему совершенно консервативную, которая вновь полагаетъ твердыя основы поколебавшейся было тогда системъ государства и церкви, успокоиваетъ возбужденные умы и защищаетъ status quo... и церкви и государства. Философія Гегеля была такимъ образомъ одобряема свыше, и—молодые люди, приверженцы ея, могли рассчитывать на хорошее будущее. Вотъ какъ и случилось, говоритъ Гизелеръ, что быстро образовалась весьма значительная школа Гегеля. Само собою разумѣется, прибавляетъ онъ, что изъ этихъ многочисленныхъ гегелианцевъ весьма многіе усвоили только фразы и формулы своего учителя, не понимая дѣйствительнаго смысла его философіи (г), на что постоянно жаловался и самъ Гегель. Но въ самомъ дѣлѣ въ его системѣ, въ прямомъ приложеніи ея къ библіи, къ христіанству и церковному ученію, на первый же взглядъ, было много темнаго и непонятнаго. Желаніе прояснить библейскій

(г) Gieseler's — Kircheng. d. neuest. Zeit. S. 244.

супранатурализмъ чистой мыслью, т. е. своей особой системой воззрѣнія, и видѣть въ нихъ единство—заставляло его употреблять обычныя библейскія выраженія, но съ другимъ смысломъ, съ другимъ воззрѣніемъ, основоположенія котораго были тоже не выяснены или выяснены слишкомъ отвлеченно и темно; и немудрено, что его не совсѣмъ и не всегда и не одинаково понимали даже лучшіе изъ его послѣдователей.—Школа его тотчасъ послѣ смерти его распалась на два почти враждебные лагеря: такъ называемая правая сторона гегельянцевъ развивала положительную въ отношеніи къ религіи сторону его системы и при многообразныхъ видоизмѣненіяхъ въ развитіи ея дошла почти до протестантской ортодоксіи, а лѣвая развивала чисто отрицательную сторону, и здѣсь-то ясно высказалось, куда ведетъ эта философія, и, говорятъ, подъ конецъ своей жизни самъ Гегель, видя куда ведетъ, и предвидя, куда поведетъ его система, усиленно началъ мирить ее съ чистымъ христіанствомъ и библіею, но невозможно было этого достигнуть при его системѣ, и изъ нея въ ея крайнемъ развитіи выродились самыя злыя отрицанія самыхъ основоположеній христіанства—Евангелій и евангельской исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели христіанство и библія могли узнать себя въ системѣ, которая считаетъ ихъ одностороннимъ пониманіемъ истины? Только страстная любовь къ своей системѣ и страстное отношеніе ко всему этому дѣлу могли довести людей до такого ослабленія, чтобы подъ формою библейскихъ и церковныхъ фразъ Гегелевой системы видѣть истинное пониманіе и христіанства и библіи, и думать, что въ этой

системъ мирится и рационализмъ и суиранатурализмъ. Нѣтъ, эта система, по своей сущности, совершенно враждебна христіанству и библіи, отвергаетъ ихъ истинность и ставитъ на мѣсто ихъ другую религію — религію пантеизма. — «Богъ есть абсолютное Все, слѣдовательно, Богъ и міръ суть одно. Духъ и природа, мышленіе и бытіе, идеальное и реальное суть только формы развитія одного существа, абсолютнаго, Бога, который не выше, не внѣ и не подлѣ міра имѣетъ бытіе, какъ премірное самостоятельное существо, но—одно со вселенной, и вся вселенная есть только троючастный процессъ саморазвитія и самооткровенія абсолютнаго (отсюда—*вѣчно* продолжающееся *твореніе*). — Въ природѣ неодушевленной Божество самопроявляется еще безсознательно—въ покоѣ; сознательнѣе, какъ живое, Оно проявляется въ царствѣ животномъ, но полное самооткровеніе Его есть человекъ, какъ микрокосмъ (отсюда—*вѣчное вочеловѣченіе*). Въ слѣдствіе сей сознательности человекъ необходимо имѣетъ религію, какъ сознаніе и откровеніе Божества въ его духъ (отсюда *вѣчное* откровеніе), но до полнаго сознанія этой религіи, до ея чистоты и истинности (до религіи откровенной въ тѣсномъ смыслѣ) человѣчество, какъ и отдѣльный человекъ, идетъ постепенно: сначала оно стоитъ въ непосредственности дѣтскаго сознанія своего единства съ природою и Божествомъ, когда у человека не развивается еще рефлексія и нѣтъ раздвоенія въ сознаніи (состояніе невинности), за тѣмъ слѣдуетъ это раздвоеніе сознанія — отлчненіе себя отъ природы и Божества; Божество является здѣсь въ сознаніи человека отдѣльнымъ отъ него и отъ міра и противоположнымъ имъ (разумѣется, здѣсь

много степеней развитія этого момента); наконецъ человекъ снова приходитъ въ сознание единства съ ними, уже разумное; Богъ познаетъ себя въ человекѣ такъ-вымъ, каковъ онъ есть по природѣ своей, духомъ разумно-свободнымъ, абсолютнымъ существомъ. О первомъ изъ этихъ моментовъ ничего особеннаго нельзя сказать; второй выразился во всѣхъ до-христіанскихъ религіяхъ, которыхъ отличительный характеръ—представленіе Божества, какъ существа отдѣльнаго отъ природы и человека, что выражается въ идолѣ и въ миѣ; третій моментъ есть христіанство, въ которомъ Богъ сознаетъ себя въ человекѣ какъ абсолютное существо, и главная идея котораго — вочеловѣченіе Божества есть именно идея откровенія (въ тѣсномъ смыслѣ слова) или сознанія единства Божества и человечества».—Оставимъ нашимъ мыслящимъ философамъ указать и раскрыть ложь этой философіи съ философской стороны; для насъ важно указать, какъ эта философія должна была отнестись къ христіанству, къ Евангеліямъ, какъ основоположенію христіанства, и лицу Христа.

Понятное дѣло, что считать это содержаніе Гегелевой философіи одинаковымъ съ содержаніемъ христіанства и видѣть въ первой философское оправданіе и поясненіе истинъ послѣдняго, это — самообольщеніе, самообманъ, возможный только тогда, когда, при обольщеніи любимого мыслью, затемняется истинный свѣтлый образъ христіанства, какъ оно исторически явилось и какъ само о себѣ говоритъ оно въ своихъ священныхъ книгахъ и исторіи церкви, и когда создается въ воображеніи новое христіанство, которое совсѣмъ почти непохоже на дѣйствительное. Система эта и христіанское ученіе противоположны

во всѣхъ пунктахъ, начиная съ понятія о Богѣ и отношеніи Его къ міру. Развѣ Богъ, составляющій одно съ міромъ и необходимо развивающійся въ немъ, — христіанскій Богъ?.. А съ этимъ вмѣстѣ не христіански понимается и все содержаніе христіанства. Такъ главный существенный догматъ христіанства — вочеловѣченіе Бога Слова понимается здѣсь совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, какъ вѣчное боговочеловѣченіе; ученіе объ откровеніи понимается тоже совсѣмъ иначе, какъ всеобщее, необходимое и постоянное развитіе Божества въ духъ человѣческомъ до полнаго сознанія себя самого, а не какъ особенное откровеніе живаго личнаго Бога человѣку, какъ это повѣствуется въ библейскихъ книгахъ, а слѣдовательно и о чудесахъ и пророчествахъ, какъ необходимыхъ слѣдствіяхъ непосредственныхъ откровеній, здѣсь нѣтъ и не можетъ быть даже рѣчи, и потому опорой истины и убѣжденія въ ней здѣсь — не авторитетъ Бога, личнаго совершеннѣйшаго существа, сообщающаго непосредственно волю свою людямъ, а отвлеченное понятіе о саморазвитіи Божества, необходимомъ, неизбежномъ даже въ несовершенствахъ человѣческихъ. Когда же здѣсь не можетъ быть и рѣчи о христіански понимаемомъ вочеловѣченіи Бога и откровеніи Его, какъ учить о семъ христіанство: то возможное ли дѣло, чтобы въ этой философіи раскрывался истинный смыслъ откровенной религіи Христа, и философски оправдывалась она?.. Понятное дѣло, какъ эта система должна смотреть и смотреть и на лице Самого Христа: для нея, главное, важна идея Христа, какъ идея сознанія единства Бога и человѣка, идея возвышенія сознанія человѣка до единства его съ Божествомъ, или — что тоже — сознаніе

Богомъ себя въ челоѡчествѣ, какъ разумно-свободнаго духа, какъ абсолютнаго существа. А въ отношеніи къ историческому факту первоначальнаго явленія этого сознанія (факту явленія Христа и христіанства) было ли все то и такъ, что и какъ повѣствуется объ этомъ лицѣ,—для этой философіи вопросъ почти совсѣмъ посторонній и лишній. Одно для нея несомнѣнно: Христось—не Богъ вочеловѣчившійся, какъ вѣруеть и исповѣдуетъ Его христіанство, а обыкновенный челоѡкъ, въ которомъ только *перво*мъ Божество сознало себя, какъ духа, какъ абсолютное существо. А фактъ внѣшней жизни что такое фактъ? внѣшняя оболочка—неболѣе; тутъ могутъ быть и прикрасы, можетъ быть ихъ много,—они ничего не значать... Какъ увидимъ, эта философія въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи отнеслась даже непріязненно къ историческимъ сказаніямъ о лицѣ Христа, и—какъ же иначе? Они совершенно разрушаютъ стройную и величавую (по внѣшности) философію, чего же ихъ щадить?..

Итакъ, въ приложеніи этихъ философскихъ началъ собственно къ евангельской исторіи выходило вотъ что: старое рационалистическое положеніе, что въ евангельскихъ сказаніяхъ о лицѣ и жизни Христа не все достоверно, принято вполнѣ, но только, по развившимся новымъ потребностямъ отрицательной критики, вмѣсто прежнихъ объясненій происхожденія этихъ сказаній, принято и вполнѣ развито объясненіе происхожденія ихъ посредствомъ *саги* (народнаго сказанія) и *миѡа*,—а соответственно сему и происхожденіе самыхъ Евангелій (при отрицаніи ихъ подлинности) объяснено *иначе*. Понятіе саги и миѡа въ приложеніи ихъ къ ветхозавѣтной исторіи было неново; оно появилось еще

въ предшествующій періодъ философскихъ нападеній на религіозныя представленія, и внесено въ ветхозавѣтную исторію изъ исторіи языческихъ народовъ; теперь оно перенесено и на первоначальную исторію христіанства и приложено къ ней вполне. Исходнымъ пунктомъ для этого приложенія послужили чудеса; они и всѣ сказанія о нихъ (какъ о невозможныхъ по философіи Гегеля) объявлены недостовѣрными, вымышленными; затѣмъ понятіе саги и міѳа прилагалось къ другимъ и не чудеснымъ событіямъ евангельскимъ, которыя почему-либо не нравились этимъ философамъ-историкамъ, и—дошло до того, что все почти признано сагою и міѳомъ.—Но евангельскія сказанія записаны очевидцами тѣхъ событій или людьми, стоявшими подъ руководствомъ очевидцевъ? Понятное дѣло, что такимъ философамъ-историкамъ это надобно было отвергнуть и отвергнуть во что бы то ни стало: ибо съ принятіемъ этого разрушается все любимое философское воззрѣніе на развитіе религіознаго сознанія въ человѣчествѣ, и—вотъ рядомъ съ приложеніемъ къ евангеліямъ міѳа и саги шла возобновленная яростная критика самой исторіи этихъ евангелій съ цѣлю—отвергнуть во что бы то ни стало подлинность происхожденія евангелій отъ апостоловъ. Такимъ образомъ предвзятая философская мысль легла въ основаніе всей отрицательной критики и евангельскихъ книгъ и евангельской исторіи, и, судя потому, что этой критикой хотѣли спасти любимое философское воззрѣніе, надобно было ожидать болѣе ярой, чѣмъ прежде, критики. Болѣе полнымъ представителемъ ся явился вскорѣ послѣ смерти Гегеля Др. Дав. Штрауссъ въ *Das Leben Jesu* (1835), котораго такъ восхваляетъ

Ренанъ, и на котораго главнымъ образомъ опирается онъ въ своей книгѣ. Намъ, кажется, часто придется имѣть дѣло съ этой книгой, при разборѣ книги Ренана, очень много воспользовавшагося ею, а потому теперь и нѣтъ нужды входить въ подробный разборъ его критическихъ началъ и приемовъ, которыми онъ пользуется въ критикѣ евангельскихъ книгъ и евангельской исторіи, какъ будто въ насмѣшку и оскорбленіе всякой честной и правдивой исторической критикѣ. — Скажемъ одно, что если приложить эти начала и приемы къ обыкновенной исторіи и по нимъ разбирать сказанія объ известной эпохѣ или исторической личности: то можно исказить всякую исторію и превратить въ мнѣе какую угодно великую личность изъ давнопрошедшаго времени. Разумѣется, если бы Штрауссъ приложилъ эти начала и приемы къ какой-либо обыкновенной исторіи, надъ нимъ бы произнесли такой же судъ, какой произнесъ Шлоссеръ о Нибуръ ^(д), и оставили бы въ покоѣ книги его, но дѣло шло объ оправданіи любимаго философскаго воззрѣнія на религію, которому совершенно противорѣчатъ сказанія евангелистовъ, которыя слѣдовательно во что бы то ни стало понадобилось отстранить, и—вотъ для этой цѣли всѣ средства позволяютъ, какъ бы

(д) „Савиньи и Нибуръ основали школу, которая..устами Нибура создала Римъ, о которомъ не знали даже Цицеронъ и Ливій.... Народъ жаловался, продолжаетъ Шлоссеръ, что хотятъ преднамѣренно стереть или затемнить картину жизни, которую должна давать исторія“ (Шлоссеръ—истор. XVIII-го в. въ русск. пер. Спб. 1860. т. VII, стр. 70.). Какъ хорошо эти замѣчанія характеризуютъ и книгу Штраусса и дальнѣйшее развитіе ея изслѣдованій! —

они ни были односторонни и пристрастны. Понятно, что сдѣлано при этомъ изъ евангельской исторіи: подлинность всѣхъ Евангелій отринута, и изъ жизни Христа не много оставлено фактовъ, какъ достовѣрныхъ; главные изъ нихъ, указывающіе въ Немъ несомнѣнно Богочеловѣка, отвергнуты, и—является Онъ въ книгѣ Штраусса совершенно обыкновеннымъ іудейскимъ раввиномъ — реформаторомъ, о которомъ въ народѣ составилось много чудесныхъ сказаній, послѣ записанныхъ. Правда, въ слѣдующихъ изданіяхъ своей книги и въ апологіяхъ ей Штрауссъ принужденъ былъ кое-что измѣнить, сдѣлать кое-какія уступки, признать во Христѣ *нѣчто* необыкновенное; тѣмъ не менѣе Онъ въ книгѣ Штраусса остался просто великимъ человѣкомъ, реформаторомъ—благодѣтелемъ челоуѣчества, не болѣе.

Если хотя по одному сказанію у каждаго евангелиста отвергнуть, какъ недостовѣрныя, вымышленныя, т. е. отвергнуть, что они записаны очевидцами и богодухновенными апостолами: то невозможно уже остановиться въ дѣлѣ отрицанія на одномъ какомъ либо мѣстѣ и сказать, что это вотъ—историческое, дѣйствительно было такъ, а это вотъ—вымышленное, этого не было, или было не такъ; невозможно положить границу между историческимъ и не историческимъ въ евангеліяхъ, и сказать—вотъ гдѣ она. Невозможно это потому, что здѣсь невозможно постановить никакихъ критическихъ твердыхъ и опредѣлительныхъ началъ для такого или другаго раздѣленія.—Совершенно по своему усмотрѣнію каждый можетъ считать историческимъ одно, другой—другое, третій—иное, считая остальное неисторическимъ, доколь подобные

исследователи не дойдут наконецъ до отрицанія всего историческаго: ибо ложное начало въ своемъ развитіи всегда доходитъ до отрицанія себя, обличая такимъ образомъ свою ложь. По этому общему историческому и логическому закону надлежало ожидать, что и съ евангельской исторіей, разсматриваемой подъ влияніемъ философіи школы, будетъ тоже: наприм. то, что Штрауссъ считаетъ историческимъ, другіе отвергнутъ, а неисторическое его признаютъ историческимъ и на оборотъ, доколь не дойдутъ до отрицанія всего, и сами увидятъ свою ложь, а за тѣмъ явится другое направленіе, другая критика; надлежало также ожидать, что одни найдутъ болѣе историческаго, другіе — менѣе. Такъ и случилось въ этой школѣ: слово Штраусса не было послѣднимъ и рѣшительнымъ; повели дѣло далѣе и — довели... И какое безобразіе, какая мерзость запустѣнія явились на мѣстѣ святѣ! Нельзя не чувствовать совершеннаго отвращенія къ этимъ безумнымъ попыткамъ осквернить святую исторію и святѣйшее Лице, изображаемое въ ней! Какая путаница понятій и началъ, какое взаимное отрицаніе до частныхъ и подробностей воцарилось въ этой темной области! Одинъ говоритъ, что Христосъ ничего необыкновеннаго, даже особеннаго, не совершалъ, ни одного чуда и знаменія, какъ и Іоаннъ Креститель, что все это вымышлено (Бр. Бауэръ); другой говоритъ, что такое отрицаніе необыкновенныхъ дѣйствій несправедливо, потому что въ такомъ случаѣ не было бы никакого субстрата для мифа и легенды, — да и Иисуса никто не сочелъ бы въ такомъ случаѣ Мессіею, что слѣдовательно необходимо допустить совершеніе Имъ необыкновенныхъ дѣйствій,

только эти дѣйствія не были въ самомъ дѣлѣ сверхъестественными дѣйствіями, а — кто бы подумалъ? — дѣйствіями животнаго магнетизма, которыми обладалъ Онъ, и при помощи котораго исцѣлялъ больныхъ, что и было причиною, что его приняли за Мессію (Вейссе). Одинъ говоритъ, что все ученіе Христово, какъ оно записано въ Евангеліяхъ, вымышленное послѣ, что неизвѣстно достоверно, какъ и чему училъ Онъ, что, можетъ быть, сохранились какія-нибудь краткія изреченія Его, которыхъ впрочемъ отдѣлать отъ вымышленнаго нѣтъ возможности (ГФререрт.); другой говоритъ, что въ этомъ случаѣ опять не могло образоваться легенды, и признаетъ подлинными притчи, — такъ какъ раввины говорили тогда въ притчахъ, — отвергая подлинность всѣхъ такъ называемыхъ рѣчей, особенно содержащихся въ Евангеліи Іоанна (Вейссе) и пр. и пр. Противорѣчіе и взаимное отрицаніе до малѣйшихъ подробностей (e), произволь необычайный во всемъ и путаница великая, изъ которой путемъ отрицательной критики возможенъ былъ только одинъ выходъ — отрицаніе всего. Такъ и случилось. Результатъ критики Бр. Бауэра тотъ, — что нѣтъ ничего достовернаго въ Евангеліяхъ, что мы не знаемъ о событіяхъ, въ нихъ повѣствуемыхъ ничего достовернаго и точнаго. Но однакожь было что-нибудь? Было что-то, только мы достоверно не знаемъ, что именно; жилъ во времена Тиверія въ Іудеѣ Іисусъ, и за что-то распятъ, — вотъ въ сущности весь результатъ изслѣдованій Бауэра, т. е. полное отрицаніе всего историческаго

(e) Сопоставленіе и разборъ ихъ можно видѣть напр. у Ebrard's — Wissenschaftlich. Kritik d. Evangel. Geschichte Zweit Auflag. Erlang. 1850.

въ евангеліяхъ. Далѣе этого въ отрицаніи идти было невозможно, но никто не могъ и остановиться на этомъ, потому что это противно всякой исторіи; нельзя было долѣе стоять на этой почвѣ, точно такъ же какъ нельзя стоять на одномъ пальцѣ ноги. Это очевидно было для всѣхъ, очевидно было и для людей, шедшихъ по тому же самому направленію, стоявшихъ подъ вліяніемъ тѣхъ же философскихъ воззрѣній; но, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ нихъ, видя куда онѣ ведутъ въ изслѣдованіяхъ о евангельской исторіи, они рѣшились защищать ихъ, и дошли до тѣхъ же почти результатовъ, только *другимъ* нѣскольکو путей. Это представители такъ называемой *новотюбингенской школы* въ позднѣйшихъ ея трудахъ.

«Штрауссова — Жизнь Іисуса», говоритъ Ф. Х. Бауръ, основатель и главный представитель этой школы, постановила задачей — критически изслѣдовать и исторически понять въ жизни Іисуса первоначальную исторію христіанства, но результаты были такъ преобладающе-отрицательны, что вся первоначальная исторія христіанства, казалось, разрѣшится въ рядъ мифовъ и преданій... Отрицательность ея результатовъ, и неясный неопредѣленный образъ, какой она допускала о первоначальной исторіи христіанства, были такъ неуспокоительны, что при нихъ оставаться было нельзя. Такимъ результатомъ задача, сдѣлавшаяся вопросомъ времени, — исторически понять первоначальную исторію христіанства, не могла быть разрѣшена... И когда такія слѣдствія, какія вывелъ изъ Штрауссовскихъ результатовъ такой критикъ, какъ Бр. Бауръ, повели только къ обличающей саму себя крайности: то можно было надѣяться подойти ближе

къ разрѣшенію задачи только *другимъ* путемъ. Могъ по этому возникнуть вопросъ, — не имѣетъ ли основанія отрицательность Штрауссовскихъ результатовъ въ недостаточности изслѣдованія, — въ недостаткѣ критическаго метода, и нельзя ли съ другаго пункта вѣрнѣе проникнуть въ первоначальную исторію христіанства и освѣтить лежащую на ней (будтобы?) темноту. Вотъ здѣсь я думаю показать значеніе моихъ усилій въ изслѣдованіи первоначальной исторіи христіанства» (ж), — и затѣмъ съ своей точки зрѣнія оцѣниваетъ свои усилія. Но мы посмотримъ на его усилія съ точки зрѣнія исторіи. — Смыслъ вышеприведенныхъ словъ Баура тотъ, что послѣдовательно развивавшіе критику Штраусса уже слишкомъ далеко пошли (т. е. до нелѣпости дошли). Книга Штраусса и книги другихъ упомянутыхъ писателей были собственно зданіемъ безъ фундамента; теоретическія ихъ исторіи висѣли на воздухѣ, а не совершались на землѣ; они развивали отрицаніе безъ историческаго основоположенія, прилагали напередъ заданныя теоріи къ исторіи безъ исторіи. Развили они отрицательную критику исторіи, не предпославъ ей критики самихъ историческихъ документовъ, содержащихъ исторію, или предпославъ критику пустую, хотя и ярую. Оттого-то эта критика дошла до чисто отрицательныхъ результатовъ и на нихъ остановилась, и наконецъ все было отвергнуто. «Жизнь Иисуса, говоритъ Бауръ, нельзя дѣлать предметомъ критики, доколѣ не выработано опредѣленное критическое воззрѣніе на писанія, которыя составляютъ источники нашего познанія о ней, и на ихъ взаимное отношеніе» У критиковъ Штрауссовскаго направленія, по мнѣнію Баура, недоста-

---

(ж) Baur's Kircheng. d. XIX Jahrhundert. S. 394. 395.

отъ именно определенной исторической точки зрѣнія для отдѣленія историческаго и неисторическаго въ Евангеліяхъ. Эта определенная историческая точка зрѣнія достигается критическимъ дознаніемъ тѣхъ обстоятельствъ, потребностей и интересовъ времени, изъ которыхъ произошли наши Евангелія. Какія были обстоятельства происхожденія Евангелій, изъ какихъ потребностей они произошли, въ чемъ отличительный ихъ характеръ, какое ихъ первоначальное назначеніе и для кого, какое ихъ мѣсто въ исторіи перво-христіанской письменности вообще, эти и соприкосновенные съ ними положительныя вопросы исторической критики были рѣшаемы Штрауссомъ и его послѣдователями слишкомъ легкомысленно и неопредѣлительно, и значить критика ихъ была болѣе теоретическая, чѣмъ историческая, критика субъективная, критика личнаго вкуса, въ которой мѣриломъ историческаго былъ произволь каждаго. Оттого все это разрѣшалось въ чистое отрицаніе. Этотъ недостатокъ историческихъ основоположеній для установленія и оправданія теоріи о библіи вообще, и въ частности о евангеліяхъ, гегелевской школы — какъ она выразилась въ трудахъ помянутыхъ писателей — восполнить и оправдать исторіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничить крайности и произволь ихъ, взяла на себя новотюбингенская школа. Вотъ собственно ея задача, задача очевидно фальшивая, потому что оправдать подобную теорію никакой исторіей невозможно, не искажая исторіи, какъ она представляется въ современныхъ записяхъ, и — вотъ почему эта новая школа не могла долго существовать и со смертію своего основателя кончила свое недолговременное существованіе.

Исходнымъ пунктомъ или критеріемъ для опредѣленія

времени и обстоятельствъ происхожденія новозавѣтныхъ книгъ вообще и Евангелій въ частности Бауръ и его школа берутъ собственно ученіе, содержащееся въ этихъ книгахъ, и отыскиваемая ими въ сихъ книгахъ воззрѣнія, и по содержанію этихъ книгъ и этихъ воззрѣній, по степени ихъ развитія, по характеру ихъ и направленію, опредѣляютъ и время происхожденія ихъ и общества, въ которыхъ, и потребности, изъ которыхъ они произошли и пр. и пр., сравнивая ихъ съ другими произведеніями перво-христіанской письменности и историческими фактами, именно дѣлаютъ на выворотъ, какъ замѣчаетъ Евальдъ.— Въмѣсто того, чтобъ по даннымъ фактамъ самихъ книгъ слѣдить за развитіемъ ученія, они по послѣднему опредѣляютъ время первыхъ, и, разумѣется, вмѣсто исторической истины выходитъ искаженіе фактовъ и исторіи. Покажется наприм. имъ, что Евангеліе отъ Іоанна направлено противъ гностицизма, какъ онъ развился къ концу 2-го вѣка, они и относятъ происхожденіе его къ тому времени, хотя бы противъ этого были различныя и твердыя историческія свидѣтельства; ихъ устраняютъ, перетолкуютъ, заподозрять въ подлинности.— Вышло то, что всѣ Евангелія наши отнесены по времени происхожденія ко 2-му вѣку, и по способу своего происхожденія поставлены въ весьма странное положеніе; но историческаго признано въ нихъ (собственно въ первыхъ трехъ) несравнено больше, чѣмъ Штрауссовскими послѣдователями. Вотъ результаты критики этой школы въ отношеніи собственно къ Евангеліямъ. Всѣми силами Бауръ успивается доказать, что Евангеліе отъ Іоанна имѣетъ собственно полемическую цѣль (противъ гностиковъ 2-го вѣка), что у писателя его особья неисторическія «тенденціи», что оно совершенно

отлично отъ первыхъ трехъ Евангелій. Если же такъ: то его неслѣдуетъ и сооставлять съ первыми тремя и противопоставлять имъ. Поэтому Бауръ признаетъ ложною тактику Штраусса противопоставленіемъ Іоанна первымъ тремъ евангелистамъ доказывать недосто- вѣрность того и другихъ, слѣдствіемъ чего было то, что въ отрицаніи невозможно было ни начесть остановиться. Въ той мѣрѣ, какъ представляется недосто- вѣрнымъ Іоаннъ, по Бауру, возрастаетъ достовѣрность первыхъ трехъ; и нѣтъ основаній изъ-за Іоанна подвергать сомнѣ- нію достовѣрность сказаній первыхъ Евангелій: ибо про- тиворѣчія, которыя усматриваются между Іоанномъ и ими, свидѣлствуютъ только не въ пользу четвертаго Еван- гелія. Изъ этого Бауръ конечно не выводитъ того слѣд- ствія, что всѣ сказанія первыхъ трехъ евангелистовъ достовѣрны, но этимъ самымъ уже встаетъ на болѣе историческую почву. Отдѣлить и въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ историческое отъ неисторическаго онъ ду- маетъ тѣмъ же способомъ разбора «тенденцій» этихъ Еван- гелій, и этимъ сильно ограничиваетъ приложеніе міра къ евангельской исторіи вообще, но — за то этимъ же онъ совершенно изсказилъ всю исторію апостольскаго и послѣ-апостольскаго періода. Мы не имѣемъ въ виду излагать цѣлое воззрѣніе этой школы на періодъ апо- стольскій и послѣ-апостольскій; довольствуемся выпиской мнѣнія о характеръ дѣятельности и тенденцій всей этой школы, принадлежащаго Евальду, который совер- шенно не апологетъ супранатурализма и церковно- протестантскаго воззрѣнія, а противникъ этого воззрѣ- нія, и стоить лишь, какъ онъ самъ говоритъ, за интересы только истинной науки (будто), и которому значить, можно довѣряться, когда онъ судить о

научномъ методѣ изслѣдованій и поправленіи другаго, претендующаго тоже только на чистую науку. Этотъ отзывъ его рѣзкій, но меткій и справедливый. Въ предисловіи къ послѣднему тому своей исторіи израильскаго народа (1859 г.), характеризуя настоящее состояніе науки о библіи въ Германіи, онъ съ свойственною ему нѣсколько грубою прямою и правдивостью говоритъ: «если наше время имѣетъ выполнить великую задачу, и въ довершеніе реформаціи внести новое, чего не было еще въ ней въ такомъ видѣ, то много виновны, и причиняютъ величайшее зло всѣ тѣ, которые этого новаго хотятъ достигнуть совершенно превратнымъ образомъ, и, хвалясь свободой и наукой, оскверняютъ и расточаютъ эти блага. Это — ложная свобода и легкомысленно-лицемѣрная наука, которая столь долгое время такъ сильно вредитъ намъ, какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви, и которой продолжающійся подкопъ грозитъ превратить въ развалины все наше образованіе, особенно — нашей бѣдной Германіи и нашей евангелической церкви. Но здѣсь въ наше время почти никто не дѣйствуетъ безразсуднѣе и вреднѣе тюбингенскаго Баура, этого основателя жалкой школы, которой быть отцемъ и споспѣшникомъ еще доселѣ составляетъ для него величайшее удовольствіе, тогда какъ если бы онъ хотя нѣсколько глубже понималъ исторію церкви, одна новѣйшая исторія церкви, какъ она развивается предъ его собственными глазами, довольно могла научить его, какія ужасныя слѣдствія вытекаютъ изъ его способа — изгонять науку и основывать школу... Дѣло вкратцѣ таково: Бауръ вышелъ (въ своихъ изслѣдованіяхъ) давно еще изъ такихъ совершенно ложныхъ философскихъ, религіозныхъ и историческихъ пред-

положений, и изъ столь малой и столь нечистой любви къ строгой наукѣ и научной истинѣ, что какъ скоро онъ берется за разрѣшеніе какого-либо темнаго вопроса, можетъ произойти только бѣлая темнота и болѣе угрожающее зло. Наукообразными поверхностностями и совершенно извращенными духовными стремленіями людвигсбургскаго Штраусса и другихъ ему подобныхъ изъ его школы, онъ самъ все болѣе и болѣе удаляется отъ божественной любви къ строгой наукѣ и чистой истинѣ, и такимъ-то образомъ о новомъ завѣтѣ и о древнѣйшей исторіи, равно какъ и о всемъ значеніи христіанства, онъ *высказалъ новыя мнѣнія, которыя могутъ правиться только безмысленности нынѣшняго поверхностнаго образованія и льстить разрушительнымъ наклонностямъ нашего времени, и которыя никому не приносятъ болѣе удовольствія, и болѣе не споспѣшествуютъ намѣреніямъ какъ -- съ одной стороны всѣмъ врагамъ евангелической церкви, а съ другой различнымъ темнымъ духамъ въ ней самой.* Самое скверное у него то именно, что ровно все въ его мнѣніяхъ на выворотъ: взять ли то, что онъ говоритъ о Павлѣ и другихъ апостолахъ, или о евангеліяхъ и о Самомъ Христѣ, или объ апокалипсисѣ и посланіяхъ Іоанна, или о древнѣйшей церковной исторіи, и что онъ во всей велерѣчивости выставляетъ міру, какъ результатъ глубочайшей свободной науки, все безъ всякаго изъятія извращено, въ высшей степени несправедливо въ отношеніи къ предметамъ, о которыхъ онъ хочетъ произнести сужденіе, всюду извращаетъ истину, и отрицаетъ правду въ томъ, что уже и тогда можно было узнать правильно... Съ 1848 года (когда явилось его сочиненіе о посланіяхъ Іоанна) онъ взялъ назадъ многое изъ своихъ мнѣній, захотѣлъ свои

рѣзкости нѣсколько смягчить, но основныхъ недостатковъ своихъ чрезъ то нисколько не устранилъ. Онъ хочетъ при этомъ все лучшее опровергать *другимъ* способомъ, новымъ, и—только снова постоянно доказываетъ, что онъ ищетъ не истины и ея вѣчно одинаковаго свѣтлаго образа, а видимости и неистинности вещей. Онъ хочетъ еще свою тюбингенскую школу оправдать предъ глазами міра, удержать еще, запутавшихся въ ея силкахъ, двухъ-трехъ учениковъ, и только болѣе и болѣе терять и послѣднюю научную состоятельность. . . Такъ, неужели и послѣ того, какъ все его знаніе, которое онъ съ такой громкой похвалой выставляетъ предъ міромъ, по частямъ разрушается, и его библейская наука вмѣстѣ съ его фантазіями о древнѣйшей церковной исторіи разваливается, неужели онъ еще хочетъ держаться на виду, ищетъ еще обойти нѣкоторыхъ легкомысленныхъ, незнающихъ истиннаго положенія дѣлъ, и обмануть міръ наукой, у которой недостаетъ первыхъ основныхъ условій, чтобъ быть наукой?.. Все это Штраусово—Баурово мудрованіе о библии и христіанствѣ, заключаетъ Евальдъ свой приговоръ объ этой школѣ, съ самаго начала есть не что иное, какъ пустая мечта, которая пустые умы дѣлала еще пустѣе и обнаружила заблужденіе, которое самымъ чувствительнымъ образомъ повредило и вредитъ еще наукъ, равно какъ церковной и гражданской свободѣ, даже всему вообще нашему образованію и здравому прогрессу. — Здѣсь вмѣсто свободы чистое рабство предъ новыми заблужденіями гадкаго рода, вмѣсто прогресса брошены силки на пути; вмѣсто христіанства возвращеніе къ вышедшему изъ извращенной философіи отсутствію всякой религіи истинной, и вмѣсто твердой открытой борьбы съ тьмою и

зломъ времени,—только сгущеніе этой тьмы, и увеличеніе этого зла. Ничто не можетъ дѣйствовать болѣе колеблющимъ и разрушающимъ образомъ, какъ ложная свобода, даже въ дѣлахъ низшей жизни, тѣмъ болѣе въ наукѣ и христіанствѣ» (3). Сужденіе это о новотюбингенской школѣ весьма меткое и характерическое, какого не случилось встрѣчать даже со стороны протестантскихъ ортодоксовъ. Ложное начало жъ здѣсь, развившись до крайности, само обличило свою ложь, и—предсказаніе Евальда о близкомъ концѣ этой школы оправдалось; со смертію самого Баура она потеряла всякій вѣсъ и значеніе въ дѣлѣ науки.—То, что было въ ея трудахъ истиннаго и плодотворнаго, осталось и развивается, но этого истиннаго въ ней такъ мало, что оно почти совершенно теряется въ массѣ ложнаго, односторонняго и вреднаго.

2. Мы слѣдили досель за развитіемъ одного направленія богословской мысли протестантизма, стоящей подъ вліяніемъ философскихъ началъ школы, до крайности въ изслѣдованіяхъ ея по преимуществу въ исторіи первохристіанства. Но оно было не одно, и занимало далеко не всѣ умы философовъ и богослововъ,—оно развивалось въ небольшой сравнительно, хотя и сильной въ началѣ, школѣ. Рядомъ съ нимъ шло и развивалось другое направленіе, отцемъ котораго признается Шлейермахеръ, читавшій свои лекціи въ одномъ университетѣ съ Гегелемъ и въ одно время. Обратимся

---

(3) Ewald's—Gesch. d. Volk. Jsrael. B. VII. Göttingen. 1859. Vorred. S. XVI—XIX. Ср. егоже: Jahrbücher d. Biblischen Wissenschaft. 1860—1861. S. 109—139: die Tübingen. Schule.

къ нему. Это — личность довольно загадочная. По воспитанію пѣтистъ, слѣдовательно съ наклонностями къ мистицизму, по тенденціямъ — философъ, въ первое время страстно преданный философіи Шеллинга (первоначальной), противникъ Гегеля, хотя Гегель первоначально вышелъ изъ тойже Шеллинговой системы пантеизма, стремившійся прояснить религію философіей, читавшій незадолго до смерти свои лекціи «о жизни Иисуса», полныя сомнѣнія и отрицанія, и на смертномъ одрѣ, какъ замѣчаетъ Шлоссеръ, показавшійся истымъ старымъ лютераниномъ, — этотъ человекъ какъ будто состоялъ изъ противорѣчій. Но его сильное и многостороннее вліяніе на философски-богословскую мысль протестантизма не допускаетъ принять этого, — такое вліяніе не есть удѣлъ противорѣчивыхъ системъ. Онъ, правда, не оставилъ по себѣ школы въ собственномъ смыслѣ, подобно Гегелевой, но по всѣмъ отзывамъ и по всѣмъ даннымъ исторіи, вліяніе его было велико и многообъемлюще: отъ Штраусса до Генгстенберга, говорятъ, замѣтно его вліяніе, — въ этомъ сознаются почти всѣ, какъ ни противорѣчивы отзывы о немъ самомъ и о его системѣ. — Въ чемъ же тайна этого разносторонняго вліянія, въ чемъ сущность его воззрѣній?

«Не легко конечно, говоритъ Шварцъ ^(и), все научное значеніе этого единственнаго человека выразить кратко въ нѣсколькихъ словахъ, въ двухъ-трехъ всеобщихъ категоріяхъ. Шлейермахеръ былъ безконечно отличенъ отъ Гегеля въ своей личности и въ наукѣ...

(и) Schwarz-- Zur Geschichte d. neuesten Theologie. Zweit. Auflag. Leipzig. 1856. S. 34 и 35.

Они столкнулись (въ одномъ университетѣ) только для того почти, что бы оттолкнуться; глубокая антипатія была между ними до конца... Если особенностью Гегеля была основательность, которая погружала его въ основанія вещей, въ таинственныя глубины вселенной: то Шлейермахеръ въ жизни, какъ и въ наукѣ, представитель субъективности, человекъ неутомимой подвижности, колкаго остроумія и возбужденнаго въ высшей степени чувства; у него была удивительная сила пера и дѣятельность духа,—діалектическая виртуозность не только знанія, но и хотѣнія, не только разсудочнаго, но и нравственнаго рода. Но при этой всегда искрами брызжущей діалектикѣ, при этой неутомимой подвижности его нравственнаго стремленія и дѣланія обнаружались—и именно въ этомъ контрастѣ лежала непреодолимая сила его личности—глубокая задушевность его нѣжной искренности, въ которую всегда разрѣшалась его свободная діалектическая игра, въ которой безпокойство его духа возвращалось къ покою и примиренію, въ которой всѣ противоположности разрѣшались, всѣ волнующіяся сомнѣнія находили себѣ удобное и твердое пристанище... Сказать кратко: въ немъ было рѣдкое соединеніе глубокой и высокой религіозности, мистики въ лучшемъ смыслѣ слова, и безконечно-подвижной разсудочной рефлексіи».—Если такъ: то немудрено, что онъ пріобрѣлъ такое огромное вліяніе на разныя партіи и направленія съ ихъ оттѣнками. Но это лишь одна болье внѣшняя сторона его силы. Главное—возрѣніе, но здѣсь-то и есть неполнѣ уловимая сторона Шлейермахера.—Его «рѣчи о религіи» (1799), написанныя подѣ видимымъ вліяніемъ Шеллинга и Фихте, не имѣли такого вліянія на развитіе бого-

словской мысли, какъ его «ученіе въры» (1821.); по нему мы и выскажемъ кратко сущность его ученія.

Но нельзя прежде всего не замѣтить, что система Шлейермахера страдаетъ еще болѣе, кажется, чѣмъ система Гегеля, тѣмъ недостаткомъ, неизбежно протекающимъ изъ стремленія — примирить рационализмъ философіи и супранатурализмъ церковнаго ученія въ единствѣ высшаго воззрѣнія, — что употребляются въ ней слова и фразы библейскія и церковныя, а смыслъ въ нихъ совсѣмъ иной. Шлейермахеръ представляется даже супранатуралистомъ, а на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не таковъ, — представляется держащимся рационалистическихъ теорій, но въ сущности тоже нѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ самомъ существѣ воззрѣніе его двойственно и неопредѣлительно, по крайней мѣрѣ менѣе опредѣлительно, чѣмъ воззрѣніе Гегеля. У этого послѣдняго — метафизическія проблемы, служащія основаніемъ его системы религіи, высказаны прямо и формулированы; оттого стройность и послѣдовательность его системы, которую точно можно охарактеризовать даже въ немногихъ словахъ. У Шлейермахера этого нѣтъ, — онъ маскируется; оттого трудно охарактеризовать его въ немногихъ словахъ. Пусть, что хотятъ, говорятъ его поклонники, къ числу которыхъ принадлежитъ и авторъ сейчасъ сдѣланной выписки, о его талантѣ и душевной настроенности, — но исторія уже достаточно обнаружила, въ чемъ состоитъ и до чего развилось его воззрѣніе. Исходный пунктъ Шлейермахерова воззрѣнія на религію — не тотъ, какой у Гегеля. У Шлейермахера въ религіи вообще не одностороннее пониманіе истины подъ формой представленія и чувства, какъ у Гегеля; она есть,

по его воззрѣнію, единственный жизненный источникъ, и глубочайшій корень всей жизни духа, первосила, отъ которой истекаетъ нормальная жизнь духа, — *мысли* и *дѣла*, единственная пища, которою можетъ жить духъ, и безъ которой онъ умираетъ. — У Гегеля высшій моментъ религіознаго сознанія есть *мысль, знаніе*, у Шлейермахера религія есть *чувство*; оно — и исходный пунктъ, и высшее проявленіе религіи въ человѣкѣ. Это чувство, религія, или, какъ онъ постоянно выражается, *Frömmigkeit* (набожность, религіозность или благочестіе) не есть само въ себѣ ни *знаніе*, ни *дѣло*, хотя безъ нихъ о совершенномъ развитіи этой религіозности (*Frömmigkeit*) нечего и думать. Сущность этой религіозности или набожности въ томъ, что человѣкъ чувствуетъ и сознаетъ свою совершеннѣйшую, полнѣйшую и безусловную зависимость отъ Божества (*Abhängigkeitsgefühl*). Положительныя религіи потому всѣ совершенно необходимы, какъ *внѣшнія формы одной и тойже религіи* духа, формы, подъ которыми только и возможно истинное и совершенное религіозное развитіе человѣческой личности. Это развитіе религіознаго сознанія въ человѣчествѣ, какъ и въ человѣкѣ частномъ, начинается съ самыхъ низшихъ формъ и въ разныхъ религіяхъ видоизмѣняется и развивается естественнымъ процессомъ человѣческаго развитія до самой высшей формы. Изъ всѣхъ религій христіанство есть самая возвышенная и чистая религія; оно отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ немъ все частное возводится къ одному общему — сознанію искупленія человѣчества Иисусомъ Назарянномъ. — Что составляетъ существо и значеніе Иисуса какъ Искупителя, это — такое совершеннѣйшее и полное обитаніе (*Inwohnung*) въ

Его сознаніи идеи высшаго существа, что бытіе Бога въ Немъ составляло Его внутреннѣйшее я, и слѣдовательно у Него и въ Немъ не было ничего такого, что не опредѣлялось бы бытіемъ и дѣятельностію въ Немъ Бога. Онъ есть такимъ образомъ чистѣйшій и совершеннѣйшій образъ, *идеаль* чловѣка. Въ живомъ общеніи съ Нимъ можетъ быть каждый воодушевленный Его чистымъ духомъ, и—таковый составляетъ какъ бы часть Его собственнаго явленія. Общество такихъ людей есть церковь, которая и есть отображеніе Христа, а Онъ—ея первообразъ. Таково въ общихъ чертахъ воззрѣніе Шлейермахера на религію, и въ частности на христіанство. Что же въ немъ, и что же изъ него вышло?

Поставивъ религію центромъ и сущностію жизни духа, какъ первосилу, какъ норму жизни и развитія духа, а не какъ одностороннее пониманіе истины, и отстранивъ отъ нея философію, какъ чистую мысль,—другую форму пониманія истины (по Гегелю), Шлейермахеръ, очевидно, поставилъ религію выше всего; и здѣсь тайна его вліянія вообще на современные умы, жаждавшіе религіознаго образованія и неудовлетворенные ни школьными теоріями богословскими, ни церковными формулами протестантскихъ символическихъ книгъ (почему и говорятъ, что Шлейермахеръ—воскреситель религіозности и набожности въ протестанствѣ, привлекушій въ христіанство не мало заблудшихъ и равнодушныхъ); и въ этомъ же тайна его вліянія на разные школьныя направленія мысли съ ихъ оттенками; ибо это воззрѣніе можно толковать и прилагать къ дѣлу такъ и иначе.—Возьмемъ наприм. средоточный пунктъ его ученія о Христѣ, какъ Искупитель. Идея искуп-

ленія — основоположеніе религіи христіанской, Христа — Искупительъ челоѣчества, общеніе съ нимъ, какъ Искупителемъ, — норма духовной жизни; церковь — общество вѣрующихъ во Христа Искупителя. Кажется, воззрѣніе церковное? Не супранатуралистъ ли онъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ; супранатурализмъ церковный онъ считаетъ односторонностью, которая должна полный свой смыслъ находить въ высшемъ воззрѣніи. Что христіанство имѣетъ сверхъестественный (супранатуральный) характеръ, это онъ высказываетъ прямо, но прибавляетъ, что сверхъестественное здѣсь вообще не есть чисто сверхъестественное, но тоже естественное, только въ высшемъ смыслѣ. Супранатурализма въ церковномъ смыслѣ у него поэтому нѣтъ; но онъ отчасти входитъ въ его систему, хотя и своеобразно, закрываясь въ разныхъ фразахъ, и вотъ опора его вліянія на богослововъ-супранатуралистовъ; стѣдить лишь дать преобладающее значеніе этой сторонѣ его системы надъ другою, и развивать болѣе ее. Такъ и случилось: изъ его системы развивали философскій, если можно такъ выразиться, супранатурализмъ. Представители церковной партіи въ протестантствѣ Ничъ Саккъ, І. Мюллеръ, Люкке и др., а потомъ подъ его же вліяніемъ дѣйствовали даже ортодоксы протестантскіе — Гофманнъ, М. Баумгартенъ и др. Но самъ Шлейермахеръ, повторяемъ, не былъ супранатуралистомъ; въ сущности онъ, кажется, даже не *теистъ*. Какъ ни прикрывается онъ фразой, какъ ни эластична эта фраза подъ перомъ его, какъ софистически ни выпутывается онъ изъ противорѣчій, до какихъ доходить, примиряя непримиримыя противоположности, — разоблачая фразу его, нельзя не видѣть, что онъ признаетъ *имманент-*

ное отношеніе Божества къ міру (i), признаетъ необходимое постепенное развитіе Божественной сущности въ міръ явленій (пантеистическій элементъ въ воззрѣніи), а это заставляетъ сомнѣваться даже въ признаніи имъ личности Божества, какъ понимаетъ ее истинное христіанство (хотя терминологія его, повидимому, и противорѣчитъ этому), — заставляетъ сомнѣваться потому, что такія противоположности, какъ личность Божества и *иманентное* отношеніе Его къ міру, не могутъ быть въ одной системѣ, или—одно, или—другое, а вмѣстѣ эти понятія не сопоставимы. Богъ почему онъ не признаетъ особенныхъ отношеній Бога къ міру, не признаетъ чудесъ, какъ явленій сверхъестественныхъ, т. е. не то, чтобъ философски онъ отвергалъ ихъ, а просто обходитъ ихъ, утверждая, что нѣтъ (будтобы) никакой религіозной потребности въ чудѣ, что необходимости въ чудесахъ религіозное чувство не ощущаетъ и пр. т. под. Оттого неопредѣлительность и двойственность его воззрѣнія чувствуется во всемъ его философски-религіозномъ воззрѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ опять тотъ же примѣръ: что такое его Христось, и совершенное Имъ дѣло искупленія? Христось—это идеаль челоуька, въ сознаніи котораго совершеннѣйшимъ образомъ обитало (только!) высшее Существо—Богъ (отвлеченное понятіе—по всей его системѣ), но—не самъ личный живыи Богъ, воплотившійся и ставшій челоуькомъ. Искупленіе Имъ челоуьчества—это только идея искупленія, идея примиренія Божества и челоуьчества (почти тоже, что Гегель назвалъ сознаніемъ во Христѣ единства Божест-

---

(i) Единство Божества и міра.

ва и человечества), а не действительное (фактическое) искупление крестной жертвой, не истинное примирение Божества, какъ вышешірнаго личнаго святѣйшаго Бога, съ его падшимъ, грѣховнымъ образомъ—человѣкомъ посредствомъ крестной смерти вочеловѣчившагося Бога-Слова. Единеніе съ Нимъ върующихъ — не живое, духовное единеніе, а идеальное, единеніе, съ идеей, и не живымъ Богочеловѣкомъ. Вотъ какъ примиряется (будто бы) рационализмъ философіи и супранатурализмъ церковнаго ученія въ теоріи. Что же въ исторіи, особенно исторіи Основателя христіанства? Понятное дѣло, что историческій Христосъ, какъ Онъ изображенъ въ сказаніяхъ о Немъ Его послѣдователей (Евангеліяхъ), или собственно эти сказанія во всей ихъ полнотѣ и цѣлости не имѣютъ для него особеннаго значенія; важенъ идеаль лица, а до подробностей сказаній о фактахъ Его жизни—ему нѣтъ дѣла; они могутъ быть неправильны, не достовѣрны, могли явиться послѣ, имѣть характеръ легенды, и т. под. Этого мало: въ нихъ, по Шлейермахеру, действительно есть недостовѣрное, наприм. всѣ чудеса, которыя, по существу его воззрѣнія, не возможны, а по фразѣ, не требуютъ необходимо религіознымъ чувствомъ. Даже действительности чудесъ воскресенія І. Христа и Его вознесенія онъ не признаетъ, успокоивая, что эти чудеса не составляютъ (будто бы) *существенныхъ* догматовъ христіанства... Вотъ въ силу какихъ воззрѣній имѣлъ онъ вліяніе на представителей крайне отрицательной стороны (крайнихъ гегеліанцевъ) въ области богословской мысли. Вотъ почему самъ онъ въ 31-мъ году читалъ въ берлинскомъ университетѣ свои «Vorlesungen über das Leben Jesu», полный

отрицанія исторической достовѣрности весьма многихъ сказаній евангельскихъ и подлинности первыхъ трехъ Евангелій; слушать эти чтенія нарочно прїѣзжалъ въ Берлинъ изъ Тюбингена тогдашній *репетентъ* въ тамошнемъ университетѣ Дав-Шрауссъ, а потомъ — въ слѣдующемъ по смерти Шлейермахера (1834) году (1835) издалъ свое «Das Leben Jesu». Подъ вліяніемъ Шлейермахера, говорятъ, стоялъ первоначально и Ф. Х. Бауръ, и первое сочиненіе его о міѳологіи написано именно подъ этимъ вліяніемъ, только онъ пошелъ далѣе, и — по логической необходимости — развилъ неопредѣленное воззрѣніе при другихъ вліяніяхъ въ весьма опредѣленную крайность. Діалектическая тонкость мысли Шлейермахера не закрыли вполне отъ исторіи сущности его взгляда, и дальнѣйшая исторія еще болѣе обнаружила, что такое былъ онъ. — Последователи его, развивая его неопредѣлительныя (собственно замаскированныя ^(к)) воззрѣнія, разошлись въ разныя стороны: одни пристали къ крайней гегелевской сторонѣ, другіе — къ крайней ортодоксіи протестантской, третьи, собственно шлейермахерианцы, оставались и остаются въ какомъ-то неопредѣлитель-

---

(к) „Шлейермахеръ хотѣлъ соединить Платона и Фихте, хотѣлъ удовлетворить и разуму и чувству, наконецъ хотѣлъ даже обратить набожность и положительные догматы въ философію. Тогда ему, конечно, пришлось, прибѣгнуть къ фразамъ, которыя не производятъ впечатлѣнія на непосвященнаго въ терминологію, но красота которыхъ восхищаетъ посвященнаго, принимающаго ихъ за высочайшую мудрость, и повторяющаго съ профессорской или пасторской кафедрой“. Шлоссеръ — Истор. XVIII ст. въ рус. пер. Спб. 1860 Т. VII, стр. 35.

номъ, колеблющемся состояніи. Религіозное чувство (часто теплое, съ мистическими оттенками) спасаетъ ихъ отъ крайняго отрицанія, а скепсисъ и неопредѣлительность цѣлой системы воззрѣнія мѣшаетъ простотѣ и цѣльности вѣры, и выходитъ нечто хромающее. Представителемъ этого направленія шлейермахерианцевъ, въ евангельской исторіи собственно, въ недавнее время служилъ извѣстный преподанный по своей личности историкъ Неандеръ. Человѣкъ съ глубокимъ вообще историческимъ смысломъ и тактомъ, мягкій сердцемъ, даже нѣжный, составившій, можно сказать, эпоху въ церковной исторіографіи, — посмотрите, какъ онъ хромаетъ на обѣ плесни и глезни тамъ (въ *Leben Jesu*), гдѣ ему приходится говорить о необыкновенныхъ, сверхъестественныхъ явленіяхъ въ исторіи — чудесахъ (это — пробный камень для повѣрки воззрѣній писателей на евангельскую исторію). Великій мастеръ, художникъ въ анализѣ событій, словъ и дѣйствій лицъ, въ пониманіи и разъясненіи смысла событій, онъ является страннымъ и несноснымъ тамъ, гдѣ событіе требуетъ объясненія не одними человѣческими и естественными дѣйствіями. Еще особенныя, сверхъестественныя, чудесныя дѣйствія *внутреннія*, въ духѣ человѣческомъ совершающіяся, онъ допускаетъ, но какъ скоро дѣло касается чуда, совершившагося во внѣшней природѣ, онъ становится въ затрудненіе признать его въ томъ видѣ, какъ о немъ повѣствуется, и какъ будто не знаетъ, что дѣлать съ нимъ. Возьмите его *Leben Jesu* — это полное выраженіе этого хромающаго направленія. Съ наслажденіемъ читается его полный души и чувства глубокій анализъ событій, совершающихся въ средѣ человѣческихъ дѣйствій еван-

гельской исторіи, живо представляется картина дѣйствія, глубоко понимается смыслъ рѣчей и дѣйствій дѣйствующихъ лицъ, но вотъ подходитъ рѣчь къ событію, выходящему изъ ряда обычныхъ человѣческихъ дѣйствій, и—невольно рождается опасливость; по прочтеніи первыхъ же объясненій подобныхъ фактовъ (въ исторіи рождества и дѣтства Христова)—жаль бываетъ читать дальнѣйшее объясненіе. Знаешь уже, что онъ не отвергнетъ достовѣрности необыкновеннаго событія, какъ сдѣлалъ бы во что бы то ни стало болѣе рѣшительный человѣкъ (въ родъ Штраусса съ своими); нѣтъ, онъ признаетъ его, но странно перетолкуетъ, объяснитъ самымъ необъяснимымъ образомъ; характера чудесности событіе не потеряетъ вполне, а явится какая-то получудесность—полунатуральность, полумистицизмъ—полурационализмъ, чудесность ослабленная, если можно, оставленная въ сторону ⁽¹⁾. Это—тѣнь чудесности, прикрытая однакоже покровомъ чудесности, и поставляемая въ зависимости отъ высшей Божественной силы, новаго духовнаго творенія и—прочихъ эластическихъ и многосмысленныхъ фразъ, изъ коихъ каждый можетъ дѣлать какое угодно приложеніе, и—дѣлаютъ.—Глубокимъ сочувствіемъ и теплою дышать его рѣчи о лицѣ и дѣйствіяхъ Христа; въ Немъ видитъ онъ явленіе высшей Божественной силы, но—нигдѣ не называетъ Его Богомъ, не признаетъ Его Сыномъ Божиимъ воплотившимся, а—считаетъ явленіе Его какимъ-то особеннымъ творческимъ

---

(1) Ср. напр. объясненіе чудснаго исцѣленія больныхъ, воскресенія мертвыхъ, претворенія воды въ вино, напитанія хлѣбама и пр.

актомъ Божества въ человечествѣ (какъ выражался и Шлейермахеръ). Такая же колебательность, нерѣшительность и неопредѣлительность воззрѣнія у всѣхъ представителей, довольно многочисленныхъ, этого направленія. Много прекрасныхъ частныхъ въ ихъ изслѣдованіяхъ внѣ этой стороны, много задушевности, теплоты чувства, сердечности, глубины анализа, глубокаго постиженія событій и ихъ внутренней связи, много силы, діалектики, какъ умной и глубокой комбинаціи идей, много религіозности — сказали бы мы, — но это своеобразная религіозность, опирающаяся на чемъ-то неопредѣленномъ, полумистическомъ, полурационалистическомъ. Здѣсь прекрасныя пособія для изученія библіи и ея исторіи, но только не тогда, когда рѣчь идетъ о событіяхъ особенныхъ, чудесныхъ; въ этомъ случаѣ здѣсь шаткость, неопредѣленность, противорѣчія...

Болѣе полнымъ представителемъ этогоже направленія въ библейско-историческихъ трудахъ, впрочемъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ нѣкоторыхъ мунктахъ, служитъ Евальдъ съ своими, не очень многочисленными впрочемъ, послѣдователями. Враждебно до страстности относясь къ библейско-историческимъ изслѣдованіямъ крайней отрицательной стороны, онъ въ то же время враждебно относится къ строгому церковно-протестантскому воззрѣнію на евангельскую и апостольскую исторію, и силится развить и утвердить въ исторіи именно, кажется намъ, воззрѣнія Шлейермахера, и — изслѣдованія его имѣютъ тотъ же характеръ колебательности. — Въ своей «Исторіи Христа и Его времени» ^(*), которою весьма много вос-

(*) Ewald's — Geschichte d. Volk. Isræl. B. V. Geschichte

пользовался и въ отношеніи къ общему тону, и въ отношеніи къ многимъ частностямъ Ренанъ (отбросивъ впрочемъ философскія воззрѣнія и основоположенія этихъ воззрѣній), онъ является совершенно съ тѣми же недостатками и достоинствами, съ какими необходимо соединено все это направленіе, по самой сущности воззрѣній. Съ великимъ сочувствіемъ относится онъ къ лицу І. Христа, но нигдѣ не называетъ Его Богомъ, какъ и Неандеръ и Шлейермахеръ. Подобно имъ, онъ видитъ въ явленіи Христа какой-то особенный актъ Божества, но не чудо воплощенія Бога-Слова. Онъ признаетъ и нѣкоторые чудеса (повѣствуемая въ Евангеліи Іоанна, которое одно признаетъ онъ подлиннымъ, какъ и Шлейермахеръ), но чудеса не въ смыслъ церковнаго ученія, а какъ какія-то особенныя таинственныя дѣйствія, происходящія или отъ полноты мессіанскаго достоинства Христа, или отъ энергіи вѣры тѣхъ, которые совершаютъ, или надъ которыми совершаются чудеса. Что такое эти дѣйствія въ сущности своей, неизвѣстно, но только это не чудеса въ церковномъ смыслѣ, а какія-то таинственные случаи въ природѣ. — Въ устраненіи чудесъ, не признаваемыхъ имъ, онъ впрочемъ рѣшительнѣе Неандера, я строже въ этомъ отношеніи держится Шлейермахера. Признавая, подобно ему, одно только Евангеліе Іоанна подлиннымъ, всѣ остальные онъ не признаетъ такими, и тѣмъ устраняетъ чудесныя событія, въ нихъ описываемыя. Но и здѣсь таже шаткость воззрѣнія и

Christ. und sein Zeit. Götting. 1857. Ср. разныя статьи его, относящіяся къ этому предмету въ его же — Jahrbüchern d. Biblisch. Wissenschaft. 1848—1862.

очень оригинальная. Онъ не отвергаетъ совершенно подлинности этихъ Евангелій, но въ тоже время и не считаетъ ихъ подлинными (Ренауъ, какъ увидимъ, въ сущности держится тогоже начала). Первоначальныя записи евангельскихъ событій сдѣланы, по его мнѣнію, очевидцами, или людьми очень близкими къ описываемымъ событіямъ; но эти записи—не наши Евангелія, а вошли въ нихъ только какъ часть, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ частяхъ и какъ основоположеніе. Онъ предполагаетъ нѣсколько евангелій болѣе древнихъ, чѣмъ наши каноническія Евангелія, послужившихъ источникомъ и основаніемъ этихъ послѣднихъ. Первое—то, которымъ будто бы пользовался апостоль Павелъ, и составлено вѣроятно Филиппомъ; второе—собраніе изреченій Христовыхъ Матѳея; третье—первоначальное Марково (Ur-Marcus), которое потомъ приняло видъ нашего Евангелія отъ Марка; четвертое—Das Buch d. höhern Geschichte; пятое—наше нынѣшнее Евангеліе Матѳея; за тѣмъ слѣдуютъ—шестое, седьмое и осьмое, которымъ онъ не нашелъ названія, которыя однакоже по стилистическимъ и другимъ особенностямъ можно (будто бы) отличить одно отъ другаго въ составъ нашихъ Евангелій. Изъ всего этого (кромя нынѣшняго Евангелія отъ Матѳея) составилось Евангеліе отъ Луки нынѣшнее. Такъ, по мнѣнію Евальда, произошли три первыя наши каноническія Евангелія. Спрашивается: гдѣ же свидѣтельства объ этомъ? Свидѣтельствъ нѣтъ; а есть будтобы топографическія, историческія, географическія, стилистическія, и другія указанія въ самыхъ нашихъ Евангеліяхъ (въ составъ которыхъ они вошли),—указанія, которыхъ, разумѣется, кромѣ изобрѣтателей ихъ, никто не замѣчаетъ. Стран-

ныя выдумки, ни на чемъ не основанныя, а на нихъ хотять построить точную исторію жизни Богочеловѣка!.. А жаль, что такой шаткій и произвольный принципъ положенъ въ основаніе историческихъ изслѣдованій этихъ людей. Тамъ, гдѣ представители этого направленія стоятъ на чисто исторической почвѣ достовѣрности извѣстныхъ историческихъ записей, они превосходно объясняютъ смыслъ событій, въ которыхъ нѣтъ сверхъестественнаго, глубоко проникаютъ въ значеніе событій и излагаютъ ихъ прекрасно. Но ложное начало даетъ ложный колоритъ всему: цѣлые ряды событій, подъ вліяніемъ мысли о переработкахъ первоначальныхъ записей, получаютъ совсѣмъ превратный смыслъ, и освѣщаются ложнымъ свѣтомъ, а иногда, подъ вліяніемъ этой мысли, въ прекрасно изображенномъ цѣломъ рядъ фактовъ—смыслъ частныхъ фактовъ извращается, инья устраниются, и картина выходитъ фальшивая. Все сочувствіе къ лицу Богочеловѣка оказывается фальшивымъ, исторія его—неточной; и лишь нѣкоторыя частности заслуживаютъ полнаго вниманія; ложное начало въ воззрѣніи постоянно даетъ чувствовать себя въ приложеніи, и—тѣмъ обличаетъ свою несостоятельность.

Таковъ исходъ второй попытки примирить супрानатурализмъ церкви и рационализмъ школьной философіи въ одномъ общемъ воззрѣніи, гдѣ ихъ односторонность сглаживалась бы (или, какъ выражаются, примирялась бы). Опытъ Гегеля, къ приложеніи теоріи къ исторіи евангельской, привелъ въ миѳу Штраусса съ последователями и крайнимъ отрицательнымъ воззрѣніемъ, при которыхъ нѣтъ и не можетъ быть никакой исторіи; опытъ Шлейермахера не привелъ почти ни къ чему

твердому въ этомъ отношеніи; его послѣдователи разошлись въ разныя стороны, или находятся въ какомъ-то неопредѣленномъ, колеблющемся положеніи. Замѣтимъ впрочемъ, что въ теоретическомъ богословіи эта неопредѣлительность и колебательность менѣе замѣтна, и—здѣсь находитъ себѣ это направленіе *примиряющее* (какъ называютъ его) довольно много послѣдователей, которые видятъ здѣсь философское воззрѣніе на религію, и—увлекаются имъ...

3. Почти все это движеніе мысли происходило въ школахъ, развивалось вполнѣ въ небольшихъ сравнительно кружкахъ дѣйствующихъ лицъ, и вліяніе отсюда, хотя быстрое и сильное—электризирующее, ограничивалось также не очень многочисленными сравнительно друзьями такъ называемаго свободно-философскаго міросозерцанія. Разумѣется, было довольно людей (и есть) только причислявшихъ себя къ послѣдователямъ какой-либо школы, бравшихъ изъ нея лишь нѣкоторыя фразы, а иногда и воззрѣнія частныя, на самомъ же дѣлѣ вовсе не принадлежавшихъ ни къ какой школѣ, не участвовавшихъ въ развитіи никакихъ идей. Собственно же въ церковной партіи протестантской господствовалъ и господствуетъ супранатурализмъ въ воззрѣніи религіозномъ и наукъ, и—огромное большинство представителей и членовъ ея стоятъ собственно на почвѣ супранатурализма, хотя по временамъ и мѣстамъ видоизмѣняемаго и примиряемаго съ рационализмомъ, какъ напр. у нѣкоторыхъ послѣдователей Шлейермахера, стоящихъ ближе къ супранатуральному воззрѣнію, но въ то же время держащихся такъ называемой посредствующей теологіи. Естественное ли дѣло, чтобъ это большинство супранатуралистовъ не отстаивало

вало своего воззрѣнія при помощи всѣхъ данныхъ науки?... Оно должно было защищать свое воззрѣніе отъ всевозможныхъ нападеній школьно-философскихъ воззрѣній, оно имѣло неодолимые средства помиривать со всѣми этими воззрѣніями, развивать и объяснять свое, показывать несостоятельность тѣхъ, и противъ нихъ организовать въ особую школу, которая бы не съ церковной только, а и съ университетской кафедрѣ дѣлала свое дѣло, и — не въ смыслъ только примиряющаго (Шлейермахерова) направленія. Въ концѣ прошлаго и началъ нынѣшняго вѣка въ Германіи была такая школа, но предъ новыми воззрѣніями школьной философіи она уже теряла свою силу, слабѣла. Въ третьемъ десятилѣтіи, когда уже достаточно обнаружались направленія и стремленія упомянутыхъ философско-богословскихъ школъ, сильно подрывавшія церковный супранатурализмъ, но еще не обличавшія своимъ крайнимъ развитіемъ несостоятельности своихъ собственныхъ стремленій, а потому заманчивыя и завлекательныя, почувствовалась настоятельная потребность и у супранатуралистовъ образовать свою школу для проведенія и развитія своего воззрѣнія съ университетскихъ кафедръ, и для критики другихъ направленій. Она и образовалась какъ будто независимо ни отъ какой особенно выдававшейся личности, а просто подъ вліяніемъ убѣжденій, господствовавшихъ въ чистомъ протестанствѣ. Но вскорѣ, по своей обширной и неутомимой дѣятельности, въ главѣ ея явился Берлинскій профессоръ Генгстенбергъ, читавшій лекціи и дѣйствовавшій нѣкоторое время въ одномъ зданіи съ Гегелемъ и Шлейермахеромъ. Съ обширной эрудиціей, съ живымъ, бойкимъ, пламен-

нымъ даромъ слова, съ рѣдкою смѣлостью и непреклонной рѣшимостію, онъ началъ свою рѣшительную рѣчь въ пользу чистаго, безусловнаго супранатурализма въ библии, и — прямо сталъ въ рѣшительную и запальчивую оппозицію и полемику со всѣми, кто съ какой-нибудь стороны покушался подрывать основы супранатуральнаго воззрѣнія, т. е. вступилъ въ полемику съ помянутыми школами и всѣми ихъ оттѣнками, со всѣми проявленіями школьнаго философствующаго богословія и—экзегеза. Нужна была смѣлость и рѣшительность, чтобъ такъ выступить въ то время лихорадочной дѣятельности школьной философіи. Но рѣшительное слово, прямое, определенное, имѣетъ часто магическое дѣйствіе, и всегда находитъ себѣ много подражателей. Около Генгстенберга сгруппировался довольно значительный кругъ людей, подготовленныхъ ко всякой полемикѣ, и серьезно, душевно-преданныхъ дѣлу супранатурализма. Сюда примкнули а) остававшіеся въ живыхъ дѣятели прежней церковной школы (такъ называемой старой Тюбингенской), много видѣвшіе и пережившіе на своемъ вѣку; б) сюда перешли со временемъ люди совсѣмъ противоположныхъ направленій. Мы сейчасъ сказали, что рѣшительное слово имѣетъ часто магическое дѣйствіе: дѣти рационалистовъ перебѣжали точно такъ же подъ знамя рѣшительнаго слова протестантской ортодоксіи, какъ отцы ихъ бѣжали подъ знамя рационализма, а порой и самые отчаянные рационалисты переходили на сторону супранатурализма; в) сюда пристали наконецъ и многіе нерѣшительные прежде люди, растерявшіеся было въ волнахъ философской бури, и потомъ образумившіеся. Такъ, говоримъ, образовался обширный кругъ богослововъ,

душевно преданныхъ супранатурализму, готовыхъ защищать его всѣми данными науки, готовыхъ полемизировать во всеоружіи всѣхъ научныхъ данныхъ стойко, открыто, со всѣми врагами, кто бы они ни были. Такъ вооружившись они твердо пошли своей дорогой, не боясь ничего. Начиная съ берлинскаго, во всѣхъ знаменитыхъ университетахъ поборники этой школы съ энергіей развивали и защищали свое воззрѣніе и полемизировали съ другими противными (Генгстенбергъ—въ берлинскомъ университетѣ, Толлоккъ—въ Галльскомъ, Геферникъ—въ Кенигсбергскомъ, Ольсгаузенъ—въ Кенигсбергскомъ и Ерлангенскомъ; Деличъ—въ Ростокскомъ и Ерлангенскомъ; Каспари—въ Христіаніи, Герике—въ Галльскомъ; Кейль и Куртцъ въ Дерптѣ; Еббралдъ, Рудельбахъ, Баумгартень и мн. др.).

Само собою разумѣется, что какъ скоро Генгстенбергъ и ему сочувствующіе выступили съ рѣшительнымъ словомъ въ защиту церковнаго воззрѣнія на библію и христіанство, воззрѣнія чисто супранатуральнаго, на нихъ, особенно на Генгстенберга, напали всѣ партіи съ ихъ оттенками, стоявшія подѣ влияніемъ философій школъ, и завязалась рѣшительная полемика. И много пришлось терпѣть Генгстенбергу особенно отъ людей, любящихъ вмѣсто серьезныхъ историческихъ доказательствъ философскую и не философскую брань и ругательства! Какъ только его ни называли, сколько насмѣшекъ, брани и ругательствъ долженъ былъ онъ вынести! Но—смѣлости и діалектики у него много, эрудція его огромна, и—онъ отплачивалъ своимъ недругамъ тоюже самою монетою, резко отбивался отъ всѣхъ и энергически противодействовалъ школьно-философскимъ воззрѣніямъ. Усилившаяся шко-

ла энергически поддерживала его въ борьбѣ и полемикѣ съ замѣчательнымъ единолушіемъ, не смотря на нѣкоторыя незначительныя разногласія въ рѣшеніи частныхъ вопросовъ. Каждый вопросъ, выставленный той или другой школой и партіей, даже маловажный вопросъ, не говоря уже о важнѣйшихъ, отдѣлявшихъ школы и партіи отъ церкви, находятъ отголосокъ въ этой школѣ; его разбираютъ исторически и теоретически, слѣдятъ и выводятъ вѣружу всю живость діалектики, все предвзятія мысли, все противорѣчія противниковъ, шагъ за шагомъ идутъ за ними, и—поражаютъ ихъ. Полемируя въ журналахъ, они въ тоже время развивали широко свои воззрѣнія въ многочисленныхъ ученыхъ серьезныхъ книгахъ, относящихся къ бібліи ветхаго и новаго завета, и литература этой школы останется надолго великимъ сокровищемъ, тогда какъ литература школьныхъ воззрѣній быстро поступаетъ въ архивы, какъ явленія минуты, не имѣющія постоянного по истинности своей значенія. — Мы увѣрены, что и съ кенгой Ренана въ скоромъ времени будетъ тоже. — Съ идеями, развивавшимися изъ системы Гегеля въ крайней сторонѣ его школы, эта школа стояла въ открытой враждѣ, и упорно, настойчиво и умно опровергала все, что та утверждала, особенно въ области исторіи, и лучшія книги полемическія противъ Штраусса и его единомышленниковъ вышли изъ этой школы. Также надобно сказать и объ отношеніи ея къ новой тюрингенской школѣ. Впрочемъ—главнымъ противникомъ этой послѣдней, слѣдившимъ за ней шагъ за шагомъ и неутомимо ратовавшимъ противъ ея историческихъ грѣзъ былъ и остается Евальдъ. Послѣдователи Шлейермахера средняго напра-

влянія стояли ближе къ этой церковной школѣ, и иногда дѣйствовали съ нею за одно, но встрѣчали сильное противодѣйствіе себѣ вездѣ, гдѣ они лукаво мудрствовали о супранатурализмѣ въ исторіи и теоріи, особенно относительно ветхаго завѣта, которому не придавалъ Шлейермахеръ почти никакого значенія для христіанства, и, можетъ быть, трудамъ этой школы, между прочимъ, надобно приписать перемѣну воззрѣнія на ветхій завѣтъ у послѣдователей Шлейермахера, начавшихъ развивать мысль о тѣсной связи ветхаго завѣта съ новымъ (Евальдъ). Эта школа неутомимо дѣйствуетъ и теперь, не смотря на ярые возгласы противъ нея другихъ школъ; она непоколебимо твердо стоитъ на своей почвѣ: ибо въ библейскомъ супранатурализмѣ— истина.

4. Посмотримъ наконецъ на послѣднія философскія направленія въ ихъ вліяніи на богословскую мысль, и въ частности на воззрѣнія на библію. Мы оставили гегелевскую школу въ тотъ моментъ ея развитія, когда въ приложеніи ея началъ къ библии отринуто было въ евангельскихъ сказаніяхъ о Лицѣ І. Христа почти все, какъ недостоверное, какъ ложное, какъ намѣренно измышленное. Далѣе въ этомъ отношеніи, сказали мы, идти было нельзя,—нѣкуда.—Въ области теоретическаго богословія догматикой Штраусса (1840.1841.) и подобныхъ ему сдѣлано тоже самое, что и въ евангельской исторіи: догматы, какъ ихъ понимаетъ церковь, представлены какъ неимѣющіе смысла, и на ихъ мѣсто поставлены пантеистическія формулы; вмѣсто христіанской религіи является религія пантеистическаго понятія. Увидѣли наконецъ, къ чему ведетъ и привела эта считавшаяся въ началѣ консервативною

система философіи Гегеля; она отозвалась притомъ разрушительно не только на богословіи, но и въ другихъ областяхъ мысли и въ жизни. Новое прусское правительство (1840) почло нужнымъ поставить противодѣйствіе этому разрушительному потоку: вызванъ былъ, между прочимъ, изъ Мюнхена старый философъ Шеллингъ, котораго новая философія была бы противодіемъ крайнимъ разрушительнымъ стремленіямъ крайняго развитія системы Гегеля. Шеллингъ явился и читалъ, но цѣль была достигнута далеко не вполне. Шеллингова система далеко не удовлетворила ожиданій и—ей будущности не предстояло, и, говорятъ, не предстоитъ. Не отъ этого стараго своего учителя Гегелю суждено было пасть,—онъ палъ когда была разоблачена крайность его системы во всѣхъ отношеніяхъ, онъ палъ отъ рукъ своихъ же учениковъ.—Отрицаніемъ во всѣхъ областяхъ мысли крайняя сторона его школы возбуждена была въ высшей степени, и крайность эта выразилась особенно въ *Hallschen Jahrbüchern* (основанныхъ первоначально Гегелемъ) около 1843 года, особенно въ пресловутомъ предисловіи къ этому изданію въ этотъ годъ. Здѣсь восторженно разсуждали о реформѣ сознанія, которая есть вмѣстѣ и реформа всего міра, и которая теперь (т. е. 1843 г.) неизбежно предстоитъ, какъ необходимость; объявили себя открыто противъ христіанства, которое нужно изгнать изъ Европы, какъ зло... и пр. и проч. безумные глаголы... Конечно, это было въ высшей степени странное явленіе въ кругу нѣсколькихъ экзальтированныхъ личностей, и люди опытные предостерегали ихъ; но—такова сила экзальтаціи, что она ничего не слушается, и—они продолжали настаивать на ре-

формъ сознанія и міра... Но на какомъ же основаніи реформа? Реформа не мыслима при одномъ отрицаніи—нигилизмъ?... Конечно, чистаго, полнаго отрицанія не можетъ быть, бываетъ при этомъ всегда нѣчто положительное, но для реформы сознанія и міра мало этого—нѣчто, нужны хорошо выработанныя, положительныя основы—философскія или религіозныя, или какія бы то ни было; а тутъ какія были основы?..

„Weg mit der Metaphysik und Logik“—долой метафизику и логику (славу и украшеніе великаго берлинскаго пантеиста!?). *Физика и антропология*—вотъ единственные источники истиннаго знанія, науки и религіи.—Вотъ смыслъ новой философіи ученика Гегелева Фейербаха.—Съ тѣмъ вмѣстѣ пала система философіи Гегеля, и дано было новое начало философіи, которое и развивается даже до сего дня, впрочемъ не одно. На развалинахъ системы Гегеля основалась не одна система.—Еще въ то время, когда философія Гегеля имѣла полное свое вліяніе на умы, были люди, воспитанные на почвѣ этой же философіи, но неудовлетворившіеся ею, видѣвшіе ея основную ложь, справедливо думавшіе, что пантеизмъ ея не находитъ себѣ собственно философскаго оправданія, что онъ—собственно отвлеченность, которая также, какъ и отвлеченный теизмъ, не можетъ разрѣшить великую загадку міра. Что такое абсолютное Гегеля? Это есть нѣчто совершенно отвлеченное, даже отвлеченнѣйшее, *carit motum* отвлеченія, нѣчто такое, что остается, когда исчезаетъ всякая опредѣленность и индивидуальность. Конкретнымъ является оно только въ частныхъ индивидуальных предметахъ самообнаруженія его, но эти предметы суть только моменты процесса его само-

обнаруженія, нѣчто постоянно преходящее, самоуничтожающееся, а кромѣ этого постоянно преходящаго, самоуничтожающагося что же остается? Что-то отвлеченно-всеобщее, или чистое бытіе, какъ называетъ его Гегель, т. е. бытіе безъ всякихъ атрибутовъ, которыми бы можно было характеризовать его, т. е. безличное. Не ужели это основа всего? И абсолютное и міръ, какъ его самообнаруженіе въ вѣчномъ процессѣ — это какая-то вѣчная игра чего-то, это воздымающіяся и исчезающія волны какого-то хаоса, гдѣ нѣтъ никакого центрального пункта, въ которомъ все движущая сила не имѣетъ ни сознанія, ни свободы, а является какой-то слѣпой необходимостію вѣчнаго появленія и вѣчнаго исчезновенія. — Изъ этого вѣчнаго процесса игры абсолютнаго въ явленія и уничтоженіе ихъ опять въ немъ же, изъ этого волнообразнаго, въ существѣ дѣла, безцѣльнаго движенія — возникновенія и уничтоженія предметовъ и явленій міра мысль невольно стремится высвободиться, признать міръ и его явленія болѣе самостоятельными, болѣе дѣйствительными, отличными отъ Божества самого въ себѣ, и Божество отличнымъ отъ него, т. е. признать личность и свободу Божества въ одѣльности или отличіи отъ міра, чего въ гегелевскомъ пантеизмѣ нѣтъ и не можетъ быть, чего въ сущности нѣтъ и у Шлейермахера. — Это задача новаго развившагося далѣе Гегелевой системы направленія философіи, извѣстнаго подъ именемъ *спекулятивнаго теизма*, представителями котораго служатъ Фишеръ — (Jdee Gottheit. 1839.), Вейссе (Jdee Gottheit. 1843.), Виртъ (Speculative Jdee Gottes. 1845.), Фихте (Speculative Theologie 1846.), и др. Трудно судить, что выйдетъ изъ этого направленія въ отраже-

ни его на библейское воззрѣіе вообще и на первобытное христіанство въ частности, тѣмъ болѣе, что это воззрѣіе, кажется, еще не развилось вполне. За то полно развилось фейербаховское воззрѣіе.

Думалъ ли Гегель, что лѣтъ черезъ десять послѣ его смерти, его же послѣдователи, развивая въ крайность его же систему, стройную и величавую по видимому, разобьютъ ее такъ, что останутся отъ нея одни только обломки, а потомъ и сами такъ же разобьются?—А такъ случилось. — «Прочь съ метафизикой и логикой! Гегель принадлежитъ уже къ ветхому завѣту новой философіи»—вотъ отношеніе къ нему его ученика Фейербаха. Долго онъ самъ носилъ оковы этой свособразной Гегелевой метафизики и логики, и—наконецъ сбросилъ ихъ съ себя съ яростію изступленнаго, преслѣдуя всюду, и смѣясь надъ этой «чистой» мыслью, надъ «чистымъ» бытіемъ, надъ «бытіемъ въ себѣ, внѣ себя и для себя», видя въ этой метафизикѣ извращеніе смысла. По Гегелевой философіи Божество — предметъ нашей мысли, нашего знанія, но эта мысль, это знаніе есть его же собственная мысль, его собственное знаніе; оно само въ насъ мыслить себя, познаетъ себя и такимъ образомъ наша мысль о немъ, наше знаніе есть въ насъ мысль и знаніе его самого о себѣ самомъ. Здѣсь въ основаніи—раздвоеніе религіознаго сознанія въ тождествѣ сознанія божественнаго и человѣческаго. Это—ложь, какой-то странный дуализмъ. Въ существѣ дѣла, умствуешь Фейербахъ, то, что человѣкъ называетъ Богомъ, есть олицетвореніе его же самого—въ его всеобщности или родъ (gattung), т. е. Фейербахъ поставилъ Божество и человечество совсѣмъ въ обратное отно-

шеніе, чѣмъ Гегель; у этого послѣдняго Божество сознаетъ себя въ человѣчествѣ, у Фейербаха—человѣчество представляетъ себя въ Божествѣ.—Сознаніе о Богѣ, по воззрѣнію Фейербаха, есть сознаніе о человѣчествѣ въ его отвлеченной общности, въ его родѣ (*bewusstsein der Gattung*); абсолютное поэтому есть—не духъ, въ его хотя отвлеченномъ отличіи отъ природы, но сама природа, или точнѣе—человѣческая природа въ ея единствѣ съ природою вообще.—Изъ этого можно повясть, какъ Фейербаховское воззрѣніе относится къ религіи собственно. Если, по мнѣнію Фейербаха, божественное существо есть не что иное, какъ олицетвореніе существа чловѣка самого: то сущность религіи—не въ отношеніи Бога къ чловѣку и чловѣка къ Богу, а въ отношеніи чловѣка къ самому себѣ, но—не какъ къ индивидуальному, отдѣльному чловѣку, а какъ къ общности рода, слѣдовательно, какъ будто къ другому объективному, даже противоположному существу. Это отношеніе чловѣка къ религіи, по мнѣнію Фейербаха, коренится въ томъ, что религія по существу своему есть нѣчто практическое, впрочемъ въ исключительномъ, одностороннемъ, эгоистическомъ смыслѣ: потребности сердца жаждутъ успокоенія, фантазія составляетъ представленіе о предметѣ, въ которомъ думается найти это успокоеніе, и—вотъ Богъ. Тайна теологіи есть—антропологія.—Такъ устранень живой Богъ изъ міра: осталась одна природа съ своими силами и законами, и—вотъ основа грубаго матеріализма. Еще одинъ шагъ: Божество, по этому воззрѣнію, есть иллюзія—выдумка чловѣка, и—эта иллюзія держитъ чловѣка въ оковахъ, препятствуетъ его свободѣ; нужно уничтожить эту иллюзію,

какъ вредную, и—вотъ основа того фанатизма, съ которымъ эта безбожная въ собственномъ смыслѣ философія относится ко всякой религіи и—къ христіанству, хотя и признаетъ его необходимымъ историческимъ моментомъ въ развитіи сознанія челоѵчества, какъ и весь другія религіи древнія и новыя. Такъ и для новой философіи христіанство стало, какъ и для древней языческой, *безуміемъ*, какъ говоритъ апостоль (1 Кор. 1, 23.); *глаголющяся быти мудри, обюродѣша, и—вмѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна челоѵка* (Римл. 1, 22. 23.). Дикая фантазія—убѣдить челоѵчество, что оно въ продолженіе болѣе 7000 лѣтъ все заблуждалось, вѣруя въ Бога...

Мы представили воззрѣніе Фейербаха и его послѣдователей въ крайности его развитія. Не столь ослѣпленные и не столь рѣшительные люди, но зараженные этимъ воззрѣніемъ, боятся доходить до этого печальнаго конца мнимой философіи, и—въ сущности принимая основы ея, вдаются въ разныя сдѣлки съ своею совѣстью и положительной религіей, боятся отвергать вполне эту послѣднюю и силятся найти примиреніе между ними. Но надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что это примиреніе невозможно, что никакія сдѣлки здѣсь не у мѣста, и что самое появленіе такихъ сдѣлокъ было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Къ разряду такихъ сдѣлокъ ново-матеріалистической философіи съ христіанствомъ, въ приложеніи собственно къ евангеліямъ и исторіи Основателя Христіанской религіи, принадлежитъ и книга Ренана, по нашему мнѣнію.—Она есть выраженіе не вполне грубаго и наглаго, но смягченнаго воззрѣнія на

лице и дѣло Христа съ точки зрѣнія не теологін, но антропологін и самостоятельнаго историческаго развитія религій, какъ одного изъ элементовъ развитія общечеловѣческаго сознанія.

Правы ли мы, причисляя Ренапа къ такъ называемымъ тонкимъ матеріалистамъ, въ существѣ дѣла—атенстамъ, но вступающимъ въ сдѣлки съ откровенной религіей и проводящимъ въ религію матеріализмъ подѣ тонкой изящной формой гуманизма? Въ его «Жизни Иисуса» мы не нашли опредѣлительно выраженнаго его понятія о Богѣ и религій; онъ кроется здѣсь во фразы. Въ другомъ его сочиненіи, которое у насъ подѣ руками ^(н), по мѣстамъ яснѣе и опредѣлительнѣе высказывается его теоретическое воззрѣніе на религію, хотя фразой и здѣсь онъ весьма много скрываетъ точность своего воззрѣнія, намѣренно ли или же не намѣренно—по бесилію мысли и неопредѣлительности самого воззрѣнія. Вотъ одно (и кажется единственное) мѣсто изъ его «Жизни Иисуса», въ которомъ выражаются довольно ясно его общія понятія о Богѣ. «Чтобы хорошо понять характеръ набожности (pietè) Иисуса, надобно отвлечься отъ всего, что поставлено между евангеліемъ и нами.—Деизмъ и пантеизмъ сдѣлались двумя полюсами богословія. Скучныя разглагольствованія схоластики, сухость духа у Декарта, умаляя Бога и нѣкоторымъ образомъ ограничивая его исключеніемъ всего того, что не—онъ, погасили въ средѣ новаго рачіонализма всякое плодотворное чувство Божества. Если Богъ, въ самомъ дѣлѣ, есть

(н) Etudes d'histoire religieuse, 2 édit. Paris. 1857.

существо ограниченное, вне насъ, то всякій, кто думаетъ имѣть особенныя отношенія къ Богу, есть «визіонеръ», а—какъ науки физическія и физиологическія показали, что всякое сверхъестественное видѣніе есть иллюзія: то денствъ хотя не много послѣдовательный находится въ невозможности понять великія вѣрованія прошедшаго. Пантеизмъ съ другой стороны, подавляя личность Божества, такъ же далекъ отъ того, чтобы быть въ состояніи понять живаго Бога древнихъ религій. Люди, которые слишкомъ глубоко постигали Бога, какъ Шакіа-муни (Будда), Платонъ, св. Павелъ, св. Францискъ Ассизскій, св. Августинъ, въ нѣкоторыя минуты своей подвижной жизни, были ли денствы или пантеисты? Такой вопросъ неимѣетъ смысла. Доказательства бытія Божія физическія и метафизическія были для нихъ безразличны; они чувствовали божественное въ себѣ самихъ. На первомъ мѣстѣ этой великой семьи истинныхъ сыновъ Божіихъ должно поставить Иисуса. Онъ не имѣлъ видѣній. Богъ не говоритъ съ нимъ, какъ какое-либо существо вне Его находящееся; Богъ въ немъ, Онъ чувствуетъ себя съ Богомъ, и Онъ изъ своего сердца извлекаетъ то, что говоритъ отъ лица своего Отца. Онъ живетъ въ лонѣ Отца чрезъ сообщеніе съ Нимъ во всякую минуту. Онъ не видитъ его, но ощущаетъ его, неимѣя нужды ни въ громъ и горящей купинѣ, какъ Моусей, ни въ бурь откровенія, какъ Іовъ, ни въ оракулъ, какъ древніе греческіе мудрецы, ни въ особомъ геніѣ, какъ Сократъ, ни въ ангель Гавріиль, какъ Магометъ.... Онъ вѣритъ, что онъ въ прямомъ (непосредственномъ) отношеніи къ Богу,—онъ вѣритъ, что онъ сынъ Божій. Самое высшее сознаніе Бога, какое только суще-

ствовало среди человечества, есть сознание Иисусово (o). Понятно ли, въ какого Бога вѣруеть Ренанъ? Онъ не—действъ признающій личность Божества; онъ—не пантеистъ, признающій развитіе личности Божества въ личности человека и человечества. Кто же онъ?... Онъ вѣритъ въ Бога, въ котораго вѣрили язычники—Будда и Платонъ, нечестиво соединяя съ этими именами имена Господа Христа и св. апостола Павла, будто бы вѣровавшихъ въ того же Бога, въ котораго вѣрили и помянутые язычники, хотя и говорить: «Иисусъ отноду небылъ такимъ спекулятивнымъ философомъ, какъ Шакіа-муни» (n). Понятно, по крайней мѣрѣ, какъ нельзя яснѣе, то, что Христосъ Ренана не есть Сынъ Божій воплотившійся. Онъ такой же человекъ, какъ Шакіа-муни и Платонъ... Но что же это за Богъ, въ котораго вѣровалъ Иисусъ?... Изъ всѣхъ приведенныхъ фразъ Ренана, очевидно, нельзя составить никакого понятія о семъ, кромѣ того, что Богъ—не особое отдѣльное отъ Иисуса существо, а Богъ—его собственнаго сознанія, въ которомъ была такая же идея Божества, какъ и въ сознаніи Шакіа-муни и Платона!... Обратимся къ другому его сочиненію, которое у насъ подъ рукою. Вотъ что наприм., оканчивая свой отзывъ о Фейербахъ и новогегелианской школѣ, пишетъ онъ, послѣ нѣсколькихъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, фразъ о Богѣ: «тѣмъ, которые, становясь на точку зрѣнія субстанціи, спросятъ меня: такой Богъ—есть ли онъ, или нѣтъ,—я отвѣчу: о

(o) Vie de Jesu. p. 74. 75. VI edit.

(n) Ibid. p. 75. 76.

Богъ! Онъ-то и существуетъ, а все остальное только кажется существующимъ. Предполагая даже, что для насъ философовъ другое слово было бы лучше, такъ какъ слова отвлеченныя не выражаютъ достаточно ясно дѣйствительнаго бытія, было бы величайшей не сообразностью для насъ—порѣшить такимъ образомъ со всѣми поэтическими источниками прошедшаго и отдѣлиться нашимъ языкомъ отъ простыхъ людей, которые такъ хорошо по своему почитаютъ (Бога). Слово: Богъ есть предметъ почтенія для человѣчества; это слово для него давно предписано, и употреблялось въ изящныхъ произведеніяхъ поэзіи; отказаться отъ него значило бы извратить всѣ обычаи языка и бросить ихъ. Скажите простымъ людямъ: жить стремленіемъ къ истинѣ, красотѣ и доброй нравственности,—эти слова не будутъ имѣть для нихъ никакого смысла. А скажите имъ: любить Бога, не оскорблять Бога,—они поймутъ васъ сразу. Богъ, провидѣніе, безсмертіе, это—такія добрыя старыя слова, хотя можетъ быть нѣсколько тяжелыя, которыя философія будетъ толковать въ смыслъ болѣе и болѣе утонченномъ, но которыхъ она никогда незамѣнитъ (другими) съ пользой. Подъ той или другой формой Богъ всегда будетъ—*сущность (resumè) нашихъ сверхъчувственныхъ потребностей, категорія идеальнаго* (т. е. форма, подъ которою мы понимаемъ идеаль), какъ пространство и время суть *категоріи тѣла*, (т. е. формы, подъ которыми мы понимаемъ тѣла). Другими словами: человѣкъ поставленный предъ предметами прекрасными или истинными, выходитъ изъ себя самого, и восхищенный прелестію небесною, уничтожаетъ свою бѣдную личность, возвышается, поглощаетъ

ся. Что же это, какъ не поклоненіе?...» (p) Вотъ Богъ Ренана, вотъ—его религія! Богъ,—категорія; Богъ—gesühе человѣческихъ потребностей—есть ли это живой Богъ христіанскій? Очевидно, нѣтъ. «Вѣчная красота, заключаетъ онъ свои этюды объ критическихъ историкахъ Иисуса, будетъ жить навсегда въ этомъ высокомъ имени (Иисуса), какъ и во всѣхъ тѣхъ, которыхъ человѣчество избрало, чтобъ представить себя себя тѣмъ, что оно есть, и упитъся своимъ собственнымъ образомъ. Вотъ Богъ живой, вотъ тотъ, кому подобаешь поклоненіе!» (c). Такъ, это очевидно тотъ Богъ, котораго создала философія Фейербаха, Богъ, какъ олицетвореніе человѣкомъ себя самого въ общности рода, какъ идеаль человѣчества. Только напрасно Ренанъ называетъ такого Бога живымъ; это не живой Богъ, а отвлеченность;—Фейербахъ и не называетъ его живымъ. Таково понятіе Ренана о Богѣ. Иллюзію божества, изобрѣтенную Фейербахомъ, онъ посредствомъ фразы превращаетъ будто бы въ живаго Бога: непостижимая странность! Пусть Фейербахъ съ отчаяніемъ изступленнаго силится разбить понятіе Гегелева абсолютнаго и замѣнить его понятіемъ рода (gattung): это еще нѣсколько понятно, при лихорадочномъ направленіи школьной философіи Германіи. Но чего хочетъ Ренанъ въ этомъ отношеніи, превращая иллюзію въ нечто (будто бы) дѣйствительное?...

Что такое религія по Ренану? Мы видѣли, что у него

(p) Etudes... p. 418. 419.

(c) Etudes... p. 215.

Шакіа-муни и Иисусъ, Платонъ и св. ап. Павелъ, Фрауцискъ и блаженный Августинъ вѣрують въ одного Бога, т. е. исповѣдуютъ одну религію. Можно по этому уже предчувствовать, что это за религія. Выписываемъ нѣсколько строкъ изъ его статьи о Магометѣ и началъ исламизма: «всякое начало сокровенно, начало религій еще болѣе сокровенно, чѣмъ какое либо другое. Произведенія самородныхъ инстинктовъ природы человѣческой, религій не помнятъ о своимъ младенествѣ, какъ взрослый человѣкъ не помнитъ исторіи своего перваго возраста и преемственныхъ фазъ развитія своего сознанія. Тайнственныя хризалиды, онѣ выходятъ на свѣтъ только въ совершенной зрѣлости формъ. Начало религій тоже, что начало человѣчества. Наука доказываетъ, что въ одинъ извѣстный день дѣйствіемъ законовъ естественныхъ, которые дотолѣ господствовали надъ развитіемъ вещей, безъ всякаго посредства внѣшняго, явилось существо мыслящее, одаренное всеми своими способностями и совершенное во всехъ своихъ существенныхъ элементахъ,—и однакоже захотѣть объяснить явленіе человѣка на землѣ законами, которые управляютъ явленіями нашей земли съ тѣхъ поръ, какъ природа перестала творить,—это значило бы открыть дверь такимъ вздорнымъ иллюзіямъ, на которыхъ никакой серьезный умъ не захочетъ остановиться ни на минуту... Исламизмъ былъ послѣднимъ актомъ религіознаго творчества человѣчества»... (т) Итакъ, по Ревану, религія (всякая) есть не что иное, какъ

(т) Etudes... p. 207. 218. 220.

только призведеіе инстинктовъ природы человѣческой, дѣло ея творчества — не болѣе. Въ чемъ сущность религіи? «Религія есть часть идеала въ человѣческой жизни (другія части этаго идеала—искусства, науки, особенно философія); она вся выражается въ словахъ: не о хлѣбъ единомъ живѣть будеть человекъ» (у)... Въ слѣдствіе сего, по Ренану, всѣ религіи равно истинны, какъ выраженіе стремленій человѣческой природы къ идеальному, и отличаются одна отъ другой только большею или меньшею глубиной и чистотой понятій объ этомъ идеальномъ и степенью развитія этихъ понятій. (Вотъ почему Ренанъ ставитъ наравнѣ и Шакіа - муни и Платона и Христа). Въ слѣдствіе тогоже всѣ религіи необходимы и полезны для человечества, особенно простаго. Для высшихъ образованныхъ и развитыхъ людей религію еще могутъ замѣнять философія, вообще науки, искусства, а для низшихъ классовъ религія замѣняетъ всякое другое стремленіе къ идеальному (*). Таковы философскія и религіозныя понятія и воззрѣнія автора «Жизни Иисуса». Понятное дѣло, что эти понятія и воззрѣнія, если разоблачить ихъ отъ фразъ, совсѣмъ не христіанскія, и эти-то понятія и воззрѣнія лежать въ основѣ сочиненія о жизни Господа Иисуса Христа. Собственно и строго говоря, — это понятія и воззрѣнія атеиста, прикрывающагося фразой теиста ради того, что въ языкъ, во фразъ, въ выраженіи, не слѣдуетъ удаляться отъ языка народнаго и отъ преданій языка, — иначе народъ не пойметъ, хотя для философовъ

(у) Etudes... p. 1.

(*) Cp. Etud. préfac. pp. XIV—XIX.

и можно бы отбросить все слова и фразы теизма, и остаться при чисто-философскихъ понятіяхъ и фразахъ, не рискуя тѣмъ повредить истинѣ. Вотъ почему все его фразы о Богѣ, о духѣ человеческомъ, о безсмертіи и пр., имѣющія для христіанина вѣрующаго одинъ опредѣленный смыслъ и значеніе, вливаюція отраду и утѣшеніе въ душу, у него остаются лишь одними словами и фразами, или же подъ ними скрывается совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ въ обыкновеннѣ ихъ употребленіи.—Вотъ почему все тѣ мѣста въ «Жизни Іисуса», гдѣ онъ, повидимому, съ благоговѣніемъ и удивленіемъ относится къ великому лицу Его, и къ дѣлу, совершенному Имъ, отзываются іудиньимъ лобзаніемъ, и невольно вырываютъ изъ груди крикъ: *Иудо! лобзаніемъ ли предаеши Сына человеческого* (Лук. 22, 48.).

Таково, по нашему мнѣнію, положеніе, которое занимаетъ Ренанъ и его книга въ области отрицательныхъ направленій современной библейской и евангельской критики, и таково происхожденіе и развитіе этихъ направленій критики. Не христіанскія чистыя понятія легли въ основу ихъ а отъинуду привзошедшія начала естественнаго, не пропикнутаго истиннымъ откровеніемъ, вѣдѣнія человеческого; не чистая любовь къ исторической правдѣ и истинѣ руководила ими, а нечистое пристрастіе къ чуждымъ христіанству философскимъ теоріямъ и воззрѣніямъ, и — *міръ своєю мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей; проповѣдь о Христвѣ распятомъ стала для него соблазномъ и безуміемъ* (1 Кор. 1, 21. 23.). Подъ вліяніемъ этихъ ложныхъ началъ и теорій искали и ищутъ въ евангельской исторіи не того, что и какъ было, а того, что

и какъ должно было быть по требованію и соответ- ственно той или другой теоріи, и--не нашли истины исторіи, а создали историческіе призраки, какихъ искала для себя предвзятая теорія, не основанная на исторіи.—По мѣрѣ того, какъ близко стояли эти предвзятія воззрѣнія къ чистымъ христіанскимъ воззрѣніямъ, и исторія христіанства и Основателя его понималась правильнѣе и чище (напр. у послѣдователей Шлейермахера); по мѣрѣ ихъ отдаленія и противоположности и исторія понималась превратнѣе (у послѣдователей Гегелевой философіи).

Имѣя это все въ виду, мы и обратимся теперь къ разбору этой отрицательной критики Евангелій и евангельской исторіи.

Архимандритъ Михаилъ.

С Л О В О

**НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕ-
СТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.**

*Повинитесь всякому чловѣчу началь-
ству Господа ради, аще Царю, яко
преобладающу, аще ли княземъ, яко
отъ него поставленнымъ. 1 Петр.
2, 13. 14.*

Съ благодарною молитвою къ Царю царей, Кото-
рый владѣеть царствами и кому хочетъ даетъ ихъ,
Которымъ царіе царствуютъ и сильніи пишутъ прав-
ду, мы встрѣчаемъ наступленіе десятаго лѣта цар-
ствованія благочестивѣйшаго Государя нашего. Святый
апостолъ Павелъ, живя подъ скипетромъ царей и вла-
стей языческихъ, большею частію враждебныхъ хри-
стіанамъ, умолялъ послѣдователей Христова ученія
прежде всего совершать молитвы, моленія, прошенія и
благодаренія за царя и за всѣхъ начальствующихъ.
Намъ ли, живущимъ подъ скипетромъ благочестиваго
Монарха, вѣрнаго сына церкви, покровителя и охраня

теля ея, который предъ лицомъ всей Россіи изрекъ, что Его первое и живѣйшее желаніе, да свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, сохранить и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную правственность (а), который всю свою дѣятельность посвящаетъ устроенію блага своихъ подданныхъ, — намъ ли быть равнодушными къ заповѣди о молитвѣ за Царя нашего? Сердце невольно изливается въ благодарной молитвѣ къ Богу, колѣна преклоняются, когда приходятъ на память дѣла Царя для блага Его подданныхъ, въ которыхъ отражается вся полнота любви Его къ нимъ, какъ къ любимымъ дѣтямъ.

Затруднительны были обстоятельства Россіи при Его вступленіи на царство. На предѣлахъ отечества отъ запада до дальняго востока, отъ юга до глубокаго сѣвера облегалі враги. Всѣ и прежде близкіе стали далеко, и тотъ былъ уже другъ, кто не былъ открытымъ врагомъ; кровь сыновъ Россіи лилась потоками и не видѣлось конца брани. Отрекаясь славы завоевателя, Монархъ нашъ благодушіемъ побѣдилъ враговъ и даровалъ миръ отечеству. И много лѣтъ послѣ того для дѣла войны не отрывалъ рукъ, трудившихся для дѣла мира. Между тѣмъ вынудилъ миръ и покорность у искони воинственныхъ народовъ горь, въ возмездіе за ихъ хищенія и грабежи уготавлиая имъ лучшую гражданственность и просвѣщеніе свѣтомъ Христовой вѣры. Не обнажая меча, далеко на востокъ расширяетъ предѣлы царства и возобновленіемъ мира съ сосѣдней на далекомъ востокъ страную

(а) Манѣстъ 19 февр. 1855 г.

открываетъ путь истинъ Христовой къ людямъ сѣд-
ящимъ во тьмѣ и снѣи смертной. Во время смуть у
предѣловъ земли обѣтованной и вспыхнувшей вражды
на западъ, Онъ является миротворцемъ, тамъ ограж-
дая жизнь и собственность единовѣрцевъ, здѣсь огра-
ничивая вражду тѣсными предѣлами, не давая ей сдѣ-
латься общемою. Принимая близко къ сердцу судьбу
единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ, страдаю-
щихъ подъ игомъ агарянъ, простираетъ къ нимъ щеде-
рую руку помощи, и своимъ энергическимъ участіемъ
останавливаетъ пролитіе крови, и спасаетъ независи-
мость геройскаго народа, много вѣковъ отстаивавшаго
свою независимость и въ последнее время бывшаго въ
опасности потерять ее. Съ словомъ мира обращается
онъ и къ жителямъ другаго полушарія, вступившимъ
въ междуусобную брань. И на первыя проявленія но-
вой вражды запада къ нашему отечеству онъ отвѣча-
етъ словомъ мира и тѣмъ ослабляетъ силу возбуж-
денныхъ страстей. И въ настоящее время среди на-
чавшейся на западъ вражды, готовою объять многія
страны, какъ ангель мира онъ стоитъ на стражѣ
мира.

Обращаясь къ дѣламъ нашего Монарха по устрое-
нію внутренняго блага подданныхъ, мы можемъ при-
ложить къ нимъ слова Псалмопѣвца: *милость и
истина срытостыся, правда и миръ облобызастся*
(Ис. 84, II.); Онъ изрекаетъ слово примиренія и про-
щенія преступникамъ государственныхъ законовъ, воз-
вращая ихъ обществу и семейству, уничтожаетъ уни-
зительную часть наказаній преступниковъ, дабы, про-
будивъ въ нихъ сознаніе достоинства природы чело-
веческой и образа и подобія Божія, носимаго ими, облег-

чить имъ возможность исправленія. Опъ облегчаетъ тяжесть воинской службы, возвышаетъ званіе воина, и лучшимъ устройствомъ даетъ воинству двойную силу; дѣти воиновъ остаются при семействахъ; военные поселяне обращаются въ мирныхъ земледѣльцевъ; милліоны подданныхъ получаютъ благо личной свободы и новыя права; уничтожаются многія преграды промышленности; открываются новыя пути для образованія, расширяется и кругъ образованія. Щедрая награда труда ученыхъ пролагаетъ путь къ успѣхамъ наукъ. Новое законодательство, направленное ко благу подданныхъ, къ расширенію и обезпеченію правъ личныхъ, готово обнять всю жизнь народа Русскаго. Новое судоустройство имѣетъ цѣлю болѣе оградить права подданныхъ отъ злоупотребленій исполнителей закона; земскія учрежденія откроютъ путь къ участию въ управленіи людямъ знакомымъ съ мѣстными нуждами и потребностями. Уже пользующемуся значительною долею свободы печатному слову открывается возможность выносить на свѣтъ всякую мысль, могущую привести пользу обществу. Злоупотребленія свободою, часто неразлучныя съ расширеніемъ свободы, не вызвали мѣръ ограниченія ея, но только указаніе новыхъ средствъ для направленія ея къ благой дѣятельности. И когда, единоплеменная, но не единовѣрная область отечества, облагодѣтельствованная выше мѣры, подняла знамя бунта и убійства, всѣ мѣры милосердія истощены были для ея умиренія. Даже поднимая одною рукою мечъ на непокорныхъ, благодушный царь въ тоже время расширяетъ права свободы и собственности не одного милліона тогоже народа.

Почеченіе Монарха нашего о благѣ святой право-

славной церкви простирается всюду, гдѣ только живутъ чада сей церкви. Не скрывается отъ покровительственнаго взора Его малый остатокъ православныхъ на родинѣ Отца вѣрующихъ; въ странѣ обитанной у стѣнъ святаго града устрояется приютъ для поклонниковъ святыхъ мѣстъ, изъ котораго свѣтъ православія долженъ при содѣйствіи особо избранныхъ лицъ изливаться на окрестныя племена. И приюты иночества и сельскіе храмы въ странахъ, страдающихъ подъ игомъ агарянъ, получаютъ помощь отъ щедротъ Монарха и его подданныхъ, возбуждаемыхъ Его примѣромъ. Въ пновѣрныхъ странахъ воздвигаются храмы православныя; устроятся новыя общества для обращенія невѣрующихъ къ православію. Внутри отечества желая заблудшихъ сыновъ православія привлечь къ единенію съ церковію не нуждею, но волею, уничтожилъ стѣсненіе ихъ, дабы забывъ вражду къ церкви, которую считали своею гонительницею, сознали свое заблужденіе. Между тѣмъ въ заботахъ о лучшемъ образованіи духовнаго юношества, объ улучшеніи быта духовенства, приготавлиются средства къ болѣе успѣшному нравственному дѣйствію духовенства для утвержденія и распространенія православной вѣры. Умножается число высшихъ пастырей церкви, воздвигаются новыя обители иночества; духовенство призывается положить начало общему народному образованію; расширяется возможность для него въ свѣтскихъ училищахъ предлагать въ большей полнотѣ ученіе истинной вѣры; православіе, такъ долго страдавшее въ западномъ краю нашего отечества отъ латинства, вызывается къ новой жизни.

Видятъ твои сыны, милосердый Отецъ семьи рус-

ской, дѣла любви твоей, и въ чувствахъ сыновней преданности предъ лицомъ всего свѣта повергають къ стопамъ Твоимъ нелицемѣрныя изъявленія своей готовности принести въ жертву Тебѣ жизнь и достояніе. Увидѣли и враги твои мечтавшіе раздробить твою державу, что любовь царя къ подданнымъ не разслабляетъ, но скрѣпляетъ союзъ Его съ нимъ, и познавъ всю силу Твою надъ сердцами подданныхъ, вмѣсто вражды, которую высказывали наперерывъ другъ передъ другомъ, теперь домогаются одинъ предъ другимъ Твоего расположенія.

Благодѣянія царя требуютъ соотвѣтственнаго сему образу дѣйствованія подданныхъ. Истинная признательность выражается не одними словами и временными жертвами, но строгимъ и точнымъ исполненіемъ воли правительства, непрестаннымъ воодушевленіемъ къ исполненію своихъ обязанностей. Но что мы часто видимъ среди людей нынѣшняго поколѣнія? Мы слышимъ, что многіе говорятъ о своихъ правахъ, но весьма мало такихъ, которые помнятъ и исполняютъ свои обязанности. Большая часть желаетъ лучше издавать свои законы, нежели исполнять законы правительства, любитъ повелѣвать, а не повиноваться, судить и пересуживать распоряженія законной власти, а не подчиняться ей суду; *нынѣ людие яко жрецы, и раби яко господинъ* (Иса. 24, 2.). Другіе съ тупымъ равнодушіемъ относятся къ дѣламъ общественнаго блага, заботятся только о своихъ частныхъ выгодахъ, а на дѣло общественнаго служенія смотрятъ или какъ на простую формальность, или какъ на доходную статью. Подобное поведеніе очевидно стѣсняетъ всѣ дѣйствія правительства. Не видя безкорыстнаго усер-

ди въ подданныхъ, оно не можетъ дѣйствовать со всею полнотою силы, со всею свободою ревности, потребныхъ для устройства и охраненія общественнаго блага. Какъ оно можетъ развить свою силу въ самомъ благодѣтельномъ для нея направленіи, когда въ мнѣніяхъ, предубѣжденіяхъ, страстяхъ и самомъ равнодушіи общества встрѣчаетъ себѣ препятствія? Какъ оно можетъ предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно дѣлить свое вниманіе между попеченіемъ о благосостояніи общества и между заботою о собственной своей безопасности? Когда самыя лучшія предначертанія и распоряженія правительства дурно приводятся въ исполненіе, и оно не видитъ ожидаемаго добраго плода отъ нихъ, тогда естественно рождается въ немъ недоверіе къ самымъ своимъ распоряженіямъ, и избираются противоположныя средства. Когда правительство въ своемъ стремленіи къ свободнымъ учрежденіямъ встрѣчается съ притязаніями подвластныхъ на своеволие, оно естественно обращается къ строгимъ мѣрамъ охраненія порядка, потому что еще не видитъ послушной свободы, которая есть душа общественной жизни.

Но для православныхъ христіанъ есть побужденіе къ повиновенію верховной власти болѣе сильное, нежели заимствуемое изъ колеблемыхъ часто эгоизмомъ основанийъ разума, побужденіе, которое естественную любовь къ царю и отечеству способно сдѣлать неизмѣнною, спасительною, чистою. Святѣйшій апостоль Петръ требуетъ отъ христіанъ повиновенія царю и поставленнымъ отъ него властямъ ради Господа Иисуса Христа. Такимъ образомъ апостоль вмѣсто земныхъ, колеблемыхъ разумомъ основанийъ повиновенія,

утверждаетъ незыблемое, небесное, связуя во едно повиновеніе земной власти съ повиновеніемъ Царю неба и земли.

Что бы яснѣе уразумѣть эту глубокую тѣсную связь повиновенія земной власти съ повиновеніемъ Господу Иисусу Христу, вникнемъ въ слова апостола: *повини-
теся всякому челоуьчу начальству Господа ради.* Для чего Сынъ Божій сходилъ на землю? Для того, чтобы уничтожить пагубныя слѣдствія, причиненныя ослушаніемъ челоуька. Чѣмъ врачуется онъ болѣзнь преслушанія? Своимъ послушаніемъ. Тѣмже Христось входя въ міръ глаголетъ: *се иду, еже творити волю Твою, Боже, дабы якоже ослушаніемъ единого грѣш-
ни быша мнози, сице и послушаніемъ единого пра-
ведни будутъ мнози* (Рим. 5, 19.). Во время служенія своего на землѣ исполняя волю Отца небеснаго, и Своимъ ученіемъ и примѣромъ жизни Онъ утверждалъ вмѣстѣ съ тѣмъ повиновеніе земной власти, *по-
слушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филипп. 2, 8.). Онъ *еще и Сынъ блже,* *обаже отъ сихъ, яже пострадала, навиче послушанію.* И совершившись сдѣлался для всѣхъ послуш-
ныхъ ему виновникомъ спасенія (Евр. 5, 8. 9.). По совершеніи дѣла искупленія, чтобы ослушаніе не на-
рушало того, что сдѣлано Его послушаніемъ, Ему *дадеся всякая власть* не только на небеси, но и на земли. Владычествуя надъ основанною Имъ церковію, какъ Верховный, невидимый глава ея чрезъ пастырей, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть верховный повелитель царствъ земныхъ; земныя власти суть слуги Его, исполнители Его велѣній (Рим. 13, 1. 4.). Имъ *царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду* (Притч. 8,

15.). Ему даны языки въ достояніе, и въ одержаніе его концы земли, и жезломъ жельзымымъ вооружаетъ Онъ правителейъ противъ расторгающихъ узы божественнаго закона, чтобы сокрушить ихъ какъ сосуды скудельничии (Ис. 2, 8. 9.). Какъ Сыиъ Божій Своимъ послушаніемъ уврачевалъ ослушаніе перваго челоуька, такъ и каждому изъ насъ назначено послушаніемъ достигать потерянной свободы славы чадъ Божіихъ. Повиновеніе земной власти есть училище повиновенія власти небесной, наука самоотверженія подготавливающая къ самоотверженію христіанскому. Ослушаніе земной власти, будучи нарушеніемъ гражданскаго порядка, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и возстаніе противъ порядка домостроительства нашего спасенія. Посему въ повиновеніи земной власти не только заключается условіе нашего вѣшняго благосостоянія, но и условіе нашего вѣчнаго спасенія.

Потому истинные христіане всегда вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ и вѣрными подданными земнаго начальства. Слѣдуя заповѣди апостола, они воздаютъ всѣмъ должное: *ему же урокъ; урокъ, ежу же дань, дань: а ему же страхъ; страхъ, а ему же честь, честь* (Рим. 13, 7.), и желали бы всѣмъ быть должными одною только любовію, которая не ищетъ своихъ си, но готова все терпѣть и принести себя въ жертву для блага другихъ. Они не предъ очами только власти работаютъ, какъ челоуькоугодники, но въ простотѣ сердца, *боящися Бога, и всяко, еже творятъ, отъ души дѣлая, якоже Богу, а не челоуькомъ, въдлаце, яко отъ Господа примутъ воздаяніе* (Кол. 3, 22—24.).

Напротивъ, кто эти нарушители общественнаго спо-

койствія, подстрекатели къ бунтамъ и мятежамъ? Кто эти шатающіеся и поучающіеся противъ помазанниковъ Божіихъ, разрушители троновъ? Это люди, поправшіе въ себѣ чувство вѣры Христовой, расторгшіе прежде узы закона евангельскаго.

Послѣ этого могутъ ли назваться истинными христіанами тѣ, которые, нося званіе служителей вѣры Христовой, во имя святаго ученія проповѣдующаго послушаніе, терпѣніе, самоотверженіе и любовь, требуютъ бунта противъ державной власти? Христіане ли тѣ, которые предъ образомъ Распятагося для искупленія нашего преслушанія принимаютъ клятву въ возстаніи противъ законной власти? Не поруганіе ли надъ святымъ дѣломъ искупленія, когда крестъ выставляютъ, какъ передовое знамя мятежа? Не тѣ ли это, о которыхъ апостоль Петръ говоритъ, что они требуютъ свободы, прикровеніе злобы имѣють свободу? Тѣ, которые въ своемъ верховномъ духовномъ пастырѣ видятъ непосредственнаго преемника апостола Петра, должны бы особенно внимать предостерегательному голосу сего апостола, чтобы изъ христіанъ не пострадалъ кто либо какъ убійца, или тать, или злодѣй, или мятежникъ (1 Петр. 4, 15.). Или тотъ духъ непослушанія вселенской церкви, который отторгъ мнимаго наследника власти апостола Петра отъ единенія съ православною церковію, передается и его паствѣ, заставляя и его въ то время, какъ самъ съ горечью пожинаетъ посѣянные имъ плоды непослушанія, своими общественными молитвами поощрять къ бунту противъ законной власти... Но гнѣвъ Божій грядетъ на сыновъ противленія (Кол. 3, 6.).

Царю царей, содержащій въ рукъ Своей времена

и лѣта! Увѣнчай Твоею благостію новое лѣто (Псал. 64, 12.) жизни нашего Монарха, соблюдая его царство въ мирѣ внутреннемъ и въшнемъ, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. 2, 1.). Аминь.

АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССІЯ.

Съ 1830 года на югъ западной Сибири, Томской губерніи, въ уѣздахъ Бійскомъ и Кузнецкомъ, въ горахъ Алтайскихъ, духовная Алтайская миссія трудится надъ обращеніемъ въ христіанскую вѣру изъ идолопоклонства кочевыхъ Татаръ и Калмыковъ и приходящихъ въ Алтай изъ Семипалатинской области Киргизовъ, зараженныхъ магометанствомъ. Это братство основано съ благословенія св. Синода, по Высочайшему повелѣнію (отъ 15 Декабря 1828 г.), блаженной памяти о. архимандритомъ Макаріемъ, мужемъ дѣятельно-духовной жизни, высоко-ученымъ и прозорливымъ, который почти 14 лѣтъ провелъ въ трудахъ апостольскаго служенія своего сему народу, съ полнымъ самопожертвованіемъ, и положилъ твердое основаніе христіанства на Алтай. Въ настоящее время надъ утвержденіемъ новопросвѣщенныхъ о Христѣ братій и обращеніемъ въ православіе еще блуждающихъ во тьмѣ язычества и дикости, трудятся 9 миссіонеровъ, изъ коихъ 4 іеромонаха, 4 священника и 1 протоіерей.

Доселѣ Алтайская миссія успѣла, при помощи Божіей, призвать отъ тьмы идолослуженія, пагубныхъ суевѣрій и дикости къ свѣту спасительнаго православія, ввести въ благоотншную ограду церкви Христовой, приучить къ осѣлости и расположить къ трудолюбивой жизни уже около 3200 душъ; съ семействами же нынѣ всѣхъ христіанъ Алтайцевъ до 5000. Это составляетъ уже значительное пріобрѣтеніе для царствія Божія, гдѣ бывасть великая радость и о единомъ обращающемся на путь спасенія, — тьмѣ болѣе, что новообращенные, по мѣрѣ пріемлемости, обстоятельно обучаются истинамъ св. вѣры и христіанскаго благочестія.

Среди еще господствующаго мрака, свѣтъ Евангелія сіяетъ уже во многихъ мѣстахъ Алтая. Миссія имѣетъ нынѣ 8 своихъ становъ (отдѣленій) съ 11 церквами въ селеніяхъ новокрещенныхъ инородцевъ, по разнымъ мѣстамъ Алтая, на пространствѣ 1000 в. въ длину и 150—700 въ ширину. Изъ новокрещенныхъ *кочевыхъ* инородцевъ образовалось уже 22 селенія, большею частію заведенныя миссіею. При станахъ миссіи имѣется 10 школъ для обученія инородческихъ дѣтей мужскаго и женскаго пола русской грамотѣ, закону Божію и церковному пѣнію; нѣкоторые изъ дѣвочекъ обучаются и рукодѣльямъ, приличнымъ состоянію и нуждамъ ихъ.

Изъ обучившихся грамотѣ новокрещенныхъ инородцевъ есть уже исправляющіе должность церковнослужителей и столь усердныя къ чтенію слова Божія люди, что и отправляясь на полевые работы—берутъ съ собою Евангеліе и читаютъ тамъ во время отдыховъ.

Изъ инородческихъ дочерей, обучившихся грамотѣ, десятыя возымѣли желаніе посвятить себя иноческой жизни съ тѣмъ, чтобы помогать миссіи, при обращеніи инородковъ, во всемъ, къ чему она найдетъ ихъ благопотребными: въ обученіи, въ служеніи больнымъ и въ другихъ многообразныхъ нуждахъ. Съ этою цѣлю, согласно просьбѣ ихъ, по благословенію святѣйшаго Синода, съ высочайшаго разрѣшенія, учреждена въ 1863 году женская община новокрещенныхъ на Алтаѣ, въ с. Улаѣ, состоящая нынѣ уже изъ 20 сестеръ.

Миссіонеры и семейства ихъ занимаются, кромѣ того, лѣченіемъ больныхъ, крещенныхъ и некрещенныхъ, оспопрививаніемъ, медицинскимъ пособіемъ родильницамъ, пекутся о приученіи новокрещенныхъ къ земледѣлю, заведенію огородовъ и домохозяйству; даютъ у себя, или въ селеніяхъ новокрещенныхъ, пріютъ нуждающимся въ ономъ по сиротству, крайней бѣдности и болѣзненности; а такихъ бываетъ весьма не мало, по самому быту и обстановкѣ ихъ жизни; бывають даже случаи необходимости принимать на попеченіе и воспитаніе сиротъ-младенцевъ. Христіанское милосердіе, оказываемое миссіонерами, укрѣпляетъ ново-

III

обращенныхъ въ христіанствѣ и даетъ самимъ язычникамъ чувствовать благотворность и отраду нашей Божественной вѣры.

Нужды благотворительнаго служенія миссіи многочисленны; необходимо бывасть вспоможеніе пріемлющимъ св. крещеніе бѣднѣйшимъ семействамъ при перекочевкѣ ихъ въ христіанское селеніе, пропитаніе нѣкоторыхъ изъ оглашенныхъ во время приготовления ко крещенію и вскорѣ по крещеніи, по случаю переменъ образа жизни ихъ; вообще случайныя, но не рѣдкія вспомошествованія новокрещеннымъ: хлѣбомъ, разными необходимыми одеждами, посудой и другими хозяйственными принадлежностями, земледѣльческими орудіями, сѣменами и. т. п.; иногда постройкою избъ, покупкою скота для работъ и для пропитанія больныхъ и младенцевъ и проч.

Кромѣ сего миссія имѣетъ на своемъ попеченіи многіе другіе необходимые предметы своего служенія, требующіе весьма значительныхъ издержекъ, на покрытіе которыхъ правительствомъ не отпускается никакого пособія; это: построеніе церквей въ селеніяхъ новокрещенныхъ инородцевъ и снаряженіе ихъ всѣмъ потребнымъ къ отправленію Богослуженія, постройка домовъ съ прислугами для членовъ миссіи, и домовъ для школъ грамотности у новокрещенныхъ; плата грамотнымъ изъ инородцевъ за пособіе въ обученіи другихъ грамотъ, въ служеніи церковномъ и прочихъ дѣлахъ по службѣ миссіи; заведеніе новыхъ селеній близъ стойбищъ кочевыхъ некрещенныхъ инородцевъ, и проч.

Всѣ таковыя и снмъ подобныя нужды доселѣ удовлетворялись, въ нѣкоторой степени, *случайными* пожертвованіями (въ послѣдніа 5 лѣтъ болѣе обильными, чѣмъ прежде), простиравшимися отъ 400 до 3,500 руб. въ годъ, отъ разныхъ благотворителей, имѣвшихъ возможность получить свѣдѣніе о важности сего служенія, о трудахъ и нуждахъ Алтайской миссіи. *Постоянныя* же средства Алтайской миссіи такъ скудны, что не обезпечиваютъ и пропитанія самихъ миссіонеровъ и прочихъ членовъ миссіи съ семействами ихъ.

Трудится ли гдѣ духовенство безъ жалованья и безъ доходовъ, не извѣстно; что касается до миссіонеровъ Алтайскихъ, — они по 1858 годъ не получали никакого жалованья, а доходами и нынѣ никакими не пользуются; содержаніе же всѣ члены миссіи имѣли *общее*, на которое, а вмѣстѣ и на всѣ служебныя потребности миссіи, отпускалось изъ казны ежегодно по 571 р. 41 к., — содержаніе столь скудное, что изъ всѣхъ источниковъ, не исключая и пожертвованій, приходилось на человѣка отъ 10 р. до 40 р. въ годъ, и никогда болѣе 80 рублей. Съ 1858 по 1863 годъ отпускалось на жалованье и на служебныя нужды миссіи изъ суммъ святѣйшаго Синода (кромѣ 571 р. 41 к.) по 4,000 р. въ годъ. Въ послѣднія 6 лѣтъ, при служеніи миссіи, обратилось въ христіанство до 900 Алтайцевъ, заведено 3 новыхъ селенія изъ кочевыхъ новокрещенныхъ инородцевъ, устроено 8 небольшихъ деревянныхъ церквей, открыто 6 школъ, и при такомъ развитіи дѣла, по необходимости учреждено и обзаведено два новыхъ отдѣленія миссіи, сверхъ штата. Посему, при возвысившихся, въ это время, цѣнахъ на всѣ жизненныя потребности, означенный окладъ въ послѣдніе годы оказался весьма недостаточнымъ. Но отпускъ 4,000 рублей былъ опредѣленъ только на пять лѣтъ, и 1863 годомъ прекратился. Нынѣ на содержаніе и жалованье миссіонеровъ, церковнослужителей и толмачей (всего 29 челов., съ семействами же 60 чел.) и на служебныя потребности, какъ-то: содержаніе 11 церквей, 10 школъ, отопленіе и освѣщеніе, братскія квартиры въ гг. Бійскѣ, Кузнецкѣ и Улаалѣ, путевыя издержки, необходимыя вещи при крещеніи инородцевъ, канцелярскія и почтовые издержки, лѣкарства и книги, — на все это осталось только 571 р. 41 к. постоянного оклада отъ казны.

Очевидно, что трудность и не очень быстрый успѣхъ распространенія христіанства на Алтаѣ зависятъ не отъ одного недостатка въ благовѣстникахъ и не отъ однихъ естественныхъ преградъ къ тому, представляемыхъ дикостію и бѣдностію народа, характеромъ мѣстности, разсыпаніемъ подвижныхъ жилищъ

V

этих кочевых племенъ на огромныхъ пространствахъ: разсѣяніе это таково, что каждому миссіонеру нужно бываетъ искать погибающихъ овецъ дому Божію—по дѣбрямъ, ущельямъ и лѣсамъ Алтайскихъ горъ и предгорій, на разстояніяхъ, измѣряемыхъ сотнями верстъ, по бездорожной и дикой мѣстности, гдѣ возможны лишь верховые проѣзды, соединенные съ опасностію лишенія жизни (*). Скудость средствъ для удовлетво-

---

(*) Каждый изъ нашихъ миссіонеровъ не разъ подвергался этой опасности: о. архим. Макарій однажды, проѣзжая по *Черни* (горы покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ по правой сторонѣ рѣки Катуня) былъ зацѣпленъ толстымъ сучкомъ за ремень бывшей на немъ сумочки съ св. Дарами; конь на бѣгу вышелъ изъ подъ него, а онъ повисъ на сучкѣ, и висѣлъ дотолѣ, пока воротился и снялъ его ухватившій впередъ провожатый, уже соскучившійся ждать оставшагося назади о. Макарія.—У каждаго изъ насъ сердце замираетъ и кружится голова, даже и привычный конь дрожитъ иногда, при переѣздѣ по высокимъ *обмамъ*: это приступочекъ шириною не болѣе, какъ въ 1 арш., а длиною, въ разныхъ мѣстахъ, отъ нѣсколькихъ саженъ до 3 верстъ, опоясывающій скалистую гору, по которому пролегаетъ узкая тропинка, гдѣ съ одной стороны скала, а съ другой отвѣсный обрывъ до рѣки, которая какъ ленточка синѣетъ внизу; особенно страшно, когда приходится перескакивать чрезъ камни, на этой тропинкѣ *высунувшіеся*, или спускаться внизъ по довольно гладкой каменной плитѣ и дѣлать крутые повороты лицомъ къ обрыву. На такомъ проѣздѣ вполне ввѣряешь коню; но онъ, безмысленный и голодный, нерѣдко тянется за травкой; и удерживать бываетъ опасно, и давать свободу страшно.—Много разъ бывалъ я подъ конемъ, упавшимъ на бѣгу, и въ два такихъ паденія былъ вдавленъ по уши въ грязное болото; разъ, саженъ 10 летѣлъ я съ крутизны горы, вмѣстѣ съ оборвавшимся конемъ; подируги лошуды, и я невридимю отдѣлился отъ коня и выбрался на дорожку; два раза улеталъ съ горы *въ перевертѣ*, вмѣстѣ съ конями и повозочкой, и въ одинъ разъ уцѣлѣвъ схватился за вѣтви дерева, а въ другой кочки сохранили меня отъ раздробленія повозкой, упавшей на меня. Одинъ разъ упалъ вмѣстѣ съ конемъ и телѣгой съ кругаго косогора прямо въ р. *Сарису*, и все перемочивъ, долженъ былъ ѣхать не обсушившись, и ѣхалъ еще 45 в. подъ дождемъ въ холодное осеннее время. Много разъ тонулъ я при переправахъ въ бродъ, черезъ довольно глубокія и весьма быстрыя горныя рѣки; разъ при переѣздѣ, весной, по льду черезъ р. *Майлу*, ледъ подъ нами обрушился черезъ всю рѣку, конь всплылъ, и я мгновенно очутился плавающимъ уже позади саней, но успѣвъ схватиться за сани

ренія многочисленнымъ и разнообразнымъ потребностямъ миссіонерскаго дѣла служить главнымъ препятствіемъ къ желаемымъ успѣхамъ. При всѣхъ благопріятныхъ видахъ и надеждъ на развитіе этого святаго дѣла, миссіонеры нерѣдко бываютъ въ необходимости, со скорбію въ душѣ, отлагать полезное дѣло, не имѣя въ виду никакихъ средствъ къ выполненію и поддержанію его, и ограничивать свою дѣятельность тѣсными предѣлами, по мѣрѣ средствъ. Такъ напримѣръ, въ одной изъ миссіонерскихъ мѣстностей, ближайшей къ Русскому населенію, въ Кузнецкомъ уѣздѣ, миссіонеры видятъ, что племя Ачкиштимцевъ, живущихъ въ Тарабинскомъ улусѣ и другихъ близкихъ къ нему, народъ примѣрно ласковый и добродушный, довольно привыкшій

былъ вытасченъ выплывшимъ конемъ. Много разъ промокалъ отъ холоднаго дождя и промерзалъ отъ зимняго мороза до того, что былъ не въ состояніи идти и говорить. Много разъ былъ въ страшной опасности погибнуть подъ удушающимъ бурномъ. И тоже самое случалось и случается съ каждымъ изъ насъ, миссіонеровъ. Нерѣдко приходится ночевать, послѣ цѣлдневной верховой ѣзды, на горѣ и на болотѣ, безъ дровъ и воды, следовательно безъ возможности обогрѣться и укрѣпиться чаемъ, который въ дорогѣ единственная пища, вмѣстѣ съ неразлучными сухарями. А ночевье въ берестяной юртѣ кочеваго Алтайца, чрезвычайно нечистой, гдѣ развѣшанное мясо издохшаго коня или убитаго звѣря бываетъ въ полномъ соответствіи съ посудю, которую никогда не моютъ, и съ продышленными кожаными мѣшками, въ которыхъ молоко сквашивается до степени спиртуозности;— гдѣ, на 6—8 квадр. аршинахъ, помѣщаются и люди и животныя (телята, агнята, собаки, кошки); гдѣ, при 30—40 градусахъ мороза, пѣть ни печи, ни камна, и дымъ отъ разложеннаго посреди юрты огня (особенно при вѣтрѣ) выѣдаетъ глаза; гдѣ морозъ и жаръ, сходясь вмѣстѣ, оспариваютъ голову,—все это уже такъ обыкновенно, что миссіонеры почти вовсе объ этомъ не упоминаютъ въ своихъ запискахъ: это мѣсто упокоенія послѣ труднаго верховаго проѣзда 100—700 верстъ по горамъ и бѣзамъ. Здѣсь чайникъ миссіонера, стоя на огнѣ рядомъ съ винокурненнымъ котломъ хозяина, замазаннымъ, обыкновенно, конскимъ поместомъ съ глиной, составляетъ единственное *тѣплое утѣшеніе* и укрѣпленіе изнемогшему; это храмъ и кафедра, гдѣ мы должны проповѣдывать Евангеліе полунагимъ слушателямъ, вниманіе коихъ до *единого на потребу* иногда должно доводить—начиная разговоръ съ трубки, съ огнива, и т. п.

VII

къ трудолюбію и осѣлости, весьма склоненъ къ христіанству; но и видя это до сихъ поръ должны довольствоваться однимъ бесплоднымъ сожалѣніемъ о сихъ овцахъ, остающихся въ духовнаго двора единственно потому, что нѣтъ никакой возможности завести тамъ новый миссіонерскій станъ и опредѣлить туда хотя одного сверхштатнаго миссіонера.

Между тѣмъ, кромѣ обратившихся изъ язычества юныхъ братья нашихъ по вѣрѣ, предъ взорами Алтайскихъ миссіонеровъ остаются еще *сотни тысячъ* погрязшихъ въ пагубномъ лже-вѣрїи дѣтей того же Адама первозданнаго, за которыхъ также страдалъ и пролилъ свою безцѣнную кровь Спаситель нашъ и всѣхъ человѣковъ, Богочеловѣкъ Христосъ Исусъ!

Не должно забывать намъ слова Спасителя: *иптъ воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ* (Матѹ. XVIII, 14). Священная обязанность просвѣтить эти племена познаніемъ истиннаго Бога и Спасителя міра въ лицѣ Исуса Христа, ввѣренная Провидѣніемъ Русской церкви, принадлежитъ не одному духовному правительству, а всѣмъ сословіямъ христіанскаго общества, каждому живому члену Христовой церкви. *Въ насъ должны быть тѣ же чувстваванія* (любви къ Богу и милосердія къ человѣкамъ), *какія и во Христѣ Исусѣ.*

Благочестивые соотечественники! не преставайте изливать теплыя молитвы къ Отцу небесному о распространеніи царствія Христова на землѣ, да ускоритъ Онъ время, въ которое и эти отчужденныя отъ жизни Божіей племена услышали бы животворное слово Божіе: вашимъ соучастіемъ, вашими живыми разговорами и распространеніемъ свѣдѣній о семъ великомъ и святомъ дѣлѣ церкви Божіей—воинствующей, возбуждайте въ другихъ сочувствіе и готовность къ соучастію, достойному истиннаго христіанина.

—

Святѣйшій Синодъ, во вниманіе къ крайнему недостатку средствъ на покрытіе нуждъ Алтайской духовной миссіи, дозволилъ мнѣ

производить сборъ добротныхъ пожертвованій, для чего и выдалъ сборную книгу.— Обращаюсь къ благочестивымъ соотечественникамъ съ покорнѣйшею просьбою: оказать содѣйствіе Алтайской духовной миссіи въ распространеніи и утверженіи христіанства, ослѣдлости и грамотности между Алтайцами, кто чѣмъ можетъ, деньгами и вещами разнаго рода. Денежныя пособія могутъ быть безъ особеннаго назначенія, или съ назначеніемъ, по желанію жертвователей, на которую нибудь изъ слѣдующихъ нуждъ миссіи: 1) Устроеніе церквей и вообще церковныя потребности; на двѣ новыя церкви (въ Сырыконши и Паспаулѣ) уже изготовлена значительная часть матеріаловъ. 2) На предметъ благотворительнаго служенія инородцамъ: а) къ облегченію перехода изъ кочеваго быта въ ослѣдлый, по крещеніи; б) на лѣкарства и пособіе больнымъ, престарѣлымъ, безпріютнымъ и подавленнымъ бѣдностію и сиротствомъ; в) на предметъ обученія грамотѣ, ремесламъ и рукодѣльямъ, домоводству и земледѣлію и проч. 3) На служебныя нужды: а) миссіи (какъ-то: постройки и поправки заведеній, и проч.) и на нужды б) служащихъ (именно: кожаная одежда и матрацы дорожныя, сѣдла, палатки, на книги и журналы); в) на обезпеченіе вдовъ, сиротъ и увѣчныхъ изъ членовъ миссіи и вообще на пособіе служащимъ въ особенныхъ случайныхъ нуждахъ, и проч. *Вещи нужны:* а) до *богослуженія относющіяся:* сосуды, на престольныя кресты и Евангелія, кадила, подсвѣчники, плашаницы, хоругви, иконы (особ. на полотнѣ), священныя ризы, одѣянія на престоль и на жертвенникъ, ковры и проч.; въ 2-хъ церквахъ вовсе нѣтъ колоколовъ; б) *вещи для приѣмлющихъ св. крещеніе:* кресты (мѣдные), возлагаемые на приѣмлющихъ св. крещеніе, иконы, бѣлье, платки, шубы и др. одежды простыя и обувь, особенно для престарѣлыхъ и сиротъ-дѣтей; холстъ, сукна, посуда и другіе предметы домашняго быта; в) книги для назидательнаго чтенія, руководства къ обученію полезнымъ ремесламъ и проч.; г) препараты медицинскіе и оспенныя; руководства къ лѣченію и лѣкарства, особенно гомеопатическія,

а также и аллопатическія; д) вещи нужны къ сохраненію здоровья миссіонеровъ, въ проѣздахъ по Алтаю. У насъ нѣтъ ни кожаныхъ одеждъ къ защитѣ отъ дождя, ни удобныхъ палатокъ, ни матрацовъ; очень нужны *пояса*, употребляемые при плаваніи, для предотвращенія опасности утонуть при переѣздахъ черезъ рѣки; а также *респираторы* для защищенія отъ удушающихъ путника сибирскихъ бурановъ, и проч. е) Самая доставка вещей изъ Москвы и С.-Петербурга до г. Бійска требуетъ благотворительной помощи и отправленія съ транспортомъ хотя до г. Барнаула или до Томска...

Желающіе оказать какое-либо пособіе Алтайской миссіи всегда могутъ обращаться съ своими приношеніями *въ Москву* къ сотруднику Алтайской духовной миссіи, священнику Спиридоновской церкви о. Николаю Лаврову (на Спиридоповкѣ); *въ С.-Петербургъ* къ инспектору духовной академіи о. архимандриту Владиміру; *въ Ярославль* къ протоіерею Духосошественской церкви при училищѣ дѣвицъ духовнаго званія о. Іоанну Троицкому; или прямо въ г. *Бійскъ* (Том. губ.) въ Алтайскую духовную миссію.

Всѣ приношенія будутъ записываемы въ сборную книгу и своевременно объявляемы въ газетахъ и духовныхъ журналахъ.

При семъ прошу благотворителей прилагать *имена* ихъ и сродниковъ ихъ для поминовенія. Миссія имѣетъ священнымъ долгомъ возсылать о нихъ молитвы, при служеніи литургіи въ 11-ти церквахъ, вмѣстѣ съ новопросвѣщенными о Христвъ братіями православными Алтайцами.

Начальникъ Алтайской духовной миссіи
протоіерей С. Ландышевъ.

Періоди I, II, III, и IV. Цѣна 5 р. На пересылку за 4 фун.—Описаніе харьковской епархіи. Цѣна 7 р. 50 к. съ перес.—Обзоръ русской духовной литературы. Цѣна 2 р. съ перес.—Бесѣды на воскресныя и праздничныя Евангелія, архіеп. Евсевія. 2 части. Цѣна 3 р. 60 к. съ пер.—Его же поученія о христіанской надеждѣ и любви. Цѣна 1 р. 50 к. На пересылку за 2 фун. Указатель для обозрѣнія московской патріаршей ризницы съ приложеніемъ XV таблицъ снимковъ, составл. епископомъ Саввою. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к.— Палеографическіе снимки съ греч. и славян. рукописей М. Синодальной бібліотеки изд. епископомъ Саввою. Ц. 5 руб.; на пересылку за 4 ф. Предъизображеніе Господа нашего Иисуса Христа и Церкви Его въ Вѣтхомъ Завѣтѣ. Цѣна съ пер. 1 р.—Исторія московской славяно-греко-латинской Академіи. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50. к. Жизнь св. Аѳанасія Александрійскаго. Цѣна 50 к. Разсужденія: о ересяхъ и расколахъ въ Россіи. 75 к. О христіанскомъ мученичествѣ. 40 к.— О Владыкѣ Израилевомъ. 7 к.— О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к.— О Божествѣ Сына Божія. 20 к.— О крестныхъ ходахъ православной Церкви. 20 к.— О поминовеніи усопшихъ. 25 к.— О литургіи преждеосвященныхъ даровъ. 50 к.— Преосв. Тихонъ, епископъ Воронежскій. 40 к.— О муропомазаніи. 15 к.— Св. Левъ, папа римскій. 30 к.— О поведеніи древнихъ христіанъ во дни воскресныя и праздничныя. 20 к.— Объ антихриствѣ. 40 к.— Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей Греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу Церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ. 30 к.

На пересылку послѣднихъ 16 сочиненій вмѣстѣ прилагается за 8 фунтовъ, а каждаго порознь за 1 фунтъ.

Дѣло Патріарха Никона, историческое изслѣдованіе. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

Указатель къ Твореніямъ Св. Отцевъ и къ прибавленіямъ духовнаго содержанія за двадцать лѣтъ. Цѣна 25 к.

На пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Съ требованіемъ всѣхъ означенныхъ изданій иногородные благоволятъ относиться *въ редакцію Твореній Св. Отцевъ, въ Серіевскомъ посадѣ, Московской губерніи.*

Проживающіе въ Москвѣ могутъ относиться съ такими требованіями въ Правленіе Московской Семинаріи (въ домъ Семинаріи, за Каретнымъ рядомъ), или въ книжную лавку А. Н. Ѳерапонтова на Никольской улицѣ.

Гг. подписчики въ адресахъ, сообщаемыхъ въ редакцію, благоволятъ четко и обстоятельно прописывать уѣздъ и губернію, въ которыхъ находятся мѣста ихъ жительства.

О ЕВАНГЕЛІЯХЪ И ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ.

По поводу книги Е. РЕНАНА „Жизнь Іисуса“ (E. RENAN—
VIE DE JESUS. PARIS. 1863.)

II.

Общія задачи отрицательной критики въ отношеніи къ евангельскимъ книгамъ: 1) о подлинности Евангелій. Въра церкви въ подлинность ихъ и основанія ея: а) церковное преданіе; отношеніе къ нему отрицательной критики. Свидѣтельства о подлинности Евангелій писателей конца 2-го и послѣдующихъ вѣковъ; значеніе этихъ свидѣтельствъ и отношеніе къ нимъ отрицательной критики. Свидѣтельства мужей апостольскихъ и другихъ писателей до половины 2-го вѣка; попытки отрицательной критики устраничь ихъ значеніе. Общій выводъ.

Чтобы понимать и изображать содержащуюся въ четырехъ подлинныхъ Евангеліяхъ исторію жизни Господа Іисуса Христа такъ превратно, какъ понимаетъ и изображаетъ ее Ренанъ и всѣ писатели отрицательныхъ въ области евангельской исторіи направленій, соотвѣтственно съ разными предвзятыми своими теоріями, — для этого пришлось имъ рвать слѣдующія три, неразрѣшимыя въ ихъ пользу, задачи въ отношеніи къ Евангеліямъ:

1) Отвергнуть подлинность происхожденія каноническихъ Евангелій въ ихъ *настоящемъ* видѣ отъ св. апостоловъ—очевидцевъ и слушателей Самого

Иисуса Христа и ихъ непосредственныхъ учениковъ. Если записи о дѣявіяхъ и ученіи Господа Иисуса Христа сдѣланы или очевидцами-свидѣтелями, или непосредственными ихъ учениками: то нужно признать несомнѣнную истинность и событій и ученія въ томъ видѣ, какъ о нихъ записано. Опускать нѣкоторыя изъ нихъ, перетолковывать другія, какъ то дѣлаютъ критики отрицательныхъ направленій, въ этомъ случаѣ нельзя, по началамъ здоровой критики.

2) При отрицаніи подлинности Евангелій—объяснить иначе, нежели какъ признаетъ церковь, происхожденіе ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Не случайно же произошли они; этого не можетъ допустить и не допускаетъ никакая критика. Какія же потребности и интересы породили ихъ? По какимъ законамъ историческаго развитія они явились именно въ такомъ видѣ? Какъ относятся они къ другимъ произведеніямъ перво-христіанской письменности? и пр. и пр. — вопросы, необходимо вызываемые отрицаніемъ подлинности Евангелій. Не рѣшать этихъ вопросовъ, при отрицаніи подлинности Евангелій, значило бы оставлять необъясненнымъ историческое развитіе христіанства, его неизмѣримое вліяніе на судьбу человѣчества.

3) При отрицаніи подлинности Евангелій—опредѣлить степень ихъ исторической достовѣрности. Если они, какъ силятся доказать поборники отрицательной критики, неподлинны: то не все же однако въ нихъ лишено достовѣрности; это не возможно. А если такъ, то какъ отдѣлить въ нихъ историческое, дѣйствительно бывшее отъ неисторическаго, измышленнаго? Какія начала, или критеріи для такого отдѣленія?

Эти три задачи пришлось рѣшать предварительно и

Ренану, и онъ рѣшаетъ ихъ въ своемъ Введеніи (Introduction) въ книгу о жизни Иисуса. Но какъ популяризаторъ, онъ не вдается въ подробное рѣшеніе этихъ вопросовъ, равно какъ и вопросовъ, относящихся собственно къ исторіи евангельской, а ссылаясь на нѣкоторыя прежнія подробныя изслѣдованія о нихъ, самъ держится болѣе въ сферѣ общаго, въ частности и въ полемику не вступаетъ, и это дѣлаетъ необходимымъ, при разборѣ его воззрѣній, обращаться къ тѣмъ изъ писателей отрицательныхъ направленій, у которыхъ подробнѣе развиты тѣ или другіе пункты его воззрѣній. Мы такъ, по общацію, и будемъ дѣлать: не останавливаясь долго на поверхностныхъ результатахъ книги Ренана, будемъ вникать въ ихъ основы и историческое развитіе.

1.

О подлинности Евангелій.

Христіанская церковь вѣритъ и исповѣдуетъ, что четыре каноническія Евангелія, въ которыхъ изображается жизнь Господа Иисуса Христа, произошли въ настоящемъ ихъ видѣ отъ тѣхъ самыхъ св. апостоловъ, именами которыхъ они означены въ надписаніяхъ ихъ, именно: первое — отъ Маттея, апостола изъ 12-ти, второе — отъ Марка, апостола изъ 70-ти, ближайшаго ученика и спутника св. апостола Петра (а);

(а) Такъ это по указаніямъ и священныхъ книгъ и преданія церковнаго. Самъ апостоль Петръ въ своемъ посланіи называетъ Марка сыномъ своимъ (1 Петр. 5, 13.) Евсевій со словъ Папія, а Папіій со словъ пресвитера Іоанна, ученика Господни, свидѣтельствуетъ, что Маркъ писалъ св. Евангеліе подъ руководствомъ Петра. (Hist. Eccles. III, 39. Patr. curs. compl. ser. Graec. T. 20. pp. 299—300. Sp. V, 8, p. 449.).

третье — отъ Луки, ближайшаго ученика и спутника св. апостола Павла ⁽⁶⁾; четвертое—отъ Иоанна, апостола изъ 12-ти, возлюбленнаго ученика Иисуса Христа. Такимъ образомъ первый и четвертый евангелисты суть свидѣтели-очевидцы жизни Спасителя съ самаго вступленія Его въ дѣло общественнаго служенія; второй, если не очевидецъ дѣлъ Христовыхъ, то свидѣтель, стоявшій подъ руководствомъ несомнѣннаго очевидца и ближайшаго ученика Христова Симона Петра, и, слѣдовательно, имѣвшій полную возможность быть свидѣтелемъ достовѣрнымъ; третій, если также, какъ и второй, не очевидецъ всей жизни Христовой, то свидѣтель, стоявшій подъ руководствомъ чудесно обращеннаго бывшаго гонителя Христова Савла, который, по обращеніи, безъ всякаго сомнѣнія, точно узналъ, какъ изъ бывшихъ ему непосредственныхъ откровеній, такъ и отъ очевидцевъ исторію жизни прежде имъ гонимаго; слѣдовательно и этотъ свидѣтель также имѣлъ полную возможность быть свидѣтелемъ достовѣрнымъ. Прибавимъ къ этому, что послѣдніе два апостольскихъ ученика имѣли полную возможность слышать сказанія о жизни и ученіи Господа и отъ другихъ непосредственныхъ Его свидѣтелей—апостоловъ изъ 12-ти, находясь въ постоянномъ общеніи и единеніи съ ними до отшествія ихъ на всемірную проповѣдь, а равно и отъ другихъ Его очевидцевъ.

---

(6) И это — по свидѣтельству самихъ священныхъ книгъ (Дѣян. 20, 6. и дал., Кол. 4, 14. и др.) и церковнаго преданія. Тотъ же Евсевій со словъ Иринея говоритъ, что Лука, спутникъ Павла, заключилъ въ книгу проповѣданное имъ Евангеліе (Hist. Eccles. V, 8. Curs. compl. p. 449. Ср. Iren. contr. haeres. III, 14. Patrol. Curs. compl. ser. Graec. tom. 7. p. 913--915).

Если такъ: то и по обыкновеннымъ критическимъ началамъ историческаго вѣдѣнія (не говоря уже о богодухновенности писателей, исключаящей всякую возможность погрѣшительности ихъ) несомнѣнно нужно признать, что все описанное въ нашихъ Евангеліяхъ истинно, происходило несомнѣнно такъ, какъ описано. Въ сказаніяхъ евангелистовъ мы видимъ только нѣкоторое разнообразіе повѣствованій о событіяхъ и ученіи Господа, то есть: иное поставлено не въ строго хронологической связи, не въ той именно послѣдовательности, выражено не въ такомъ именно сочетаніи словъ, какъ было на самомъ дѣлѣ; видимъ еще относительную неполноту историческихъ данныхъ въ тѣхъ или другихъ изъ этихъ сказаній, что все допущено по требованію частныхъ обстоятельствъ написанія того или другаго Евангелія, частныхъ цѣлей писателей, частныхъ потребностей первоначальныхъ читателей и т. под. Но дѣйствительность и истинность всего описываемаго, какъ событій, такъ и ученія, несомнѣнна. Предполагать, что писатели могли понять неправильно смыслъ и значеніе какихъ-либо фактовъ или ученія, и потому невѣрно повѣствовать и излагать ихъ (какъ предполагали натуралисты для устраненія чудесъ изъ евангельской исторіи, напр. Эйхгорнъ и Павлюсъ), нелѣпо и несообразно съ характеромъ самихъ историческихъ повѣствованій евангельскихъ: они такъ просты, такъ безхитростны; видно, что писатели записывали только то, что они видѣли или слышали, не влагая какаго-либо своего смысла въ факты и не произнося о нихъ никакого сужденія, развѣ что требовалось изрѣдка для поясненія сказаннаго непонятно. Предполагать, что ученики изъ

пристрастія къ своему Учителю и желанія возвеличить Его измыслили какіе-либо факты, или украсили сказанія о какихъ-либо событіяхъ, еще нелѣпѣе и совершенно несообразно съ правдивымъ до высшей степени характеромъ апостоловъ, что видно изъ самыхъ же евангельскихъ сказаній. Такъ, съ признаніемъ подлинности Евангелій необходимо соединено признаніе и исторической достовѣрности всего въ нихъ написаннаго; никакія искаженія фактовъ, или ученія, ни перетолкованія, ни украшенія здѣсь немислимы; нужно признать несомнѣнную истинность и событій и ученія въ томъ видѣ, какъ они записаны, и толковать ихъ сообразно съ ними же самими.

Но этой-то достовѣрности и исторической истинности всего написаннаго въ Евангеліяхъ и не хочетъ, и не можетъ, сообразно съ своими предвзятыми теоріями, допустить отрицательная критика, а *въ слѣдствіе сего* уже не хочетъ и не можетъ допустить и подлинности Евангелій. Умозаключенія у ней такія: извѣстныхъ событій (напр. всѣхъ чудесныхъ) не могло быть (по такимъ или такимъ предвзятымъ философскимъ теоріямъ), слѣдовательно ихъ не было; слѣдовательно очевидцы не могли повѣствовать о нихъ; слѣдовательно повѣствовали о нихъ неочевидцы; слѣдовательно тѣ повѣствованія, въ которыхъ они содержатся, неподлинны; слѣдовательно Евангелія, въ ихъ настоящемъ, по крайней мѣрѣ, видѣ, неподлинны. Именно умозаключенія противоположныя здравому и твердому ученію церкви: если четыре каноническія Евангелія въ ихъ настоящемъ видѣ написаны очевидцами описываемыхъ въ нихъ событій, или подъ руководствомъ очевидцевъ: то они достовѣрны во всемъ,

что въ нихъ повѣствуется, слѣдовательно, всѣ событія (напр. чудесныя, превышающія человеческое разуміе) истинны, дѣйствительно были. Какъ же эта теоретическая противоположность разрѣшается на практикѣ?

Отрицательной критикѣ надобно отвергнуть прежде всего основанія, на которыхъ опирается увѣренность церкви въ подлинности Евангелій. Эти основанія прежде всего историческія, опирающіяся на *внѣшнихъ* свидѣтельствахъ древнѣйшей церкви о подлинности Евангелій. На нихъ и нужно было обратить, и дѣйствительно обращено главное вниманіе отрицательной критики: ибо съ признаніемъ ихъ дѣйствительной силы и значенія дальнѣйшіе вопросы ея не имѣютъ мѣста; если Евангелія подлинны *по всеобщему и непрерывному преданію* церкви; то никто не имѣетъ уже права изображать жизнь Иисуса Христа иначе, нежели какъ она изображена во всѣхъ нихъ. Разрушительная критика преданія или свидѣтельствъ древней церкви о Евангеліяхъ должна была такимъ образомъ стать и стала во главу отрицательныхъ изслѣдованій о Евангеліяхъ. И намъ поэтому прежде всего нужно имѣть дѣло съ ней.

Но еще прежде — нѣсколько словъ о Ренанѣ, который весьма странно отнесся въ своей книгѣ къ этому вопросу о подлинности Евангелій на основаніи всеобщаго преданія церкви. Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ древнѣйшаго преданія о семъ онъ разобралъ (по своему) только свидѣтельство Папія (в), почти мимоходомъ сказавъ о свидѣтельствахъ Іустина(г),

---

(в) *Introd.* p. XVIII — XIX.

(г) *Ibid.* p. XXII.

голословно указалъ на двухъ-трехъ свидѣтелей о Евангеліи отъ Іоанна (а) и — только: какъ будто для него и нѣтъ этого непрерывнаго преданія церкви о Евангеліяхъ. Странность изумительная даже въ популяризаторѣ! Въ качествѣ такого писателя, онъ, конечно, могъ не входить въ подробности рѣшенія этого вопроса, но не имѣлъ никакого права почти обойти его; онъ долженъ знать, что этотъ вопросъ — важнѣйшій, первый исходный пунктъ для рѣшенія всѣхъ дальнѣйшихъ вопросовъ, и къ нему относиться нельзя такъ, какъ онъ отнесся. Излагаетъ же онъ свои фантазіи о происхожденіи Евангелій и степени ихъ достовѣрности довольно подробно, — зачѣмъ же было такъ легко относиться къ этому первому вопросу, и почти пропустить его? Понятно, что умыселъ былъ здѣсь такой: показать своимъ читателямъ, что этотъ вопросъ вовсе не важенъ, что преданіе не имѣетъ особеннаго значенія въ дѣлѣ доказательства подлинности Евангелій. *Добросовѣстно ли это, когда онъ знаетъ самъ, или долженъ знать по крайней мѣрѣ, что этотъ вопросъ — главный вопросъ? Онъ общается встрѣтиться съ вопросомъ о «редакціи» Евангелій во 2-мъ томѣ своего сочиненія (e), но развѣ основаніе зданію полагается послѣ постройки опирающагося на немъ зданія? Притомъ, общается и тамъ говорить о «редакціи» Евангелій; будетъ ли при этомъ разбираться вопросъ относительно непрерывнаго преданія церкви о подлинности Евангелій? Здѣсь же, говоримъ, этотъ вопросъ совсѣмъ обойденъ. Можно ли же серьезно имѣть дѣло съ такимъ ученымъ, который не-*

(а) Introd. p. XXV—XXVI.

(e) Ibid. p. XIV.

добросовѣстно отстраняетъ самыя основы разбираемаго имъ вопроса, закрывая глаза своимъ читателямъ, или обращая ихъ совсѣмъ въ другую сторону, чтобъ не видѣть истины?... Не считаетъ ли онъ этого вопроса уже рѣшеннымъ въ пользу отрицательной критики (ж)? Но его не считаютъ еще рѣшеннымъ сами представители этой критики, доселѣ занимающіеся имъ; да и нельзя его считать рѣшеннымъ въ ея пользу, потому что, не смотря на всѣ попытки ея ослабить силу церковнаго вселенскаго преданія, этого ей не удастся достигнуть, и не удастся конечно, такъ какъ въ самой основѣ этихъ попытокъ лежать предвзятая мысли, которыя никогда не ведутъ къ торжеству надъ истиной. Во всякомъ случаѣ съ Ренаномъ въ этомъ первомъ и важнѣйшемъ вопросѣ, очевидно, нельзя имѣть дѣла, такъ какъ онъ недобросовѣстно почти устраняетъ его изъ своей книги, не смотря на то, что это — основной вопросъ. Нужно слѣдовательно обратиться къ тѣмъ «добрымъ трудамъ», въ которыхъ этотъ вопросъ достигъ рѣшенія «достаточно (будто бы) полнаго для потребностей исторіи», и съ ними имѣть дѣло.

Извѣстно, что свидѣтельствъ прямыхъ и непрямыхъ о подлинности Евангелій изъ первыхъ вѣковъ христіанства дошло до насъ чрезвычайно много, не смотря на то, что письменныхъ памятниковъ изъ тѣхъ вѣковъ очень много утратилось, и не дошло до насъ.

(ж) Какъ можно по видимому заключать объ этомъ изъ словъ его: „благодаря добрымъ трудамъ (grâce aux beaux travaux), предметомъ которыхъ былъ этотъ вопросъ лѣтъ тридцать..., онъ достигъ рѣшенія... вполне достаточнаго для потребностей исторіи.“ (Introd. p. XIV).

Казалось бы, нельзя даже и подумать вооружаться противъ цѣлаго, длиннаго ряда этихъ свидѣтельствъ противъ единодушнаго признанія подлинности Евангелій всею вселенскою церковію, и не только церковію, но и писателями, стоявшими внѣ ея—еретиками, и даже язычниками. Но такова сила страсти, что она подвигаетъ на все. Вооружились для оправданія своихъ предвзятыхъ теорій, противъ вселенскаго непрерывнаго преданія о подлинности Евангелій, и напрягли все усилія, чтобъ отвергнуть его. Какъ же думали и думаютъ сдѣлать это?

Отъ самыхъ раннихъ христіанскихъ писателей, мужей апостольскихъ, весьма мало дошло до насъ письменныхъ памятниковъ; не много, какъ кажется, ихъ и было, но и изъ этого немногаго нѣчто утрачено, а нѣчто сохранилось только въ небольшихъ отрывкахъ въ произведеніяхъ писателей послѣдующихъ вѣковъ. Только со второй половины 2-го вѣка христіанская письменность быстро и широко начала развиваться, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе процвѣтала, особенно въ 3, 4 и 5 вѣкахъ, и хотя очень много письменныхъ памятниковъ и изъ этихъ временъ не дошло до насъ, но весьма много и сохранилось, и они составляютъ главный источникъ изученія вселенскаго преданія, вселенскихъ вѣрованій церкви. Очень естественно, что въ немногихъ сохранившихся писаніяхъ мужей апостольскихъ немного сохранилось свѣдѣній или указаній на наши Евангелія, и свѣдѣнія и указанія эти кратки; точно также естественно, что въ богатой письменности послѣдующихъ временъ сохранилось болѣе свѣдѣній и указаній на наши Евангелія, и свѣдѣнія и указанія эти подробнѣе и потому опредѣ-

лительнѣе. Это такъ естественно, что выводить что-либо неблагопріятное для вопроса о подлинности Евангелій отсюда, казалось бы, и нельзя; но это такъ можетъ казаться только при безпристрастномъ изслѣдованіи дѣла; страсть часто извращаетъ и естественное, видитъ и въ естественномъ неестественное, и неестественное оправдываетъ какъ естественное. Такъ случилось и съ разсматриваемымъ вопросомъ о внѣшнихъ свидѣтельствахъ касательно подлинности Евангелій у писателей отрицательныхъ направленій. Умозаключеніе у нихъ таково: только у писателей со второй половины 2-го вѣка появляются прямыя опредѣлительныя и довольно подробныя свидѣтельства о подлинности нашихъ четырехъ каноническихъ Евангелій; слѣдовательно эти Евангелія явились около этого времени, по крайней мѣрѣ, въ ихъ настоящемъ видѣ. За тѣмъ, болѣе раннія свидѣтельства поборникамъ отрицательной критики нужно было лишить силы дѣйствительныхъ свидѣтельствъ о нашихъ именно Евангеліяхъ, чего надѣялись и надѣются они достигнуть обычными у нихъ пріемами: или отрицаніемъ подлинности этихъ свидѣтельствъ, или ихъ перетолкованіемъ, а результатъ отсюда выводили и выводятъ такой, что эти свидѣтельства или вовсе не говорятъ о Евангеліяхъ, или говорятъ о другихъ Евангеліяхъ, — не нашихъ, признанныхъ всею церковію каноническими. Такова въ сущности вся тактика писателей разбираемыхъ направленій въ вопросѣ о подлинности нашихъ Евангелій, на основаніи вселенскаго преданія церкви. Послѣдуемъ за ними въ развитіи этого вопроса⁽³⁾.

(3) Литтература этого вопроса, по случаю многолѣтней полемики, разрослась чрезвычайно широко. Въ журнальной статьѣ,

Штрауссъ, назвавъ вѣру въ происхожденіе Евангелій отъ очевидцевъ Господа Иисуса предразсудкомъ, основаннымъ на надписаніяхъ Евангелій^(и), говоритъ: « въ концѣ 2-го столѣтія по Р. Х., какъ видимъ изъ писаній трехъ церковныхъ учителей — Иринея, Климента александрійскаго и Тертуліана, наши четыре Евангелія признаны были въ православной (rechtgläubige) церкви писаніями апостоловъ и учениковъ апостольскихъ^(і), и выдѣлены изъ множества другихъ произведеній, какъ подлинныя повѣствованія о Иисусѣ. Впрочемъ и отъ болѣе древнихъ писателей сохранились для насъ свидѣтельства объ этомъ, частию въ ихъ собственныхъ писаніяхъ, частию въ извлеченіяхъ» (сохранившихся у болѣе позднихъ писателей). Затѣмъ, приведши съ разными перетолкованіями нѣкоторыя изъ свидѣтельствъ этихъ болѣе древнихъ писателей, онъ продолжаетъ: « и однакоже, эти свидѣтельства, при ихъ неопредѣлительности, не восходятъ ранѣе второй трети втораго столѣтія (будто бы), а опредѣленные указанія начинаются только послѣ половины (2-го) столѣтія. Но апостолы, по вѣроятнѣйшему счисленію, не исключая даже Іоанна... еще въ 1-мъ

разумѣется, нѣтъ возможности слѣдить за всѣми частностями и подробностями рѣшенія этого и сопряженныхъ съ нимъ вопросовъ, и нужно ограничиться лишь главнымъ въ рѣшеніи его.

(и) Изумительно легкомысленный отзывъ о вселенской церкви! Будто бы цѣлая вселенская церковь могла обмануться надписаніями на извѣстныхъ книгахъ и принять ихъ за писанія тѣхъ, именами коихъ они надписаны кѣмъ-то, не имѣя къ тому твердыхъ основаній?! Это — неестественное дѣло!

(і) Не только въ православной церкви, но и въ обществахъ еретическихъ, даже у язычниковъ. Къ чему умалчивать?

столбѣти скончались. Какой длинный (!) промежутокъ времени, чтобы приписать имъ писанія, которыхъ они не писали» (к). Таковъ общій пріемъ у всѣхъ писателей этихъ отрицательныхъ направленій: разнятся они только въ томъ, что одни совершенно отрицаютъ подлинность каноническихъ Евангелій (л); другіе же, держась средняго пути, отрицаютъ подлинность Евангелій только въ ихъ *настоящемъ* видѣ, признавая, что *основы ихъ* произошли дѣйствительно, можетъ быть, отъ тѣхъ, которымъ они приписываются въ надписаніяхъ, но послѣ они восполнены, переработаны и явились въ такомъ видѣ, какъ мы ихъ имѣемъ, уже послѣ.... (м) (когда и какъ—это вопросъ, который мы рассмотримъ послѣ). Но это, говоримъ,

(к) Strauss. D. Leben Jesu. IV Aufl. 1840. Tübing. B. I. S. 62—71.

(л) Напр. послѣдователи Бауровской школы. Вывода происхожденіе каноническихъ Евангелій изъ полемики христіанъ іудействующаго и антиіудейскаго направленій (представителемъ первыхъ они считаютъ апостола Петра, а послѣднихъ — Павла), развившейся особенно въ концѣ перваго и во второмъ вѣкѣ, они относятъ происхожденіе первыхъ трехъ Евангелій ко второй четверти 2-го вѣка, а Евангелія Іоанна къ третьей четверти. Впрочемъ и въ самой этой школѣ вопросъ этотъ породилъ разногласіе: одни полагаютъ написаніе тѣхъ или другихъ Евангелій ранѣе, другіе позднѣе (Schwarz—zur Geschichte d. neuest. Theolog. S. 191—192). Сюда же принадлежатъ крайніе послѣдователи Штраусса, напр. Брюно-Бауэръ и др.

(м) Таковы—критики Шлейермахеровой школы почти всѣ въ отношеніи къ первымъ тремъ Евангеліямъ (подлинность Іоаннова Евангелія они защищаютъ). Такъ думаетъ и Штрауссъ, впро-

общій приѣмъ у писателей отрицательныхъ направлений: не придавать значенія и силы свидѣтельствамъ о подлинности нашихъ Евангелій всѣхъ писателей съ половины 2-го столѣтїа на томъ основанїи (!), что съ этого времени во всей церкви православной Евангелїа признавались уже подлинными, такъ какъ (!) прошло довольно времени для того, чтобъ присвоить написаніе ихъ тѣмъ, кому они приписываются (н). Справедливо ли такое отношеніе къ нимъ?

Уже на первый взглядъ для не предубѣжденного представляется невѣроятнымъ, чтобы цѣлая церковь вселенская отъ востока до запада почти вдругъ признала за подлинно апостольскія писанія— такія книги, которыя прежде или вовсе не были извѣстны ей за апостольскія, или извѣстны въ другомъ видѣ. Утверждать это значитъ утверждать, что цѣлая вселенская церковь обманулась, и обманулась въ признанїи самыхъ основаній своихъ вѣрованій—тѣхъ книгъ, которыя составляютъ основоположеніе христіанства, евангельскихъ повѣствованій о жизни и ученїи Основателя христіанства, обманулась наконецъ жестоко, такъ какъ, по изслѣдованїямъ отрицательной критики, почти ничего въ дѣйствительности небыло изъ того, что повѣствуется въ

чемъ нефѣшительно; можетъ быть, говорить, основныя черты того или другаго Евангелїа положены и апостолами (D. Leben Jesu. S. 71). Такъ думаетъ и Ренавъ.

(н) Впрочемъ нѣкоторые изъ Тюбингенцевъ покусились было заподозрить и то, что Евангелїа, по крайней мѣрѣ Іоанново, извѣстны были писателямъ второй половины 2-го вѣка въ ихъ настоящемъ видѣ. Но это было уже слишкомъ смѣло и дерзко, и—попытка не была поддержана.

принятыхъ церковію Евангеліяхъ, или было не такъ, какъ въ нихъ повѣствуется. Обманъ былъ бы страшный, если бы только былъ дѣйствительно обманъ, а не порожденіе фантазіи незначительнаго кружка позднѣйшихъ мыслителей. Но — обмана здѣсь не было и не могло быть; цѣлая вселенская церковь не могла обмануться въ такомъ важнѣйшемъ дѣлѣ, каково признаніе подлинности или неподлинности Евангелій; исторія неотразимо свидѣтельствуетъ противъ всякой мысли о подобной ошибкѣ.

Извѣстно, что кромѣ тѣхъ Евангелій, которыя признаются церковію каноническими, явились еще очень рано другія Евангелія, которыя непризнаны церковію каноническими, и извѣстны подъ именемъ апокрифическихъ (°). Спрашивается: почему сдѣлано церковію такое раздѣленіе ихъ? почему одни она признала подлинными, другія отвергла, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ рѣшительно нельзя замѣтить какого-либо злонамѣреннаго искаженія фактовъ, и сказанія о многихъ изъ нихъ приняты церковію (п). Это вопросъ очень важный, правильное рѣшеніе котораго совершенно разбиваетъ мечту о мнимомъ обманѣ церкви въ признаніи ею подлинности нашихъ Евангелій, и даетъ полную силу свидѣтельствамъ объ этомъ писателей церковныхъ конца 2-го и послѣдующихъ вѣковъ. Но этотъ вопросъ, сколько намъ извѣстно,

---

(°) Таковы — Первоевангеліе Іакова, Евангеліе Никодима, Евангеліе Евреевъ и мн. др.

(п) Наприм. многія сказанія о Богоматери, содержащіяся въ первоевангеліи Іакова, содержатся также и церковію, и повторяются въ писаніяхъ отцевъ и учителей церкви.

почти опускается изъ вниманія писателями разсматриваемыхъ нами направленій, а онъ, говоримъ, очень важенъ, чтобъ обходить его (р).

Чѣмъ руководствовалась церковь при отдѣленіи подлинно-апостольскихъ произведеній вообще и въ частности евангелій отъ подложныхъ, только выдававшихся за апостольскія? Главнымъ образомъ *непрерывностью церковнаго преданія* о нихъ со временъ апостоловъ. Апостолы писали свои книги почти всѣ по частнымъ побужденіямъ, по нуждамъ тѣхъ или другихъ частныхъ церквей и лицъ, и передавали ихъ этимъ мѣстнымъ церквамъ или частнымъ лицамъ, поручая иногда прочитывать ихъ и въ сосѣднихъ церквахъ. Такимъ образомъ апостольскій авторитетъ ихъ первоначально свидѣтельствовался мѣстною церковію, и—обмана тутъ не могло быть никакого. За тѣмъ въ этихъ мѣстныхъ церквахъ должно было сохраняться постоянное, непрерывное преданіе о полученныхъ ими писаніяхъ апостольскихъ, особенно въ непрерывномъ рядѣ епископовъ — преемниковъ апостольскихъ. Теперь, когда съ теченіемъ времени появлялись и распространялись наряду съ апостольскими и неподлинно апостольскія (подложныя) книги, и когда при со-

---

(р) Въ нашемъ Энциклопедическомъ Словарѣ, составляемомъ русскими учеными и литераторами, этотъ вопросъ рѣшается *просто*, что господствующая партія (церковь) изъ множества появившихся во 2 и 3 вѣкахъ апокрифическихъ книгъ выбрала нѣкоторыя и признала каноническими «по произволу» (Том. IV, стр. 49—50, подъ словомъ : *Амелій*. Ср. т. V подъ словомъ : *Апокрифы*). Такого рѣшенія намъ не случалось еще встрѣчать нигдѣ, да, кажется, и встрѣтить нельзя.

бравіи подлинно апостольскихъ книгъ въ одинъ составъ и отдѣленіи отъ нихъ неподлинно апостольскихъ возникалъ о какой-либо книгѣ вопросъ, — апостольская она или нѣтъ: то естественно было прежде всего дознать, есть ли въ какой-либо церкви непрерывное преданіе, что она апостольская книга, свидѣтельствуется ли кто объ ней, какъ о подлинно-апостольской? Если преданіе о ней было, она принималась въ канонъ церковный; если не было, отвергалась или подвергалась сомнѣнію. Мы не видимъ изъ исторіи полного приложенія этого начала ко всѣмъ новозавѣтнымъ книгамъ: не осталось объ этомъ свидѣтельствъ, да о нѣкоторыхъ книгахъ, какъ напр. о Евангеліяхъ, конечно не могло быть и вопросовъ, — такъ общеизвѣстно и единодушно было преданіе о нихъ ^(с); но что это общее начало было дѣйствующимъ началомъ при образованіи церковнаго канона священныхъ книгъ еще очень рано, на это имѣемъ мы много свидѣтельствъ ^(г). Вотъ какъ наприм. выражаетъ его Ири-

---

(с) Это — очень замѣчательное явленіе! О подлинности нѣкоторыхъ апостольскихъ писаній были и въ древней церкви недоразумѣнія и пререканія, о нашихъ же Евангеліяхъ — никакихъ. Только небольшая секта алоговъ не признавала подлинности Евангелія отъ Іоанна, но на нее и тогда почти не обратили вниманія (см. ниже). Такъ единодушно было признаніе ихъ подлинности!

(г) Изъ множества свидѣтельствъ древнихъ мы будемъ приводить лишь немногія, болѣе важныя. Полное собраніе свидѣтельствъ древнихъ о нашихъ Евангеліяхъ (равно какъ и о другихъ новозавѣтныхъ книгахъ) можно видѣть въ Kirchhofer's Quellensammlung zur Geschichte d. Neutestam. Kanons. Zürich, 1844.

ней († 202) въ приложеніи къ спорнымъ вопросамъ вообще: «еслибы о какомъ-либо вопросѣ произошелъ споръ, — то не слѣдовало ли бы прибѣгнуть къ древнѣйшимъ церквамъ, въ которыхъ обращались апостолы, и отъ нихъ о такомъ вопросѣ узвать, что справедливо и вѣрно» (y). «Сдѣлай вотъ что, говоритъ Тертуліанъ († ок. 220 г.), прибѣгни къ церквамъ апостольскимъ, въ которыхъ самыя кафедры апостоловъ еще стоятъ на своихъ мѣстахъ, въ которыхъ подлинныя писанія (authenticae litterae) ихъ читаются. Близко къ тебѣ Ахаія? Имѣешь Коринѳъ. Если ты не далеко отъ Македоніи, имѣешь Филиппы. Если можешь простереться въ Азію, имѣешь Ефесъ. Если же достигнешь Италиі, имѣешь Римъ» (φ). «Если справедливо, что то вѣрнѣе, что прежде, то прежде, что отъ начала, то отъ начала, что отъ апостоловъ: то также будетъ справедливо (сказать), что то отъ апостоловъ предано, что признано было священнымъ (sacrosanctum fuerit) въ церквахъ апостольскихъ. — Мы можемъ видѣть, какое мѣсто почерпали отъ Павла коринѳяне, къ какому правилу (вѣры) возвращены были галаты, что читали филиппійцы, вессалоникійцы, ефесяне... Хотя Апокалипсисъ Іоанна Маркіонъ отвергъ: но рядъ епископовъ, возведенный къ началу, остановится на Іоаннѣ, какъ писатель. Такимъ же образомъ познается подлинность (generositas) и прочія (писанія). Потому я говорю, что не только въ апостоль-

---

(y) Iren. contr. haer. III, 4. S. Opp. in Patrol. Cours. compl. ser. Graec. Tom. 7, p. 855.

(φ) De praescript. haereticor. c. 36. Opp. въ Cours. compl. Patrol. ser. prim. T. II, p. 49.

скихъ, но и во всѣхъ церквахъ то именно Евангеліе отъ Луки съ начала изданія своего сохраняется, которое защищаемъ мы, а Маркіаново весьма многимъ неизвѣстно... Тотъ же авторитетъ апостольскихъ церквей охраняетъ также и прочія Евангелія, которыя мы имѣемъ чрезъ нихъ и отъ нихъ, то есть, Евангелія Іоанна и Матѳея, а равно и то, которое издалъ Маркъ и утвердилъ Петръ, коего Маркъ былъ истолкователемъ» (x). Соответственно сему, писатели церкви, оставившіе намъ болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о новозавѣтномъ канонѣ, основываютъ эти свѣдѣнія на преданіи. «Изъ преданія узнавъ я (*ὅς ἐν παραδόσει μαθὼν*), говоритъ Оригенъ, о четырехъ евангеліяхъ, которыя одни только *безспорно* (*ἀνατιθέμενα*) принимаются всею поднебесною церковію Божіею» (ц). Климентъ Александрійскій отвѣчалъ гностику Юліану Кассіану, приводившему въ пользу своего мнѣнія одно мнимое изреченіе Спасителя: «въ преданныхъ намъ (*ἐν τοῖς παραδιδόμενοις ἡμῖν*) четырехъ Евангеліяхъ этого изреченія мы не имѣемъ, а (оно есть) въ Евангеліи египтянъ» и т. д. (ч). Къ словамъ того же Климента о четырехъ Евангеліяхъ Евсевій дѣлаетъ отъ себя слѣдующее прибавленіе: «въ этихъ же книгахъ (Строматахъ) Климентъ излагаетъ слѣду-

---

(x) Adv. Marcion. lib. IV. c. 5. Opp. въ Curs. compl. Patrol. T. II. p. 366—367.

(ц) Ap. Evseb. Hist. Eccl. VI, 25. Opp. Evseb. въ Patrol. Curs. Compl. ser. Graec. T. 20, p. 581.

(ч) Strom. III, 13. Opp. Patrol. Curs. Compl. ser. Graec. T. 8. p. 1193.

ющее *преданіе древнѣйшихъ пресвитеровъ* касательно порядка Евангелій: изъ Евангелій прежде написаны... и пр. (ш). Передавая сказанія Иринея о новозавѣтныхъ книгахъ, тотъ же Евсевій предваряетъ ихъ слѣдующими словами: «мы общались приводить по временамъ свидетельства *древнихъ пресвитеровъ* церковныхъ и писателей, въ которыхъ они письменно излагали дошедшія до нихъ *преданія* о книгахъ Завѣта» и пр. (ш). Блаженный Августинъ въ послѣдствіи говорилъ: «въ отношеніи къ каноническимъ Евангеліямъ должно слѣдовать *авторитету* католическихъ церквей, между которыми подлинно есть тѣ, кои удостоились имѣть апостольскіе вѣстола, и получить посланія» (ъ). Такимъ образомъ, если кака-либо книга подъ именемъ апостольской искала себя входа въ христіанское общество и признанія: то недостатокъ свидетельствъ *преданія* о ней останавливалъ ее и преграждалъ ей входъ, или оставлялъ подъ сомнѣніемъ. Обычныя формулы при этомъ: того-то мы не приняли, о томъ-то вѣтъ свидетельствъ, то-то отцы отвергли, были равнозначительны: это неподлинно апостольское, или же сомнительное писаніе. Евсевій приводитъ слова Серапіона антiохійскаго († ок. 190) о такъ называвшемся Евангеліи Петра, которымъ увлеклись было нѣкоторые члены русской церкви: «мы братья, принимаемъ Петра и прочихъ апостоловъ, какъ Христа; но то, чгд ложно надписано ихъ именемъ,

---

(ш) Hist. Eccl. VI, 14. Opp. въ Curs. compl. Patrol. t. XX, p. 551—552.

(ш) Ibid. V, 8. стр. 447. 448.

(ъ) De doctr. Christ. 12.

какъ опытные, отвергаемъ, зная, что этого мы *не приняли*» (а). Тотъ же Евсевій говоритъ: «Что касается до такъ называемыхъ Дьявій Петра, до приписаннаго ему Евангелія, до такъ называемой его Проповѣди, и до извѣстнаго подъ его именемъ Откровенія: то мы знаемъ, что эти книги вовсе *небыли выдаваемы* за католическія, потому что ни изъ древнихъ, ни изъ нынѣшнихъ писателей церковныхъ никто не пользовался ихъ свидѣтельствами» (б). Въ другомъ мѣстѣ, перечисливъ новозавѣтныя книги, признанныя несомнѣнно апостольскими (*βιβλία δμολογῆμενα*) и всеми признанныя (до времени), а возбуждавшія не согласія и противорѣчія, книги спорныя или точнѣе— пререкаемыя (*βιβλία ἀντιλεγόμενα*), онъ продолжаетъ: «мы сочли нужнымъ перечислить и ихъ (пререкаемыя книги), различивъ по церковному преданію (*κατὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν παράδοσιν*) истинныя, несомнѣнныя и всеми признанныя книги отъ другихъ, которыя, хотя и не вошли (до времени) въ Завѣтъ, даже возбуждаютъ въ разсужденіи себя противорѣчія, однакоже известны весьма многимъ учителямъ церкви. Черезъ это мы узнаемъ и объ упомянутыхъ писаніяхъ, и о другихъ, распространенныхъ еретиками подъ именемъ апостоловъ, на примѣръ— Петра, Θомы, Матѳея, и о тѣхъ, которыя содержатъ въ себѣ Евангелія прочихъ мужей, кромѣ поименованныхъ, и о дьявіяхъ будто бы Андрея, Іоанна и иныхъ апостоловъ. Объ этихъ книгахъ не удостоивъ

(а) *Γινώσκοντες, ὅτι τὰ τοιαῦτα εἰ παρέλάβομεν.*
Hist. Eccl. VI, 12. p. 545.

(б) *Ibid.* III, 4. p. 216—217.

упомянуть въ своемъ сочиненіи *нигдѣ и никогда ни одинъ изъ ряда* церковныхъ писателей. Притомъ, самый характеръ рѣчи въ тѣхъ книгахъ уклоняется отъ тона (*ἠθροσ*) апостольскаго; даже мысли и заключающіяся въ нихъ положенія весьма далеко отступаютъ отъ истиннаго православія и явно представляются вымыслами еретиковъ. По этому, не только должно почитать ихъ подложными, но и отвергать, какъ *нелъпныя и нечестивыя»* (†).

Сказаннаго, кажется, очень достаточно для того, чтобы видѣть и убѣдиться, что писатели церковные конца 2-го и послѣдующихъ вѣковъ въ признаніи подлинности или неподлинности новозавѣтныхъ книгъ вообще и въ частности Евангелій руководились преданіемъ о нихъ древѣйшимъ, начавшимся отъ самихъ апостоловъ и ихъ учениковъ, которое въ письменныхъ памятникахъ древѣйшихъ не вполне сохранилось до насъ, но тѣмъ не менѣе было живо, сильно и постоянно, и выраженіемъ котораго служатъ для насъ приведенныя и подобныя имъ свидетельства. Обмана или ошибки здѣсь не могло быть: не таковы эти и другіе современныя имъ свидѣтели, чтобы можно было подозревать въ нихъ даже возможность ошибки или обмана въ этомъ важнѣйшемъ дѣлѣ. — Иринеѣ былъ ученикъ Пація и Поликарпа, непосредственныхъ учениковъ апостольскихъ, слѣдовательно, слышалъ преданія о Евангеліяхъ не болѣе, какъ изъ вторыхъ устъ; много путешествовалъ по востоку и западу, слѣдовательно, имѣлъ полную возможность узнать достоверно преданія церквей о книгахъ, подлинно написан-

---

(†) Ibid. III, 25. p. 269—271.

ныхъ апостолами, и въ частности о Евангеліяхъ; человѣкъ правдивый и прямой, слѣдовательно свидѣтель вѣрный. Можно ли допустить обманъ или ошибку въ его свидѣтельствахъ, что по *древнѣйшему преданію* Евангелія наши происходятъ отъ апостоловъ? А объ этомъ свидѣльства у него прямыя и ясныя, чего не отвергаетъ и сама отрицательная критика. Далѣе, Климентъ Александрійскій — глава знаменитаго александрійскаго училища, куда собирались учиться изъ многихъ образованнѣйшихъ странъ міра, и откуда выходили знаменитые пастыри церкви, ученикъ Пантена, обращавшійся съ древнѣйшими учителями церкви, философъ и критикъ, — не ужели онъ безъ достаточныхъ основаній могъ призвать подлинность Евангелій по преданію? Потомъ, Оригенъ — знаменитѣйшій ученый и критикъ своего времени, изучавшій церковныя преданія, потомъ Евсевій — собиратель древностей христіанскихъ на основаніи церковнаго преданія, — это такія лица, которыя на слово не любили вѣрить, и относились ко всему осмотрительно. Нѣтъ, если они единогласно свидѣтельствуютъ, что по *всеобщему преданію церкви* наши Евангелія (и именно только они — четыре) произошли отъ апостоловъ, имена которыхъ они носятъ: то преданіе это дѣйствительно сохранялось во всей вселенской церкви отъ самихъ апостоловъ и ихъ непосредственныхъ учениковъ, и было истинно и несомнѣнно. Обмана или ошибки здѣсь не могло быть.

До какой степени простиралась осторожность предстоятелей церкви при отдѣленіи подлинно апостольскихъ писаній отъ подложныхъ, на основаніи *преданія* церковнаго, видно изъ исторіи сейчасъ упомяну-

тыхъ нами, не всѣми признанныхъ спорныхъ, пререкаемыхъ (*ἀντιλεγόμενα*) книгъ. Это были книги, подлинно апостольскія, и въ послѣдствіи признанныя церковію за таковыя, но при образованіи всеиленскаго канона свящ. книгъ неимѣвшія до времени единодушнаго, основаннаго на постоянномъ преданіи церкви, признанія ихъ подлинности. Церковь скорѣе соглашалась оставить подъ сомнѣніемъ на время подлинность подлинно апостольскихъ писаній, чѣмъ признаніемъ ихъ подлинности, не вполне еще доказанной, подать поводъ къ пареканію въ неразборчивомъ признаніи подлинными неподлинно апостолами написанныхъ книгъ. Выписываемъ свидетельства того же собирателя преданій, Евсевія. О посланіяхъ св. апостола Петра онъ говоритъ: «одно посланіе Петра, называемое первымъ, всѣми принимается. Его и древніе пресвитеры приводятъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ подлежащее сомнѣнію. Но известное подъ именемъ его втораго посланія, по дошедшимъ до насъ преданіямъ, не было принято въ завѣтъ, хотя многіе призывали его полезнымъ и ревностно читали вмѣстѣ съ другими писаніями... Посланіе къ Евреямъ иные отвергали, ссылаясь на римскую церковь, которая спорила, что оно — не Павлово» (а). Тоже о посланіяхъ Іакова и Іуды, второмъ и третьемъ посланіи Іоанна и его Апокалипсисъ (ю). Подобное свидетельство осталось и отъ Оригена (я). Такимъ господствующимъ и сильнымъ было въ дѣлѣ составленія церковнаго канона священныхъ

(а) Ibid. III, 3. p. 216—217.

(ю) Ibid. III, 25. p. 268—269.

(я) Ibid. VI, 25. p. 581—584.

книгъ начало преданія, что пока не находили всеобщаго, единодушнаго преданія объ апостольскомъ происхожденіи какой-либо книги: то ея и не принимали въ канонъ; не всѣ признавали ея подлинность, и этого было достаточно, чтобы до времени непринимать ея въ составъ апостольскихъ книгъ. Съ другой стороны, когда находили вѣдъ преданія поводъ сомнѣваться въ подлинности книги, а преданіе говорило за нее: то сомнѣніе разрушалось о преданіе, и сіе послѣднее брало силу надъ сомнѣніемъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи свидѣтельство Оригена о посланіи къ Евреямъ. — Какъ критикъ, на основаніи нѣкоторыхъ отличій посланія къ Евреямъ отъ другихъ Павловыхъ посланій, онъ усомнился въ подлинности происхожденія его отъ Павла, но сила преданія удерживаетъ его совершенно отвергнуть подлинность посланія, и онъ хвалитъ тѣхъ, кто принимаетъ его за Павлово. «Образъ рѣчи, говоритъ онъ, въ посланіи, надписанномъ къ Евреямъ, не имѣетъ простоты, свойственной апостолу, который самъ себя называетъ неискуснымъ въ словѣ, то есть, въ выраженіи. Кто можетъ различать выраженія, тотъ согласится, что это посланіе, по составу рѣчи, чисто греческое. Но съ другой стороны внимательный читатель апостольскихъ писаній найдетъ справедливымъ и то, что въ этомъ посланіи заключаются мысли удивительныя, неуступающія мыслямъ въ признанныхъ всѣми апостольскихъ писаніяхъ... Если бы мнѣ объявить свое мнѣніе, я сказалъ бы, что это мысли апостола, а выраженія и составъ рѣчи принадлежатъ кому-нибудь другому, который записалъ слышанное отъ апостола, и какъ бы раскрылъ сказанное учителемъ. И такъ, заключаетъ онъ вдругъ не со-

всѣмъ ожиданно, если какая-либо церковь принимаетъ это посланіе за Павлово: то она достойна похвалы, потому что *древніе мужи не безъ основанія передали* его намъ, какъ Павлово». Но, продолжаетъ онъ, увлекаемый своимъ личнымъ взглядомъ на посланіе, «кто именно написалъ посланіе, объ этомъ по истиннѣ знаетъ только Богъ» (°), а въ тоже время, убѣждаемый силою преданія, онъ пользуется въ своихъ сочиненіяхъ этимъ посланіемъ, приводя мѣста изъ него и называя его то просто апостольскимъ, то прямо Павловымъ посланіемъ. Со временемъ прекратились сомнѣнія и противорѣчія объ этихъ спорныхъ книгахъ, но только тогда, когда собраны были свидѣтельства преданія о нихъ: *по силѣ* этого преданія они вошли въ канонъ священныхъ книгъ, какъ истинно апостольскія писанія; преданіе и здѣсь было рѣшителемъ дѣла. Св. Леонасій Александрійскій въ своемъ пасхальномъ посланіи (367 г.) пишетъ: *«позже нѣкии начаша чинити* себѣ такъ называемыя апокрифическія книги, и ихъ смѣшивать съ несомнѣнно богодухновеннымъ писаніемъ, *якоже предаша* отцамъ *иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе: изволися и мнѣ,* убѣжденному и наученному искренними братьями, *исчислить* сначала по порядку всѣ книги, внесенныя въ канонъ, *преданныя намъ,* какъ божественныя, и таковыми признаваемыя», и за тѣмъ перечисляетъ всѣ наши новозавѣтныя каноническія писанія (v). Филастрий (+ 387) говоритъ: *«поставлено отъ апостоловъ и*

(°) Ibid. VI, 25. p. 584.

(v) Твор. Св. Отц. въ русс. пер. т. 21. стр. 421 и 422. М. 1853.

изъ преемниковъ, что не должно читать въ католической церкви чего-либо другаго, кромѣ... Евангелій и Дѣяній апостольскихъ, и Павла 13-ти посланій ^(а), и семи другихъ: — Петровыхъ двухъ, Иоанновыхъ трехъ, Иудина одного и Иаковлева одного» ^(б). Руфинъ Аквилейскій (+ 410), перечисливъ всѣ книги новозавѣтныя каноническія, прибавляетъ: «вотъ книги, которыя *отцы заключили* въ канонъ» ^(в). Таковы и другія свидѣтельства изъ тѣхъ же и послѣдующихъ временъ. Столь велика была мудрая осторожность церкви, что при недостаткѣ единодушнаго преданія о нѣкоторыхъ подлинныхъ апостольскихъ писаніяхъ они не были принимаемы къ церковнѣй канонъ, и только послѣ, но подъ влияніемъ того же преданія, когда собраны были свидѣтельства преданія о нихъ, они признаны подлинно апостольскими. Возможное ли же дѣло, чтобы Евангелія, неизвѣстныя завѣдомо какъ подлинно апостольскія въ ихъ чистомъ неповрежденномъ видѣ, къ концу 2-го вѣка вдругъ всѣми церквами признаны были за подлинно апостольскія?...

Если бы церковь обманулась, допустила ошибку, признавъ мнимо-апостольскія евангелія за подлинно апостольскія: то этотъ обманъ, эту ошибку не замедлили

(а) Кромѣ посланія къ Евреямъ, о которомъ оны въ другомъ мѣстѣ (Haeres LXXXIX) говоритъ, что оно нѣкоторыми еще не признается Павловымъ, и только *иногда* читается въ церкви.

(б) Philastr. opp. edit. Brix. 1738 p. 61 и дал. Haer. LXXXVIII. (Apostroph).

(в) Opp. Cypriani. Venet. 1728 in Append. p. CCVI. Expos. symb. Apost. c. 37.

бы обличить враги ся—еретики, которыхъ не мало было и въ первенствующей церкви. Уклонившись отъ чистоты апостольской церкви, они входили въ противорѣчїе и съ писанїями, признававшимися въ церкви за апостольскїя, и въ ихъ интересахъ было обличить неподлинность этихъ писанїй, если бы можно было доказать ихъ неподлинность, какъ обличали предстоятели церкви неподлинность тѣхъ книгъ, которыя принимались за апостольскїя въ той или другой еретической сектѣ (Г). Но—замѣчательное явленїе—не осталось ни одного свидѣтельства, чтобы кто-либо изъ еретиковъ древней церкви отвергалъ подлинность Евангелїй, или говорилъ, что Евангелїя не тѣ признаны церковїю апостольскими, которыя произошли дѣйствительно отъ апостоловъ, но дополненныя уже, переработанныя и пр., какъ думаютъ новые еретики (Д). Писатели древней церкви довольно подробно и не стѣсняясь передаютъ намъ, чему учили тѣ или другїе

(Г) Иринеѣ наприм. пишетъ: „Валентїане до такой дошли дерзости, что то, что недавно написано ими, называютъ „евангелїемъ истины“, ни въ чемъ не согласное съ евангелїемъ апостоловъ... Если то, что отъ нихъ вышло, есть Евангелїе истины, а оно отлично отъ тѣхъ, которыя *намъ преданы отъ апостоловъ*: то, кто хочетъ, можетъ научиться, какиъ образомъ изъ самыхъ писанїй открывается, что Евангелїе истины не то, которое *предано апостолами* (Adv. haer. III. II. Opp. in Patrol. curs. compl. T. VII. p. 891.).

(Д) Только незначительная секта алоговъ отвергала, и то не на основанїи исторїи, подлинность евангелїя отъ Юванна;—единственный примѣръ. Послѣ мы будемъ имѣть случай встрѣтиться съ нимъ.

еретники, какъ они относились къ божественнымъ писаніямъ, и ни единымъ словомъ не указываютъ, чтобы тотъ или другой еретникъ отвергалъ подлинность принятыхъ церковію Евангелій. — Довольно осталось намъ свидѣтельствъ о томъ, что тотъ или другой еретникъ перетолковывалъ слова и выраженія нашихъ Евангелій (наприм. Валентинъ), даже отвергалъ нѣкоторыя изъ нихъ, но не какъ неподлинныя, а какъ содержащія (будто бы) искаженное ученіе (напр. Маркіонъ), но ни одного свидѣтельства нѣтъ о томъ, что бы они считали наши Евангелія неподлинными или не тѣми, которыя произошли отъ апостоловъ, учениковъ Христа. Пастыри церкви обличаютъ уклоненія еретиковъ отъ чистоты православія, а они ни словомъ, ни намекомъ не указываютъ на то, что сама церковь уклонилась, ошиблась, заблудилась, признавъ за основу своей вѣры какія-то книги, явившіяся недавно, неизвѣстныя прежде, если бы Евангелія наши были такъ-вы. А чего бы лучше этимъ лжеучителямъ именно этого оправданія своего лжеученія? Но ни откуда не видно, чтобы они пользовались имъ даже какъ клеветою на церковь, а въ клеветахъ у нихъ по временамъ не было недостатка. Что за непостижимое явленіе такое?.. Напротивъ, еретники относятся къ нашимъ евангеліямъ съ замѣтнымъ уваженіемъ они приводятъ изъ нихъ мѣста въ подтвержденіе своихъ словъ (иногда перетолковывая эти мѣста), они стараются на нихъ основывать свои ученія. — Вотъ, наримѣръ, послѣдователи лжеучителей Маркіона и Валентина второй половины 2-го и начала 3-го вѣка, когда, и по мнѣнію противниковъ нашихъ Евангелій, они были признаны въ православной (будто бы только?) церкви за

подлинно апостольскія писанія. О нихъ Иринеѣ замѣчаетъ вообще, что они «писанія (слѣдоват. и Евангелія) признаютъ, но толкованія его извращаютъ», что они «изъ евангельскихъ и апостольскихъ писаній стараются заимствовать доказательства, извращая толкованіе и поддѣлывая изложеніе» (e). Изъ учениковъ Валентина, по свидѣтельству того же Иринея, Маркъ съ своими единомышленниками старались къ своимъ бреднямъ объ эонахъ приложить нѣкоторыя мѣста изъ нашихъ Евангелій (ж); другой — Ираклеонъ составлялъ комментарій на Евангелія отъ Луки и Іоанна, изъ коихъ отрывки сохранились до насъ въ писаніяхъ Оригена и Климента Александрійскаго (з). Въ комментаріи на Іоанна онъ приводитъ нѣкоторыя изреченія изъ Евангелія отъ Матѳея съ прибавленіемъ: *по Евангелію*; третій — Птоломей приводитъ многія мѣста изъ Евангелія отъ Матѳея, и одно изъ Іоанна съ прибавленіемъ: *сказалъ апостоль* (и); четвертый — Θεодотъ, какъ видно изъ отрывковъ его сочиненій, сохранившихся при твореніяхъ Климента Александрійскаго, пользовался всеми нашими каноническими Евангеліями (i). Объ Апеллесѣ Оригенъ говоритъ, что онъ «очищалъ Евангелія», но не отвергалъ ихъ (к). О Вар-

(e) *Contr. haer.* l. III, 12. *Patrol. curs. comp.* tom. VII, p. 906. l. 1. 3. p. 478.

(ж) *Ibid.* l. I, 18. 19. 20. *Curs. compl.* p. 638—658.

(з) Нѣкоторыя мѣста изъ нихъ см. у Кирхгофера — *Quellen-samm.* S. 398—404.

(и) Въ письмѣ къ Флорѣ, сохраненномъ у св. Елифанія (*haer.* 33.) см. у Кирхгофера—стр. 395—398.

(i) У Кирхгофера *ibid.* стр. 403—411.

(к) *Ibid.* стр. 417.

десаиъ Епифаній говорить, что онъ пользовался ветхимъ и новымъ заветомъ (слѣдовательно и евангеліями), а также и нѣкоторыми апокрифами (1), и пр. и пр. — Ни одного свидѣтельства, чтобъ кто-либо изъ еретиковъ второй половины 2-го и послѣдующихъ вѣковъ отвергалъ подлинность принятыхъ церковію Евангелій. Чтò же, повторяемъ, значить это явленіе? Несомнѣнно значить оно то, что не только въ церкви, но и у враговъ ея въ то время была увѣренность въ подлинности каноническихъ Евангелій и увѣренность столь крѣпкая, что не было ни малѣйшаго мѣста сомнѣніямъ или даже подозрѣніямъ въ противномъ. Откуда въ нихъ такая увѣренность? На чемъ она основана? Безъ сомнѣнія главнымъ образомъ на преданіи, какъ церковномъ, такъ и въ обществахъ еретиковъ хранившемся. Какъ въ церкви хранилось непрерывное преданіе объ апостольскомъ происхожденіи призванныхъ ею Евангелій, такъ вѣроятно и въ обществахъ еретическихъ, потому что, если бы еретики, жившіе ранѣе конца 2-го в., не знали нашихъ Евангелій, и не передали свѣдѣнія о нихъ своимъ ученикамъ: то надобно было бы ожидать, что эти послѣдніе выразятъ по крайней мѣрѣ сомнѣніе въ подлинности принятыхъ церковію Евангелій, но ни у кого изъ нихъ мы этого не видимъ. Умолчали ли объ этомъ писатели церкви, у которыхъ находимъ эти свидѣтельства, такъ какъ сочиненій упомянутыхъ еретиковъ до насъ не дошло? Нѣтъ, и этого подозрѣвать нельзя. Явилась напр. секта алоговъ, отвергавшихъ подлинность Евангелія

---

(1) Ibid. стр. 414.

отъ Іоанна, и—писатели церкви не опустили дать объ этомъ свидѣтельство. Почему же бы и о другихъ не сказать имъ? Если они не говорятъ объ отвергавшихъ подлинность нашихъ Евангелій, то значить ихъ и не было.

Итакъ, относительно всеобщаго признанія подлинности нашихъ Евангелій въ концѣ 2-го и послѣдующихъ вѣковъ мы имѣемъ слѣдующее: это признаніе основывается на *всеобщемъ и непрерывномъ преданіи церкви* отъ временъ апостольскихъ; обмана здѣсь, при той осторожности, съ какою церковь принимала въ свой канонъ апостольскія книги вообще, и отдѣляла ихъ отъ неподлинно апостольскихъ, быть не могло; сами враги церкви не только не обличали ее въ обманъ относительно Евангелій, но признавали ихъ подлинность, и пользовались ими, хотя иногда перетолковывали и искажали ихъ.

Послѣ этого, неужели же въ самомъ дѣлѣ серьезно, научно, безъ предвзятой мысли, можно доказывать, что въ концѣ 2-го вѣка признаны церковію подлинно апостольскими неподлинныя Евангелія, а или вновь составленныя во 2-мъ вѣкѣ, или исправленныя, восполненныя, выдержавшія не одну редакцію апостольскія первоначальныя записи? Нѣтъ; мы видели выше, какъ возсталъ одинъ предстоятель церкви, когда валентиніане осмѣлились выдать свое «Евангеліе истины», кромѣ Евангелій, преданныхъ отъ апостоловъ, и обличилъ его неистинность. Такъ заботливо берегла церковь свои единственныя апостольскія Евангелія!—Не менѣе берегла она и ихъ чистоту и неприкосновенность. Когда Маркіонъ дерзнулъ исказить Евангеліе отъ Луки (признавая только его авторитетъ

и отвергая прочія, но не какъ неподлинныя, а какъ неправильно будто бы изображающія жизнь и ученіе Господа), онъ тотчасъ былъ изобличенъ, какъ искажитель подлиннаго Евангелія (м). И при такой бдительности церкви будто возможна ошибка въ дѣлѣ признанія апостольскихъ писаній и Евангелій? Нѣтъ; если бы даже до половины 2-го в. и въ самомъ дѣлѣ не осталось намъ (какъ утверждаетъ это отрицательная критика, на сколько справедливо, — увидимъ послѣ) опредѣлительныхъ свидѣтельствъ о существованіи въ это время нашихъ каноническихъ Евангелій въ ихъ настоящемъ видѣ: то достаточно было бы для насъ всеобщаго признанія нашихъ Евангелій подлинными въ концѣ 2-го вѣка, на основаніи *преданія* церковнаго, сохранявшагося даже въ обществахъ еретическихъ, чтобъ недопустить и мысли о неподлинности этихъ признанныхъ подлинными Евангелій; это преданіе, при зоркой осторожности церкви, не могло обмануть ея. — Надобно допустить чудо, чтобъ повѣрить, что церковь, широко распространившаяся въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, вдругъ къ концѣ 2-го в. признала какія-то сочиненія, недавно въ извѣстномъ видѣ появившіяся, подлинно апостольскими, иначе это явленіе необъяснимо; но подобныхъ чудесъ не бываетъ въ мірѣ... Какъ бы въ самомъ дѣлѣ могло случиться это?

Вотъ что говоритъ Штрауссъ, а за нимъ съ разными варіаціями повторяютъ всѣ приверженцы отрицательной критики, въ томъ числѣ и Ренанъ, не смотря на неоднократно указанную имъ несостоятельность подобныхъ объясненій. Сказавъ, что къ концу 2-го в

(м) Tertull. de praescript. haeret. c. 38. См. выше.

наши евангелія признаны въ церкви подлинно апостольскими, а апостолы все скончались въ 1-мъ вѣкѣ, онѣ продолжаютъ: «какой длинный промежутокъ времени, чтобъ присвоить имъ писанія, которыхъ они не писали! Апостолы разсыпанные, одинъ по одному, умираютъ во второй половинѣ 1-го вѣка. Евангельская проповѣдь постепенно распространяется въ Римскомъ государствѣ, и утверждается болѣе и болѣе по одному определенному типу: отсюда (!), нѣсколько изреченій, одинаковыхъ (gleichläutende) съ мѣстами изъ нашихъ вывѣщенныхъ Евангелій, которыя (изреченія) мы видимъ приведенными у древнѣйшихъ писателей церкви безъ означенія источниковъ, — почерпнуты изъ устнаго преданія. Но вотъ вскорѣ это преданіе заключено въ различныя писанія, изъ коихъ основныя черты того или другаго, можетъ быть, преданы апостолами, писанія, которыя въ началѣ не имѣли еще никакого твердаго образа, а потому могли подвергнуться нѣкоторымъ преобразованіямъ, какъ показываетъ примѣръ Евангелія Евреевъ, и цитаты Іустина (послѣ мы о нихъ скажемъ). Эти писанія назывались сперва, какъ кажется, не по писателямъ, но — или, какъ Евангеліе Евреевъ, по тому кругу читателей, въ которомъ каждое изъ нихъ было въ употребленіи первоначально, или по именамъ апостола и евангелиста, но устнымъ преданіямъ или памятнымъ листкамъ которыхъ составлено было потомъ какое-либо евангельское писаніе; это значеніе, кажется, первоначально, имѣло *катѣ* въ надписаніи перваго евангелія. Естественно впрочемъ явилось потомъ предположеніе, что бывшія въ обращеніи и въ церковномъ употребленіи повѣствованія объ Иисусѣ составлены непосредственно Его

учениками Отсюда (!) Иустинъ и Цельсъ производятъ евангельскія писанія вообще отъ апостоловъ, а потомъ и каждое въ отдѣльности отъ извѣстныхъ апостоловъ и апостольскихъ учениковъ, потому что нѣчто устное или письменное отъ этихъ мужей лежало въ основѣ евангельскаго писанія, или, можетъ быть, потому что эти мужи въ извѣстной странѣ, или у извѣстной партіи были въ особомъ почетѣ. Всѣ три рода названій имѣло Евангеліе Евреевъ: ибо оно, по кругу своихъ читателей, называлось Евангеліемъ Евреевъ, а позднѣе—то Евангеліемъ отъ 12-ти апостоловъ, то Евангеліемъ отъ Матѳея» (и). Таково Штрауссово объясненіе того явленія, какъ въ концѣ 2-го в. во всей церкви, сущей подъ солнцемъ, приняты были за подлинно апостольскія тѣ Евангелія, которыя не произошли (будто бы) отъ нихъ въ ихъ настоящемъ видѣ; таково объясненіе этого (мнимаго) обмана церкви вселенской, и—это объясненіе противопоставляется непрерывному всеобщему преданію церкви о происхожденіи нашихъ Евангелій отъ апостоловъ! Неужели только? спрашиваетъ изумленный читатель. Только. Но гдѣ же хотя одно свидѣтельство, что это было такъ? Гдѣ, по крайней мѣрѣ, признаки правдоподобности такого объясненія? Свидѣтельства ни одного нѣтъ, а признаки—въ цитатахъ Цельса и Иустина и въ надписаніи евангелія Евреевъ (мы въ своемъ мѣстѣ разберемъ ихъ). Другіе писатели разбираемыхъ направленій только подробнѣе развили то, что сказано въ сей часъ приведенной выпискѣ изъ Штраусса,

---

(и) Strauss. *ibid.* S. 71—72.

и мы послѣдуемъ за ними, на сколько тѣ возможно для насъ, въ разборъ ихъ мнѣній; тогда, по разборъ подробностей, яснѣе окажется, есть ли хотя малая частица правды въ сейчасъ выписанномъ, бездоказательно изложенномъ, мнѣніи Штраусса.

Итакъ отрицательной критикѣ нужно было для своей цѣли доказать, что указаній на существованіе нашихъ каноническихъ евангелій въ ихъ настоящемъ видѣ до половины или даже конца 2-го в. нѣтъ. Задача не легкая, и притомъ неблагодарная, которую взять на себя могло побудить только страстное отношеніе къ дѣлу, пристрастіе къ любимой теоріи, и желаніе оправдать ее во что бы то ни стало. О достоинствѣ критическихъ началъ и пріемовъ при этомъ почти не могло быть и рѣчи, да ихъ, собственно говоря, и нѣтъ здѣсь. Чтѣ можно какъ-либо перетолковать—перетолковать, что можно вовсе устранить—устранить: вотъ собственно пріемъ отрицательной критики въ этомъ отношеніи; но разве это критическій пріемъ? Войдемъ же въ подробности.

Отъ мужей апостольскихъ—свв. Варнавы, Климента римскаго, Игнатія антиохійскаго, богоносца, и Поликарпа смирнскаго осталось весьма мало твореній: одно посланіе Варнавы, два Климентовы (второе изъ нихъ не всѣми признается подлиннымъ), семь Игнатіевыхъ, и одно Поликарпово. Посланія эти писаны по разнымъ частнымъ случаямъ, и не говорится въ нихъ собственно о писаніяхъ апостольскихъ вообще и въ частности о евангеліяхъ. Но въ нихъ приводятся мѣста изъ нашихъ евангелій, нѣкоторыя буквально, нѣкоторыя съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями. Выписываемъ важнѣйшія изъ нихъ. Въ посланіи Варнавы

говорится: (о) «будемъ внимательны, чтобы не оказаться именно таковыми, какъ написано: *мнози суть звани, мало же избранныхъ*» (п) Матѳ. 20, 16. 22, 14. «Избралъ Христосъ Своихъ апостоловъ для проповѣданія евангелія Своего—людей крайне грѣшныхъ, дабы показать, что пришелъ Онъ призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ на покаяніе» (р) (Ср. Мар. 2, 17: *не приидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе*. Ср. Матѳ. 9, 13. Лук. 5, 32.) «Не колеблись давать, и, давая, неропщи. *Всякому просящему у тебе дай*» (с). (Ср. Мѳ. 5, 42: *Прозящему у тебе дай* ср. Лук. 6, 30). «Моисей устрояетъ образъ Исуса (что долженъ пострадать и даровать жизнь Тотъ, Кого думали погубить на знамени креста) въ то время, когда Израиль палъ» (т). (Іоан. 3, 14: *Якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися сыну челоувческому*). Въ посланіи 1-мъ Климента римскаго говорится: «особенно будемъ помнить слова Господа Исуса, которыя изрекъ Онъ, научая кротости и великодушію. Онъ такъ сказалъ: милуйте, чтобы быть помилованными; отпушайте, дабы вамъ было отпущено; какъ вы дѣлаете, такъ вамъ будутъ дѣлать; какъ даете, такъ вамъ дано будетъ; какъ судите, такъ сами судимы будете; какъ сами

(о) Цитуюсь творенія мужей апостольскихъ по изданію Дресслера: *Patrum Apostolicorum opera*—Dressel. Leps. 1863. и выбираемъ изъ многого немногое болѣе ясное.

(п) с. 4. у Dressel. p. 7.

(р) с. 5. у Dressel. p. 8.

(с) с. 19 у Dressel. p. 42.

(т) с. 12 у Dressel. p. 28.

будете снисходить, такъ къ вамъ будутъ снисходить; какою мѣрою мѣрите, такою отмѣрится вамъ.» (у) (Ср. Мѡ. 7, 1—2: *не судите, да не судими будете. Имѣже бо судомъ судите, судятъ вамъ; и въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.* Лук. 6, 36—38: *Будите милосерди, яко же и Отець вашъ милосердъ есть. И не судите, и не судятъ вамъ; и не осуждайте, да не осуждени будете; отпушайте, и отпустятъ вамъ; дайте и дастся вамъ.*) «Вспомните слова Иисуса Господа нашего. Онъ сказалъ: горе тому чловѣку; лучше было бы ему не родиться, нежели соблазнить одного изъ избранныхъ Моихъ,—было бы лучше для него, еслибы онъ повѣсилъ себя камень жерновный и ввергнулся въ море, нежели соблазнить одного изъ малыхъ Моихъ» (*). (Ср. Мѡ. 26, 24. Лук. 17, 1. 2: *Рече (Иисусъ) ко ученикомъ Своимъ: не возможно есть не пріити соблазномъ: горе же егоче ради приходитъ. Унь же ему было бы, аще жерновъ оселскій облежалъ бы о выи его, и вверженъ въ море, неже да соблазнить отъ малыхъ сихъ единого*). Игнатій пишетъ въ посланіи къ Поликарпу: «будь мудръ, какъ змѣя, во всемъ, и не злобивъ, какъ голубь» (х). (Ср. Мѡ. 10, 16: *Будите мудри, яко змѣя, и цѣли яко голубіе*) Въ посланіи къ Ефесянамъ: «дерево познается отъ плода своего, такъ и исповѣдающіе себя христіанами, познаются отъ дѣлъ своихъ» (п). (Ср. Мѡ. 12, 33:

(у) Epist. 1. с. 13. у Dressel. p. 60—61.

(*) Epist. с. 46. у Dressel. p. 92—93.

(х) Ep. ad Policarp. с. 2. у Dressel. p. 200.

(п) Ep. ad Ephes. с. 14. у Dressel. p. 132.

отъ плода древо познано будетъ). Въ посланіи къ Смиріянамъ: «когда Онъ (Христось) пришелъ къ бывшимъ съ Петромъ, то сказалъ имъ: возьмите, осяжите меня и посмотрите, что Я—не духъ безтѣлесный» (ч). (Ср. Лук. 24, 39: *Видите руку мою и нозъ мои, яко самъ Азъ есмь; осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости неимать, якоже Меня видите и муца*). Въ посланіи къ Филадельфіянамъ: «и меня нѣкоторые хотѣли оболъстить по плоти, но духъ, будучи отъ Бога, не оболъщается: ибо онъ знаетъ, откуда приходитъ и куда идетъ» (ш). (Ср. Иоанн. 3, 8: *Духъ идъже хоцетъ, дышетъ, и гласъ Его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ, и камо идетъ*). Въ посланіи къ Римлянамъ: «живой ишу вамъ, горя желаніемъ умереть. Моя любовь распялась, и—вѣтъ во мнѣ огни, любящаго вещество, но вода живая, говорящая во мнѣ: иди ко Отцу. Нѣтъ для меня сладости въ ищѣ тлѣнной, ни въ удовольствіяхъ этой жизни. Хлѣба Божія желаю, хлѣба небеснаго, хлѣба жизни, который есть плоть Исуса Христа... И питія Божія желаю—крови Его (ш). (Ср. Иоан. 6, 32. 33: *Рече Исусъ: аминь, аминь глаголю вамъ: не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе: но Отецъ Мой даде вамъ хлѣбъ истинный съ небесе. Хлѣбъ бо Божій есть сходный съ небесе, и далъ животъ міру. Ст. 51. 53 и 54: Азъ есмь хлѣбъ животный, иже съедый съ небесе: аще кто сънѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки,*

(ч) Ep. ad Smyrn. c. 3. у Dressel. p. 292.

(ш) Ad Philadelph. c. 7. у Dressel. p. 284.

(ш) Ad Rom. c. 7. у Dressel. p. 170.

и хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра... Аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою плоть, и піій Мою кровь, имать животъ вѣчный: и Азъ воскрешу его въ послѣдній день.) Въ посланіи Поликарпа пишется: «будемъ помнить то, чему училъ Господь, говоря: не судите, чтобъ небыть вамъ судимыми; прощайте, и будетъ вамъ прощено; милуйте, чтобъ быть вамъ помилованными; какою мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ, и—блаженны бѣдные и гонимые за правду, ибо ихъ царствіе Божіе» (ъ). (Ср. Мѡ. 7, 1. 2 и Лук. 6, 37 и 38. приведены выше.) «Въ молитвахъ будемъ просить всевидящаго Бога не ввести насъ во искушеніе, какъ сказалъ Господь: духъ бодръ, но плоть немощна» (ы). (Ср. Лук. 11, 4: и не введи насъ во искушеніе. 14, 38: бдите и молитесь, да не внидете въ папастъ; духъ убо бодръ, плоть же немощна). Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ Евангелій, приводимыя въ писаніяхъ мужей апостольскихъ.

Всѣ эти мѣста находятся въ нашихъ нынѣшнихъ каноническихъ евангеліяхъ, и—первая мысль, представляющаяся при встрѣчѣ съ таковыми и имъ подобными мѣстами въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, та, что эти мѣста заимствованы изъ нашихъ Евангелій, какъ множество мѣстъ въ нихъ заимствовано изъ посланій апостольскихъ, что, слѣдовательно, Евангелія наши въ первомъ и началѣ вто-

---

(ъ) Сар. 2. у Dressel. p. 379.

(ы) Сар. 7. у Dressel. p. 385.

раго вѣка уже существовали, какъ существовали и посланія апостольскія. Но этого-то не хотятъ и не могутъ допустить приверженцы отрицательной критики, соответственно своей предвзятой мысли. Имъ нужно вочто-бы то ни стало устранить эти свидетельства о Евангеліяхъ въ первомъ и началъ второго вѣка, и — они ихъ устраняютъ. Какъ? Обыкновенно, какъ устраняется все то, чему люди не хотятъ вѣрить, давь только по возможности благообразный видъ своему невѣрію,—или къ чему способна страсть, доводящая до ослѣпленія.

1) Говорятъ, что приводимыя въ писаніяхъ мужей апостольскихъ мѣста, находящіеся въ нынѣшнихъ каноническихъ Евангеліяхъ, могли быть заимствованы не изъ нихъ, а изъ устнаго преданія, т. е. нѣкоторыя изреченія Господа Иисуса и одинаковыя сказанія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ Его жизни переходили изъ устъ въ уста въ кругу Его послѣдователей, и — они-то приводятся въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, они же со временемъ вошли и въ наши нынѣшнія Евангелія (б). Почему же такъ нужно думать? Первую причину указываютъ ту, что въ приводимыхъ мѣстахъ не указывается на письменные источники. Но противъ этого можно указать на множество мѣстъ, приводимыхъ изъ ветхаго завѣта въ тѣхъ же писаніяхъ; и эти мѣста приводятся также иногда безъ

(б) Это — общее мнѣніе у писателей отрицательныхъ направлений. См. вышеприведенную выписку изъ Штраусса; ср. тамъ же стр. 66. Также у Кирхгофера—*Quellensammlung zur Gesch. d. Neutest. Kanon's*, стр. 77. прим. 1 и дал.

указанія на письменные источники (ф). Неужели на этомъ основаніи надобно думать, что и эти мѣста приводятся по устному преданію, и что ветхозавѣтныхъ книгъ тогда не существовало? Странно. А такихъ мѣстъ у нихъ весьма много. Обыкновенныя выраженія при этомъ: Богъ говоритъ, Богъ сказалъ чрезъ пророка, Духъ Святой говоритъ и пр. сходны съ выраженіями: вспомните слова Господа, Господь сказалъ и пр., когда приводятся мѣста изъ Евангелій. Точно также въ рассматриваемыхъ писаніяхъ иногда приводятся мѣста изъ ветхаго завѣта безъ всякой предварительной формулы, какъ приведены нѣкоторые изреченія и Господа І. Христа. Слѣдуетъ ли изъ этого, что подобныя ветхозавѣтныя мѣста приводятся не изъ книгъ ветхаго завѣта? Очевидно нѣтъ. Если же такъ: то не слѣдуетъ, что и помянутыя изреченія Господа Іисуса приводятся не изъ Евангелій письменныхъ. Сколько можно судить по всемъ древнѣйшимъ памятникамъ письменности христіанской, это было въ обычаѣ тѣхъ временъ—приводить мѣста изъ тѣхъ или другихъ письменныхъ источниковъ, не указывая точно на эти источники, иногда и вовсе не обозначая ихъ, такъ что приводимыя мѣста иногда кажутся словами самого писателя. Наконецъ, мы видѣли, что не всѣ цитуемыя въ писаніяхъ мужей апостольскихъ мѣста изъ Евангелій приводятся безъ указанія на пись-

---

(ф) Такихъ мѣстъ множество въ писаніяхъ всѣхъ мужей апостольскихъ. Для удостовѣренія стѣитъ только взять какое-либо ученое изданіе писаній ихъ, гдѣ обыкновенно дѣлаются указанія на приводимыя изъ священныхъ книгъ мѣста, и примѣровъ въ подтвержденіе нашихъ словъ можно набрать много.

менные источники. Варнава, приводя изреченіе Господа о многихъ званыхъ и не многихъ избранныхъ, употребляетъ выраженіе: *какъ написано*. Это выраженіе очень важно, какъ неоспоримое свидѣтельство существованія *письменнаго* источника, изъ котораго заимствовано это изреченіе, а слѣдовательно, и другихъ источниковъ, изъ которыхъ приводятся другія изреченія этимъ же и другими писателями. Прежде сомнѣвались въ подлинности этого выраженія, думали, что это — прибавка къ подлиннику, сдѣланная латинскимъ переводчикомъ посланія Варнавы (такъ какъ до 1859 г. первыя четыре и половина пятой главы этого посланія были извѣстны только въ латинскомъ переводѣ); но съ тѣхъ поръ, какъ обнаруженъ К. Тишендорфомъ *синайскій кодексъ библіи вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ посланія Варнавы*, всѣ сомнѣнія въ этомъ должны прекратиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно быть принято за несомнѣнное, что Варнава имѣлъ письменное Евангеліе отъ Матѳея. Вотъ что писалъ по поводу этой находки самъ Тишендорфъ, прежде сомнѣвавшійся въ подлинности этого выраженія въ посланіи Варнавы: «извѣстно, что о древности нашихъ каноническихъ евангелій и ихъ церковномъ признаніи (каноническими) существуютъ различныя мнѣнія; поставляютъ этотъ вопросъ въ зависимость преимущественно отъ тѣхъ древнихъ христіанскихъ писаній, въ которыхъ находится какое-либо заимствованное изъ Евангелій свидѣтельство. Въ той части посланія Варнавы, которая доселѣ извѣстна была только на латинскомъ языкѣ, особенное вниманіе издавна возбуждало мѣсто: много званыхъ, но мало избранныхъ. Даже при отричаніи происхожденія

послания отъ Варнавы апостола оно есть древнѣйшее свидѣтельство о первомъ Евангеліи, хотя нельзя (?) отрицать, что это изреченіе Господа могло быть заимствовано изъ устнаго преданія. Правда, этому предположенію неблагопріятствовало то, что предъ изреченіемъ поставлены слова: *какъ написано*; но эти слова съ большою вѣроятностію приписывали переводчику. Ибо какъ въ первой четверти 2-го столѣтія, когда написано было это посланіе (таково мнѣніе Tischendorfa, едвали вѣрное!), могло быть приведено мѣсто изъ Матѳея съ тою же формулою, какая въ устахъ Спасителя и апостоловъ примечествовала только ветхозавѣтнымъ откровеннымъ книгамъ? Не смотря однакоже на то, синайская рукопись рѣшительно показываетъ, что латинскія слова (*какъ написано*) дѣйствительно происходятъ отъ самаго писателя, а не отъ позднѣйшаго переводчика. А это неоспоримо доказываетъ, что уже въ первой четверти 2-го столѣтія, вопреки всякому ожиданію изслѣдователей отрицательныхъ направленій, наше Евангеліе отъ Матѳея не только существовало и было извѣстно, но и считалось каноническимъ въ церкви»⁽⁹⁾. Мы прибавимъ къ этому, что многіе ученые критики относятъ происхожденіе этого посланія не къ первой четверти 2-го в., а къ послѣдней 1-го, и приписываютъ его именно ап. Варнавѣ—спутнику ап. Павла⁽¹⁰⁾, а это еще болѣе усиливаетъ значеніе сего свидѣтельства въ пользу апостольскаго происхожденія этого Евангелія. Итакъ, считать приводимыя мѣста изъ Евангелій въ

(9) Tischendorf—Aus d. heilig. Lande. Leipz. 1862. S. 124.

(10) Изъ новѣйшихъ—Блэкъ, Гизелеръ, Мелеръ и др.

писаніяхъ мужей апостольскихъ заимствованными изъ устнаго преданія на томъ основаніи, что будто въ нихъ не указывается на письменные памятники, изъ коихъ они заимствованы, неосновательно. Еще менѣе основательно и справедливо считать эти мѣста заимствованными изъ устнаго преданія потому, что въ нихъ не всегда замѣчается буквальное сходство съ мѣстами, содержащимися въ вышеприведенныхъ нашихъ Евангеліяхъ, или иногда соединяется въ одно изреченіе нѣсколько мѣстъ, содержащихся въ нашихъ Евангеліяхъ (какъ это можно замѣтить въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ выписокъ). Сравните опять цитаты изъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, и увидите, что точно также эти мужи апостольскіе поступаютъ и въ отношеніи къ нимъ; далеко не вездѣ встрѣчается буквальное сходство между приводимыми ими мѣстами и — тѣми, какія есть теперь въ нашихъ каноническихъ книгахъ ветхозавѣтныхъ ^(а). Слѣдствіе изъ этого опять съ полнымъ правомъ выводимъ тоже: если изъ подобной формы цитатовъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ писаніяхъ мужей апостольскихъ нельзя заключать, что цитуемая въ нихъ мѣста заимствованы не изъ письменныхъ книгъ, извѣстныхъ намъ, — то нельзя заключать и изъ приводимыхъ евангельскихъ изреченій, что они заимствованы не изъ письменныхъ нашихъ книгъ, а изъ преданія и — какъ ветхозавѣтныя книги, изъ которыхъ приводятся не буквально цитаты, существовали тогда, такъ и Евангелія. Такой способъ приведенія мѣстъ, какъ видно

(а) Примѣровъ этого много можно видѣть въ тѣхъ же изданіяхъ апостольскихъ мужей.

изъ всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ христіанской письменности, былъ въ общемъ обычай тѣхъ временъ, и причины этого понятны особенно при цитатахъ изъ новозавѣтныхъ книгъ. Книги эти, по причинѣ медленной переписки ихъ и небыстрыхъ сношеній между разными церквами, не могли распространиться скоро и въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, а отъ того за немнѣиёмъ подъ рукою списка извѣстной книги, безъ сомнѣнія, приходилось приводить изъ нея мѣста, въ устныхъ ли бесѣдахъ или въ письмахъ и сочиненіяхъ на память, и не всегда точно по буквѣ; заботились вѣрно передать смыслъ, но не всегда букву, и иногда свободно приводили нѣсколько сходныхъ изреченій изъ разныхъ мѣстъ книги, или же разныхъ книгъ. Это такъ естественно и такъ понятно, что искать какого-либо другаго объясненія сего рѣшительно нѣтъ никакой нужды, а объяснять тѣмъ, что Евангелій нашихъ вовсе не существовало тогда, совершенно неосновательно и произвольно. Но мы видѣли, что въ основаніи этихъ объясненій лежитъ предвзятая мысль, и ее хотять только закрыть подобными основаніями разсматриваемаго объясненія цитатовъ новозавѣтныхъ мѣстъ въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, а не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ эти основанія сами по себѣ были столь значительны, что необходимо требовали такого объясненія цитатовъ этихъ мѣстъ. Нужно доказать, что въ 1-мъ вѣкѣ нашихъ Евангелій не было, но мѣста, приведенныя изъ нихъ въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, противорѣчатъ этому, и — придумано, что эти мѣста приведены не изъ нашихъ Евангелій, а изъ преданія; придуманы и основанія для такого объясненія.

2) Более рьятельное средство устранить доказательства существованія Евангелій въ 1-мъ и началъ 2-го вѣка въ ихъ настоящемъ видѣ изъ приводимыхъ въ писаніяхъ мужей апостольскихъ цитатовъ изъ нихъ, это — отвергнуть подлинность самыхъ этихъ писаній мужей апостольскихъ. И это средство не осталось безъ приложенія къ вопросу о Евангеліяхъ. Подвергнуты были особенно новотюбингенской школой Баура самой жесткой критикѣ помянутыя писанія мужей апостольскихъ, какъ и самыя Евангелія, и — немногое изъ нихъ признано подлиннымъ этою школою, какъ и нужно было ожидать того, соответственно предвзятой мысли школы о Евангеліяхъ, будто они произошли во второй и третьей четверти 2-го в., и написаны по известнымъ «тенденціямъ». Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что и прежде еще, по разнымъ причинамъ, высказываемы были сомнѣнія въ подлинности нѣкоторыхъ изъ нихъ, но критиками разсматриваемыхъ направленій эти сомнѣнія усилены и распространены на весь сѣи писанія. Не у мѣста здѣсь было бы входить въ разборъ тѣхъ основаній, по которымъ отрицается подлинность разсматриваемыхъ писаній. Сообщимъ лишь кратко результаты изслѣдованій о нихъ, противопоставляя ученые авторитеты однихъ изслѣдователей другимъ, не входя въ разборъ самыхъ основаній, приводимыхъ въ пользу и противъ подлинности этихъ писаній. *Посланіе Варнавы*. Подлинность происхожденія его отъ Варнавы апостола, спутника Павлова, отвергаютъ изъ новѣйшихъ — Гугъ, Ульманъ, Неандеръ, Гефеле, Дрессель, приписывая его другому Варнавъ, жившему въ концѣ 1-го и началъ 2-го вѣка. Только Гильгель-

Фельдъ (школы Баура) относитъ происхождение его къ болѣе позднему времени ^(θ). И въ томъ случаѣ, если это посланіе явилось въ началѣ 2-го вѣка, свидѣтельство его о Евангеліяхъ нашихъ очень важно. Но такіе ученые, какъ Блэкъ, Гизелеръ, Мэмеръ съ убѣдительною доказываютъ, что оно принадлежитъ именно апостолу Варнавѣ, спутнику и сотруднику св. апостола Павла, а въ этомъ случаѣ свидѣтельства его драгоценны, и доказательства подлинности нашихъ Евангелій, заимствуемыхъ изъ него, почти неопровержимы. — *Первое посланіе Климента Римскаго* почти единогласно признаваемо было и признается за подлинное. Въ новѣйшее время только Бауръ и Шweglerъ (его послѣдователь) возвысили голосъ свой противъ этого посланія ^(v). Вотъ отзывъ о нихъ Дресселя, который не относится къ защитникамъ всѣхъ писаній мужей апостольскихъ: «Шweglerъ и Бауръ, говоритъ онъ, подвергли сомнѣнію подлинность этого посланія, или думали, что это не то посланіе, которое похваляли древніе. Но они неудачно припались за свое дѣло» ^(a). Имъ противустали въ последнее время Бунзенъ и Ричль, и вполне защитили въ глазахъ ученаго міра подлинность этого посланія ^(б). Тотъ же Дрессель, изложивъ исторію споровъ въ пользу и противъ подлин-

(θ) Die Apostol. Väter. Hall. 1853.

(v) Baur's — Die Ignatian. Briefe. Tubing. 1848. S. 127 и дал. Schwegler's — Nachapost. Zeitalter. Tom. II. 125.

(a) Sed isti male opus suum inavgurarunt. См. Dressel. I. cit. Proleg. p. XVII.

(б) Bunsen's — Ignatius und sein Zeit. p. 189 и д. Ritschl — Entstehung d. altkat. Kirch. Bonn. 1850. p. 282.

ности и неповрежденности Игнатіевыхъ посланій, продолжаетъ: «въ наше время Бауръ, тюбингенской академіи профессоръ, выдумалъ, что посланія Игнатіевы сочинены въ Римъ къ-мъ-нибудь во второмъ вѣкѣ для возвышенія славнымъ именемъ и авторитетомъ Игнатія — епископской власти. Съ нимъ согласны, при легкомъ, только различіи, Швеглеръ и Гильгенфельдъ» (в). Попытка ихъ впрочемъ не имѣла успѣха въ ученomъ мѣрѣ, и не могла имѣть, какъ парадоксъ, въ основѣ котораго слишкомъ уже замѣтна предвзятая мысль. Ротэ, Гунтэръ, Ульгорнъ, и особенно ученый Гефеле, защищаютъ подлинность посланій Игнатія (г). Точно также и сомнѣнія въ подлинности *Поликарпова* посланія (писаннаго вскоре послѣ смерти Игнатія около 107 года), поддержанныя въ новое время особенно Швеглеромъ и Гильгенфельдомъ, не приняты въ ученomъ мѣрѣ, равно какъ и сомнѣнія въ неповрежденности его. Ту и другую защищаютъ многіе ученые (д). Такъ, и это

(в) Dressel. *ibid.* Proleg. p. XXVII—XXVIII.

(г) *Ibid.* p. XXVIII. Игнатіевы посланія дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ — краткой и пространной; признается подлинною первая, вторая же есть позднѣе сдѣланное распространеніе первой. Въ новѣйшее время найденъ еще сирскій переводъ трехъ посланій Игнатія (къ Римлянамъ, Ефесеямъ и Поликарпу), содержащій текстъ этихъ посланій еще болѣе краткій, и нѣкоторые ученые подумали, что это именно и есть подлинный текстъ Игнатіевыхъ посланій (Бунзенъ и Ричль). Но другіе съ большею основательностію полагаютъ, что сирскій текстъ есть сокращеніе Игнатіевыхъ посланій (Ульгорнъ и Гефеле).

(д) Dressel. *ibid.* p. XXXVI—XXXVIII.

рѣшительное средство — отвергнуть существованіе нашихъ Евангелій въ концѣ 1-го и началѣ 2-го в. отрицаніемъ подлинности тѣхъ писаній, въ которыхъ приводятся мѣста изъ нихъ, далеко не такъ надежно и совершенно недостаточно для достиженія цѣли.

3) Говорятъ, что мѣста, приводимыя въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, могли быть заимствованы не изъ нашихъ Евангелій, а изъ другихъ, не дошедшихъ до насъ записей, или апокрифическихъ Евангелій, болѣе раннихъ, чѣмъ нынѣшнія каноническія Евангелія, отъ чего могла произойти и нѣкоторая неточность цитатъ, и сопоставленіе разныхъ мѣстъ вмѣстѣ^(e). Выписываемъ, какъ вѣрныя и достаточныя для опроверженія этой мысли, замѣчанія Кирхгофера. Приведши, какъ заимствованныя изъ Евангелія, слова въ посланіи Варнавы: такъ, говоритъ (Иисусъ), хотящіе Меня видѣть и получить Мое царство должны скорбями и страданіями стяжать Меня (ж): ср. Матѳ. 16, 24.; Кирхгоферъ замѣчаетъ: «такъ какъ этого мѣста ни въ одномъ изъ нашихъ Евангелій буквально не встрѣчается, то хотятъ заключить изъ сего, что Варнава пользовался апокрифическимъ Евангеліемъ; но, во первыхъ, эта мысль встрѣчается часто въ нашихъ евангельскихъ рѣчахъ Иисуса; словомъ же—*говоритъ* Варнава не хотѣлъ обозначать буквальное сходство съ какимъ-либо определеннымъ мѣстомъ въ Евангеліяхъ, и потому эта мысль могла быть заимствована изъ нашихъ письменныхъ Евангелій, или изъ преданія^(з).

(e) См. у Кирхгоф. стр. 77—78, прим. 2, 4 и др.

(ж) С. 7 у Dressel. p. 16.

(з) Kirchhofer's—p. 78. прим. 4.

Выписавъ слова изъ посланія егоже: «много званыхъ, а мало избранныхъ, какъ написано», онъ прибавляетъ: обычная формула цитаціи (*какъ написано*) показываетъ, что Варнава пользовался письменными Евангеліями, и такъ какъ онъ употребляетъ простую формулу цитаціи, и приведенное мѣсто находится въ Матѳеевомъ Евангеліи: то невѣроятно, что онъ пользовался апокрифическимъ Евангеліемъ, а гораздо вѣроятнѣе, что — нашимъ Матѳеевымъ» ^(и). Выписавъ первое и второе изъ приведенныхъ нами выше мѣстъ посланія Климентова, какъ свидетельствующія о томъ, что ему были извѣстны наши Евангелія, Кирхгоферъ замѣчаетъ, — къ первому: «оно содержитъ многія изреченія Іисуса, которыхъ впрочемъ въ такомъ порядкѣ нѣтъ въ каноническихъ Евангеліяхъ, изъ чего несправедливо хотятъ вывести заключеніе, будто Климентъ не зналъ нашихъ Евангелій, а употреблялъ другія. Эти изреченія находятся въ разныхъ мѣстахъ каноническихъ Евангелій, частію буквально, частію по мысли, а сочетаніе ихъ свободно сдѣлано Климентомъ, и они процитованы на память» ^(і). Ко второму изъ разсматриваемыхъ мѣстъ онъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «оно не согласуется буквально съ нашими Евангеліями, но изъ этого не слѣдуетъ, что Климентъ ихъ не зналъ или употреблялъ другія. Онъ цитовалъ свободно, на память, частію буквально, частію по мысли, что очевидно хорошо можетъ быть совмѣщено съ знаніемъ нашихъ Евангелій» ^(к). Въ самомъ дѣлѣ,

(и) Ibid. p. 77. прим. 2.

(і) Ibid. p. 79. прим. 1.

(к) Ibid. p. 79. прим. 1 и 4.

къ чему прибѣгать къ такимъ объясненіямъ заимствованія мѣстъ изъ *какихъ-либо* другихъ Евангелій, когда въ дошедшихъ до насъ апокрифическихъ Евангеліяхъ этихъ мѣстъ вовсе нѣтъ, а изъ другихъ, въ которыхъ эти мѣста *могли* быть, дошли до насъ одни только отрывки въ выпискахъ древнихъ церковныхъ писателей (наприм. Евангеліе евреевъ), въ которыхъ приводимыхъ мѣстъ тоже нѣтъ, — когда еще и происхожденіе подобныхъ апокрифическихъ Евангелій болѣе раннее, чѣмъ происхожденіе нашихъ Евангелій, ничѣмъ не доказано, да и доказать нельзя? Къ чему, говоримъ, прибѣгать къ такимъ объясненіямъ, когда есть объясненія болѣе естественныя и простыя, приводимыя сейчасъ помянутымъ писателемъ? Только страстное желаніе — во чтобы то ни стало отвергнуть дознанную истину можетъ побудить къ подобнымъ поступкамъ.

4) Посмотримъ теперь хотя на немногія изъ тѣхъ софизмовъ и натяжекъ, которыми поборники отрицательной критики стараются ослабить силу доказательства въ пользу нашихъ каноническихъ Евангелій, мѣстъ изъ нихъ, приводимыхъ въ писаніяхъ мужей апостольскихъ. Это очень любопытное въ своемъ родѣ явленіе. Имъ нужно, положимъ, доказать, что св. Игнатій Богоносецъ не зналъ нашего Евангелія отъ Іоанна. Между тѣмъ у Игнатія есть мѣста, несомнѣнно заимствованныя изъ Евангелія отъ Іоанна, напр.: «и меня нѣкоторые хотѣли обольстить по плоти; но духъ, будучи отъ Бога, не обольщается: ибо Онъ знаетъ, откуда приходитъ и куда идетъ» ⁽¹⁾.

---

(1) Ad Philadelph. c. 7 у Dressel. p. 180.

(Ср. Іоан. 3, 8: *Духъ, идъже хоцетъ, дышетъ, и гласъ Его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ, и камо идетъ*). «Это мѣсто изъ посланія Игнатія понятно только изъ мѣста въ Іоанновомъ Евангеліи. О вѣтрѣ можно говорить — откуда онъ приходитъ и куда уходитъ, но о Духъ Св. выразиться такъ едва ли кому придетъ на мысль безъ (особеннаго) побужденія. Игнатій могъ такъ выразиться о Духъ Св. только тогда, когда имѣлъ въ виду это мѣсто Евангелія, гдѣ рѣчь идетъ о вѣтрѣ, а вѣтеръ представляется подобіемъ Духа Святаго» ^(м). Какъ же устраняется значеніе этого свидѣтельства о Евангеліи отъ Іоанна? Одинъ изъ крайнихъ критиковъ штрауссовскаго направленія говоритъ, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ въ посланіи Игнатія «ничего болѣе не содержится, кроме выраженія всеобщаго убѣжденія, что Духъ Божій, котораго мнилъ имѣть каждый христіанинъ, знаетъ себя», и что слѣдовательно нѣтъ нужды предполагать, что это мѣсто заимствовано изъ Евангелія Іоанна ^(н). Но дѣло не въ этомъ, не въ мысли, а въ формѣ ея выраженія — «Духъ Святой знаетъ, откуда приходитъ и куда идетъ» — формѣ, которая необъяснима иначе, какъ изъ указаннаго мѣста Евангелія Іоаннова, по причинѣ сказанной выше, а объ этомъ-то, главнымъ, критикъ и не говоритъ ничего, устраняя значеніе этого свидѣтельства о Евангеліи отъ Іоанна. Другой критикъ (Бауровской школы) отнесся къ этому Игнатіеву свидѣтельству еще страннѣе; онъ думаетъ, что раз-

(м) Ebrard's—Wissensch. kritik. d. Evang. Geschichte. S. 841.

(н) Lutzberger's — kirchlich. Tradition über d. Apost. Ioannes. Leipz. 1840. S. 54.

сма­три­вае­мое мѣ­сто у Иг­на­тія] *про­ти­во­рѣ­читъ* со­от­вѣт­ст­вую­щимъ ему сло­вамъ изъ Еван­ге­лія Іоан­но­ва, такъ какъ у Иг­на­тія го­во­рится о вѣдѣніи Ду­ха, а у Іоан­на — о невѣдѣніи, и что оба эти из­ре­ченія со­ста­ви­лись подъ вліяніемъ мон­та­низ­ма (°). Такъ рѣ­шатъ во­про­сы, ко­неч­но, про­ще, но неужели по­доб­нымъ об­разомъ мож­но от­но­ситься къ дѣлу? Въ Еван­ге­ліи отъ Іоан­на го­во­рится, что воз­ро­ждае­мый отъ Ду­ха не по­ни­ма­етъ дѣй­ствій Его, хотя ощу­ща­етъ ихъ, св. Иг­на­тія го­во­ритъ, что Ду­хъ зна­етъ свои дѣй­ствія, — Цел­леръ го­во­ритъ, что между сло­ва­ми Еван­ге­лія и Иг­на­тія — про­ти­во­рѣ­чіе. И это — че­ст­ная кри­ти­ка?... Дру­гое мѣ­сто у Иг­на­тія: «хо­ро­ши и свя­щен­ни­ки (іу­дей­скіе), но пре­вос­хо­ди­те Пер­во­свя­щен­ни­ка, ко­то­ро­му вѣ­ре­но Свя­тое Свя­тыхъ, ко­то­ро­му од­но­му вѣ­ре­ны тай­ны Бо­жій (Хри­стосъ). Онъ есть дверь От­ца, ко­то­ро­ю вхо­дятъ Ав­ра­амъ, Исаакъ и Іа­ковъ, про­ро­ки и апо­сто­лы и цер­ковь» (п). Ср. Іоан. 10, 7. 9., осо­бен­но сло­ва: *Азъ есмь дверь, Мно­ю аще кто вни­детъ, спасет­ся*. Ясно, что сло­ва Иг­на­тія заим­ст­во­ва­ны изъ Еван­ге­лія Іоан­на съ нѣ­ко­то­рымъ при­спо­со­бле­ніемъ къ пред­мету рѣчи. И Цел­леръ со­гла­ша­ет­ся, что при­ве­ден­ныя сло­ва Иг­на­тія на­по­ми­на­ютъ ука­зан­ныя сло­ва Еван­ге­лія Іоан­но­ва, но на­хо­дитъ та­кое сход­ство ихъ «случай­нымъ и ма­ло­важ­нымъ» (р). Впро­чемъ онъ и самъ не до­вѣ­ря­етъ этой слу­чай­но­сти и ма­ло­важ­но­сти, дѣ­лая далѣе по­пыт­ку до­ка­зать, что это мѣ­сто по­сланія Иг­на­тіе­ва заим­ст­во­ва­но (бу­дто бы)

(°) Zeller. у Ebrard'a въ по­мян. соч. стр. 891.

(п) Ad Philad. с. 9. у Dressel. p. 182.

(р) Zeller's—ibid. p. 892.

изъ Евангелія евреевъ, на основаніи одного мѣста изъ такъ называемыхъ Клементинъ, которое заимствовано будто бы тоже изъ Евангелія евреевъ, но въ самомъ дѣлѣ имѣетъ близкое отношеніе къ тѣмъ же словамъ Иоаннова Евангелія, и заимствовано вѣроятно изъ него (с). Такими-то средствами, софизмами и ухищреніями стараются ослабить силу свидѣтельствъ о Евангеліяхъ мужей апостольскихъ.

Еще страннѣе судить о Поликарпѣ, какъ свидѣтель о Евангеліи отъ Іоанна. Св. Поликарпъ въ краткомъ своемъ посланіи не приводитъ ни одного мѣста изъ Евангелія Іоаннова, но приводитъ слова изъ 1-го его посланія: «всякъ, кто не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедшаго, есть антихристъ» (т). Ср. 1 Іоан. 4, 3. — Такъ какъ Евангеліе отъ Іоанна несомнѣнно имѣетъ одного писателя съ первымъ посланіемъ Іоанна: то свидѣтельство Поликарпа о посланіи Іоанна есть уже свидѣтельство и о Евангеліи его, конечно не прямое свидѣтельство, однако же имѣющее нѣкоторое значеніе. Но поборники отрицанія всего не захотѣли оставить и этого непрямаго свидѣтельства (видно впрочемъ, что въ души они не не придаютъ

(с) Что составителю такъ называемыхъ Клементинъ (полагаютъ, что ихъ составилъ какой-либо евѣнеей конца 2-го в.) извѣстно было именно наше Евангеліе отъ Іоанна, это теперь несомнѣнно. Въ недавно открытыхъ и вновь изданныхъ Дреселемъ дополненіяхъ къ прежде извѣстнымъ Клементинамъ буквально приводится мѣсто изъ Евангелія отъ Іоанна 9, 2. 3. (XIX, 22. Dressel. — Clementis Romani quae feruntur Homiliae viginti. Gotting. 1853. p. 392.).

(т) Polycarp. ep. ad Philipp. c. 7. у Dress. p. 385.

ему силы важнаго свидѣтельства, иначе—къ чему же такъ усиливаться устранить его?). Лютцельбергеръ признаетъ и сходство и взаимную зависимость приведенныхъ мѣстъ изъ посланій 1-го Иоаннова и Поликарпова, но—въ какое неожиданное отношеніе поставляетъ ихъ? «Мнѣ кажется, говоритъ, что мѣсто Поликарпова посланія болѣе первоначально (ursprünglicher), чѣмъ мѣсто посланія Иоаннова» (y). Чтò сказать объ этомъ — «мнѣ кажется»? Мало ли что кому можетъ казаться, особенно подѣ влияніемъ предвзятой мысли? Но это «мнѣ кажется» не есть еще доказательство дѣйствительности кажущагося предмета. Бауръ говоритъ, что этотъ почти буквальный цитатъ изъ посланія Иоаннова у Поликарпа «есть безъимянная ходячая сентенція» (anonym circulirende Sentenz) (*). Но гдѣ же хотя подобіе доказательства, что это была безъимянная пословица или ходячая мысль? Можно ли спорить съ такими аргументами?... И это противопоставляется ясному церковному ученію?... Далѣе: отъ Поликарпа, говорятъ, желалось бы имѣть болѣе прямое свидѣтельство о Евангеліи Иоанна (x). Какъ будто въ краткомъ посланіи, дошедшемъ до насъ, непременно должно быть сказано о всемъ, чего пожелалось бы новѣйшей критикѣ? Но это, впрочемъ, не важно, а «вотъ чудо, говоритъ Штрауссъ, что ученикъ Поликарпа Иринея, который долженъ былъ защищать происхожденіе Евангелія отъ Иоанна противъ враговъ

(y) Lutzalb. I. cit. p. 73.

(ф) Baur's у Ebrard. въ цит. кн. стр. 890.

(x) Strauss—D. Leb. Jesu. B. I. S. 69.

его, ни при этомъ случаѣ и нигдѣ во всемъ своемъ длинномъ сочиненіи не ссылается на важнѣйшій въ этомъ дѣлѣ авторитетъ апостольскаго мужа» (ц). Что же изъ того, что не ссылается? Неужели предполагать, что не ссылается потому, что не имѣлъ онъ свѣдѣнія отъ Поликарпа о подлинности Евангелія Іоаннова, что Поликарпъ не зналъ этого Евангелія, что оно явилось послѣ?... Но—по совѣсти—неужели такъ можно относиться къ древнимъ свидѣтелямъ о нашихъ Евангеліяхъ? Самъ Иринеѣ всюду въ своихъ сочиненіяхъ пользуется Евангеліемъ отъ Іоанна, какъ *подлиннымъ*, и даетъ *положительныя свидѣтельства*, что это Евангеліе написано Іоанномъ. Ужели бы онъ призналъ подлиннымъ это Евангеліе, если бы не слышалъ о немъ отъ учителя своего (и ученика самаго апостола Іоанна) Поликарпа? Свидѣтельство Иринеѣ о Евангеліи отъ Іоанна есть вмѣстѣ свидѣтельство о немъ и Поликарпа. Но почему же Иринеѣ не ссылается прямо на Поликарпа, какъ на свидѣтеля о подлинности Евангелія отъ Іоанна? Потому, вѣроятно, что не было въ этомъ никакой нужды. Но «онъ долженъ былъ защищать подлинность его противъ враговъ его»? Въ томъ-то и дѣло, что это—одна пустая фраза Штраусса. Мы видѣли, что никто изъ еретиковъ второй половины 2-го вѣка не отрицалъ подлинности Евангелія отъ Іоанна, и Иринеѣ не было никакой нужды защищать ее противъ нихъ, и—онъ не защищаетъ. Только одна небольшая секта, не имѣвшая никакого значенія, которую въ послѣдствіи св. Елифаній назвалъ именемъ « алоговъ » (отъ того, что они не принимали

(ц) Strauss. *ibid.* S. 69.

ученія о Словѣ — *λογος*), будучи во враждѣ съ мон-таннистами по чисто догматическимъ основаніямъ (изъ-за ученія о Духѣ-Утѣшителѣ, Іоан. 14, 16. 17. 26.), какъ дѣйствительнѣйшее средство для пораженія своихъ противниковъ, употребила отрицаніе подлинности той книги, на которой основывались монтаннисты, не приводя при этомъ никакихъ *историческихъ* доказательствъ неподлинности этой книги. Опроверженію этого заблужденія незначительной секты св. Иринея, въ своемъ обширномъ сочиненіи о ересьяхъ, посвятилъ нѣсколько строкъ⁽⁴⁾, и такъ какъ отверженіе ею Іоаннова Евангелія основывалось на ученіи, а не на исторіи, не защищаетъ подлинности Евангелія этого *исторически*, а говоритъ нѣсколько словъ о нецѣлности догматическаго заблужденія алоговъ, не считая нужнымъ даже опровергать его. Что же послѣ сего значать вышеприведенныя фразы Штраусса? Неужели же, повторяемъ, можно такъ относиться къ древнимъ свидѣтелямъ о нашихъ Евангеліяхъ, не оскорбляя исторіи? Что за доказательство: неизвѣстно было Евангеліе отъ Іоанна Поликарпу (или что тоже — неподлинно Евангеліе Іоанново) потому, что ученикъ его Иринея не упоминаетъ о свидѣтельствѣ Поликарпа

---

(4) *Contr. haer.* t. III. cap. II. (*Patrol. c. compl. Series Graec.* T. 7. col. 890, 891). Мы сказали, что названіе алоговъ дано послѣдователямъ этой секты св. Епифаніемъ. Какъ она называлась при Иринеѣ, неизвѣстно, и въ разсматриваемомъ мѣстѣ Иринея не называетъ послѣдователей этой секты, но что именно здѣсь рѣчь идетъ объ алогахъ — это принято многими учеными. (*Olshausen's—D. Aechtheit d. vier kanonisch. Evang.* 1833. S. 241 и дал.).

въ пользу подлинности Евангелія отъ Іоанна (когда ему не было въ томъ нужды)! Но вотъ тотъ же Иринеѣ въ письмѣ къ Флорину говоритъ и о Поликарпѣ, что живо помнитъ его, «такъ что можетъ сказать и о мѣстѣ, на которомъ сидя разговаривалъ блаженный Поликарпъ, и о входахъ его и о исходахъ его, и о образѣ жизни и о видѣ тѣлесномъ, и о разговорахъ, какіе онъ имѣлъ съ народомъ, и какъ повѣствовалъ о обращеніи съ Іоанномъ (апостоломъ) и съ другими видѣвшими Господа, и какъ припоминалъ слова ихъ, и о Господѣ что слышалъ отъ нихъ, и о чудесахъ Его и ученіи, о чемъ получилъ преданіе отъ самовидцевъ Слова жизни, и все возвѣстилъ согласно съ писаніями» (ш). По мнѣнію Лютпельбергера Иринеѣ высказалъ этими словами, что Поликарпъ не бесѣдовалъ о томъ, что Іоаннъ написалъ, а только о томъ, что онъ устно изрекалъ, что слѣдовательно Поликарпъ не зналъ никакого Евангелія отъ Іоанна (ш). Предоставляемъ читателямъ произнести сужденіе объ этомъ мнѣніи. Кажется, съ перваго же взгляда нельзя не видѣть, что Поликарпъ, по свидѣтельству Иринеѣ, пересказывалъ иногда своимъ слушателямъ то, что онъ устно слышалъ отъ евангелиста Іоанна, кромѣ того, о чемъ можно было читать въ Евангеліи его. Каково же это доказательство: неизвѣстно было Евангеліе отъ Іоанна Поликарпу (или— что тоже—неподлинно Евангеліе отъ Іоанна), потому, что Иринеѣ упоминаетъ о Поликарпѣ, какъ слушате-

---

(ш) Epist. ad Florinum у Euseb. Hist. Eccles. V, 20. Patrol. curs. compl. t. 20. p. 485.

(ш) Lutzemb. I. cit. S. 153.

ль Иоанна!... Но что же это въ самомъ дѣлѣ такое? Упомянетъ ли Иринеи о Поликарпѣ, какъ свидѣтель объ Иоаннѣ, умолчитъ ли о немъ, — во всякомъ случаѣ выводятся заключенія не въ пользу достовѣрности древнихъ сказаній объ Иоанновомъ Евангеліи? Неужели въ самомъ дѣлѣ это — критика историческая? Нѣтъ, это — страстное отношеніе къ дѣлу, слѣзное стремленіе оправдать предвзятую мысль, во чтобы то ни стало. Оставалось бы послѣ всего этого мѣсто сожалѣнію, что нѣтъ опредѣленнѣйшаго и рѣшительнѣйшаго свидѣтельства изъ перваго вѣка о происхожденіи и обстоятельствахъ написанія нашихъ Евангелій, но при этомъ невольно приходитъ на мысль одно мѣсто изъ притчи Спасителя: богачъ, томившійся во адѣ, увидѣвъ Авраама, между прочимъ, просилъ его, чтобы онъ послалъ Лазаря къ братьямъ его засвидѣтельствовать о бѣдствіи грѣшниковъ въ будущей жизни. Авраамъ сказалъ: у нихъ есть Моисей и пророки; пусть слушаютъ ихъ. Онъ же сказалъ: нѣтъ, отче Аврааме, но если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покаются. Тогда Авраамъ сказалъ ему: если Моисея и Пророковъ не слушаютъ; то, если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ (Лук. 16, 27—31.).

Обращаемся къ свидѣтельству Папія († 120 г.) — первому по времени, сохранившемуся до насъ, прямому свидѣтельству о происхожденіи Евангелій Матвѣя и Марка отъ этихъ именно апостоловъ. Свидѣтельство это сохранилось у Евсевія въ третьей книгѣ его Церковной исторіи^(ъ) и заимствовано имъ изъ недошедшаго

(ъ) Hist. Eccl. III. 39. Curs. compl. Patrol. T. 20, p. 296—300.

до насъ сочиненія Папія подъ заглавіемъ: «изъясненіе Господнихъ изреченій» (*λογίων Κυριακῶν ἐξηγήσεις*), которое впрочемъ извѣстно было во времена Евсевія. Важность этого свидѣтельства, какъ свидѣтельства лица близкаго ко временамъ апостольскимъ и епископа, усугубляется еще отъ того, что Папій слышалъ передаваемое имъ отъ непосредственныхъ учениковъ апостольскихъ, а сіи—отъ самихъ апостоловъ. Выписываемъ подлинныя слова Евсевія: «Папій приводитъ въ своемъ сочиненіи и нѣкоторыя сказанія вышеупомянутаго Аристіона о бесѣдахъ Господа, и преданія пресвитера Іоанна, къ которымъ отсылая любознательныхъ, мы считаемъ нужнымъ къ выписаннымъ словамъ Папія присовокупить его преданіе о Маркѣ, написавшемъ Евангеліе. Оно излагается такъ (т. е. въ сочиненіи Папія): «пресвитеръ (т. е. Іоаннъ) говорилъ и то, что Маркъ, истолкователь Петра, съ точностію записалъ, сколько запомнилъ, то, чему училъ и что творилъ Христосъ (*τὰ ὑπὸ τῷ Χριστῷ ἢ λεχθέντα ἢ πραχθέντα*), хотя и не по порядку (*ὅ μὲντοι τάξει*), потому что самъ не слушалъ Господа и не сопутствовалъ Ему. Въ послѣдствіи, правда, онъ былъ, какъ сказано, съ Петромъ, но Петръ излагалъ ученіе съ цѣлію удовлетворить нуждамъ слушателей, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передавать по порядку. Посему Маркъ нисколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя событія такъ, какъ припоминалъ ихъ; онъ заботился только о томъ, какъ бы не пропустить чего-нибудь слышаннаго, или не переиначить». Такъ, заключаетъ Евсевій, Папій повѣствуетъ о Маркѣ, а о Матѳеѣ онъ (Папій) говоритъ слѣдующее: «Матѳеѣй записалъ бесѣды (*λόγια*) Господа на еврейскомъ языкѣ, а толко-

валь (*ἡρμηνευθε*) ихъ, кто какъ могъ». Таково это свидѣтельство Папія со словъ Евсевія.—И такъ пресвитеръ Іоаннъ, ученикъ самаго Иисуса, обращавшійся съ апостолами, говорилъ Папію, который самъ собиралъ точныя свѣдѣнія объ апостолахъ и ихъ рѣчахъ, что Матѳеѣй на еврейскомъ языкѣ записалъ изреченія (*λόγια*) Христа, и Маркъ, спутникъ Петра, изложилъ то, чему училъ и что творилъ Иисусъ, хотя не по порядку. Христіанская древность не знала никакихъ другихъ Евангелій отъ Матѳея и Марка, кромѣ тѣхъ, которыя дошли и до насъ; слѣдовательно, свидѣтельство Папія есть свидѣтельство о нихъ; слѣдовательно они несомнѣнно написаны этими апостолами, по преданію, идущему отъ самихъ апостоловъ чрезъ пресвитера Іоанна и записанному Папіемъ. Это совершенно уничтожаетъ всѣ лукавыя мудрованія критиковъ о происхожденіи этихъ Евангелій, а вмѣстѣ съ ними, по ихъ тѣсной связи, и двухъ другихъ. Разумѣется, что по этому самому, такое важное свидѣтельство поборникамъ отрицательной критики понадобилось отвергнуть, какъ свидѣтельство о нашихъ Евангеліяхъ, и отвергнуть во чтобы то ни стало, и они дѣйствительно подвергли его безпощадной критикѣ. Его разбираетъ и Ренанъ — единственное древнее свидѣтельство, на которомъ онъ останавливается. Правда, и въ отношеніи къ Папіеву свидѣтельству онъ высказывается бездоказательно и поверхностно, далеко не такъ, какъ нѣмецкіе ученые, которыхъ онъ популяризуетъ, и его разглагольствія можно бы и здѣсь опустить, обратившись прямо къ тѣмъ, мнѣніями которыхъ онъ пользуется, но тѣмъ не менѣе мы воспользуемся случаемъ—имѣть дѣло прямо съ нимъ, чтобы показать, какъ Ренанъ

обыкновенно относится къ предметамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Выписываемъ отзывъ его о Папиевомъ свидѣтельствѣ сполна: «Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи (т. е. въ отношеніи къ вопросу о происхожденіи первыхъ двухъ Евангелій) капитальное свидѣтельство первой половины 2-го вѣка. Это—свидѣтельство Папія, епископа іерапольскаго, человека важнаго (grave), человека преданія, который всю свою жизнь внимательно собиралъ то, что можно было узнать о лицѣ Иисуса. Объяснивъ, что въ подобномъ дѣлѣ устное преданіе онъ предпочитаетъ книгамъ ^(а), Папій указываетъ на двѣ записи о дѣлахъ и словахъ Христа: 1) запись Марка, толкователя апостола Петра, запись краткую, не полную, не расположенную въ хронологическомъ порядкѣ, содержащую повѣствованія и бесѣды (*λεχθέντα ἢ πραχθέντα*), составленную по ученію и воспоминаніямъ апостола Петра; 2) сборникъ сентенцій (sentences—такъ Ренанъ переводитъ *λόγια!*), написанный на еврейскомъ языкѣ Матѳеемъ, который каждый переводилъ (a traduit) какъ могъ ^(б). Из-

---

(а) Папій говоритъ у Евсевія, что онъ любилъ разспрашивать обращающихся съ апостолами о томъ, что говорили они— Андрей, Петръ, Филиппъ и др. и потомъ прибавляетъ: „ибо я не полагаю, чтобы столько полезно было для меня заимствованное изъ книгъ (*τὰ ἐκ τῶν βιβλίων*), сколько изъ живаго голоса.“ Ренанъ говоритъ, что онъ „предпочиталъ устное преданіе о Христѣ книгамъ,“ т. е. нашимъ Евангеліямъ? И этимъ думаетъ Ренанъ показать, что Евангелія во времена Папія не имѣли особеннаго значенія?!

(б) Въ подлинникѣ *ἠρμήνευσεν*— толковалъ всякій, какъ могъ. Значить ли это— различные письменные переводы Мат-

вѣстно, продолжаетъ Ренанъ, что эти два описанія довольно хорошо отвѣчаютъ общей фizioномiи двухъ книгъ, называемыхъ нынѣ «Евангелiе отъ Матѳея», «Евангелiе отъ Марка», изъ коихъ первое характеризуется длинными своими бесѣдами (longs discours), второе, какъ особенно-анекдотическое (anecdotique), гораздо болѣе точное, чѣмъ первое, въ отношенiи къ мелкимъ фактамъ (?), краткое до сухости, бѣдное бесѣдами, довольно дурно (assez mal) составленное (¶). Чтобы эти два творенiя, продолжаетъ Ренанъ, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ читаемъ, были совершенно схожи съ тѣми, какiя читалъ Папiй, этого нельзя принять во-первыхъ потому, что запись Матѳея у Папiя состояла *единственно* (uniquement) изъ бесѣды на еврейскомъ языкѣ, довольно различные переводы которыхъ ходили по рукамъ (il circulait); а во-вторыхъ потому, что запись Марка и запись Матѳея у него (Папiя) были весьма отличны одна отъ другой, записи, изданныя безъ всякаго соглашенiя (rédigés sans aucune entente), и, какъ видно, на разныхъ языкахъ. А въ нынѣшнихъ текстахъ Евангелiе отъ Матѳея и Евангелiе отъ Марка представляютъ параллельныя части до того длинныя и до того совершенно одинаковыя, что нужно предположить или то, что послѣднiй издатель перваго имѣлъ второе предъ глазами, или то, что послѣднiй издатель втораго имѣлъ первое предъ глазами, или—что оба списывали съ одного

еевой записи, которые ходили по рукамъ, какъ говорить далѣе Ренанъ? Очевидно, это—его догадка, не имѣющая основанiя.

(¶) Какова характеристика св. Евангелiя отъ Марка? И на чемъ основана?..

и того же первоисточника» (э). Самъ Ренанъ впрочемъ не держится ни того, ни другаго, ни третьяго предположенія, а высказываетъ четвертое, которое мы разберемъ въ своемъ мѣстѣ. А теперь довольно, кажется, и выписанныхъ словъ для того, чтобы видѣть, какъ онъ относится къ свидѣтельству Папія. За невозможностью отвергнуть подлинность свидѣтельства Папіева, Ренанъ, подобно другимъ приверженцамъ отрицательной критики, ослабляетъ силу его свидѣтельства тѣмъ, что записи Матѳея и Марка, какія зналъ Папій, будто не наши Евангелія отъ Матѳея и Марка, а другія, потому а) что запись Матѳея, которую зналъ Папій, состояла *единственно* изъ бесѣдъ Господа, какъ показываетъ будто бы слово *λόγια*, — а въ нынѣшнемъ Евангеліи содержатся и бесѣды и повѣствованія о событіяхъ. Это значеніе слову *λόγια* въ свидѣтельствѣ Папіевомъ въ первый разъ было придано Шлейермахеромъ (ю), но, по тщательномъ разборѣ этого мнѣнія, оно было оставлено даже критиками отрицательныхъ направленій (я), и если досель еще повторяется, то развѣ только подобными Ренану учеными. Дѣло въ томъ, что на языкъ древнѣйшихъ писателей церковныхъ слово это употребляется для обозначенія вообще каноническихъ писаній, содержатся ли въ нихъ только рѣчи, или и описанія событій. Такъ Иринеѣ говоритъ о

(э) Vie de Jesu VI ed. 1863. Introduct. p. XVIII—XIX.

(ю) Theolog. Studien und Kritiken. 1832.

(я) Самъ Штрауссъ не считаетъ основательнымъ придавать такое значеніе слову *λογια*, и на *этомъ* основаніи считать запись извѣстную Папію не нашимъ Евангеліемъ Матѳея. D. Leb. Jesu. B. I. S. 65.

людяхъ, которые искажаютъ слова Господни (*λόγια Κυρίε*—разумются, по связи рѣчи, сказанія нашихъ Евангелій), будучи дурными истолкователями хорошо сказаннаго (θ). Оригенъ говоритъ, что въ словахъ Божіихъ (*ἐν τοῖς θείοις λόγοις*—разумется все священное писаніе) нѣтъ ничего ни превратнаго, ни неразумнаго (ν). Въ посланіи св. Игнатія къ Смирнянамъ (по пространной редакціи) словомъ—*λόγια* обозначается книга Дѣяній апостольскихъ (α). Такое значеніе слова—*λόγιον*—имѣетъ свое основаніе въ словупотребленіи новозавѣтныхъ книгъ. Св. апостоль Павелъ говоритъ, что великое преимущество іудеевъ предъ язычниками состояло наипаче въ томъ, что имъ *въпрена быша словеса Божія* (*λόγια τῷ Θεῷ*), т. е. все писанное слово Божіе, или всѣ книги ветхаго завета (Рим. 3, 2., ср. Евр. 5, 12., Дѣян. 7, 38.). Такимъ образомъ подъ словомъ *λόγια* и въ свидѣтельствѣ Папія разумѣть единственно бесѣды Спасителя неосновательно; нужно разумѣть и бесѣды и повѣствованія о событіяхъ, написанныя Матѳеемъ. Слово *λόγια* здѣсь значитъ въ сущности тоже, что

(θ) Contr. haeres. Prooem. (Patrol. curs. compl. series Gr. T. 7. col. 437.). Ср. еще 1, 8. (Ibid. col. 521. 524.).

(ν) Comment. in Mth. ad. 5, 19. Ср. еще Клим. Алекс. Strom. VII, 18.

(α) Ignat. ep. ad Smyrn. c. 3. (по пространной редакціи). У Dressel. p. 292. „Такимъ образомъ съ плотію... (Исусъ) вознеси къ Пославшему Его: ибо говорятъ повѣствованія (*φάσι γὰρ τὰ λόγια*): сей Исусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде приидетъ, имже образъ видите Его идуща на небо“ (Дѣян. 1, 11.).

ἡ λεχθέντα ἢ πραχθέντα ὑπὸ Χριστοῦ (ученіе и дѣла Христовы), — выраженіе, которымъ Папій характеризуетъ содержаніе Марковой записи. И Матѳеѣй поэтому записалъ не только бесѣды Господа, но и дѣла, или повѣствованія о событіяхъ жизни Господа; названо же здѣсь его Евангеліе въ отличіе отъ Маркова Евангелія словомъ—*λόγια*—потому вѣроятно, что въ немъ по преимуществу излагается ученіе или бесѣды Спасителя, тогда какъ въ Евангеліи отъ Марка повѣствованія объ ученіи и событіяхъ болѣе, такъ сказать, уравниваются. Итакъ словомъ—*λόγια*—въ свидѣтельствѣ Папія о Евангеліи Матѳеевомъ обозначается записъ и объ ученіи и о дѣлахъ Иисуса Христа; а велику другихъ записей отъ Матѳея кромѣ нашего Евангелія церковь древняя не знаетъ: то свидѣтельство Папія нужно разумѣть, какъ свидѣтельство о нашемъ нынѣшнемъ Евангеліи отъ Матѳея. б) Чтò сказать о другомъ вышеприведенномъ основаніи, по которому Ренанъ считаетъ записи Матѳея и Марка, извѣстныя Папію, отличными отъ нынѣшнихъ Евангелій Матѳея и Марка? Съ подобными доказательствами, кажется намъ, имѣть дѣла нельзя, потому что въ нихъ собственно нѣтъ никакого доказательства. Выписываемъ изъ критики на этотъ пунктъ аббата Гетэ: «не хочетъ ли М. Е. Ренанъ, чтобы историки Иисуса Христа повѣствовали о предметахъ противорѣчащихъ, или безъ всякой связи между ними? Но въ такомъ случаѣ не возсталъ ли бы онъ самъ противъ достовѣрности и истинности ихъ повѣствованій? Повѣствуя о рѣчахъ и дѣйствіяхъ Иисуса Христа, Матѳеѣй и Маркъ часто должны были быть въ согласіи, потому что тотъ и другой писали правду. Впрочемъ достаточно и

различій въ формѣ ихъ писаній для того, чтобы видѣть, что ни одинъ изъ нихъ не есть — ни сокращеніе, ни переводъ другаго. Евангеліе св. Матѳея изобилуетъ бесѣдами (*λόγια*); Папій могъ поэтому съ правомъ обозначить его такъ, но онъ не сказалъ, чтобъ бесѣды не помѣщались въ ряду фактовъ. Онъ обозначаетъ записъ Марка словами — *ученіе и дѣла*. Это названіе совершенно соотвѣтствуетъ повѣствованію краткому, быстрому, въ которомъ бесѣды и дѣла перемѣшаны» (6). Но пора оставить Ренана и въ этомъ пунктѣ съ его поверхностными повтореніями того, что уже пора бы не повторять. Обращаемся къ его руководителямъ, нѣмецкимъ ученымъ, которые въ свидѣльствѣ Папія находили болѣе, повидимому, твердыя основанія для того, чтобы записи, которыя зналъ Папій, не считать одинаковыми съ нашими Евангеліями отъ Матѳея и Марка, и на которыя Ренанъ только намекаетъ.

Въ отношеніи къ Евангелію отъ Матѳея они выставляютъ главное основаніе къ отличенію отъ нашего нынѣшняго Евангелія отъ Матѳея записи Матѳеевой, о которой говоритъ Папій, — то, что послѣдняя, по свидѣтельству Папія, сдѣлана была на еврейскомъ языкѣ, а что нынѣшнее греческое Евангеліе отъ Матѳея есть переводъ еврейскаго подлинника—это только предположеніе отцевъ церкви. (в) Этотъ вопросъ дѣйствительно очень сложный и запутанный вопросъ, и, кажется, еще не вполне разрѣшенъ. Дѣло въ томъ,

---

(6) Guettée — Refutation de la pretendue Vie de Jesu — de M. E. Renan. Paris. 1863. p. 16—17.

(в) Strauss—D. Leben Jesu. B. I. S. 65.

что, по яснымъ свидѣтельствамъ Папія, Иринея, Оригена, Евсевія о Пантенѣ, Иеронима и Епифанія (г), Матѳеѣй написалъ свое Евангеліе дѣйствительно на еврейскомъ языкѣ, а между тѣмъ о переводѣ его на греческій языкъ точныхъ свѣдѣній почти не осталось отъ древнихъ писателей, и въ древней церкви не видно въ употребленіи этого еврейскаго подлинника, а употреблялся онъ въ испорченномъ видѣ у нѣкоторыхъ изъ древнихъ еретиковъ, по довольно прямымъ свидѣтельствамъ древнихъ церковныхъ писателей — Иринея, Евсевія и Иеронима (д). Вотъ почему между новыми и новѣйшими изслѣдователями возникли споры объ этомъ предметѣ и раздѣленія: одни защищаютъ мнѣніе о еврейскомъ подлинникѣ Евангелія отъ Матѳея, другіе усиленно защищаютъ мнѣніе, что оно написано первоначально на греческомъ языкѣ; отрицательная же критика пользуется этимъ для доказательства своей любимой мысли, что нынѣшнее наше каноническое Евангеліе отъ Матѳея произошло не отъ сего апостола. Не входя здѣсь въ подробное изслѣдованіе этого сложнаго вопроса, мы изложимъ лишь болѣе вѣроятнѣйшіе результаты болѣе безпристрастныхъ изслѣдованій. Нужно, кажется, принять за несомнѣнное, что евангелистъ Матѳеѣй написалъ свое Евангеліе первоначально на еврейскомъ языкѣ: откуда же иначе цѣлый рядъ свидѣтельствъ объ этомъ, начинающій съ Папія до Епифанія? Предполагать (какъ

(г) Свидѣтельства эти приводятся у Еббарда въ помянутой книгѣ, стр. 769.

(д) Тамъ же, на дальнѣйшихъ страницахъ.

предполагаютъ защитники греческаго подлинника Евангелія Матѣева), что всѣ писатели послѣдующихъ вѣковъ введены были въ ошибку свидѣтельствомъ Папія и съ его словъ повторяли, что Матѣей написанъ свое Евангеліе по-еврейски, а Папій самъ могъ впасть въ ошибку, какъ человѣкъ ума ограниченнаго (е), неосновательно, кажется намъ, потому а) что нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы всѣ помннутыя свидѣтельства были сдѣланы со словъ Папія; напротивъ, свидѣтельство наприм. Евсевія о Пантенѣ, что онъ нашель въ Индіи еврейское Евангеліе отъ Матѣя, принесенное туда апостоломъ Варѣоломеемъ, никакъ нельзя ставить въ зависимость отъ Папіева свидѣтельства; б) потому, что это свидѣтельство собственно не Папія, а пресвитера Іоанна, ученика Господня, отъ котораго Папій и слышалъ объ этомъ; в) потому, что такая ошибка со стороны людей, изслѣдовавшихъ древности, мужей ученыхъ, изъ коихъ нѣкоторые много путешествовали, собирая разныя свѣдѣнія о христіанской древности, представляется невѣроятною. Нѣтъ, видно было настойчивое преданіе объ этомъ, — иначе трудно объяснить себѣ такія единодушныя свидѣтельства людей, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ. И нѣтъ, кажется намъ, никакой нужды отвергать истинность засвидѣствованнаго древностию, такъ какъ вывести изъ этого неблагопріятныя какія-нибудь для нашего греческаго Евангелія заключенія было бы несправедливо. Что наше греческое Евангеліе отъ Мат-

---

(е) *Παπυ βικητος του ρουυ* — такъ называетъ его Евсевій за его пристрастіе къ хилиазму (Hist. Eccl. III, с. 39.).

ея есть переводъ написаннаго на еврейскомъ языкъ,—это говоритъ, Штрауссъ, только предположеніе отцевъ церкви. Нѣтъ, не предположеніе, а историческій фактъ. «Матѳей, говоритъ блаж. Иеронимъ, первый во Іудеѣ, для увѣровавшихъ отъ обрѣзанія (іудеевъ, перешедшихъ въ христіанство), написалъ Евангеліе Христа еврейскими буквами и словами, которое (quod) кто послѣ перевелъ на греческій языкъ,—недовольно извѣстно» (ж). По этому свидѣтельству именно еврейское Евангеліе отъ Матѳея переведено на греческій языкъ, только неизвѣстно, кѣмъ переведено. Что это греческое Евангеліе, переведенное съ еврейскаго, не есть переработка (Überarbeitung) такъ называемаго Евангелія евреевъ, въ которомъ хотятъ видѣть болѣе вѣрныя слѣды первоначальной записи Матѳеевой (з), и которое съ нѣкоторыми видоизмѣненіями употреблялось въ обществахъ евіонеевъ и назореевъ,—это видно изъ того, что Иеронимъ, которому извѣстно было Евангеліе евреевъ, который сдѣлалъ и переводъ его, отличаетъ его отъ нашего греческаго Евангелія, которое есть переводъ съ древняго еврейскаго подлинника Матѳеева Евангелія, и только это последнее считаетъ Матѳеевымъ, а о томъ выражается лишь, что *многіе считали его Евангеліемъ отъ Матѳея* (и). Изъ внимательнаго разсмотрѣнія

(ж) De vir. illustr. c. 3. Patrol. curs. compl. ser. prim. tom. 23, p. 613.

(з) Это—очень распространенное у писателей разсматриваемыхъ направленій мнѣніе. См. напр. Schwegler's, Nachapost. Zeitalt. 1, S. 248 и дал.

(и) Adv. Pelah. 3, 1. Patr. curs. compl. t. 23. p. 570. Ср. Comment. ad Matth. 12, 13.

древнихъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ нужно вывести то заключеніе, что такъ называемое Евангеліе евреевъ, Евангеліе назореевъ и Евангеліе евіонеевъ составляютъ *три рецензіи* одного и тогоже Евангелія, въ которомъ нельзя не признать нашего Евангелія отъ Матѳея, — именно: Евангеліе евреевъ есть не очень значительно измѣненное наше Евангеліе отъ Матѳея, Евангеліе назореевъ уже значительно испорченное Евангеліе отъ Матѳея, евангеліе же евіонеевъ очень значительно искаженное еретическими воззрѣніями секты Евангеліе отъ Матѳея. Наше же греческое Евангеліе отъ Матѳея представляетъ вѣрный переводъ подлинника, какъ это видно изъ того, что оно *только принято* церковію, и вполне замѣнило для нея еврейскій подлинникъ. Кто его перевелъ, неизвѣстно, да кажется, нѣтъ нужды и испытывать этого, и выставлять какія-либо догадки (i). Для насъ вполне достаточно свидѣтельства *всей вселенской церкви*, которая не могла обмануться въ этомъ дѣлѣ (какъ выше раскрыли мы), и которая употребляла и во 2-мъ и въ 3-мъ вѣкахъ наше греческое Евангеліе отъ Матѳея, какъ подлинное Матѳеево, замѣнившее вполне для нея еврейскій подлинникъ. Какъ и почему случилась эта замѣна? Очень просто и необходимо. Въ странахъ съ греческимъ образованіемъ еврейскій языкъ былъ или вовсе неизвѣстенъ, или мало извѣстенъ. Когда распространилось въ нихъ христіанство, а вмѣстѣ съ нимъ и рано написанное по еврейски Евангеліе отъ Матѳея:

(i) Наприм. догадка, что самъ Матѳей перевелъ свое еврейское Евангеліе на греческій языкъ (изъ новѣйшихъ такъ думаютъ Гэррике, Ольсгаузенъ, Тиршъ.)

то сіе послѣднее не могло войти въ употребленіе на этомъ языкѣ; необходимо должна была почувствоваться потребность въ переводѣ его на греческій языкъ. На эту рано ощутившуюся потребность указываютъ слова пресвитера Іоанна (въ свидѣтельствѣ Папія), что бесѣды Господа, записанныя Матѳеемъ на еврейскомъ языкѣ «толковалъ кто какъ могъ». Въ слѣдствіе сего, вѣроятно еще подѣ руководствомъ самихъ апостоловъ сдѣланъ переводъ (и уже конечно вѣрный) Евангелія Матѳеева на греческій языкъ, который, какъ общедоступный, и замѣнилъ мало по малу собою подлинникъ, какъ необщедоступный; подлинникъ же, какъ видно, употреблялся въ христіанскихъ обществахъ изъ евреевъ въ Палестинѣ, и такъ какъ въ этихъ обществахъ очень рано еще появились еретическія секты: то они внесли въ него свои заблужденія и—такимъ образомъ оно явилось у нихъ болѣе или менѣе значительно испорченнымъ, тогда какъ греческій переводъ его, взошедшій въ общее употребленіе, подѣ бдительной охраной Церкви, остался цѣлымъ и неповрежденнымъ.

Обращаемся къ свидѣтельству Папія о Евангеліи отъ Марка. Неодинаковость Марковой записи ученія и дѣлъ Христа съ вышнѣшнимъ Евангеліемъ отъ Марка основываютъ на слѣдующемъ: а) «изъ воспоминаній о бесѣдахъ Петра, слѣдовательно изъ первоначальнаго источника, наше второе Евангеліе потому не можетъ быть производимо, что оно завѣдомо (nachweislich) составлено изъ 1-го и 3-го (нашихъ Евангелій), хотя можетъ быть также и по воспоминаніямъ» (к).

(к) Strauss—ibid. S. 67.

Этотъ аргументъ можетъ имѣть силу только для тѣхъ, кто, принимая гипотезу о происхожденіи Евангелій, по которой писатели пользовались одинъ другимъ—послѣдующіе предъидущими, — думаютъ, что Евангеліе отъ Марка написано послѣ Евангелій отъ Матѳея и Луки, и составлено изъ нихъ. Но извѣстно, что небольшой сравнительно кружокъ критиковъ принимаетъ это мнѣніе (изъ новыхъ — Деветте, Блэкъ, Шварцъ, Гѳререръ, особенно — Бауръ, Швеглеръ, Кэстлингъ и нѣкоторые др.). Большинство же принимающихъ эту гипотезу (Benutzungshypothese) держатся разныхъ мнѣній о порядкѣ происхожденія Евангелій, перебравъ всѣ возможныя комбинаціи (1). Такъ, одни полагаютъ, что Евангеліе отъ Матѳея есть первое, потомъ Евангеліе отъ Марка, и ими пользовался третій евангелистъ при составленіи своего Евангелія (такъ думали изъ новѣйшихъ особенно Гугъ, частію Генгстенбергъ, и Ебрардъ, а съ другой стороны Гильгенфельдъ; такъ иногда крайности сходятся!); другіе полагаютъ, что Маркъ—первый, Матѳей—второй, и обоими ими пользовался третій евангелистъ (такъ изъ новыхъ — Шторръ, Ричль, Тиршъ, Мейеръ и др.); третьи полагаютъ, что первое Евангеліе Марка, второе—Луки, и ими пользовался Матѳей (такъ—Вильке, Брюно Бауэръ, Фолькмаръ и др.); четвертые думаютъ, что первое Евангеліе Луки, второе—Матѳея, а изъ нихъ составлено Марково (такъ Бюшингъ, Евансонъ, Гѳререръ и др.); пятые, что первое Евангеліе Луки, второе — Марка, и ими

---

(1) Намъ далѣе придется, хотя кратко, разобрать эту гипотезу наравнѣ съ другими.

пользовался Матѳеей (такъ — Фогель) (м). Такова въ своемъ развитіи эта гипотеза о происхожденіи Евангелій; перебрали всевозможныя комбинаціи, и не остановились ни на одной, и вотъ на одномъ изъ видоизмѣненій этой несостоятельной гипотезы хотятъ основать доказательство, что свидѣтельство Папія о Евангеліи отъ Марка не относится къ нашему Евангелію отъ Марка, а къ какому-то другому. Странно!... Сама-то гипотеза, не имѣя основанія и опоры, колеблется и падаетъ, а на ней еще хотятъ строить. Ктоже повѣритъ, что эта постройка крѣпка?... б) Привязываются въ свидѣтельствѣ Папія къ словамъ: *ἔ μέντοι τάξει* (не по порядку записалъ рѣчи и дѣянія Господа Маркъ) и дѣлаютъ такое толкованіе этихъ словъ: Папій утверждаетъ, что Маркъ записалъ бесѣды и дѣянія Христовы не въ хронологическомъ порядкѣ, а наше Евангеліе отъ Марка написано съ извѣстной хронологіей, хотя и не вполне точной; следовательно, наше Евангеліе отъ Марка не есть та древняя Маркова запись, о которой говоритъ Папій (н). Но ужели словомъ: *ἔ τάξει*—Папій обозначаетъ совершенное отсутствіе хронологіи, плана и послѣдовательности въ Марковой записи ученія и дѣлъ Спасителя, и выра-

---

(м) Ср. Holtzmann's — D. Synoptisch. Evangelien. Leipz. 1863. S. 53—55. Надобно замѣтить, что писатели отрицательныхъ направленій, называя писателей Евангелій Матѳеемъ, Маркомъ и пр., называютъ ихъ такъ не въ томъ смыслѣ, чтобы они были писателями Евангелій. Имена апостоловъ употребляются здѣсь въ значеніи вообще писателей Евангелій, кто бы они ни были.

(н) Strauss—ibid. Credner's—Einleit. in d. N. T. § 56 и др.

жаеть мысль, что эта запись сдѣлана была безъ всякой послѣдовательности и хронологіи? Такое толкованіе слова Папіева совершенно произвольно, и лишено основаній, даже на первый взглядъ. Разберите въ контекстѣ рѣчи слова Папія, приводимыя Евсевіемъ, — въ нихъ рѣчь вовсе не о какомъ-либо сборникѣ ученія и дѣлъ Господа, написанномъ безъ хронологіи, безъ плана, безъ послѣдовательности. «Пресвитеръ (Іоаннъ) говорилъ и то, что Маркъ, истолкователь Петра, съ точностію—сколько запомнилъ — записалъ то, чему училъ и что творилъ Христосъ, хотя не по порядку, потому что самъ не слушалъ Господа, и не сопутствовалъ Ему,» — не по порядку, т. е. не все, что было и что зачѣмъ слѣдовало, а съ пропусками нѣкоторыхъ событій, съ перестановкою нѣкоторыхъ, но вовсе не безъ плана, не безъ послѣдовательности. Кажется такъ на первый даже взглядъ? Послѣдующія слова Папія (или пресвитера Іоанна) совершенно подтверждаютъ такой смыслъ слова—*ταξίς*: «въ послѣдствіи онъ былъ, какъ сказано, съ Петромъ, который излагалъ ученіе съ цѣлію удовлетворить нуждамъ слушателей, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передавать по порядку» (*ἀλλ' ἐκ ὄψεος οὐνταξίην τῶν κυριακῶν ποιῶμενος λόγιον*), т. е. апостоль Петръ, во воспоминаніяхъ котораго писалъ Маркъ, не все бесѣды и дѣянія Господа излагалъ, какъ что зачѣмъ было по порядку, а избиралъ, что было нужно, иное опускалъ, иное переставлялъ, но, конечно, не смѣшивалъ все безъ всякаго разбора и порядка. «Посему, заключаетъ Папій (или пресвитеръ Іоаннъ), Маркъ нисколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя (*ἐνια*—только нѣкоторыя, избранныя, а не все по по-

ряду— *κατὰ τάξιν*) событія такъ, какъ припоминалъ; онъ заботился только о томъ, какъ бы не опустить чего-либо изъ слышаннаго, или не переименовать,»—не по порядку, какъ происходило, не все записалъ онъ (такъ какъ и Петръ говорилъ не о всемъ по порядку), а заботился только записать все, что слышалъ, и—не переименовать. Неясно ли, что здѣсь нѣтъ рѣчи о записи Марковой, составленной безъ всякой хронологіи, безъ плана, безъ послѣдовательности? Пропуски и нѣкоторыя перестановки въ повѣствованіяхъ о событіяхъ и ученіи І. Христа даже сравнительно съ евангеліемъ отъ Матѳея, о которомъ здѣсь же говоритъ Папій, вотъ собственно смыслъ слова *ε τάξει*—въ свѣдѣтельствъ Папія о Марковомъ Евангеліи, а придавать ему тотъ смыслъ, какой придаетъ разсматриваемое толкованіе, не справедливо. И какъ хорошо въ этомъ случаѣ замѣтка Папія характеризуетъ именно наше нынѣшнее Евангеліе отъ Марка! Оно—короче Матѳеева и всѣхъ другихъ, съ большими пропусками, и иногда переставляетъ событія и бесѣды,—*ε τάξει* повѣствуетъ. И такими-то способами хотятъ ослабить силу Папіева свѣдѣтельства о нашихъ Евангеліяхъ Матѳея и Марка, о которыхъ говорилъ ему ученикъ Господень и обращавшійся съ апостолами, слѣдовательно знавшій истину, пресвитеръ Іоаннъ!

Но еще мало того, что ослабляютъ силу Папіева свѣдѣтельства о Евангеліяхъ отъ Матѳея и Марка, это свѣдѣтельство обращаютъ противъ подлинности евангелій отъ Луки и Іоанна. Заключение строится такое: въ свѣдѣтельствъ Евсевія о Папѣ сей послѣдній ничего не говоритъ о Евангеліяхъ отъ Луки и Іоанна, говоря о записяхъ Матѳея и Марка, слѣдовательно

Папій не зналъ о Евангеліяхъ Луки и Іоанна, слѣдоват. ихъ тогда небыло, слѣдоват. и пр.: ибо если бы Папій говорилъ что-либо и объ этихъ евангеліяхъ: то Евсевій упомянулъ бы о семъ (о). Упомянулъ бы! Какъ будто древній писатель, сообщая къ слову краткія выписки изъ древнѣйшаго, непременно долженъ былъ упоминать обо всемъ, что со временемъ потребовалось бы позднѣйшимъ потомкамъ?! Разумно ли это требованіе, и выведенное изъ него заключеніе? Но, если бы и упомянулъ, не повѣрили бы, перетолковали, устранили! Упоминаетъ наприм. Евсевій объ этомъ Папій, что онъ пользовался (*ἐχρηται*) 1-мъ посланіемъ Іоанна; а такъ какъ несомнѣнно, что писатель этого посланія и Евангелія отъ Іоанна одинъ и тотъ же: то онъ долженъ жить раньше Папія, и этому послѣднему должно быть извѣстно и Евангеліе его; но какъ относится критика къ этому упоминанію Евсевія о Папій? Сопоставляютъ это Папіево свидѣтельство съ

(о) Это почти общій аргументъ всѣхъ, кто относятъ происхожденіе Евангелія отъ Іоанна къ половинѣ 2-го в. Не упоминаетъ Папій о Евангеліяхъ Луки и Іоанна, — слѣдовательно, онъ не знаетъ о нихъ ничего (*wissen nichts* — техническая фраза). Даже Ренанъ по этому случаю изъясняется такъ: „намъ остается говорить о четвертомъ Евангеліи: здѣсь сомнѣнія гораздо болѣе основательны, и вопросъ гораздо дальше отъ рѣшенія. Папій не говоритъ ни слова о „жизни Іисуса“, написанной Іоанномъ. Если бы на это было указаніе въ его книгѣ: то Евсевій, который отыскиваетъ у него все, что относится къ письменной исторіи апостольскаго вѣка, этого не оставилъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, незамѣченнымъ“ (*Introduct. p. XXIV*).

свидѣтельствомъ Поликарпа о томъ же (см. выше) и говорятъ: «какъ малымъ однако же можетъ довольствоваться вѣра! И такъ двумя совсѣмъ недостовѣрными цитатами (zwei völlig ungewissen Citaten) изъ Поликарпа и Папія доказана подлинность посланія!» (п). Сказаніе Евсевія (который читалъ Папія), что Папій пользовался первымъ посланіемъ Іоанна, сопоставляется съ яснымъ цитатомъ изъ того же посланія въ писаніи извѣстнаго мужа апостольскаго Поликарпа, и говорится: «два недостовѣрныхъ цитата.» Весьма основательно!... Бауръ объ этомъ же свидѣтельствѣ говоритъ такъ: «съ свидѣтельствомъ Евсевія (что Папій пользовался 1-мъ посланіемъ Іоанна) могло случиться то же, что и съ свидѣтельствомъ Поликарпова посланія къ Филладельфіянамъ: *всякій, кто исповѣдуетъ* и пр. (1 Іоан. 4, 3)... Но что такія общія сентенціи (solche allgemeine Sentenzen), которыя могли быть заимствованы вовсе не изъ опредѣленнаго письменнаго источника, а могли быть анонимно ходячія (anonum circuliren konnten), могутъ доказывать въ пользу существованія такого писанія, какъ первое посланіе Іоанна?» (р). Но Евсевій говоритъ не объ одной частной, отдѣльной сентенціи, заимствованной Папіемъ изъ 1-го посланія Іоанна, а о томъ, что онъ пользовался (*ἔχρηται*) имъ вообще?... Какъ безцеремонно обращается критика съ ясными свидѣтельствами древности! Такъ можно все доказывать, и все отвергать!

(п) Lutzberg. S. 100.

(р) Baur — см. у Ebrard's—S. 889. Cp. Zeller's—Jahrbuch. 1845. Heft 4, S. 584.

Но довольно. Для непредубьжденного изслѣдователя свидѣтельство Папія имѣеть полную силу доказатель-ства подлинности нашихъ Евангелій отъ Матѳея и Марка, и если въ немъ не упоминается о другихъ двухъ Евангеліяхъ: то не потому, чтобы ихъ тогда не было, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ; а что тогда они были уже, это видимъ вполне изъ другихъ современ-ныхъ Папіеву и еще раннихъ указаній.

Одинъ изъ важнѣйшихъ свидѣтелей половины 2-го в. о подлинности нашихъ всѣхъ четырехъ Евангелій Іустинъ философъ и мученикъ († 163 г.). Это чело-вѣкъ, который много путешествовалъ по Азіи и Евро-пѣ, и слѣдовательно имѣлъ полную возможность хо-рошо ознакомиться съ тѣмъ, что принимали всѣ зна-менитыя и незнаменитыя мѣстныя церкви за подлинно апостольское, и что отвергали, какъ неподлинное или сомнительное. Этотъ писатель церкви 18 разъ цитуетъ такъ называемыя у него *ἠπομνημονεύματα ἀποστό-λων*—воспоминанія апостоловъ, которыя называются Евангеліями, и приводитъ множество мѣстъ изъ всѣхъ нашихъ четырехъ Евангелій—иногда буквально, иногда съ нѣкоторыми измѣненіями, въ немногихъ впрочемъ мѣстахъ цитуемыхъ словъ нѣтъ ни въ одномъ изъ нашихъ Евангелій (с). Разумѣется, что этотъ свидѣ-тель, по важности своей, не могъ не обезпочить критиковъ отрицательныхъ направленій, и они воору-жились всѣми силами противъ мысли о заимствованіи имъ цитатъ изъ нашихъ Евангелій. Особенно Бау-

---

(с) Цитаты всѣ приведены у Кирхгофера въ его *Quellensamm- lung zur Geschichte d. Neutestam. Canon. Zürich. 1844.*

ровской школь нужно было устранить значеніе этихъ свидѣтельствъ, и особенно о Евангеліи отъ Іоанна, и доказать, что Іустинъ заимствовалъ приводимыя имъ мѣста не изъ нашихъ Евангелій (†). Съ этой цѣлью писались цѣлыя книги и обширныя статьи, въ которыхъ употреблялись всевозможныя средства перетолковать отношеніе Іустина къ нашимъ Евангеліямъ. Въ краткой статьѣ намъ нѣтъ возможности разбирать эти перетолкованія, и мы для примѣра лишь укажемъ на перетолкованія важнѣйшихъ мѣстъ. Вотъ напримѣръ одно изъ ясныхъ свидѣтельствъ Іустина о Евангеліяхъ отъ Матѳея (или Марка) и Луки: «апостолы въ оставшихся отъ нихъ воспоминаніяхъ (*ἀπομνημονεύματιν*), которыя называются Евангеліями (*ἃ καλεῖται εὐαγγέλια*), предали, что такъ повелѣлъ имъ Іисусъ: принявъ хлѣбъ, благодаривъ, Онъ сказалъ: «сіе творите въ Мое воспоминаніе (Лук. 22, 19.); сіе есть тѣло Мое; и также взявъ чашу, и благодаривъ сказалъ: сіе есть кровь Моя (Мѳ. 26, 27. Марк. 14, 22. 23) и препо-

---

(†) Не можемъ умолчать здѣсь о странности отзыва Ренана объ Іустиновыхъ цитатахъ. Самъ же онъ говоритъ (Introd. p. IV), что „около 100 г. всѣ книги новаго завѣта получили тотъ видъ, какъ мы ихъ читаемъ“, а со словъ другихъ повторяетъ, что у Іустина, умершаго въ 163 г. и много путешествовавшаго, были подъ рукою другія Евангелія, довольно отличныя отъ нашихъ!... Правда, нѣсколько страницъ ниже окончательное установленіе текста евангельскаго Ренанъ относитъ ко времени позднѣйшему 100 г. (p. 22), простирая его даже до 2-й половины 2-го в. (p. 23, пусть выбираютъ читатели!), но и въ этомъ случаѣ Іустинъ уже могъ имѣть наши Евангелія, а Ренанъ повторяетъ, что Іустинъ не имѣлъ ихъ!...

далъ имъ однимъ» (у). Итакъ, писанія, которыя Іустинъ обыкновенно называетъ *απομνημονεύματα*, называются Евангеліями; составлены они апостолами; изъ двухъ (или трехъ) таковыхъ Евангелій приводятся Іустиномъ ясныя изреченія, читаемыя въ нашихъ нынѣшнихъ Евангеліяхъ,—свидѣтельство о подлинности ихъ, кажется, очень ясное? Что же говорятъ объ этомъ свидѣтельствѣ Іустина? Приведши первыя слова этого свидѣтельства, Креднеръ замѣчаетъ: «ограниченія *четырьмя* Евангеліями очевидно здѣсь нѣтъ. Если бы Іустинъ имѣлъ при этомъ въ виду ихъ: то долженъ былъ бы сказать: въ воспоминаніяхъ, которыя называются *четырьмя* Евангеліями» (*). Представляемъ суду всякаго безпристрастнаго изслѣдователя эту выписку изъ сочиненія чловѣка, пользующагося авторитетомъ. Іустинъ, приводя слова изъ Евангелій отъ Матѳея (или Марка) и Луки объ установленіи таинства Евхаристіи, говоритъ, что ихъ предали апостолы въ своихъ воспоминаніяхъ, которыя называются Евангеліями; четвертый евангелистъ объ этомъ событіи вовсе не говоритъ, а Креднеръ утверждаетъ, что еслибы Іустинъ имѣлъ въ виду наши четыре Евангелія, то долженъ былъ бы сказать, что это говорится въ четырехъ Евангеліяхъ!!.. Неужели это правдивая критика? —Еще: въ разговоръ своемъ съ іудеемъ Трифономъ Іустинъ пишетъ: «въ воспоминаніяхъ апостоловъ написано, что (діаволь) приступилъ къ нему (Іисусу)

(у) Apolog. 1. с. 66. Patrol. curs. compl. ser. Graec. tom. VI, p. 429.

(*) Credner's — Geschichte. d. Neutest. Kanons. Berlin. 1860. S. 40.

и искашалъ его до того, что даже говорилъ: поклонись мнѣ, и что Христосъ отвѣчалъ ему: отойди отъ Меня сатана. Господу Богу Твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Матѳ. 4, 9. Лук. 4, 8.). Нѣсколько ниже онъ говоритъ еще: «въ воспоминаніяхъ, которыя, говорю, составлены апостолами и послѣдователями ихъ (говорится или написано), что потъ Его, какъ капли (крови) изливался, когда Онъ молился и говорилъ: да мимо идетъ, если возможно, чаша сія (Лукн 22, 44. Матѳ. 26, 39.)» (x). Итакъ, воспоминанія эти были записаны, и записаны апостолами и ихъ непосредственными учениками; изъ воспоминаній этихъ приводятся изреченія, содержащіяся въ нашихъ Евангеліяхъ отъ Матѳея и Луки (апостола и ученика апостольскаго)—ясное свидѣтельство о нашихъ Евангеліяхъ. Что же дѣлаютъ съ этимъ свидѣтельствомъ! Гильгенфельдъ обращаетъ вниманіе здѣсь, какъ и въ предшествующемъ свидѣтельствѣ, на форму множественнаго числа (апостолы и послѣдовавшіе имъ) и на значеніе греческихъ членовъ, стоящихъ предъ этими словами, и дѣлаетъ такое, въ изумленіе приводящее, замѣчаніе: «Іустинъ, конечно, не называетъ своихъ Евангелій писаніемъ одного апостола и одного ученика апостольскаго, но также не называетъ ихъ писаніями апостоловъ и учениковъ апостольскихъ въ томъ смыслѣ, чтобы онъ изъ общества апостоловъ и мужей апостольскихъ выдѣлялъ *нѣкоторыя*, какъ евангелистовъ; онъ называетъ ихъ очевидно гораздо

(x) Dialog. c. 103. Curs. compl. Patr. ser. Graec. tom. VI, p. 717—720.

опредѣлительныя писаніями вообще апостоловъ и тѣхъ, которые имъ послѣдовали, такъ что мы остаемся только при обществѣ апостоловъ и апостольскихъ мужей» (ц), т. е. проще сказать: Іустиномъ цитуемыя воспоминанія апостоловъ суть записи вообще апостоловъ и учениковъ апостольскихъ, а не четырехъ только изъ нихъ. Какія же это записи? Іустиновы цитаты всего лучше подходятъ къ Евангелію евреевъ, которое называлось также Евангеліемъ отъ апостоловъ, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ (ч). Вотъ къ чему шла вся эта рѣчь о множественномъ числѣ и членахъ! Но—вѣдь это недостойная названія критики придирка! Неужели нужно требовать отъ каждаго свидѣтеля древности точности протоколиста, чтобы онъ говорилъ при всякомъ случаѣ, что вотъ изъ всѣхъ апостоловъ и учениковъ ихъ только четыре записали свои воспоминанія, и предали въ нихъ то и то? Странное (чтобы не сказать рѣзче) требованіе! Что касается до названія Евангелія евреевъ Евангеліемъ отъ апостоловъ: то объ этомъ названіи упоминаетъ одинъ только блаж. Іеронимъ (въ концѣ 4-го и началъ 5-го в.), говоря, что имъ пользовались Назореи (ш), незначительная секта въ предѣлахъ Палестины. Называлось ли оно такъ раньше, напр. во времена Іустина? Ни откуда этого не видно, ни одного свидѣтельства древности объ этомъ нѣтъ. Можно ли же на этомъ основаніи утверждать, что Іустинъ ссылается не на наши Евангелія, а на Еван-

---

(ц) Hilgenfeld—ibid. S. 13.

(ч) Ibid. ср. Schwegler's Nachapost. Zeitalt.

(ш) Adv. Pelag. с. III. opp. curs. compl. Patr. tom. 23, p. 570.

геліе евреевъ, которое, какъ изъ всего видно, мало извѣстно было въ древней церкви, и употреблялось только въ незначительной сектѣ еретической, — Іустинъ, имѣвшій обширныя средства знать, какими Евангеліями пользовались знаменитѣйшія въ то время церкви, а не какая-нибудь незначительная секта? Это можно было бы утверждать только въ томъ случаѣ, если бы совсѣмъ неизвѣстно было, что во времена Іустина извѣстно было Евангеліе, написанное четырьмя апостолами, а этого не докажетъ ни одна критика. Откуда явилось *δια τεσσαρων* ученика Іустинова Таціана? Этотъ вопросъ парализуетъ всякія перетолкованія цитаты Іустина. Въ этомъ *δια τεσσαρων* — ключъ къ уразумѣнію ихъ, и онъ открываетъ намъ, что эти *ἀπομνημονεύματα Ἀποστόλων* — наши четыре Евангелія, которыя Таціанъ попытался свести въ одно (подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ еретическихъ воззрѣній своихъ). Откуда бы въ самомъ дѣлѣ взялись у Таціана четыре Евангелія, если бы учитель его Іустинъ не объ нихъ говорилъ, а о какомъ-то Евангеліи евреевъ, которое новая критика считаетъ какимъ-то сборникомъ, замѣняющимъ всѣ наши Евангелія, и къ чему бы Таціану самому нужно было составлять такой сборникъ, или сводъ, который уже былъ? Цѣлый рядъ другихъ свидѣтельствъ, современныхъ Іустину, раннихъ и позднихъ, говоритъ о четвероевангеліи, Іустинъ примыкаетъ къ этому ряду, ясно указывая Евангелія, написанныя апостолами и учениками ихъ, а тутъ поставляютъ его въ рядъ свидѣтелей о какомъ-то Евангеліи, употреблявшемся только въ незначительной, еретической сектѣ, отвергнутомъ церковію. Странно!.. Указываютъ на то, что Іустинъ говоритъ объ апосто-

лахъ (во множественномъ числѣ), когда приводитъ слова какого-либо одного изъ нашихъ Евангелій (ш), но развѣ это доказательство, что Іустинъ пользовался не нашими Евангеліями, а Евангеліемъ—*secundum Apostolos*? Это—обычный оборотъ рѣчи (апостолы говорятъ, хотя бы говорилъ одинъ изъ нихъ), основывающійся на томъ, что апостолы *единомысленни*; наконецъ, это просто—риторическій оборотъ рѣчи; неужели и къ нему нужно привязаться, и изъ него выводить неблагоприятныя для Іустина слѣдствія при видимыхъ доказательствахъ противнаго?... Еще одинъ примѣръ изъ свидѣтельствъ Іустина о евангеліи отъ Іоанна. У Іустина, въ числѣ многихъ мѣстъ, приводимыхъ изъ Евангелія отъ Іоанна, есть такое мѣсто: «Христосъ сказалъ: если не возродитесь (*ἀν μὴ ἀναγεννηθήτε*) не увидите въ царствѣ небесное. А что невозможно однажды рожденнымъ войти (во второй разъ) въ утробы раждающихъ, это очевидно для всѣхъ» (ъ). Это мѣсто изъ Евангелія отъ Іоанна (3, 3—5: первая половина—слова Христовы, вторая—перифразъ словъ Никодима). Но Бауръ и Целлеръ стараются доказать, что эти слова взяты изъ Евангелія евреевъ (хотя неизвестно, были ли они въ немъ; ни въ одномъ древнемъ цитатъ изъ Евангелія евреевъ нѣтъ этого мѣста Евангелія Іоаннова). Какъ же однако это доказать? Это мѣсто изъ Іоанна въ перифразѣ приводится въ такъ называемыхъ Клементинахъ: «такъ намъ клял-

---

(ш) Hilgenfeld. S. 14.

(ъ) Apolog. 1. с. 61. Curs. Compl. Patrol. ser. Gr. tom. VI, p. 420.

ся пророкъ, говоря: истинно [говорю вамъ : если не возродитесь (*εαν μη ἀναγεννηθήτε*) водою живою во имя Отца, Сына, Святаго Духа, то не увидите въ царствіе небесное» (α). Это мѣсто изъ Клементинъ, говорятъ, одинаково съ мѣстомъ изъ Іустина, и оба далеки отъ словъ Евангелія Іоаннова; а такъ какъ, по мнѣнію Тюбингенской школы, всѣ цитаты Клементинъ заимствованы изъ Евангелія евреевъ: то слѣдовательно и мѣсто изъ Іустина заимствовано оттуда же (б).—Доказательно? И такими-то фантазмами, натяжками, предположеніями, ни на чемъ не основанными, хотятъ ослабить силу Іустиновыхъ свидѣтельствъ о нашихъ Евангеліяхъ!... На вопросъ: почему Іустинъ приводитъ большею частію не точно слова изъ нашихъ Евангелій, а съ перифразомъ, отвѣтъ тотъ же, почему и другіе древніе писатели такъ дѣлаютъ. Выше мы уже говорили объ этомъ. Заключаемъ рѣчь о свидѣтельствахъ Іустина словами Семиша о нихъ, сказанными по добросовѣстномъ разборѣ цитатъ Іустиновыхъ: «апостольскія воспоминанія (*ἀπομνημονεύματα*) суть не что иное, какъ наши четыре каноническія Евангелія, которыя въ главномъ мѣстѣ (в) совершенно ясно обозначены. Если Іустинъ называетъ здѣсь писателями своихъ Евангелій апостоловъ и ихъ учениковъ: этимъ онъ характеризуетъ рѣ-

---

(α) Homil. XI, 26. Dressel—Clem. Rom. Homil. Götting. 1853. p. 247.

(б) См. у Ebrard. въ указ. кн. стр. 897. Мы уже показали выше, что составитель Клементинъ пользовался нашимъ каноническимъ Евангеліемъ отъ Іоанна.

(в) Вышеприведенномъ и разобранномъ нами (Dialog. с. 103.)

шительно четверицу каноническихъ евангелій. Ни объ одномъ изъ древнѣйшихъ евангельскихъ апокрифовъ не доказано, чтобъ онъ носилъ имя апостольскаго ученика, и еще менѣе доказано, чтобы апокрифическія Евангелія когда-либо возводимы были къ совокунному написанію апостолами или учениками апостольскими. Ни объ одномъ слѣдовательно изъ апокрифическихъ Евангелій эти слова (Іустина) немогли быть употреблены, тѣмъ менѣе о такъ называемомъ Евангеліи Петра, или безъимянномъ Евангеліи евреевъ, которое никто никогда не считалъ и не выдавалъ за непосредственное произведеніе апостоловъ... Еще замѣтимъ: *ἀπομνημονεύματα* суть писанія апостоловъ и ихъ учениковъ, а не писанія одного апостола и одного ученика апостольскаго. И вотъ давно извѣстное параллельное (Іустинову) мѣсто изъ твореній Тертуліана, который, совершенно соотвѣтственно классификаціи Іустиновой, такъ раздѣляетъ четверицу каноническихъ Евангелій: «мы знаемъ, что евангельскія книги имѣютъ писателями апостоловъ... и учениковъ апостольскихъ: изъ апостоловъ Іоаннъ и Матѳей внѣдряютъ въ насъ вѣру, изъ учениковъ апостольскихъ Лука и Маркъ укрѣпляютъ ее» (Adv. Marc. IV. 2) (9).

Важное мѣсто въ числѣ свидѣтельствъ первохристіанской древности о нашихъ евангеліяхъ занимаютъ свидѣтельства бывшихъ внѣ церкви, враговъ ея, еретиковъ первой половины 2-го в. Выше замѣтили мы, что еретики второй половины 2-го в. и послѣдую-

---

(9) Semisch — Die Apostol. Denkwürdigkeiten d. Martyr. Iustinus. 1848. S. 80—81.

щихъ въковъ, кромъ небольшой секты алоговъ, отвергавшей подлинность Евангелія отъ Іоанна по догматическимъ, а не историческимъ причинамъ, не отвергали подлинности происхожденія Евангелій отъ апостоловъ, хотя это было бы сильнѣйшее ихъ оружіе противъ церкви, опиравшейся постоянно въ дѣйствованіи противъ нихъ на Евангеліяхъ. Мы замѣтили при этомъ, что, если они не говорили ничего противъ подлинности нашихъ Евангелій: то признавали ихъ за подлинныя по преданію отъ учителей своихъ, древнѣйшихъ еретиковъ первой половины 2-го в., которые слѣдовательно и сами признавали ихъ подлинными. Это подтверждается тѣми свѣдѣніями, немногими правда, но и при этомъ очень достаточными, какія сохранились отъ древнихъ учителей церкви объ еретикахъ первой половины 2-го в., особенно о Маркіонѣ и Валентинѣ.

Извѣстія древнихъ о Маркіонѣ и отношеніи его къ нашимъ Евангеліямъ очень замѣчательны. Маркіонъ, изгнанный изъ Синопа, жилъ въ Римѣ, нѣкоторое время съ Іустиномъ и Валентиномъ, въ концѣ первой половины 2-го в. Указываемъ на это послѣднее обстоятельство потому, что изъ свѣдѣтельствъ этихъ трехъ лицъ разныхъ направленій, сошедшихся въ столицѣ тогдашняго міра, несомнѣнно видно, что четвероевангеліе наше въ церкви римской, и слѣдовательно въ другихъ церквахъ, имѣвшихъ сношенія съ нею, было признано и принято, какъ апостольское. Осв. Іустинъ мы говорили. О Маркіонѣ свѣдѣтельства древнихъ ^(ю) таковы, что онъ принималъ одно только Евангеліе отъ Луки, а прочихъ не принималъ, но не потому, чтобы не признавалъ подлинности ихъ проис-

---

(ю) Объ немъ сохранились свѣдѣнія главнымъ образомъ у

хожденія отъ апостоловъ, и именно отъ тѣхъ самыхъ, которымъ они приписываются церковно, но по своимъ еретическимъ воззрѣніямъ. Онъ былъ глава антиіудейской гностической секты, отвергалъ божественное достоинство ветхаго завета, и изъ апостоловъ питалъ особенное уваженіе къ апостолу Павлу, считая его также противникомъ іудейства (вѣроятно по причинѣ полемики его противъ іудействующихъ лжеучителей). Вотъ почему онъ и принималъ именно Евангеліе отъ Луки, какъ ближайшаго ученика и спутника св. ап. Павла и писавшаго подъ его руководствомъ свое Евангеліе. Прочихъ трехъ евангелистовъ онъ считалъ іудействующими, неправильно (будто бы) понявшими ученіе Христа «добраго Бога», тогда какъ Лука, руководимый Павломъ, понималъ его и изложилъ правильно.—Впрочемъ, и Евангеліе отъ Луки онъ не все принялъ, а составилъ по нему евангеліе свое, въ которомъ измѣнилъ нѣчто не согласное съ его мыслями, нѣчто опустилъ и нѣчто прибавилъ (я). Итакъ Маркіонъ признавалъ подлинность нашихъ Евангелій—важнѣйшее свидетельство со стороны врага церкви, которому легче всего было устранить значеніе непринимаемыхъ имъ Евангелій отрицаніемъ ихъ подлинности, если бы только это возможно было сдѣлать. Но видно это было невозможно для него,

---

Принее и Тертуліана, почти современниковъ его, и частію у Оригена и Еялфана. См. сводъ ихъ у Кирхгофера — *Quellen-sammlung*. S. 357—387.

(я) Возстановленіе этого евангелія Маркіонова по разнымъ источникамъ см. у Hilgenfeld—въ цитов. книгѣ стр. 391—442.

если онъ не пользуется этимъ легкимъ средствомъ; не возможно же это было не почему иному, какъ только потому, что преданіе всей церкви до его времени не-оборимо доказывало ихъ происхожденіе отъ апосто-ловъ. Разумѣется, что этого важнаго свидѣтельства отрицательная критика не оставила безъ вниманія и разбора, но—довольно; мы въ этомъ случаѣ не будемъ вступать съ ней въ полемику. Приемы все тѣже; на-тяжки все тѣже, намъ уже извѣстные. «Тогда какъ церковное преданіе со временъ Иринея отрицало у Мар-кіонова евангелія всякую самостоятельность (Ursprüng-lichkeit), выставляло его, какъ самовольное, въ ин-тересъ этой еретической системы сдѣланное искаже-ніе Евангелія отъ Луки, нѣмецкая критика, со вре-менъ Землера, все больше и больше разрушающая ав-торитетъ отцевъ церкви, Евангеліе Маркіона или только сопоставляла съ Евангеліемъ Луки, какъ са-мостоятельный отпрыскъ одного общаго корня, или даже такъ далеко заходила, что этому еретическому евангелію приписывала бѣольшую самостоятельность, чѣмъ каноническому Евангелію отъ Луки» (°). Есть чѣмъ хвалиться! Иринея, почти современникъ Маркіо-на, хуже зналъ мнѣнія, воззрѣнія и сочиненія этого еретика, чѣмъ нынѣшніе изслѣдователи, судящіе о немъ только по отрывкамъ изъ древнихъ писателей? Кто же этому повѣрять? Иринея и слѣдующіе за нимъ писатели единогласно говорятъ о Маркіонѣ то, въ XIX-мъ в. говорятъ, на основаніи ихъ же свидѣ-тельствъ, совершенно противоположное; — нужно ли даже останавливаться, чтобъ рѣшить, гдѣ правда?...

(°) Hilgenfeld—въ цит. книгѣ стр. 391.

О Валентинѣ нужно думать, что онъ принималъ наши Евангелія уже потому одному, что послѣдователи его, какъ мы выше видѣли, принимали за подлинныя всѣ наши Евангелія. Но кромѣ сего мы имѣемъ прямое свидѣтельство Тертуліана, что Валентинъ пользовался нашимъ цѣлымъ Евангеліемъ (*integro instrumento*) (v), только давалъ разнымъ мѣстамъ онаго свое собственное, особенное толкованіе, соотвѣтственно своимъ еретическимъ воззрѣніямъ,—*materialiam ad scripturas excogitavit*, какъ выражается Тертуліанъ, т. е. влагалъ свой смыслъ въ слова писанія и Евангелій (a), что и дѣйствительно видно изъ мнѣній его, приводимыхъ въ твореніяхъ Иринея (б), равно какъ и то, что Валентинъ пользовался всеми нашими четырьмя Евангеліями, отдавая впрочемъ преимущество Евангелію отъ Іоанна, въ которомъ онъ думалъ найти болѣе подтвержденій для своихъ воззрѣній. Лютцельбергеръ замѣчаетъ объ этомъ свидѣтельствѣ Тертуліана о Валентинѣ, что это только догадка Тертуліана, будто Валентинъ пользовался чистымъ, неповрежденнымъ Евангеліемъ (в). И будто

(v) Тертуліанъ пользуется словомъ — *instrumentum* въ означеніи евангелій, какъ Іустинъ словомъ — *ἀπομνημονεύματα*. Впрочемъ это слово у Тертуліана имѣетъ болѣе широкое значеніе: *instrumentum sive testamentum*—въ смыслъ книгъ новозавѣтнаго канона.

(a) Tertull. de praescr. haeret. c. 38—Patrol. Cours. Compl. Ser. prim. tom. 2 p. 52.

(б) Iren. adv. haer. Сводъ этихъ мнѣній у Курхгофера въ цит. кн. стр. 387—394.

(в) Lutzalb. въ цит. книгѣ стр. 131.

этимъ можно устранить силу этого свидѣтельства. Гдѣ можно больше предположить догадку — въ мнѣніи ли новаго писателя о древнѣйшемъ, которое основано на отрывкахъ изъ твореній древняго писателя, или въ мнѣніи этого древняго писателя, непосредственно знавшаго воззрѣнія и отношенія къ Евангеліямъ древнѣйшаго, — дѣло очевидное. Въ словахъ Тертуліана—не догадка, а прямое положеніе, или положительное свидѣтельство.

Оканчиваемъ рядъ древнихъ свидѣтелей о подлинности Евангелій свидѣтельствомъ о нихъ язычника, жившаго около половины 2-го в., Цельса. — Этотъ язычникъ написалъ книгу подъ названіемъ: *λόγος ἀληθείας*, направленную противъ христіанства. Въ ней между прочимъ онъ имѣлъ въ виду поражать вѣрованія христіанъ ихъ же собственнымъ оружіемъ, т. е. изъ ихъ же писаній (г). Оригенъ написалъ опроверженіе на эту книгу язычника; изъ этого-то опроверженія мы и знаемъ, какъ смотрѣлъ Цельсъ на наши Евангелія. Изъ него видно, а) что Цельсъ зналъ все наши четыре Евангелія: ибо изъ всѣхъ ихъ онъ приводилъ мѣста, или дѣлалъ указанія (д). Что онъ употреблялъ именно наши Евангелія, это видно съ одной стороны изъ того, что приводимыя мѣста находятся въ нашихъ нынѣшнихъ Евангеліяхъ,—съ другой—изъ того, что Оригенъ, опровергавшій его, нигдѣ не говоритъ, чтобы

(г) „Это все, говоритъ іудей въ книгѣ Цельса, мы представили вамъ изъ вашихъ писаній, кромѣ которыхъ никакимъ другимъ свидѣтельствомъ мы не пользовались: ибо вы сами себя поражаете“ (Orig. contr. Cels. 2, 74.)

(д) Сводъ этихъ мѣстъ у Кирхгоф. стр. 330—349.

Цельсъ заимствовалъ мѣста не изъ тѣхъ Евангелій, которые признавались апостольскими во времена Оригена во всей церкви, сушей подъ солнцемъ, и следовательно Евангелія, которыми пользовался Цельсъ, были тѣ самыя, которыми пользовался и Оригенъ, т. е. наши нынѣшнія каноническія Евангелія. б) Что Цельсъ не сомнѣвался въ происхожденіи этихъ Евангелій отъ учениковъ Иисуса: ибо не разъ указываетъ онъ прямо, что ученики Иисуса написали то или то (е), и нигдѣ недѣлаетъ ни какого замѣчанія противъ подлинности ихъ. Это свидѣтельство язычника о нашихъ Евангеліяхъ очень важно. Врагу христіанъ, рѣшившемуся опровергать ихъ вѣрованія и насмѣхаться надъ ними, естественнѣе всего было доказать имъ, что эти вѣрованія ихъ основываются на подложныхъ, когда-то къмъ-то неизвѣстно составленныхъ книгахъ, что эти книги не имѣютъ посему достовѣрности, что основываться на нихъ нельзя, и пр. т. под. Но онъ не отвергаетъ ихъ подлинности. Что это значить? То, что во время Цельса эти книги признавались уже за подлинныя писанія апостольскія, и увѣренность въ ихъ апостольскомъ происхожденіи была такъ тверда, что врагъ христіанства не дерзнулъ усомниться даже въ этомъ. Значить, увѣренность сія переходила уже и въ міръ языческій. Какъ же отнеслась къ этому важнѣйшему свидѣтельству отрицательная критика? Штрауссъ нашелся только замѣтить, что Цельсъ, приписывая ученикамъ Иисуса составленіе Евангелій, не говоритъ о писателяхъ ихъ въ частности (ж). Чтожъ?

(е) Orig. c. Cels. 2, 13. 15. 26 и др.

(ж) Strauss.—D. Leb. Jesu. B. 1. S. 66.

неужели этимъ ослабляется сила Цельсова свидѣтельства? Изъ нашихъ именно Евангелій приводитъ онъ множество мѣстъ; что же, если онъ и не называетъ писателей ихъ по именамъ?... А Лютцельбергеръ замѣчаетъ о Цельсѣ только, что «никто не знаетъ, когда онъ жилъ» (з). И подобными фразами думаютъ ослабить силу Цельсова свидѣтельства?..

Толикъ имѣемъ облажающъ насъ облакъ свидѣтелей о подлинности происхожденія нашихъ Евангелій въ ихъ *настолицемъ* видѣ отъ апостоловъ и ихъ непосредственныхъ учениковъ — тѣхъ именно лицъ, имена которыхъ они носятъ въ своихъ надписаніяхъ. Еще многое мы опустили, многое не раскрыли съ надлежащею подробностію по обширности предмета и по краткости журнальной статьи; но, кажется, и сказаннаго достаточно для убѣжденія въ истинѣ всякаго безпристрастно относящагося къ дѣлу. Только пристрастное отношеніе къ дѣлу, только желаніе во что бы то ни стало оправдать предвзятыя теоріи для спасенія любимыхъ философскихъ воззрѣній на христіанство и вообще на развитіе религіи въ человѣчествѣ могли подвигнуть къ тому, чтобы заподозрить или вовсе отстранять необоримую силу этого длиннаго ряда свидѣтельствъ, но за то—это пристрастное отношеніе съ перваго же почти раза и обнаруживаетъ себя во всѣхъ попыткахъ устраненія силы этихъ свидѣтельствъ, обнаруживаетъ себя въ натяжкахъ, перетолкованіяхъ, искаженіяхъ. Еще когда эта критика держится болѣе

(з) Lutzellb. въ цит. кн. S. 144.

въ сферѣ общихъ воззрѣній, отвлеченныхъ взглядовъ, не вдаваясь въ частности и подробности, ея сужденія представляются какъ будто благовидными; но какъ скоро дѣло дойдетъ до основъ, до частности и подробностей, исчезаетъ даже и эта кажущаяся благовидность, и является эта критика въ весьма непривлекательномъ видѣ. Натяжки, перетолкованія и особенно взаимныя противорѣчія до мелкихъ частныхъ и подробностей, а отсюда шаткость, неопредѣлительность до того, что посторонній наблюдатель въ изумленіе приходитъ и не знаетъ, на чемъ остановиться—вотъ что здѣсь открывается въ ней. Весьма грустное явленіе представилъ бы подробный сводъ этихъ разнообразныхъ и взаимно-противорѣчащихъ мнѣній и взглядовъ разныхъ представителей отрицательной критики по разнымъ вопросамъ о Евангеліяхъ. Мы представили лишь нѣкоторые примѣры ихъ, наравнѣ съ примѣрами разныхъ натяжекъ, перетолкованій и словоухищреній, относительно одного пункта—внѣшнихъ свидѣтельствъ о происхожденіи Евангелій, и то далеко далеко не всѣ. Но и изъ нихъ уже можно довольно видѣть характеръ этой критики, и насколько она не состоятельна въ своемъ противодѣйствіи твердому, основанному неизблемо на всеобщемъ и единодушномъ *преданіи вселенской церкви*, върованію въ подлинность нашихъ каноническихъ евангелій въ ихъ настоящемъ видѣ.

Послѣдуемъ за нею далѣе.

А. М.

ТРОИЦКАЯ СЕМИНАРІЯ

ПРИ МИТРОПОЛИТѢ ПЛАТОНѢ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) (а).

*Бытъ учениковъ. Экзамены, диспуты, вакація.
Отзывы о состояніи семинаріи.*

Порядокъ занятій и образъ жизни семинаристовъ были опредѣлены инструкціями, изъ которыхъ одна составлена въ 1767 году, вскорѣ по вступленіи Платона въ управленіе лаврою, другая — въ 1787 году. Первая называется «учрежденіемъ о образѣ житія и содержанія семинаристовъ»; она написана ректоромъ Иларіономъ и префектомъ Ильинскимъ и дополнена по мѣстамъ самимъ Платономъ. Инструкція обрисовываетъ намъ всю внутреннюю жизнь семинариста, и мы беремъ изъ нея тѣ пункты, которые касаются его занятій и поведенія, опустивъ пункты, относящіеся до экономіи, о чемъ было сказано въ своемъ мѣстѣ.

«1. Большіе семинаристы отъ малыхъ, хорошіе отъ худыхъ и лѣнливыхъ въ особливые покои отдѣлены быть должны, чтобъ хорошіе отъ худыхъ развратиться не могли; а чтобъ и худые имѣли себѣ къ подражанію примѣръ хорошихъ поступокъ, а отъ худыхъ удержаны были, то опредѣлить къ нимъ въ покои

(а) См. прибавленія къ 5 и 6-й книжк. 1863 года.

изъ постоянныхъ и прилѣжныхъ по одному или по два человека.

2. Кушать всѣмъ въ одно время и въ одной, ежели можно помѣститься, палатѣ; обѣденное кушанье во второмънадесять послѣ полуночи, а вечернее, буде позднѣе не можно, неотмѣнно въ девятомъ часу по полудни. Предъ кушаньемъ и послѣ кушанья читать сочиненныя для того нарочныя молитвы; во время жъ кушанья читать одному какую ни есть полезную книгу, особливо жъ изъ историческихъ, какъ наприкладъ: Ролленову древнюю исторію, Боссюэтову и другія книги, а прочимъ кушая не дѣлать никакого шума или безпорядку, и до окончанія кушанья никому ни для чего изъ-за стола не вставать, но дожидаться молитвы.»

Дальше рукою Платона приписано: «по обѣдѣ давать отдыхъ, и потому на обѣденные часы уроку или не задавать, или задавать, но самые сносные».

3. Спать ложиться всѣмъ семинаристамъ въ десять часовъ по полудни, а вставать большимъ въ 6-мъ, а малымъ въ 7-мъ часу по полуночи. (Платонъ исправилъ это мѣсто такъ: «спать ложиться малымъ въ 9 часовъ, а большимъ въ 10 часовъ, а вставать всѣмъ вмѣстѣ въ 6 часовъ, или прежде, смотря по разнымъ временамъ.») Ложась спать въ вечеру и вставъ по утру, читать одному и каждому по порядку въ каждой палатѣ молитвы, а прочимъ внимательно слушать. Днемъ и въ вечеру въ покояхъ сидѣть въ халатахъ, или въ камзолахъ, а въ рубахахъ (Платонъ прибавилъ «и босикомъ») отнюдь не сидѣть.

4. Определить въ нѣкоторые дни, особливо же въ праздничные, воскресные и въ кони послѣ обѣда уче-

нія не бываетъ, по одному или по два часа для гулянія, въ коихъ всѣ семинаристы никакого школьнаго дѣла не дѣлая, гдѣ пристойно прогуливались бы, или бѣ имѣли между собою взаимные разговоры, кои бѣ честности ни въ чемъ противны не были; также дозволяется играть въ крѣгли (sic), мячѣмъ и въ прочія невинныя игры (Платонъ приписалъ: «при надзираніи къ тому опредѣленныхъ»).

5. Во всякое время семинаристамъ имѣть между собою обхожденіе въжливое и дружелюбное и не чинить никакихъ ссоръ; каждому называть другъ друга именемъ его и отечествомъ или прозваніемъ съ приложеніемъ слова: господинъ.

6. Къ чему не малымъ служить можетъ поводомъ, если господа учителя разговоры между собою серьезные и забавные имѣть будутъ по часту при ученикахъ (приниска рукою Платона: «ко истребленію въ нихъ дикости»), а особливо въ часы общихъ гуляній, отъ чего могутъ сіи послѣдніе научиться лучшему между людьми обхожденію и пристойной смѣлости.

7. Никого изъ семинаристовъ никогда не увольять въ дома ихъ, состоящія въ уздахъ (Платонъ прибавилъ: «безъ дозволенія моего»), да и имѣющихъ дома свои при лаврѣ увольять весьма рѣдко (Платонъ: «то есть не больше какъ въ два мѣсяца однажды»), и то съ вѣдома ректора, или префекта, дабы отъ того не послѣдовало имъ въ поведеніяхъ ихъ, или въ ученіи какого поврежденія (Платонъ: «да и къ нимъ никого не допускать безъ вѣдома префекта»).

8. Лѣнивыхъ и въ поступкахъ несправныхъ наказывать болѣе моральнымъ образомъ, а ничѣмъ не-

исправляющихся представлять ко исключенію изъ семинаріи.

9. Наблюдать, чтобъ въ семинарскіе покои, или близко оныхъ ничего съѣстного, что къ лакомству служить можетъ, для продажи никогда приносимо не было (Платонъ приписалъ: «дабы между семинаристами равенство потеряно не было»).

10. Инспектору каждой палаты наблюдать, чтобъ никто изъ семинаристовъ въ надлежащее время праздень не былъ; а о лѣнливыхъ объявлять учителямъ; но весьма бѣ изрядно было (Платонъ здѣсь приписалъ: «что неотмѣнно наблюдать»), естлибъ инспекторъ низшихъ школъ учениковъ, по приходѣ ихъ изъ школъ, спрашивалъ, знаютъ ли они то, что имъ въ школъ отъ учителей экспликовано; равнымъ образомъ, какъ ему, такъ и сениору смотрѣть за ихъ поступками и объявлять о всемъ ректору, или префекту (Платонъ написалъ: «префекту»).

11. Въ покояхъ, гдѣ живутъ семинаристы, наблюдать, какъ возможно, во всемъ чистоту (Платонъ: «и для того смотрѣть за источниками») и порядокъ, особливо же, чтобъ платье свое и постели имѣли они въ порядкѣ и прибористо. (Приписка Платона: «и для того неотмѣнно три раза въ недѣлю (а чѣмъ чаще, тѣмъ лучше) префектъ долженъ семинарію посѣтить, а въ прочіе дни учителя по очередно, кои и изъяснять префекту, что ими примѣчено будетъ»).

12. Никто не долженъ ходить, не объявля нужды инспектору, въ другую комнату, или куда инуды въ лаврѣ, или за лавру, на рынокъ и прочее, также не ходить и на кухню, кромѣ тѣхъ, кои для смотрѣнія приставлены будутъ.

13. Каждый семинаристъ, начавъ съ философіи, не долженъ никакой книги читать, не взявъ дозволенія отъ своего учителя; въ противномъ случаѣ инспекторъ, если усмотритъ, долженъ объявить учителю» (6).

Инструкція 1787 года составлена ректоромъ Меодіемъ и префектомъ Иліодоромъ и также пересмотрѣна и по мѣстамъ исправлена Платономъ. Она отличается отъ первой бѣльшею подробностію и обстоятельностью въ начертаніи правилъ для жизни семинаристовъ. Представляемъ ее въ полномъ видѣ, какъ любопытный, не менѣе первой, памятникъ духовной педагогики прошедшаго вѣка (в).

«Лаврскимъ семинаристамъ *образъ поведенія*, въ сходственность духовнаго регламента, предписывается слѣдующій:

1.

Жить семинаристамъ большимъ въ покоѣ; среднимъ въ другомъ, а малымъ въ третіемъ; почему и раздѣляться по возрастамъ: какъ и въ духовномъ регламентѣ на стран. 56-й во 2-мъ пунктѣ изображено.

2.

Всѣмъ вставать, лѣтомъ по полуночи въ половину шестого часа, а зимою въ пять часовъ; которые часы и примѣчать по первому звонку утреннему; а вставши и убравшись по надлежащему, изъ двухъ или трехъ покоевъ, между собою совокупленныхъ, не медля сходиться въ одно мѣсто на молитву и оную одному

(6) Арх. Тр. Сем. 1767 г. № 1.

(в) Тамже. 1787 г. № 14.

чередному читать, а прочимъ слушать съ походящимъ вниманіемъ и усердіемъ (г).

3.

По окончаніи молитвы, немедленно каждому идти въ свой покой на мѣсто и приступать къ школьному дѣлу; т. е. учить уроки, дѣлать задачи и прочая.

4.

Когда потомъ звонкомъ означено будетъ время учиться какому-либо языку, или латинскимъ наукамъ: то ни мало не медля всѣмъ идти въ свою школу; и послѣ во свое время, по звонку, каждому за своимъ г. учителемъ выходить обратно изъ школы во свои покои.

5.

Какъ все утреннее ученіе должно кончиться въ 11 часовъ: то 12-й и 1-й часы употреблять на отдохновеніе и обѣдъ.

(г) На листь съ молитвами до и послѣ обѣда, подписанномъ въ 1800 году рукою Платона, приписано слѣдующее наставленіе: «1) молитвы совершать всѣ и всѣмъ въ трапезѣ: и для того къ утреннимъ и вечернимъ, такъ какъ къ обѣду и ужину, ударять въ звонокъ. 2) Собравшись въ трапезу всѣмъ стать въ порядкѣ у партъ. 3) И когда съ каеэдры возгласить чтець: *на молитву*, то всѣмъ стать на колѣни, и пригнувъ руки къ персямъ крестообразно, а очи возведъ горѣ, быть въ благоговѣніи. Въ то время читаетъ молитвы чтець съ каеэдры не скоро и громогласно. 4) По окончаніи молитвы, возгласивъ всѣ: *аминь*, вставъ положить три поклона по поясъ, а въ великій постъ земные, кромѣ воскресныхъ дней и праздниковъ, и потомъ идти въ покой, или садиться за столъ.»

6.

Обѣдать, такъ какъ и ужинать казеннокошнымъ, по звонку, входить въ столовую порядочно, безъ шуму и не тѣсняся, каждому занимать свое мѣсто, сидѣть благочинно, и не разговаривать, какъ только развѣ о нужномъ, да и то тихо; также и не вставать изъ-за стола сверхъ порядка и нужды; при томъ, сколько возможно, внимательнѣе слушать читаемое, и выходить наконецъ изъ столовой благопристойно, сперва большимъ, потомъ среднимъ, а послѣ всѣхъ, малымъ, или по порядку школь.

7.

Въ часъ по полудни всякому быть готовымъ и по звонку не медля идти въ школу; такъ какъ и выходить по звонку же, по которому кому слѣдуетъ.

8.

Въ вечерніе классы, кому надлежитъ, ходить неопустительно и скорѣйше по пробитіи звонка, т. е. въ четыре часа по полудни и продолжать ученіе чрезъ два часа ^(а); въ оное же время тѣмъ, которые не обучаются языкамъ, быть непремѣнно всѣмъ въ пѣвческой школѣ.

9.

Окончивши сіи классы, отдыхать седмаго полчася всѣмъ; а въ третей четверти сего часа, по пробитіи звонка, всѣмъ приниматься за свое дѣло ^(е), и про-

---

(а) Пятый и шестой часы посвящаются были изученію языковъ.

(е) Разумѣются комватныя учебныя занятія.

должать до самаго ужина, который зимою имѣть въ восемь часовъ, по звонку, а лѣтомъ въ семь часовъ.

10.

Послѣ ужина тотъ часъ вышереченнымъ образомъ сходиться на молитву и, по выслушаніи оныя ложиться спать, малымъ въ девять, а среднимъ и большимъ въ десять часовъ.

11.

Гулять не въ другое время, какъ свободное отъ ученія, и при томъ гулянье было бы съ играми честными и благопристойными; лѣтомъ въ садъ, а зимою въ своихъ покояхъ; такъ какъ и въ духовномъ регламентѣ, на листъ 59 въ 15 пунктѣ изображено; почему на городовую стѣну отнюдь никому не ходить ни подъ какимъ видомъ, тѣмъ паче, что ходившіе прежде сего по оной дѣлали безпорядки....

12.

Когда для гуляній надлежитъ итти на Корбуху, или въ Виѳанію, то ходить всѣмъ вмѣстѣ по звонку, на дорогѣ не рѣзвися и не дѣлая безчинія; а пришедъ въ тѣ мѣста, гулять или играть приличнымъ образомъ.

13.

Въ церковь Божию въ надлежащее время всѣмъ ходитъ непремьнно, и при томъ къ обѣднѣ и вечернѣ ходитъ изъ богословской школы по двое въ рядъ, напередъ малымъ, потомъ среднимъ, а наконецъ большимъ; а пришедши стоять въ рядахъ благоговѣйно, внимая чтенію и пѣнію; кому по порядку слѣдуетъ читать, такому читать безотрицательно и порядочно,

не спѣша, а колыми паче не пропуская опредѣленнаго ко чтенію; выходить же изъ церкви напередъ большимъ, потомъ среднимъ, наконецъ малымъ по двое также въ рядъ, и приходитъ обратно въ тужъ богословскую школу и изъ оной уже расходиться по своимъ покоямъ.

14.

Ходить въ баню по звонку, и при томъ сперва большимъ, и париться чрезъ полтора часа; а когда большіе выпарятся и выдутъ: то по звонку также итти париться среднимъ и малымъ вмѣстѣ. Париться же безъ шуму, излишно отнюдь не поддавать, бегаться также, чтобъ себя или другаго не ожечь горячею водою; а чтобъ сіе хранимо было ненарушимо, то всякому инспектору смотрѣть за подчиненными ему, а надъ всѣми сеніору.

15.

При общихъ отпускахъ отъѣзжающимъ въ домъ, также и увольняемымъ совсѣмъ изъ семинаріи, отдавать книги казенныя бібліотекарю въ бібліотеку, а естьли которая къмъ утрачена будетъ, о такой ни мало не медля объявлять своему инспектору и бібліотекарю.

16.

Естьли у кого пропадетъ какая вещь, то объявлять о ней своему инспектору; а естьли кто найдетъ чью нибудь потерянную вещь, такому не медля объявить и отдавать ее своему инспектору.

17.

Нишшія школы ученики ученикамъ вышшія школы, яко преимущественнымъ, должны оказывать почтеніе:

срѣтаться съ ними скидать шапку или шляпу, называть ихъ по имени и отечеству, да и во всемъ поступать предъ ними почтительно, памятуя апостольское оное слово : *безъ всякаго прекословія, меньшій отъ большаго благословляется.* Евр. 7, 7.

18.

Никому на сторону ничего не занимать, или не брать въ долгъ, также и не продавать и не закладывать ни подъ какимъ видомъ; а естлибъ какой чрезвычайной послѣдовалъ къ тому случай, то, не приступая еще къ тому, доложить о префекту, или отцу ректору.

19.

Къ монахамъ или послушникамъ въ кельи никому не ходить никогда; а въ случай крайней нужды итти просить дозволенія у о. префекта.

20.

Товарищамъ жить между собою братски, миролюбиво, никакъ не ссорясь, а стараясь переносить неудовольствія, отъ другаго причиняемая; но естлибъ кто, чего не дай Боже! знатно и чувствительно былъ обиженъ; таковому, безъ брани и раздору на обидчика, по сущей правдѣ жаловаться о. префекту, или по разсужденію обиды, и отцу ректору.

21.

Сообщества и дружества основывать на честной товарищеской любви, а такъ называемыхъ шаекъ, или злоумышленныхъ заговоровъ отнюдь не дѣлать; а

еслибъ кто доподлинно узналъ, что двое, или трое, или больше держатъ одну партію, и единомышленно идутъ противъ порядка, или другъ друга взаимно прикрываютъ и защищаютъ въ бездѣльничествѣ: о таковыхъ ему ни мало не медля доносить о. ректору и префекту; и никакъ не бояться тѣхъ мщенія, вѣря, что тѣ бездѣльники будутъ содержаться во всей строгости и лишатся довѣренности.

22.

Его высокопреосвященство, ни письменною, ни словесною прозбою никому не утруждать безъ дозволенія о. ректора и префекта; такъ какъ и отъ его высокопреосвященства предписано.

23.

Пашквилей, или подметныхъ ругательныхъ писемъ никому не писать, подъ опасеніемъ жестокаго за то наказанія; а еслибъ кто таковое письмо гдѣ нибудь нашель, то тотъ часъ, никому не сказавъ, долженъ его сжечь; но еслибъ при томъ кто доподлинно и зналъ пашквильнаго писателя, то о семъ ни мало не медля объявить, и то письмо представить въ цѣлости отцу ректору и префекту.

24.

Такъ же, еслибъ кто доподлинно зналъ за другимъ семинаристомъ какой порокъ, или проступокъ: то ему о томъ отнюдь другимъ не разглашать, а доносить по порядку своему инспектору; а еслии

тотъ проступокъ или порокъ будетъ важной, то доносить объ немъ прямо о ректору и префекту.

25.

За монастырь, а особливо въ обывательскіе дома, никому не ходить безъ крайней нужды и безъ дозволенія о. префекта, а въ случаѣ его отсутствія, отца ректора, и при томъ какъ на рынкѣ, такъ и пришедъ по крайней только нуждѣ въ чей либо домъ, отнюдь не вступать въ постороннія и несвойственныя учащимся дѣла; отъ чего могутъ произойти худыя послѣдствія.

26.

Естьлибъ кто на рынкѣ или гдѣ индѣ, кѣмъ постороннимъ, и при томъ извѣстнымъ человѣкомъ, былъ обиженъ; такому самому никакъ не управляясь, жаловаться на обидчика о. ректору и префекту; а чтобъ тѣмъ болѣе отвратить опасность обидѣ, то ходить вмѣстѣ по крайней мѣрѣ пятерымъ, или шестерымъ, и имѣть всевозможную осторожность.

27.

Великоцѣнныхъ вещей никому не покупать безъ дозволенія о. префекта, а вещей сомнительныхъ или ненужныхъ отнюдь не покупать, такъ же и не лакомиться.

28.

Никому не имѣть охоты къ тѣмъ вещамъ, которыя отвлекаютъ отъ ученія; а стараться всѣ свои намѣренія и всѣ предпріятія наиболѣе устремлять къ учебнымъ предметамъ: и сіе должно быть личною добродѣтелію учащагося.

29.

Всякому за нарушеніе какого либо изъ сихъ правила предварительно бояться наказанія; наказанія же, по разсужденію вины, будутъ различныя; но обидчики и умышленные преступники и ослушники будутъ жестокае наказываемы, какъ-то: будутъ ссылаться въ нишшія школы, записываться въ журналъ, который временемъ будетъ читанъ публично въ столовой и представленъ его высокопреосвященству; и проч.

30.

Но паче всего, по слову апостольскому, *повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть.* Рим. 13, 5.»

Въ этихъ инструкціяхъ, опредѣлявшихъ быть учениковъ семинаріи, ясно проглядываетъ духъ протектора семинаріи: въ особенности характеристичны предписанія касательно взаимныхъ отношеній между учениками, въ среду которыхъ Платонъ желалъ внести въжливость и нравственное сознаніе долга путемъ кроткихъ, моральныхъ внушеній. Начала взаимной любви между учениками должны быть такъ высоки, что и неудовольствія, причиняемья товарищами, ученику совѣтовалось переносить благодушно, а серьезная и чувствительная обида представляется такимъ явленіемъ, котораго и возможность съ трудомъ предполагаетъ инструкція, когда говорить: «чего не дай Боже!» Общество учениковъ должно быть крѣпко сплочено ѳузами единодушія и должно быть совершенно чуждо духа партій. Равенство между семинаристами было такъ строго

охраняемо, что имѣвшіе средства не должны были лакомиться, чтобъ чрезъ то не нарушить равенства. О порокахъ или проступкахъ ученика не должны были знать его товарищи, а только о томъ доносило было начальству, и это частію съ тою цѣлію, чтобы не вносить соблазна въ цѣлое общество, частію для того, чтобъ насмѣшки товарищей не довели виновнаго до упадка духа. Замѣчательно предписаніе и объ отношеніяхъ къ питомцамъ наставниковъ, которые должны были, въ часы свободные отъ ученія, бесѣдовать съ ними и своимъ примѣромъ учить ихъ лучшему между людьми обхожденію. Въ укоръ современнымъ порицателямъ духовной педагогики должно сказать, что вотъ почти за сто лѣтъ до нашего времени, въ основаніе воспитательныхъ правилъ для духовныхъ училищъ положены были такія, которыя бы очень годились и въ нашъ вѣкъ, — вѣкъ такъ называемаго прогресса.

Семинарія заключена была въ стѣнахъ монастыря, но это не мѣшало проникать въ нее правиламъ свѣтскаго приличія, которыя приносили съ собою нѣкоторые питомцы семинаріи, частію изъ домовъ своихъ столичныхъ родственниковъ, частію изъ стѣнъ университета. Главною цѣлію временнаго отпращиванія лучшихъ семинаристовъ въ московскій университетъ было изученіе новыхъ языковъ, но съ этою цѣлію стояла въ соприкосновеніи и другая — изучить приемы свѣтскаго обхожденія и «пристойной смѣлости». Есть свидѣтельство отъ университетскихъ наставниковъ, что кромѣ успѣховъ въ наукахъ, троицкіе воспитанники заимствовали въ стѣнахъ университета понятія о гуманности и о требованіяхъ свѣтскаго приличія: о

Петръ Пономаревъ учитель нѣмецкаго языка Пфундгеллеръ въ 1770 году далъ такой отзывъ: *Generosum dominum studiosum Petrum Ponomareff tanta industria et assiduitate in puritatis lingvæ Tevtonicæ regulas incubuisse testificor, ut principem locum per totum annum tenuerit; honestatis vero morumque svavitatis tantam habuisse rationem, ut me ipsum sibi humanitate devinxerit* (*). По возвращеніи изъ университета въ лавру, воспитанники безъ сомнѣнія хотя на нѣкоторую часть семинарскаго общества имѣли полезное вліяніе: нѣкоторые изъ нихъ послѣ университетскаго курса доучивались въ семинаріи наукамъ духовнымъ и сообщали правила житейскихъ приличій своимъ товарищамъ. Одно умѣнье говорить по-французски или по-нѣмецки давало имъ значеніе въ обществѣ, возвышало ихъ въ глазахъ товарищей, и образованные свѣтскіе люди съ радушіемъ принимали ихъ въ свое общество: студентъ Федоръ Хитровъ, учившійся въ университетъ три года, работалъ въ качествѣ переводчика у М. И. Веревкина, потомъ училъ французскому языку дѣтей у Д. С. Болтина (з). Знаніе французскаго языка студенты старались примѣнять и къ дѣлу литературы; такъ въ 1805 году студенты богословія Петръ Павловъ и Иванъ Носовъ перевели съ французскаго и посвятили Евлампію, епископу архангельскому (бывшему ректору троицкой семинаріи), сочиненіе Десландесъ: «о достовѣрности человѣческихъ познаній, или философическое изслѣдованіе о разныхъ преимуществахъ вѣры и разума.»

(ж) Арх. Тр. Сем. 1770 г. N 12.

(з) Арх. Тр. Сем. 1797 г. N 10.

Въ быту учениковъ, довольно однообразномъ, важнымъ, выходящимъ изъ обычнаго порядка, временемъ было время экзаменовъ, диспутовъ и отпусковъ на вакацію. Экзамены производились прежде предъ лѣтнею вакаціею, но Платонъ въ 1768 году предписалъ впредь производить ихъ послѣ вакаціи; въ резолюціи относительно сего онъ писалъ: «1) экзамены для промоціи изъ низшихъ школъ въ высшія принадлежащимъ ученикамъ не нынѣ (т. е. не въ іюль), но послѣ вакаціи начать, и по окончаніи о достойныхъ промоціи представить ко мнѣ каталогами по примѣру прошлагодному. 2) Отъ ученія всѣхъ учениковъ на вакацію съ надлежащимъ отъ семинаріи подтвержденіемъ уволить по наступленіи обыкновеннаго времени, т. е. сего іюля съ 15, августа по 17 число, а съ 17 числа учинить экзамень, который можетъ продолжиться до 1 сентября, а съ 1 сентября вступить всѣмъ въ надлежащее ученіе. 3) Учениковъ, кои имѣютъ свои жилища отъ лавры отдаленныя, верстахъ во стѣ и болѣе, оныхъ совсѣмъ не отпускать, а прочихъ хотя и уволить на двѣ, или по крайней мѣрѣ на три недѣли, но такихъ, кои по усмотрѣнію вашему (ректора и префекта) и другихъ учителей окажутъ причину нужныхъ своихъ надобностей, и при томъ тѣхъ, кои не подають о себѣ къ рѣзвости сумнѣнія и имѣютъ поступки честныя, къ назначенному термину, августа къ 17 числу паки всѣмъ онымъ ученикамъ явиться въ своихъ училищахъ (и). Это распоряженіе показалось тяжело и для наставниковъ и для учениковъ, и семинарское начальство, произведши послѣ вакаціи экзамень только ученикамъ

(и) Дѣл. 1768 г. N 18.

синтаксис и грамматики, представило Платону каталоги съ отмѣтками, но Платонъ приказалъ сдѣлать экзаменъ еще ученикамъ реторики по всѣмъ языкамъ (студенты богословія и философіи были всегда изъяты отъ экзамена). Въ слѣдующемъ 1769 году контора семинарская, желая возвратить старій порядокъ, представляла Платону на усмотрѣніе слѣдующее: «какъ случается часто, что многіе, особливо изъ низшихъ школъ, по несовершенству ихъ лѣтъ послѣ вакаціальныхъ дней выученное забываютъ, того ради не со-благоволено ли будетъ всѣмъ ученикамъ экзаменъ сдѣлать, какъ и по другимъ семинаріямъ, предъ вакаціями.» Платонъ далъ рѣшительный приказъ: «экзаменъ чинить по вакаціяхъ: ибо естли въ чаяніи экзамена однако нѣкоторые выученное забываютъ, кольми паче по совершеніи экзамена сего опасаться надлежитъ, и потому экзаменъ по вакаціяхъ можетъ не только ученикамъ, но и учителямъ служить нѣкоторымъ предостереженіемъ. Отпускъ же на вакацію чинить съ 15 іюля по 21 августа; ибо оставшихся до сентября дней для экзаменовъ довольно быть можетъ. Впрочемъ наминается, чтобъ никого изъ семинаристовъ въ дома на вакаціи не отпускать, развѣ съ представленіемъ ко мнѣ со изъясненіемъ настоящихъ резоновъ» (і). Такія безотрадныя для учениковъ мѣры, конечно, вызваны были донесеніемъ ректора Иларіона, что, вступивъ въ управленіе семинаріею, онъ съ трудомъ возстановилъ порядокъ ученія, до него нарушенный, и что многіе ученики оказались не со-отвѣтствовавшими учительскимъ о нихъ рекоменда-

---

(і) Дѣл. 1769 г. N 7.

ціямъ. Экзамены послѣ вакаціи были произведены, списки къ Платону посланы. Пересмотрѣвъ ихъ, Платонъ сдѣлалъ слѣдующія опредѣленія и замѣчанія: 1) «по каталогамъ, учениковъ, кои мною подъ именами ихъ отмѣчены въ другія школы, немедленно перевести, а отмѣченныхъ ко исключенію изъ семинаріи по надлежащему исключить; 2) въ высшемъ и низшемъ классахъ (грамматическихъ) учениковъ въ ученіи надежныхъ должно терпѣть не болѣе двухъ лѣтъ, и дабы они того ученія и понятія чрезъ толикое время достигали, объ оныхъ прилежно стараться тѣхъ школъ учителямъ, а ежели изъ оныхъ по толикомъ времени являться будутъ недостаточными къ произведенію въ высшія школы, объ оныхъ ко исключенію изъ семинаріи представлять. 3) Что же надлежитъ до своевольно отлучившихся въ свои дома, тѣхъ не оставить безъ штрафованія; а при томъ, считая со дня экзаменовъ, вычесть за каждый день столько, сколько въ день на пищу и платье по разсчету придетъ, а чтобы они не остались совсѣмъ безъ прокормленія, то половину выдавать, а половину удерживать.» Въ спискахъ учениковъ экзаменованныхъ Платонъ сдѣлалъ свои отмѣтки; объ ученикѣ реторики Иванѣ Флоринскомъ, при имени котораго ректоръ написалъ: *gemaneat*, Платонъ далъ опредѣленіе: «исключить изъ семинаріи, понеже онъ три уже года былъ въ реторику, а въ семинаріи съ 1763 года; почему когда онъ не горитъ, такъ и куриться не для чего.» Флоринскій подалъ просьбу Платону, въ которой писалъ, что онъ не имѣетъ средствъ содержанія и опасается попасть въ рекрутскій наборъ и слезно просилъ оставить его хотя на одинъ годъ въ семинаріи, обѣщаясь въ наукахъ испра-

виться и по возможности показать успѣхъ ; Платонъ далъ ему разрѣшеніе продолжать ученіе. Всего не-пріятнѣе было для Платона, что учениковъ въ низшемъ классѣ долго держали безъ перевода, нѣкоторыхъ даже по шести лѣтъ, и что изъ 48 учениковъ этого класса, пробывшихъ въ немъ одинъ только годъ, оказались достойными къ переводу только четверо; сдѣлавъ замѣчаніе учителю (Харламову), Платонъ приказалъ проэкзаменовать учениковъ низшаго класса еще передъ святками, и нѣкоторыхъ изъ нихъ перевести тогда въ синтаксисъ. Въ оправданіе Харламова и противъ опредѣленія о двухлѣтнемъ курсѣ въ низшихъ классахъ, семинарская контора представляла Платону: «попееже нѣкоторые изъ принимаемыхъ вновь учениковъ бываютъ отъ рожденія лѣтъ по 8-ми, 9-ти и 10-ти, то, какъ для несовершенства лѣтъ, такъ и для деревенской грубости, которая и природному понятію показываться въ нихъ многократно препятствуетъ, чрезъ двухгодичное время многіе изъ нихъ мало достойны быть могутъ къ переведенію въ реторику, въ которой требуется зрѣльшій разсудокъ, и въ латинскомъ языкѣ чтобъ нѣсколько уже получено было знанія.»

Въ слѣдующемъ 1770 году начальство семинаріи употребило все усилія, чтобы склонить Платона къ возвращенію стараго порядка, именно чтобъ экзамены были не послѣ, а до вакаціи; Платонъ далъ согласіе, но вакацію приказалъ ограничить опять срокомъ съ 15 іюля до 21 августа. Такъ было до 1776 года: съ этого года вакація установилась на будущее время съ 15 іюля до 1 сентября и при томъ безъ просьбъ со стороны семинаріи, а по личному распоряженію

Платона (к). На спискахъ экзаменическихъ Платонъ и въ послѣдующее время всегда почти дѣлалъ отмѣтки и частныя и общія: въ частныхъ встрѣчаемъ то строгія опредѣленія, то совѣты, то ободреніе и поощреніе ученикамъ; на спискахъ 1770 года ученикъ синтаксїи Григорій Тельгинъ отрекомендованъ учителемъ: *diligentia et profectu vix primo diligentissimorum cedit*. Экзаменаторъ въ своей графѣ написалъ о немъ: *sane secundo, si non primo, loco ponendus*. Платонъ написалъ: *promoveatur. Numen benignum ipsi adsit!* Общія замѣтки Платона большею частію были такого рода: «*qui iudicio examinantium habiti sunt digni promotione, promoveantur, qui remansione, remaneant, qui exclusione, excludantur.*» Къ этому присоединялись замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: «*coeterum inculcetur praeceptoribus, ut adhibeant curam, quantum possunt, maximam, ne discipuli tantum tempus in una schola consumant, verum non per tam diuturnum tempus dignos eos promotione exhibeant*» (1772). Вотъ еще опредѣленіе 1789 года: «которые достойны промоціи, тѣхъ промовать; кои не заслужили, тѣхъ оставить въ прежнихъ школахъ. Тоже и въ промоціи изъ философіи въ богословію: ректору обратить вниманіе на достоинство каждаго, и потому промовать. А кои представлены ко исключенію, тѣхъ исключить и отослать куда надлежитъ, давъ о нихъ знать, за что

(к) Контора семинаріи въ представленіи просила на основаніи прежнихъ лѣтъ дозволить отпустить учениковъ на вакацію съ 15 іюля до 21 августа; резолюція Платона: «можемъ уволить до 1 сентября, чтобъ съ онаго непременно всѣ были въ собраніи, и ученіе начать.» *Арх. Тр. Сем. 1776 г. N 1.*

исключены. А о исключаемыхъ московской епархіи намъ представить. Если же кто изъ исключаемыхъ московской епархіи учиться пожелаетъ на своемъ коштѣ, тѣмъ дозволить.» Для учениковъ низшаго грамматическаго класса, по представленію семинарскаго начальства, въ 1778 году дозволено Платономъ производить экзамены два раза въ годъ, предъ вакаціею и предъ Рождествомъ Христовымъ, и по экзамену достойныхъ переводить въ высшій классъ два раза въ годъ.

Для студентовъ богословія и философіи мѣсто экзаменовъ заступали *диспуты*, которые были большею частію два раза въ годъ; предъ лѣтнею вакаціею послѣ экзаменовъ и предъ праздникомъ, иногда послѣ праздника, Рождества Христова (1). Черезъ годъ по выбытіи Платона въ Петербургъ на должность законоучителя Наслѣдника престола, преемникъ Платона, ректоръ Варлаамъ писалъ къ нему: «я хотѣлъ тотчасъ послѣ Рождества Христова устроить богословскіе диспуты, но встрѣтились препятствія, которыя заставили меня отнести ихъ къ 17 февраля, и они сошли благополучно. Между другими лицами, которыхъ имена, думаю, вамъ извѣстны, былъ ректоръ московской академіи, архимандритъ Геннадій, съ которымъ, какъ вы знаете, я нѣкогда былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Страшилсѣя я угрозы Пароенія (префекта троницкой семинаріи)! Какъ первый возражатель, онъ по своему обычаю грозилъ мнѣ нѣсколько разъ, что неожиданно приготовитъ кучу аргумен-

---

(1) О томъ, какъ происходили диспуты въ духовныхъ училищахъ см. Истор. М. Слав. Грек. Лат. Акад. стр. 184—186, 343—345.

товъ, и очень сильныхъ, и такъ меня ими задавить, что мнѣ нельзя будетъ и дышать. Но слава Богу! изъ битвы оба мы вышли цѣлы; прошло нѣсколько времени,—и прежній миръ между нами восстановленъ, и теперь мы оба живемъ согласно» (м).

До насъ дошли богословскіе тезисы для публичнаго диспута, происходившаго въ троицкой семинаріи въ іюнь 1777 года (н), и въ іюль 1779 года, фило-

(м) Fascicul. litter. 3. pag. 18, 19.

(н) Представляемъ богословскіе тезисы 1777 года. Theses Theologicae, iunctim propositae ad publicas disputationes, ad quas cum summa observantia litterarum favtores invitat seminarium Lavrae s. s. Trinitatis. 1) Тройственное есть чловѣка состояніе: установленія (institutionis), отпаденія и возстановленія. 2) А что чловѣкъ находится въ состояніи *отпаденія* грѣховномъ и весьма бѣдственномъ, то явствуетъ, 3) изъ несходственности чловѣческаго естества съ концами (finibus) своими и Божиимъ закономъ. 4) Изъ сей несходственности чловѣкъ грѣшитъ хотѣніемъ, или нехотѣніемъ, или преступленіемъ, или опущеніемъ; или противъ себя, или противъ другихъ, всегда противъ Бога, 5) Которой, поелику есть Существо пресовершеннѣйшее и праведнѣйшій беззаконій Судія, налагаетъ чловѣку казнь, 6) или лучше сказать, чловѣкъ самъ себя подвергаетъ смерти вѣчной, 7) которая состоитъ въ лишеніи всѣхъ тѣхъ благъ, коими чловѣкъ одаренъ былъ въ состояніи своего *установленія*. 8) Ибо и самой чловѣческой разумъ понимаетъ, что премилосердый Богъ такимъ чловѣка сотворить не могъ, какимъ онъ нынѣ есть. 9) Но что долженъ бы онъ быть праведный, преподобный, Богу подобящійся и долженъ бы онъ съ Богомъ быть соединенъ, а не въ разрывѣ, жить, а не умирать. 10) Ибо сею смертію вѣчно должно погибать. 11) Такимъ образомъ весь чловѣческій родъ погибать долженствовалъ, поелику первый грѣхъ и бѣдствіе есть

софскія 1777 года и богословскія разсужденія и нѣсколько дѣтскихъ разговоровъ, читанныхъ на богословскихъ публичныхъ состязаніяхъ въ разное время въ семинаріи троицкія лавры при ректорѣ Аполлосѣ Байбаковѣ. Изъ сочиненій, читанныхъ на диспутѣ, напечатаны въ 1781 году: 1) о причинахъ, по которымъ люди прежде потопа долго жили (читалъ бого-

---

повсемственное. 12) Но Богъ новымъ твореніемъ умилосердился надъ человѣкомъ; ибо по неописанной Своей къ роду человѣческому любви, 13) премудрыя употребилъ средства, 14) утѣшивъ его новымъ упованіемъ и состояніемъ *возстановленія*. 15) И поелику естественный законъ сдѣлался невольнымъ къ приобрѣтенію истиннаго благополучія, то 16) належаа нужда во откровеніи, 17) коего содержаніе есть Христость, вѣра, наше спасеніе. 18) Сіе откровеніе есть слово Самаго Бога, 19) а., чрезъ непосредственныя Божія явленія, б., чрезъ Моисеевъ законъ написанной, в., чрезъ пророковъ, г., наконецъ чрезъ Самаго Христа людямъ преданное. 20) Слово Божіе открываетъ много намъ того, въ чемъ человѣческой разумъ слѣпотствуетъ, 21) утверждаетъ, что весь міръ, 22) Ангелы, 23) что первой человѣкъ отъ Бога сотворенъ изъ земли, которому Творецъ и душу непосредственно вдохнулъ. 24) И какъ сей первый человѣкъ Адамъ, съ помощницею своею Евою, изъ ребра Адамова произведенною, были по образу Божію сотворены, 25) украшены были дарами естественными и вышеестественными, обладали всѣми вещами, жили въ раю въ наибольшемъ благополучіи. 26) Потомъ будучи прельщены отъ діавола согрѣшили; поелику въ нихъ, подобно какъ въ корень, весь человѣческой родъ, отъ нихъ произойти имущій, содержался, 27) то и весь съ Адамомъ заповѣдь Божію преступилъ, подпадъ вѣчному осужденію. 28) Тожъ самое Божіе слово открываетъ намъ, что Богъ есть единъ существомъ, троиченъ въ

словія студентъ Козма Базилевъ); 2) о разныхъ въ славено-россійской церкви отъ начала ея до нынѣшнихъ временъ знаменитѣйшихъ приключенійхъ; 3) о древнемъ славенскомъ богослуженіи; 4) возраженія и отвѣты о Промыслъ Божиємъ (въ стихахъ); читали студенты богословія Ѳеодоръ Постниковъ и Иванъ Александровскій; 5) *Accessus ad Theologicas disputa-*

лицахъ—Отецъ не рожденный, Сынъ отъ Отца предвѣчно рожденный и Духъ Святой отъ единого Отца происходящій. 29) Открываетъ, что Богъ, хотя избавить (*ad liberandum*) человѣчскій родъ отъ паденія, обѣщалъ едиnorodнаго Сына Своего послать воплотиться, дабы всѣ вѣрующіе въ Него спаслись. 30) Обѣщанный же сей истинный Мессія Христосъ Господь во определенное время пришелъ, принялъ человѣческую плоть. 31) Сей истинный Богъ, 32) въ единомъ лицѣ два имѣеть существа (*naturas*); 33) родившись отъ Маріи Дѣвы безъ Отца, даже до смерти своей былъ 34) въ состояніи истощанія, претерпѣлъ разныя бѣдствія, мученія, поносную самую смерть. Потомъ воскресъ, пріялъ великую область по самому человѣческому естеству. 35) Тройкое исполнивъ, т. е. пророческое, священническое и царское званіе, возвратилъ намъ потерянный образъ Божій и спасеніе. 36) Приобрѣтенное спасеніе, вѣрныя ветхаго и новаго завѣта, 37) которыхъ вѣра по существу одна и та же, получаютъ 38) извѣстнымъ отъ Бога предопределеннымъ порядкомъ. 39) Порядокъ же къ полученію спасенія есть слѣдующій: Богъ грѣшника необращеннаго зоветъ, просвѣщаетъ, оправдаетъ; а изъ сихъ дѣйствій Святаго Духа проистекають и другія, т. е. таинственное чловѣка соединеніе съ Богомъ, отрожденіе, возобновленіе и проч., которыя (дѣйствія) суть 40) всеобщія; поелику сіи благодѣнія всѣмъ отъ Бога предложены, хотя виною людей могутъ быть недействительны. Даруетъ Богъ сіи (благодѣнія) людямъ

tionēs — разговоръ на латинскомъ языкѣ между студентами Никитою Романовскимъ, Василиемъ Заозерскимъ, Андреемъ Сокольскимъ, Яковомъ Полонскимъ, Иваномъ Александровскимъ, Федоромъ Постниковымъ; 6) *Dialogus de Romanorum calendis*—разговоръ, веденный 12-ю студентами, между которыми были: Матвій Десницкій и Стефанъ Глаголевскій; 7) разговоръ о географіи; 8) разговоръ объ ариѳметикѣ; 9) разго-

---

черезъ извѣстныя средства, т. е. посредствомъ таинствъ, 41) которыхъ семь: крещеніе, муропомазаніе, евхаристія, покаяніе, священство, бракъ и елеосвященіе. 42) Сходствуютъ таинства между собою въ разсужденіи причины, различествуютъ въ разсужденіи матеріи, формы и проч. 43) Почему ныня изъ нихъ повторяемыя, ныня неповторяемыя; ныня служатъ къ началію благодати, ныня къ возвращенію оной, ныня ко утверженію и проч. 44) Общей всѣхъ конецъ, дабы сохранять единство церкви. 45) Ибо гдѣ есть истинное поученіе слова Божіяго и неповрежденное исправленіе таинствъ, тамъ истинная познается Церковь, 46) что весьма приличествуетъ церкви греко-россійской, которая сверхъ сихъ признаковъ отъ самыхъ апостольскихъ временъ неврежденною пребываетъ. 47) Многими назидается соборовъ и отцевъ преданіями, которыхъ хотя не сравниваетъ съ Божиимъ словомъ, но великой важности быть ихъ почитаетъ. Ибо 48) введены они или для соблюденія въ церкви порядка и благолѣпія, или въ предосторожность преступленій, или возвращеніе благочестія и проч., дабы симъ способомъ каждый вѣрный жизнь спасительно препроводявъ, предуготовилъ себя 49) къ послѣднимъ непременно быть имѣющимъ, т. е. смерти, воскресенію мертвыхъ, общему суду и жизни вѣчной, 50) которую Богъ даруетъ благодатно тѣмъ, кои въ церкви воинствующей съ вѣрою, надеждою и любовію несли свой крестъ.» (Сборн. М. Д. Академ. N 564.).

воръ, — какой избирать родъ жизни; 10) разговоръ противу повсеместнаго званія Божія и отвѣтъ, читанный ректоромъ Анолосомъ; 11) возраженія на безсмертіе души, предложенныя ректоромъ (Анолосомъ) и отвѣтъ на предъидущее разсужденіе.

Изъ разговоровъ, читанныхъ на диспутъ, предлагаемъ разговоръ о географіи.

РАЗГОВОРЪ

О ГЕОГРАФІИ МЕЖДУ УЧЕНИКАМИ ПУТЕЛЮБОВЫМЪ И
ЛЮБОМУДРОВЫМЪ.

Пут. Г. Любомудровъ! я съ вами намѣренъ поговорить нѣчто о географіи.

Люб. Извольте, любезный товарищъ! Я люблю въ такихъ дѣлахъ упражняться; только не сдѣлаемъ ли мы противъ благопристойности, еслии безъ благословенія на сіе нашего архипастыря начнемъ разговаривать объ оной матеріи?

Пут. Конечно: отеческая любовь къ учащемуся юношеству его высокопреосвященства дозволить намъ вступить въ разговоръ; а великодушное его снисхожденіе извинитъ наши недостатки.

Люб. Я думаю, что хотя свѣдѣніе и упражненіе въ прочихъ наукахъ увеселяетъ насъ и пользуетъ, однако гораздо веселье, полезнѣе, да еще и нужнѣе знать географію.

Пут. А почему вы такъ объ ней разсуждаете?

Люб. Не весело ли и не полезно ли знать, гдѣ какія земли, сколь плодоносны, чѣмъ изобильны, каковъ въ нихъ воздухъ; гдѣ какія моря, озера, рѣки;

какія гдѣ острова, мели, каменныя горы? А когда странствуемъ по землѣ, то не нужно ли знать, гдѣ какіе народы, какихъ нравовъ, къ чему склонны и пр.

Пут. Довольно! довольно! Г. Любомудровъ, кажется, что географія никогда у васъ не оставалась въ лѣвъ, какъ сказываютъ объ одномъ дворянинѣ, который путешествовалъ чрезъ всю почти Европу и, возвратясь въ свое отечество многіе рассказывалъ повѣсти о своемъ странствованіи: но при случаѣ, на сказанныя ему сіи слова: видно вы не худо знаете те-перь географію, отвѣчалъ, что она у меня осталась въ лѣвъ.

Люб. Пожалуйте, не клоните это ко мнѣ, ибо я никогда не странствовалъ.

Пут. Никакъ, г. Любомудровъ! я довольно увѣренъ о вашемъ знаніи; и надѣюсь, что вы скажете теперь, на сколько частей раздѣляется Европа.

Люб. Она раздѣляется на шестнадцать земель или державъ вообще, изъ которыхъ три называются монархіями.

Пут. Пожалуйте, именуйте мнѣ оныя по порядку.

Люб. 1) Португаллія, 2) Испанія, 3) Франція, 4) Германія, 5) Швейцарія, 6) Италія, составленная изъ многихъ самодержавствъ, 7) Нидерланды, 8) Великобританія, 9) Данія, 10) Норвегія, 11) Швеція, 12) Россія, 13) Пруссія, 14) Польша, 15) Венгрія, 16) Турція.

Пут. Изрядно, г. Любомудровъ! Пожалуйте, покажите ихъ мнѣ на глобусъ.

Люб. Я въ удовольствіе ваше сіе сдѣлаю: видите ли, вотъ Португаллія! вотъ Испанія! вотъ Франція, и проч.

Пут. Покажите, пожалуйста, какіе въ сосѣдственныхъ съ нашею имперіею державахъ столичные города, т. е. въ Даніи, въ Швеціи, въ Пруссіи, въ Польшѣ, въ Венгріи, и покажите мнѣ ихъ на глобусѣ.

Люб. Въ Даніи столичный городъ Копенгагенъ, и вотъ онъ на глобусѣ; въ Швеціи Стокгольмъ; извольте видѣть, вотъ онъ! въ Пруссіи Берлинъ, и вотъ онъ! въ Польшѣ Краковъ, видите ли его? а въ Венгріи Презбургъ, и вотъ онъ!

Пут. Вы не худо отвѣчаете на мои вопросы, однако не знаю, какъ удовольствуете меня въ послѣднемъ: скажите мнѣ, какой теперь часъ въ Лиссабонѣ?

Люб. А здѣсь который часъ теперь?

Пут. Думаю двѣнадцатой.

Люб. Изрядно, извольте видѣть; смотрите же теперь на часовой кругъ, и скажите мнѣ, на какомъ часу остановится часовая стрѣлка.

Пут. На половинъ девятаго.

Люб. Ну, такъ извольте знать, что въ Лиссабонѣ идетъ теперь девятой часъ. Дозвольте же, и я васъ теперь спрошу, г. Путелюбовъ, рѣшите мнѣ нѣкоторые вопросы.

Пут. Я вашъ слуга, г. Любомудровъ!

Люб. Вы меня одолжите, еслии скажете, кто наши антиподы?

Пут. Это не трудно, только я намѣренъ вамъ сказать въ предосторожность, дабы вы во время сего дѣйствія стояли на ногахъ какъ можно крѣпче: ибо когда я стану ворочать землю, а вмѣстѣ и вы, какъ житель ея, будете описывать кругъ, то опасно, дабы вамъ не очутиться головою въ надиръ.

Люб. Переставьте шутить, г. Путелюбовъ, я крайне желаю видѣть, что вы будете дѣлать съ глобусомъ.

Пут. Сей же часъ удовольствую ваше желаніе: извольте смотреть, видите ли, что Москва никакихъ не имѣетъ антиподовъ, ибо земля противу ей лежащая есть необитаема.

Люб. Очень изрядно; я вамъ еще предложу вопросъ: скажите пожалуйста, сколько зонъ или поясовъ въ свѣтъ?

Пут. Оныхъ считается пять, а именно: одинъ жаркой, заключающій въ себѣ пространство отъ южнаго тропика до тропика сѣвернаго; два умѣренныхъ, простирающихся отъ тропиковъ до круговъ полярныхъ, и два студеньихъ, кои простираются отъ полярныхъ круговъ до полюсовъ, т. е. сѣверной до полюса арктическаго, а южной до полюса антарктическаго.

Люб. Скажите же, въ какомъ поясѣ лежитъ Россія и какія имѣетъ границы?

Пут. Она находится въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, граничитъ же съ Швеціею, Польшею, Турціею, Татаріею и съ многими морями.

Люб. По этому она очень пространна?

Пут. Россія отъ запада къ востоку имѣетъ въ самомъ дальнемъ разстояніи болѣе 17500, а отъ сѣвера къ югу до 3500 верстъ.

Люб. Подъ какимъ же градусомъ лежитъ наша лавра?

Пут. Она находится подъ 56-мъ: показаль бы я вамъ ея на глобусъ, но на семь глобусъ нѣтъ: ибо онъ старъ. Часъ въ ней теперь второй, жители Ра-

донецкіе кушаютъ рано, а студентамъ послѣдовать имъ не должно; ибо ихъ дѣло мыслить о пищѣ духовной, т. е. о ученіи; я желаю вамъ довольно насыщаться сею пищею наипаче при семъ случаѣ.

Люб. Ну, такъ и я вамъ тогожъ желаю.

Пут. Сію духовную пищу подаетъ намъ нашъ благодѣтель, предъ которымъ счастье имѣемъ говорить; употребимъ его даръ въ нашу пользу, и чувствительную благодарность нашу окажемъ нашими въ наукахъ успѣхами.»

Диспуты въ троицкой семинаріи заключались хорovýmъ пѣніемъ и музыкою, послѣ чего начиналась вакація.

Отпусковъ на каникулярные дни было обыкновенно четыре: на лѣтнюю вакацію, на праздникъ Рождества Христова съ 20 декабря до 8 января, на сырную и первую недѣлю поста, на страстную седмицу и недѣлю пасхи; а въ началъ текущаго столѣтія ученики, имѣвшіе отцевъ или родственниковъ не въ дальнемъ разстояніи отъ лавры, увольняемы были и на троицкую недѣлю. Предъ всякимъ отпускомъ начальство семинаріи входило съ представленіемъ къ Платону, прося разрѣшенія на увольненіе учениковъ отъ ученія. По полученіи разрѣшенія, въ разные концы расходились большіе и малые семинаристы, веселыми кантами воспѣвая свою свободу. Послѣ долгой разлуки ждала ихъ дома родная семья, ждалъ ихъ чистый сельскій воздухъ, ждали ихъ лѣтомъ здоровья для тѣла полевыхъ работы. Домъ такъ крѣпко привязывалъ къ себѣ ребенка, что трудно ему было разстаться съ привольемъ, съ свободою жизни, и нерѣдко от-

кладывалъ онъ возвращеніе въ школу. Но начальство, отпуская учениковъ на вакацію, снабжало ихъ внушеніями, какъ вести себя, и строго требовало возвращенія ихъ къ назначенному сроку. Въ 1777 году префектъ Амвросій, на основаніи словеснаго приказанія Платона, предъ отпускомъ на вакацію, предписалъ семинаристамъ, чтобъ они «въ домѣхъ отцевъ своихъ вели вакацію честно и добропорядочно, и казенное платье носили со всякою бережливостію, а по прошествіи вакаціального времени явились сентября къ 1 числу неотмѣнно; а ежели увѣдано будетъ, что, во время бытія своего въ домъ, кто поступалъ непристойнымъ образомъ, или окажется, что учинилъ казенному платью небреженіемъ своимъ трату, также если на срочное число не явится, то за все штрафованы быть имѣють неупустительно, а за поврежденіе платья взыскано будетъ съ отцевъ ихъ или держателей штрафа по рублю» (°). Въ исполненіе сего предписанія всѣ ученики давали подписку; но какъ было уберечься отъ соблазна—продлить золотые дни свободы? Нѣкоторые придумывали ложь для спасенія отъ наказанія, объявляли себя больными и увѣдомляли о томъ семинарію. Горе, если ложь обнаруживалась,—виновному пощады не было. Послѣ святокъ въ генварь 1785 года, ученикъ синтаксиса Василій Подобьдовъ, сынъ священника изъ села Маврина, не явился въ семинарію. По донесеніи о семъ, Платонъ приказалъ отца и его сына вызвать въ Радонежское духовное правленіе и допросить. Отецъ показалъ, что

(°) Арх. Тр. Сем. 1777 г. N. 5.

сынъ его былъ боленъ горячкою и еще не совсѣмъ поправился. Священникъ присовокупилъ, что онъ самъ два раза докладывалъ префекту о болѣзни сына; но префектъ далъ отвѣтъ, что священникъ ни разу о томъ ему не говорилъ. Тогда Платонъ далъ резолюцію: «выключить сына изъ семинаріи, а попу за ложь велѣть положить 100 поклоновъ земныхъ подъ присмотромъ префекта» (п). Относительно невозвратившихся въ срокъ послѣ каникулъ, Платонъ въ 1798 году приказалъ: «которые на срокъ не явились день, тѣхъ лишать содержанія три дни, кои два дни,—тѣхъ шесть дней, кои три дни,—тѣхъ десять дней, кои болѣе трехъ дней,—тѣхъ изъ содержанія исключать и извиненія болѣзни не принимать.» Резолюціею 5 марта 1802 года эта строгость усилена: «казеннокоштныхъ за одинъ день просрочиванія отсылать на свой коштъ на недѣлю, за два дни на двѣ недѣли, а просрочившихъ три дни и болѣе лишать совершенно кошта. Если же таковыя будутъ своекоштные, то изъ нихъ малолѣтнимъ и благонадежнымъ, по строгому экзаменѣ, дозволять обучаться въ тѣхъ классахъ, которыхъ они достойны, а малонадежныхъ и взрослыхъ, въ то же время, какъ явятся, отсылать для пріисканія мѣсть, при сообщеніи, въ свою консисторію.» Въ июнь того же года Платонъ къ сему опредѣленію присовокупилъ: «а ежели кто мѣсяць не явится, о тѣхъ представлять къ выключкѣ.»

Сроки отпусковъ на первую и послѣднюю седмицу четырехдесятницы, прежде, со включеніемъ сырной

(п) Дѣл. 1785 г N. 7.

недѣли и пасхи, бывшіе двухнедѣльными, Платонъ сократилъ, приказавъ въ тотъ и другой разъ ученикамъ говѣть въ лаврѣ. Въ первый разъ это было въ 1789 году. Начальство семинаріи, на основаніи прежнихъ лѣтъ, испрашивало у Платона дозволенія отпустить учениковъ на сырную и первую недѣлю поста (съ 10 по 25 февраля), прописывая въ представленіи, что «въ годовомъ росписаніи, на оныя недѣли хлѣбные и другіе припасы не положены»; Платонъ далъ резолюцію: «отпустить съ 9 по 22 февраля, чтобы въ лаврѣ говѣть и 25 дня въ воскресенье святыхъ таинъ причаститься.» Такое же распоряженіе сдѣлано и относительно отпуска на страстную недѣлю. Это обратилось съ того времени въ законъ, а вскорѣ дано приказаніе, чтобы ученики собирались послѣ сырной недѣли къ понедѣльнику первой недѣли поста. Въ 1800 году на первой недѣлѣ Платонъ приказалъ быть ученію, и писалъ въ резолюціи: «завтра (23 февраля) поутру и послѣ обѣда быть ученію: да и впредь на первой недѣлѣ, въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвертокъ быть ученію и по утру и послѣ обѣда. Когда же учиться, какъ не въ постъ? И какъ постятся въ праздниости быть? И сіе хранить всегда незабвенно.»

Въ 1812 году, по случаю нашествія французовъ, вакація въ троицкой семинаріи продолжена до ноября, и потому курсъ ученія продолженъ еще на годъ. Въ 1814 году начальство семинаріи представляло архиепископу Августину объ отпускѣ учениковъ на вакацію, и получило резолюцію: «распустить.» Ректоръ Евгеній отмѣтилъ, что ученики распускаются до 1-го сентября. Собрались ученики послѣ вакаціи, но въ

стѣнахъ своей семинаріи не нашли пріюта: тамъ устроилась академія.

Изъ обзора внутренняго устройства троицкой семинаріи можно видѣть, что она по справедливости могла считаться однимъ изъ первыхъ духовноучебныхъ заведеній. На такую степень совершенства, по которому она стояла иногда выше московской академіи, возвелъ ее Платонъ, какъ признавались въ томъ его современники. О цвѣтущемъ состояніи семинаріи есть нѣсколько свидѣтельствъ, которыя при семъ представляемъ.

Щедроты императрицъ: Елисаветы и Екатерины II, императоровъ Павла и Александра I къ семинаріи троицкой, обнаружившіяся и въ неоднократномъ милостивомъ посѣщеніи семинаріи и въ дарованіи средствъ къ содержанію семинаріи и частныхъ наградъ наставникамъ и ученикамъ, свидѣтельствуютъ самымъ дѣломъ, что семинарія заслуживала ихъ высокаго вниманія. Императоръ Павелъ, который такъ радушно относился къ семинаріи, что «семинаристовъ цѣловаль» (р), далъ такой отзывъ о семинаріи; «полезные успѣхи преподаваемаго въ семинаріи троицкія лавры ученія Мы сами видѣли» (с).

Митрополитъ Платонъ по случаю пожертвованія собственныхъ денегъ на улучшеніе содержанія семинаріи, въ 1796 году писалъ ректору Августину: «по усердію моему къ наукамъ, а паче къ здѣшнему училищу, своими успѣхами и добрымъ настроеніемъ меня

(р) Автобіогр. Платона.

(с) Указъ объ учрежденіи Виѣнскаго монастыря и при немъ семинаріи 1-го мая 1797 г.

къ тому побуждающему, еще взношу 6000 рублей. Довольное будетъ за то для меня воздаяніе, ежели какъ нынѣ, такъ и впредь, училище здѣшнее процвѣтать будетъ желаемыми успѣхами въ пользу святѣя Церкви» (т). Еще съ большею силою и откровенностію высказывалъ Платонъ взглядъ свой на семинарію, когда благодарилъ наставниковъ и воспитанниковъ за ихъ привѣтствія, о чемъ говорено было выше.

Дамаскинъ, епископъ костромскій, въ 1763 году писалъ къ троицкому архимандриту Лаврентію: «Епархія моей въ семинарію новозаведенную потребны весьма способные къ ученію люди. А въ троицкой лаврѣ, какъ не безъизвѣстно, семинарія предъ прочими новозаведенными епаршескими часъ отъ часу процвѣтаетъ и въ недостаткъ потребными людьми не токмъ новозаведенныя, но которыя изъ давнихъ временъ учреждены, семинаріи снабждаетъ, и тѣ оными въ честь и славу имени Божія и церкви святой пользуются» (у).

Иннокентій, архіепископъ псковскій, въ 1788 году, препровождая троихъ учениковъ изъ своей семинаріи въ лаврскую, писалъ Платону: «я и епархія моя почитать себя должны обязанными благодарностію вашему преосвященству на всегда, что отъ особливаго вашего усердія о насажденіи, возвращеніи и утвержденіи полезнѣйшихъ наукъ взаимствуемъ истинную пользу.» Въ 1792 году онъ же писалъ Платону «плоды ученія въ семинаріи вашего преосвященства

(т) Дѣла 1796 г. N. 3.

(у) Письмо при дѣлахъ Арх. Тр. Сем. 1763 г.

отвѣтны, что для семинаріи моеи весьма нужно, какъ первые и лучшіе выходятъ отъ того у меня учителя» (ф).

Амвросій, епископъ крутицкій, въ 1784 году, писалъ Платону: «крутицкой семинаріи студентъ, обучающійся въ московской академіи философіи, Кодратъ Орловъ усматривается мною къ наукамъ способнымъ. А чтобъ онъ въ оныхъ, и въ языкахъ, и въ благоправіи бѣльшіе оказалъ успѣхи, желательно мнѣ, чтобъ ему обучаться въ троицкой семинаріи» (х).

Ректоръ костромской семинаріи архимандритъ Евгеній, посылая двухъ учениковъ изъ своей семинаріи въ троицкую, въ 1799 году писалъ ректору Августину: «и костромская семинарія имѣетъ отсель щастіе заимствовать образованіе отъ лаврской семинаріи, по печенію вашему вѣрной. Съ восхищеніемъ спѣшимъ къ чистому и изобильному источнику, всюду разливающему свѣтъ ученія» (ц).

«Графъ В. Г. Орловъ, директоръ академіи наукъ (писалъ Платонъ въ 1767 году въ лавру ректору и префекту), имѣя лучшее о нашей семинаріи противъ другихъ мнѣніе, требуетъ учениковъ (въ академію наукъ) болѣе, нежели изъ другихъ училищъ» (ч).

Александровской десятины, села малаго Алексина священникъ Алексѣй Смирновъ (отецъ Меѳодія, архіепископа тверскаго), въ просьбѣ къ Платону о принятіи дѣтей его Івкиты и Степана въ семинарію въ 1772 году между прочимъ писалъ: «молитвами угод-

(ф) Дѣла 1790 г. N. 46. 1792 г. N. 10.

(х) Дѣл. 1784 г. N. 2.

(ц) Дѣл. 1799 г. N. 19.

(ч) Дѣл. 1767 г. N. 31.

ника Божія чудотворца Сергія, подъ архипастырскимъ вашего преосвященства покровительствомъ, троицкая семинарія красно цвѣтетъ и обильные плоды приноситъ. Цвѣтетъ она славою наукъ съ немалымъ преимуществомъ отъ прочихъ и знатнѣйшихъ училищъ, а плоды приноситъ пользою трудовъ не только церкви святой, но и отечеству въ сладость. Сіе не требуетъ доказательствъ; ближніе и дальніе, уже многія страны вѣдаютъ, и видятъ, и чувствовать стали, и для того всѣ окрестныя духовнаго чина стѣмляются съ охотою, яко къ доброму пристанищу, или добродѣтелей питомству, сей св. лавры семинарії дѣтей своихъ ввѣрить» (ш).

Карамзинъ въ описаніи своего путешествія въ лавру въ 1802 году писалъ: «Троицкая семинарія есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ французскому и пѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильйона. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ монаховъ говорили со мною по французски, а важные учителя вмѣшивали въ свой

(ш) Дѣл. 1772 г. N 31, листъ 17. На просьбѣ резолюція Платона: „если по сношенію съ Переславскою консисторією къ принятію ихъ сумнѣнія не окажется, принять, и въ разсужденіи отца ихъ, который видится быть учившимся, на казенной коштѣ.“ Въ 1774 году, когда тотъ же священникъ просилъ принять въ семинарію еще двоихъ своихъ дѣтей: Михаила (послѣ Меводій) и Гавріила, Платонъ написалъ на прошеніи „въ разсужденіи родительскаго о дѣтяхъ попеченія и его жъ родителя науками снисканнаго просвѣщенія, дѣтей его на казенное содержаніе по надлежащему принять.“

разговоръ французскія фразы. Они доказывали мнѣ, что ученость привѣтлива: ходили со мною и все показывали съ видомъ искренней услужливости. Наука даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи» (ш).

Проректоръ геттингенскаго университета, Георгъ Бёмеръ, въ надгробной рѣчи студенту троицкой семинаріи Александру Смирнову, посланному для образованія въ Геттингенъ и тамъ скончавшемуся въ 1770 году, отзывъ своего даровитаго питомца о троицкой семинаріи передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Смирновъ въ ранніе годы поступилъ въ знаменитую (illustre) семинарію троицкаго монастыря. Велика слава и знаменитость этой семинаріи. Основаніемъ своимъ она обязана благочестивѣйшей императрицѣ Елисаветѣ; по ея щедротамъ и милости она снабжена всѣмъ, что можетъ способствовать воспитанію и образованію юношей, и что сообщило достоинство разсаднику наукъ, снабдила ее и отличными средствами содержанія и учебными пособіями. И въ императрицѣ Екатеринѣ не было недостатка въ любви и вниманіи къ этому училищу. Она два раза уже удостоила семинарію своего посѣщенія, занималась частными разговорами съ тамошними учеными мужами и присутствовала при публичныхъ диспутахъ, устроенныхъ по ея приказанію. Сколько она сочувствовала ходу общественнаго образованія и занятіямъ ученыхъ, это доказала она не только изъявленіемъ благоволенія, но и рѣдкимъ примѣромъ щедротъ. Ибо въ первый разъ подарила учителямъ и ученикамъ 1000 рублей, а потомъ,

когда по возвращеніи изъ Казани была во второй разъ въ монастырь и въ семинаріи, на память своего пребыванія оставила подобный даръ и присоединила другіе залогі своего вниманія къ чести и достоинству семинаріи. По замѣчательному стеченію обстоятельствъ было много и другихъ причинъ къ возрастанію и процвѣтанію семинаріи. Со времени самаго ея основанія протекторами въ ней и кураторами были лица, извѣстныя по образованію и заслугамъ, которые потому пользовались большою милостію и авторитетомъ при русскомъ дворѣ; ихъ мудростію и величайшею заботливостію о пользахъ отечества и науки тщательно предусмотрѣны и изысканы все средства, — ввести въ семинарію самыя лучшія учрежденія и снабдить ее образованными наставниками: между прочимъ тамъ есть прекрасное обыкновеніе: если сдѣлается извѣстнымъ, или по слухамъ или по развѣдыванію, что въ такой-то части русской имперіи, или въ такомъ-то мѣстѣ есть мальчикъ съ отличными дарованіями, то начальство тотчасъ употребляетъ стараніе привлечь его для ученія въ свою семинарію. Славу Сергіевской семинаріи умножилъ болѣе всехъ Платонъ, который прежде былъ ректоромъ и намѣстникомъ, а теперь состоитъ архимандритомъ монастыря и управляетъ семинаріею, какъ попечитель (procurator). Этотъ мужъ съ блестящими дарованіями, образованіемъ и краснорьчіемъ, извѣстный и за границею своимъ сокращеннымъ богословіемъ и поучительными словами, которые доставили ему въ Россіи имя Златоуста, законоучитель наслѣдника престола, употребилъ все свое вліяніе и значеніе при дворѣ, чтобъ возвысить семинарію. За хорошее жалованье пригласилъ онъ туда людей

образованныхъ, которые бы посвятили себя обученію юношества; если онъ замѣчалъ гдѣ-либо отличнаго наставника въ области наукъ или языковъ, онъ привлекалъ его въ семинарію и тщательно заботился о всемъ, что бы можно было сдѣлать для большаго благосостоянія и славы училища. И библіотеку, которая и прежде прекрасно была устроена, онъ обогатилъ приобрѣтеніемъ новыхъ книгъ (ъ).

(ъ) Надгробная рѣчь студ. А. Смирнову на латинскомъ языкѣ, напечат. Gottingae, 1770 г.—Сборн. Библіот. М. Д. Акад. N 565.

ИЗВѢЩЕНІЕ

о суммахъ, пожертвованныхъ разными лицами на стипендію въ память профессоровъ Московской Духовной Академіи, протоіереевъ **Θ. А. Голубинскаго** и **П. С. Делицына** и вмѣстѣ на устроеніе могильнаго памятника послѣднему

(по 15-е Іюля 1864 года).

Отъ ректора М. Академіи, протоіерея **А. Горскаго** 50 р., инспектора архим. **Михаила** 25 р., наставниковъ академіи: священн. **Филарета Сергіевскаго** 15 р., **Петра Казанскаго** 10 р., **С. Смирнова** 10 р., **А. Лаврова** 10 р., **Д. Голубинскаго** 10 р., **Н. Соколова** 10 р., **В. Кудрявцева** 6 р., **Е. Голубинскаго** 5 р., **В. Потапова** 5 р., **Павла Горскаго** 5 р., іером. **Іоанна** 5 р., **Петра Хупотскаго** 5 р., **Е. Амфитеатрова** 3 р., ректора московской семинаріи архимандрита **Игнатія** 30 р., инспектора той же семинаріи, соборн. іером. **Григорія** 5 р., профессоръ: протоіерея **Е. Алексинскаго** 5 р., священн. **С. Владимірскаго** 5 р., священн. **Н. Малиновскаго** 3 р., священн. **А. Некрасова** 3 р., священн. **В. Покровскаго** 3 р., священн. **Н. Благоразумова** 3 р., священн. **В. Страхова** 3 р., **С. Писарева** 3 р., **А. Кедрскаго**

II

3 р., И. Бяляева 5 р., И. Любимова 3 р., А. Цветкова 3 р., Е. Шаврова 3 р., Скворцева 2 р., Т. Протасова 3 р., свящ. И. Некрасова 3 р., Кап. Невоструева 5 р., отъ наставниковъ виѳанской семинаріи 49 р., ректоровъ и смотрителей училищъ: Андроніевскаго прот. В. Сахарова 10 р., Коломенскихъ прот. П. Волхонскаго 10 р., Перервинскихъ іером. Антонія 3 р., Донскихъ іером. Саввы 3 р., Заиконоспасскихъ іером. Діонисія 10 р., Симонова монастыря архим. Порфирія 15 р., Знаменскаго монастыря архим. Сергія 3 р.; протоіереевъ и священниковъ г. Москвы: протоіерея архангельскаго кафедральнаго собора П. Евд. Покровскаго 50 р., отъ него же государственный банковый 5% билетъ въ 1000 р., С. Г. Терновскаго 15 р., А. Невоструева 10 р., А. Воскресенскаго 10 р., А. Ключарева 10 р., П. Капустина 7 р., Н. Надеждина 5 р., П. Терновскаго 5 р., І. Рождественскаго 5 р., П. Беневоленскаго 5 р., А. Евѣимовскаго 5 р., А. Кандорскаго 5 р., А. Нечаева 5 р., П. Лишидевскаго 3 р., А. Никольскаго 3 р., Н. Руднева 3 р., В. Назоревскаго 3 р., А. Ильинскаго 15 р., В. Сперанскаго 10 р., Ѳ. Флоринскаго 10 р., И. Куняева 10 р., К. Озерова 10 р., А. Ансерова 5 р., В. Левитскаго 5 р., М. Боголюбскаго 5 р., И. Богословскаго 5 р., В. Романовскаго 5 р., Н. Доброва 50 р., Д. Разумовскаго 5 р., А. Терновскаго 5 р., А. Иванцова 5 р., С. Вишнякова 5 р., І. Орлинскаго 5 р., В. П. Нечаева 5 р., Ст. Зернова 5 р., Ѳ. Попова 5 р., М. Салмина 3 р., С. Н. Терновскаго 3 р., П. Приклонскаго 3 р., П. Космина 3 р., В. Виноградскаго 3 р., П. Касицына 3 р., Р. Ржанцына 3 р., Н. Свѣтовидова 3 р., Н. Протопопова 3 р., П. Миролубова 3 р., А. Соко-

III

лова 3 р., А. Невскаго 3 р., А. Смирнова 3 р., Н. Минервина 3 р., М. Никольскаго 3 р., А. Соколова 3 р., І. Ансерова 3 р., Г. Быстрицкаго 3 р., И. Вениаминова 5 р., П. Казанскаго 3 р., Г. Смирнова-Платонова 3 р., М. Лебедева 3 р., М. Сабурова 3 р., В. Рождественскаго 3 р., І. Маргаритова 3 р., М. Поспѣлова 3 р., А. Ненарокомова 3 р., І. Головина 3 р., А. Милованова 3 р., П. Смирнова 3 р., Д. Языкова 2 р., П. Богословскаго 2 р., діакона В. Серапіонскаго 2 р., Клинскаго протоіерея С. Модестова 3 р., инспектора синодальныхъ пѣвчихъ И. Бердникова 3 р. *Изъ Казани:* Архим. Іоанна 5 р., проф. Н. Соколова 8 р., проф. Д. Гусева 10 р., іером. Хрисанѳа 5 р., М. Красина 5 р., А. Гренкова 3 р., прот. Викт. Вишневскаго 25 р., прот. Д. Горскаго 5 р., прот. Флегонта Талантова 5 р., прот. Андрея Іорданскаго 6 р., Гордія Саблукова 5 р., И. Остроумова 5 р., Г. Танаевскаго 3 р., свящ. С. Адоратскаго 15 р. Отъ наставниковъ *киевской* академіи: А. Воронова и Ф. Терновскаго и семинаріи: Пономарева и Розанова 12 р. *Изъ Тулы:* проф. семинаріи В. Троицкаго 1 р., И. Покровскаго 1 р. *Изъ Калуги:* кафедр. прот. М. Потемкина 5 р., прот. Л. Зайцева 3 р., прот. А. Рождественскаго 2 р., прот. Н. Смирнова 3 р., свящ. Д. Рождественскаго 3 р., свящ. В. Амфітеатрова 3 р., свящ. І. Любимова 4 р., свящ. Якова Извѣкова 2 р., прот. Г. Лужецкаго 1 р., свящ. А. Маркова 1 р., В. Волкова 3 р., Ѳ. Покровскаго 2 р., В. Смирнова 3 р., В. Холминскаго 1 р., П. Богословскаго 1 р., М. Невскаго 1 р., А. Воронцева 10 р. *Изъ Козельска:* свящ. Т. Красноцвѣтова 1 р., прот. Вас. Сахарова 1 р. *Изъ Боровска:* прот. Е. Черткова 3 р., свящ. Д. Воскресенскаго 2 р. *Изъ*

IV

Мещовска: А. Смирнова 2 р. *Изъ Ярославля*: священн. Л. Ильинскаго 10 р., прот. І. Троицкаго 10 р., священн. А. Розова 1 р., іером. Геласія 1 р., І. Ш. 1 р., священн. Н. Барскаго 3 р., Н. Лаврова 3 р., А. Лаврова 2 р., А. Тор. 1 р., А. Яновскаго 1 р., Н. Калининкова 1 р. *Изъ Варшавы*: прот. А. Метаніева 10 р. *Изъ Вятки*: прот. В. Катаева 20 р. *Изъ Рязани*: прот. Сладкопѣвцева 6 р. *Изъ Кронштадта*: священн. А. Лебедева 5 р. — Итого по 15-е іюля 1864 года пожертвовано: *двѣ тысячи сорокъ четыре рубля серебромъ.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ

ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ

въ 1864—65 году.

—

Журналъ *Воскресное Чтеніе*, издаваемый при Кіевской Духовной Академіи, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ своемъ (XXVIII) году, который начинается *днемъ св. Пасхи*. Поставляя свою задачу содѣйствовать христіанско-нравственному образованію русскаго общества, по духу православной церкви, редакція удерживаетъ въ основѣ то направленіе, какое усвоено журналу его основателями. Не выставляя здѣсь общихъ чертъ программы его, довольно извѣстныхъ любителямъ христіанско-назидательнаго чтенія, редакція считаетъ долгомъ точнѣе обозначить тѣ *особенныя* стороны, съ какихъ будетъ развиваться въ немъ поставленная общая задача, и тотъ *особенный* характеръ, какой приметъ это развитіе. Такимъ образомъ, въ ряду статей назидательнаго свойства и общаго, христіанско-образовательнаго содержанія, служащихъ къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія православной церкви и т. д., редакція дастъ, между прочимъ, видное мѣсто *очеркамъ изъ жизни христіанской церкви, особенно христіанскихъ пастырей, святителей и священниковъ древней церкви общей и русской*.

Важнѣйшая же особенность въ развитіи общей задачи журнала будетъ съ наступающаго года состоять *въ приспособленіи журнала къ современнымъ потребностямъ народнаго образованія*. Съ этою цѣлю редакція на страницахъ его помѣститъ *рядъ статей, назначенныхъ собственно для народа и народныхъ школъ*.

Кромѣ *поученій и бесѣдъ*, раскрывающихъ приспособительно къ пониманію народа предметы вѣры, мысли и жизни христіанина, статьи этого рода представятъ *последовательный рядъ чтеній и разсказовъ изъ исторіи библейской, общей церковной и руской*. Въ статьяхъ этихъ, характеръ которыхъ определяется для редакціи жизненностію и цѣльностію содержанія, простотою и ясностію изложенія, редакція имѣетъ въ виду дать готовое, общепригодное чтеніе для народа и готовое пособіе, руководство для народныхъ учителей. Редакція въ настоящую пору думаетъ, что дѣло это представляетъ одну изъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей. При удовлетвореніи этой потребности, редакція будетъ руководствоваться тѣмъ взглядомъ на характеръ христіанско-народной педагогіи, какой отчасти высказанъ ею и будетъ, по временамъ, разъясняемъ въ особенныхъ статьяхъ по этому предмету.

Редакція Воскреснаго Чтенія приметъ съ благодарностію статьи, присылаемыя со стороны для помѣщенія въ ея журналѣ и почтетъ долгомъ удовлетворить за оныя авторамъ ихъ матеріальнымъ вознагражденіемъ, если они того пожелаютъ, по роду и достоинству статей.

Журналъ по прежнему будетъ выходить съ праздника св. *Пасхи*, еженедѣльно, нумерами, *отъ 1 до 2 листовъ каждый*.

Имѣя въ виду назначеніе журнала, въ его народнопедагогическихъ статьяхъ, для церковноприходскихъ школъ и ихъ учителей, редакція находитъ нужнымъ уменьшить цѣну своего изданія. Цѣна за годовое изданіе *Воскреснаго Чтенія*, безъ пересылки и доставки, *ТРИ руб. сер.*; съ пересылкою во всѣ города и доставкой на домъ въ *Кіевъ ЧЕТЫРЕ (вмѣсто прежнихъ 5 р. 50 к.)*.

Подписка на полученіе *Воскреснаго Чтенія* принимается въ Редакціи его при *Кіевской Духовной Академіи*, въ Правленіяхъ всѣхъ *Духовныхъ Семинарій*, въ *Духовныхъ Училищахъ*, и въ *С.-Петербургѣ* у книгопродавца *Н. П. Кораблева*.

Въ Редакціи *Воскреснаго Чтенія* можно получать полныя экземпляры этого журнала и за прежніе годы: I (1737—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), VIII (44—45), IX (45—46), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XIV (50—51), XV (51—52), XVI (52—53), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62), XXVI (1862—63), и XXVII (1863—64). Цѣна за экземпляръ каждаго года (*кромя послѣдняяго XXVII*), съ перес. *три рубля серебромъ*.

Цѣна XXVII г. 4. р. съ пер.

Выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ платятъ по 2 руб. 50 коп. за экземпляръ, 25 руб. за 10 экземпляровъ, съ перес. Выписывающіе за всѣ слѣдующіе годы (I—II, IV—XII, XIV—XXVII) платятъ 55 руб. съ перес. и въ томъ и другомъ случаѣ безмездно получаютъ *Указатель статей содержащихся въ 25-ти годахъ Воскреснаго Чтенія*. При чемъ редакцію допускается разсрочка въ полученіи денегъ, не далѣе впрочемъ одного года.

Выписывающіе *Указатель* отдѣльно платятъ 50 к. безъ пересылки.

Подписавшіеся до полученія сего объявленія на *Воскресное Чтеніе XXVIII* года и выславшіе болѣе 4 р., излишекъ считаютъ за редакцію и могутъ располагать имъ по своему усмотрѣнію.

Въ тойже же редакціи можно получать *Труды Кіевской Духовной Академіи* за 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годъ. Цѣна за первый 4 рубля, за второй, третій, четвертый и пятый по 6 руб. съ пересылкою.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДОЛЖЕНИИ ЖУРНАЛА:

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ,

въ слѣдующемъ 18⁶⁴/₆₈ году.

—

Есть органы, которые плавно и безмятежно катятся по извѣстнымъ четыремъ, или пяти своимъ рельсамъ—рубрикамъ; есть литературные дѣятели, которые невозмутимо глядятъ на мелькающую предъ ними жизнь, не прерываютъ своего кейфа при всевозможныхъ диссонансахъ явленій этой жизни, нормъ бытія. Не такова участь „Вѣстника юго-западной и западной Россіи“ и его дѣятелей! На долю ихъ выпала битва со всѣмъ и всѣми, что и кто рознить нормъ русской вѣры и народности, святости и неприкосновенности первой, цѣлости и счастію послѣдней.

Эта, вызванная обстоятельствами, исключительность направленія „Вѣстника“, невольно отразилась и на тѣхъ его отдѣлахъ, которые предназначены были не для полемики, но которые дали ей пищу, или основаніе. Къ такому преобладанію въ „Вѣстникѣ“ элемента полемическаго послужило накопленіе враговъ его, или точнѣе—антагонистовъ нормальнаго бытія дорогой для насъ Россіи и православія. Почти вмѣстѣ съ врагами внѣшними, взявшимися за ножи и револьверы, начали смущать разными нелѣпыми теоріями и затѣями спокойствіе южно-русскаго края и враги домашніе; нужно было подорвать

VIII

ихъ лжеученіе, разрушить ихъ замыслы. „Вѣстникъ,“ скажемъ безъ самохвальства, добросовѣстно исполнилъ и эту миссію и не оставилъ безъ преслѣдованія этихъ новыхъ Герценовъ даже и тогда, когда они думали было укрыться въ Галиціи и оттуда пускать стрѣлы въ сердце своей собственной матери. — Южные славяне теперь вполнѣ прозрѣли и съ презрѣніемъ отвернулись отъ теоріи и практики нашихъ хохломановъ, которыми увлеклись-было на время, чисто по невѣдѣнію.

Такимъ образомъ и другой годъ изданія „Вѣстника,“ волей-не волей, вышелъ полемическимъ. Зато есть надежда, что третій годъ, къ которому онъ приступаетъ, будетъ спокойнѣй и разнообразнѣе. Политическая атмосфера замѣтно очищается отъ революціонныхъ міазмовъ различнаго качества и количества; разные *маны* постепенно вразумляются и быстро выписываются изъ патологическихъ заведеній; взглядъ на лица, вещи и отношенія дѣлается съ каждымъ днемъ свѣтлѣй и нормальнѣе; есть надежда, что скоро не только политика, но и пресса перекуютъ мечи на серпы. Во всякомъ случаѣ, *Россія* не видитъ теперь ни въ себѣ, ни вокругъ себя такихъ враговъ, которые бы заслуживали ея вниманіе, возбуждали близкія и серьезныя опасенія.

Если надежды наши на *времена мира и безмятежна* вполнѣ осуществляются, „Вѣстникъ“ будетъ свободнѣй отъ тѣхъ случайныхъ столкновеній, на которыя вызывали его дѣятели честь и совѣсть, долгъ русскаго гражданина и характеръ изданія; онъ обратитъ болѣе серьезное вниманіе на I и II отдѣлы своей программы, больше озаботится исторіей, этнографіей, топографіей и статистикой западнаго края Россіи, въ области которыхъ такъ много еще пустырей, или заросшихъ терніемъ заблужденія участковъ.

Не можемъ здѣсь умолчать о несвоевременномъ выходѣ книжекъ „Вѣстника,“ въ которомъ его *благопріятели* хотѣли видѣть или близость его паденія, или несостоятельность редакціи — матеріальную, либо моральную. Утѣштесь благопріят-

IX

тели! Вы видите, что предсказанія — не по вашей части, что „Вѣстникъ“ пробился не безъ славы и трофеевъ сквозь плотную фалангу вашу, что ваше злорадство давало только болѣе здоровую пищу для его жизни и дѣятельности. Правда, умноженіе этихъ благопріятелей вокругъ и около „Вѣстника“ имѣло нѣкоторое вліяніе на сокращеніе друзей, на уменьшеніе его матеріальныхъ средствъ, но не все-же, не всѣмъ же дѣйствовать изъ за меркантильныхъ побужденій: можно иногда и пострадать нѣсколько *правды ради*, можно пожертвовать и своими личными интересами для интересовъ Россіи и православія. Впрочемъ и эта скудость не такъ еще ощутительна для „Вѣстника“, чтобъ имѣла (какъ видите) серьезное вліяніе на прекращеніе изданія: за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадутъ; добрые люди, которыхъ не мало въ доброй Россіи, всегда выручатъ изъ крайности тѣхъ, которые честно и самоотверженно ратуютъ съ врагами нашей вѣры и народности. И запаздыванье книжекъ „Вѣстника“, какъ это было уже не разъ сказано и доказано, есть явленіе не безпримѣрное и вполне *независящее отъ редакціи „Вѣстника“*. Впрочемъ и запаздыванье тутъ собственно воображаемое; потому что подписчики „Вѣстника“ *непремѣнно* получаютъ въ теченія года *всѣ* его книжки, такъ что развѣ только 12-я, какъ показалъ прошлагодній опытъ, выйдетъ въ половинѣ августа.

—

„ВѢСТНИКЪ“ будетъ издаваться въ 1864/65 г. по прежней программѣ, въ прежнемъ видѣ и объемѣ, и на прежнихъ условіяхъ. Онъ остается вѣренъ тѣмъ же 4-мъ своимъ рубрикамъ:

О т д ѣ л ъ I.

Историческіе акты.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и бібліотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражд-

Х

данской и народобытовой исторіи западной и юго-западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ, которые составлены на русскомъ языкѣ, и приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

О т д ѣ л ь П.

Очерки и рассказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служавшихъ для исторіи западной и юго-западной Россіи, — научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

О т д ѣ л ь Ш.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ юго-западной и западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ, — опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества — и у насъ и за границею, — обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, — вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію цѣлости нашей вѣры и народности.

О т д ѣ л ь IV.

Очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной и юго-западной Россіи въ связи съ ея прошедшею исторіею, — статистическія свѣдѣнія о сихъ стра-

ХІ

нахъ, археологическія разысканія, — свѣдѣнія о заграничныхъ — славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи, — о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ юго-западной и западной Россіи, новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ, — хроника важнѣйшихъ происшествій въ сихъ странахъ, — извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной и юго-западной Россіи, — библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти страны, — некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объявленія и проч.

ВѢСТНИКЪ

выходить съ 1-го іюля, ежемѣсячно, книжками отъ 13 — 15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ: въ редакціи журнала, на Подолѣ, и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *г. Литова*; въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, и въ книжномъ магазинѣ *г. Литова*, на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы; въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова*, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

для жителей *Кіева* 6 р. 50 к., съ доставкою на квартиру 7 р. 50 к., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 р.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА ВѢСТНИКЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ, ВЪ КІЕВѢ.

ХП

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору — издателю Вѣстника КСЕНОФОНТУ АНТОНОВИЧУ ГОВОРСКОМУ, въ Кіевѣ.

Въ редакціи „Вѣстника“ имѣется еще около 200 экз. его за 18⁶²/₆₃ и около 300 18⁶³/₆₄ года. Желающіе выписать „Вѣстникъ“ за *первый* годъ прилагаютъ къ своимъ требованіямъ 7 р. за экз., а за *второй*—8 р., съ пересылкою во всѣ города Россіи; а для подписчиковъ въ самомъ Кіевѣ, безъ пересылки и доставки на домъ, за первый годъ—6 р., а за второй—на означенныхъ во всякой книгѣ „Вѣстника“ условіяхъ.

Редакторъ-издатель К. ГОВОРСКІЙ.

Редакторъ-сотрудникъ И. ЭРЕМИЧЪ.

Періоди I, II, III, и IV. Цѣна 5 р. На пересылку за 4 фун.—Описаніе харьковской епархіи. Цѣна 7 р. 50 к. съ перес.—Обзоръ русской духовной литературы. Цѣна 2 р. съ перес.—Бесѣды на воскресныя и праздничныя Евангелія, архіеп. Евсевія. 2 части. Цѣна 3 р. 60 к. съ пер.—Его же поученія о христіанской надеждѣ и любви. Цѣна 1 р. 50 к. На пересылку за 2 фун. Указатель для обозрѣнія московской патріаршей ризницы съ приложеніемъ XV таблицъ снимковъ, составл. епископомъ Саввою. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к.—Палеографическіе снимки съ греч. и славян. рукописей М. Синодальной бібліотеки изд. епископомъ Саввою. Ц. 5 руб.; на пересылку за 4 ф. Предъизображеніе Господа нашего Иисуса Христа и Церкви Его въ Вѣтхомъ Завѣтѣ. Цѣна съ пер. 1 р.—Исторія московской славяно-греко-латинской Академіи. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50. к. Жизнь св. Аѳанасія Александрійскаго. Цѣна 50 к. Разсужденія: о ересяхъ и расколахъ въ Россіи. 75 к. О христіанскомъ мученичествѣ. 40 к.—О Владыкѣ Израилевомъ. 7 к.—О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к.—О Божествѣ Сына Божія. 20 к.—О крестныхъ ходахъ православной Церкви. 20 к.—О поминовеніи усопшихъ. 25 к.—О литургіи преждеосвященныхъ даровъ. 50 к.—Преосв. Тихонъ, епископъ Воронежскій. 40 к.—О муропомазаніи. 15 к.—Св. Левъ, папа римскій. 30 к.—О поведеніи древнихъ христіанъ во дни воскресныя и праздничныя. 20 к.—Объ антихриствѣ. 40 к.—Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей Греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу Церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ. 30 к.

На пересылку послѣднихъ 16 сочиненій вмѣстѣ прилагается за 8 фунтовъ, а каждаго порознь за 1 фунтъ.

Дѣло Патріарха Никона, историческое изслѣдованіе. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

Указатель къ Твореніямъ Св. Отцевъ и къ прибавленіямъ духовнаго содержанія за двадцать лѣтъ. Цѣна 25 к.

На пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Съ требованіемъ всѣхъ означенныхъ изданій иногородные благоволятъ относиться *въ редакцію Твореній Св. Отцевъ, въ Серіевскомъ посадѣ, Московской губерніи.*

Проживающіе въ Москвѣ могутъ относиться съ такими требованіями въ Правленіе Московской Семинаріи (въ домъ Семинаріи, за Каретнымъ рядомъ), или въ книжную лавку А. Н. Ѳерапонтова на Никольской улицѣ.

Гг. подписчики въ адресахъ, сообщаемыхъ въ редакцію, благоволятъ четко и обстоятельно прописывать уѣздъ и губернію, въ которыхъ находятся мѣста ихъ жительства.

СОДЕРЖАНИЕ.

ТВОРЕНИЯ СВ. ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО.

Изъ книги противъ ересей.....	Стран. 1
-------------------------------	----------

П Р И Б А В Л Е Н І Я .

1. О Евангеліяхъ и евангельской исторіи. По поводу книги Ренана: Жизнь Иисуса. Статья 2..... 109
2. Троицкая Семинарія при Митрополитѣ Платонѣ..... 205

Примечанія: 1) Извѣщеніе о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ разными лицами на стипендію въ память профессоровъ М. Д. Академіи, протоіереевъ Голубинскаго и Делицына; 2) о продолженіи изданія Воскреснаго Чтенія, 3) и Вѣстника юго-западной и западной Россіи.

ОПЕЧАТКИ ВЪ ПЕРЕВОДНОЙ ЧАСТИ.

Напечатано :	Должно читать :
Стран. строк.	
8 3 сверху Далѣ	Дѣлая
17 5 — глазъ	глезны
20 въ 1-мъ примѣч. Петовій	Петавій
24 14 св. двадцати четырехъ : Слово	двадцати четырехъ, также и вторая четверица: Слово
26 въ прим. ф, ж.	ф. ж.
29 12 снизу изъ живыхъ	изъ сложныхъ живыхъ
35 2 сверху Исх.	Иса.
40 5 — во образъ	во образъ
42 11 — Исх. 36,	Исх. 26,
43 1 — положенныхъ	положенныхъ Моисеемъ
44 17 — Или	Исаи
46 въ прим. Thich.	Thilo.
47 7 сверху скрыя отъ	скрыя отъ тебя

РАЗБОРЪ

УЧЕНИЯ ДАРВИНА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИДОВЪ ВЪ ЦАРСТВАХЪ ЖИВОТНОМЪ И РАСТИТЕЛЬНОМЪ (а).

Попытка извѣстнаго англійскаго естествоиспытателя Дарвина вывести все многочисленное разнообразіе органическихъ и живыхъ произведеній природы изъ весьма немногихъ, первоначально созданныхъ, простыхъ организмовъ,—вывести при помощи простаго начала или закона,—эта попытка возбудила вниманіе и сочувствіе (едва ли не въ большей мѣрѣ, чѣмъ какое нибудь другое сочиненіе новѣйшаго времени) отчасти и въ образованномъ обществѣ вообще, а особенно въ самихъ естествоиспытателяхъ. Въ многочисленныхъ заявленіяхъ они высказались уже частію въ пользу, частію противъ теоріи Дарвина, но во всякомъ случаѣ довольно единодушно признали важное значеніе Дарвиновой попытки для науки о природѣ. Это сочиненіе

(а) Статья Фрошаммера въ Athenäum 1862 г. 1 В. 3 Heft. Книга Дарвина въ русскомъ переводѣ появилась въ нынѣшнемъ году.

имѣть значеніе и для философіи, и въ высокой степени заслуживаетъ ея вниманіе; но крайней мѣрѣ имѣть значеніе для той философіи, которая не хочетъ влачить свое существованіе среди мертвой исторической учености, или двигаться и заключиться среди пустыхъ призраковъ отвлеченія, а желаетъ оставаться въ живомъ, плодотворномъ общеніи съ наукою и жизнью. Именно, въ этой попыткѣ Дарвина дѣло идетъ не только о глубоко простирающемся измѣненіи доселѣ существовавшихъ взглядовъ на происхожденіе и взаимное отношеніе разнообразныхъ видовъ животныхъ и растений, но, какъ уже и было много разъ высказано и оцѣнено, дѣло идетъ и о совершенномъ преобразованіи взгляда на природу и исторію челоука, слѣдовательно, о перемѣнѣ, или, по крайней мѣрѣ, о весьма значительномъ измѣненіи во всемъ міросозерцаніи.

Разбирая эту теорію съ философской точки зрѣнія, мы не въ томъ поставляемъ задачу, чтобы изслѣдовать, истинны или ложны самые факты, приводимые Дарвиномъ съ цѣлію вывести изъ нихъ теорію, или подкрѣпить ее ими; это должно предоставить самимъ естествоиспытателямъ, какъ ихъ дѣло. Мы не хотимъ изслѣдовать эту теорію и съ точки зрѣнія какой нибудь философской системы и ея взглядовъ на природу, а равно и съ точки зрѣнія религіозной системы вѣрованій. Мы будемъ имѣть въ виду только научное изслѣдованіе; то-есть, мы хотимъ изслѣдовать, достаточны ли въ научномъ отношеніи всѣ приводимые факты, если даже признать ихъ за вѣрные, достаточны ли для того, чтобы на нихъ утвердить предлагаемую Дарвиномъ теорію происхожденія видовъ. Потому

мы хотимъ сначала разсмотрѣть логическую и діалектическую доказательность и твердость теоріи, а потомъ особенно обратить вниманіе на то, въ какомъ отношеніи она стоитъ къ телеологическому взгляду на природу, и въ самомъ ли дѣлѣ на этотъ послѣдній можно смотрѣть, какъ на совершенно опровергнутый и оказавшійся бездоказательнымъ, какъ можетъ представиться съ перваго взгляда.

Чтобы сдѣлать понятнымъ наше критическое изслѣдованіе и для тѣхъ читателей, которымъ неизвѣстно или недоступно сочиненіе Дарвина, необходимо сначала изложить спорную теорію по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ ея и съ важнѣйшими доказательствами.

1.

Для ясности разумѣнія, мы начнемъ изложеніе съ того заключенія, къ которому Дарвинъ приходитъ на концѣ. Онъ дѣлаетъ такой выводъ, что «всѣ животныя происходятъ по большей мѣрѣ отъ четырехъ или отъ пяти первоначальныхъ видовъ, а растенія отъ такого же, или еще меньшаго количества. Аналогія, продолжаетъ онъ, повела бы меня еще шагомъ далѣе, именно къ убѣжденію, что всѣ растенія и животныя происходятъ отъ одной первоначальной формы; но аналогія могла бы быть обманчивою руководительницею... Я принимаю, что всѣ органическія существа, когда либо жившія на этой землѣ, вѣроятно, происходятъ отъ какой нибудь первичной формы, въ которую Творцемъ первоначально вдохнута жизнь. Но это заключеніе основано главнымъ образомъ на аналогіи, и не существенно то,

принять его, или нѣтъ»⁽⁶⁾. Такимъ образомъ указывая на одну первоначальную форму, какъ только еще на вѣроятную, во всякомъ случаѣ Дарвинъ признаетъ несомнѣннымъ первоначальное происхожденіе и животнаго и растительнаго царства отъ четырехъ или отъ пяти видовъ. На первый, возникающій при этомъ вопросъ, какъ изъ столь немногихъ и простыхъ первоначальныхъ образованій, или даже изъ одной первичной формы, могло произойти все неизмѣримо великое разнообразіе существующихъ и погибшихъ видовъ животныхъ и растений, даетъ общій отвѣтъ само заглавіе сочиненія. Это разнообразіе должно происходить по силѣ такъ называемаго «естественнаго подбора или сохраненія усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе.» Теперь дѣло состоитъ въ ближайшемъ объясненіи того, чтò собственно нужно разумѣть подъ этимъ.

Подъ «естественнымъ подборомъ,» въ отличіе отъ извѣстнаго подбора искусственнаго, Дарвинъ разумѣетъ такое дѣйствованіе природы и ея отношеній на организмы, вслѣдствіе котораго они, какъ особи и виды, мало по малу испытываютъ измѣненіе, усовершенствованіе, или отчасти и ухудшеніе. Этотъ «естественный подборъ» обнаруживаетъ свое дѣйствіе въ томъ, что небольшія полезныя измѣненія въ особяхъ, и за тѣмъ въ видахъ, служатъ или «употребляются» въ природѣ для того, чтобы организмы, надѣленные такими небольшими полезными измѣненіями, сохраня-

---

(6) По русскому переводу стр. 382. Впрочемъ, мы не строго слѣдуемъ русскому переводу книги Дарвина, тамъ, гдѣ онъ кажется намъ недовольно точнымъ.

лись и развивались преимущественно передъ тѣми организмами, у которыхъ нѣтъ ихъ; такъ что первые получаютъ перевѣсъ и вытѣсняють или совершенно поглощаютъ прочихъ въ борьбѣ за существованіе, то есть, за условія и средства къ сохраненію и продолженію существованія въ природѣ. А полезныя измѣненія, постепенное накопленіе и развитіе которыхъ даетъ извѣстнымъ особямъ преимущество предъ другими въ сохраненіи, возрастаніи и распространеніи, и которыя потому служатъ средствомъ для естественнаго подбора, — сами эти измѣненія своимъ происхожденіемъ, по Дарвину, обязаны главнымъ образомъ сильной воспріимчивости воспроизводительной системы, сообщающей естественному подбору важнѣйшія средства, которыми онъ дѣйствуетъ. Это дѣйствованіе имѣетъ мѣсто, какъ уже замѣчено, въ борьбѣ организмовъ за существованіе. Именно у органическихъ образованій есть способность и стремленіе къ неизмѣримому, безграничному развитію разновидностей и къ распространенію въ природѣ; понятно само собою, что вслѣдствіе этого не только различныя особи, но и различныя виды вступаютъ между собою въ борьбу, то есть, въ состязаніе изъ за условій сохраненія и возрастанія, въ чемъ главнымъ образомъ и состоитъ борьба за существованіе. Въ этой борьбѣ одоляютъ тѣ особи и виды, которые организованы выгоднѣйшимъ образомъ, чтобы воспользоваться данными отношеніями природы, или приспособить ее къ нимъ; а устроенные менѣе выгодно будутъ подавляться или совсѣмъ исчезать, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ областяхъ природы, гдѣ отношенія неблагопріятны для нихъ, и гдѣ потому они не въ силахъ выдержать состязаніе

съ другими организмами. Отъ накопленія и употребленія выгодныхъ измѣненій, возникшихъ различными способами, но преимущественно изъ восприимчивости воспроизводительной системы, происходитъ уклоненіе этихъ органическихъ образованій отъ прежнихъ, давшихъ имъ происхожденіе, и отъ существующихъ съ ними вмѣстѣ, одинаково съ ними происшедшихъ отъ прежнихъ; они уже не только отличаются отъ тѣхъ, но и всюду вступаютъ съ ними въ борьбу за существованіе. Эта болѣе выгодная организація, полученная отъ измѣненія, наследуется, по Дарвину, дальнѣйшими поколѣніями, и послѣ долгаго времени упрочивается въ постоянные, опредѣленные виды.

Такимъ образомъ ходъ образованія видовъ былъ бы слѣдующій: происхожденіе выгодныхъ, хотя бы и незначительныхъ, измѣненій у отдѣльныхъ особей; употребленіе этихъ выгодъ при борьбѣ за существованіе, и дальнѣйшее развитіе ихъ; передача ихъ по наследству, и, вслѣдствіе того, продолжающееся расхожденіе въ свойствахъ возникающихъ видовъ. Естественно, что весь этотъ процессъ весьма разнообразенъ при различныхъ отношеніяхъ природы, такъ какъ не вездѣ одно и то же измѣненіе въ организмъ выгодно или одинаково выгодно для отдѣльныхъ особей. Выгодныя измѣненія, при которыхъ находитъ себѣ мѣсто естественный подборъ и окончательное образованіе видовъ, могутъ быть весьма разнообразны, могутъ различнымъ образомъ оказываться полезными и вести къ сохраненію и развитію извѣстныхъ особей и возникающихъ отсюда видовъ аастию посредствомъ преобладающаго страдательнаго, частію посредствомъ дѣятельнаго отношенія къ другимъ видамъ бытія въ ходѣ жизни природы и въ

борьбѣ за существованіе. Такъ напр. Дарвинъ думаетъ, что вслѣдствіе естественнаго подбора насѣкомыя, питающіяся листьями, имѣютъ зеленый цвѣтъ, а питающіяся корою окрашены сѣрыми пятнышками. Такой именно цвѣтъ благоприятенъ для этихъ насѣкомыхъ, потому что менѣе отличаетъ ихъ отъ предметовъ, на которыхъ они живутъ, отчего они и становятся лучше защищенными отъ своихъ враговъ, чѣмъ насѣкомыя, окрашенные иными цвѣтами. Оттого мало по малу насѣкомыя иныхъ цвѣтовъ были истреблены, какъ болѣе замѣтныя для своихъ враговъ, а помняутыя зеленыя и съ сѣрыми пятнами насѣкомыя остались цѣлы вслѣдствіе этой приспособленности ихъ цвѣта, и затѣмъ ихъ цвѣтъ продолжался наследственно. Такъ же дѣло идетъ и съ другими видами. «Если горная куропатка зимою бѣлая, красная куропатка имѣетъ цвѣтъ вереска, а косачъ — цвѣтъ торфяной почвы: то мы имѣемъ основаніе предположить, что эта окраска полезна названнымъ птицамъ, какъ защита отъ опасности. Рябчики и куропатки, если бы они не истреблялись въ какой нибудь изъ періодовъ своей жизни, размножились бы безмѣрно. Извѣстно, что они во множествѣ гибнутъ отъ хищныхъ птицъ, высматривающихъ себѣ добычу; потому въ нѣкоторыхъ странахъ Европы не охотно держатъ бѣлыхъ голубей, какъ слишкомъ подверженныхъ истребленію. Поэтому я не нахожу причинъ сомнѣваться въ томъ, что естественный подборъ дѣйствительно придалъ каждому виду тетеревиныхъ птицъ свойственный ему цвѣтъ, и упрочилъ этотъ цвѣтъ, однажды приобретенный. И мы не должны думать, чтобы гибель, при случаѣ, животнаго иначе окрашеннаго, была обстоятельствомъ маловажнымъ; вспом-

нимъ, какъ существенно въ стадъ бѣлыхъ овецъ удаление всякаго ягненка съ малѣйшею черною мѣткою ^(в)». При естественномъ подборѣ особенно важными должны быть тѣ измѣненія и особенности организмовъ, которыя даютъ способность къ особо выгодной дѣятельности въ борьбѣ за существованіе, и такимъ образомъ сообщаютъ новый удобный способъ пріобрѣтать средства для поддержанія жизни или избѣгать опасностей. Эти видоизмѣненія отъ упражненія развиваются болѣе и болѣе, и оказываютъ вліяніе на общее устройство организма, при чемъ органическія разчлененія получаютъ все бѣльшую и бѣльшую видность, опредѣлительность и самостоятельность; такимъ-то образомъ въ безконечно долгіе періоды времени изъ простѣйшихъ и однообразнѣйшихъ организмовъ произошли такіе сложные и разнообразныя, какіе теперь представляетъ намъ растительное и животное царство. При этомъ имѣетъ вліяніе и половой подборъ. «Онъ зависитъ не отъ борьбы за существованіе, а отъ состязанія самцовъ за обладаніе самками; тутъ пораженіе влечетъ за собою не смерть, а малочисленность или отсутствіе потомства. Въ общей сложности, самцы, самыя сильныя, самыя приспособленныя къ своему мѣсту въ природѣ, оставляютъ больше потомства. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ побѣда зависитъ не отъ силы вообще, а отъ особенныхъ оружій, данныхъ самцу. Безрогий олень и пѣтухъ безъ шпоръ имѣютъ мало видовъ на оставленіе потомства..... Между птицами состязаніе часто принимаетъ характеръ болѣе мирный. Всѣ занимавшіеся этимъ предметомъ думаютъ, что са-

---

(в) Стр. 68. 69.

мое сильное соперничество существуетъ въ породахъ птицъ—пѣвчихъ, гдѣ самцы стараются привлечь самокъ пѣніемъ. Гвіанскій каменный пѣтушокъ, райскія птицы и т. д. собираются кучами, и самцы, одинъ за другимъ, распускаютъ свои сверкающія перья, производятъ различныя движенія передъ самками, которыя присутствуютъ какъ зрительницы, и наконецъ выбираютъ самаго привлекательнаго изъ нихъ. Внимательно наблюдавшіе надъ птицами, держимыми въ заключеніи, очень хорошо знаютъ, что имъ часто извѣстны личныя склонности и отвращенія. Такъ Р. Геронъ пишетъ, что у него пестрый павлинъ былъ особенно привлекателенъ для всѣхъ павъ. Значеніе, приписываемое мною такимъ слабымъ вліяніемъ, можетъ казаться ребячествомъ; я не могу войти тутъ въ подробности для подтвержденія своего взгляда: но если человѣкъ можетъ въ короткое время придать своимъ бантамкамъ изящный складъ, и красивое, по своимъ понятіямъ, перо: то я не могу найти никакого достаточнаго основанія сомнѣваться, чтобы и самки, выбирая въ теченіе тысячъ поколѣній самыхъ голосистыхъ или красивѣйшихъ, по своимъ понятіямъ, самцовъ, не могли бы также произвести замѣтныхъ особенностей въ потомствѣ. Я имѣю сильныя поводы думать, что нѣкоторые изъ общеизвѣстныхъ законовъ окраски перьевъ у самцовъ и самокъ птицъ, въ отношеніи къ окраскѣ птенцовъ, могутъ быть объяснены тѣмъ, что перо главнымъ образомъ видоизмѣнено половымъ подборомъ, дѣйствующимъ въ порѣ половой зрѣлости въ то время года, которое назначено на распространеніе рода. Возникшія этимъ путемъ видоизмѣненія наследуются, въ соответственномъ возрастѣ и времени го-

да, или одними самцами, или и самцами и самками»^(г). Въ поясненіе того, какъ дѣйствуетъ половой подборъ, Дарвинъ, между прочимъ, приводитъ слѣдующій примѣръ: «представимъ себѣ волка, достающаго себѣ въ добычу различныхъ животныхъ то хитростію, то силою, то быстрою, и представимъ себѣ, что самое быстрое изъ животныхъ, служащихъ ему добычею, напр. олень, почему нибудь очень размножился въ обитаемой имъ мѣстности, или что другія животныя, служащія ему пищею, сдѣлались очень малочисленны въ то время года, когда волку всего труднѣе достать добычу. Я не вижу причинъ сомнѣваться въ томъ, что при такихъ условіяхъ самые ловкіе и быстрые волки имѣли бы больше видовъ на сохраненіе и размноженіе, только бы они при этомъ сохранили достаточно силы, чтобы справиться съ своею добычею и въ другія времена года, когда имъ пришлось бы питаться другими животными. Тѣмъ менѣе нахожу причинъ сомнѣваться въ этомъ, что и человекъ оказывается въ силахъ увеличить быстроту своихъ борзыхъ собакъ тщательнымъ и правильнымъ подборомъ или тѣмъ бессознательнымъ подборомъ, который самъ собою вытекаетъ изъ естественнаго желанія всякаго охотника завести возможно лучшихъ собакъ, хотя бы у него и не было заботы облагородить породу»^(д).

Такимъ-то способомъ изъ немногихъ простыхъ первоначальныхъ организмовъ произошло, по Дарвину, все разнообразіе столь различныхъ растений и животныхъ, — произошло, конечно, въ теченіе неизмѣримо

(г) Стр. 71. 72.

(д) Стр. 72. 73.

длинныхъ періодовъ времени и при помощи многихъ посредствующихъ вліяній, дѣйствовавшихъ въ теченіи геологическихъ эпохъ развитія нашей земной природы. Такъ напр. различные виды птицъ можно было бы произвести отъ одного общаго рода, а различные общіе роды снова произвести отъ одного для нихъ общаго рода, прежде ихъ существовавашаго, и такое производство продолжать далѣе до того члена, отъ котораго, вслѣдствіе накопленія небольшихъ характеристическихъ видоизмѣненій и разностей, возникли опредѣлительныя особенности птицы, выдѣлившія птицъ изъ общей массы позвоночныхъ животныхъ, и отличившія ихъ отъ другихъ животныхъ позвоночныхъ, отъ рыбъ и млекопитающихъ, хотя бы эти отличительныя особенности сначала и не были очень значительны. Въ этомъ отношеніи Дарвинъ сравниваетъ животное и растительное царство и его еще живущіе, или уже погибшіе, виды съ деревомъ, которое, имѣя корни въ древнѣйшемъ геологическомъ пластѣ, пробивается съ своими сучьями и вѣтвями черезъ всѣ послѣдующіе пласты, и безчисленными вѣтвями разстилается по нынѣшней поверхности земли, хотя многіе сучья и вѣтки уже вымерли въ теченіи болѣе раннихъ эпохъ природы. Но послушаемъ, какъ говорить самъ Дарвинъ: «взаимное сродство всѣхъ организмовъ одного класса часто сравнивали съ большимъ деревомъ. Я думаю, что въ этомъ сравненіи заключается немалая доля истины. Зеленныя вѣтви съ ихъ почками можно сравнить съ нынѣ существующими видами; вѣтви же, произведенныя въ прежніе года, съ длиннымъ рядомъ видовъ вымершихъ. Въ каждый періодъ роста всѣ юные отрѣзки пытались вѣтвиться во всѣ стороны

и перерости и заглушить окружающіе отпрыски и вѣтви, точно также, какъ виды и группы видовъ пытались пересилить другіе виды въ великой борьбѣ за существованіе. Сучья, раздѣленные на большія вѣтви, расчленяющіеся на мелкія и мельчайшія вѣточки, сами въ прежнее время, когда дерево было молодо, были мелкими отпрысками съ почками; и эта связь прежнихъ и нынѣшнихъ почекъ черезъ вѣтвящіяся сучья соответствуетъ распредѣленію всѣхъ погибшихъ и живущихъ видовъ на группы и подгруппы. Изъ многихъ вѣтокъ, покрывавшихъ дерево, когда оно было лишь кустомъ, всего двѣ или три, разросшіяся въ большія стволы, живы до сихъ поръ, и несутъ на себѣ всѣ прочія развѣтвленія: такъ и изъ видовъ, жившихъ въ давно прошедшіе геологическіе періоды, весьма немногіе имѣютъ еще живыхъ, видоизмѣненныхъ потомковъ. Во время роста дерева, многіе сучья и вѣтви засохли и отпали; и эти погибшія вѣтви разныхъ размѣровъ могутъ представлять многіе порядки, семейства и роды, не имѣющіе нынѣ живыхъ представителей и извѣстные намъ только по ископаемымъ остаткамъ. Но какъ на деревѣ мы видимъ тамъ и сямъ тонкій слабый сучекъ, выходящій изъ вилки, образуемой двумя могучими суками, и случайно оставшійся живымъ и дотянувшійся до вершины дерева, такъ иногда видимъ животное, какъ напримеръ орниторинха и лепидосирена, до нѣкоторой степени связывающее своимъ сродствомъ два обширныя развѣтвленія животнаго царства, и очевидно спасенное отъ гибели защищеннымъ мѣстомъ своего пребыванія. Какъ почки, разросшись въ вѣтви, производятъ новыя почки, а эти, если они сильны, вѣтвятся и заглушаютъ многія болѣе слабыя вѣтви, такъ, полагаю я, бы-

ло въ теченіе поколѣній и съ великимъ деревомъ жизни, наполняющимъ своими мертвыми, изломанными сучьями земную кору и покрывающимъ ея поверхность своими пышными, постоянно еще болѣе и болѣе дробящимися развѣтвленіями» (е). Какъ показываютъ послѣднія слова, и какъ далѣе раскрывается въ самомъ сочиненіи, этотъ процессъ, при помощи естественнаго подбора, продолжается въ борьбѣ за существованіе и до нынѣшняго времени. Онъ ведетъ къ большому и большому различію свойствъ, къ болѣе и болѣе рѣзкому раздѣленію организмовъ, снабжаемыхъ новыми особенностями, и, въ общей сложности, къ большому ихъ усовершенствованію, хотя при этомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и не исключаются ухудшенія и задержки въ развитіи. Посредствомъ этого стремленія еще болѣе и шире разнообразить органическія твари путемъ естественнаго подбора, сама природа заботится о томъ, чтобы въ ней могло существовать возможно большее число органическихъ существъ; потому что чѣмъ они разнообразнѣе, тѣмъ легче находятъ другъ подле друга условія для своего продолженія, и тѣмъ гуще можетъ заселяться одна и таже область.

Вотъ своеобразный и во всякомъ случаѣ смѣлый взглядъ Дарвина на происхожденіе видовъ въ животномъ и растительномъ царствѣ. Теперь ближайшій вопросъ въ томъ, на достаточныхъ ли основаніяхъ утверждается этотъ взглядъ, и могутъ ли быть удовлетворительно объяснены Дарвиновыми доводами многочисленныя и важныя сомнѣнія, возбуждаемыя его теоріею. И дѣйствительно, у Дарвина нѣтъ недостат-

---

(е) Стр. 107. 108.

ка въ такихъ поясненіяхъ и сопоставленіяхъ фактовъ, въ такихъ соображеніяхъ и предположеніяхъ, которыя прямо направлены имъ именно къ этой цѣли.

Подтвержденію своей теоріи у него посвящена уже и самая первая глава, въ которой съ хорошо задуманною цѣлію онъ объясняетъ подборъ искусственный, или «измѣненія животныхъ и растений въ состояніи прирученномъ.» Въ самомъ дѣлѣ, едва ли чѣмъ нибудь другимъ возможно было бы лучше вызвать въ читательское доброе расположеніе къ Дарвиновой теоріи и въ тоже время положить для нея предварительное, на опытахъ утверждающееся основаніе, какъ не такимъ именно изображеніемъ разительныхъ послѣдствій тѣхъ измѣненій и разнообразій видовъ, какихъ можетъ достигнуть искусственный подборъ. Дарвинъ особенно останавливается на послѣдствіяхъ подбора голубей, которымъ онъ много занимался самъ, и который, по его словамъ, можетъ доставить разновидности столь значительныя, что если бы, какъ говорить онъ, найдены были остовы этихъ голубей и показаны естествоиспытателямъ, то они, дѣйствуя такъ же, какъ дѣйствуютъ теперь, не разъ признали бы здѣсь совершенно различныя виды. За тѣмъ переходя къ естественному подбору, Дарвинъ въ опроверженіе противоположной теоріи прежде всего указываетъ на неопредѣленность понятія «видъ», которому естествоиспытатели не сумѣли еще дать признаковъ ясныхъ, прочно опредѣленныхъ, рѣшительныхъ, соответствующихъ фактамъ. А во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что и отдѣльныя особи одного и того же вида не во всѣхъ отношеніяхъ совершенно одинаковы, не созданы точь-въ-точь по одному образцу. «Эти принадлежащія особямъ

разности, замѣчаетъ онъ, очень важны для насъ, потому что онъ даютъ матеріаль, который естественнымъ подборомъ можетъ накопляться, точно также, какъ человѣкъ у своихъ домашнихъ животныхъ и растений накопляетъ въ принятомъ направленіи свойственныя особямъ различія» (ж). Эти-то свойственныя каждому отдельному существу особенности, накопляясь и развиваясь, какъ мы видѣли, оказываются при всѣхъ или при особенныхъ обстоятельствахъ полезными въ борьбѣ за существованіе, и въ силу наследственности помогаютъ особямъ разрѣстаться въ виды. Хотя законы наследственности намъ вполнѣ неизвѣстны, однакоже факты показываютъ, что особенности, возникшія какимъ бы то ни было способомъ, или измѣненія внѣшнія, сдѣланныя умышленно, а такъ же привычки и способности, пріобрѣтенныя упражненіемъ, или навязанныя особыми обстоятельствами, переходятъ по наследству и постоянно встрѣчаются у потомковъ въ томъ возрастѣ или въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ они пріобрѣтены были предками. Далѣе указывается на взаимодѣйствіе членовъ въ организмахъ, отъ котораго происходитъ то, что измѣненіе одного органа влечетъ за собою, по таинственной игрѣ измѣненій, измѣненіе и другаго или другихъ органовъ, такъ что мало по малу можетъ послѣдовать значительное преобразованіе цѣлаго организма.» Все устройство существа такъ тѣсно связано въ своихъ частяхъ, что если въ продолженіе развитія и роста послѣдуетъ небольшое измѣненіе въ одной части, и умножено будетъ естественнымъ подборомъ, то и другія части должны будутъ измѣниться.

Это обстоятельство очень важное, но еще мало понятное. Весьма часто случается, что видоизмѣненія, накопленныя лишь для блага личинки или птенца, самымъ несомнѣннымъ образомъ отзываются на строеніи взрослого существа, точно такъ же, какъ всякая уродливость, обнаружившаяся въ зародышѣ, отзывается важными послѣдствіями въ строеніи взрослого животнаго.... Причинная связь этихъ соотношеній часто совершенно непонятна. Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ сильно настаивалъ на томъ, что извѣстныя уродливости очень часто, а другія очень рѣдко совпадаютъ между собою, но не могъ указать на причину этого явленія. Что можетъ быть страннѣе совпаденія между голубымъ цвѣтомъ глазъ и глухотою у кошекъ (кошки съ голубыми глазами обыкновенно глухи), между окраскою и поломъ у черепахъ, между оперенными ногами и перепонкой, связывающей наружные пальцы у голубей... или наконецъ между шерстью и строеніемъ пальцевъ у голой турецкой собаки, ... хотя тутъ по всей вѣроятности участвуетъ и законъ однородности въ строеніи органовъ (гомологія)? По поводу этого послѣдняго примѣра замѣчу, что едва ли можемъ считать случайнымъ то обстоятельство, что два порядка млекопитающихъ, наиболее различающіеся свойствомъ своихъ обшихъ покрововъ, а именно китовидные и беззубые, въ тоже время наиболее различаются и въ строеніи пальцевъ» (3).

Для подкрѣпленія теоріи придано особенно важное значеніе тому факту, что употребленіе и упражненіе, въ извѣстномъ направленіи, образуетъ и видоизмѣ-

---

(3) Стр. 118—120.

няетъ органы, а неупотребленіе ихъ напротивъ оставляетъ ихъ неразвитыми и подавленными, отчего происходятъ измѣненія передающіяся дальнѣйшему потомству. Отсюда объясняется то напр., что нѣкоторыя птицы имѣютъ неразвитыя или слабыя крылья, и не могутъ летать, или напр. то, что нѣкоторыя животныя имѣютъ зачаточныя, неразвитые глаза. А напротивъ различію климата, пищи, и такъ далѣе, усваивается мало прямого вліянія на происхожденіе видовъ, и Дарвинъ высказываетъ убѣжденіе, что всѣ эти различія на животныхъ дѣйствуютъ чрезвычайно мало, а на растенія нѣсколько больше.

Дарвинъ не скрываетъ отъ себя важныхъ, а частію даже неодолимыхъ затрудненій, возбуждаемыхъ его теоріею. Потому очень значительную часть своего сочиненія (отъ 3-й до 16-й главы) онъ посвящаетъ попыткѣ съ возможною основательностію побѣдить или устранить ихъ. Онъ говоритъ объ этомъ такъ: «нѣкоторыя изъ этихъ затрудненій такъ важны, что я не могу подумать объ нихъ безъ нѣкотораго смущенія; но, по крайнему моему разумѣнію, большая часть ихъ представляетъ затрудненія только кажущіяся, а затрудненія дѣйствительныя недостаточны для опроверженія моей теоріи.»

«Эти затрудненія и возраженія можно раздѣлить на слѣдующіе четыре разряда: во-первыхъ, если виды произошли отъ другихъ видовъ посредствомъ нечувствительныхъ переходовъ: то почему не встрѣчаемъ мы повсюду безчисленныхъ переходныхъ формъ? Почему вся природа не представляетъ намъ сплошнаго ряда отъѣнковъ, вмѣсто постояннаго разграниченія отдѣльныхъ видовъ?»

«Во-вторыхъ, возможно ли, чтобы напр. животное, имѣющее строеніе и образъ жизни летучей мыши, произошло, черезъ видоизмѣненіе, отъ животнаго съ совершенно иными повадками? Можемъ ли мы повѣрять, чтобы естественный подборъ произвелъ, съ одной стороны, органы столь маловажные, какъ хвостъ жираффы, служащій мухогонкою, и, съ другой стороны, органы столь дивнаго строенія, какъ глазъ, неподражаемое совершенство котораго едва ли до сихъ поръ вполне извѣдано нами?»

«Въ третьихъ, могутъ ли инстинкты пріобрѣтаться и измѣняться путемъ естественнаго подбора? Что напр. скажемъ о дивномъ инстинктѣ пчелы, предупредившей на практикѣ, въ постройкѣ своихъ ячеекъ, открытія глубокихъ математиковъ?»

«Въ четвертыхъ, какъ объяснить, что виды, при скрещеніи, поражаются бесплодіемъ или производятъ бесплодное потомство, между тѣмъ какъ при скрещеніи разновидностей ихъ плодовитость не страдаетъ» (и)?

Относительно перваго изъ указанныхъ затрудненій, Дарвинъ признаетъ, что по его теоріи непременно во все времена, а не въ одинъ только какой нибудь періодъ, должны были бы существовать безчисленныя переходныя разновидности, связывающія одну группу видовъ съ другою, но въ тоже время говоритъ, что процессъ естественнаго подбора въ долгое время своего дѣйствования самъ могъ истребить и цѣлыя породы и ихъ переходные виды. Доказательства ихъ существованія можно бы преимущественно находить между ископаемыми остатками. А причина, почему ихъ не

находится, заключается отчасти въ незначительности нашего познанія земной коры, отчасти въ несовершенствѣ геологическихъ свидѣтельствъ. «Эти свидѣтельства, говоритъ онъ, несравненно отрывочнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ; ихъ отрывочность главнымъ образомъ зависитъ оттого, что органическія существа не живутъ въ моряхъ на значительныхъ глубинахъ, и потому ихъ остатки заключаются и сохраняются на будущія времена лишь въ осадочныхъ массахъ, достаточно толстыхъ и обширныхъ, чтобы противостоять огромной массѣ образующейся при разрушеніяхъ позднѣйшихъ. А массы съ органическими остатками могутъ накапливаться лишь тамъ, гдѣ много осадковъ отлагается на мелкое дно моря, въ тоже время медленно опускающееся. Эти обстоятельства могли соединяться лишь изрѣдка и черезъ огромныя промежутки времени. Всѣ тѣ періоды, въ которые дно моря остается неподвижнымъ или поднимается, или когда отлагается очень мало остатковъ, оставляютъ пробѣлы въ нашей геологической лѣтописи. Земная кора — обширный музей; но составляющія его коллекціи собраны были черезъ огромные періоды времени» (1).

Второе затрудненіе, заключающееся въ невозможности представить себѣ, чтобы путемъ естественнаго подбора могли возникнуть такія большія различія въ строеніи, и могли образоваться такіе сложные и дивныя по искусству органы, какіе представляетъ природа, — это затрудненіе Дарвинъ старается разрѣшить преимущественно тѣмъ, что повсюду ищетъ переходныхъ организмовъ или переходныхъ органовъ меж-

---

(1) Стр. 140.

ду весьма различными гомологическими органами, ищеть съ цѣлю доказать возможность совершеннаго ихъ преобразованія; при этомъ существующее нынѣ одно съ другимъ на ряду у него превращается въ существовавшее послѣдовательно одно за другимъ. «Противники моихъ воззрѣній, говоритъ онъ, не разъ спрашивали меня, какъ могъ напрымѣръ сухопутный хищникъ превратиться въ хищника воднаго, когда тутъ животному не возможно существовать въ состояннн переходномъ? Легко было бы показать, что въ предѣлахъ этой самой группы хищниковъ существуютъ животныя, занимающія среднюю ступень между сухопутными и водными животными, и оттого по образу жизни хорошо приспособленныя къ сохраненію своего мѣста въ борьбѣ за существованіе. Такъ напр. сѣвероамериканская *mustela vison* имѣеть перепончатыя лапы, и походить на выдру шерстью, короткими конечностями, формою хвоста. Лѣтомъ это животное ныряетъ въ воду и питается рыбами, а во время долгой зимы оно оставляетъ замершія воды и, подобно прочимъ куницамъ, питается мышами и другими животными суши. Если бы мы выбрали другой примѣръ и спросили, какъ насѣкомоядное четвероногое могло превратиться въ летучую мышь, вопросъ былъ бы гораздо затруднительнѣе, и я не могъ бы дать на него отвѣта. Однако же я полагаю, что такія затрудненія не имѣють безусловно великой важности» (к). Впрочемъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ Дарвинъ пытается объяснить превращеніе. «Взгляните на семейство бѣлокъ, говоритъ онъ; тутъ мы находимъ самыя тонкіе пере-

---

(к) Стр. 145. 146.

ходы отъ животныхъ съ хвостомъ, лишь слегка сплюснутымъ, и отъ другихъ съ нѣсколько расширеннымъ задомъ и нѣсколько широкой кожей на бокахъ, до такъ называемыхъ летучихъ бѣлокъ; а у летучихъ бѣлокъ конечности, и даже основаніе хвоста связаны широкою складкою кожи, дѣйствующею какъ парашютъ и позволяющею имъ переноситься по воздуху, на значительныя разстоянія, съ дерева на дерево. Мы вполне убѣждены, что всякому виду бѣлки полезно на его родинѣ его особое строеніе, позволяющее ему избѣгать хищныхъ птицъ и звѣрей, быстрее собирать пищу, или уменьшающее опасность въ случаѣ паденія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы строеніе каждой бѣлки было наилучшимъ для всякихъ естественныхъ условій. Пусть климатъ и растительность измѣнятся, пусть новые соперники — грызуны или новые хищники вторгнутся въ родину нашей бѣлки, или старые жители ея видоизмѣнятся, и мы, по аналогіи, должны принять, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ бѣлокъ стали бы малочисленнѣе или вовсе истребились бы, если бы ихъ строеніе не видоизмѣнилось и не усовершенствовалось соответственно новымъ условіямъ. Поэтому я не нахожу никакого затрудненія признать, въ особенности при измѣненіи внѣшнихъ условій жизни, что особи съ болѣе и болѣе мышковатою кожей на бокахъ должны были сохраняться преимущественно, потому что это свойство передается по наслѣдству и всякое усиленіе его полезно, пока, черезъ продолжительное дѣйствіе этого процесса естественнаго подбора, не сложится окончательно такъ называемая летучая бѣлка. Взгляните теперь на галеопитека или летучаго лемура, прежде ошибочно при-

числявшагося къ летучимъ мышамъ. У него чрезвычайно широкая боковая перепонка, отъ угла челюсти доходящая до хвоста и заключающая въ себѣ конечности съ ихъ удлинненными пальцами; боковая перепонка снабжена такъ же растягивающею мышцею. Хотя теперь нѣтъ переходныхъ организмовъ, связывающихъ перепархивающаго по воздуху галеопитека съ обыкновенными лемуридами, но я не вижу причинъ, почему бы не предположить, что такіе переходные члены прежде существовали, и что каждый изъ нихъ развился подобно несовершенно порхающимъ бѣлкамъ, и что каждая изъ этихъ степеней развитія была въ свое время полезна организму. Не вижу я такъ же ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что связанные перепонкою пальцы и предплечья галеопитека могли бы, черезъ естественный подборъ, пріобрѣсти гораздо бѣльшую длину; а это, въ отношеніи къ органамъ летанія, могло бы приравнять его къ летучей мышѣ. У тѣхъ летучихъ мышей, у которыхъ летательная перепонка протянута отъ плеча до хвоста, со включеніемъ заднихъ конечностей, мы, быть можетъ, видимъ слѣды устройства, служившаго скорѣе къ перепархиванію, чѣмъ къ летанію» (1). Эта попытка объясненія дѣлаетъ особенно яснымъ то, что Дарвинъ разумѣетъ подъ естественнымъ подборомъ, и какъ онъ пытается доказывать свою теорію.

Гораздо труднѣе объяснить то, какъ путемъ естественнаго подбора могли мало по малу произойти такіе совершеннѣйшіе и сложные органы, какъ напр. глаза у высшихъ животныхъ. Дарвинъ пытается одо-

---

(1) Стр. 146. 147.

леть и это затрудненіе, и опять таки тѣмъ, что различныя степени развитія глазъ у царства животнаго онъ признаеть за ступени послѣдовательнаго развитія. Онъ говоритъ: «предположеніе, что глазъ, со всеми своими неподражаемыми аппаратами для приспособленія къ разнымъ разстояніямъ, къ разнымъ количествамъ свѣта, для поправленія сферической и хроматической абберраціи, могъ сложиться въ силу естественнаго подбора, — такое предположеніе, сознаюсь, можетъ показаться въ высшей степени нелѣпнымъ. И однако же разумъ говоритъ мнѣ, что если существуютъ многочисленныя постепенности между совершеннымъ, сложнымъ глазомъ и глазомъ несовершеннымъ и простымъ, при чемъ каждая степень совершенства полезна животному, ея одаренному; если, даље, глазъ хотя сколько нибудь подверженъ видоизмѣненіямъ, и эти видоизмѣненія наследственны, въ чемъ нельзя сомнѣваться; и если какое либо болѣе или менѣе значительное видоизмѣненіе этого органа можетъ сдѣлаться для животнаго полезнымъ при измѣненіи условій жизни: то возможность образованія совершеннаго и сложнаго глаза путемъ естественнаго подбора, какъ ни безсильно сладить съ нею наше воображеніе, не можетъ представлять никакого существеннаго затрудненія» (м). Дарвину, конечно, невозможно доказать, что въ теченіе геологическихъ эпохъ развитія дѣйствительно произошло мало по малу образованіе и усовершенствованіе глазъ у различныхъ классовъ и разрядовъ животныхъ; потому что хотя бы ископаемыхъ остатковъ нашлось очень много, но во всякомъ случаѣ по нимъ невоз-

---

(м) Стр. 150. 151.

можно съ достовѣрностію опредѣлить свойство глазъ, и получить что нибудь для дѣйствительной исторіи ихъ происхожденія и развитія. Потому и здѣсь онъ долженъ остановиться на различныхъ видахъ и постепенностяхъ устройства глаза, теперь встрѣчающихся совмѣстно, и придавать имъ значеніе послѣдовательныхъ ступеней развитія. «Нынѣ существующія позвоночныя, говоритъ онъ, представляютъ намъ только небольшую постепенность въ развитіи глаза, а ископаемые виды не могутъ доставить намъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Для того, чтобы открыть первыя ступени, черезъ которыя прошло развитіе глаза въ этомъ обширномъ классѣ животнаго царства, намъ, по всей вѣроятности, пришлось бы искать глубже древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ слоевъ, содержащихъ ископаемые остатки. Въ области членистыхъ животныхъ мы можемъ начать нашъ обзоръ съ оптического нерва, просто облеченнаго пигментомъ, иногда образующимъ родъ зрачка, но совершенно лишеннаго хрусталика или какого нибудь другаго оптического аппарата. Отъ этого зачаточнаго глаза, способнаго отличать свѣтъ отъ тьмы, но не болѣе того, мы можемъ прослѣдить усовершенствованіе зрительнаго органа по двумъ рядамъ развитія, которые Мюллеръ считалъ существенно различными. Первый рядъ составляютъ такъ называемые простые глаза (*stemmata*), имѣющіе хрусталикъ и роговую оболочку; второй — сложные глаза, дѣйствующіе преимущественно или исключительно тѣмъ, что исключаютъ всѣ лучи, исходящіе изъ всякой точки созерцаемаго предмета, кромѣ пучка, падающаго отвѣсно на выпуклую поверхность сѣтчатой оболочки. Въ классѣ сложныхъ глазъ,

кромѣ безконечнаго разнообразія въ формахъ, размѣрахъ, числѣ и расположеніи прозрачныхъ конусовъ, выстланныхъ пигментомъ и дѣйствующихъ исключеніемъ свѣтовыхъ лучей, мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе совершенные аппараты для ихъ сведенія. Такъ въ глазахъ у *Meloe* грани роговой оболочки слегка выпуклы и внутрь и снаружи, то есть чечевицеобразны. Многіе раки имѣютъ двѣ роговыя оболочки — наружную гладкую, и внутреннюю граненую, а въ этихъ граняхъ, по выраженію Мильнъ-Эдварса, «*renflemens lenticulaires paraissent s'être développés* (чечевицеобразныя вышуклости представляются развиты); и иногда эти чечевички можно отдѣлить особымъ слоемъ отъ роговой оболочки. Прозрачные конусы, выстланные пигментомъ, и дѣйствующіе, по мнѣнію Мюллера, лишь исключеніемъ свѣтовыхъ лучей, обыкновенно спаяны съ роговою оболочкою, но нерѣдко и отдѣлены отъ нея, и въ этомъ случаѣ ихъ свободныя основанія выпуклы, и должны, по моему мнѣнію, сводить свѣтовые лучи. Притомъ, строеніе сложныхъ глазъ такъ разнообразно, что Мюллеръ распредѣляетъ ихъ на три главные класса, и не менѣе, чѣмъ на семь подраздѣленій. Онъ причисляетъ къ четвертому главному классу скученные простые глаза, и присовокупляетъ, что «эти послѣдніе составляютъ переходъ между сложными, мозаичными глазами, лишенными сводящаго аппарата, и тѣми, которые снабжены имъ.» Въ виду этихъ фактовъ, слишкомъ кратко и отрывочно указанныхъ здѣсь, но показывающихъ, что у нынѣ живущихъ раковъ существуетъ много постепеннаго разнообразія въ строеніи глазъ, и припоминая, какъ мало количество нынѣ

живущихъ видовъ въ сравненіи съ видами вымершими, я не вижу большой невѣроятности (по крайней мѣрѣ бѣльшей, чѣмъ относительно другихъ органовъ) въ томъ, что естественный подборъ превратилъ простой аппаратъ, состоявшій только изъ оптическаго нерва, облеченнаго въ пигментъ, и прикрытый прозрачною перепонкою, въ столь совершенный оптический инструментъ, какой находится у совершеннѣйшихъ животныхъ изъ класса членистыхъ.»

«Допустивъ это, читатель, который, ознакомившись со всѣмъ этимъ сочиненіемъ, убѣдится въ томъ, что великое множество фактовъ, иначе необъяснимыхъ, объясняются теоріею потомственной связи, смѣло можетъ пойти далѣе, и допустить, что даже органъ столь совершенный, какъ глазъ орла, могъ сложиться черезъ естественный подборъ, хотя въ этомъ случаѣ намъ неизвѣстна ни одна изъ предшествовавшихъ ступеней развитія. Его разумъ долженъ взять верхъ надъ его воображеніемъ, — дѣло не легкое въ этомъ случаѣ, какъ я испыталъ на себѣ; поэтому меня нисколько не удивить, если читатель призадумается, прежде чѣмъ дать началу естественнаго подбора такое обширное приложеніе.»

«Трудно избѣгнуть сравненія глаза съ телескопомъ. Мы знаемъ, что этотъ инструментъ былъ усовершенствованъ продолжительными усиліями самыхъ высокихъ человѣческихъ умовъ; и мы естественно заключаемъ, что глазъ достигъ своего совершенства процессомъ болѣе или менѣе подобнымъ. Но не основывается ли такое заключеніе на одной фантазіи? Имѣемъ ли мы право предполагать, что разумъ Творца

дѣйствуетъ подобно слабому разуму чловѣка? Если уже сравнивать глазъ съ оптическимъ инструментомъ, мы должны представить себѣ толстый слой прозрачной ткани, съ полостями, наполненными жидкостію, и подъ нимъ нервъ, чувствительный къ свѣту. Затѣмъ мы должны представить себѣ, что каждая часть этого слоя медленно, но непрерывно измѣняетъ свою плотность, такъ что происходитъ распадѣніе на слои разной толщины и плотности, находящіеся на разныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, и медленно измѣняющіе формы своихъ поверхностей. Далѣе, мы должны представить себѣ силу (естественный подборъ), постоянно и строго слѣдящую за каждымъ случайнымъ измѣненіемъ въ прозрачныхъ слояхъ и тщательно подбирающую всякое видоизмѣненіе, которое при разныхъ обстоятельствахъ могло бы, тѣмъ или другимъ способомъ, въ той или другой мѣрѣ, послужить къ произведенію болѣе яснаго изображенія. Мы должны представить себѣ, что каждое новое состояніе инструмента воспроизводится въ миллионъ экземпляровъ, и что каждый изъ нихъ сохраняется, пока не возникнетъ лучшій инструментъ, а затѣмъ прежніе уничтожаются. Въ живыхъ тѣлахъ одно уклоненіе производитъ нѣсколько небольшихъ разностей, произведеніе потомства размножаетъ эти разности до безконечности, а естественный подборъ съ безошибочною точностію пользуется всякимъ улучшеніемъ съ цѣлію дальнѣйшаго усовершенствованія. Пусть представятъ, что этотъ процессъ длился миллионы и билліоны лѣтъ, и притомъ ежегодно въ миллионахъ разнообразныхъ особей: неужели этимъ путемъ не могъ бы возникнуть живой оптической инструментъ, превышающій искус-

ственные на столько, на сколько созданія Творца выше созданийъ рукъ человѣческихъ» (н).

Извѣстно, что животныя одного и того же класса, напр. млекопитающія и рыбы, для удовлетворенія одной и тойже потребности дыханія снабжены весьма различнымъ устройствомъ; однѣ дышатъ легкими, другія — жабрами. Оба эти различныя устройства должны были, по теоріи Дарвина, произойти путемъ естественнаго подбора, путемъ накопленія небольшихъ выгодныхъ видоизмѣненій; и то и другое устройство произошли или отъ третьяго, отличнаго органа дыханія, или совершеннѣйшій органъ — легкія отъ менѣе совершеннаго, отъ жабръ. Дарвинъ въ дѣйствительности предпочитаетъ послѣдній взглядъ. Переходную ступень, и слѣд. фактическій процессъ образованія онъ видитъ въ томъ, что напр. есть рыбы, дышашія воздухомъ заключающимся въ водѣ, посредствомъ своихъ жаберъ, и въ тоже самое время способны вдыхать атмосферный воздухъ посредствомъ плавательнаго пузыря, который для этой цѣли связанъ съ глоткой воздушнымъ проходомъ, и внутри раздѣленъ многочисленными сосудистыми перегородками. Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію Дарвина, одинъ изъ двухъ органовъ легко могъ измѣниться и усовершенствоваться на столько, чтобы одинъ совершалъ дѣло обоихъ, а въ это время другой могъ бы быть приспособленъ къ новому назначенію, или вовсе уничтожиться. Примѣръ плавательнаго пузыря показываетъ, что органъ, первоначально устроенный для одной цѣли, именно для плаванія, можетъ превратиться въ органъ, служащій со-

---

(н) Стр. 150—153.

вершенно иному отправления, а именно дыханію; и едва ли можно сомнѣваться, что всѣ позвоночныя животныя съ настоящими легкими произошли, обыкновеннымъ путемъ распространенія, отъ древнѣйшаго неизвѣстнаго первообраза, имѣвшаго плавательный аппаратъ или плавательный пузырь.

Новое затрудненіе Дарвинъ находитъ въ образованіи органовъ, по видимому, маловажныхъ. «Такъ какъ естественный подборъ дѣйствуетъ, давая жизнь или смерть, сохраняя особи, представляющія какое либо выгодное видоизмѣненіе, и истребляя тѣ, которыя видоизмѣнились невыгодно для себя, то меня нерѣдко приводило въ немалое недоумѣніе происхожденіе несложныхъ органовъ, которыхъ важность не кажется достаточною, чтобы послужить основаніемъ для сохраненія постоянно болѣе и болѣе измѣняющихся особей.» Это затрудненіе Дарвинъ прежде всего пытается разрѣшить указаніемъ на то, что мы слишкомъ мало знаемъ объ общей экономіи какого бы то ни было органическаго существа, чтобы рѣшить, какія незначительныя видоизмѣненія могли быть для него важны. «Хвостъ жираффы имѣетъ видъ искусственной мухонки, и на первый взглядъ кажется невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ приспособиться къ теперешнему своему неважному отправленію черезъ постепенныя усовершенствованія; но мы должны остановиться, прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ даже объ этомъ случаѣ, ибо мы знаемъ, что существованіе и распределеніе рогатаго скота и другихъ звѣрей въ южной Америкѣ положительно зависитъ отъ ихъ средствъ защиты противъ насѣкомыхъ, такъ что особи, которыя могли бы какъ нибудь оборониться отъ

этихъ мелкихъ враговъ, имѣли бы возможность занять новыя пастбища, и приобрѣли бы значительное преимущество. Конечно крупныя млекопитающія только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть истреблены мухами; но они подвергаются отъ мухъ безпрестанному мученію, отъ котораго ослабѣваютъ и хилѣютъ, вслѣдствіе чего въ большемъ числѣ гибнутъ отъ болѣзней, отъ недостатка корма и отъ хищныхъ животныхъ»^(о). Затѣмъ Дарвинъ указываетъ, въ разрѣшеніе разбираемаго затрудненія, еще и на то, что нѣкоторыя особенности строенія имѣютъ только кажущуюся важность, на самомъ дѣлѣ не существующую, и потому происходятъ не отъ естественнаго подбора, а отъ другихъ причинъ, отъ климата, пищи, полового подбора.

Такъ Дарвинъ пытается объяснить естественнымъ подборомъ различіе въ тѣлесномъ строеніи животныхъ, и подтвердить свою теорію. Но онъ идетъ еще далѣе; онъ выводитъ и всѣ психическія различія и родовые признаки того или другаго вида животныхъ изъ постепенно накопившихся незначительныхъ измѣненій въ строеніи и изъ наследственной ихъ передачи, и такимъ образомъ смотритъ на животную душу, то есть, на причину психической дѣятельности, какъ на слѣдствіе естественнаго подбора. Объ этомъ онъ говоритъ въ замѣчательной седьмой главѣ, гдѣ дѣло идетъ объ инстинктѣ. Хотя Дарвинъ говоритъ рѣшительно, что «не думаетъ касаться вопроса о происхожденіи духовныхъ силъ и о происхожденіи самой жизни:» но такъ какъ онъ прямо выводитъ все изъ первоначальныхъ простыхъ организмовъ, о психическихъ силахъ кото-

---

(о) Стр. 158.

рыхъ едва ли можетъ быть и рѣчь, то по необходимости онъ долженъ выводить происхожденіе этихъ силъ изъ естественнаго подбора, и при помощи его объяснять ихъ.

Какъ и вездѣ Дарвинъ мало обращаетъ вниманія на логическія опредѣленія, такъ нѣтъ у него никакого опредѣленія и для инстинкта. «Всякій понимаетъ, въ чемъ дѣло, если я скажу, что инстинктъ заставляетъ кукуунку переселяться съ юга на сѣверъ и класть свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ. Когда дѣйствіе, которое мы сами могли бы совершить лишь наученные опытомъ, совершается животнымъ, въ особенности очень молодымъ, безъ всякаго предварительнаго опыта, и притомъ совершается многими особями одинаковымъ способомъ, безъ всякаго знанія его цѣли, — такое дѣйствіе мы обыкновенно называемъ инстинктивнымъ. Но я могъ бы показать, что ни одинъ изъ этихъ признаковъ инстинкта не можетъ быть признанъ всеобщимъ. По выраженію П. Губера, малая доля разсудка или разума часто примѣшивается къ дѣйствіямъ животныхъ, даже и занимающихъ въ природѣ очень низкое мѣсто» (п). Инстинктъ можно сравнивать съ привычкою, которая, будучи разъ усвоена, сохраняется на всю жизнь. «Какъ при повтореніи давно знакомой пѣсни, такъ и въ инстинктивной дѣятельности, одно дѣйствіе слѣдуетъ за другими какъ бы по особому размѣру (ритмически). Когда чловѣка прерываютъ среди пѣсни, или среди повторенія рѣчи, выученной наизусть, онъ часто бываетъ принужденъ начать снова, чтобы опять найти для себя ходъ мысли. П. Гу-

---

(п) Стр. 168.

беръ наблюдалъ совершенно подобныя явленія надъ гусеницею, сооружающею себѣ очень сложный гамакъ; когда онъ бралъ гусеницу, доведшую свое сооруженіе, положимъ, до шестаго отдѣленія, и клалъ ее въ гамакъ, доведенный до третьяго отдѣленія, гусеница просто повторяла третье, четвертое и пятое отдѣленіе до шестаго. Но если гусеница была взята изъ гамака, достроеннаго, напримѣръ, до третьяго отдѣленія, и переносилась въ гамакъ, доведенный до шестаго, такъ что избавлялась отъ значительной доли труда, то вмѣсто того, чтобы почувствовать эту выгоду, она приходила въ крайнее замѣшательство, и для того, чтобы кончить гамакъ, начинала съ третьяго отдѣленія, на которомъ ее прервали, и пыталась передѣлать то, что уже было окончено. Если мы предположимъ, что привычка передалась наследственно, — а можно, какъ мнѣ кажется, доказать, что это иногда случается, — то сходство между инстинктомъ и тѣмъ, что первоначально было привычкою, станетъ столь близкимъ, что провести разъдѣляющую черту невозможно. Если бы Моцартъ, вмѣсто того, чтобы трехъ лѣтъ играть на фортепьяно почти неучившись, съигралъ бы піесу, не учившись вовсе, можно было бы сказать, что онъ это сдѣлалъ инстинктивно» (р).

Пытаясь изъяснить естественнымъ подборомъ инстинктъ, представленный въ такихъ чертахъ, Дарвинъ при этомъ полагаетъ въ основаніе ту мысль, что инстинкты, по общему признанію, такъ же важны для успѣшности дѣйствій каждаго вида животныхъ при ихъ нынѣшнихъ условіяхъ существованія, какъ и стро-

еніе тѣла. Пусть измѣнятся условія жизни того или другаго вида, тогда, по всей вѣроятности, должны оказаться для него полезными и незначительныя измѣненія въ инстинктѣ. «Если можно доказать, что инстинкты хоть сколько нибудь измѣнчивы, то я не вижу ничего невѣроятнаго въ томъ, что естественный подборъ сохраняетъ и накапливаетъ уклоненія въ инстинктѣ, въ той мѣрѣ, въ которой они полезны. Такимъ путемъ, по моему мнѣнію, возникли всѣ самыя сложныя и дивныя инстинкты. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что инстинкты, точно такъ же, какъ и черты тѣлеснаго строенія, возникаютъ и усиливаются вслѣдствіе изощренія и извѣстнаго образа жизни, и уменьшаются или утрачиваются отъ неупотребленія. Но я думаю, что дѣйствіе образа жизни менѣе значительно въ сравненіи съ дѣйствіемъ естественнаго подбора на такъ называемыя случайныя уклоненія въ инстинктѣ, то есть на уклоненія, зависящія отъ неизвѣстныхъ причинъ, которыя вызываютъ легкія уклоненія въ тѣлесномъ строеніи. Никакой сложный инстинктъ не можетъ образоваться путемъ естественнаго подбора иначе, какъ черезъ медленное и постепенное накопленіе многочисленныхъ, легкихъ, но полезныхъ уклоненій. Поэтому, какъ и въ случаѣ особенностей строенія, мы должны встрѣчать въ природѣ не полный рядъ постепенностей, черезъ которыя прошелъ каждый сложный инстинктъ до своего нынѣшняго совершенства,— онѣ могли бы найтись лишь въ прямыхъ предкахъ каждаго вида, — но намъ слѣдовало бы найти въ боковыхъ потомственныхъ линияхъ нѣкоторыя указанія на такую постепенность; или мы должны бы, по крайней мѣрѣ, имѣть средства доказать, что нѣкоторая

постепенность возможна; а эти средства мы, конечно, имѣемъ» (с).

Чтобы доказать дѣйствительность образованія и усовершенствованія инстинкта путемъ естественнаго подбора, нужно прежде всего доказать фактами, что инстинктъ вообще способенъ измѣняться. Дарвинъ собирается привести примѣры, доказывающіе это, въ другомъ болѣе обширномъ сочиненіи, а здѣсь онъ предварительно только завѣряетъ, что инстинкты несомнѣнно измѣняются, напр. инстинктъ перелета у птицъ, мѣняющійся и въ размѣрѣ и въ направленіи, а иногда и вовсе прекращающійся. Тоже можно сказать о птичьихъ гнѣздахъ, измѣняющихся иногда сообразно избранной мѣстности или температурѣ и свойствамъ страны, а часто и по причинамъ совершенно неизвѣстнымъ. Одубонъ привелъ нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ различія между гнѣздами одного и того же вида птицъ, смотря по тому, свиты ли они въ сѣверныхъ, или въ южныхъ Штатахъ Америки. Такъ же мѣняется у животныхъ и инстинктивный страхъ. И общій нравъ особей одного вида, рожденныхъ даже въ дикомъ состояніи, весьма разнообразенъ; это даетъ инстинкту особья частныя направленія и видоизмѣненія. У нѣкоторыхъ видовъ появляются случайныя и своеобразныя привычки, которыя, если бы были полезны, могли бы путемъ естественнаго подбора произвести совершенно новыя инстинкты.

Возможность и даже вѣроятность наследственныхъ видоизмѣненій инстинкта въ состояніи природномъ Дарвинъ пытается подтвердить еще болѣе дѣйствитель-

нымъ существованіемъ такой наслѣдственной передачи у животныхъ прирученныхъ. «Можно было бы привести множество любопытныхъ и достовѣрныхъ примѣровъ наслѣдственности всѣхъ отбѣжковъ въ нравѣ, вкусахъ, склонности къ самымъ страннымъ проказамъ, связанныхъ съ извѣстными расположеніями духа или съ извѣстными періодическими условіями. Возьмемъ сподручный примѣръ нашихъ различныхъ породъ собакъ. Нѣтъ сомнѣнія, что молодые понтеры (я самъ видѣлъ разительный примѣръ этого) иногда дѣлаютъ стойку даже въ первый разъ, когда ихъ выведутъ на охоту; нѣтъ сомнѣнія, что и разныя другія повадки охотничьихъ собакъ наслѣдственны; точно такъ же какъ и у молодыхъ пастушьихъ собакъ — склонность обгнать стада. Я не вижу, чѣмъ эти дѣйствія существенно отличаются отъ дѣйствій инстинкта; потому что молодые собаки дѣйствуютъ безъ всякаго предварительнаго опыта, и одна дѣйствуетъ почти совершенно такъ же, какъ другая той же породы, и безъ всякаго понятія о цѣли дѣйствія. Молодой понтеръ такъ же мало можетъ знать, что онъ помогаетъ своему хозяину, дѣлая стойку, какъ мало знаетъ бѣлая бабочка, зачѣмъ она кладетъ яйца на бѣлую капусту» (г).

Чтобы еще яснѣе показать, какимъ образомъ инстинкты въ состояніи природномъ видоизмѣнились черезъ естественный подборъ, Дарвинъ отдельно рассматриваетъ три замѣчательныхъ инстинкта, именно: инстинктъ, заставляющій кукушку класть яйца въ

(г) Стр. 172. 173.

гнѣзда другихъ птицъ; инстинктъ, заставляющій нѣкоторыхъ муравьевъ захватывать въ рабство другихъ муравьевъ; способность пчелы строить ячейки. Эти два послѣдніе инстинкта справедливо считаются естественными испытателями «за самые дивные изъ всѣхъ извѣстныхъ инстинктовъ».

Относительно разсматриваемаго инстинкта кукушки, нужно напередъ замѣтить, что онъ свойственъ только кукушкѣ европейской, а не свойственъ американской, которая, хотя и находится въ томъ же положеніи, но обыкновенно сама вьетъ себѣ гнѣздо и кладетъ въ него яйца. Дарвинъ по этому случаю замѣчаетъ: «предположимъ, что древній прародитель нашей европейской кукушки имѣлъ нравы кукушки американской, но что иногда онъ клалъ яйца въ чужія гнѣзда. Если эта древняя птица имѣла выгоду отъ такого дѣйствія, или если ея птенцы становились сильнѣе, воспользовавшись обманутымъ материнскимъ инстинктомъ другой птицы, чѣмъ выведенные собственною матерью, обремененной въ одно и тоже время и яйцами и птенцами разныхъ возрастовъ: то, конечно, при этомъ выигрывали или старыя птицы, или птенцы, вскормленные въ чужомъ гнѣздѣ. По аналогіи я могу думать, что птенцы, выведенные такимъ образомъ, были бы склонны къ унаслѣдованію случайной повадки своей матери, и въ свою очередь имѣли бы склонность класть свои яйца въ чужія гнѣзда, и пріобрѣтать потомство болѣе сильное. Черезъ продолжительный процессъ такого рода, по моему мнѣнію, могъ сложиться странный инстинктъ нашей кукушки. Я могу присовокупить, что, по свидѣтельству Грея и нѣкоторыхъ другихъ наблюдателей, европейская кукушка не выполнѣ

утратила всякую материнскую любовь къ своему потомству и попечительность объ немъ» (у).

Инстинктъ муравьевъ, заставляющій ихъ пріобрѣтать рабовъ, впервые былъ открытъ у *Formica rufescens* Петромъ Губеромъ. «Этотъ муравей только и живетъ трудами своихъ рабовъ; безъ ихъ помощи видъ, конечно, вымеръ бы въ теченіе одного года. Самцы и плодovitыя самки не работаютъ. Рабочія или безплодныя самки, хотя и очень храбрыя и дѣятельныя въ захватываніи рабовъ, ничего другаго не дѣлаютъ. Онѣ не способны строить себѣ муравейникъ, не способны вскормить собственныхъ личинокъ. Когда старый муравейникъ оказывается неудобнымъ, и имъ приходится переселяться, переселеніемъ распоряжаются рабы, перенося своихъ господъ въ челюстяхъ. Эти господа до того безпомощны, что когда Губеръ заширалъ ихъ штукъ тридцать, не присоединивъ къ нимъ ни одного раба, но съ обиліемъ самой пригодной для нихъ пищи и съ ихъ личинками и куколками, чтобы поощрить ихъ къ работѣ, они не дѣлали ровно ничего; они даже не умѣли питаться сами, и многіе изъ нихъ умирали съ голоду. Затѣмъ Губеръ впускалъ къ нимъ одного раба (*Formica fusca*), и онъ тотчасъ принимался за дѣло, кормилъ личинокъ и оставшихся въ живыхъ муравьевъ, строилъ нѣсколько ячеекъ, нянчился съ личинками и приводилъ все въ порядокъ. Что можетъ быть страннѣе этихъ вполне достовѣрныхъ фактовъ? Если бы намъ не были извѣстны и другіе муравьи-рабовладельцы, всякія попытки объяснить себѣ такой странный инстинктъ были бы безнадежны. П.

Губеръ открылъ, что и другой видъ муравья (*Formica sanguinea*) захватываетъ рабовъ. Этотъ видъ встрѣчается на югъ Англiи, и Ф. Смитъ, членъ Британскаго музея, производилъ наблюденія надъ его нравами» (*). Дарвинъ подтверждаетъ эти факты собственными наблюденіями. «Я вскрылъ, рассказываетъ онъ, четырнадцать гнѣздъ кроваваго муравья (*F. sanguinea*), и въ каждомъ изъ нихъ нашелъ нѣсколько рабовъ. Самцы и плодовитыя самки того вида, къ которому относятся рабы (*F. fusca*), встрѣчаются только въ собственныхъ муравейникахъ, и никогда не были найдены въ кучкахъ кроваваго муравья. Рабы черны и въ половину мельче своихъ красныхъ господъ, такъ что резко отличаются отъ нихъ по наружному виду. Когда муравейникъ слегка тревожатъ, рабы иногда выбѣгаютъ и, подобно господамъ, суется, защищая муравейникъ. А когда муравейникъ взрываютъ такъ, что обнаруживаются личинки и куколки, рабы усердно содѣйствуютъ своимъ господамъ въ перенесеніи ихъ дѣтенышей въ безопасное мѣсто. Изъ этого очевидно, что рабы въ чужомъ муравейникъ чувствуютъ себя дома.» Повидимому, муравьи этого рода держатъ рабовъ только для работъ домашнихъ, потому что рабовъ никогда нельзя было видѣть выходившими изъ муравейника или входившими въ него, какъ бы много или мало ихъ ни было тамъ; а между тѣмъ ихъ господа постоянно таскаютъ въ муравейникъ строительные матеріалы и кормъ всякаго рода. У этого вида муравьевъ (*F. sanguinea*), въ случаѣ переселенія, господа заботливо переносятъ своихъ рабовъ въ челю-

---

(*) Стр. 177. 178.

стяхъ, вмѣсто того, чтобы заставлятъ ихъ переносить себя, какъ дѣлаетъ *F. rufescens*. Приобрѣтеніе рабовъ совершается, по видимому, такимъ образомъ: муравьи-рабовладѣльцы отнимаютъ муравьиныхъ куколокъ, преимущественно изъ вида *F. fusca*, который они умѣютъ отличать отъ другихъ видовъ, утаскиваютъ въ свой муравейникъ и воспитываютъ для рабства. По этому поводу Дарвинъ замѣчаетъ: «я не берусь отгадать, какимъ путемъ возникъ инстинктъ кроваваго муравья. Но такъ какъ муравьи, даже не держащіе рабовъ, подбираютъ куколки другихъ видовъ, случайно разсыпанныя около ихъ гнѣзда, съ цѣлю, вѣроятно, употребить ихъ въ пищу: то очень возможно, чтобы куколки иногда и развивались тутъ, и такимъ образомъ случайно занесенные въ муравейникъ прищелцы, воспитавшіеся тутъ, следуя своимъ инстинктамъ, стали бы здѣсь работать по мѣрѣ своихъ силъ. Если ихъ присутствіе оказывалось полезнымъ для вида, захватившаго ихъ, — если оказывалось выгоднымъ брать работниковъ въ плѣнъ и воспитывать ихъ, то случайное собираніе куколокъ на пищу могло быть успешно естественнымъ подборомъ, пріобрѣсти постоянство и приспособиться къ совершенно иной цѣли — къ воспитанію рабовъ. Если это стремленіе при своемъ происхожденіи развилось въ мѣрѣ даже меньшей, чѣмъ у англійской *F. sanguinea*, менѣе пользующейся трудомъ своихъ рабовъ, чѣмъ тотъ же видъ въ Швейцаріи, то я не вижу невѣроятности въ томъ, чтобы естественный подборъ усиливалъ и видоизмѣнялъ этотъ инстинктъ, — предполагая, конечно, что всякое видоизмѣненіе было полезно виду, — пока не сложился

муравей, столь постыдно зависящій отъ своихъ рабовъ, какъ *Formica rufescens*» (x).

Пчелы, какъ извѣстно, съ большимъ искусствомъ строятъ свои соты изъ шестиугольныхъ восковыхъ ячеекъ; это строеніе въ одно и тоже время представляетъ различныя выгоды, такъ какъ ячейкамъ придана форма, при которой съ возможно малымъ расходомъ драгоценнаго строительнаго матеріала, то есть воску, онѣ вмѣщаютъ наибольшее количество меда. Какъ множество пчелъ, копошащихся въ темномъ ульѣ, могутъ достигать съ величайшею точностію разрѣшенія такой задачи? «Допустивъ какой угодно инстинктъ, говоритъ Дарвинъ, все таки на первый взглядъ кажется непонятнымъ, какъ могутъ онѣ построить всѣ необходимыя плоскости и углы, или даже замѣтить, что они построены правильно. Но затрудненіе далеко не такъ велико, какъ оно кажется на первый взглядъ; можно, какъ мнѣ кажется, доказать, что эта дивная работа совершается въ силу немногихъ, очень простыхъ инстинктовъ.... Обратимся къ великому началу постепенности, и посмотримъ, не обнаружитъ ли передъ нами сама природа своего образа дѣйствій? На одномъ концѣ краткаго ряда мы встречаемъ шмелей, употребляющихъ для храненія меда свои старые коконы, иногда придѣлывая къ нимъ короткія восковыя трубочки, а такъ же иногда строящихъ отдѣльныя, округлыя и очень неправильныя ячейки изъ воска. На другомъ концѣ ряда мы встречаемъ ячейки пчелы, расположенныя двойными слоями;

(x) Стр. 181.

каждая изъ насъ, какъ извѣстно, имѣеть форму шести-сторонней призмы, приюстренной у основаній тремя ромбическими плоскостями трехгранной пирамиды. Эти ромбы имѣють опредѣленные углы, и всѣ три ромба, составляющіе пирамидальное основаніе одной ячейки, входятъ въ составъ основаній трехъ ближайшихъ ячеекъ другаго слоя. На срединѣ между высоко-совершенными ячейками пчелы и простѣйшими ячейками шмеля мы встрѣчаемъ ячейки мексиканской *Melipona domestica*, тщательно описанныя и изображенныя П. Губеромъ. Сама мелипона по строенію занимаетъ средину между пчелою и шмелемъ, но ближе къ последнему. Она строитъ почти правильный восковой сотъ изъ цилиндрическихъ ячеекъ, въ которыхъ развиваются личинки, и кромѣ того нѣсколько крупныхъ восковыхъ ячеекъ для храненія меда. Эти послѣднія ячейки почти шарообразны, приблизительно одинаковой величины, и скучены въ неправильную массу. Но, что всего важнѣе, эти ячейки всегда сближены между собою на столько, что онѣ пересѣкались бы или вдавались одна въ другую, если бы ихъ сферическая поверхность была полная. Но этого никогда не допускаетъ мелипона; она строитъ совершенно плоскія восковыя стѣнки между пересѣкающимися сферами. По этому каждая ячейка состоитъ изъ наружной сферической части и изъ двухъ, трехъ или болѣе совершенно плоскихъ поверхностей, смотря по тому, соприкасается ли она съ двумя, тремя или болѣе ячейками. Когда одна ячейка приходитъ въ соприкосновеніе съ другими ячейками, что при приблизительно одинаковыхъ размѣрахъ, по необходимости, случается часто, то три плоскія поверхности соединяются въ трехстороннюю

пирамиду, и эта пирамида, какъ замѣчаетъ Губеръ, есть грубое подобіе трехсторонняго пирамидальнаго основанія пчелиной ячейки. Какъ въ сотахъ пчелы, такъ и тутъ, три плоскія поверхности каждой ячейки по необходимости входятъ въ составъ трехъ сосѣднихъ ячеекъ. Очевидно, что этимъ способомъ постройки мелипона сберегаетъ воскъ; ибо плоскія стѣнки между соприкасающимися ячейками не двойныя, но имѣютъ толщину одинаковую съ внѣшними сферическими частями, при чемъ, однакоже, каждая плоская часть входитъ въ составъ двухъ ячеекъ» (11). Изъ этого, по мнѣнію Дарвина, мы можемъ заключать, что, если бы мы могли слегка усовершенствовать инстинктъ мелипоны, она стала бы строить такіе же дивные соты, какъ и пчела. «Предположимъ, говоритъ онъ, что мелипона строить ячейки совершенно сферическія и равныя между собою; въ этомъ не было бы ничего особенно удивительнаго, такъ какъ она уже близка къ тому; вспомнимъ, какіе правильно-цилиндрическіе проходы нѣкоторыя насѣкомыя буравятъ въ деревъ, вѣроятно, вертясь постоянно около одной точки. Представимъ себѣ, что мелипона располагаетъ эти ячейки плоскими слоями, что она дѣйствительно и дѣлаетъ съ ячейками цилиндрическими. Далѣе, мы должны предположить, — и въ этомъ заключается главное затрудненіе, — что она имѣетъ какое либо средство опредѣлить въ точности, на какое разстояніе отъ своихъ сотрудницъ ей слѣдуетъ помѣститься, когда нѣсколько мелипонъ работаютъ рядомъ; но она уже на столько способна судить о разстояніяхъ, что постоянно

---

(11) Стр. 182. 183.

строить сферы пересѣкающіяся и, въ плоскостяхъ пересѣченія, совершенно плоскія стѣнки. Наконецъ предположимъ, — въ чемъ впрочемъ нѣтъ затрудненія, — что послѣ того, какъ пересѣченіемъ сферъ образовались шестигранныя призмы, мелипона можетъ удлинить ихъ, сколько нужно для вмѣщенія меда, точно такъ же, какъ грубый шмель придѣлываетъ восковые цилиндры къ круглому отверстию своихъ старыхъ коконовъ. Черезъ такія видоизмѣненія инстинктовъ, первоначально не слишкомъ удивительныхъ (по крайней мѣрѣ не болѣе удивительныхъ, чѣмъ инстинкты, руководящіе птицами при постройкѣ гнѣзда), пчела, по моему мнѣнію, путемъ естественнаго подбора пріобрѣла свои неподражаемыя строительныя способности» (4). Побудительною причиною для такого процесса естественнаго подбора Дарвинъ признаетъ стремленіе сберегать воскъ. Одиночный рой, наименѣе тратившій меду на отдѣленіе воску, велъ дѣло успешнѣе и по наслѣдству передавалъ свою ново-пріобрѣтенную бережливость рою послѣдующему, получавшему такимъ образомъ еще болѣе вѣроятностей на успѣхи въ борьбѣ за существованіе. Пчелы же часто терпятъ недостатокъ въ нектарѣ; имъ нужно собирать огромное количество меду, чтобы, питаясь имъ въ ульѣ, добыть воскъ, нужный для построения сотовъ. Большой запасъ меду необходимъ и для пропитанія значительной общины во время зимы, и прочность улья зависитъ главнымъ образомъ отъ того, чтобы перезимовало много пчелъ. Потому сбереженіе воска значительно сберегаетъ медъ, и служитъ существеннымъ усло-

---

(4) Стр. 184.

віємъ для благосостоянія пчелиной общины. Эта задача возможно бѣльшого сбереженія воска разрѣшена строеніемъ пчелиныхъ ячеекъ, и потому-то они сохранились и восторжествовали въ борьбѣ за существованіе.

Дарвинъ пытается устранить еще другое затрудненіе, грозящее его теоріи уничтоженіемъ. Дѣло касается отсутствія самцовъ и самокъ въ нѣкоторыхъ общинахъ насѣкомыхъ и значительнаго числа бесполоыхъ особей, годныхъ къ работѣ, но не годныхъ къ распространенію рода. И что особенно замѣчательно, у многихъ видовъ муравьевъ бесполые часто въ невѣроятной степени отличаются не только отъ самцовъ и самокъ, но и другъ отъ друга, такъ что могутъ различаться на многіе разряды, или касты. «Эти касты обыкновенно не переходятъ одна въ другую, но такъ же рѣзко разграничены, какъ любые виды одного рода или, точнѣе, роды одного семейства. Такъ у *Eciton* есть бесполые рабочіе и воины съ чрезвычайно разнообразными челюстями и инстинктами. У *Cryptocerus* рабочіе лишь одной касты снабжены очень страннымъ щитомъ на головѣ, употребленіе котораго совершенно неизвѣстно. У мексиканскаго *Murgmocystus* рабочіе одной касты никогда не оставляютъ гнѣзда; ихъ кормятъ рабочіе другой касты, и у нихъ безмѣрно развито брюхо, которое выдѣляетъ родъ меду, замѣняющаго добываемый нашими муравьями черезъ доеніе тлей; мексиканскіе муравьи достаютъ его отъ особей своей же собственной породы, и держатъ ихъ у себя въ жилищахъ какъ коровъ» (ш). Затрудненіе для Дар-

---

(ш) Стр. 192.

виновой теоріи, очевидно, состоитъ здѣсь въ томъ, что эти безполныя особи, по своей неспособности къ продолженію рода, не могутъ въ борьбѣ за существованіе сохранять и передавать по наслѣдству свои особенности. Потому спрашивается, какъ эти безполые возникаютъ и какъ сохраняются? Дарвинъ признаетъ, что въ общинахъ насѣкомыхъ по неизвѣстнымъ причинамъ произошли нѣкогда и бесплодныя особи, оказавшіяся особенно пригодными для особыхъ отпращиваній, и потому для общины полезныя въ борьбѣ за существованіе. Отъ этого должны были получать преимущества и наилучшимъ образомъ сохраняться тѣ общины насѣкомыхъ, которыя обладали способностію производить и бесплодныя особи, способностію, тѣмъ болѣе развивавшеюся, чѣмъ лучшее развитіе получали извѣстныя особенности безполыхъ, содѣйствовавшія благосостоянію цѣлаго общества. Тѣмъ же объясняется и странное появленіе двухъ очень строго различающихся разрядовъ бесплодныхъ рабочихъ въ одномъ и томъ же гнѣздѣ, отличныхъ и другъ отъ друга, и своихъ предковъ. «Мы можемъ представить себѣ, что ихъ произведеніе было полезно общинѣ насѣкомыхъ въ силу того же начала, по которому раздѣленіе труда полезно образованнымъ людямъ. Такъ какъ муравьи работаютъ по унаслѣдованному инстинкту и унаслѣдованными орудіями, а не по пріобрѣтенному знанію и не инструментами собственной работы: то полное раздѣленіе труда могло быть произведено между ними лишь при бесплодіи рабочихъ; потому что если бы они были плодовиты, они скрещивались бы между собою, и ихъ инстинкты и строеніе смѣшались бы и утратились. И природа, какъ я полагаю, произвела

это дивное распределение труда между муравьями посредством естественного подбора» (ш).

Послѣ этихъ объясненій Дарвинъ переходитъ къ разсмотрѣнію происхожденія ублюдковъ, желая, по возможности, устранить сомнѣнія и затрудненія, возбуждаемыя противъ его теоріи тѣмъ фактомъ, что виды, скрещиваясь между собою, даютъ мало потомства или даже и совсѣмъ не даютъ его, а ублюдки вообще отличаются безплодіемъ. Это, по видимому, доказываетъ, что виды съ самаго начала своего существованія различны, и не могутъ быть производимы одинъ отъ другаго. Дарвинъ хочетъ устранить это затрудненіе преимущественно тѣмъ, что пытается представить безплодіе не столь частымъ, какъ обыкновенно думаютъ, и отыскать причину безплодія ублюдковъ въ несовершенствѣ воспроизводительныхъ органовъ.

По теоріи Дарвина, производящей всѣхъ животныхъ и всѣ растенія отъ немногихъ первоначальныхъ видовъ или даже отъ одного первоначальнаго организма, всѣ растенія и животныя должны были распространиться по земной поверхности на сушѣ и въ водѣ изъ одного мѣста, въ которомъ получили бытіе. Это представляется невозможнымъ и повидимому опровергаетъ его предположенія. Дарвинъ старается устранить и это затрудненіе, при чемъ прибѣгаетъ къ помощи различныхъ предположеній. Такъ для объясненія существованія одинаковыхъ созданій органическаго міра и у полярнаго пояса и на горахъ, отдѣленныхъ отъ него обширною теплою полосою, онъ принимаетъ ледяной періодъ, въ продолженіе котораго органическія созда-

нія свойственныя холодному поясу переселялись въ нынѣшнюю теплую полосу и дошли до упомянутыхъ горныхъ возвышенностей. Когда оканчивался ледяной періодъ, они частію стянулись назадъ къ полярному поясу, частію перешли въ соответственныя холодныя страны ближайшихъ горъ. Къ этому предположенію онъ прибавляетъ еще и другое — о нѣкогда бывшемъ всеобщемъ распространеніи теплоты. Возможность наполненія отдаленныхъ странъ и острововъ растеніями и животными Дарвинъ пытается подтвердить изслѣдованіями различныхъ способовъ распространенія сѣмянъ, на примѣръ, наблюденіями надъ существованіемъ растительныхъ сѣмянъ въ морской водѣ; тутъ онъ опредѣляетъ, какъ далеко могутъ они заноситься морскимъ теченіемъ, не теряя своей растительной силы. Тутъ же объясняетъ различные способы распространенія сѣмянъ при помощи вѣтра и птицъ.

Въ заключеніе Дарвинъ хочетъ дать еще новое подтвержденіе своей теоріи указаніемъ на факты, представляемые морфологіею (ученіемъ объ одинаковости общаго плана строенія тварей, или о единствѣ типа) и эмбриологіею (ученіемъ о зародышахъ), именно на то, что у всѣхъ зародышей части по строенію одинаковы (гомологичны), а у взрослыхъ весьма различны, и на то, что у различныхъ видовъ одного и того же класса гомологическіе органы сходны, и вообще напр. у животныхъ существуютъ различныя прямыя и непрямыя, простыя и сложныя отношенія по средству, какъ это видно на нѣсколькихъ встрѣчающихся зачаточныхъ органахъ.

Такова теорія Дарвина въ ея главныхъ чертахъ и съ ея важнѣйшими доказательствами. Я изложилъ ее по

подробнѣе и большею частію словами самаго автора для того, чтобы хотя нѣсколько оставить за его доводами кажущуюся силу, равно какъ и для того, чтобы возбудить вниманіе къ содержанію моеѣ критики и сдѣлать ее болѣе понятною. Если бы изложить Дарвинову теорію въ нѣсколькихъ краткихъ положеніяхъ, то для многихъ читателей, съ глубокими убѣжденіями противоположнаго направленія, она легко могла бы показаться совершеннымъ вздоромъ, объ которомъ не стоитъ труда и говорить.

Теорію Дарвина нельзя назвать совершенно новою и самобытною, по крайней мѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя и нужно признать, что она еще никогда не была такъ рѣшительно и широко развиваема. Еще около половины прошлаго вѣка во Франціи явилось сочиненіе Демелье (ш), въ которомъ изложена мысль о преемственномъ развитіи совершеннѣйшихъ видовъ изъ менѣе совершенныхъ посредствомъ преобразования органовъ и ихъ отвлеченій. Изъ травокъ должны мало по малу возникнуть кусты, а за тѣмъ деревья; попытки рыбъ вспрыгивать надъ водою должны произвести летучихъ рыбъ, а потомъ изъ нихъ образуются птицы, когда буря выкинетъ ихъ на деревья или на кусты острововъ и береговъ. Такъ напр. яркій цвѣтъ попугаевъ указываетъ на ихъ происхожденіе отъ ко-

---

(ш) Telliamed ou Entretiens d'un philosophe indien avec un missionnaire francais. Amsterd. 1748. Демелье (псевдонимъ Telliamed) долго былъ французскимъ генеральнымъ консуломъ въ Египтѣ. Впрочемъ посвященіе сочиненія такъ было написано, что все сочиненіе можно было принять за шутку или за сатиру.

ричевыхъ, зеленыхъ, желтыхъ, красныхъ и голубыхъ летучихъ рыбъ. И Бюффонъ отчасти склоняется къ теоріи постепеннаго возникновенія видовъ, но только въ смыслъ совершенно противоположномъ, потому что онъ производитъ многочисленность животныхъ видовъ отъ ихъ вырожденія изъ извѣстныхъ совершенныхъ основныхъ типовъ. Такими основными типами, немного превышавшими цифру 20-ти, для него служатъ напр. человекъ, медвѣдь, левъ, слонъ, кротъ. Отъ нихъ произошли остальные виды млекопитающихъ. Отъ плавающего медвѣдя непосредственно происходитъ тюлень, а изъ него мало-по-малу образуется дельфинъ или китъ. Ламаркъ въ своей «зоологической философіи» такъ же производитъ, путемъ органическихъ превращеній, всѣ виды животныхъ отъ двухъ первоначальныхъ формъ, постоянно развивавшихся. Двумя такими первоначальными формами, возникшими вслѣдствіе произвольнаго зарожденія, для него служатъ червь и животное наливочное. Въ теченіе милліоновъ лѣтъ отъ нихъ произошли всѣ прочіе виды животныхъ, и въ заключеніе — человекъ. Съ значительными измѣненіями и улучшениями эта Ламаркова гипотеза преобразованія или развитія проповѣдывалась въ новѣйшее время въ одномъ обширномъ англійскомъ сочиненіи неизвѣстнаго автора (7). Въ основаніе своего взгляда онъ полагаетъ мысль о возможности и дѣйствительномъ существова-

---

(7) Vestiges of Natural History of Creation. К. Фогтъ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: *Natürliche Geschichte der Schöpfung*, 1851. Съ нѣмецкаго языка она переведена на русскій и дополнена примѣчаніями г. Пальховскимъ, подъ заглавіемъ: *Естественная исторія міроздавія*. Москва. 1864.

ній «самопроизвольнаго зарожденія» (*generatio aequivoca*) первоначальныхъ организмовъ, и рассматриваетъ его какъ химическо-электрическое дѣйствіе, отъ котораго могли возникнуть первичныя ячейки. Отъ нихъ, въ теченіе сотней тысячъ или милліоновъ лѣтъ, возникли, путемъ разнообразнѣйшихъ видоизмѣненій, болѣе совершенныя организмы. Большое сходство между ячейками растеній и животныхъ, а такъ же сходство яицъ и зародышей у животныхъ, въ первое время ихъ развитія, указываетъ и теперь на сродство всѣхъ организмовъ по ихъ происхожденію. Впрочемъ въ длинныя періоды развитія случались существенныя измѣненія или скачки въ ходѣ органической жизни на землѣ, подобныя напр. тому, что происходило въ счетной машинѣ, описанной Баббажемъ; начавъ правильный арифметическій рядъ, напр. считая 1, 2, 3, 4, 5 и такъ далѣе, она, дойдя до 100,000,001 вдругъ дѣлаетъ скачекъ къ цифрѣ 100,010,002, и затѣмъ опять работаетъ по новому порядку увеличенія счета (н). Сходство съ такими измѣненіями представляютъ превращенія многихъ низшихъ животныхъ и метаморфозы насѣкомыхъ, лягушекъ и другихъ земноводныхъ. Онъ приводитъ въ пользу своего взгляда и существованіе ископаемыхъ и живущихъ еще переходныхъ формъ между двумя или болѣе разрядами строенія животныхъ. Въ частности, для человѣка первоначальною переходною ступенію онъ признаетъ, главнымъ образомъ, дельфина, тихохода, летучую мышь, обезьяну и лягушку; онъ признаетъ вѣроятнѣйшимъ, что первоначальный человѣкъ произошелъ отъ преобразованія

° (н) См. въ указ. соч. стр. 152 и д.

большой твари въ родъ лягушки, — преобразованія, при которомъ происходило облагороженіе и одухотвореніе; но отъ этой большой лягушки теперь не осталось никакихъ слѣдовъ. Неизвѣстный авторъ хочетъ однако же держаться теистической точки зрѣнія, и представляетъ все это развитіе происшедшимъ по Божественному устроенію.

Эта теорія, подготовленная прежде, Дарвиномъ значительно видоизмѣненная, развитая и подкрѣпленная разнообразными основаніями, произвела бы глубокую перемену во всемъ воззрѣніи на природу, если бы признать ее за основательную. Въ частности, философское разсмотрѣніе природы должно было бы совершенно измѣниться, и даже сдѣлаться совершенно невозможнымъ. Тогда уже не можетъ быть и рѣчи объ особыхъ, постоянныхъ идеяхъ, которыя посредствомъ особей находятъ для себя осуществленіе и проявленіе въ родахъ и видахъ; общія, подчиненныя и высшія понятія уже не могли бы служить выраженіемъ общей, остающейся неизмѣнною, сущности тварей, потому что не можетъ быть никакой особой сущности родовъ и проч., а все составляетъ лишь одни измѣнчивыя, колеблющіяся явленія; во всякомъ случаѣ, понятія, если бы и не обратились въ пустыя имена и слова, выражали бы только принадлежащую извѣстному времени общую сложность особыхъ признаковъ тварей природы, постоянно движущихся впередъ и одинаковыхъ другъ съ другомъ. Въ особенности, телеологическое разсмотрѣніе природы должно бы совершенно исчезнуть вслѣдствіе теоріи Дарвина; потому что Дарвинъ, хотя и часто, иногда даже и наивно, говоритъ о цѣлесообразности того или другаго строенія, но разуметь при

этомъ нѣчто совершенно иное, а не то, что разумѣется подѣ ученіемъ о цѣлесообразности. А именно, онъ вообще переноситъ понятіе о цѣлесообразности на дѣйствующія причины, которыя одни признаются дѣятельными; цѣлесообразно—произшедшее такъ, что можетъ сохраняться, и одолеваетъ въ борьбѣ за существованіе; органическія твари устроены такъ *не потому, что* должны сохраняться, *и этимъ устройствомъ* сохраняются; но они сохраняются, *потому что* такъ устроены, — взглядъ; подтверждаемый и поясняемый всеми выше приведенными примѣрами. Въ природѣ нѣтъ никакого осуществленія плана, нѣтъ стремленія ни къ какой цѣли, а возникаетъ и сохраняется только то, что выходитъ изъ общей сложности однихъ дѣйствующихъ причинъ, и что *случайно* заключаетъ въ себѣ наилучшія условія для сохраненія.

2.

Какъ уже было замѣчено, теорія Дарвина повсюду возбудила большое вниманіе и пріобрѣла въ глазахъ всѣхъ важное значеніе; но сужденія объ ея правильности или неправильности раздѣлились, чего конечно и должно было ожидать ^(б). Одни со всею рѣшительностію пристають къ ней и пытаются развить, по мѣрѣ силъ, всѣ слѣдствія, изъ нея вытекающія, особенно въ приложеніи къ роду человѣческому, относительно котораго самъ Дарвинъ соблюдаетъ извѣст-

---

(б) Изъ англійскихъ повременныхъ изданій на сторону Дарвина склоняется „Вестминстерское Обзорѣніе“, а „Единбургское Обзорѣніе“ возстаетъ противъ его теоріи. Даже весьма

ную сдержанность; а другіе, напротивъ, хотя и признають ее важнымъ, и даже образующимъ новую эпоху, руководствомъ къ разрѣшенію этого вопроса, но принимаютъ теорію только отчасти и съ измѣненіями, или становятся прямо въ ряды горячихъ противниковъ ея. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ главный авторитетъ въ области знанія, изслѣдуемой Дарвиномъ, именно Людовикъ Агассицъ. Онъ смотритъ на Дарвинову теорію измѣняемости видовъ какъ на научную погрѣшность, ложную по фактамъ, не научную по методу и пагубную по направленію ^(в). Въ Германіи самъ переводчикъ Дарвинова сочиненія, Броннъ, счелъ нужнымъ, при всемъ сочувствіи къ этому сочиненію, присоединить на концѣ нѣсколько критическихъ замѣчаній. Въ особенности то затрудненіе, что по Дарвинову способу образованія видовъ необходимы многіе посредствующіе члены и выродки, не встрѣчающіеся однакоже ни въ ископаемомъ, ни въ живомъ состояніи,—въ особенности это затрудненіе указано Бронномъ, какъ нисколько не разрѣшенное, не смотря на усердныя заботы Дарвина устранить его. Броннъ указываетъ еще и на то обстоятельство, что, не смотря на непрерывную дѣятельность естественнаго подбора и на постоянное усовершенствованіе организмовъ, и теперь постоянно встрѣчаются въ безмѣрномъ множествѣ самыя несовершенныя изъ всѣхъ

наклонное къ матеріализму изданіе Уле и Мюллера „Природа“ обвиняетъ Дарвина въ крайнемъ матеріализмѣ, какъ отвергающаго всѣ идеи.

(в) Louis Agassiz. Contributions to the Natural History of the United States of N. Amerika. Vol. III. 1860.

несовершенныхъ организмовъ, а между тѣмъ Дарвинъ не допускаетъ, чтобы они происходили вновь путемъ самопроизвольнаго или первоначальнаго зарожденія (*generatio originaria*). Трудно понять и то, отчего, — (если мы хотимъ выводить всѣ организмы изъ одной первоначальной формы, при чемъ во всякомъ случаѣ основаніемъ дальнѣйшаго развитія должна служить низшая форма кѣлочки), — отчего въ одной изъ двухъ кѣлочекъ, внѣшне и внутренно ничѣмъ не различающихся между собою, развивается и передается по наследству способность ощущенія и произвольнаго движенія, а съ другою кѣлочкою этого не бываетъ? Броннъ выражаетъ сомнѣніе и относительно ледянаго періода, въ теченіе котораго живыя существа умѣреннаго и холоднаго пояса могли перейти экваторъ. Наконецъ онъ замѣчаетъ еще, что если нѣкогда послѣдовало непосредственное сотвореніе, или, какъ выражается Дарвинъ, вдохнутіе жизни: то нѣтъ достаточнаго основанія ограничивать это непосредственное первое дѣйствіе творчества столь малымъ числомъ видовъ, или какою нибудь одною формою, напримѣръ первоначальною порослью; если нѣкогда непосредственно создано было напр. десять видовъ, то точно такъ же могли быть созданы 100,000 видовъ, при чемъ не было бы ни малѣйшей нужды въ неизмѣримо-долгихъ періодахъ времени и въ постепенныхъ усовершенствованіяхъ. Другіе изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ естествоиспытателей, выражая свое сочувствіе замѣчательному сочиненію Дарвина, соглашаются съ нимъ не безусловно, а только отчасти, и стараются держаться въ среднѣ между Дарвиномъ и Агассиномъ, признающимъ рѣшительную раздѣльность видовъ по

ихъ происхожденію. Такъ наир. поступаетъ Рудольфъ Вагнеръ ⁽⁹⁾, доказывающій, что не существуетъ переходныхъ ступеней между строеніемъ мозга и черепа у обезьяны и строеніемъ ихъ у человека, вопреки англійскому естествоиспытателю Гурлею, который утверждаетъ, что различіе между мозгомъ человека и мозгомъ обезьяны высшаго рода не такъ велико, какъ различіе между мозгомъ у высшихъ и низшихъ обезьянъ. Вагнеръ приводитъ такое выраженіе великаго естествоиспытателя Бера: «тѣмъ болѣе я читалъ Дарвина, тѣмъ болѣе отдалялся отъ его узкой гипотезы преобразованія видовъ» ⁽¹⁰⁾.

Предлагая опытъ разбора изложенной теоріи съ своей, философской точки зрѣнія, мы просимъ припомнить наше прежнее замѣчаніе, что мы не ставимъ себя цѣлю изслѣдованіе приведенныхъ Дарвиномъ фактовъ и рѣшеніе вопроса объ ихъ вѣрности; это—дѣло опытнаго естествознанія; а мы хотимъ изслѣдовать только то, можно ли утвердить на изложенныхъ фактахъ и предположеніяхъ предлагаемую Дарвиномъ теорію даже въ томъ случаѣ, если предположить, что эти факты и гипотезы совершенно правильны. Мы хотимъ, главнымъ образомъ, изслѣдовать логическія основанія и доказательства этой теоріи, хотимъ посмотреть, выдерживаетъ ли она діалектическое испытаніе, и за тѣмъ, въ частности, уяснить то, дѣйстви-тельно ли, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда,

---

(9) Zoologisch-anthropologische Untersuchungen. 1861. Ср. Agassiz, Principien der Classification der organischen Körper, insbesondere der Thiere. 1860.

(10) Jahrbücher für deutsche Theologie. 1 H. 1862.

все ученіе о конечныхъ причинахъ (телеологія), со всѣми своими доказательствами, гибнетъ отъ этой теоріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается невозможнымъ всякое идеальное воззрѣніе на природу. Если противъ задуманнаго нами дѣла захотятъ возразить, что діалектикою нельзя изслѣдовать природу, что она удаляетъ отъ истиннаго метода, и даетъ просторъ оболъщению и фантазіи: то мы отвѣтимъ, что своимъ діалектическимъ методомъ мы хотимъ не познавать непосредственно саму природу, а только испытать при помощи ея науку о природѣ и теорію природы; такимъ образомъ онъ только посредственно будетъ вести насъ къ изслѣдованію и познанію природы. Наука о природѣ не имѣетъ никакихъ причинъ пренебрегать этимъ пособіемъ; она имѣетъ большую нужду въ діалектическомъ уясненіи, какъ скоро стремится вывести общую теорію изъ познаній, добытыхъ опытомъ. Собственно діалектическое начало и возвышаетъ человеческое мышленіе и изслѣдованіе о природѣ надъ чисто животнымъ созерцаніемъ природы и дѣлаетъ ихъ истинно разумными, освобождая отъ беспорядочности, безсвязности и случайности одного наблюденія опытнаго.

Прежде всего мы должны изслѣдовать, въ чемъ собственно заключается основаніе, побудительная причина, или начало (принципъ) Дарвиновой теоріи. Общею побудительною причиною, конечно, служить, какъ и у всякаго хорошаго естествоиспытателя, стремленіе къ истинѣ и къ лучшему разумнію и объясненію явленій природы, возбуждаемое неудовлетворительностію досель существовавшихъ опытовъ объясненія. Дарвинъ говоритъ о многихъ фактахъ, казавшихся

для него необъяснимыми по обычной теоріи происхожденія видовъ и требовавшихъ иного объясненія. Наблюденіе надъ нѣкоторыми фактами, произведенное въ южной Америкѣ, и касавшееся распредѣленія жителей и геологическихъ отношеній между нынѣшнимъ и прежнимъ населеніемъ этой части свѣта, побудило его, какъ самъ онъ говоритъ, къ изслѣдованію происхожденія видовъ,—этой величайшей тайны. Но это только поводы и побужденія къ попыткѣ создать новую теорію; а мы спрашиваемъ объ основномъ, рѣшительномъ, твердомъ началѣ этой теоріи. Мы спрашиваемъ, не открыты ли какое нибудь основное свойство, основной законъ, основное дѣйствованіе природы вообще, и органической природы въ частности, по которымъ необходимо должна быть принята и получена въполнѣ научное значеніе эта именно, а не какая другая теорія происхожденія видовъ, и изъ которыхъ могутъ быть объяснены и выведены всѣ факты. Основной фактъ, изъ котораго, какъ изъ начала познанія, можно было бы выводить, необходимымъ, послѣдовательнымъ, иначе даже не мыслимымъ путемъ, всѣ видоизмѣненія, все множество и различіе видовъ, должны имѣть такое свойство, что хотя бы нѣкоторые явленія или факты еще не могли, или могли бы, но не въполнѣ, быть поняты и объяснены при его пособіи: однакоже, въ силу этой необходимости, сама теорія могла бы и должна оставаться прочною, а факты, еще не объясненные, по крайней мѣрѣ до времени должны были бы уступать ей, могли бы, такъ сказать, быть покорены ей. Безъ такого начала необходимости теорія не можетъ быть признана прочною, если не объясняетъ совершенно ясно всѣ факты

безъ исключенія; и сама она, безъ этого начала, будетъ имѣть значеніе только справедливой фактически, а не необходимо вѣрной, которую нельзя было бы и представлять иначе. А если основное начало не имѣетъ характера необходимости, то всякое явленіе, всякій фактъ природы, которыхъ нельзя объяснить изъ него, будутъ колебать и дѣлать спорнымъ значеніе построенной на немъ теоріи.

Дарвинъ не указалъ такого необходимаго начала, которое могло бы обезопасить его теорію отъ сомнѣній, возбуждаемыхъ различными необъясненными фактами, и потому у его теоріи нѣтъ прочнаго, непоколебимаго основанія. Его основное начало для происхожденія и объясненія видовъ, то есть, *естественный подборъ*, не составляетъ такого необходимаго начала, изъ котораго должно было бы объяснять и выводить все съ такою необходимостію, чтобы иного объясненія невозможно было и принять. Если напр. зеленый цвѣтъ насѣкомыхъ, питающихся листьями, объясняется началомъ естественнаго подбора, а въ тоже время нужно признать, какъ Дарвинъ и признаетъ, что зеленый цвѣтъ дятла не объясняется необходимо изъ того же начала, но по всей вѣроятности онъ произошелъ отъ какой нибудь другой причины: то очевидно, что этому началу недостаетъ всеобщности и необходимости, потребныхъ для всякаго основнаго начала теоріи. Этой теоріи недостаетъ прочнаго и вѣрнаго основанія уже и потому, что Дарвинъ оставляетъ совершенно неопредѣленнымъ исходное начало процесса развитія или образованія тварей, ибо не только не хочетъ касаться вопроса о происхожденіи жизни, но и признаетъ за совершенно бесплодное дѣло вся-

кую попытку определить первоначальное ея свойство. А если первоначальное состояніе организмовъ оставлено неопределеннымъ, то неопределеннымъ и загадочнымъ остается и все прочее; ибо нельзя видѣть, что естественный подборъ могъ сдѣлать сначала, и что дѣйствительно сдѣлалъ, а чего не могъ сдѣлать, что само произошло изъ постоянно существующаго въ тваряхъ стремленія къ разнообразію, изъ первоначальнаго телеологическаго стремленія и отъ силы самихъ организмовъ.

Теорія Дарвина не удовлетворяетъ и еще иному основному требованію. Именно, дѣйствительность естественнаго подбора, которая должна служить реальнымъ основаніемъ для всѣхъ видовъ, и слѣдовательно служить объясняющимъ началомъ всей теоріи, сама не подтверждена достаточно, не доказана ясно и неопровержимо. Это открывается, когда обратить вниманіе на приведенныя Дарвиномъ доказательства дѣйствительности естественнаго подбора и его дѣйствій. Прежде всего онъ выставляетъ на видъ послѣдствія искусственнаго подбора, съ цѣлію доказать этимъ возможность подбора естественнаго, а за тѣмъ изъ этой возможности выводитъ его дѣйствительность или дѣйствительное его существованіе, и на такой-то дѣйствительности, которая не доказана даже и какъ простая возможность, онъ строитъ всю свою теорію. Я говорю: она не доказана даже и какъ простая возможность, потому что послѣдствія искусственнаго подбора, какъ бы они ни казались разительными, всегда совершенно незначительны въ сравненіи съ тѣми, какихъ долженъ бы достигать подборъ естественный, производя самыя разнообразныя растенія и животныхъ.

При этомъ не нужно опускать изъ вниманія и того, что при искусственномъ подборѣ принимаетъ участіе человѣческое умъне и способность дѣйствовать сообразно съ задуманною цѣлю, и такимъ образомъ тутъ участвуетъ сознательная дѣятельность духа; а отъ возможнаго для такой дѣятельности нельзя съ достовѣрностію заключать, что тоже самое будетъ возможно и для природы безсознательной, предоставленной однимъ собственнымъ силамъ, хотя бы нужныя для этого условія и заключались въ природѣ. Вещественныя условія для происхожденія напр. какого нибудь произведенія искусства, книги и пр. заключаются въ самой природѣ; но невозможно утверждать, что природа сама собою, въ продолженіи, положимъ, безчисленнаго множества вѣковъ, можетъ создать такое искусственное произведеніе, — утверждать на томъ основаніи, что сознательной духовной дѣятельности человѣка удалось создать такое произведеніе изъ средствъ природы же. Конечно, нельзя утверждать, что случаи измѣненія органическихъ тварей путемъ искусственнаго подбора совершенно подходятъ подъ приведенный примѣръ; тутъ дѣйствуетъ органическая и творящая жизненная сила самой природы, и эта таинственная сила только подвергается извѣстному воспитанію и направленію, что случайно можетъ иногда дѣлать и сама природа: но такъ какъ эта органическая сила, воспитываемая и направляемая сознательною дѣятельностію человѣка, сама въ себѣ полна таинственности, и оставленная безъ этого воспитанія возвращается, по свидѣтельству опыта, къ своему обычному образу дѣйствій, то отъ искусственнаго подбора мы не можемъ получить никакого, но крайней

мѣрь, твердаго доказательства въ пользу дѣйствительности или даже только возможности подбора естественнаго, который находится совершенно внѣ области нашего опыта. Если бы впрочемъ и получалось такое доказательство, то нужно было бы еще доказать, что всѣ виды животныхъ *должны* были произойти отъ этого естественнаго подбора, и что иначе и быть не могло. Въ такомъ только случаѣ и было бы дано доказательство, имѣющее приложеніе къ дѣйствительному развитію жизни въ природѣ, не входящему въ область нашего опыта.

Дарвинъ не указалъ никакихъ значительныхъ послѣдствій естественнаго подбора, подлежащихъ человѣческому опыту, которыхъ достигъ бы этотъ подборъ на памяти человѣческаго рода. Всѣ приводимые имъ примѣры указываютъ только на неопредѣленную возможность, что то или другое могло быть произведено естественнымъ подборомъ, а не доказываютъ, что такъ и дѣйствительно было; такъ напр. онъ ссылается на наблюденіе, что въ сѣверной Америкѣ черный медвѣдь около четырехъ часовъ плаваетъ въ водѣ съ открытою пастью, ловя водныхъ насѣкомыхъ почти такъ же, какъ китъ, и этимъ примѣромъ хочетъ пояснить, какъ изъ сухопутнаго животнаго могло образоваться животное водное. Или напр. еще, онъ совершенно неопредѣленнымъ образомъ указываетъ на неопредѣленную возможность того, какъ изъ бѣлки могла образоваться бѣлка летучая, а изъ этой, мало по малу, летучая мышь. Противъ такого неопредѣленнаго объясненія возможности, по которой то или другое могло бы случиться въ недоступныя для насъ и неизмѣримо продолжительныя времена, всегда бу-

детъ имѣть силу каждый фактъ, противопологаемый этой теоріи и доступный нашему опыту,—силу, если не уничтожающую, то по крайней мѣрѣ отодвигающую рѣшеніе вопроса. А такіе факты, доказывающіе существенную неизмѣнность видовъ, дѣйствительно существуютъ. Сюда напр. относится указанный еще Кювье фактъ тождественности (или совершенной одинаковости) животныхъ жившихъ за 5000 лѣтъ, муміи которыхъ (напр. мумія ибиса) найдены въ египетскихъ пирамидахъ,—тождественности ихъ съ теперь живущими въ этой странѣ представителями тогоже самаго вида. За неизмѣнность говорить и то обстоятельство, по замѣчанію Агассица, что для происхожденія коралловыхъ утесовъ въ Флоридѣ нужны были многія тысячи лѣтъ, и такимъ образомъ строившіе ихъ полипы во все это время должны были имѣть органы или отправленія, существенно не измѣнявшіяся. И если отдѣльные виды, что принимаетъ и самъ Дарвинъ, въ теченіе всѣхъ геологическихъ эпохъ сохраняли свое существованіе, то уже одно это доказываетъ устойчивость видовыхъ свойствъ. Въ особенности Агассицъ придаетъ значеніе важнаго свидетельства въ пользу неизмѣнности видовыхъ свойствъ тому, что самыя разнообразныя типы животныхъ и растений встрѣчаются при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, и наоборотъ, одинаковые типы встрѣчаются при совершенно различныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Тотъ же изслѣдователь указываетъ еще на одновременное появленіе четырехъ главныхъ классовъ животнаго царства въ древнѣйшихъ формаціяхъ земной поверхности, наполненныхъ органическими существами; это показываетъ, что они не могли произойти

постепенно и другъ отъ друга путемъ какого нибудь естественнаго подбора. Независимость отличій животнаго царства отъ однихъ физическихъ вліяній видна и изъ того, что животныя одного и того же отдѣла, принадлежація самымъ далекимъ одна отъ другой частямъ свѣта, по своему строенію сходны въ самихъ мелкихъ, микроскопическихъ подробностяхъ. Эти факты, при непрочности основанія Дарвиновой теоріи, имѣютъ величайшую важность и говорятъ противъ этой теоріи. Если встрѣчаются самые разнообразныя типы при совершенно одинаковыхъ отношеніяхъ и совершенно одинаковыя типы при самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ: то можетъ ли быть рѣчь объ одномъ неизмѣнномъ законѣ или началѣ, проявляющемъ себя въ постоянно одинаковомъ направленіи, какъ требуется теоріею?

Когда у нѣкоторыхъ животныхъ Дарвинъ указываетъ органы, находящіеся въ зародышѣ или не развитые, напр. зачаточные или неразвитые глаза, крылья и проч., и думаетъ, что они служатъ доказательствомъ противъ непосредственнаго сотворенія этихъ видовъ, потому что они не могли же быть созданы такими, и слѣд. носятъ на себѣ ясныя слѣды своего происхожденія путемъ видоизмѣненія: то на это можно справедливо замѣтить, что такіе зародыши органовъ образованы по закону симметріи животныхъ организмовъ, и потому болѣе говорятъ за дѣйствительное существованіе идей, выражающихся въ организмахъ, чѣмъ противъ него. Притомъ же въ настоящемъ случаѣ естественному подбору надлежало бы приписать слишкомъ отдаленный обходъ. Надобно признать, что напр. глаза сначала были созданы естественнымъ подборомъ,

потомъ снова разпушены или превращены въ одни зачатки глазъ. Между тѣмъ скорѣе надлежало бы ожидать, что организмы, по всѣмъ своимъ частямъ выше другихъ поставленные, естественнымъ подборомъ были бы созданы напр. вовсе безъ глазъ, если бы глаза оказались для нихъ, по ихъ образу жизни, не нужными, или если бы для нихъ было выгоднѣе (какъ должно слѣдовать по теоріи естественнаго подбора) не имѣть никакихъ глазъ, и, только при этомъ недостаткѣ, возможно было одерживать верхъ въ борьбѣ за существованіе. А если этого не бываетъ, то, конечно, въ основаніи животныхъ высшаго строенія заключаются идеи, требующія глазъ, которые, при выполненіи идеи, только неполучаютъ должнаго развитія. И другіе факты, приводимые имъ въ пользу своей теоріи или въ опроверженіе теоріи противоположной, совсѣмъ не доказываютъ того, что ему хотѣлось бы доказать, какъ напр. фактъ, что дятлы, всѣмъ своимъ строеніемъ приспособленные къ житью на деревьяхъ, живутъ однакоже и кормятся и въ безлѣсныхъ равнинахъ. Дарвинъ думаетъ, что это было бы совершенно необъяснимо, если бы дятлы первоначально созданы были такими, и съ заранѣе предположенною цѣлю такъ устроены Творцемъ. Гораздо справедливѣе будетъ сказать, что, встрѣчая дятловъ въ такихъ условіяхъ, которыя не согласны съ ихъ строеніемъ, мы должны признать это совершенно непонятнымъ, если строеніе дятла должно быть слѣдствіемъ естественнаго подбора, дѣйствіемъ приспособленія къ извѣстнымъ условіямъ природы. Съ сотвореніемъ же и съ образованіемъ видовъ по извѣстнымъ цѣлямъ очень легко примирить это явленіе, потому

что при этомъ строеніе животнаго не представляется до того не податливымъ и механическимъ, чтобы оно уже не могло приспособиться къ условіямъ, не совсемъ благоприятнымъ для него. Ученіе о сотвореніи не принимаетъ того, будто животныя созданы для одной извѣстной страны, и только здѣсь постоянно блюдутся непосредственнымъ дѣйствіемъ провидѣнія, а признастъ такую гибкость ихъ строенія, что онѣ могутъ сохраняться въ различныхъ мѣстахъ, если и предоставитъ ихъ дѣйствию собственныхъ ихъ влеченій и различныхъ перемѣнъ природы.

Къ такой неопредѣленности и слабости основнаго начала всей теоріи, — слабости, обнаруживающейся при указаніи на факты противорѣчащія, — присоединяется и то, что собственно причиною или поводомъ къ происхожденію видовъ должна быть признана сила совершенно таинственная, или какой-то необъяснимый процессъ, такъ что совершенно ясное и грубо механическое начало естественнаго подбора ставится на совершенно темное, таинственное основаніе. Первая причина тѣхъ незначительныхъ, но выгодныхъ видоизмѣненій въ органическихъ созданіяхъ, при помощи которыхъ долженъ дѣйствовать естественный подборъ и могутъ возникать виды, — эта первая причина у Дарвина является совершенно непонятною; наиболѣе вѣроятно то, что видоизмѣненія возникаютъ преимущественно отъ какихъ нибудь измѣненій въ очень воспріимчивой системѣ воспріизведенія или зарожденія. Но и основаніе самой воспріимчивости, и причины, дѣйствующія на воспріимчивость, непонятны, и, во всякомъ случаѣ, не объяснены. Потому мы имѣемъ право сказать, что основнымъ началомъ Дарвиновой теоріи

служить собственно случай, и уже отъ этого она сама по себѣ и несостоятельна и невозможна. Правда, что Дарвинъ остерегается допустить случай, который служить только выраженіемъ нашего невѣжества или незнанія. Въ извѣстномъ смыслѣ мы можемъ допустить это. Случай, въ смыслѣ событія безъ достаточной, законной, дѣйствующей причины, конечно, невозможенъ; все, совершающееся въ природѣ, должно имѣть определенную дѣйствующую причину, должно происходить по твердымъ, определеннымъ законамъ. И однакоже мы имѣемъ право говорить о случай, когда разумѣемъ подъ нимъ событія, появленіе которыхъ мы не понимаемъ изъ извѣстнаго намъ, законосообразнаго теченія природы, основаніе и законосообразность которыхъ отъ насъ скрыты, и которыхъ поэтому мы не можемъ признавать совершающимися целесообразно, не можемъ предусматривать и вычислять, не можемъ выводить изъ определенного основанія. Случай въ такомъ-то именно смыслѣ и встрѣчается въ возникновеніи какихъ нибудь незначительныхъ полезныхъ или вредныхъ измѣненій во вновь происходящихъ организмахъ,—измѣненій, производимыхъ хотя бы напр. воспріимчивостію воспроизводительной системы; къ этой случайности примыкаетъ, какъ *deus ex machina*, необходимое дѣйствіе естественнаго подбора. Слѣдовательно въ этой теоріи мы встрѣчаемъ такое основное начало, котораго мы не можемъ постигать въ его основаніи, законосообразности, необходимости, и вообще въ его сущности, а потому и не можемъ ставить его прочнымъ началомъ познанія или объясненія.

Если и оставить это въ сторонѣ, предполагаемая легкая воспріимчивость воспроизводительной системы

готовитъ намъ новое затрудненіе. Въ той самой мѣрѣ, въ какой мы, на основаніи этой легкой воспримчивости, допустимъ возможность постояннаго возникновенія незначительныхъ измѣненій, служащихъ основаніемъ для естественнаго подбора и для вытекающаго отсюда происхожденія видовъ, въ такой же точно мѣрѣ мы теряемъ возможность объяснить, какъ могли виды дѣйствительно произойти и прочиться. Чѣмъ легче происходятъ измѣненія, тѣмъ невозможнѣе измѣняющимся организмамъ получить прочность определенныхъ видовъ; и мы, приводя существующіе виды въ постоянное движеніе, должны будемъ признать невозможною остановку этихъ движеній и измѣненій, потому что внѣшнія условія природы никогда не приходятъ въ такое состояніе застоя или покоя, чтобы постоянно не возникали новые поводы къ новымъ видоизмѣненіямъ. Гораздо болѣе основаній однажды утвержденнымъ нѣкогда видамъ оставаться въ этомъ состояніи, нежели остановиться и упрочиться тѣмъ видамъ, которые разъ попали въ движеніе; иначе, почему же воспроизводительная система, съ своею легкою воспримчивостію, должна будетъ производить измѣненія въ тѣхъ организамахъ, которые долго оставались въ одномъ и томъ же видѣ, а въ организамахъ, попавшихъ въ потокъ измѣненій, не должна уже оказываться воспримчивою, затѣмъ, чтобы произошло упроченіе вида? Скорѣе нужно ожидать противнаго, и нельзя понять напр., почему хвостъ жирафы, который путемъ естественнаго подбора долженъ былъ образоваться для пользы животнаго, — почему онъ не получилъ большихъ размѣровъ, такъ какъ это оказалось бы для жирафы еще болѣе вы-

годнымъ? Противъ этого затрудненія не поможетъ ссылка на безмѣрное множество времени, на миллионы лѣтъ, которые должны были протечь, пока изъ накопившихся ничтожныхъ измѣненій произошли рѣшительныя видовыя различія, и затѣмъ еще должны были протечь, пока эти видовыя различія такъ упрочились, сдѣлались столь постоянными, какъ видимъ ихъ теперь, когда искусственно произведенные убоудки снова возвращаются къ своему прежнему виду, если прекратить воспитаніе ихъ. Эти миллионы лѣтъ, говорю я, не помогутъ при указанномъ затрудненіи, потому что во всякомъ случаѣ они объясняютъ только накопленіе измѣненій, образованіе видового различія и его упроченіе, но не объясняютъ, какъ случилось, что эти незначительныя измѣненія развивались безконечно долгое время, потомъ прекратились и въ теченіе новаго безконечно долгаго времени упрочились, чтобы наконецъ снова, — неизвѣстно зачѣмъ, — послѣ такого долгаго упроченія испытывать незначительныя измѣненія и постепенное преобразованіе. Это безконечно долгое время, такъ расточаемое Дарвиномъ, даетъ только возможность процесса по времени, а не объясняетъ его основанія, не объясняетъ измѣненій въ этомъ процессѣ, который потому является случайнымъ, не имѣющимъ основнаго начала и закона. Какъ бы безконечно долгимъ ни представлять это время, но оно само собою, своею длиннотою, не можетъ составлять причины, почему ходъ развитія продолжался, потомъ остановился, и затѣмъ снова начался. Какъ безконечное продолженіе двухъ параллельныхъ линій не можетъ послужить основаніемъ для ихъ пересѣченія, потому что стольже великая безконечность

ихъ самихъ не даетъ для этого никакой возможности; а если бы это случилось, и безконечное удлинненіе линій послужило бы причиною ихъ взаимнаго пересѣченія, въ такомъ случаѣ ихъ соединеніе было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіемъ понятія объ нихъ, какъ о линіяхъ параллельныхъ, было бы прекращеніемъ ихъ параллельнаго существованія. Точно тоже нужно сказать и о происхожденіи видовъ въ безконечно долгіе періоды времени. Періоды времени, какъ бы ни были безконечны, никакъ не могутъ произвести что нибудь такое, чему время не можетъ служить причиною, коротко ли, долго ли оно; и при короткомъ и при долгомъ времени намъ нужна иная причина для начала процесса развитія, для его остановки, для возобновленія и т. д.—Да и самое допущеніе безконечно долгихъ періодовъ времени основано на однихъ предположеніяхъ, и потому не можетъ служить прочнымъ, достаточнымъ основаніемъ для объясненій. При этомъ двигаются въ какомъ-то логическомъ кругу, объясняя одно другимъ, а потомъ это другое объясняя первымъ; принимаютъ безконечно долгіе періоды времени, чтобы объяснить происхожденіе земныхъ формаций и произведеній, а потомъ опять на происхожденіи этого строенія земной коры основываютъ мысль о безконечно долгихъ періодахъ времени. Независимо отъ этого, можно бы еще спросить, какую пользу, какое преимущество могли давать организмамъ эти незначительныя измѣненія, въ теченіе безконечно долгаго времени накопившіяся до весьма рѣзкихъ видовыхъ различій? Если эти измѣненія были такъ безконечно малы, то естественный подборъ не могъ воспользоваться ими для сохраненія органическихъ

тварей, обладавших ими, и для развитія ихъ въ теченіе безконечно долгаго времени; тутъ естественному подбору невозможно было получить начало. А если допустить, что эти измѣненія внезапно сдѣлались столь значительными, что представили дѣйствительную выгоду для цѣлей сохраненія и благосостоянія тварей: въ такомъ случаѣ нельзя видѣть, почему же теперь внезапно не происходятъ, безъ помощи искусственнаго подбора, новыя разности, а изъ нихъ, въ сравнительно короткое, доступное нашему наблюденію время, почему не происходятъ новыя виды; этого нельзя было бы объяснить, и Дарвинъ дѣйствительно не говоритъ объ этомъ ничего рѣшительнаго.

Выгодныя измѣненія, возникшія какимъ бы то ни было способомъ, отъ воспріимчивости ли воспроизводительной системы, или отъ собственной дѣятельности, отъ привычки и проч., должны, по теоріи Дарвина, поддерживаться, накапливаться, и наконецъ упрочиваться въ видовыя различія передачею по наслѣдству. Дѣйствительно, наслѣдственный переходъ особенностей отъ родителей къ ихъ птенцамъ существуетъ, хотя, впрочемъ, только въ опредѣленныхъ границахъ, которыя, съ точностію опредѣлить едва ли возможно. Но если и признать предѣлы этой наслѣдственности неограниченными, и тогда, въ сохраненіи и продолженіи измѣненій, возникаютъ новыя трудности, не устраняемыя допущеніемъ безграничной силы наслѣдованія. Дарвинъ не скрываетъ фактовъ, причиняющихъ эти затрудненія, и пытается объяснить ихъ. Такое напр. затрудненіе представляютъ встрѣчающіеся у нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ разряды безногихъ, различныхъ даже между собою. Сами они не-

способны къ продолженію своего вида, и производят-ся отличными отъ нихъ плодовитыми самцами и самками. Такимъ образомъ здѣсь отличительная особенность не можетъ постепенно образовываться и продолжаться при помощи наследственной передачи; потому этотъ фактъ представляется необъяснимымъ и свидѣтельствующимъ противъ допущенія всеобщности и необходимости наследственной передачи. А Дарвинъ и здѣсь пытается, какъ мы видѣли, признать началомъ объясненія, наследственность и естественный подборъ. Онъ принимаетъ, что почему нибудь разъ появились въ такихъ общинахъ муравьевъ и безполыя особи; какъ скоро они оказались особенно полезными для благосостоянія всего общества (по началу раздѣленія труда), дали ему перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе, бѣльшее удобство прокормиться и бѣльшую безопасность отъ гибели: въ такомъ случаѣ, по силѣ естественнаго подбора, стали преимущественно сохраняться и пользоваться благосостояніемъ такія общины муравьевъ, въ которыхъ оказалась способность постоянно производить одинъ или даже два безполыхъ разряда. Наследственность здѣсь относится собственно къ способности плодовитыхъ муравьевъ производить безплодныхъ, безполыя особи, чѣмъ получалась выгода для цѣлаго общества, и чѣмъ воспользовался естественный подборъ. Противъ такого объясненія нужно замѣтить, что выгода, доставляемая муравьинымъ общинамъ безполыми особями, не могла служить собственно основаніемъ ихъ сохраненія, потому что сохраняются и пользуются благосостояніемъ и многіе другіе виды, не имѣющіе такой выгоды. Далѣе, непонятно, откуда вообще у плодовитыхъ особей произо-

шла способность производить безполыхъ; если это — дѣло одного случая, не управляемаго никакимъ определеннымъ закономъ: то невозможно рассчитывать на потомственную передачу этого свойства; потому что случайно возникшее въ какой нибудь общинѣ муравьевъ, точно такъ же случайно можетъ и исчезнуть, и потому начало наследственности здѣсь очень непрочное. Кроме того, къ случайности возникновенія присоединяется еще значительная психическая способность пользоваться полученною выгодною, какъ напр. дѣлаетъ мексиканскій мирмекоцистъ, который держитъ классъ рабочихъ, какъ коровъ при домѣ^(а). Тутъ уже не естественнымъ подборомъ объясняется дѣло, если приходится прибѣгать къ помощи случая и психическаго преимущества! Для опредѣленія значенія наследственности, мы имѣемъ передъ глазами еще другой фактъ. Какъ мы видѣли, Дарвинъ хочетъ, между прочимъ, объяснить естественнымъ подборомъ и происхождение прекраснаго пера и голоса у птицъ. Такъ какъ самъ

(а) Дарвинъ признается, что если бы можно было доказать существованіе животныхъ, устроенныхъ *только* для пользы другихъ, тогда его теорія была бы неспровергнута. Конечно, невозможно доказать, что какія нибудь животныя устроены *только* для пользы другихъ животныхъ; ибо для одной возможности существованія они должны быть устроены такъ, чтобы сами могли сохраняться и продолжаться; потому во всякомъ случаѣ они должны быть устроены *и для себя*, хотя бы и очень полезны были для другихъ. Но природа, въ цѣломъ разсматриваемая, несомнѣнно представляетъ тварей, назначенныхъ другъ для друга; въ частности, достаточно ясны примѣры этого представляются травяными тлями въ ихъ отношеніяхъ къ муравьямъ, а особенно вышепомянутыми „коровами.“

ки постоянно отдають предпочтеніе тѣмъ самцамъ, которые отличаются лучшими перьями и лучшимъ голосомъ, то эта особенность должна переходить по наследству, упрочиваться, дѣлаться постоянною особенностію вида. Независимо отъ того, что при такомъ объясненіи признается дѣйствующею собственно психическая (эстетическая) способность, замѣтимъ: если имъ и можно объяснить постепенное усовершенствованіе самцовъ и наследственную у нихъ передачу лучшаго голоса и пера, но нельзя объяснить первоначальное происхожденіе и наследственность психической способности самокъ оцѣнивать преимущества самцовъ; эта способность постоянно является здѣсь въ качествѣ причины, а не въ качествѣ дѣйствія, т. е. неизвѣстно и не спрашивается, откуда она произошла и почему должна сохраняться столь всеобщемо и постоянною, что самцы, не отличающіеся голосомъ и перьями, всегда должны быть отвергаемы всеми самками!

Обратимъ теперь вниманіе на *борьбу за существованіе*, которой Дарвинъ придаетъ особенно важное значеніе, и посмотримъ на ея значеніе и дѣятельность въ происхожденіи видовъ. Совершенно справедливо, что она составляетъ силу дѣйствительно существующую и дѣйствующую неизбежно, а потому пригодна служить основаніемъ объясненій для извѣстныхъ событій въ природѣ. Къ одинаковымъ условіямъ существованія, или другъ къ другу, приурочено много существъ; потому тѣ изъ нихъ удобнѣе сохраняются и тѣснятъ другихъ, которыя владѣютъ какими нибудь болѣе выгодными особенностями, дающими перевѣсъ при пользованіи условіями существованія. Здѣсь теорія Дарвина ясна, разумна, основана на необходимости.

Но эта борьба за существование можетъ объяснить только сохраненіе, рѣшительное, всестороннее развитіе одного вида и гибель другихъ, а никакъ не можетъ объяснять первое начало и происхожденіе новыхъ видовъ, или происхожденіе выгодныхъ видоизмѣненій. Такъ напр. сохраненіе и постоянное однообразіе цвѣта извѣстныхъ насѣкомыхъ и птицъ можетъ быть объяснено естественнымъ подборомъ, а происхожденіе ихъ не можетъ быть объяснено имъ. Такимъ образомъ здѣсь достигается слишкомъ немногое сравнительно съ самою задачею теоріи. Если же теорія Дарвина не ясна и не основательна въ отношеніи къ этому пункту, то ей нисколько не помогаетъ ясность и вѣрность по отношенію къ ученію о борьбѣ за существованіе, когда основаніе темно и невѣрно. Притомъ же, этою борьбою за существованіе нисколько не можетъ объясняться именно то, что и составляетъ главное для теоріи Дарвина, то есть, постепенное усовершенствованіе тварей, совершенство одной передъ другою, дѣйствительно существующее, хотя понятіе объ этомъ совершенствѣ не совсѣмъ чуждо неопредѣленности и колебанія. Всего легче сохраняются или одолеваютъ въ борьбѣ за существованіе не всегда тѣ твари, которыя являются совершеннѣйшими, но преимущественно тѣ, которыя уживчивѣе; часто даже, вслѣдствіе своей несложности или скудости, твари распложаются легче, и въ большемъ количествѣ. Такимъ образомъ борьба за существованіе не объясняетъ развитія, усовершенствованія органическихъ созданій. И если можно указать въ области опыта нѣсколько примѣровъ послѣдствій борьбы за существованіе, за то несомнѣнныхъ примѣровъ усовершенствованія вслѣдствіе

борьбы можно указать очень немного, да и те теряют свое значение от таких примѣровъ, которые свидѣлствуютъ, что при извѣстныхъ условіяхъ нѣкоторыя твари собственно вслѣдствіе своего бѣльшаго совершенства одолеваются и вытѣсняются тварями менѣе совершенными. Въ общей сложности совершенно справедливо, что напр. олени болѣе крѣпкіе, снабженные болѣе сильнымъ оружіемъ, остаются обыкновенно побѣдителями въ борьбѣ за самокъ, и потому распространяются наиболѣе, такъ что при этомъ до нѣкоторой степени имѣетъ мѣсто половой подборъ; но едва ли можно признать значительными послѣдствія этой борьбы и подбора, когда нынѣшніе олени совсѣмъ не совершеннѣе, не крѣпче, не сильнѣе рогами, чѣмъ олени, существовавшіе за сотни и за тысячи лѣтъ. Основаніе этого заключается преимущественно въ томъ, что, при житіи на свободѣ, выгоды и невыгоды всегда уравниваются, съ возможностью совершенствованія идетъ на ряду и возможность ухудшенія, и тутъ нельзя достигнуть тѣхъ послѣдствій, какъ при подборѣ искусственномъ. Если напр. болѣе сильные самцы чаще будутъ получать потомство, чѣмъ болѣе слабые, — хотя это и не совсѣмъ вѣрно, потому что первые часто гибнутъ въ борьбѣ, а послѣдніе при этомъ получаютъ возможность производить потомство, — за то, во всякомъ случаѣ, это условіе для усовершенствованія выполняется при половомъ подборѣ со стороны однихъ самцовъ, а не со стороны самокъ; и слабѣйшія изъ нихъ не оттѣсняются; такимъ образомъ выгода здѣсь уравнивается. Напротивъ, при искусственномъ подборѣ улучшение направляется на существенныя свойства извѣстныхъ видовъ; на племя выбираются лучшія особи, и самцы и самки, и не

однажды, но каждый разъ снова, и въ то же время оберегаются отъ дурнаго вліянія особей менѣ совершенныхъ. Когда подборъ и обереганіе прекращаются, начатое усовершенствованіе не идетъ далѣе, и животное какъ извѣстно возвращается къ прежнему состоянію, становясь то лучше, то хуже. Когда обратимъ вниманіе на это и перенесемъ къ тому времени, какъ на землѣ начиналась органическая жизнь: то намъ не представилось бы возможности и на одинъ шагъ двинуться впередъ отъ первоначальнаго состоянія этой органической жизни, по крайней мѣрѣ не представилось бы никакой возможности получить путемъ естественнаго подбора опредѣленные, прочные, совершеннѣйшіе виды. Хотя Дарвинъ, какъ замѣчено, отказывается точнѣе объяснить свой образъ мыслей о первоначальномъ состояніи организмовъ, но во всякомъ случаѣ по его объясненіямъ должна быть принята только совершенно простая первоначальная организація и совершенно простыя отправления ея жизни. Если бы въ такихъ несовершенныхъ, самыхъ простыхъ организмахъ какъ нибудь произошли малѣйшія измѣненія, они нисколько не проложили бы пути къ постепенному увеличенію разностей и къ происхожденію видовъ. Какъ возникло такое измѣненіе, точно такъ же оно могло бы и опять исчезнуть, не имѣя за собою тщательнаго ухода, какой бываетъ при подборѣ искусственномъ; рядомъ съ возможностью происхожденія шла бы такая же возможность исчезновенія; сколько оснований для возникновенія, столько же оснований и для гибели. Итакъ если нельзя найти опредѣленнаго, яснаго, необходимаго основанія для объясненія образованія такихъ различій; то еще менѣе оснований для

объясненія постоянства видовъ. Если бы даже и возникли различія въ организмахъ: они, при всей значительности, сначала не могли быть такъ велики, чтобы напр. совокупленіе такихъ существъ сдѣлалось бы бесплоднымъ. А если они могли плодиться, то различія между ними постоянно сглаживались бы и исчезали; могла бы происходить пестрая смѣсь организмовъ, отличныхъ одинъ отъ другаго, могла бы она сохраняться, но не могла бы произвести опредѣленные виды; возможенъ былъ бы только постоянно продолжающійся хаосъ созданій, въ существенномъ одинаковыхъ между собою, а упроченію какихъ нибудь особенностей въ нихъ постоянно мѣшало бы совокупленіе всѣхъ организмовъ, не остававшееся бесплоднымъ. Продолжительность времени не вноситъ сюда никакого измѣненія, если нѣтъ какого нибудь опредѣленнаго закона для развитія; но въ такомъ случаѣ надлежало бы выступить за предѣлы теоріи Дарвиновой. Нужно прибавить еще, что если наследственность имѣетъ значеніе основнаго начала, то еще невозможнѣе было возникать видамъ; а если она не имѣетъ значенія основнаго начала, закона, то не могли упрочиваться виды или зачатки видовъ, если они возникали. Какъ скоро наследственность составляетъ законъ: то онъ долженъ препятствовать появленію существенныхъ измѣненій; наследственность въ томъ и состоитъ, что поколѣніе послѣдующее сходно съ предшествующимъ. А если наследственность — не законъ: то не могутъ упрочиться пріобрѣтенныя отличія въ строеніи, потому что все должно подлежать постоянной смѣнѣ. Скажутъ, что ни то, ни другое, въ своей крайности, не встрѣчались тогда, а нужно принять и

передачу по наслѣдству и незначительныя видоизмѣненія: и при этомъ противорѣчiе не исчезнетъ. Какъ скоро ни постоянство (наслѣдственность), ни измѣнчивость не имѣютъ силы закона, а снова возможны измѣненія при наслѣдственности, передающей одинаковыя свойства: тогда дѣлается возможнымъ, что эта измѣнчивость прострется и на тѣ особенности, которыя прежде возникли отъ измѣнчивости, и заставить ихъ исчезнуть; она должна дѣйствовать съ особенною силою именно на нихъ, потому что такія особенности организмовъ произошли позднѣе, и потому легче могутъ измѣниться, чего не отвергаетъ и самъ Дарвинъ. Если развитiе и свойства органической жизни не подлежатъ опредѣленному закону, то случай и внѣшнiя условiя не могутъ замѣнить его, не могутъ произвести органическихъ видовъ одними дѣйствующими причинами, не сообразуясь съ опредѣленнымъ закономъ (заклЮчающимъ въ себѣ цѣль), а еще менѣе могутъ сохранять и упрочивать ихъ. Первоначальный законъ устойчивости и продолжаемости можетъ имѣть смыслъ и дѣйствiе только при первоначальномъ различii видовъ, а не при одинаковости всѣхъ тварей, потому что такой законъ мѣшалъ бы происхожденiю множественности и различii; напротивъ законъ, который сообщенъ былъ единому первоначальному организму съ цѣлю произвести изъ этого организма множественность и различiе, во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы заключать цѣлую совокупность законовъ или не раскрытыхъ еще силъ (Potenzen), которыя при послѣдующемъ развитii получили бы для себя формы. Потому въ первоначальномъ организмѣ нужно было бы допустить множество различныхъ силъ и настоящихъ

и будущихъ, въ родъ того напр. какъ человѣческій духъ заключаетъ въ себѣ способность ко многимъ и различнымъ дѣйствіямъ мысли; и однако на этотъ первоначальный организмъ нельзя было бы смотрѣть, какъ на сѣмя, изъ котораго постепенно выросли виды растений и животныхъ со всѣмъ своимъ разнообразіемъ, потому что хотя изъ сѣмени и образуется нѣчто раздробленное и многое, но ничего разнороднаго не вырастаетъ. По этой причинѣ бесполезны усилія Дарвина устранить затрудненія, возникающія отъ недостатка промежуточныхъ или переходныхъ видовъ или ступеней; ибо нельзя ни объяснить, ни доказать, что могли или должны были произойти виды промежуточные. Если бы Дарвину даже и удалось объяснить ихъ исчезновеніе, ничего не было бы выиграно этимъ, потому что напередъ нужно было бы показать возможность ихъ происхожденія; а между тѣмъ его предположеніями можетъ быть доказана только возможность различія въ особяхъ, возможность, такъ сказать, атомистическаго хаоса особей. Да и сдѣланная имъ попытка устранить трудности, представляемая вопросомъ о возможности уничтоженія или безслѣднаго исчезновенія промежуточныхъ или переходныхъ видовъ, не можетъ быть признана удачною. Дарвинъ преимущественно опирается на недостаточное сохраненіе остатковъ прежнихъ органическихъ тварей въ земныхъ пластахъ и на неполноту нашихъ знаній объ этихъ сравнительно скудныхъ остаткахъ^(*). Такія ссылки на

(*) Trautschold, Uebergange und Zwischenvarietäten. Moskau, 1861. Траутшольдъ обѣщается представить доказательства, недостающія, въ этомъ отношеніи, Дарвиновой теоріи. Но въ по-

наше незнаніе всегда имѣють очень сомнительное достоинство, когда ими хотять поддержать, или на нихъ основать положительныя увѣренія. А примѣры, какими онъ хочеть пояснить это исчезновеніе, должны отчасти стать въ противорѣчіе съ его теоріею. Когда утверждаютъ, что болѣе малочисленная разновидность должна исчезнуть, если стоитъ между двумя разновидностями болѣе многочисленными, потому что у нихъ легче возникать полезнымъ видоизмѣненіямъ, чѣмъ у разновидностей малочисленныхъ, и потому эти послѣднія одолеваются и вытѣсняются ими при борьбѣ за существованіе: такое сужденіе, по нашему взгляду, будетъ не совсѣмъ согласно съ другими условіями естественнаго подбора. Если многочисленная разновидность одолеваетъ и устраняетъ разновидность малочисленную: то начинающимся разновидностямъ нельзя будетъ развиваться отъ видовъ упрочившихся; если дѣло преимущественно состоитъ въ численности, то изъ незначительныхъ видоизмѣненій никогда не можетъ произойти видъ, потому что такія видоизмѣненія сначала будутъ принадлежать только немногимъ особямъ, которымъ невозможно будетъ держаться и продолжаться при состязаніи съ многочисленнымъ видомъ, уже упрочившимся. И если у многочисленнаго вида полезныя измѣненія и зачатки легче переходятъ въ разновидности, за то и легче мо-

---

мянutoй брошюрѣ все ограничивается тѣмъ, что изъ богатыхъ отложеній московскихъ слоевъ русской юрской формации собрано значительное число разностей аммонитовъ (окаменѣлыхъ улитокъ), и они поставлены въ рядъ, какъ переходныя формы одного и того же вида.

гутъ быть подавлены численнымъ превосходствомъ, какъ скоро разумный уходъ не охраняетъ и не развиваетъ ихъ. Потому, какъ мнѣ кажется, никакъ не следовало бы давать такое большое значеніе численному превосходству; иначе происхожденіе новыхъ разновидностей и видовъ путемъ естественнаго подбора окажется невозможнымъ. И потому же должно оказаться невѣрнымъ или Дарвиново объясненіе происхожденія новыхъ видовъ, или его объясненіе исчезновенія промежуточныхъ видовъ или разновидностей.

Нельзя такъ же признать совершенно устраненными и затрудненія, представляемая ублюдками. Если и согласиться, что образование ублюдковъ и ихъ плодовитость могутъ встрѣчаться чаще, нежели какъ обыкновенно принимаютъ, все же затруднительность и многократно повторяющаяся совершенная невозможность такихъ случаевъ свидѣтельствуютъ объ какой-то замѣчательной преградѣ, поставленной между двумя даже довольно сходными видами и препятствующей тому, чтобы происходило общее скрещеніе органическихъ тварей, и чтобы такимъ образомъ упрочившіеся виды обращались въ хаосъ разнообразно измѣняющихся и отличныхъ другъ отъ друга особей. Нѣтъ никакихъ препятствій признать, что основаніе этой преграды заключается въ идеѣ, служащей постоянною основою видовъ и имѣющей силу закона; она препятствуетъ уничтоженію и произвольному измѣненію видовъ, и сообщаетъ особямъ ту прочность, которая даетъ право видѣть въ нихъ осуществленіе идеи. Возможность образования ублюдковъ отъ нѣкоторыхъ сходныхъ видовъ не противорѣчитъ такому взгляду; она свидѣтельствуетъ только о томъ, что органическое строе-

піе, несмотря на видовую прочность, зависящую отъ осуществления положенной въ этихъ видахъ идеи, не составляетъ какого-нибудь окаменѣлаго механизма, а способно къ дѣятельности болѣе свободной и болѣе живой, чѣмъ предметы неорганическіе, — способно вслѣдствіе болѣе свободной, болѣе жизненности управляющаго имъ закона. И по заключеніямъ *a priori* вѣроятно, что, хотя виды первоначально созданы и подобно съ извѣстными цѣлями (телеологически) устроены Творцемъ, однакоже они не должны быть поставлены въ мертвыя и какъ будто окаменѣлыя отношенія другъ къ другу, но, какъ члены великаго цѣлаго, они приспособлены къ многообразному взаимодѣйствію, и получили возможность примѣняться къ различнымъ условіямъ. При этомъ пужно еще припомнить, что въ такомъ скрещеніи участвуютъ только особи различныхъ видовъ, не вмѣщающія (или не осуществляющія) въ себѣ всего вида или всей сущности вида, и потому цѣлые виды не прекращаются и не уничтожаются путемъ скрещенія. Но сколько видовъ создано первоначально, и какіе именно возникли позднѣе, отъ взаимодѣйствія организмовъ и различныхъ условій природы, — рѣшить этотъ вопросъ точно и вѣрно — невозможно. Вѣрно только то, что крайніе взгляды оказываются несправедливыми.

Говоря о географическомъ распредѣленіи органическихъ существъ, какъ объ одномъ изъ возраженій противъ разсматриваемой теоріи, Дарвинъ, какъ мы уже видѣли при изложеніи его ученія, старается устранить всѣ затрудненія преимущественно гипотезами о тепломъ и холодномъ періодахъ. Изслѣдованіе вѣроятности этихъ предположеній — дѣло естествозна-

нія; съ своей стороны мы ограничимся замѣчаніемъ, что во всякомъ случаѣ ими объясняется только то, какъ можно или какъ должно представлять себѣ распределение организмовъ по земной поверхности, если оно дѣйствительно произошло такъ, какъ предполагается, а не *потому что* оно такъ именно произошло. Впрочемъ, по моему мнѣнію, немного можно было бы дать значенія этому возраженію противъ Дарвиновой теоріи, если бы даже оно и оказалось основательнымъ; потому что всегда нужно было бы признать возможнымъ, чтобы, при одинаковыхъ климатическихъ и другихъ условіяхъ, въ теченіе щедро расточаемыхъ многихъ милліоновъ лѣтъ, могли быть произведены естественнымъ подборомъ одинаковыя или сходныя органическія твари въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они теперь существуютъ; имъ не было бы нужды выселяться изъ какой нибудь одной мѣстности, на которой они возникли первоначально, не было бы нужды при этомъ и бороться со многими препятствіями.

Дарвинъ пытается извлечь болѣе положительное доказательство для своей теоріи изъ наблюденій въ области морфологіи и эмбриологіи; краткое изложеніе этого доказательства мы уже представили. Изъ того, что и теперь организмы въ своемъ первомъ зачаткѣ оказываются одинаковыми или неразличимыми для чувственного наблюденія, хотятъ выводить такое заключеніе, что первоначально они въ самомъ дѣль всѣ были одинаковы и что различія между ними возникли только отъ того, что одни и теперь остаются на своей первоначальной ступени, а другіе достигаютъ дальнѣйшихъ ступеней развитія прежде, чѣмъ окончательно сложатся; такимъ образомъ твари, теперь являю-

щіяся самыми совершенными, дѣлаются таковыми единственно потому, что не останавливаются на низшихъ ступеняхъ развитія. При этомъ еще слѣдуетъ принять, что выгодныя особенности строенія, полученныя путемъ естественнаго подбора, или видоизмѣненія и способности, полученныя сначала путемъ опыта и привычки, всегда мало-по-малу входятъ въ область органическаго развитія, такъ что напр. позднѣйшія животныя являются въ міръ съ такими видоизмѣненіями, инстинктами или способностями, которыя пріобрѣтены были прежними животными совершенно самостоятельно. Невѣроятно даже, какъ много значенія придано было нѣкоторыми естествоиспытателями этому умствованію, тогда какъ у него нѣтъ никакого опредѣленнаго, фактическаго основанія, и нужно будетъ вводить въ процессъ развитія зародыша множество таинственныхъ предшествующихъ дѣятелей, чтобы получить отсюда какое нибудь объясненіе предмета; это вовсе не тотъ точный методъ, котораго держатся естественныя науки въ своихъ заключеніяхъ. Нужно сказать еще сильнѣе: если бы признать правильнымъ такое умствованіе, то нужно было бы отнять всякое значеніе у самаго закона причинности, — этого главнаго основанія и главной силы въ заключеніяхъ, дѣлаемыхъ по аналогіи и наведенію (индуктивныхъ); потому что Дарвинъ заключаетъ здѣсь отъ неодинаковыхъ дѣйствій къ одинаковымъ причинамъ, вмѣсто того, чтобы заключать отъ одинаковыхъ дѣйствій къ одинаковымъ причинамъ, и отъ неодинаковыхъ дѣйствій къ неодинаковымъ причинамъ. Разумно можно было бы выводить только такое заключеніе, что если изъ зародышныхъ клѣточекъ, одинаковыхъ или не-

различимыхъ на взглядъ, развиваются организмы чрезвычайно различные между собою: то слѣдуетъ, что эти зародыши, какъ причины, не могутъ быть дѣйствительно одинаковы по сущности, а нужно ихъ признать различными и вопреки свидѣтельству глаза, такъ что одинаковъ только ихъ внѣшній видъ, а внутренняя сущность ихъ должна быть тѣмъ различнѣе, чѣмъ различнѣе дѣйствія, возникающія отсюда при совершенно одинаковыхъ условіяхъ.

Изъ всего этого ясно открывается, что теорія Дарвина, по своимъ доказательствамъ и по своимъ опроверженіямъ прежде приведенныхъ возраженій, оказывается совсѣмъ не такою, чтобы имѣла въ себѣ характеръ необходимости, невозможности быть иначе, и дѣлала противоположный взглядъ невозможнымъ, немислимымъ; въ самомъ благопріятномъ случаѣ, она можетъ придать раскрываемому ею взгляду на происхожденіе видовъ значеніе только нѣкоторо отдаленной возможности. При такомъ положеніи дѣла, должны получить удвоенную силу другія затрудненія, побѣжденные еще въ меньшей степени, хотя Дарвинъ и употребилъ для этого много заботъ и усилій въ самыхъ любопытныхъ главахъ своего сочиненія.

Важнѣйшія изъ затрудненій возбуждаются тогда именно, какъ переходимъ къ изысканіямъ о происхожденіи различныхъ частныхъ въ органическихъ строеніяхъ, различныхъ особенностей отдѣльныхъ органовъ. Такъ напр. нужно до крайней степени напрягать свое воображеніе, чтобы представить, какъ изъ органа, у другихъ сродныхъ животныхъ составляющаго носъ, у слона образовалось постепенно, путемъ естественнаго подбора, столь особое орудіе, какъ хоботъ.

Но этотъ примѣръ даже еще не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ случаемъ дѣйствія естественнаго подбора, когда этотъ подборъ долженъ былъ создать, для потребностей дыханія, легкія вмѣсто жабръ и плавательнаго пузыря. Изложенная нами Дарвинова попытка объяснить это превращеніе не раскрываетъ и не объясняетъ того, какъ произошли первые начатки и зародыши легкихъ, положимъ напр. изъ плавательнаго пузыря, какъ самыя жабры произошли вмѣсто плавательнаго пузыря или одновременно съ нимъ, чтобы и тому и другому наконецъ замѣниться легкими. Еще труднѣе объяснить, — въ ближайшее разсмотрѣніе чего Дарвинъ впрочемъ и не входитъ, — какъ у высшихъ животныхъ произошла столь совершенная нервная система съ своимъ столь многосложнымъ средоточіемъ — мозгомъ, со всеми своими подробностями и съ дѣйствующими такъ различно нервами ощущенія, движенія и чувства. Если мы должны представлять себѣ, что первоначальные организмы такъ же начались съ зародышей, какъ и всѣ нынѣшнія органическія твари, то ни первоначально, ни въ состояніи своего совершеннаго развитія, они не должны были имѣть никакой нервной системы, но и развитіе и первое начало нервной системы должны были возникнуть при помощи естественнаго подбора, при помощи такого видоизмѣненія безнервнаго организма, которое внезапно дало *первый* зачатокъ или начало нервной системы; а это было бы не что иное, какъ самопроизвольное зарожденіе (*generatio aequivoca*), которое отвергаетъ и самъ Дарвинъ, какъ неосновательное. Отъ трудности объяснить первое происхожденіе нервной системы нельзя освободиться указаніемъ на то, что

нельзя признать или отличить никакого слѣда нервной системы и въ первыхъ зачаточныхъ пузырькахъ начинающагося строенія даже у самыхъ совершенныхъ организмовъ, не смотря на то, что изъ этихъ безнервныхъ начатковъ мало-по-малу нервная система развивается совершеннѣйшимъ образомъ. Такъ объяснять происхожденіе нервной системы, повторяю, невозможно, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы устранить основное начало Дарвинова объясненія, то есть, естественный подборъ. Это значило бы объяснять происхожденіе не дѣйствіемъ естественнаго подбора, пользующагося незначительными видоизмѣненіями, и притомъ пользующагося ими внѣшнимъ образомъ, а признаніемъ *explicatio impliciti*, то есть, значило бы допустить развитіе того, что первоначально положено было въ зародышѣ, и по закону необходимости развивалось извнутри, какъ бываетъ теперь при наследственности. Но по Дарвиновой теоріи животное царство не было создано со всеми своими видами и свойствами, только заключенными съ самаго перваго начала въ состояніи неразвитомъ (*implicite*), какъ напр. зародышъ теперь включаетъ въ себя, въ неразвитомъ состояніи, способность къ обширному и разнообразному органическому расчлененію; по Дарвиновой теоріи всѣ видоизмѣненія сложныхъ организмовъ животнаго царства должны были нарастать въ теченіе времени подъ вліяніемъ различныхъ условій и различной дѣятельности, а потомъ уже вслѣдствіе такихъ, отъ нихъ происшедшихъ измѣненій, должны передаваться вновь возникающимъ животнымъ по наследству и въ состояніи еще не развитомъ, какъ простая способность къ такому развитію. Такимъ образомъ первое начало нервной системы во всякомъ случаѣ осталось

бы необъясненнымъ и необъяснимымъ, если бы мы, — носясь своимъ воображеніемъ въ обширной области неопредѣленныхъ возможностей, и придавая этимъ полетамъ фантазіи научное значеніе, — захотѣли признать естественный подборъ за основное начало объясненій.

Тоже самое, и даже еще въ сильнѣйшей степени, прилагается и къ происхожденію и усовершенствованію отдѣльныхъ органовъ чувства, напр. глаза, о которомъ Дарвинъ говоритъ подробно. Какъ скоро мы должны представлять себѣ первоначальныя формы животныхъ простыми и несовершенными, безъ глазъ, какъ и теперь существуютъ животныя безглазныя, то опять возникаетъ существенный вопросъ: какъ первоначально могли произойти глаза или ихъ зачатки? Они должны были произойти или отъ случая, или отъ необъяснимаго и непонятнаго самопроизвольнаго зарожденія (*generatio aequivoca*), или отъ новаго творческаго дѣйствія. Во всякомъ случаѣ они не могли произойти отъ естественнаго подбора, потому что онъ по самому понятію своему можетъ только измѣнять, или собственно только сохранять существующее, а не можетъ вновь создавать что-либо, досель не существовавшее. Если бы и обойти эту трудность, не разрешая ее научнымъ образомъ, и признать какой нибудь слабый зачатокъ глаза за основаніе для измѣненій и развитія, и при этомъ мы встрѣтимся съ неразрѣшимыми затрудненіями. Такой первоначальный глазъ нужно признать совершенно простымъ, похожимъ на просто облеченный пигментомъ зрительный нервъ нѣкоторыхъ членистыхъ животныхъ, безъ хрусталика и безъ всякаго другаго оптическаго аппарата.

Изъ такого глаза должны, путемъ естественнаго подбора, произойти и сложные глаза, и простые глаза съ хрусталикомъ и роговою оболочкою, встрѣчающіеся у другихъ членистыхъ животныхъ. Но какъ это должно было произойти? Какъ изъ такихъ несовершенныхъ глазъ могли образоваться глаза столь сложные, составленные изъ сотней и даже тысячъ частей? Какъ это могло произойти безъ неизчислимо многихъ переходныхъ ступеней, и почему должны были погибнуть эти безчисленные переходныя формы животныхъ, имѣвшихъ глаза болѣе совершенные, и потому пользовавшихся бѣльшими выгодами въ борьбѣ за существованіе, между тѣмъ какъ членистыя животные съ несовершеннѣйшими глазами сохранялись? Допустивъ даже безконечно долгое время на полученіе такого усложненія, мы не можемъ устранить затрудненія, представляемаго отсутствіемъ промежуточныхъ ступеней, но еще возбуждаемъ новое затрудненіе, потому что чѣмъ понятнѣе дѣлаемъ для себя процессъ усложненія, при помощи предположенія о безконечномъ времени, тѣмъ труднѣе намъ объяснить сохраненіе несовершеннѣйшихъ глазъ. Если въ простѣйшемъ, несовершеннѣйшемъ глазѣ не заключалось залатка, стремленія и закона совершенствоваться и усложненія, — а ихъ по теоріи Дарвина принять нельзя, — то процессъ усложненія можетъ быть только дѣломъ случая, слѣдовательно необъяснимымъ. Изъ такихъ не совершенныхъ глазъ, безъ хрусталика и безъ прочихъ частей, должны, при помощи естественнаго подбора, произойти глаза съ хрусталикомъ и съ роговою оболочкою! Это могло произойти или такъ, что въ томъ несовершеннѣйшемъ глазѣ другой съ хрустали-

комъ уже заключенъ былъ какъ въ сѣмени, которому нужно было только развиться, — и въ такомъ случаѣ принято было бы внутреннее начало развитія, а внѣшнее начало естественнаго подбора оказалось бы излишнимъ, или по крайней мѣрѣ не главнымъ и не первоначальнымъ; или такая способность къ развитію или произведенію хрусталика не заключалась въ несовершеннѣйшемъ глазѣ, и тогда его образованіе въ самыхъ первыхъ начаткахъ могло бы послѣдовать или отъ самопроизвольнаго зарожденія, или отъ случая, или отъ Божественной творческой дѣятельности. Дарвинъ не признаетъ ни одной изъ этихъ причинъ, и потому дѣло остается необъясненнымъ, т. е. не показана возможность преобразованія, не устранено затрудненіе. При дальнѣйшемъ объясненіи Дарвина, приведенномъ у насъ буквально, совершенный глазъ сравнивается съ телескопомъ, а дѣятельность естественнаго подбора, усовершенствующая глазъ, сравнивается съ усиліями человѣческаго разума, направленными на усовершенствованіе этого зрительнаго орудія. Сравненіе невѣрное; бессознательная природа такъ же не можетъ подражать разумной дѣятельности оптика, какъ не можетъ подражать дѣятельности художника, напр. живописца, или даже дѣятельности часовщика. Вещественныя условія для такихъ произведеній, конечно, всѣ заключаются въ природѣ, но невозможно сказать, что природа сама, своею дѣятельностію, можетъ произвести картину или даже часы (v). Дарвинъ въ этомъ

(v) Ср. мое сочиненіе: Ueber die Aufgabe der Naturphilosophie und ihr Verhältniss zur Naturwissenschaft, 1861. Необразованные, дикіе народы могутъ считать возможнымъ то, о

мѣсть вдается даже въ какое-то олицетвореніе естественнаго подбора, чтобы только совсѣмъ не остановилось теченіе своей мысли, запинаящейся при объясненіи происхожденія совершеннѣйшаго глаза. Естественный подборъ долженъ, по его словамъ, *точно наблюдать* и *тщательно подбирать*, *долженъ безошибочно отыскивать* всякое улучшение для *цѣлей дальнѣйшаго совершенствованія*. Если бы понимать эти выраженія въ ихъ собственномъ смыслѣ, то следовало бы, что Дарвинъ самъ вводитъ въ природу силу, дѣйствующую съ извѣстными цѣлями, самъ дѣлаетъ излишними всѣ другія свои объясненія; естественному подбору придано было бы свойство, совершенно противорѣчащее его сущности. А если нужно понимать ихъ въ смыслѣ не собственномъ, — потому что иначе и быть не можетъ, — въ такомъ случаѣ объясненіе заключается только въ звукахъ словъ, а на самомъ дѣлѣ утверждается нѣчто такое, что въ дѣйствительности мѣста имѣть не можетъ. Естественный подборъ, какъ совокупность однихъ дѣйствующихъ причинъ, не можетъ ни наблюдать, ни подбирать, ни дѣйствовать на основаніи какихъ нибудь цѣлей, а долженъ брать все, какъ оно есть, и можетъ только пользоваться благоприятными условіями или из-

---

чемъ всякій образованный знаетъ, что оно невозможно. Образование и развитіе знаній позволяетъ признавать возможнымъ и даже дѣлаетъ возможнымъ иное, чѣмъ для невѣжества принадлежитъ къ области невозможнаго; и на оборотъ, иногда образование заставляетъ признать невозможнымъ то, чѣмъ необразованному и невѣждѣ кажется возможнымъ. Это замѣчаніе приложимо и къ естествоиспытанію.

мѣненіями, можетъ сохранять ихъ, или, лучше сказать, они, если разъ возникнутъ, должны сохраняться сами, потому что они уже возникли. Потому естественный подборъ не можетъ стремиться къ усовершенствованію глазъ, а можетъ только сохранять ихъ, или пользоваться ими, если они, какимъ бы то ни было способомъ, уже появились. И тутъ-то именно, кажется, встрѣчается и получаетъ особую силу тотъ случай, который, по признанію Дарвина, грозитъ его теоріи разрушеніемъ. «Если бы можно было доказать, говоритъ онъ, что существуетъ какой-либо сложный органъ, который никакъ не могъ бы сложиться чрезъ многочисленныя легкія, послѣдовательныя видоизмѣненія, моя теорія окончательно бы рушилась» (а). Совершеннѣйшіе глаза потому не могутъ быть объяснены многочисленными легкими, послѣдовательными измѣненіями, что они отличаются отъ несовершеннѣйшихъ глазъ существенно *новыми* частями,—такими новыми частями, которыя не могли бы произойти отъ прежнихъ путемъ постоянно продолжающаго развитія, если они не заключены въ этихъ прежнихъ частяхъ первоначально и цѣлесообразно; они могли бы появиться только въ силу какого нибудь внезапнаго скачка, слѣдовательно, въ силу какой-то неопостижимой, таинственной причины, и отнюдь не въ силу подбора естественнаго.

Въ природѣ намъ встрѣчается еще нѣсколько другихъ всеобщихъ явленій и фактовъ, которыхъ нельзя совместить съ теоріею Дарвина; таково напр. половое различіе у совершеннѣйшихъ органическихъ тварей.

(а) Стр. 153.

По объясненію Дарвина, раздѣленіе ихъ на два пола возникло отъ того, что это раздѣленіе почему-то разъ появилось и оказалось полезнымъ для благосостоянія видовъ. При первоначальномъ соединеніи обоихъ половъ въ одной особи могло случиться, что у нѣкоторыхъ особей тотъ или другой половой признакъ исчезъ или не развился, и возникло единство пола. Какъ скоро это оказалось выгоднымъ, такія особи могли лучше сохраняться дѣйствіемъ естественнаго подбора, и такимъ образомъ мало-по-малу послѣдовало совершенное раздѣленіе половъ. Допустимъ это; но вопросъ собственно въ томъ, какъ первоначально произошелъ вообще всякій полъ и какъ произошло различіе половыхъ органовъ, въ одной ли и той же особи, или въ различныхъ, это все равно. По взгляду Дарвина, первоначальные организмы не могли имѣть половыхъ признаковъ, потому что они были весьма несложны и несовершенны. Какого нибудь скрытаго, или оставшагося въ неразвитомъ состояніи, зачатка половыхъ признаковъ (какъ это теперь бываетъ въ зародышныхъ пузырькахъ и въ зачаткахъ) имъ приписать нельзя, потому что въ такомъ случаѣ опять пришлось бы принять *explicatio impliciti*, — такое объясненіе, которое не согласно съ основнымъ началомъ Дарвина и дѣлаетъ естественный подборъ не нужнымъ. Такимъ образомъ существованіе половыхъ признаковъ, при отсутствіи первоначальнаго зачатка, при отсутствіи производящаго ихъ закона, должно произойти отъ какихъ нибудь внезапно появившихся, хотя бы и легкихъ, видоизмѣненій; такъ что опять приходится принять самопроизвольное зарожденіе и еще съ такимъ затрудненіемъ, что, при незначительности и не-

замѣтности первыхъ зачатковъ, половые признаки должны дѣлаться пригодными къ воспроизведенію только мало-по-малу, послѣ долгаго накопленія незначительныхъ видоизмѣненій! Легко ли понять, какъ въ продолженіе тысячъ или даже милліоновъ лѣтъ организмы должны были распространяться и улучшать свое начавшееся раздѣленіе на два пола!

Органическая природа представляетъ еще нѣсколько фактовъ, которые трудно и даже невозможно объяснить естественнымъ подборомъ, а нѣкоторые изъ нихъ прямо говорятъ противъ него. Напр. жало пчелы съ своимъ крючкомъ, которое не можетъ быть вынуто изъ раны, если введено туда при защитѣ или при нападѣнн пчелы, но извлекаетъ за собою ея внутренности и причиняетъ ей смерть, — какъ это жало могло произойти отъ естественнаго подбора, могло развиваться и сохраняться имъ на томъ основанн, что оно выгодно для благосостоянн этого вида, и доставляетъ побѣду въ борьбѣ за существованн? Трудно понять, какъ путемъ постепенныхъ легкихъ измѣненн могло возникнуть такое жало, употребленн котораго стоить жизни. Нужно было бы признать, что въ продолженн процесса образованн жала появятся особи съ жадами, не имѣющими такихъ опасныхъ свойствъ, сохранятся, одержать верхъ и вытѣснятъ пчель съ такими пагубными жадами; такъ должно быть, если въ самомъ дѣлѣ могло происходить образованн жала такимъ именно путемъ. Если бы Дарвиново начало естественнаго подбора было вѣрно, такъ бы и должно было случиться. Этого требуетъ его особое понятн о целесообразности, истекающей отъ однихъ дѣйствующихъ причинъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію психической жизни животныхъ и ея отношенія къ естественному подбору. По взгляду Дарвина и психическія силы и способности животныхъ возникли путемъ естественнаго подбора отъ накопленія и наследственной передачи незначительныхъ благопріятныхъ измѣненій, въ послѣдствіи развившихся и упрочившихся до психическихъ видовыхъ отличій животныхъ. Такъ должны были произойти и такъ называемые инстинкты и тѣ психическія способности, которыя свидѣтельствуютъ о болѣе свободной дѣятельности животныхъ, о существованіи чего-то похожаго на движенія чувства, на память, разсудокъ и волю. Такимъ ли же путемъ естественнаго подбора образовался и человѣческій духъ съ своими способностями, и изъ животнаго царства выработался человѣкъ, объ этомъ самъ Дарвинъ не говоритъ рѣшительно и ясно; но его друзья и приверженцы, равно какъ и его противники, утверждаютъ рѣшительно, что Дарвинова теорія послѣдовательно должна быть приложена и къ происхожденію человѣка. Самъ Дарвинъ говоритъ, что съ его взглядомъ будетъ вполне сообразно, если онъ припишетъ своему началу всѣхъ объясненій, то-есть естественному подбору, безграничную и безпредѣльную силу дѣятельности. «Какой предѣлъ можемъ мы положить этой силѣ, дѣйствующей отъ одного міроваго періода до другаго, непрерывно наблюдающей за всѣмъ органическимъ строеніемъ, за дѣятельностію и образомъ жизни каждой твари, помогающей всему хорошему, отбрасывающей все дурное» (6). Такое же указаніе, еще

---

(6) Стр. 370.

болѣе определенное, находится въ слѣдующемъ мѣ-
стѣ: «тождественность оставовъ *человѣческой руки,*
крыла летучей мыши, плавника моржа и лошадиной
ноги, равенство числа позвонковъ у всѣхъ млекопита-
ющихъ, и у жираффы напр. и у слона, и множе-
ство другихъ подобныхъ фактовъ легко объясняются
теорією постепеннаго, потомственнаго видоизмѣненія»^(в).

Переносясь мысленно во времена происхожденія
органической жизни, мы не найдемъ тамъ, по теоріи
Дарвина, никакой психической способности и дѣятель-
ности животныхъ. Только съ дальнѣйшимъ развиті-
емъ и измѣненіемъ тѣлеснаго строенія возникала мало-
по-малу и психическая способность и дѣятельность;
и получала ли она направленіе отъ перемѣнъ и свойствъ
тѣлеснаго строенія и отъ условій жизни, или, лучше
сказать, отъ нихъ происходила, — во всякомъ случаѣ,
тѣло и отношенія его существованія творять здѣсь
душу. Съ каждымъ видоизмѣненіемъ тѣла наступаетъ
и психическое видоизмѣненіе; съ каждымъ новымъ
членомъ организма, приспособленнымъ къ какому ни-
будь особому образу жизни, возникаетъ и новая ду-
шевная способность, новый, такъ сказать, приростъ
къ душѣ, котораго послѣдующимъ поколѣніямъ уже
нѣтъ нужды самимъ пріобрѣтать; какъ частица наслед-
ства онъ передается имъ при самомъ рожденіи. На
особые инстинкты животныхъ нужно смотрѣть какъ на
произведеніе тѣлеснаго строенія и условій жизни; изъ
внѣшняго по частичкамъ образуется внутреннее; напр.
изъ души рыбѣй возникаетъ мало-по-малу птичья,
и при томъ въ различныхъ видахъ очень различная;

(в) Стр. 378.

при этомъ, конечно, подъ видомъ души проявляется собственно только живая дѣятельность, какъ принадлежность, тѣла, какъ извѣстное отправленіе мозга; здѣсь нужно было бы еще объяснить, какъ вслѣдствіе видоизмѣненія напр. конечностей организма и мозгъ получаетъ соотвѣтственное измѣненіе или преобразование, при чемъ впрочемъ нисколько не дѣйствуетъ какой нибудь постоянно присущій организмамъ законъ, какая нибудь опредѣляющая идея, которыхъ Дарвинъ не признаетъ. Точно такъ же и болѣе свободныя силы животной души, хитрость лисицы, вѣрность собаки, повятливость слона, подражательность обезьяны, должны были произойти отъ измѣненій во вѣншемъ строеніи и отъ благопріятнаго или неблагопріятнаго вліянія различныхъ обстоятельствъ, потомъ должны были упрочиться и поддерживаться наслѣдственной передачею. Въ такомъ случаѣ нужно будетъ допустить, что и духъ человѣческой есть произведеніе строенія и дѣятельности тѣла, и произошелъ при извѣстныхъ условіяхъ природы отъ дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, отъ вліянія понуждающихъ обстоятельствъ и отъ привычки. Разумъ, память, воображеніе, воля человѣческаго духа и вся нравственно-историческая жизнь человечества произошли мало-по-малу при помощи естественнаго подбора, произошли такъ же, какъ хвостъ жираффы или хоботъ слона. Самое происхожденіе, можетъ быть, нужно представлять такъ, что какое нибудь существо, похожее на обезьяну, родилось съ склонностію, или какими нибудь обстоятельствами вынуждено было, употреблять свои верхнія конечности

не на то, чтобы ходить или лазить, а на то, чтобы только работать, а напротивъ нижнія или заднія конечности употреблять исключительно на то, чтобы передвигаться, ходить; затѣмъ очевидная выгода, полученная отъ этого для жизни, упрочилась, а продолжительное упражненіе совершенно приспособило верхнія и нижнія конечности къ такимъ занятіямъ. Далѣе, нужно признать, что согласно съ отправленіями этихъ конечностей стала направляться и психическая способность и дѣятельность, и образовался чело-вѣческій духъ, и, въ частности, разумъ, — только, разумѣется, постепенно, при долгомъ усовершенствованіи, при помощи незначительныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ приростовъ, привычекъ и направленій дѣятельности, постоянно вносившихся въ чело-вѣческую природу, и путемъ естественнаго размноженія передававшихся по наслѣдству, какъ достояніе природы. Такимъ образомъ души животныхъ и духъ чело-вѣческій будутъ сначала произведеніемъ вышнихъ измѣненій въ тѣлесномъ строеніи, а затѣмъ и дѣломъ обстоятельствъ жизни и различныхъ направленій дѣятельности, и потомъ упрочатся по наслѣдству, въ продолженіе бесконечно-долгихъ періодовъ времени. Такъ условія мѣстности съ одной стороны, и время съ другой, совокупными дѣйствіями претворялись бы въ духъ, сплотились, такъ сказать, и упрочились въ теченіе долгаго періода развитія. Духъ оказался бы произведеніемъ мѣста и времени, произошелъ бы отъ того и другаго какъ будто цвѣтъ и плодъ ихъ богатой, бесконечно долгой совокупной жизни; при этомъ самопроизвольное зарожденіе нашло бы себѣ прило-

женіе совершенно особымъ способомъ (г). Такъ конечно нужно представлять дѣло сообразно съ теоріею Дарвина, хотя на этотъ предметъ она и не представляетъ никакихъ определенныхъ поясненій.

Какъ мы видѣли, Дарвинъ пытается объяснить происхожденіе того, что обыкновенно называютъ животнымъ инстинктомъ, и рассматриваетъ для этой цѣли три особенно разительные примѣра инстинкта. Если повнимательнѣе всмотрѣться въ его объясненія, то откроется, что здѣсь опять дѣйствуетъ такъ называемый случай въ соединеніи съ предположительно допускаемого способностію животныхъ обсуждать, рѣшать и пользоваться тѣмъ, что оказывается выгод-

(г) Здѣсь какой прекрасный случай для глубокомысленныхъ натуралистическихъ умозрѣній! Духъ есть произведеніе суммы пространственныхъ отношеній, бесконечно-долгого времени и первоначальнаго совершенно простаго движенія! Духъ есть только внутренно накопившаяся рефлексія или сгущеніе всего этого! Теперь понятною становится способность человѣческаго духа къ бесконечной многосложности пониманія и дѣятельности; теперь ясно, почему при сознательной дѣятельности, напр. при искусственномъ подборѣ, могутъ получаться значительныя послѣдствія въ короткое время, тогда какъ тѣ же послѣдствія у природы потребовали бесконечно долгого времени! Въ самомъ дѣлѣ и здѣсь тратится бесконечно долгое время, потому что производящая духовная дѣятельность, сама составляющая результатъ бесконечно долгого времени, реально заключаетъ его въ себѣ, и однозначуща (составляетъ эквивалентъ) съ нимъ, съ этимъ бесконечно-долгимъ временемъ! Дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей предоставляемъ остроумнымъ головамъ.

нымъ; такъ что въ этомъ случаѣ у Дарвина *безсознательное телеологическое дѣйствование природы переходитъ въ психическое, сознательное*, и не смотря на желаніе все выводить изъ однихъ дѣйствующихъ причинъ, у него усвоится душѣ животныхъ сознаніе и стремленіе, руководящіяся извѣстными цѣлями; откуда взялось такое сознаніе и такое стремленіе, и какъ его объяснить, это остается неизвѣстнымъ; вообще здѣсь повторяется тоже самое, что произошло у Дарвина прежде, при олицетвореніи совокупности дѣйствующихъ причинъ, то есть, естественнаго подбора. Кукушка почему нибудь однажды положила свое яйцо въ чужое гнѣздо, замѣтила выгоду, происходящую отъ этого, и стала дѣлать это чаще, или постоянно. Отсюда произошла *наслѣдственность* такого образа дѣйствій или инстинктъ поступать именно такъ. Пусть такъ; но при этомъ не объяснено, откуда взялась у кукушки способность такъ рассуждать, быть такою умною, и притомъ доврять свои яйца только извѣстнымъ птицамъ! Пчеламъ случилось разъ построить свои соты изъ шестистороннихъ соприкасающихся между собою ячеекъ; они замѣтили выгоду сбереженія воска, и стали, по крайней мѣрѣ часть пчелъ, всегда такъ строить; затѣмъ, сообразно съ слѣдствіями естественнаго подбора, побѣдителями въ борьбѣ за существованіе остались тѣ пчелы, которыя строили соты такимъ выгоднѣйшимъ образомъ. Опять пчелы должны замѣтить случайно оказавшуюся выгоду, и воспользоваться ею! Остается не объясненнымъ одно, и самое главное, именно то, какъ возникло и сохранилось постоянное искусство строить такъ, съ такою

правильностию и съ такимъ порядкомъ! Остается не объясненнымъ и еще нѣчто въ бытѣ пчель, напр. инстинктивная ненависть матокъ, заставляющая ихъ убивать молодыхъ матокъ, своихъ дочерей, или гибнуть въ борьбѣ съ ними. Всего этого не можетъ объяснить естественный подборъ, потому что напр. шмели, и не имѣя такого инстинкта, такого искусства, сохранились однакоже въ борьбѣ за существованіе. Остальное объясненіе Дарвина по поводу инстинкта направлено къ тому, чтобы признать его наследственнымъ, перешедшимъ въ животную природу отъ опыта или привычки, подобно напр. тому, какъ у собакъ привычка или искусство, пріобрѣтенныя обученіемъ, передаются наследственно и обращаются въ природу или инстинктъ. Но и здѣсь трудности нисколько не побѣждены, а только очень ограниченная (какъ извѣстно изъ опыта) наследственная передача разширена до такой степени, которая не можетъ быть оправдана доказательствами. Пусть напр. инстинктъ перелета, у извѣстныхъ птицъ, не составляетъ стремленія, первоначально вложеннаго въ этотъ видъ, не составляетъ постояннаго правила (нормы) для ихъ жизни, а служитъ только выраженіемъ потребности, первоначально почувствованной отъ внѣшнихъ условій, а потомъ случайно удовлетворенной. Но если согласимся, что потребность перелета и его время обратились мало-по-малу изъ нужды, вызванной внѣшними условіями, во внутреннюю потребность, пробуждающуюся даже ранѣе, чѣмъ наступаетъ нужда внѣшняя: въ такомъ случаѣ какъ направленіе перелета обратится изъ внѣшняго опыта во внутреннее руководя-

шее правило, въ разумное пониманіе? Если тутъ должно обратиться въ природу и географическое знаніе и опытомъ добытое свѣдѣніе о странахъ: то нужно будетъ признать, что мы встрѣчаемся при этомъ случаѣ съ фактомъ, стоящимъ даже гораздо выше ученія о врожденныхъ идеяхъ, облегчающихъ человѣческое познаваніе. И у человѣка, который, по теоріи Дарвина, долженъ былъ возникнуть или образоваться почти такимъ же способомъ, мы не встрѣчаемъ насльдственной передачи историческихъ и географическихъ познаній, пріобрѣтенныхъ предками! А если выводитъ направленіе перелета изъ условій естественныхъ, изъ воздушныхъ напр. теченій или изъ дѣйствія неизвѣстныхъ намъ и недоступныхъ нашему знанію дѣятелей природы: то Дарвиново объясненіе инстинкта окажется совершенно непригоднымъ. А хитрость лисцы какъ можетъ быть слѣдствіемъ мало-помалу пріобрѣтавшейся опытности, или способности, сдѣлавшейся насльдственной? Если условія жизни были благопріятны для лисцы, то она для удовлетворенія своихъ потребностей не имѣла нужды ни въ какихъ особыхъ психическихъ усиліяхъ, ни въ какомъ протекавшемъ отсюда развитіи, и, конечно, никакихъ усилій и не дѣлала по своей доброй волѣ, — а иначе она изобрѣла бы и науки и искусства. А если условія жизни были для нея неблагопріятны, и притомъ въ продолженіе долгаго времени: то ей гораздо естественнѣе было попасть въ состояніе п тѣлесной и психической неразвитости, чѣмъ изощрится и сдѣлать свои психическія благопріобрѣтенія насльдственными. При скудныхъ условіяхъ остаются же дикіе

народы на одной и той же степени скудной духовной жизни! И притомъ сколько другихъ животныхъ должно было бы улучшить или уравновѣсить свою тѣлесную неспособность пріобрѣтеніями психическими и наследственной передачею таковыхъ способностей! Сверхъ того у иныхъ животныхъ мы встрѣчаемъ сравнительно высокія способности, тогда какъ ихъ благоприятное положеніе внѣшнее и сила нисколько не дѣлаютъ необходимыми для нихъ такія хорошія способности; напр. понятливость и осторожность слона никакъ не могли произойти изъ стремленія вознаграждать психическимъ усовершенствованіемъ тѣлесную неспособность. Что способности, сообщаемыя нѣкоторымъ животнымъ выучкою, могутъ дѣлаться наследственными въ извѣстной степени, этого отвергать нельзя; но, во всякомъ случаѣ, это бываетъ только съ животными особенно способными къ тому, бываетъ въ ограниченной степени, и подъ вліяніемъ человѣческаго ухода и заботливости. А при свободной жизни животнаго, едва ли можно допустить наследственность даже и въ такой ограниченной степени; дѣятельность, продолжавшаяся короткое время, не передается по наследству, а долго продолжавшаяся одинаковая дѣятельность одинаковыхъ животныхъ, при одинаковыхъ и разныхъ условіяхъ, уже сама собою заставляетъ предполагать то, что нужно бы пріобрѣтать по наследству, то есть, заставляетъ предполагать стремленіе и способность всегда дѣлать одно и то же, а можетъ быть даже и искусство всегда дѣлать одинаковымъ образомъ. Впрочемъ и при человѣческомъ уходѣ, при человѣческихъ стараніяхъ, пріобрѣтеніе пси-

хическихъ способностей оказывается возможнымъ только въ очень ограниченной мѣрѣ. Если бы было иначе, какъ хорошо было бы человѣческому роду! Стали бы наследственными не только талантъ и сила воли (чего однакоже не бываетъ), но и пріобрѣтенныя прежде опытность, познанія, ученость. Какая духовная и умственная аристократія давнымъ давно возникла бы въ родѣ человѣческомъ — каста браминовъ, по духу и мудрости высоко стоящая надъ всѣми остальными людьми!

Но, какъ извѣстно, наследственными бываютъ только тѣлесныя особенности и несовершенства, особенности нрава, темперамента и проч.; а способности мыслительныя, разумъ, память, воображеніе, не бываютъ наследственны, не смотря на искусственныя мѣры, принимаемыя людьми; еще менѣе наследственны пріобрѣтенныя познанія, искусства и способности, а такъ же сила и благородство воли. Что у дѣтей образованныхъ народовъ способность развитія, въ какомъ угодно отношеніи, сильнѣе, чѣмъ у дѣтей народовъ необразованныхъ, этого нельзя отвергать; но, какъ извѣстно, сущности дѣла это не измѣняетъ. Едва ли можно доказать, что въ теченіе тысячелѣтій извѣстной намъ исторіи человѣчества произошло усовершенствованіе рода человѣческаго по отношенію къ природнымъ духовнымъ дарамъ, и что нынѣшніе образованные народы и лица болѣе талантливы, чѣмъ греки и римляне.

Послѣ всѣхъ предыдущихъ замѣчаній, едва ли необходимо вдаваться въ дальнѣйшее изслѣдованіе гипотезы о постепенномъ происхожденіи человѣческаго

рода изъ царства животнаго, путемъ естественнаго подбора. Предположимъ, что можно доказать это относительно тѣлесной стороны чловѣка, доказать преобразование обезьяны въ чловѣка; но относительно сущности духа чловѣческаго тутъ не было бы ничего сказано. Чѣмъ незначительнѣе будетъ представляться внѣшнее, тѣлесное различіе между животнымъ и чловѣкомъ, тѣмъ рѣшительнѣе нужно будетъ признать ихъ духовное различіе, потому что безъ этого невозможно объяснить и понять существенное различіе между духовною, историческою жизнію чловѣчества и чисто естественною жизнію животныхъ. Признаки внѣшняго сходства такъ мало доказываютъ однородность природы у животныхъ и чловѣка, что напротивъ заставляютъ еще рѣшительнѣе признать существенное внутреннее различіе между ними. Наука и искусство, нравственность и религія безконечною пронастію отдѣляютъ чловѣчскій родъ отъ царства животнаго, не имѣющаго исторіи и развитія, а потому на вопросъ объ истинной сущности чловѣка совершенно невозможно отвѣчать на основаніи однихъ изслѣдованій естествознанія; онъ требуетъ глубокаго изслѣдованія содержанія духовной жизни чловѣчества, его высшей духовной дѣятельности и убѣжденій, что составляетъ задачу иныхъ наукъ, и преимущественно философскихъ. Чловѣчскій родъ усовершенствуется не естественнымъ подборомъ, а духовною самодѣятельностію, наукою и искусствомъ, нравственнымъ и религіознымъ улучшеніемъ. Обладаніе разумомъ, создавшимъ телескопъ и микроскопъ, и давшимъ тѣлесному глазу безконечное превосходство надъ

его природными способностями и совершенством, ясно свидетельствует, что человечество руководится не естественным подборомъ. Или, въ самомъ дѣлѣ, нужно ждать, что при помощи этого подбора глазъ какъ нибудь дойдетъ до такого совершенства, что станетъ видѣть такъ же, какъ теперь видятъ при помощи микроскопа и телескопа? Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что при умноженіи, расширеніи и обогащеніи внѣшней опытности, духъ человѣческій и внутренно развивается и болѣе и болѣе углубляется, но часто, по крайней мѣрѣ сначала, отъ того же внѣшняго опыта онъ дѣлается и мелкимъ и поверхностнымъ, пока въ такой же мѣрѣ не станетъ черпать знаніе изъ своей сокровенной глубины, и пока, такимъ образомъ, не возстановитъ равновѣсія.

Такъ именно, по нашему мнѣнію, случилось и съ теоріею Дарвина, сущность которой онъ могъ бы выразить такъ: «дайте мнѣ одно первоначальное совершенно простое органическое движеніе, дайте еще множественность и разнообразіе естественныхъ условій и отношеній, вмѣстѣ съ безконечно долгими періодами времени, — и я создамъ вамъ весь разнообразный міръ животныхъ и растеній.» Его теорія не можетъ быть такъ вѣрна и прочна, какъ хотѣлось бы Дарвину, если и признать вѣрными факты, послужившіе для нея основаніемъ. Объ дѣйствительной ясности и точности не можетъ быть и рѣчи. Дарвинъ требуетъ, чтобы наша мысль ясно представляла себѣ происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора, представляла превращенія, необходимыя при этомъ, тогда какъ даже нашему воображенію совершенно невозможно про-

слѣдить все это движеніе. Потому-то и требовалось діалектическое разъясненіе; по нашему мнѣнію, оно показало, что Дарвиново произведеніе видовъ не мыслимо, потому что у него нѣтъ прочнаго, надежнаго основанія, и въ подборъ естественномъ не заключается никакого прочнаго и необходимо дѣйствующаго основнаго начала; его теорія съ самаго начала не позволяетъ нашей мысли сдѣлать ни малѣйшаго движенія впередъ, а дальше во многихъ случаяхъ нисколько не разрѣшаетъ отдѣльныхъ затрудненій. Особенно предосудительно для нея, какъ теоріи научной, то, что она построена на случай, понимаемомъ въ смыслъ уже изъясненномъ нами. Случайно возникли и существуютъ эти виды растеній и животныхъ, потому что зачатокъ ихъ основанъ на совершенно случайной (дѣйствующей безъ заранѣ поставленнаго плана) восприимчивости воспроизводительной системы; развитіемъ не руководилъ опредѣленный планъ и сообразный съ нимъ законъ, а приходили въ движеніе одни дѣйствующія причины. Совершенно случайно существованіе чловѣка, и нѣтъ никакихъ препятствій когда нибудь возникнуть изъ нынѣшнихъ животныхъ и даже изъ чловѣческаго рода новымъ, чудовищнымъ созданіямъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ, по этой теоріи, никакого правящаго и охраняющаго закона, который могъ бы воспрепятствовать этому!

По отношенію къ библейскому ученію о твореніи теорія Дарвина, какъ справедливо было замѣчено въ другомъ мѣстѣ (А), не представляетъ вполнѣ рѣши-

---

(А) Natur und Offenbarung. Bd. 7. S. 264.

тельнаго противорѣчія; она въ рѣшительныхъ словахъ признаетъ достовѣрность первоначальнаго непосредственнаго созданія первыхъ организмовъ, и мы не имѣемъ основанія и права сомнѣваться въ искренности этого признанія; потому что такое первоначальное созданіе не только не представляется не совмѣстнымъ съ прочими частями теоріи, но даже еще необходимо предполагается ими, составляетъ для нихъ исходное начало. Между объясненіями Дарвина встрѣчаются и такія, которыя весьма благопріятны ученію библіи и подтверждаютъ его. Таковы напр. любопытныя изслѣдованія о возможности географическаго распространенія организмовъ изъ одного мѣста по всей землѣ (стр. 283—325). А нельзя отвергать, что ученіе библіи въ этомъ предметѣ встрѣчало нѣкоторыя затрудненія. Дарвинъ постарался разсѣять ихъ съ успѣхомъ, какой едва ли имѣли попытки другихъ, и библейскіе толкователи не замедлятъ воспользоваться для своей цѣли его изслѣдованіями. Но несомнѣнно и то, что въ ученіи Дарвина есть стороны, стоящія въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ книги Бытія о сотвореніи міра, и они состоятъ именно въ томъ самомъ, въ чемъ и заключается самая главная особенность и сущность Дарвиновой теоріи. По ученію Библіи растенія и животныя созданы съ различіемъ родовъ и видовъ, въ великомъ разнообразіи, и осуществляютъ Божественныя идеи; а Дарвинъ отвергаетъ это, и пытается всю множественность и разнообразіе изъяснить естественнымъ подборомъ. Напротивъ ученіе Агассица объ этомъ предметѣ совершенно согласно съ Библіею; онъ строго отдѣляетъ виды одинъ отъ другаго,

производить ихъ со всею ихъ множественностію и разнообразіемъ, и признаетъ ихъ различными и неизмѣнными отъ самаго начала. За то Агассицъ расходится съ библейскимъ ученіемъ въ другомъ отношеніи, когда отвергаетъ единство происхожденія человеческого рода, дѣлитъ его на различные расы, производитъ его во многихъ мѣстностяхъ или центрахъ творенія, и, естественно, тоже самое приписываетъ и животнымъ. Гдѣ двое такихъ изслѣдователей, пользующихся столь великимъ значеніемъ въ области естествознанія, каждый, признавая свой взглядъ наиболее достойнымъ Творца, наиболее соответственнымъ понятію о Немъ (e),—гдѣ они согласны съ ученіемъ Библии, по крайней мѣрѣ отчасти, и притомъ въ различныхъ отношеніяхъ, и гдѣ такимъ образомъ великія духовныя силы и обширныя знанія, обращаемыя въ пользу той или другой теоріи, говорятъ, хотя отчасти, и за ученіе Библии: тамъ положительное библейское богословіе не подвергается еще большой опасности. Оно соединитъ то, что ему благопріятно и пригодно въ ученіи обоихъ изслѣдователей, и будетъ въ состояніи научно и съ честію отстаивать главныя положенія библейскаго ученія среди преобладающихъ ученій естествовѣдѣнія нашего времени, и само усовершенствуется и обогатится знаніемъ. Свободное изслѣдованіе, которое одно дѣлаетъ возможными истинную науку и успѣхи въ ней, хотя и представляетъ

(e) Тѣмъ самымъ они свидѣтельствуютъ, что этотъ предметъ имѣетъ сторону метафизическую, и что спорная задача не можетъ быть разрѣшена при помощи одного естествознанія.

возможность заблужденія, но оно заключаетъ въ себя и противодѣйствіе заблужденію; оно препятствуетъ упроченію и увѣковѣченію заблужденія, потому что позволяетъ дѣлать предметомъ спора даже ученіе упрочившееся и признанное, и отдавать должную цѣну взгляду болѣе вѣрному.

С Л О В О

НА ДЕНЬ КРОНОВАНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Тако глаголетъ Господь: се Азъ полагаю въ основаніе Сіону камень многоцѣненъ, избранъ, краеуголенъ, чистенъ въ основаніе ему, и вѣруй въ оны не постыдится. Ис. 28, 16.

Съ великимъ смущеніемъ смотрѣлъ на судьбу свою Іерусалимъ, когда царь ассирійскій, обложивъ Самарію, простиралъ властолюбивыя замыслы и на царство іудейское. Въ первый разъ народу Божію предстояло бороться со врагомъ столько могущественнымъ и грознымъ. Предусмотрительность человѣческая совѣтовала благочестивому царю Езекии искать себѣ помощи въ союзѣ съ сильнымъ царствомъ египетскимъ. Не такъ смотрѣлъ на это прозорливецъ Божій Исаія. *Вѣнецъ надежды*, говорилъ оны, есть *Господь Саваоѳъ* (Ис. 28, 5.), — и наконецъ отъ лица Господа возвѣстилъ: *се Азъ полагаю во основаніе Сіону ка-*

мень многоцѣненъ, избранъ, крауголенъ, честенъ. Вотъ основаніе не поколебимое, на которомъ утверждающемуся нечего страшиться. *Въруай въ оны не постыдится.*

Что же это за камень многоцѣнный? По изъясненію св. апостоловъ, камень сей есть Христось (1 Петр. 2, 6. 7. Римл. 8, 14. 9, 33.). Что означаетъ Сіонъ? Церковь въ народъ Божіемъ, котораго глава имѣла престоль свой на Сіонъ. И такъ, когда основы церкви ветхозавѣтной и царства іудейскаго отъ напора враждебныхъ силъ готовы были рушиться, тогда Господь указалъ малодушнымъ на незыблемое основаніе вѣчнаго союза чловѣковъ съ Богомъ и между собою, — на которомъ до времени могла держаться и цѣлость церкви ветхозавѣтной и самостоятельность народа іудейскаго. И дѣйствительно, столицы іудейской не коснулась рука ассирійца, — тогда какъ Самарія, также искавшая помощи въ Египтъ, была имъ разорена. *Египта моляше, и въ Ассиріаны отъидоша* (Осіи 7, 11.).

Но вотъ, прешли и времена ветхозавѣтныя. И Камень избранный, краугольный, лежитъ непоколебимо, болѣе прежняго глубоко и широко, — какъ основаніе церкви новозавѣтной, и какъ основаніе благоденствія народовъ, исповѣдующихъ имя Христово. Священный день вѣнчанія Благочестивѣйшаго Монарха нашего, напоминая намъ о торжественномъ признаніи сей истинны церквию и отечествомъ, даетъ намъ поводъ ближе рассмотреть сіе основаніе общественнаго благоденствія.

Ученіе Христово имѣетъ цѣлію приготовить насъ собственно для жизни небесной, царство Христово не

отъ міра сего: тѣмъ не менѣе въ словъ Божіемъ мы находимъ утверженіе для самыхъ основаній гражданскихъ обществъ, и указаніе истиннаго пути къ ихъ преспѣванію.

Въ основаніи всякаго гражданскаго союза должны лежать право власти и обязанность подчиненія. Эту истину знали прежде, нежели проповѣдано Евангеліе, но оно утвердило и осватило правильныя отношенія между владычествующими и подчиненными. Оно представило въ яснѣйшемъ свѣтѣ истину происхожденія предержащей власти отъ Царя царствующихъ. Не въ насильственномъ преобладаніи властолюбивыхъ надъ слабыми, не въ добровольномъ договорѣ соединившихся въ одно общество, и взаимной уступкѣ своихъ правъ, — но въ волю Божественной оно указываетъ начало власти во всякомъ гражданскомъ обществѣ. *Сущія власти отъ Бога учинены суть*, говоритъ ученикъ Христовъ (Римл. 13, 1.). Этимъ священнымъ призваніемъ, поставленные управлять союзомъ общественнымъ, — безъ всякаго похищенія правъ у другихъ, безъ всякихъ взаимныхъ договоровъ возвышаются надъ всеми, имъ подчиненными, на неприкосновенную высоту. *Не прикасайтесь помазаннымъ* (Пс. 104. 15.). *Противляйся власти Божію повелѣнію противляется* (Римл. 13, 2.). Это ученіе Божественной истины получаетъ тѣмъ болѣе значенія, что провозглашаетъ достоинство верховной власти безъ всякаго отношенія къ народностямъ, безъ всякаго различія религій, даже при гоненіи за вѣру. Какъ Самъ Господь въ отвѣтъ на вопросъ о дани кесарю не отвергъ права кесаря римскаго взимать дань и съ преданныхъ ему волею Божіею іудеевъ, такъ и Его апостоль всѣмъ безъ

различія говоритъ: *Бога бойтесь, Царя чтите* (1 Петр. 2, 17.). Ученика Христова не смущаетъ и то, что по тогдашнему положенію дѣль, христіанинъ долженъ былъ проводить жизнь между язычниками и терпѣть отъ нихъ клеветы и преслѣдованія. *Повинитесь всякому человеку начальству Господа ради* (ст. 13).

При такомъ представленіи о началѣ власти не тяжкимъ становится и повиновеніе власти, потому что оно возводится въ достоинство повиновенія Самому Господу, — *повинитесь Господа ради*. Цари древняго міра, чтобы усилить покорность подданныхъ, позволяли себѣ присвоить имя и почести Божества. Римъ, справедливо славившійся развитіемъ права человѣческаго, подчиняя все идеѣ государства, поглощала всякую личность. Міръ христіанскій не имѣетъ нужды въ такихъ насильственныхъ мѣрахъ къ установленію общественнаго порядка. Христіанинъ языческихъ временъ, писавшій въ защиту христіанства, смѣло говорилъ государямъ своего времени: «вы не боги, но тѣмъ-то вы и велики, что вы первые по Богъ.» Христіанство, даровавъ своимъ членамъ свободу чадъ Божіихъ, внушаетъ имъ дорожить сею свободою (1 Кор. 7, 23.). Тѣмъ не менѣе, узы требуемаго Евангеліемъ повиновенія крѣпки; потому что это узы свободнаго послушанія Господу. Христіанинъ не можетъ быть противникомъ власти, которую Господь поставилъ. Исполняя ея повелѣнія, онъ слѣдуетъ волѣ Божіей, и во всякомъ служеніи общественномъ видитъ служеніе Господу. Сколь бы ни казалось униженнымъ это служеніе, онъ не боится унизиться, потому, что служитъ Господу, предъ Которымъ никакое могущество

и знатность человѣческая ничего не значать. Онъ слуга Божій, и высокъ тѣмъ самымъ, что онъ — слуга Божій. Это первое достоинство, — въ которомъ уравниваются и тотъ, кто стоитъ на послѣдней ступени въ обществѣ, и тотъ, кто держитъ въ рукѣ своей власть надъ многими миллионами. Это такое достоинство, которое выше всѣхъ отличій предъ людьми: потому что Дающій его выше всѣхъ. И оно неотъемлемо, при вѣрности нашей, тогда какъ человѣческія званія и почести, даже безъ вины нашей, легко могутъ быть утрачены.

Но христіанство не только даетъ видѣть въ Богѣ Царя царствующихъ, отъ котораго зависятъ необходимыя для общественнаго благоустройства учрежденія власти; оно представляетъ въ Богочеловѣкѣ высочайшій примѣръ повиновенія власти. *Не имаша власти ни единыя на мнѣ* (Іоанн. 19, 11.), глаголавъ Онъ римскому правителю, какъ Царь, котораго царство не отъ міра сего; но въ тоже время сознавая, что и Пилату дѣйствовать дано *свыше*, въ смиреніи сына человѣческаго и въ преданности Искупытельной Жертвы, безпрекословно пріемлетъ несправедливѣйшій изъ приговоровъ, какіе когда либо изрекала неправда человѣческая.

Такъ Евангеліе, утверждая божественное происхожденіе власти и требуя добровольнаго ей повиновенія, ограждаетъ прочность первыхъ условій общественнаго благоустройства. Еще болѣе оно упрочиваетъ благоденствіе общества гражданскаго, открывая ему новыя цѣли и новые пути развитія.

Христіанство вывело жизнь человѣческую изъ круга однихъ земныхъ интересовъ, освѣтило человѣку

путь умственного и нравственного преспѣянія и дало ему изъ своего священнаго законодательства благотворныя начала для законодательства гражданскаго.

Оно провозгласило: *наше житіе на небесѣхъ* (Филипп. 3, 20.), но въ то же время объявило, что настоящая наша жизнь должна быть приготовленіемъ къ небесной, и слѣдовательно должна быть устрояема сообразно съ законами нашего безсмертнаго бытія. Поэтому въ виду гражданскихъ обществъ на первомъ мѣстѣ оно поставило существенныя, коренныя требованія духа человѣческаго, отстранивъ исключительное господство вещественныхъ видовъ и цѣлей, которымъ служилъ міръ языческій. Въ области человѣческаго знанія и человѣческой нравственности оно указало тѣ начала истины и добра, которыя уцѣлѣли въ человечествѣ послѣ разрушенія, произведеннаго въ природѣ человѣческой грѣхомъ. Онѣ были заброшены, смѣшаны съ заблужденіями и предразсудками, подавлены страстями и пороками. Христіанство вызвало ихъ на свѣтъ, подкрѣпило ихъ своимъ свидѣтельствомъ и дало имъ силу и значеніе въ жизни общественной. Провозглашая истину достояніемъ общимъ и для всѣхъ доступнымъ, дѣлая всѣхъ участниками высшаго нравственнаго совершенства, оно открыло человечеству разнообразныя пути развитія. И сравнивая состояніе народовъ христіанскихъ съ коснѣющими въ язычествѣ, нельзя не воскликнуть съ пророкомъ Исаіею: *се мракъ на языки, на тебѣ же, міръ христіанскій, слава Господня* (Ис. 60, 2.). Невозможно намъ въ краткомъ словѣ изчислить всѣ благодѣянія, какія внесло христіанство въ жизнь общественную: но не можемъ не указать на нѣкоторыя болѣе видныя. Оно скрѣпило

союзъ гражданскаго общества священными узами любви, какъ между членами одного тѣла Христова. Оно простерло милосердый взоръ на бѣдныхъ, больныхъ, престарѣлыхъ, которыхъ загрубѣлое сердце язычника предоставило ихъ бѣдственной участи, — и явились въ мѣръ христіанскомъ общественныя учрежденія для облегченія ихъ страданій. Оно сняло, и постепенно снимаетъ, оковы съ людей, несчастнымъ жребіемъ войны, нужды, внезапныхъ разореній подвергшихся рабству, и съ одной стороны располагая господъ смотреть на нихъ, какъ на братій возлюбленныхъ (Филимон. ст. 16), съ другой отмѣняя законы, которые не хотѣли признать въ рабахъ достоинство чловѣка, приблизило ихъ такимъ образомъ къ свободѣ гражданской. Само, вышедши изъ святаго семейства, оно освятило семейныя отношенія людей, возстановило естественный законъ единоженства, оградило чистоту и неразрывность брака, ограничило грубый произволъ главы семейства, дало силу и нѣжному голосу супруги и матери. Одною слова божественной любви: *оставите дѣтей приходити ко Мнѣ* (Лук. 18, 16.), достаточно было, чтобы младенецъ, отрокъ, юноша были призрѣны въ Церкви и обществѣ со всею заботливостію, и открылись для нихъ всѣ средства воспитанія, образованія и приготовленія въ члены царства Божія и дѣятели общественныя. Кратко сказать, съ обновленіемъ духовнымъ въ Церкви обновился чловѣкъ и для жизни общественной. — Современная мудрость вздумала сдѣлать болѣе. Отрекаясь отъ славнаго имени Христова, она объявила себя поклонницею чловѣчества — Кто же болѣе почтилъ чловѣчество, какъ не Сынъ Божій, воспріявъ его въ единство сво-

ей Упостаси и соединивъ его въ Себѣ съ Божествомъ? Но мудрость мірская хочетъ поклоняться человѣчеству, оскверненному грѣхомъ, слѣпотствующему въ заблужденіяхъ, какъ оно есть въ мірѣ. И что же вышло отсюда? Мудрость въка сего низвела человѣчество до степени животнаго. Современная мудрость силится увѣрить, что христіанство уже устарѣло для настоящаго міра. Напротивъ того оно, какъ вѣчно живая истина, всегда полно силы, каждому времени найдетъ въ себѣ отвѣтъ, противъ всякой болѣзни подастъ свое врачество. Апостоль Петръ называетъ Иисуса Христа *Камнемъ живымъ* (1 Петр. 2, 4.). Его твердость жизненна, Его жизнь вѣчно-тверда.

Къ сему-то Камню избранному, живому, да приступаемъ всѣ, и зиждущіе и зиждемые, съ покорностію, съ преданностію, съ молитвою. Обновляемому въ своемъ устройствѣ обществу особенно нужно крѣпко держаться на этомъ Камнѣ, чтобы небреженіемъ не испытать Его сотрясущей силы, — нужно проникаться Его жизнью, чтобы усилія наши могли принести плодъ не мертвый, но жизненный. *Безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоанн. 15, 5.), изрекла Вѣчная Истина. Аминь.

ИЗВѢЩЕНІЕ

О НОВЫХЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ ИЗЪ СУММЪ МОСКОВСКОЙ КАЕДРЫ ВЪ ПОЛЗУ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Вслѣдствіе представленія Академическаго Правленія, что по причинѣ дороговизны припасовъ, на суммы, отпускаемыя изъ духовно-учебныхъ капиталовъ, въ XXVI учебный курсъ нельзя содержать положеннаго по штату числа студентовъ, Его Высокопреосвященство, Филаретъ митрополитъ московскій изъ суммъ московской каедры назначилъ къ отпуску на содержаніе полнаго числа студентовъ по *три тысячи, девяти сотъ шестнадцати рублей сер.*, какъ на первый, такъ и на второй годы курса.

Сверхъ сего Его Высокопреосвященство изъ тѣхъ же суммъ московской каедры благоволилъ назначить *пять тысячъ, пять сотъ рублей сер.* для приведенія академическихъ зданій въ лучшій видъ и на другіе расходы по случаю празднованія пятидесятилѣтія Академіи.

ИЗВѢЩЕНІЕ

о суммахъ, пожертвованныхъ разными лицами на стипендію въ память профессоровъ Московской Духовной Академіи, протоіереевъ **Θ. А. Голубинскаго** и **П. С. Делицына** и вмѣстѣ на устроеніе могильнаго памятника послѣднему.

Къ 15-му іюля 1864 года пожертвовано на означенный предметъ 2,044 р. сер. (*)

Съ 15-го іюля по 8-е октября получены пожертвованія:

Отъ преосвящ. Саввы, епископа можайскаго 50 р. Архимандритовъ: московскаго новоспасскаго монастыря Агапита 50 р. Ректора орловской семинаріи Палладія 50 р. Ректора новгородской семинаріи Макарія 10 р. Протоіереевъ: витскаго кафедральнаго А. Шилегодскаго 25 р. Профессора богословія при с.-петербургскомъ университетѣ В. Полисадова 25 р. г. Блюстока И. Ситкевича 3 р. Тульскаго кафедральнаго М. Мерцалова 10 р. Ректора тульскихъ д. училищъ А. Державина 10 р. Отъ священниковъ: Н. Лаврова 10 р. И. Побѣдинскаго-Платонова 5 р. П. Сахарова 3 р. А. Тихомирова 3 р. Отъ Н. П. Гилярова-Платонова 10 р. Н. Субботина 5 р. Отъ наставниковъ семинарій: Тульской 200 р. Костромской 27 р. Тверской 89 р. Отъ А. Громачевскаго 5 р. А. А. Брызгалова 5 р. Отъ неизвѣстнаго 3 р. И того 598 р. А вмѣстѣ съ прежде пожертвованными: *два тысячи шесть сотъ сорокъ два рубля сер.*

Изъ сей суммы употреблено на устроеніе памятника надъ могилію протоіерея П. С. Делицына 325 рублей сер.

(*) Списокъ сихъ пожертвованій напечатанъ при 2-й книгѣ изданія Твореній Св. Отецъ за текущій годъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ будетъ издаваться въ 1865 году по прежней программѣ въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ. Цѣна съ пересылкою *семь* рублей сер. Адресъ: въ редакцію Христіанскаго Чтенія при С.-Петербургской духовной Академіи.

ДУХЪ ХРИСТІАНИНА въ 1864/₃ году будетъ выходить ежемѣсячно книжками. Цѣна: *четыре* рубля съ пересылкою. Адресоваться въ С.-Петербургъ, въ редакцію Духа Христіанина, на Петербургской сторонѣ, въ домъ Петропавловскаго собора.

ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ, 12 книжекъ въ годъ. Программа изданія въ 1865 году прежняя. Цѣна: *семь* рублей съ пересылкою. Адресоваться въ Харьковъ, въ контору редакціи Духовнаго Вѣстника.

СМОЛЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ. Начнутся изданіемъ съ января 1865 года. Будетъ по два выпуска въ мѣсяцъ. Цѣна: *четыре* рубля, *пятьдесятъ* коплекъ съ пересылкою. Адресъ: въ Смоленскъ, въ правленіе семинаріи.

ВОЛОГОДСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ. Начались изданіемъ съ 1-го октября 1864 года. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна съ пересылкою *четыре* рубли. Адресъ: въ Вологду, въ правленіе семинаріи.

ОТКРЫТІЕ И ПРОЭКТЪ

устава кіевскаго Свято - Владимірскаго
братства.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ

въ Кіевѣ 15 іюля 1864 года, и открытіе кіевскаго св. Владимірскаго при Софійскомъ соборѣ, братства.

15-го іюля, день памяти просвѣтителя Россіи, и въ настоящемъ году ознаменовался особымъ, соединеннымъ съ крестнымъ ходомъ, торжествомъ.

Въ продолженіе цѣлаго года, подъ вліяніемъ скорбныхъ событій послѣдняго польскаго мятежа, въ Кіевѣ выработывалась мысль о необходимости противостать дерзкой латино-польской пропагандѣ совокупными общественными силами. Мысли этой суждено было осуществиться, по случайному стеченію обстоятельствъ, 15-го іюля, какъ бы въ удостовѣреніе, что и это событіе вполне угодно приснопамятному просвѣтителю Россіи и принимается подъ особое его покровительство.

Мы сказали, что мысль о необходимости противустать, совокупными общественными силами, латино-польской пропагандѣ, заявившей себя, въ послѣднее время, открытымъ мятежомъ, выработывалась въ продолженіи цѣлаго года, и только 15-го іюля могла быть приведена въ исполненіе. Столь долгій процессъ добраго, по существу, дѣла зависѣлъ сколько отъ новости пред-

пріятія, столько же и отъ важности дѣла, которое требовало основательныхъ соображеній.

Братства существовали въ здѣшнемъ краю издавна, отличаясь преимущественно усиленною дѣятельностію въ періодъ наиболѣе напряженныхъ притѣсненій русской народности и православія со стороны исконныхъ нашихъ враговъ, поляковъ. Со времени воссоединенія этого края съ общимъ нашимъ отечествомъ, православною Россією, учрежденія эти потеряли свое первоначальное значеніе. Защиту православія и русской народности въ крайъ приняло на себя православное русское правительство. Мы говоримъ защиту, желая этимъ обозначить, что и въ родной своей семьѣ, по важнымъ политическимъ обстоятельствамъ, коренные русскіе жители долго не могли пользоваться всеми правами господствующаго народа. Такъ крѣпко приросъ къ русскому организму въ здѣшнемъ крайъ болѣзненный для него наростъ упорно враждебной латино-польской національности. Испытаны были средства примиренія и обобщенія интересовъ русскаго и польскаго населенія. Великій русскій народъ желалъ побѣдить своихъ внутреннихъ враговъ великодушіемъ. Но не таковы были враги наши, чтобы могли поддаться вліянію высоко нравственныхъ, прямо христіанскихъ побужденій, коими руководилось русское правительство. Оказалось, что оно согрѣвало на груди своей змѣю, тѣмъ чувствительнѣе и больнѣе азвившую его политическое тѣло, чѣмъ болѣе оживляли ее. Событія 1812, 1831, 1845 и послѣднихъ годовъ ясно показали, что внутренній врагъ нашъ можетъ быть ошеломленъ ударомъ внѣшней силы, но въ то же время сохранить всю упругость внутренней, враждебной намъ силы. Мы дошли до грустнаго, глубокаго убѣжденія, что намъ данъ пакостникъ плоти, который можетъ быть обезсиливаетъ только благодатными силами нашей св. православной вѣры; что только съ развитіемъ ея учреждений, съ укорененіемъ въ сознаніи и духъ народномъ ея правилъ, въ торжествѣ и благолѣпіи ея внѣшнихъ, представительныхъ знаковъ, падеть, или по крайней мѣрѣ обезси-

VI

лѣтъ, до невозможности существенно вредить намъ, врагъ нашъ. Мы пришли къ сознанию, что доколѣ, съ ревностію Или и Финееса, не станемъ на стражѣ нашихъ православныхъ вѣрованій, не поднимемъ цѣлымъ сонмомъ на брань съ внутренними врагами нашими, — они могутъ питать на-долго въ себѣ дерзкія надежды быть господствующими въ нашей семьѣ, на нашей родной русской почвѣ. Прошедшая исторія края свидѣтельствуешь, что все завѣтное, родное у здѣшняго населенія сохранилось преимущественно подъ сѣнію православной Церкви; что въ ней одной заключалась та неодолимая сила, предъ которою сокрушались нашія и козни враговъ. И неудивительно: *православная Церковь не навязывала ему господства пановъ и ксендзовъ, а только требовала подчиненія уставамъ ея; она никогда и ни въ чемъ не обманывала его, и одна, среди тяжкихъ гоненій, осталась другомъ и утѣшительницею его.* Обратиться и въ настоящее время къ этой же жизненной и могучей силѣ, засвидѣтельствованной вѣками, въ борьбѣ съ тѣмъ же упорнымъ, исконнымъ врагомъ, побуждаетъ благоразуміе и чувство самосохраненія. Развитие и укрѣпленіе въ духѣ народномъ этой силы предприняли и учредители кievскаго св. Владимірскаго братства, поставившіе свою главною задачею содѣйствовать, зависящими средствами, усиленію мѣстнаго населенія, и преимущественно православнаго духовенства и простаго народа, въ противодѣйствіи латинно-польской пропаганды.

Прозктъ устава братства утвержденъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Арсеніемъ 12-го іюля, а 15 іюля послѣдовало открытіе братства слѣдующимъ образомъ: въ Софійскомъ соборѣ, въ придѣлѣ св. равноапостольнаго Владиміра (гдѣ хранится, въ алтарѣ, съ правой стороны престола, надгробіе сына Владиміра, основателя собора, Ярослава) каедральнымъ протоіереемъ отслужена была Божественная литургія, въ концѣ коей произнесено было слово, изъяснившее предстоящимъ членамъ братства значеніе учрежденія. По окончаніи литургіи, братья, съ хоругвіею братства и иконою св. Владиміра, отправились,

VII

въ составѣ крестнаго хода, къ Десятинной церкви. Въ Десятинной церкви, мѣстѣ погребенія тѣла св. Владиміра, совершала Божественную литургію высокопреосвященный митрополитъ, и по окончаніи, съ крестомъ на главѣ, открылъ тотъ величественный крестный ходъ, которымъ, съ 1861 года, восторгаются благоговѣйные жители Кіева и притекающіе въ священный русскій Іерусалимъ со всѣхъ концовъ Россіи. Погода, какъ и въ прошедшіе года, весьма благопріятствовала торжественному священнодѣйствію. Трехнедѣльный дождь, приводившій въ уныніе владѣльцевъ полей и луговъ, 15 іюля, какъ бы по мановенію Просвѣтителя Россіи, замѣнился великолѣпнымъ яснымъ днемъ. Народъ ликовалъ, какъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, наполняя собою улицы, горы и долины Кіева. Появленіе, въ составѣ крестнаго хода, братской хоругви, воскресило для многихъ бывшія времена матери градовъ русскихъ, и, по выраженію одного кіевского сторожика, душа разыграла.

Направленіе крестнаго хода было то же, что и въ прошломъ году. Мимо церкви Андреевской, Трехсвятительской и Михайловскаго монастыря священная процессія спустилась къ памятнику Владиміра, съ площадки коего архипастырь, осѣняя св. крестомъ на всѣ стороны, въ умиленныхъ, благоговѣйныхъ словахъ преподавалъ благословеніе городу и всѣмъ притекающимъ на поклоненіе святыни его. Хоръ пѣвчихъ отвѣтилъ звучнымъ, громогласнымъ пѣніемъ величественнаго, напоминающаго торжество креста Христова и священныя встрѣчи царей православныхъ тропаря: *Спаси Господи люди твоя*. На спускъ къ пункту соединенія съ двумя другими крестными ходами (печерскимъ и подольскимъ) послышался гимнъ: *Коль славенъ Богъ*, исполненный военною музыкой. Многочисленный хоръ лаврскихъ пѣвцовъ, прибывшихъ въ эту минуту въ составѣ печерскаго крестнаго хода, торжественно оглашалъ воздухъ припѣвомъ св. виновнику торжества. Впечатлѣнія неописанныя. Въ нѣмомъ благоговѣйномъ изумленіи созерцалъ народъ величественный-

УШ

шую картину, какую могла представить только кievская мѣстность и многообразная кievская святыня. Ходы соединились. Войска (а) расположились съ обоихъ боковъ площадки, на коей произошло соединеніе трехъ крестныхъ ходовъ, отдали честь побатаціонно, козаки цѣлымъ дивизиономъ, артиллерія побатарейно.

По совершеніи водосвятія на крещатицкомъ источникѣ, раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій до 101-го. Это былъ сюрпризъ, сдѣланный г. главнымъ начальникомъ края въ честь двухъ событій, которыя праздновались въ этотъ день. — Много мыслей возникло въ душѣ въ эти чрезвычайныя минуты. Взыграло усиленную радостію сердце православнаго кievлянина. Не могли не понять недруги наши, что серьезное и важное что-то предпринимаетъ кievское общество для противодѣйствія ихъ дерзкимъ посягательствамъ. . . .

По отдѣленіи печерскаго и подольскаго крестныхъ ходовъ, отправившихся въ свои мѣста, священная процессія, крещатицкою улицею, направилась къ софійскому собору. На пути войска, переведенныя на софійскую площадь, были окроплены святою водою. Въ Софійскомъ соборѣ, послѣ краткой литіи, въ придѣлѣ св. Владиміра, и многолѣтія, высокопреосвященный митрополитъ окропилъ св. водою братскую хоругвь и благословилъ открытіе братства.

Въ соборномъ домѣ приготовленъ былъ, на счетъ учредителей братства, завтракъ и братьями учредителями подана была посѣтителямъ книга, въ которой, въ число членовъ братства, удостоили внести свои имена его высокопреосвященство, митрополитъ кievскій Арсеній, его высокопревосходительство, г. начальникъ края, генераль-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ 2-й, его превосходительство, г. начальникъ губерніи, свиты Его Величества генераль-маіоръ Николай Геннадіевичъ Казнаковъ, его преосвященство викарій кievской митро-

---

(а) Всего кievскаго гарнизона.

IX

полія Серафимъ, его превосходительство, г. начальникъ X округа путей сообщенія Бобрисевъ-Пушкинъ и другіе.

Ко дню открытія братства учредители купили на 500 р. сер. (а) книгъ, преимущественно духовнаго содержанія, предположивъ, на первый разъ, при 100 школахъ кіевской епархіи открыть бібліотеки. Въ каждой бібліотекѣ изъ купленныхъ книгъ, будетъ не менѣе 35-ти отдѣльныхъ сочиненій.

Такъ отпразднованъ, въ настоящемъ году, день памяти св. просвѣтителя Россіи! Не лишнимъ почитаемъ сказать въ заключеніе, что кіевское братство, какъ показываетъ главная задача его, не объявляетъ непримиримую слѣпую вражду полякамъ, а развитіемъ внутренней силы православія въ массѣ народа, жаждетъ поставить латинно-польскую пропаганду въ невозможность существенно вредить намъ. Мы сдѣлали поляковъ опасными для себя, какъ сказано было въ проповѣди, по случаю открытія братства, потому что не употребляли всѣхъ нужныхъ средствъ для противодѣйствія имъ, забывши слово Спасителя, что если бы домохозяинъ бдѣлъ, не подкопался бы воръ. Не уступать ни за что и ни въ чемъ врагу нашему, постоянно помнить о его вѣковой, непобѣждаемой великодушіемъ, враждѣ его къ намъ, и на всякій часъ, въ полномъ всеоружіи нашихъ по преимуществу внутреннихъ силъ, быть готовыми отразить всѣ козни и насилія его — вотъ, по нашему мнѣнію, задача православнаго населенія здѣшняго края. Рациональность этой задачи, надѣмся, признаютъ и тѣ, кои не совсѣмъ впадаютъ начали толковать, въ послѣднее время, объ отношеніяхъ, въ какихъ мы должны находиться къ полякамъ.

(а) Изъ суммы, пожертвованной однимъ изъ учредителей братства.

Х

Учредители братства покорнѣйше просятъ православныхъ русскихъ оказать содѣйствіе открытому въ Кіевѣ братству, адресуя свои пожертванія въ *кіевское св. Владимірское, при кафедральномъ Софійскомъ соборѣ, братство*. При семъ публика извѣщается, что о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ братства и о пожертваніяхъ будетъ печататься въ мѣстныхъ періодическихкихъ изданіяхъ.

ПРОЕКТЪ УСТАВА

кіевского свято-владимірскаго, при кіево-софійскомъ соборѣ, братства.

Положеніе западнаго края Россіи обратило на себя, въ послѣднее время, особенное вниманіе русскаго общества и самаго правительства. Закоряѣла ненависть поляковъ-папистовъ ко всему православно-русскому, составляющая отличительный характеръ всей польской исторіи, душу латинской пропаганды, проявила себя въ недавнее время такими дерзкими и ухищренными дѣйствіями, что и для недалновидныхъ стало яснымъ, въ какихъ отношеніяхъ должно держать себя туземное, древнее, православно-русское населеніе къ давнимъ, упорнымъ врагамъ православной Россіи. Въѣщняя сила латино-польскаго элемента, какъ доказали опыты, не страшна для такой могущественной державы, какъ Россія. Но сила внутренняя, сила враждебной намъ пропаганды все еще крѣпка, все еще опасна для развитія и преуспѣянія нашихъ православныхъ вѣрованій. Силѣ этой нужно противодѣйствовать тѣмъ болѣе, что какъ римская вѣра

XI

главнымъ образомъ поддерживаетъ и фанатизируетъ польскую національность въ ея непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ, такъ православная вѣра всегда поддерживала русскую народность противъ насилія и ухищреній политической польской пропаганды. Мѣстному русскому обществу нужно самому воспрянуть духомъ и, совокупными силами, стать на стражъ своего древняго достоянія, своей православной вѣры, коею обуславливается состояніе и русской народности въ здѣшнемъ краѣ. Исторія завѣщала намъ дѣйствительный, утвержденный опытами, способъ веденія подобной общественной борьбы въ такъ называемыхъ братствахъ. Къ возстановленію такихъ учрежденій невольно склонилось, въ послѣднее время, общественное мнѣніе всей Россіи. Возстановить это историческое учрежденіе и въ Кіевѣ, столь славномъ подвигами своего древняго братства, рѣшились и нижеподписавшіеся на слѣдующихъ основаніяхъ.

§ 1. ЗАДАЧА БРАТСТВА.

Такъ какъ мѣстное православное духовенство и простой народъ, при данномъ правительствомъ направленіи, съ мужествомъ и самоотверженіемъ, возбуждающими высокое уваженіе, вынесли, по преимуществу, вѣковую борьбу за свои православныя вѣрованія противъ врага сильнаго, не стѣснявшагося никакими средствами пропаганды, съ незапамятныхъ временъ даже до послѣднихъ дней настоящаго времени—то учредители братства поставляютъ свою главную задачу: содѣйствовать средствами, какія будутъ въ его распоряженіи, усиліямъ сихъ двухъ сословій къ достиженію возможно-полнаго торжества надъ врагомъ, хотя и побѣжденнымъ со внѣ, но еще способнымъ вести упорную борьбу тайными путями.

Мѣстное епархіальное начальство, воспользовавшись предпринятыми правительствомъ важными реформами въ отношеніи къ простому народу, еще съ 1859 года озаботилось заведеніемъ,

XII

на всемъ пространствѣ епархіи, сельскихъ церковно-приходскихъ школъ, и въ настоящее время имѣть ихъ уже 1371 съ 36,420 учащимися обоюго пола. Столь немовѣрный успѣхъ, достигнутый почти исключительно энергическою и мудрою распорядительностію двухъ архипастырей и безкорыстными, самоотверженными трудами приходскаго духовенства, самъ собою вызываетъ вновь учреждаемое братство обратить преимущественное, усиленное вниманіе на поддержаніе и благопреемствіе этихъ въ высшей степени полезныхъ и благовременныхъ, но въ тоже время скудныхъ матеріальными средствами пособниковъ правительства въ его стремленіяхъ къ противудѣйствію усиліямъ латино-польской пропаганды, тѣмъ болѣе, что и сами враги наши, доколѣ не разоблачены были ихъ козни современными обстоятельствами открытаго возстанія, употребляли всѣ усилія парализировать церковно-приходскія школы, или посвятить въ нихъ свои плевелы.

По симъ соображеніямъ, вновь учрежденное братство имѣть въ виду, зависящими отъ него средствами, заботиться:

1) О снабженіи церковно-приходскихъ школъ нужными учебниками на славянскомъ и русскомъ языкахъ и другими принадлежностями школы, какъ-то: бумагою, картинами, въ пособіе къ изученію предметовъ и проч.

2) О заведеніи при всѣхъ означенныхъ школахъ бібліотекъ, составленныхъ изъ сочиненій наиболѣе пригодныхъ и полезныхъ народу, какъ въ видахъ общаго просвѣщенія его, такъ и въ видахъ огражденія его отъ дѣйствій польской пропаганды.

3) О возможномъ матеріальномъ пособіи дѣтелямъ на себѣ важномъ поприщѣ.

Примѣч. 1. Если позволять матеріальные способы братства, само собою оно не лишаетъ себя права творить и другія дѣла христіанской любви и благотворительности, какъ въ предѣлахъ кievской епархіи, такъ равно и другихъ мѣстахъ Россіи.

ХІІІ

Примч. 2. Братство считаетъ своею обязанностию содѣйствовать, по мѣрѣ своего вліянія, поднятію народной нравственности, значенію въ обществѣ духовенства и утверженію православія. Съ этою цѣлію братство можетъ назначать посильныя преміи за сочиненія особенно тому способствующія, за статьи и брошюры, направленныя къ обличенію нареканій, клеветъ, происковъ и всевозможныхъ посягательствъ на чистоту и цѣдность православія.

§ 2. УСТРОЙСТВО БРАТСТВА, ЕГО ПРАВА, КРУГЪ И ОБРАЗЪ ДѢЙСТВІЙ.

Въ воспоминаніе величайшаго благодѣянія, оказаннаго св. равноапостольнымъ Владиміромъ Кіеву и всей Россіи, чрезъ принятіе и распространеніе въ ней св. православной вѣры, — учреждаемое братство будетъ носить наименованіе свято-Владимірскаго, и состоять при Кіево-Софійскомъ, древнѣйшемъ въ Россіи, кафедральномъ соборѣ, гдѣ, въ придѣлѣ св. равноапостольнаго Владиміра, будетъ находиться икона св. Владиміра, съ лампадой и свѣчею братства, кружка для сбора денежныхъ приношеній въ пользу братства и хоругвь его, съ изображеніемъ св. Владиміра на одной и св. Архистратига Михаила на другой сторонѣ, съ надписью: *Хоругвь кіевскаго свято-Владимірскаго братства*. Съ этою хоругвию братья могутъ участвовать въ болѣе торжественныхъ ходахъ, при погребеніяхъ усопшихъ братьевъ и проч. При Софійскомъ же соборѣ имѣются поминальныя книги „помянники“, въ которыя будутъ вписаны имена братьевъ, оказывавшихъ особыя услуги братству, для вѣчнаго поминовенія въ назначенные для того церковію дни и наканунѣ праздника св. Владиміра.

§ 3. Въ члены братства приглашаются совершеннолѣтнія лица обоюго пола изъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ мѣстностей Россіи, подъ единственнымъ условіемъ давней принадлежности ихъ къ членамъ православной Церкви.

XIV

§ 4. Лица, желающія имѣть право голоса въ братскихъ собраніяхъ, вносятъ ежегодно въ кассу братства не менѣе *пяти* рублей, а прочіе члены братства жертвуютъ по мѣрѣ своихъ средствъ и усердія.

§ 5. Братство имѣетъ право собирать пожертванія, для умноженія своихъ средствъ въ предѣлахъ кievской губерніи и изыскивать другіе постоянные источники доходовъ.

§ 6. Оно имѣетъ свою печать, дающую право на бесплатную пересылку ея корреспонденціи по всей Россіи, на что, по утвержденіи сего проэкта, и испрашиваетъ, установленнымъ порядкомъ, Высочайшаго разрѣшенія.

§ 7. Братство имѣетъ право избирать почетнаго председателя и почетныхъ членовъ.

§ 8. УПРАВЛЕНИЕ БРАТСТВА.

Какъ вообще направленіе дѣйствія братства, такъ и всѣ частныя распоряженія исходятъ изъ его Совѣта, имѣющаго пребываніе въ Кіевѣ.

§ 9. Совѣтъ этотъ, кромѣ шести учредителей братства, состоитъ изъ председателя, членовъ-братьевъ, числомъ до 12, казначея и дѣлопроизводителя.

§ 10. Всѣ эти лица назначаются по выборамъ братьевъ, имѣющихъ право голоса, въ общемъ собраніи братства, и только на одинъ годъ, по истеченіи котораго дѣлаются новые выборы. Учредители братства остаются членами Совѣта до тѣхъ поръ, пока сами не откажутся отъ этихъ обязанностей.

§ 11. Лица, избранныя на одинъ годъ, по окончаніи его не лишаются права быть избранными и на другой годъ, третій и т. д.

§ 12. Каждое изъ этихъ выборныхъ лицъ можетъ отказаться отъ своего званія во всякое время, но обязано заявить о своемъ нежеланіи запискою въ Совѣтъ.

XV

§ 13. Предсѣдателемъ Совѣта можетъ быть избранъ, какъ одинъ изъ его членовъ, такъ и лицо, не принадлежащее къ корпораціи Совѣта, а только входящее въ составъ членовъ братства, живущихъ въ Кіевѣ. Такой предсѣдатель будетъ избранъ въ первомъ собраніи братьевъ кіевскихъ, имѣющихъ право голоса.

§ 14. Предсѣдатель имѣетъ полтора голоса, а члены Совѣта по одному.

§ 15. ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ, КАЗНАЧЕЯ И ДѢЛОПРОИЗВОДИТЕЛЯ.

Предсѣдатель созываетъ обыкновенныя и экстренныя собранія какъ членовъ Совѣта, такъ и всѣхъ братьевъ, имѣющихъ право голоса, входитъ, по указанію обстоятельствъ, въ устныя и письменныя сношенія съ административными лицами, скрѣпляетъ приходо-расходныя книги, подписываетъ почтовые объявленія и болѣе важныя, исходящія бумаги Совѣта, останавливаетъ шумныя совѣщанія и горячіе споры членовъ Совѣта, даетъ инициативу и движеніе дѣламъ Совѣта.

§ 16. Казначей Совѣта ведетъ приходо-расходныя книги братства, составляетъ годовыя отчеты, получаетъ съ почты и отсылаетъ по почтѣ, или чрезъ благонадежный случай, денежные пакеты, ведетъ мелочныя расходы по дѣламъ, касающимся нуждъ братства и его Совѣта, изыскиваетъ способы къ умноженію матеріальныхъ способовъ братства и къ устраненію бесполезныхъ расходовъ и неумѣстныхъ благотвореній, вообще завѣдываетъ финансовою частію братства.

§ 17. Дѣлопроизводитель Совѣта заправляетъ канцелярскими дѣлами братства, какъ-то: получаетъ съ почты адресованныя на имя Совѣта братства простыя пакеты, ведетъ журналы бумагъ входящихъ и исходящихъ, докладываетъ собранію Совѣта содержаніе первыхъ, и составляетъ, согласно рѣшенію Совѣта, отвѣтныя бумаги, ведетъ краткіе протоколы засѣданій членовъ

XVI

Совѣта и состоявшихся по нимъ рѣшеній бумагъ входящихъ, скрѣпляетъ всѣ документы братства и бумаги исходящія изъ Совѣта и проч.

Примѣч. 1. Казначей и дѣлопроизводитель могутъ быть выбраны изъ членовъ Совѣта и пользуются правомъ голоса наравнѣ съ другими членами.

Примѣч. 2. Въ казначей избирается лице вполне благонадежное въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Если не найдется личности, которая веда бы безмездно дѣлопроизводство Совѣта братства, оно должно назначить ему небольшое жалованье. Предсѣдатель и казначей Совѣта несутъ свои обязанности безмездно.

§ 18. Совѣтъ имѣетъ постоянныя засѣданія однажды въ мѣсяцъ и экстренныя, по случаю какой нибудь особенной надобности. Въ экстренныя засѣданія приглашаются члены Совѣта повѣсткою за подписью предсѣдателя, или исправляющаго его должность члена братства.

§ 19. Дѣла въ Совѣтъ рѣшаются, послѣ словеснаго обсужденія и уясненія, большинствомъ голосовъ.

§ 20. Всѣ обращенія къ братству, всѣ заявленія лицъ, имѣющихъ въ немъ нужду, должны поступать въ Совѣтъ братства, а сей послѣдній, смотря по свойству полученной бумаги, можетъ дать ей такое или другое движеніе, или оставить безъ вниманія.

§ 21. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТЬ БРАТСТВА.

Братскія суммы состояются изъ добровольныхъ пожертвованій, какъ братьевъ, составляющихъ его корпорацію, такъ и другихъ лицъ православнаго исповѣданія, приглашаемыхъ къ тому братствомъ.

§ 22. Въ Совѣтъ братства будутъ ведены книги приходо-расхода, прошнурованныя и скрѣпленныя по листамъ и въ кон-

XVII

цѣ книги предсѣдателемъ Совѣта, дѣлопроизводителемъ и печатью братства.

§ 23. Кромѣ этихъ книгъ, братство имѣетъ право снабдить такими же прошнурованными и скрѣпленными книгами иногородныхъ своихъ повѣренныхъ, которые будутъ приглашать разныхъ лицъ къ пожертвованію въ пользу братства, и препровождать эти пожертвованія въ Совѣтъ братства.

§ 24. Получать изъ почтовой конторы денежные пакеты будетъ (какъ сказано выше) избранный Совѣтомъ казначей братства, по объявленіямъ, подписаннымъ предсѣдателемъ Совѣта и скрѣпленнымъ дѣлопроизводителемъ и печатью братства.

§ 25. Статьи прихода и расхода вносятся въ приходорасходныя книги и скрѣпляются подписью двухъ членовъ (въ томъ числѣ и казначей) Совѣта и дѣлопроизводителя.

§ 26. При значительномъ накопленіи капиталовъ братства, они будутъ вносимы въ кредитныя учрежденія для приращенія процентами, и билеты будутъ храниться, вмѣстѣ съ прочими капиталами, въ казначарищѣ Кіево-Софійскаго собора, въ запечатанномъ печатью братства и дѣлопроизводителя сундукѣ, ключи отъ котораго будутъ находиться одинъ у казначей, а другой у одного изъ членовъ Совѣта, въ этомъ же сундукѣ будетъ храниться тетрадь, въ которой записываются вносъ и выемка братскихъ денегъ.

§ 27. Размѣнъ билетовъ и полученіе изъ казначейства денегъ производится по рѣшенію Совѣта въ сообществѣ казначей и одного члена братства.

§ 28. Въ совѣтѣ братства будетъ также сундукъ для храненія денегъ, необходимыхъ на текущіе расходы, въ количествѣ не свыше 500 р. с. Въ этомъ же сундукѣ будутъ храниться приходорасходныя книги, актъ учрежденія и важнѣйшіе документы братства. Сундукъ братства будетъ опечатанъ, сверхъ печати братства, частною печатію предсѣдателя братства, а

XVIII

ключи отъ сундука (какъ сказано выше) сохраняются у одного изъ членовъ Совѣта и казначея. На непредвидѣнные мелочные расходы у казначея можетъ быть на рукахъ братскихъ денегъ до 50 рублей серебромъ.

Братья — учредители:

Каедральный Кіево-Софійскаго собора протоіерей *Григорій Крамаревъ.*

Григорій Бредигинъ.

Андрей Муравьевъ.

Ксенофонтъ Говорскій.

Владиміръ Бутовичъ.

Иванъ Эрмичъ.

Періоды I, II, III, и IV. Цѣна 5 р. На пересылку за 4 фун.—Описаніе харьковской епархіи. Цѣна 7 р. 50 к. съ перес.—Обзоръ русской духовной литературы. Цѣна 2 р. съ перес.—Бесѣды на воскресныя и праздничныя Евангелія, архіеп. Евсевія. 2 части. Цѣна 3 р. 60 к. съ пер.—Его же поученія о христіанской надеждѣ и любви. Цѣна 1 р. 50 к. На пересылку за 2 фун. Указатель для обозрѣнія московской патріаршей ризницы съ приложеніемъ XV таблицъ снимковъ, составл. епископомъ Саввою. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к.—Палеографическіе снимки съ греч. и славян. рукописей М. Синодальной бібліотеки изд. епископомъ Саввою. Ц. 5 руб.; на пересылку за 4 ф. Предъизображеніе Господа нашего Иисуса Христа и Церкви Его въ Вѣтхомъ Завѣтѣ. Цѣна съ пер. 1 р.—Исторія московской славяно-греко-латинской Академіи. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50. к. Жизнь св. Аѳанасія Александрійскаго. Цѣна 50 к. Разсужденія: о ересяхъ и расколахъ въ Россіи. 75 к. О христіанскомъ мученичествѣ. 40 к.—О Владыкѣ Израилевомъ. 7 к.—О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к.—О Божествѣ Сына Божія. 20 к.—О крестныхъ ходахъ православной Церкви. 20 к.—О поминовеніи усопшихъ. 25 к.—О литургіи преждеосвященныхъ даровъ. 50 к.—Преосв. Тихонъ, епископъ Воронежскій. 40 к.—О муропомазаніи. 15 к.—Св. Левъ, папа римскій. 30 к.—О поведеніи древнихъ христіанъ во дни воскресныя и праздничныя. 20 к.—Объ антихриствѣ. 40 к.—Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей Греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу Церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ. 30 к.

На пересылку послѣднихъ 16 сочиненій вмѣстѣ прилагается за 8 фунтовъ, а каждаго порознь за 1 фунтъ.

Дѣло Патріарха Никона, историческое изслѣдованіе. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

Указатель къ Твореніямъ Св. Отцевъ и къ прибавленіямъ духовнаго содержанія за двадцать лѣтъ. Цѣна 25 к.

На пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Съ требованіемъ всѣхъ означенныхъ изданій иногородные благоволятъ относиться *въ редакцію Твореній Св. Отцевъ, въ Серіевскомъ посадѣ, Московской губерніи.*

Проживающіе въ Москвѣ могутъ относиться съ такими требованіями въ Правленіе Московской Семинаріи (въ домъ Семинаріи, за Каретнымъ рядомъ), или въ книжную лавку А. Н. Ѳерапонтова на Никольской улицѣ.

Гг. подписчики въ адресахъ, сообщаемыхъ въ редакцію, благоволятъ четко и обстоятельно прописывать уѣздъ и губернію, въ которыхъ находятся мѣста ихъ жительства.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

Опроверженіе Евномія.....	Стран. 169
---------------------------	------------

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Разборъ ученія Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ.....	245
Слово на день коронаванія Государя Императора , АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.....	355

Примечанія: Извѣщеніе о пожертвованіяхъ изъ суммъ Московской каѳедры въ пользу М. Д. Академіи; извѣщеніе о пожертвованіяхъ на стипендію въ память Профессоровъ М. Д. Академіи Голубинскаго и Делицына; объявленіе о изданіи духовныхъ журналовъ и Епархіальныхъ вѣдомостей.

ОПЕЧАТКИ ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ.

Напечатано :		Должно читать :	
Стран.	строк.		
250	3 сн.	аастію	частію
253	14 св.	вліаніемъ	вліяніямъ
258	3 —	именно	именно
264	11 сн.	замершія	замершія
265	15 —	аналогіи	аналогіи
281	8 —	fusea	fusca
285	1 св.	изъ насъ	изъ нихъ
308	3 св.	огранизмы	организмы
311	8 —	прочитъся	упрочитъся
313	8 сн.	періодахъ	періодахъ
317	10 св.	но	то
333	19 сн.	сохранялись	сохранились
—	8 —	усложненія	усложняются
335	3 св.	своей	его
340	2 —	оставовъ	остововъ

ОБЪ ИСТОЧНИКЪ ИДЕИ БОЖЕСТВА.

Въ ряду неприсходящихъ изъ внѣшняго опыта и отъ разсудочнаго отвлеченія представленій нашего ума, называемыхъ идеями, идея о Богѣ занимаетъ первое мѣсто, какъ по той существенной связи, какую она имѣетъ съ другими идеями, служа ихъ кореннымъ началомъ, такъ и по вліянію на весь умственный и нравственный строй человѣческой жизни. Поэтому первая задача метафизическаго ученія объ идеяхъ, рѣшить вопросъ: истинна ли эта идея? Иначе — соответствуетъ ли ей реальный предметъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ свою очередь, состоитъ въ неразрывной связи съ рѣшеніемъ вопроса о ея происхожденіи въ нашемъ умѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если первоначальный источникъ идеи Божества скрывается или въ произволѣ творческой фантазіи, или въ какихъ либо субъективныхъ ощущеніяхъ и побужденіяхъ чловѣка, наиримѣръ въ чувствѣ страха предъ грозными явленіями природы, въ желаніи сообщить большую силу предписаніямъ нравственности посредствомъ искуснаго вымысла и тому под.; то очевидно она не можетъ имѣть никакого реального значенія сама въ себѣ. Если же окажется напротивъ, что эта идея есть коренная принадлежность человѣческаго

духа, что она не могла явиться въ насъ иначе, какъ въ слѣдствіе дѣйствія на нашъ духъ соответствующаго ей Высочайшаго Существа, — то истина ея будетъ несомнѣнна.

Кромѣ общаго философскаго значенія вопросъ объ источникѣ идеи Божества получаетъ особенную важность и потому еще, что материалистическая философія нашего времени, неограничиваясь вытекающимъ изъ самаго существа ея отверженіемъ реальности идеи Божества, старается указать самый процессъ образованія и развитія этой идеи въ родъ человѣческомъ. Въ различныхъ гипотезахъ о происхожденіи религіи, которыя находятъ отзвукъ и въ нашей литературѣ, она также старается указать на различные мнимые и случайные источники религіозной идеи, — источники, свойство которыхъ само собою уничтожаетъ всякую мысль объ ея истинѣ. — Все это указываетъ не только на важное значеніе изслѣдованія о дѣйствительномъ источникѣ идеи Божества въ современной философіи, но и на лучшій, по нашему мнѣнію, методъ этого изслѣдованія. Имѣя въ виду различныя мнѣнія о происхожденіи религіозной идеи, этотъ методъ долженъ быть діалектико - критическій. Путемъ возможно полнаго разбора всѣхъ мыслимыхъ предположеній о происхожденіи сей идеи, мы должны идти къ отысканію единственно-истиннаго понятія объ ея источникѣ.

Прежде всего представляются нашему вниманію тѣ атеистическія гипотезы происхожденія идеи Божества, которыя, отвергая ея объективность и истину, объясняютъ ея возникновеніе въ родъ человѣческомъ изъ причинъ случайныхъ, *внѣшнихъ*.

Такъ еще нѣкоторыми софистами было высказано, а философами-энциклопедистами XVIII-го столѣтія возобновлено мнѣніе, что идея Божества есть не что иное, какъ вымысль лицъ, которымъ казалось выгоднымъ для себя или полезнымъ для другихъ заставить людей вѣрить въ Бога. Такими лицами выступаютъ то жрецы, то мудрецы и законодатели. Побужденіе къ вымыслу находятъ то въ эгоистическомъ желаніи получить бѣльшую силу и вліяніе въ обществѣ, то въ болѣе чистомъ намѣреніи поддержать нравственность людей умнымъ вымысломъ. Такъ какъ законодатели и мудрецы могли, говорятъ, предвидѣть, что ни уваженіе къ ихъ личности послѣ ихъ смерти, ни буква ихъ законовъ, ни вѣщныя принудительныя средства общественной власти недостаточны сами по себѣ внушить уваженіе къ законамъ; то они выдумали для охраненія законовъ безсмертныхъ стражей, — боговъ, которые могли бы слѣдить не только за явными преступленіями, но и за самою совѣстью, которые бы имѣли силу видѣть и наказывать то, чего не видитъ общественная власть, и страхъ которыхъ преслѣдовалъ бы человека и тамъ, куда не достигають взоры закона.

Единственное основаніе, выставленное въ защиту подобнаго мнѣнія, есть нѣкоторыя историческія указанія на тѣсную связь религіи съ общественною властію и законодательствомъ въ древнѣйшія времена. Указываютъ напр. на то явленіе, что въ древнѣйшую эпоху господствующая форма правленія была теократическая, и что при этой формѣ правленія жрецы имѣли существенный интересъ въ учрежденіи и поддержаніи религіи. Указываютъ далѣе на то, что

древніе законодатели и мудрецы употребляли религію какъ средство внушить уваженіе къ законамъ, ссылаясь на божественное откровеніе, напр. Зороастръ, Миносъ, Нума Помпилій и пр.

Нетрудно замѣтить, что эти факты указываютъ только на *связь* религіи съ общественною властію въ древніи времена, а никакъ не на *происхожденіе* ея, такъ что, если бы даже религія явилась одновременно съ жрецами и законодателями, то и отсюда никакъ неслѣдовало бы, что послѣдніе были виновниками первой. Но въ дѣйствительности исторія показываетъ напротивъ, что религія гораздо древнѣе ея мнимыхъ изобрѣтателей, — жрецовъ и законодателей. Въ первобытномъ патріархальномъ состояніи всѣхъ племенъ, мы находимъ еще религію безъ жрецовъ. Главы семействъ исполняютъ религіозныя обязанности, которыя потомъ уже переходятъ къ отдѣльному сословію жрецовъ; такъ напр. было у евреевъ, грековъ, римлянъ. И въ настоящее время мы находимъ нѣкоторыя племена безъ жрецовъ, но не безъ религіозныхъ понятій. Что же касается до бюкратической формы правленія, будто бы общей всѣмъ народамъ древности и условливавшей утвержденіе религіозныхъ вѣрованій, то исторія показываетъ, что эта форма была далеко не всеобщою и первоначальною; у нѣкоторыхъ народовъ (Китай, Римъ, Греція) ея не было, а гдѣ она и была, тамъ зависѣла отъ особенностей *предшествующей* религіозной жизни и ея силы. Какъ религія предшествовала жрецамъ, также точно предшествовала она и законодателямъ. Послѣдніе являются въ древности въ столь тѣсномъ отношеніи къ религіи потому, что религія имѣла въ то время

особенную силу; такъ какъ религіозныя вѣрованія были уже существенно соединены съ общественнымъ бытомъ племенъ, то и законодатели не могли не воспользоваться ея вліяніемъ для утвержденія своихъ постановленій. Далѣе гипотеза, нами разсматриваемая, совершенно противорѣчитъ тѣмъ обстоятельствамъ времени и мѣста, какія представляются условіями возникновенія и распространенія религіи. Говорятъ: религіозная идея впервые возникла и утвердилась въ то время, когда люди были еще очень неразвиты и неразсудительны, когда всякая выдумка лица, заслужившаго уваженіе, принималась на вѣру. Но именно эта-то предполагаемая неразвитость и препятствовала бы распространенію религіозной идеи, если бы она была не больше какъ вымысломъ. Чѣмъ умственнѣе неразвитѣе и непосредственнѣе человѣкъ, тѣмъ съ бѣльшимъ трудомъ онъ повѣритъ существованію того, что не можетъ быть ему наглядно, эмпирически указано. Если же въ немъ есть способность вѣрить въ нечто вышечувственное, то конечно эта вѣра не можетъ быть внушена ему отвнѣ, но происходитъ отъ болѣе глубокаго источника, заключающагося въ немъ самомъ. Безъ этой внутренней потребности вѣрить въ невидимое и нечувственное, чѣмъ болѣе человекъ былъ бы неразвитъ, тѣмъ меньше могъ бы повѣрить какой-либо выдумкѣ предмета недоступнаго его чувствамъ. Что касается до нравственнаго характера предполагаемаго вымысла, то онъ скорѣе служилъ бы препятствіемъ, чѣмъ побужденіемъ, принять его на вѣру. Человѣкъ бываетъ иногда легковѣренъ и надокъ на выдумки, но только тогда, когда эти выдумки льстятъ его наклонностямъ, оправдываютъ

его порочныя стремленія. Но нелегко чловѣкъ чувственный повѣритъ такому вымыслу, который будетъ лежать тяжелымъ гнетомъ на всѣхъ его дѣйствіяхъ, будетъ ограничивать его чувственныя влеченія запретомъ и угрозою наказанія не только въ жизни, но и по смерти. Люди простые, руководящіеся въ жизни одною внѣшностію и чувственностію (какими представляетъ ихъ разсматриваемая гипотеза въ эпоху изобрѣтенія религіи), едвали бы стали бояться какого-то невидимаго существа больше, чѣмъ внѣшнихъ наказаній. Если и теперь въ большей части случаевъ бываетъ такъ, что страхъ общественнаго мнѣнія и законовъ болѣе обязываетъ къ нравственности, чѣмъ мысль о невидимомъ Законодателѣ и загробномъ судѣ, то это еще больше должно бы имѣть мѣста въ ту воображаемую эпоху, когда о высшихъ требованіяхъ нравственности по совершенному отсутствію религіозныхъ понятій не могло быть и рѣчи. Невозможно повѣрить, чтобы въ ту эпоху господства чувственныхъ представленій и эгоистическихъ стремленій удалось кому нибудь посредствомъ хитрой выдумки склонить народъ къ призванію бытія Божія и къ исполненію обязанностей налагаемыхъ религіею.

Наконецъ гипотеза происхожденія идеи Божества, нами разсматриваемая, представляетъ внутреннее противорѣчіе и несообразность. Именно, она не объясняетъ того, что имѣетъ въ виду объяснить, — *первоначальнаго* происхожденія этой идеи. Религіозныя понятія, по ея мнѣнію, распространились отъ жрецовъ, мудрецовъ, законодателей: но откуда же въ нихъ самихъ могли возникнуть эти понятія? Какой

процессъ размышленій могъ привести ихъ самихъ къ представленію Существа сверхчувственного, о которомъ ничто внѣшнее не могло дать имъ понятія? Указываютъ на самолюбіе, властолюбіе и подобныя личныя побужденія, какъ на причины такого вымысла. Но подобныя побужденія могли быть только неопредѣленными побужденіями *вымышлять*, но не дать готовыхъ элементовъ для такого понятія, ничего сходнаго съ которымъ не представляла существовавшая дотолѣ область понятій и представленій. Психологія говоритъ намъ, что для составленія самаго фантастическаго представленія нужны элементы заимствованныя изъ данныхъ, реальныхъ впечатлѣній, что самая смѣлая фантазія не творитъ изъ ничего, но преобразуетъ элементы дѣйствительныхъ представленій. Но мнимые изобрѣтатели религіозной идеи, въ окружающемъ ихъ чувственномъ мірѣ, не имѣли ничего, что бы могло имъ дать понятіе о невидимомъ, вѣчномъ, всемогущемъ Существовѣ; очевидно, такое понятіе не могло принадлежать къ числу произвольно создаваемыхъ представленій.

Сознавая недостаточность однихъ внѣшнихъ причинъ для объясненія происхожденія религіозной идеи, нѣкоторые мыслители ищутъ въ самой душѣ человѣческой субъективныхъ побужденій къ ея образованію. Такимъ побужденіемъ уже древніе матеріалисты полагали страхъ первобытнаго человѣка предъ грозными явленіями природы: *timor primos fecit Deos*, говорилъ Лукрецій. И въ наше время также перѣдко можно встрѣтить мнѣніе, что «астральныя и метеорологическія явленія, сильнѣе дѣйствовавшія на первобытное человѣчество, возбудили въ немъ то чувство

ужаса и благоговѣнія, которое повело къ созданію религіи» (а).

Нельзя не замѣтить и съ перваго взгляда, что въ этой гипотезѣ, между причиною производящею религіозную идею — грозными явленіями природы, и между ея дѣйствиємъ — религіею, нѣтъ никакой логической связи. Что грозныя явленія природы возбуждаютъ въ человѣкѣ страхъ, это правда; но какимъ образомъ здѣсь къ страху присоединяется и *благоговѣніе*, то есть религіозное отношеніе къ предмету страха, рѣшительно необъяснимо. Страхъ предъ грозными явленіями природы чувствуютъ и животныя и еще сильнѣе, чѣмъ человѣкъ; но отъ чего страхъ не переходитъ у нихъ въ благоговѣніе, въ религію? Страхъ и теперь чувствуетъ человѣкъ при многихъ необычайныхъ явленіяхъ природы, при встрѣчѣ съ опасными предметами, но ни предъ однимъ изъ нихъ онъ не чувствуетъ благоговѣнія, не испытываетъ религіознаго чувства. Очевидно благоговѣніе и страхъ — понятія далеко нетождественныя.

Конечно защитники разсматриваемой нами гипотезы имѣли въ виду то явленіе, что у нѣкоторыхъ неразвитыхъ племенъ религіозное чувство преимущественно выражается въ видѣ страха предъ существами почитаемыми за боговъ, и что эти существа представляются въ чертахъ грозныхъ, заимствованныхъ изъ грозныхъ явленій природы. Но съ одной стороны, такое выраженіе религіознаго чувства есть явленіе далеко не всеобщее у неразвитыхъ племенъ, а у тѣхъ, у которыхъ дѣйствительно замѣчается, оно есть

(а) Энциклоп. словарь 1861, т. IV. Амулетъ.

выраженіе не первоначальной, а искаженной уже формы религіи, точно также, какъ и состояніе дикарей не есть выраженіе первобытнаго состоянія рода человѣческаго. Съ другой, чувство религіознаго страха не есть явленіе однородное съ ощущеніемъ обыкновеннаго страха предъ грозными феноменами природы и не можетъ происходить отъ нихъ. Въ страхъ религіозномъ выражается сознаніе высшей, невидимой силы, управляющей явленіями природы; въ обыкновенномъ страхъ нѣтъ ничего, кромѣ инстинктивнаго сознанія личной опасности. Поэтому религіозный страхъ чувствуется не предъ явленіями природы, какъ таковыми (бурею, солнечнымъ затмѣніемъ, громомъ и пр.), но предъ высшимъ ихъ Существомъ, дѣйствіями котораго онъ почитаются. Откуда же теперь это новое понятіе *Существа*, производящаго явленія природы и властвующаго надъ ними? Откуда это понятіе, изменяющее страхъ въ благоговѣніе и служащее основою, хотя очень несовершеннаго, но тѣмъ неменѣе отличнаго отъ простаго ощущенія физическаго страха, религіознаго чувства? Явленія природы сами по себѣ, какъ бы онъ грозны ни были, не могли бы образовать въ душѣ человѣка этого понятія, еслибы въ немъ уже предварительно не находилось побужденія къ образованію его. Если въ человѣкѣ уже есть хотя темная идея о Существомъ высочайшемъ, болѣе могущественномъ, чѣмъ онъ, то очень можетъ быть, что при неразвитости ума и нравственнаго чувства, пораженный грозными явленіями природы и ея силами, онъ къ этимъ именно явленіямъ и силамъ отнесетъ то понятіе о бытіи высочайшемъ, которое находится въ его умѣ. Но если бы въ немъ не было никакого

ощущенія бытія высшей его невидимой Силы, если бы не было по крайней мѣрѣ никакого побужденія искать ея въ природѣ, то никакія самыя поразительныя «астральныя и метеорологическія» явленія ея не могли бы вызвать понятія о Богѣ въ умѣ его. Страхъ остался бы обыкновеннымъ страхомъ, произвелъ бы, пожалуй, сознаніе безпомощности и зависимости отъ природы, но не вызвалъ бы представленія о Существовѣ, управляющемъ явленіями природы.

Не говоримъ уже о томъ, что разсматриваемая гипотеза происхожденія религіозной идеи, если и можетъ имѣть подобіе вѣроятности, то только въ приложеніи къ вѣрованіямъ или очень дикихъ племенъ, или очень еще неразвитаго состоянія общества. Всеобщность религій, ея существованіе во все времена и у всехъ народовъ, рѣшительно необъяснимы съ точки зрѣнія этой теоріи и служатъ окончательнымъ опроверженіемъ ея. Пусть, какъ говоритъ Лукрецій и какъ думаютъ его новѣйшіе послѣдователи, страхъ произвелъ первыхъ боговъ; что же поддерживало религію въ послѣдствіи, когда этотъ дѣтскій страхъ разсѣялся? Какимъ образомъ заблужденіе неразвитости и безпомощности первыхъ людей распространилось повсюду и удержалось навсегда, когда съ развитіемъ наукъ, искусствъ, общественной жизни, исчезло чувство боязливаго страха предъ явленіями природы? Если бы чувство страха повело къ созданію религій, то это созданіе давно бы рушилось, не оставивъ послѣ себя и слѣда.

Новѣйшій матеріализмъ, не довольствуясь прежними антирелигіозными попытками объяснить происхожденіе религіозной идеи, ищетъ новаго объясненія — въ присущемъ челоѣвуку стремленіи создавать идеалы и

въ способности его представлять дѣйствительными немѣющія реальности произведенія фантазіи. Недовольный окружающею его дѣйствительностію, человекъ создаетъ идеалы лучшаго порядка вещей, — идеализируетъ дѣйствительность. Недовольный собою и окружающими его людьми, онъ создаетъ идеаль совершеннаго человека, при помощи фантазіи увеличивая его до необычайныхъ размѣровъ силы и совершенства. Затѣмъ онъ убѣждается въ реальномъ бытіи этого идеала, относится къ нему, какъ къ дѣйствительному объекту, — словомъ создаетъ представленіе о Богѣ и религіи. Незбѣжныя, хотя болѣе или менѣе тонкія по степени образованности людей, антропоморфическія черты въ идеѣ о Богѣ будтобы указываютъ именно на такое ея происхожденіе. Итакъ идея Божества, по мнѣнію этихъ мыслителей, собственно есть олицетворенный человѣческій идеаль. Какъ вообще потребность въ идеалахъ является въ слѣдствіе недовольства человека окружающимъ его и въ слѣдствіе его несовершенства, такъ и потребность религіозной идеи есть слѣдствіе несовершенства и порочности людей. Боги— это идеалы людей, изображенія, каковыми они должны быть, но какими они не суть на самомъ дѣлѣ, — изображенія, которыя и являются именно потому и тогда, когда люди не таковы, какими имъ нужно быть (6).

Вся эта теорія держится единственно на спутанности понятія объ идеаль и способности къ идеализаціи. Конечно въ насъ есть способность и стремленіе создавать образы несуществующихъ реально предметовъ; эта способность на низшей ея степені— фантазія, на

---

(6) Теорія Фейербаха и его школы.

высшей — эстетическое творчество. Эта способность прежде всего проявляется въ языкѣ, въ образности выраженій, въ метафорахъ и олицетвореніяхъ, затѣмъ — въ созданіи художественныхъ идеаловъ. Но немного нужно пронизательности, чтобы видѣть, что между идеалами, созданными этою способностію, и идеями, — въ частности идеею Божества, въ сущности нѣтъ ничего общаго, кромѣ внѣшней эстетической формы, которую иногда принимаютъ эти идеи, точно также какъ они могутъ принимать форму разсудочныхъ понятій, чувствованій, стремленій.

Существенная черта, отличающая всѣ возможные художественные идеалы отъ идей, есть сопровождающее и образованіе и представленіе первыхъ, ясное сознаніе ихъ нереальности; напротивъ сознаніе реальности идей составляетъ ихъ необходимый признакъ. Мы несомнѣнно убѣждены, что *есть* напр. истина, добро, Божество, и во всѣхъ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ нашей умственной и нравственной жизни выражается эта увѣренность. Напротивъ всякое созданіе фантазіи, будетъ ли то ни съ чѣмъ не сообразная выдумка, или высокохудожественное представленіе, даетъ себя очень ясно чувствовать, какъ субъективное только созданіе нашего вымысла, неимѣющее реального значенія. Только дитя можетъ повѣрить истинѣ фантастической сказки, которую ему рассказываютъ. Только сумасшедшій можетъ повѣрить реальности образовъ созданныхъ его фантазією и относиться къ нимъ, какъ къ живымъ существамъ. Высшія произведенія эстетической способности, — идеалы, не отличаются въ этомъ отношеніи отъ прочихъ созданій фантазіи. Всѣ идеалы, создаваемые человекомъ,

не исключая и идеала собственного нашего я, имѣютъ ту особенность, что человекъ всегда ясно сознаетъ ихъ идеальный субъективный только характеръ. Каждый сознаетъ, что идеаль есть сложившееся подъ влияніемъ ума и фантазіи представленіе о томъ, чѣмъ бы долженъ быть извѣстный предметъ; но то уже самое, что здѣсь представляется, чѣмъ бы долженъ быть извѣстный предметъ, для каждаго служить яснымъ свидѣтельствомъ, что этого идеального предмета еще нѣтъ въ данный моментъ, что онъ не существуетъ реально.

Существенно иной характеръ представляетъ идея Божества; мы *необходимо* представляемъ предметъ ея реально существующимъ; она и не мыслима безъ сопровождающаго ее сознанія ея объективной истины. Такое сознаніе до такой степени сильно и живо, что при недовольно явномъ отличеніи этой идеи отъ формъ человеческого познаванія, въ которыхъ она является въ нашемъ умѣ, и при смѣшеніи ея съ этими формами, оно можетъ увлечь человека къ признанію реальными и самыхъ этихъ формъ, которыя тѣсно связаны съ нею и которыхъ отдѣлить отъ сущности человекъ еще не въ силахъ. Вотъ отъ чего получаютъ жизненность и реальность, для недовольно яснаго еще умственного взора человека, и самые созданные фантазіею религіозные образы и представленія, въ которыхъ онъ старается выразить идею о Божествѣ въ ея различныхъ отношеніяхъ. Этимъ объясняется и то, необъяснимое для разсматриваемой нами теоріи, явленіе, почему, какъ скоро представленіе фантазіи есть представленіе *религіозное*, то-есть имѣющее связь съ идеею Божества, оно, какъ бы иногда ни казалось не-

льно (напр. въ языческихъ мифахъ), получаетъ для сознанія необыкновенную силу; человекъ легко и скоро заблуждается, принимая форму религіозной идеи за ея сущность. Но какъ скоро произведеніе фантазіи не имѣетъ религіознаго характера, какъ бы оно правдоподобно ни было, никто одаренный здравымъ смысломъ не сочтетъ его реальнымъ. Очевидно, что причина такого существеннаго различія въ отношеніи сознанія къ нашимъ представленіямъ та, что въ представленія религіозныя привходитъ совершенно новый элементъ, — идея Божества, сопровождающее которую сознаніе ея реальности легко переходитъ и на соединяемыя съ нею представленія. Иначе, мы не найдемъ никакого основанія, почему, при предполагаемой у человека способности почитать дѣйствительными несуществующіе дѣйствительно и создаваемые фантазіею предметы, эта способность дѣйствуетъ только въ связи съ однимъ извѣстнымъ представленіемъ (о Божествѣ), и мгновенно теряетъ свою силу въ другихъ случаяхъ. Почему напр. человекъ никогда не считаетъ дѣйствительною сказку, поэму, созданный имъ идеаль ученаго, воина, гражданина и пр., а только одинъ предполагаемый идеаль Существа всесовершеннаго и другія связанныя съ этимъ идеаломъ представленія? Перваго рода идеалы гораздо ближе къ ощущаемой дѣйствительности, чѣмъ представленіе о Существовѣ абсолютномъ, и поверить ихъ реальному существованію, повидимому, гораздо легче, чѣмъ бытію послѣдняго; — однакожъ на дѣлѣ видимъ совершенно иное. Очевидно, что способность, заставляющая насъ съ непоколебимою силою увѣренности признавать реальное бытіе Существа сверхчувственнаго,

есть нечто совершенно отличное отъ способности создавать образы несуществующихъ предметовъ. Сопровождающее идею Божества и основанная на ней представленія, сознание ея реальности показываетъ, что она возникаетъ изъ совершенно другаго источника и по другимъ побужденіямъ, чѣмъ обыкновенные идеалы.

Сознание реальности идеи Божества условливаетъ въ свою очередь и другую неменѣе рѣзкую и существенную особенность, отличающую ее отъ всѣхъ созданий творческой фантазіи; эта особенность — живое отношеніе человека къ предмету выражаемому сею идеею и могущественное вліяніе ея на его жизнь и дѣятельность. Созданія эстетическія служатъ только предметомъ художественнаго наслажденія, имѣющаго теоретическій характеръ; убѣжденный въ ихъ нереальности человекъ не можетъ вступать съ ними въ живыя отношенія; ихъ вліяніе на жизнь не болѣе того вліянія, какое можетъ имѣть ясное и наглядное понятіе о предметѣ на опредѣленіе нашихъ дѣйствій. Если они сильнѣе дѣйствуютъ на чувство, чѣмъ понятію разсудка; то въ замѣнъ того имъ не достаетъ силы разумнаго убѣжденія, свойственнаго понятіямъ. Напротивъ идея Божества имѣетъ такую живую, опредѣляющую дѣятельность силу, какой не могутъ имѣть даже самыя ясныя понятія разсудка, не говоря уже о представленіяхъ фантазіи. Съ тѣхъ поръ, какъ исторія заномнитъ о существованіи рода человѣческаго, религія является могущественнымъ дѣятелемъ въ нравственной и общественной жизни людей; она правитъ дѣятельностію людей, возбуждаетъ человека къ лишеніямъ, подвигамъ, самопожертвованіямъ, къ кото-

рымъ не можетъ возбудить не только какая нибудь мечта фантазіи, но и самое крѣпкое убѣжденіе разсудка; религія опредѣляетъ сущность гражданскихъ учреждений и видоизмѣняетъ формы общественнаго быта; вообще она представляется такою силою, съ какою едва ли могутъ идти въ сравненіе всѣ прочіе мотивы человѣческихъ дѣйствій. Сообразно ли теперь съ здравымъ смысломъ думать, чтобы простое созданіе недовольной дѣйствительностію фантазіи приобрѣло такое значеніе, какого не могло имѣть никакое даже истинное представленіе? Вліяніе религіи не показываетъ ли, что въ ней заключается истинная, существенно-реальная, а не мечтательная сила? А эту силу, конечно, можетъ дать ей не произволь чело-вѣческой фантазіи, но внутренняя самостоятельная ея истина.

Дѣйствительно, обращая вниманіе на содержаніе идеи Божества, не трудно замѣтить, что оно гораздо выше всего того, что могла бы изобрѣсти самая смѣлая фантазія. Не смотря на кажущуюся отдаленность отъ дѣйствительности, произведенія фантазіи имѣютъ однакожь по своимъ составнымъ элементамъ живое отношеніе къ ней. Черты идеальныхъ предметовъ заимствуются отъ дѣйствительныхъ предметовъ и только видоизмѣняются особеннымъ образомъ фантазіею, которая ихъ увеличиваетъ, уменьшаетъ, комбинируетъ по произволу или по законамъ изящнаго. Но въ идеѣ Божества мы встрѣчаемъ такія черты, которыя не могутъ образоваться никакимъ комбинированіемъ и превеличеніемъ элементовъ дѣйствительныхъ представленій. Такова напр. идея абсолютнаго Духа, Существа самосущаго; таковы понятія о безконечности, вѣчно-

сти, абсолютныхъ совершенствахъ. Самая смѣлая фантазія, какъ бы она ни расширяла границы свойствъ человѣческихъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, не могла бы сама собою избобрѣсти тѣхъ абсолютныхъ признаковъ, которые составляютъ особенность понятія о Богѣ, если бы не руководилась заключающеюся уже въ душѣ идеею безконечнаго.

Объ этой особенноти идеи Божества совершенно забываютъ защитники разсматриваемой нами теоріи. Замѣчая въ религіозныхъ представленіяхъ различныхъ народовъ антропоморфическія черты, образовавшіяся путемъ преувеличенія фантазіею дѣйствительныхъ чертъ человѣческой природы, они полагаютъ, что эти черты и составляютъ все содержаніе и сущность идеи Божества. Но сущность этой идеи не въ томъ состоитъ, что Богу приписываются человѣческія совершенства, но въ томъ, что Ему приписываются абсолютныя совершенства и абсолютное бытіе. Въ самыхъ несовершенныхъ религіозныхъ представленіяхъ, человекъ по крайней мѣрѣ думаетъ, что онъ представляетъ абсолютныя, вышечеловѣческія совершенства Существа все-совершеннаго. Какъ бы по видимости ни было похоже религіозное представленіе Божества у нѣкоторыхъ народовъ на представленіе идеальнаго человека, религіозное сознаніе ясно понимаетъ, что оно хотѣло выразить вовсе не идеалъ человека, но понятіе Существа высшаго человека, абсолютно-совершеннаго. Во всѣхъ религіяхъ, у всѣхъ народовъ есть представленія объ идеальномъ человекѣ, выражающіяся то въ религіозныхъ разсказахъ о святыхъ мужахъ, то въ эпическихъ сказаніяхъ о герояхъ и пр. Но религіозное сознаніе всегда ясно отличаетъ эти идеалы отъ

представлений о Божестве, какъ бы иногда ни казались идеальные люди, напр. въ языческихъ религіяхъ, похожими на боговъ. Въ представленіи Божества человѣкъ съ полнымъ сознаниемъ, не допускающимъ никакого самообольщенія, хочетъ выразить не себя, какимъ бы онъ долженъ быть, но понятіе о Существовѣ, какимъ человѣкъ никогда не можетъ быть, и которое превышаетъ границы его природы. Между Божествомъ и человѣкомъ, даже идеальнымъ, всеобщее религіозное сознание полагаетъ безконечное различіе и несходство; оно ясно чувствуетъ, что человѣкъ никогда не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ представляетъ Божество. Объ этомъ ясномъ фактѣ сознанія совершенно не хотятъ знать защитники разсматриваемой нами гипотезы; признавая, что созданный человѣкомъ собственный идеалъ, какимъ-то непонятнымъ способомъ самообольщенія, превратился въ идею Божества, они допускаютъ какой-то немыслимый психологическій процессъ, ничего подобнаго которому не представляетъ дѣйствительность.

Такимъ образомъ существенное различіе между идеєю Божества и идеаломъ нашихъ совершенствъ ясно говоритъ, что эта идея не можетъ быть произведеніемъ способности къ идеализаціи, существующей въ нашемъ духѣ. Скажемъ болѣе: если бы защитники послѣдняго мнѣнія обратили болѣе вниманія на эту исключительно человѣческую способность къ идеализаціи, то могли бы увидѣть, что самая эта способность, вмѣсто того, чтобы быть источникомъ идеи о Богѣ, въ свою очередь обязана своимъ существованіемъ этой идеѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ насъ не было предшествующаго понятія о неограниченномъ

совершенство, не было стремления къ достиженію этого совершенства, то что заставило бы человека никогда не довольствоваться настоящимъ положеніемъ вещей, постоянно стремиться къ лучшему и въ силу этого стремленія создавать себѣ представленія этого лучшаго, — такъ называемые идеалы? Идеаль пред-полагаетъ уже существующее понятіе о совершенствѣ, а неудовлетворенность ничѣмъ даннымъ, неудовлетворенность даже идеаломъ, лишь только онъ осуществился, — показываетъ, что это понятіе есть идея абсолютнаго совершенства. Идея же абсолютнаго совершенства есть элементъ существенно входящій въ понятіе Божества. Идея Божества, какъ живой совокупности всѣхъ совершенствъ въ неограниченной степени, и вмѣстѣ какъ цѣли нашихъ стремленій, и есть то, конечно неясно и неотчетливо въ обыденной жизни сознаваемое, начало, которое побуждаетъ насъ къ идеальнымъ стремленіямъ, олицетворяемымъ фантазію. Такимъ образомъ стремленіе и способность къ составленію идеаловъ можетъ быть названа не причиною, а слѣдствіемъ религіозной идеи, понимаемой во всей ея широтѣ.

Что касается до антропоморфизма въ религіозныхъ представленіяхъ, на который съ особенною силою указываютъ защитники разсматриваемой нами теоріи въ подтвержденіе той мысли, что идея Божества есть не что иное, какъ олицетвореніе идеальныхъ человѣческихъ свойствъ, то нетрудно замѣтить, что онъ составляетъ не сущность, а только одну изъ формъ представленія Божества. Сущность идеи Божества, какъ мы замѣтили, составляетъ не то, что Оно изображается съ подобными нашимъ совершенствами, но то, что

Ему приписываются абсолютныя совершенства, и что Оно представляется живою и абсолютно-сущею совокупностію сихъ совершенствъ. Если бы антропоморфическія и подобныя, человѣкомъ созданныя, черты составляли самую сущность идеи Божества, то очевидно съ уничтоженіемъ ихъ исчезала бы изъ сознанія и самая идея. Но исторія религій показываетъ, что, не смотря на постоянную измѣнчивость, текучесть такъ сказать созданныхъ человѣкомъ образныхъ представленій о Богѣ, религіозная идея не уничтожается вмѣстѣ съ ними; но, отвергая одни представленія, оказавшіяся ложными или неудовлетворительными, человѣкъ ищетъ новыхъ и болѣе кажущихся точными, опредѣленій Божества. Это ясно говоритъ, что образныя представленія составляютъ для него только различныя способы, какъ уяснить для сознанія содержаніе религіозной идеи, — способы видоизмѣняющіеся и усовершенваемые по мѣрѣ его развитія. Такое явленіе совершенно естественно. Идея по своему содержанію безгранична, потому что предметъ ея Существо абсолютное по бытію и по свойствамъ; формы человѣческаго познанія ограничены; отъ этого человѣкъ и представляетъ Существо безконечное не адекватно, налагаетъ на идею Его ограниченныя формы своей познавательной силы: — на нисшей степени развитія, онъ представляетъ Божество въ чувственныхъ, образныхъ и символическихъ чертахъ, на высшей составляетъ различныя разсудочныя понятія о Немъ. Но въ тоже время онъ всегда сознаетъ, болѣе или менѣе ясно, что эти формы не исчерпываютъ содержанія идеи, не соответствуютъ ей. Отъ этого съ одной стороны — измѣнчивость религіозныхъ понятій и представленій,

съ другой — ясно выражаемая всеми религіями мысль о непостижимости Божества. Во всѣхъ религіяхъ, сколько нибудь развитыхъ, можно найти признанія, что Божество по своему величію выше всѣхъ описаній и представлений. Такое признаніе рѣшительно необъяснимо, если почитать идею Божества олицетвореніемъ человѣческаго идеала.

Вообще, какъ противъ разсматриваемой нами, такъ и противъ всѣхъ теорій, производящихъ идею Божества отъ причинъ случайныхъ и субъективныхъ, рѣшительно говорить всеобщность и необходимость религіи въ родѣ человѣческомъ. Религія есть живой фактъ исторіи народовъ и человѣчества, — фактъ, хотя многообразный въ совокупности своихъ проявленій, но тождественный въ своей сущности, неизмѣнный въ своемъ бытіи. Уже предъ началомъ исторической жизни народовъ, отъ временъ, отъ которыхъ, за исключеніемъ откровеннаго бытописанія, дошли до потомства только отрывки сагъ и преданій, остались намъ повѣствованія о религіи, и почти только о ней одной. Кроме нѣкоторыхъ немногихъ рассказовъ о жизни древнѣйшихъ людей, эти преданія содержатъ въ себѣ только религіозный матеріалъ, говорятъ о началѣ міра и людей, о явленіяхъ Божества людямъ, о ихъ взаимномъ отношеніи, о событіяхъ сверхъестественныхъ и т. п. Вообще можно сказать, что все содержаніе древнихъ преданій есть религіозная исторія. Это показываетъ, что въ древнѣйшую, доисторическую эпоху жизни рода человѣческаго, религія имѣла не только всеобщее, но можно сказать исключительное значеніе въ духовной жизни человѣчества. Всѣ прочія сферы духовной жизни, — наука,

искусство, общественность, развились уже въ послѣдствіи; въ началѣ одна религія была областью, въ которой вращались и которою ограничивались интересы чловѣка. Какъ скоро, съ образованіемъ отдѣльных народностей, начинается собственная исторія, мы находимъ тамъ уже религію; ни одинъ народъ не изобрѣтаетъ религіозныхъ вѣрованій, но, являясь на сцену исторіи, приноситъ уже ихъ съ собою, какъ наслѣдіе предковъ; отъ незапамятныхъ временъ онъ хранитъ свои священныя преданія, которыя и остаются въ основѣ дальнѣйшаго развитія религіи. Религія неизмѣнно сопровождаетъ каждый народъ по всемъ степенямъ его исторической жизни, видоизмѣняясь съ измѣненіемъ понятій, нравовъ и историческихъ обстоятельствъ, но оставаясь неизблѣимою въ своемъ существованіи и въ своихъ основныхъ началахъ. Развитіе образованности, очищая и преобразуя религіозныя представленія, не ослабляетъ и не уничтожаетъ самой религіи; общее антирелигіозное направленіе, плодъ довольно зрѣлаго, но превратнаго образованія, всегда бываетъ явленіемъ мимолетнымъ и исключеніемъ въ нормальномъ ходѣ исторической жизни народовъ. Вообще, обратимъ ли вниманіе на ходъ исторіи, или на настоящее состояніе народовъ и племенъ, мы придемъ къ несомнѣнному убѣжденію во всеобщности и существенномъ значеніи религіи.

Но всеобщее и необходимое проявленіе жизни рода чловѣческаго не можетъ ни быть явленіемъ случайнымъ, ни происходить отъ причинъ случайныхъ. Если мы не хотимъ отвергнуть всякій смыслъ и разумность въ жизни чловѣчества, то должны признать, что есть же въ чловѣческомъ духѣ какая-то

неотразимая, неискоренимая потребность религии, основанная на существенных свойствах самой природы его. Думать иначе, — думать, что пустое заблужденіе, нелѣпый вымысль фантазіи могъ имѣть такое громадное значеніе и такую силу въ жизни народовъ, — значитъ признавать весь родъ человѣческой одержимымъ хроническимъ сумасшествіемъ. Потому что чѣмъ, какъ не сумасшествіемъ, назвать то состояніе души, когда человекъ олицетворяетъ пустой вымысль фантазіи, почитаетъ его реально-существующимъ предметомъ и постоянно вплетаетъ его во всѣ отношенія своей жизни. Нельзя и представить меньшаго уваженія къ человечеству, къ человеческому разуму и исторіи, чѣмъ то, которое высказывается въ теоріяхъ мыслителей, отвергающихъ объективное значеніе религии. Не смотря на измѣряемый тысячелѣтіями возрастъ, человекъ представляется жалкимъ, безумнымъ существомъ, не имѣющимъ смысла даже на столько, чтобы разубѣдиться въ истинѣ сказки, выдуманной кѣмъ-то случайно, во времена отдаленной древности.

Итакъ самое уваженіе къ разуму заставляетъ насъ искать источника идеи Божества не въ случайныхъ и субъективныхъ побужденіяхъ человека, но въ коренныхъ и существенныхъ требованіяхъ его духа. Такъ какъ эти побужденія отстранены, то ближе всего можетъ представиться, что источникъ идеи Божества нигдѣ лучше не можетъ быть найденъ, какъ въ самомъ разсудкѣ, который путемъ умозаключеній доходитъ до необходимости признать бытіе Божіе, и затѣмъ старается составить сообразное съ своими требованіями понятіе о свойствахъ Божества и отно-

пещняхъ къ нему чловѣка. Дѣйствительно, опытъ показываетъ, что познаніе о предметахъ и увѣренность въ дѣйствительномъ ихъ бытіи пріобрѣтается двумя путями. Мы увѣряемся, что предметъ дѣйствительно существуетъ, или тогда, когда онъ подѣйствовалъ на насъ, произвелъ впечатлѣніе на наше чувство и тѣмъ завѣрилъ для насъ свое бытіе; или тогда, когда и не имѣя впечатлѣній отъ предмета, мы тѣмъ не менѣе путемъ выводовъ и умозаключеній разсудка доходимъ до убѣжденія, что такой-то предметъ необходимо долженъ существовать. Перваго рода признаніе бытія предмета можетъ быть названо эмпирическимъ, втораго — рациональнымъ. Перваго рода способъ убѣжденія въ бытіи предмета свойственъ по видимому только познанію предметовъ внѣшнихъ, эмпирическихъ. Второй относится къ предметамъ умственнымъ, которые не производятъ на насъ впечатлѣній чувственныхъ, но въ дѣйствительности которыхъ убѣждаетъ насъ необходимость мысли. По видимому этотъ послѣдній способъ удобнѣе всего прилагается къ объясненію происхожденію идеи Божества; идея Божества можетъ возникнуть въ слѣдствіе дѣятельности разсудка, приводящей насъ необходимо къ признанію бытія Божія.

Исторія мышленія дѣйствительно представляетъ намъ разнообразныя опыты такой дѣятельности въ такъ называемыхъ доказательствахъ бытія Божія, — онтологическомъ, космологическомъ, телеологическомъ и другихъ. Въ нихъ философія сохранила всѣ возможные способы, какими разсудокъ можетъ доходить до убѣжденія въ истинѣ идеи Божества.

Но представляютъ ли эти доказательства дѣйстви-

тельный процесс, какимъ образовалась въ нашей душѣ идея о Богѣ?

Съ тѣхъ поръ, какъ явилась знаменитая критика чистаго разума Канта, этотъ вопросъ можно считать рѣшеннымъ отрицательно. Не входя здѣсь въ изложене общезвѣстныхъ результатовъ его критическаго анализа идеи Божества и въ разборъ тѣхъ не вполне вѣрныхъ выводовъ относительно значенія этой идеи, которые имъ сдѣланы, можемъ сказать только, что этимъ анализомъ несомнѣнно доказано, что такъ называемыя доказательства бытія Божія не суть доказательства въ строгомъ смыслѣ слова, — т. е. выведение неизвѣстной дотолѣ истины, путемъ раціональныхъ умозаключеній. Въ нихъ истина, выводимая въ заключеніи, содержится уже въ посылкахъ; процессъ доказательства только разъясняетъ и подтверждаетъ ее. Доказательства бытія Божія были бы невозможны, если бы не предшествовало имъ, конечно незамѣтнаго для нестрогаго мышленія, *предположенія* сего бытія. При такомъ характерѣ этихъ доказательствъ, очевидно невозможно, чтобы процессъ разсудка въ ихъ образованіи былъ процессомъ дѣйствительнаго происхожденія въ насъ идеи Божества, которая предшествуетъ имъ. А такъ какъ въ этихъ доказательствахъ исчерпываются всѣ возможные способы, при помощи которыхъ нашъ разсудокъ могъ бы доходить до понятія о Богѣ, то не менѣе ясно, что источникъ идеи Божества не можетъ заключаться въ дѣятельности разсудка.

Но и кромѣ содержанія доказательствъ бытія Божія, самая форма ихъ показываетъ, что не путемъ ихъ возникаетъ въ человѣкѣ идея Божества. Всѣ они

образовались мало-по-малу, и вообще составляли достояніе немногихъ, мыслящихъ умовъ. Идея Божества во всей своей силѣ является не только гораздо раньше всѣхъ возможныхъ доказательствъ, даже въ ихъ самой первоначальной и неразвитой формѣ, но и въ дѣйствительности, какъ показываетъ психологическое наблюденіе, утверждается вовсе не на убѣжденіяхъ и умозаключеніяхъ разсудка, но на непосредственномъ признаніи ея.

Для подтвержденія сказаннаго нами, мы можемъ остановиться на одномъ изъ доказательствъ,— телеологическомъ. И содержаніе и форма, слишкомъ отвлеченная, прочихъ доказательствъ не допускаютъ мысли, чтобы они могли быть тѣми путями, которыми человекъ шелъ къ признанію истины бытія Божія. Но доказательство телеологическое повидимому такъ древне, наглядно и убѣдительно, что можетъ представиться вѣроятнымъ, что именно путемъ его образовалось въ человекѣ понятіе о Богѣ. Разсматривая природу въ ея прекрасныхъ и законосообразныхъ явленіяхъ, повидимому, и не очень развитый человекъ, руководясь логическимъ требованіемъ искать причины явленіямъ, могъ придти къ понятію первой причины; а подъ вліяніемъ того же логическаго побужденія искать *достаточной* причины, могъ придти къ мысли, что эта причина не есть частная и конечная, но всесовершенная и абсолютная,— Божество.

Но ближайшій анализъ этого доказательства скоро разубѣряетъ въ истинѣ подобнаго предположенія. Признавая бытіе Божества, человекъ признаетъ бытіе первой, безусловной причины. Но что могло бы заставить человека, окруженнаго конечными явленіями и

частными ихъ причинами, искать мимо ихъ и выше ихъ причины абсолютной, если бы у него уже не было хотя темнаго сознанія и представленія такой причины? Разсудокъ человѣческій, не нарушая логическаго требованія искать достаточной причины, удобно могъ бы остановиться на причинахъ ближайшихъ, вторичныхъ, какъ онъ и теперь, внѣ области научныхъ изысканій, въ обыкновенной жизни, останавливается на нихъ. Далѣе, если бы онъ и неудовлетворился ближайшими причинами явленій, что могло бы заставить его искать послѣдней, абсолютной причины, а не довольствоваться рядомъ причинъ, одна другую условливающихъ и идущихъ въ безконечность? Но положимъ, что почему-либо разумъ остановился на послѣдней, безусловной причинѣ. Могли ли одни законы разума, дѣйствующіе сами по себѣ, заставить его признать, что эта причина должна быть живая, личная, всесовершенная, — словомъ Богъ? Мы видимъ, что и очень развитый разумъ, дѣйствующій внѣ связи съ идеею Божества, часто признаетъ первую, абсолютную причиную несвободную неопредѣленную матерію. Тѣмъ болѣе таксе представленіе о первой причинѣ должно бы повидимому имѣть мѣсто въ ту отдаленную эпоху, въ которую мы застаемъ древнѣйшія религіозныя вѣрованія, когда человѣку, при его неразвитости, естественнѣе всего казалось бы представлять первое начало бытія, какъ нѣчто чувственное и вещественное. По крайней мѣрѣ, если бы одинъ разсудокъ былъ источникомъ понятія о первой причинѣ, то мы вправѣ были бы ожидать разнообразія и противоположности въ понятіяхъ объ этой причинѣ, — такого же, какое замѣчаемъ напримѣръ въ философіи. Одна часть рода человѣческаго

признавала бы идею Божества, другая отвергала бы ее; у одной части была бы религія, у другой нѣтъ. Но дѣйствительность показываетъ противное: религія, основанная на идеѣ Божества, представляетъ явленіе всеобщее, а отрицаніе этой идеи, признаніе абсолютно первой причины иначе, чѣмъ Божествомъ, — явленіе частное, позднѣйшее, замѣчаемое въ кругу людей, которые, для цѣли своихъ изслѣдованій, хотя бы именно отрѣшиться отъ всѣхъ непосредственныхъ убѣжденій и стать на почвѣ одного чистаго разсудка.

Но религіозная идея Божества не есть дно толькоо *понятіе* разсудка о первой причинѣ. Какъ бы удачно разсудокъ ни рѣшилъ вопросъ о сущности этой причины, понятіе о ней, составленное однимъ только разсудкомъ, никогда бы не могло имѣть той силы убѣдительности, того вліянія на жизнь, какія представляетъ религія. Исторія мышленія показываетъ намъ множество понятій, истинъ, выработанныхъ усиленнымъ трудомъ умственной дѣятельности лицъ, имѣющихъ значеніе въ области знанія; но эти истины не только распростанялись съ большими препятствіями, послѣ долгой борьбы и противорѣчій, и то недѣлаясь достояніемъ всеобщимъ, но и въ умахъ самихъ изобрѣтателей и виновниковъ этихъ истинъ не всегда являлись съ силою непоколебимаго убѣжденія; нерѣдко и сильные умы сомнѣвались въ достовѣрности своего знанія. Но истина бытія Божества и вообще религіозныя истины представляются намъ господствующими надъ умами и серцами людей, съ такою силою убѣдительности, какой бы никакъ не могли имѣть, если бы были плодомъ изслѣдованій разсудка. Если бы идея Божества была дѣломъ разума, то она и оставалась

бы на ряду съ другими понятіями его, какъ вѣрное представленіе о предметъ, удовлетворяющее требованіямъ знанія, но никакъ не могла бы имѣть того могущественнаго, опредѣляющаго всю нашу дѣятельность значенія, какое она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Она осталась бы научною истиною, но не была бы религіозною идеею. Успокоивая разсудокъ въ его изысканіяхъ послѣдней причины бытія, она не была бы живымъ началомъ тѣхъ многообразныхъ явленій психической жизни, которыя составляютъ содержаніе религіи. Эти явленія своего жизненностію и силою ясно показываютъ, что истина бытія Божія опирается на основаніи болѣе твердомъ, чѣмъ то, какое могутъ дать выводы и заключенія разсудка.

Если теперь дѣятельность разсудка не можетъ произвести въ насъ идеи Божества, которая напротивъ служить *предположеніемъ* всѣхъ изслѣдованій разума о Богѣ, то очевидно первоначальная причина ея заключается не въ насъ, не въ самостоятельной дѣятельности нашей познающей силы, а внѣ насъ, въ дѣйствительномъ предметъ, дѣйствующемъ на нашъ духъ и возбуждающемъ мысль о себѣ. Не будучи слѣдствіемъ дѣйствій на насъ чувственныхъ предметовъ и не будучи произведеніемъ разсудка, она предполагаетъ бытіе Существа высочайшаго и происхожденіе отъ Него.

Итакъ идея Божества происходитъ отъ самаго Божества. Но это положеніе еще слишкомъ обще и неопредѣленно, чтобы на немъ можно было остановиться въ объясненіи происхожденія этой идеи. Раждается дальнѣйшій вопросъ: какъ именно она происходитъ?

Самымъ извѣстнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ

служить теорія врожденности идей. Въ самомъ существѣ человеческого ума находятся непосредственно присущія, апіорическія понятія или идеи Божества, истины, добра и др. Такъ какъ они являются прежде всякаго умозрѣнія, не могутъ происходить ни отъ вѣдшихъ впечатлѣній, ни посредствомъ разсудочнаго отвлеченія отъ нихъ, потому что ничто конечное не можетъ дать понятія о безконечномъ, и ничто ограниченное о всесовершенномъ, то очевидно идея Божества (наравнѣ съ другими идеями) можетъ быть только врожденною намъ; она есть понятіе, напечатлѣнное въ нашемъ умѣ Самимъ Богомъ и составляющее коренную принадлежность нашей разумной природы (в).

Нельзя сказать, чтобы эта теорія давала ясный и опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи идеи Божества. Если бы ученіемъ о врожденности идей выражалось только отрицательное понятіе, что идеи не происходятъ отъ опыта, или не создаются самостоятельностью разсудка, то мы вправдѣ были бы исполнѣ принять его, хотя бы имъ и не рѣшался еще вопросъ, какъ же именно онѣ происходятъ. Но какъ скоро это ученіе имѣетъ притязаніе высказать нѣчто болѣе положительное, — именно, что идеи существуютъ въ насъ въ видѣ заложенныхъ въ умѣ опредѣленныхъ понятій, то оно неизбежно вызываетъ много недоумѣній. Главное недоразумѣніе касается того, что именно нужно понимать подъ идеею вообще, и въ частности подъ идеею Божества, которая считается врожденною? Иначе, —

(в) Мысль о врожденности понятія о Божествѣ впервые ясно высказана Цицерономъ, потомъ принята и раскрыта Декартомъ, Лейбницемъ и Вольфомъ.

при существующемъ разнообразіи представленій и понятій о Богѣ, что именно нужно считать врожденнымъ и что неврожденнымъ? Нѣкоторые защитники теоріи врожденности идей подъ именемъ идеи Божества часто разумѣли полное, опредѣленное *понятіе* о Богѣ (г). Но предполагать *такое* понятіе первоначальнымъ и врожденнымъ, значитъ противорѣчить яснымъ свидетельствамъ опыта. Понимая врожденную идею въ смыслѣ Декарта, эмпирики были правы, замѣчая, что такой идеи вовсе нѣтъ у большей части людей, что у многихъ понятія о Божествѣ представляются намъ не таковыми, какъ понимаетъ идею теорія, часто очень слабыми, темными, даже ложными. Дальше, не только въ той идеѣ, какую предполагаетъ врожденною Декартъ и его послѣдователи, слишкомъ ясны слѣды самодѣятельнаго логическаго мышленія, но и во всѣхъ другихъ формахъ, въ какихъ встрѣчается эта идея въ дѣйствительности, замѣчаются различныя степени ясности и опредѣленности, различныя черты, указывающія на участіе въ образованіи идеи разсудка и другихъ познавательныхъ силъ души. Этого, говорятъ эмпирики,

---

(г) „Подъ именемъ Бога я разумѣю, говоритъ Декартъ, представленіе о безконечной, независимой, всемогущей и разумной Субстанціи, которою какъ я, такъ и все другое, что ни существуетъ, сотворено.“ Понятіе о такой Субстанціи не можетъ произойти отъ меня самаго, потому что я сознаю себя ограниченнымъ, слабымъ, конечнымъ и т. п. Итакъ необходимо должно существовать внѣ меня такое Существо, идею котораго я ношу въ себѣ, и которое одно могло дать мнѣ такую идею... Эта идея врождена мнѣ, вмѣстѣ съ самымъ существомъ моимъ. *Medit. de pr. phitos.* II. 111.

не могло бы быть, если бы идеи были врождены въ видѣ опредѣленныхъ истинъ или понятій; въ такомъ случаѣ они у всѣхъ людей должны бы были быть одинаковы и равны и съ полною ясностію представляться разуму при самомъ началѣ его развитія, чего на дѣлѣ не бываетъ. Потому что всякое понятіе есть знаніе, а знаніе сопровождается *сознаніемъ*, но мы не видимъ, чтобы всѣ люди съ самаго начала обладали сознательно яснымъ понятіемъ о Богѣ: такое понятіе не врождено, но пріобрѣтается дѣятельностію нашего разсудка.

Истиннаго въ этихъ возраженіяхъ не могли не замѣтить защитники врожденности идей. Но если врожденная идея Божества не есть одно и то же, что *понятіе* о Немъ, то что же она такое? Очевидно, что она не можетъ быть и *представленіемъ* Божества; потому что, хотя представленіе есть болѣе общая, непосредственная и первоначальная форма познанія о Богѣ, но тѣмъ не менѣе и въ ней, и можетъ быть еще болѣе, чѣмъ въ понятіи, замѣтны слѣды дѣятельности человѣческой познавательной силы, — именно воображенія. Чтобы найти истинно врожденную и первоначальную идею, которая составляла бы общую принадлежность всѣхъ людей, защитники разсматриваемой нами теоріи должны были мало-по-малу отсекать отъ понятія о Божествѣ все опредѣленное, разнообразное, частное, — все, что могло бы показаться произведеніемъ человѣческаго знанія, и въ чемъ можно бы замѣтить слѣды самодѣтельнаго участія его познавательныхъ силъ. Но продолжая процессъ отысканія самаго общаго и первоначальнаго во всѣхъ людяхъ, о чемъ несомнѣнно можно было бы сказать, что оно

не приобретено, а врождено, увидѣли, что мало-помалу и самая идея утончалась и испарялась; оставалось признать прирожденнымъ что-то очень неопредѣленное и темное, одно стремленіе искать чего-то высшаго, чѣмъ окружающая насъ дѣйствительность. Въ слѣдствіе этого явились объясненія, что врожденная идея Божества не есть врожденное понятіе или представленіе о Богѣ, но только зародышъ всего этого. Она есть только *возможность* образовать понятіе о Богѣ по мнѣнію однихъ, или врожденное *стремленіе* къ безконечному, по опредѣленію другихъ. Или еще иначе, идея есть *потребность* ума, побуждающая разумъ къ приобретенію познанія о Богѣ; она есть «не что иное, какъ *сѣмя* всѣянное въ насъ и отъ насъ сокрытое, которое посему требуетъ полной, живой и строгой дѣятельности духа, чтобы развить и возрастить его въ себѣ». Но кто не видитъ, что съ такимъ низведеніемъ идеи на степень потенціи, потребности, стремленія, предчувствія, сѣмени, — или какъ бы ни назвали такое зародышное, первоначальное состояніе ея, исчезаетъ и самый смыслъ ученія о врожденности идей, какъ теоріи имѣющей въ виду объяснить ихъ происхожденіе, и отъ этой теоріи остаются одни ничего необъясняющія слова? Что въ человѣкѣ есть врожденное стремленіе образовать представленіе и понятіе о Богѣ, что въ немъ есть возможность и потребность производить такіа понятія, — это такая общая и неопредѣленная истина, противъ которой не станетъ спорить ни эмпирикъ, ни тотъ даже, кто, не признавая реальности идеи Божества, признаетъ ее субъективно-необходимымъ произведеніемъ ума. И теорія Фейербаха допускаетъ,

что въ насъ есть необходимое стремленіе или побужденіе образоватъ религіозныя понятія, представлять Божество. Но дѣло не въ томъ, есть ли въ насъ врожденное стремленіе къ познанію того или другаго предмета, но въ томъ, *какъ* происходитъ это познаніе. А теорія врожденныхъ идей, какъ скоро назвала идеею одно неопредѣленное стремленіе, ничего объ этомъ не говоритъ; она не говоритъ, какъ осуществляется и развивается это стремленіе, откуда и какъ оно наполняется,— и мы стоимъ при началѣ пути, на вопросъ, когда ожидали отвѣта. Что идеи въ такомъ видѣ, какъ представляетъ разсматриваемая нами теорія, врождены намъ, это конечно выше всякаго сомнѣнія; но въ такомъ же точно смыслѣ и съ равнымъ правомъ мы могли бы сказать, что намъ врождены представленія дома, дерева, книги и пр., потому что въ насъ есть способность, возможность, стремленіе или потребность, какъ говорятъ объ идеяхъ, къ представленію и познанію этихъ предметовъ. Очевидно, что въ этой теоріи есть недоразумѣніе въ словахъ; правильнѣе и точнѣе мы бы должны сказать, что намъ врождены не идеи, а умъ, то-есть способность идей, или способность къ познанію сверхчувственнаго (а). Но, признавая способность познавать сверхчувствен-

---

(е) Вообще должно замѣтить, что понятіе *врожденности* есть по существу своему антифилософское понятіе. Дѣло философіи объяснить причину и способъ образования идей, а понятіемъ врожденности отсыкается путь къ дальнѣйшему изслѣдованію причины происхожденія ихъ. Оно требуетъ, чтобы остановились надъ фактомъ апріорическаго существованія въ нашемъ духѣ идей, какъ надъ чѣмъ-то даннымъ, не нуждающемся въ объясненіи.

ное существовою принадлежностію самой природы человѣческой, и, въ этомъ смыслѣ, врожденною намъ, мы еще не рѣшаемъ вопроса, какимъ образомъ посредствомъ этой способности мы получаемъ дѣйствительное познаніе о сверхчувственномъ, какимъ образомъ посредствомъ ума мы получаемъ идеи.

Мы упомянули о двухъ возможныхъ способахъ пріобрѣтенія познаній о бытіи и свойствахъ дѣйствительныхъ предметовъ: одинъ, который предполагаетъ дѣйствіе на насъ предметовъ и впечатлѣніе отъ нихъ, и который мы назвали *эмпирическимъ* (е); другой способъ дознанія о бытіи предмета посредствомъ умозаключеній разсудка, который мы назвали *раціональнымъ*. Но такъ какъ второй способъ въ выведеніи идеи о Божествѣ оказался несостоятельнымъ, то мы должны обратиться къ первому и въ немъ искать ключа къ разъясненію вопроса о происхожденіи идеи Божества.

Дѣйствительно, что нужно для пріобрѣтенія познанія о какомъ бы то ни было реальномъ предметѣ, по способу нами указанному? Нуженъ а) предметъ дѣйствительно существующій и дѣйствіе его на насъ, и б) мышленіе о немъ, сообразное съ законами и

(е) Такъ какъ выраженіе *эмпирической* или опытной принято, хотя не совсѣмъ вѣрно, относить только къ познанію предметовъ высшаго опыта, то для избѣжанія недоразумѣній при произведеніи этимъ путемъ понятій о предметахъ высшихъ чувственного опыта, мы могли-бы назвать этотъ способъ *реальнымъ* (т. е. предполагающимъ реальное дѣйствіе на насъ предмета, будетъ-ли то чувственный или сверхчувственный предметъ), въ противоположность способу *раціональному*.

формами нашей познавательной способности. Дѣйствіе на насъ предмета, впечатлѣніе отъ него, или ощущеніе его, даетъ намъ завѣреніе въ *бытіи* предмета; мышленіе о предметѣ, подвергающее впечатлѣніе процессу своей законосообразной дѣятельности, даетъ намъ *познаніе* предмета, которое конечно можетъ быть очень различнымъ по степени ясности и истины, сообразно съ степенью ясности и силы впечатлѣнія и съ мѣрою участія и приложенія мыслящей силы духа. Какъ непосредственное сознаніе *бытія* предмета, такъ и пріобрѣтаемое при посредствѣ законовъ и формъ мышленія *познаніе* этого бытія, — какъ *воззрѣніе* предмета, такъ и *понятіе* (на низшей степени познанія — *представленіе*) о немъ, суть равно существенныя и необходимыя элементы нашего познанія. Безъ перваго наше познаніе будетъ не реальнымъ, а только формальнымъ, безъ втораго — мы будемъ имѣть только ощущеніе предмета, а не познаніе его, составляющее необходимую принадлежность нашей *разумной* природы. Теперь, нельзя ли приложить этого общаго закона познанія и къ познанію о сверхчувственномъ, не устанавливая для него особенныхъ какихъ-либо пріемовъ познанаія (каково напр. разложеніе и разъясненіе апріорическихъ, врожденныхъ понятій по теоріи врожденныхъ идей)? Если такъ, то въ образованіи идей, въ частности идеи Божества, мы должны предположить съ одной стороны реальное дѣйствіе на нашъ духъ самаго сверхчувственного объекта идей, съ другой — мышленіе о немъ. Отсюда идея Божества должна быть совокупнымъ произведеніемъ внѣшняго дѣйствія Божества и внутренней самодѣятельности мысли. Разсмотримъ оба элемента порознь.

1. Идея Божества предполагает дѣйствіе Божества на нашъ духъ. Противъ возможности такого дѣйствованія ничего сказать нельзя. Если на нашу душу дѣйствуютъ предметы вещественные, производя впечатлѣнія на наши чувства, то нѣтъ никакого основанія отвергать возможность подобнаго же дѣйствованія на наше внутреннее чувство міра духовнаго, въ особенности Божества, такъ какъ человекъ есть не только чувственное, но и духовно-разумное существо. Что природа Божественная совершенно отлична по существу отъ нашей, это такъ же мало можетъ служить возраженіемъ противъ возможности дѣйствованія Божества на нашъ духъ, какъ и существенное отличіе отъ насъ природы внешней, противъ возможности дѣйствія на насъ предметовъ матеріальныхъ. Если, признавая существенное отличіе нашего духа отъ матеріи, мы, на основаніи сознанія, признаемъ реальное дѣйствіе на насъ внешнихъ предметовъ, то тѣмъ болѣе мы можемъ и должны допустить дѣйствіе на нашъ духъ объекта сверхчувственнаго и духовнаго, потому что во всякомъ случаѣ наша разумная природа имѣетъ болѣе сродства и близости къ міру духовному, чѣмъ вещественному.

Такое дѣйствіе Божества на нашъ духъ предполагается необходимо самымъ существованіемъ въ нашемъ умѣ идеи о Богѣ,—существованіемъ, которое, какъ мы видѣли, не можетъ быть изъяснено ни изъ какого другаго источника. Всеобщность этой идеи и независимая отъ какихъ-либо умозаключеній разсудка, непосредственная сила убѣжденія, какого сопровождается она въ религіозномъ сознаніи, ясно показываетъ, что признаніе бытія Божія можетъ быть только

слѣдствіемъ непосредственнаго сознанія силы и дѣйствія Божества въ нашемъ духѣ.

Признаніемъ непосредственнаго дѣйствія Божества на нашъ духъ дополняется недостаточное въ теоріи врожденныхъ идей. Эта теорія въ своемъ послѣдовательномъ развитіи сводится къ тому, что признаетъ существованіе въ нашемъ духѣ способности и стремленія познавать безконечное,—и въ этомъ признаніи заключается истинная ея сторона. Но способность не можетъ производить предмета познанія изъ самой себя; чтобы она могла явиться способностію дѣйствительнаго познанія, а не одною только неопредѣленною возможностью (потенціею) познавать, нужно допустить дѣйствіе или впечатлѣніе на эту способность реальнаго объекта, который долженъ быть познанъ. Теорія врожденныхъ идей, допуская одинъ субъективный элементъ познанія, — способность познавать сверхчувственное, упускаетъ изъ виду другой,—дѣйствіе на эту способность познаваемого объекта. Если она скажетъ, что такое дѣйствіе предполагается въ самомъ актѣ врожденія или насажденія Богомъ идей въ нашемъ умѣ, то на это можно замѣтить, что нѣтъ никакого основанія почитать такой актъ моментальнымъ, совершившимся при созданіи души человѣческой, послѣ чего дѣйствіе Божества на нашъ умъ прекратилось и дѣятельность ума должна ограничиться только раскрытіемъ разъ заложенныхъ понятій. Такое мнѣніе противорѣчило бы и понятію о Богѣ, какъ Существо живомъ и вѣчно дѣятельномъ, такъ и понятію о духовной природѣ чловѣка, которая здѣсь неизвѣстно почему, исключая перваго момента бытія, отрѣшается отъ живаго общенія съ Существомъ Высочайшимъ.

Но, допуская непосредственное дѣйствіе Божества на нашъ духъ, какъ первоначальный источникъ идеи о Богѣ мы должны предотвратить одно недоразумѣніе, къ которому можетъ подать поводъ выраженіе: непосредственное дѣйствіе и познаніе. Могутъ сказать, что въ какой мѣрѣ теорія врожденныхъ идей отрываетъ человѣка отъ Бога, въ такой же мѣрѣ признаніе непосредственнаго дѣйствія Божества и непосредственнаго познанія выше должнаго приближаетъ человѣка къ Богу. На это должно сказать, что непосредственное познаніе или точнѣе сознаніе Божества вовсе не одно и то же съ непосредственнымъ откровеніемъ Божества и созерцаніемъ Его. Говоря о познаніи, слово: непосредственный мы употребляемъ не въ буквально-строгомъ смыслѣ. Такъ, напр. о познаніи чувственномъ, объ ощущеніи, или воззрѣніи предмета, мы говоримъ: это познаніе непосредственное, выражая этимъ ту мысль, что оно происходитъ безъ помощи разсудочныхъ операцій, — отвлеченія, умозаключенія и пр. Но въ точномъ и строгомъ смыслѣ слова мы и этого познанія не должны бы называть непосредственнымъ, потому что въ немъ внѣшній предметъ не прямо воспринимается душою, но *черезъ посредство* органовъ чувствъ зрѣнія, слуха и пр., которые оставляютъ на впечатлѣніи свой субъективный элементъ. Точно также, говоря и о дѣйствіи Божества на нашъ духъ, что здѣсь мы получаемъ познаніе непосредственное, мы должны помнить, что употребляемъ это выраженіе не въ смыслѣ буквально-точномъ. Первоначальное познаніе о Богѣ есть дѣйствительно непосредственное знаніе, но только въ томъ смыслѣ, что оно получается не по-

средствомъ дѣятельности разсудка, а въ слѣдствіе ошущенія нами дѣйствій Божества. Но оно не есть непосредственное въ томъ смыслѣ, что въ немъ прямо открывается человеку Божество, какъ оно есть само въ себя, и человекъ созерцаетъ самую сущность Божеской природы. Какъ предметы внѣшніе не прямо входятъ въ нашу душу и соприкасаются ей, но дѣйствуютъ на насъ при помощи органовъ нашихъ чувствъ, такъ и объекты сверхчувственные дѣйствуютъ на насъ при посредствѣ соотвѣтствующаго имъ органа, который обыкновенно называютъ *умомъ* и который точнѣе можно бы назвать *внутреннимъ чувствомъ*. Эта особенность познанія о сверхчувственномъ очень важна потому, что его предполагается уже, что мы не можемъ имѣть адекватнаго, вполне точнаго и полнаго познанія Божества, но познаніе условное, ограниченное субъективными законами и формами того органа, который служитъ средою при усвоеніи впечатлѣній міра сверхчувственнаго. Таковую ограниченность и условность познанія о сверхчувственномъ мы можемъ опять объяснить аналогіею съ чувственнымъ познаніемъ. Въ чувственномъ воспріятіи мы не узнаемъ предмета такъ, какъ онъ есть самъ въ себя (мы не познаемъ вещи самой по себѣ, по терминологіи Канта), но только въ той мѣрѣ, въ какой даютъ намъ знать его наши чувства, изъ которыхъ каждое условливается въ своемъ отпращиваніи своимъ спеціальнымъ строеніемъ и законами; въ нашемъ чувственномъ познаніи мы имѣемъ не самый предметъ, но только впечатлѣніе предмета, тѣ стороны его и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являются намъ при данныхъ условіяхъ строенія чувствъ и законовъ эмпирическаго познанія.

Точно тоже имѣеть мѣсто и въ познаніи идеальномъ; допуская непосредственное ощущеніе Божества, мы не должны обманываться, будто здѣсь мы имѣемъ полное и точное познаніе Божеской природы; такое познаніе недоступно человѣку. Мы воспринимаетъ дѣйствіе Божества не прямо, но посредствомъ извѣстнаго органа, — ума, и условія и законы дѣятельности этого органа необходимо должны отражаться и на томъ самомъ познаніи, какое мы получили вышнимъ ощущеніемъ сверхчувственного. Лучъ Божества падаетъ на нашъ духъ не прямо, но какъ бы чрезъ призму нашей познавательной силы, и въ слѣдствіе этого разлагается и принимаетъ отбѣнки цвѣтовъ, которыхъ не имѣеть въ своей полнотѣ.

Итакъ мы должны признать дѣйствіе на нашъ духъ Божества, какъ первоначальный источникъ идеи о Немъ; сознаніе дѣйствія Божества на нашъ духъ есть единственное основаніе признанія *бытія* его, — иначе *вѣры* въ Бога. Но вѣра или непосредственная увѣренность въ бытіи предмета есть только первый актъ познанія; для того, чтобы ощущеніе или сознаніе бытія предмета перешло въ знаніе его, необходимъ новый какой-либо актъ познающей силы духа. Этотъ актъ, какъ мы сказали, есть *мышленіе*, которое и составляетъ второй существенный элементъ въ образованіи идеи о Богѣ.

2. Дѣйствительно, обращая вниманіе на познаніе чувственное, мы ясно видимъ, что одно ощущеніе предмета, завѣряя насъ въ его бытіи, составляетъ еще самое незначительное, хотя конечно существенно-необходимое познаніе. Ограничиться одними ощущеніями и впечатлѣніями мы не можемъ; вслѣдъ за

ними, почти вмѣстѣ съ ними, начинается разнообразная работа разсудка, который при помощи своихъ операций перерабатываетъ впечатлѣнія въ различные виды представленій и понятій о вещахъ, даетъ намъ познаніе внѣшняго міра, а не одно только ощущеніе его. Точно такой же процессъ познавательной дѣятельности мы должны допустить и въ отношеніи къ идеямъ. Какъ бы нѣкоторые (ж) высоко ни ставили способность созерцанія или внутренняго чувствованія, съ какимъ бы пренебреженіемъ ни смотрѣли на разсудокъ въ дѣлѣ познанія высшихъ истинъ, мы должны несомнѣнно признать, что мышленіе есть единственный, нормальный органъ нашего познанія, которое есть нѣчто существенно отличное отъ ощущенія или признанія предмета. Хотѣть въ дѣлѣ познанія сверхчувственного, ограничиться однимъ непосредственнымъ созерцаніемъ или чувствомъ его, значитъ тоже, что въ эмпирическомъ познаніи требовать, что бы мы остановились на однихъ впечатлѣніяхъ, не пытаясь познавать предметы, составлять о нихъ представленія и понятія, словомъ мыслить о нихъ. Итакъ непосредственное ощущеніе сверхчувственного, по необходимому закону человѣческой природы, не можетъ остаться въ своемъ первоначальномъ видѣ; завѣривъ насъ въ бытіи Божества, оно необходимо переходитъ въ область престаивительной и мыслящей силы, гдѣ подвергается различнымъ видоизмѣненіямъ, сообразно различнымъ условіямъ и способамъ дѣятельности познающей силы.

Исторія религіи и философіи ясно показываетъ, что мышленіе есть существенный, а не случайно и не

(ж) Напр. Якоби.

законно привзошедшій элементъ въ познаніи о Богѣ. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ одного простаго и непосредственнаго ощущенія Божества, но очень разнообразныя конкретныя представленія и понятія о Немъ; мы находимъ въ дѣйствительности не идею, а идеи Божества. Если бы идея Божества была *только* произведеніемъ непосредственнаго ощущенія, то она у всѣхъ людей, во всѣ времена должна бы быть одною и тою же, потому что предметъ ея, — Божество, — самъ въ себѣ одинъ и тотъ же и неизмѣненъ, и дѣйствіе его на всѣхъ людей должно быть одно и тоже. Чувственный предметъ, по своей измѣнчивой природѣ, можетъ еще производить, независимо отъ насъ, измѣнчивыя впечатлѣнія, въ одно время казаться такимъ, въ другое инымъ; но очевидно это неприложимо къ Божеству; идея Его, какъ Его дѣйствіе, должна бы быть всегда одною и тою же. Но на дѣлѣ мы видимъ совершенно иное; мы находимъ безконечное разнообразіе ея у различныхъ лицъ, въ различныя времена. Что же значить это всеобщее явленіе? Если бы въ познаніи сверхчувственнаго мы должны ограничиться однимъ страдательнымъ воспріятіемъ божественнаго дѣйствія, то всѣ разнообразныя формы, въ которыхъ является намъ идея Божества и въ которыхъ замѣтна самостоятельная дѣятельность нашей мысли, мы должны бы признать чистымъ заблужденіемъ. Всякое образное представленіе Божества, самое достойное Его, всякое понятіе о Богѣ, самое повидимому правильное, мы бы должны отвергнуть, какъ измѣняющія чистоту первоначальной идеи привнесеніемъ субъективныхъ, и не соответствующихъ истинѣ, формъ ограниченнаго познанія.

Но если идея Божества заключаетъ въ себя элементъ не только объективный, но и субъективный, если, какъ мы сказали, познаніе о сверхчувственномъ, слѣдуя общему закону познанія, требуетъ не только впечатлѣнія, но и участія мышленія, то различныя существующія въ религіи и философіи формы, въ какихъ является идея Божества, окажутся явленіемъ понятнымъ и необходимымъ. Причина разнообразія религиозныхъ понятій будетъ заключаться существенно въ постепенности развитія нашего мышленія и въ различіи формъ, какія оно принимаетъ на различныхъ ступеняхъ своего движенія къ большому и большому познанію истины. Сначала сознаніе чловѣка обращено преимущественно къ міру внѣшнему; форма познанія на этой ступени его интеллектуальной жизни есть форма *представленія*; образы и явленія внѣшней природы и вызываемыя этими явленіями субъективныя ощущенія служатъ внѣшнимъ выраженіемъ для присущаго уму чловѣка чувства Божества. Затѣмъ сознаніе чловѣка находитъ высшіе признаки совершенства въ самомъ чловѣкѣ,—сначала въ нераздѣльной цѣлости его духовно-чувственной природы, а затѣмъ, въ чисто духовной сторонѣ его существа; онъ заимствуетъ отсюда признаки и черты, для уясненія идеи всесовершеннаго Существа и образуетъ тѣ представленія о Богѣ, которыя мы называемъ антропоморфическими. Наконецъ, при дальнѣйшемъ развитіи ума, представленія Божества въ образахъ, заимствованныхъ изъ природы внѣшней и внутренней, смѣняются понятіями о Немъ. Онъ видитъ неудовлетворительность формы представленія для болѣе точнаго познанія Божества, какъ-бы возвышенна и эстетически

прекрасна ни была эта форма, и она разрушается при участіи строгаго анализа разсудка. Конечно во всѣхъ этихъ формахъ религіознаго сознанія есть безчисленное множество оттѣнковъ по отношенію къ истинѣ и множество послѣдовательно смѣнявшихся моментовъ; раскрыть эти оттѣнки и моменты и оцѣнить ихъ значеніе — дѣло философіи религіи; но во всякомъ случаѣ общее начало разнообразія религіозныхъ представленій, независимо отъ нравственныхъ и историческихъ причинъ, условливавшихъ характеръ этого разнообразія, заключается въ свойствахъ чело-вѣческаго мышленія, въ какой мѣрѣ оно есть, послѣ ощущенія Божества, второй не менѣе существенный элементъ въ образованіи идеи Божества.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія мы должны остановить еще вниманіе на одномъ вопросѣ, который можетъ возникнуть по поводу представленнаго нами мнѣнія объ источникѣ идеи Божества. Могутъ сказать: если идея Божества первоначально возникаетъ въ насъ въ слѣдствіе дѣйствія на нашъ духъ Божества, подобно тому, какъ дѣйствіе на наши чувства предметовъ внѣшнихъ производитъ увѣренность въ ихъ бытіи и служитъ основаніемъ дальнѣйшаго познанія о нихъ: то отъ чего эта идея не представляется нашему уму съ такою ясностію, силою убѣдительности и опредѣленности, какъ внѣшніе предметы нашимъ чувствамъ? Отъ чего такое множество разнообразныхъ, часто ложныхъ понятій о Богѣ, раздѣляющихъ мнѣнія людей, тогда какъ знаніе предметовъ внѣшнихъ есть знаніе, при достаточной ясности, не возбуждающее такихъ противорѣчащихъ мнѣній?

Что касается до силы убѣдительности, съ какою идея Божества является нашему сознанию, то едва-ли вполне вѣрно можно сказать, что о *бытіи* предметовъ внѣшнихъ мы увѣрены больше и признаемъ ихъ съ большею убѣжденностію сознанія, чѣмъ идею о Богѣ. Всеобщность и постоянство религіи доказываютъ противное; человекъ увѣренъ въ бытіи Божества столько же, какъ и въ бытіи міра внѣшняго. Если скажутъ, что многіе сомнѣвались въ бытіи Божества, отвергали Его, чего не могло бы быть, если бы идея Божества основывалась на сознаніи Его дѣйствія на насъ, то мы замѣтимъ, что многіе сомнѣвались въ бытіи предметовъ чувственныхъ и отвергали ихъ реальность, не смотря на впечатлѣнія предметовъ. Первое и послѣднее явленія однородны, потому что принадлежать къ сферѣ научнаго мышленія, составляютъ въ общей совокупности человечества исключеніе, имѣющее свои особыя причины. Атеизмъ, точно также какъ абсолютный идеализмъ, не могутъ служить поводомъ къ отрицанію, — первый — реального дѣйствія на нашъ духъ міра сверхчувственнаго, послѣдній — чувственнаго. Что же касается до ясности и живости идеи Божества, до правильности и всеобщей значимости представленій и понятій на ней основанныхъ, то конечно нельзя не согласиться, что въ дѣлѣ богопознанія человекъ далеко не такъ счастливъ, какъ въ познаніи предметовъ внѣшняго міра.

Тогда какъ предметы внѣшніе отпечатлѣваются въ нашемъ сознаніи съ ясностію, недопускающею разногласія и противорѣчій касательно значенія впечатлѣній, понятія наши о мірѣ сверхчувственномъ большею частію смутны и темны, — мы разумѣемъ естественное знаніе

безъ помощи откровенія. Тогда какъ познанія наши о міръ чувственномъ, какъ скоро они получаютъ достаточную степень ясности и определенности, принимаются всѣми безспорно, познанія наши о міръ высшемъ представляютъ множество противорѣчащихъ представленій и понятій, раздѣляющихъ людей по ихъ религіознымъ вѣрованіямъ. Но это явленіе доказываетъ только то, что отношенія наши къ міру высшему, духовному менѣе нормальны, чѣмъ должно бы быть. Для яснаго и вѣрнаго познанія предмета, какъ въ міръ чувственномъ, такъ и духовномъ вышечувственномъ, кромѣ дѣйствія объекта, необходимо правильное отношеніе къ нему субъекта, нужно здоровое, нормальное состояніе органа познанія и достаточная сила возбужденія и стремленія къ познанію предмета. Какъ отличная острота и тонкость внѣшняго чувства опредѣляетъ степень живости и полноты внѣшняго воспріятія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и чувственного познанія, такъ точно различное качество внутренняго чувства опредѣляетъ различіе въ воспріятіи истинъ сверхчувственныхъ. Какъ чувство внѣшнее изощряется упражненіемъ, такъ и чувство божественнаго изощряется соотвѣтственною дѣятельностію. Но чистота, живость и ясность внутренняго чувства есть чистота нравственная, а упражненіе его состоитъ въ добродѣтельной жизни. Божество не есть только предметъ познанія для ума, но цѣль живаго стремленія нашего духа: Богъ есть высочайшее совершенство и благо и потому приближеніе къ Нему и ясное ощущеніе Его возможно только для человѣка съ нравственно чистымъ окомъ души, съ силою ума постоянно развиваемою и упражняемою стремленіемъ къ Богу. Но если нрав-

ственной жизни условляется ясность и сила внутреннего чувства, то отсюда понятно, почему так тусклы бывают наши представленія о Богѣ, почему у нѣкоторыхъ людей познаніе сверхчувственного упадаетъ почти до нуля. Тогда какъ въ познаніи другихъ предметовъ нравственный элементъ имѣетъ очень второстепенное значеніе, и истина, напр. чувственного познанія одинакова, принадлежитъ ли она нравственному или нравственному чловѣку; въ дѣлѣ богопознанія это элементъ существенный, отъ котораго зависитъ самый характеръ познанія и степень его истинны. Но опытъ показываетъ, что въ жизни духовной нравственная дѣятельность идетъ далеко не столь правильнымъ и нормальнымъ путемъ, какъ совершаются законосообразныя отправления чувствъ внѣшнихъ. Что удивительнаго, если ощущеніе Божества въ насъ такъ неясно и слабо, познанія о Немъ такъ несовершенны, что для очищенія и возвышенія ихъ явилось необходимымъ особенное, сверхъестественное откровеніе?

В. Кудравцевъ.

О ЕВАНГЕЛІЯХЪ И ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ.

По поводу книги Е. РЕНАНА: „Жизнь Іисуса“ (E. RENAN—
VIE DE JESUS. PARIS. 1863.)

III.

(О подлинности четвероевангелія,—продолженіе). Второе основаніе увѣренности церкви въ подлинности каноническихъ Евангелій: внутренніе признаки, заключающіеся въ самихъ Евангеліяхъ. Общія замѣчанія о сихъ признакахъ и ихъ значеніи; общее отношеніе къ нимъ отрицательной критики. 1) Внутренніе признаки подлинности Евангелія отъ Матвея, отношеніе къ нимъ отрицательной критики и выставляемые ею признаки (мнимые) неподлинности этого Евангелія. 2) Внутренніе признаки подлинности Евангелія отъ Марка и возраженія отрицательной критики. 3) Внутренніе признаки подлинности Евангелія отъ Луки; сужденія о возраженіяхъ противъ сего отрицательной критики.

Увѣренность церкви въ подлинности происхожденія четырехъ каноническихъ Евангелій отъ тѣхъ именно святыхъ апостоловъ, именами которыхъ надписаны они, основывается, кромѣ внѣшняго непрерывнаго отъ самихъ временъ апостольскихъ и едиனுшнаго вселенскаго преданія церкви о ихъ подлинности, на внутреннихъ признакахъ, содержащихся въ самихъ Евангеліяхъ. Въ содержаніи и характерѣ каждаго болѣе или менѣе значительнаго историческаго творенія необходимо болѣе или менѣе отражаются истори-

ческія обстоятельства происхожденія его и личныя особенности писателя. Посему, если есть свидѣтельства о написаніи извѣстнымъ лицомъ извѣстной книги при извѣстныхъ обстоятельствахъ: то опредѣляющій подлинность или неподлинность таковой книги по внутреннимъ ея признакамъ изслѣдуетъ, — соответствуетъ ли содержаніе и характеръ книги указаннымъ обстоятельствамъ и характеру писателя, и, судя по ихъ соответствію или несоответствію, или признаетъ подлинность книги, или сомнѣвается въ ней, или же совсѣмъ отвергаетъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ полнѣе и подробнѣе внѣшнія свидѣтельства объ обстоятельствахъ написанія книги и о писателѣ ея, и чѣмъ достовѣрнѣе такія свѣдѣнія, тѣмъ вѣрнѣе и тверже могутъ быть сужденія о подлинности или неподлинности книги, на основаніи внутреннихъ ея признаковъ: ибо въ нихъ болѣе можно находить соответствія или несоответствія съ внѣшними свѣдѣніями о семъ.

Объ обстоятельствахъ происхожденія нашихъ каноническихъ Евангелій сохранилось довольно много историческихъ свѣдѣній, такъ что въ содержаніи этихъ книгъ можно находить въ довольно многихъ чертахъ соответствіе съ сими обстоятельствами, т. е. довольно много можно найти внутреннихъ признаковъ подлинности ихъ въ этомъ отношеніи. Свѣдѣній о личныхъ особенностяхъ и характерѣ евангелистовъ, по крайней мѣрѣ послѣднихъ двухъ—Луки и Іоанна, также довольно, и сверхъ сего отъ этихъ послѣднихъ дошли до насъ другія книги (отъ Луки книга Дѣяній апостольскихъ; отъ Іоанна—Апокалипсисъ и три соборныхъ посланія), съ которыми можно сравнивать ихъ

Евангелія и усматривать ихъ особенности и характеръ, — такъ что и въ этомъ отношеніи можно находить внутренніе признаки подлинности Евангелій. Но съ другой стороны внѣшнихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ происхожденія Евангелій и не такъ много, и особенности характера писателей не всегда настолько опредѣленны, чтобы при разсмотрѣніи содержанія ихъ Евангелій совсѣмъ не было мѣста нѣкоторымъ вопросамъ и недоумѣнію; притомъ же свѣдѣнія объ обстоятельствахъ происхожденія книгъ ихъ не современны самому происхожденію и не во всемъ до подробностей сходны между собою, а этого и достаточно для отрицательной критики, чтобы поставить вопросъ о внутреннихъ признакахъ подлинности Евангелій, также какъ и о внѣшнихъ свидѣтельствахъ, — отрицательно, т. е. обратить эти признаки не въ пользу подлинности Евангелій, а противъ нея. Впрочемъ, сказать правду, если бы о какой-либо древней книгѣ, относящейся къ гражданской исторіи, было столько и такихъ свидѣтельствъ, и столько и такіе внутренніе признаки въ самой книгѣ соответствовали бы этимъ свидѣтельствамъ, и тѣмъ утверждали ихъ силу, сколько есть свидѣтельствъ о нашихъ каноническихъ Евангеліяхъ и признаковъ, соответствующихъ этимъ свидѣтельствамъ: то, кажется, никакая придирчивая критика не заподозрила бы такую книгу въ подлинности, и нѣкоторыя не совсѣмъ ясныя мѣста въ такой книгѣ объяснила бы не въ ущербъ ея подлинности. Но дѣло идетъ о Евангеліяхъ, признаніе подлинности которыхъ совершенно разбиваетъ и превращаетъ въ ничто нѣкоторыя любимыя лжефилософскія воззрѣнія на міръ и человѣчество, на проис-

хождение и развитіе религій,—и вотъ никакія, самыя очевидныя доказательства подлинности ихъ въ глазахъ таковыхъ изслѣдователей не имѣють силы; — ихъ ослабятъ, устранятъ, перетолкуютъ такъ, какъ едвали бы дозволила себѣ сама эта критика въ отношеніи ко всякому другому памятнику древности.

Для достиженія своей цѣли—заподозрѣть или совсѣмъ отвергнуть подлинность Евангелій по внутреннимъ признакамъ, содержащимся въ нихъ самихъ, поборники отрицательной критики, кромѣ устраненія или перетолкованія признаковъ подлинности, соответствующихъ внѣшнимъ свѣдѣніямъ о написаніи Евангелій и писателяхъ ихъ, выискиваютъ въ нихъ такіе признаки или черты, которыя, повидимому, стоятъ въ несогласіи или противорѣчатъ этимъ свѣдѣніямъ, и придавая таковымъ признакамъ бѣльшее значеніе, чѣмъ внѣшнимъ свидѣтельствамъ, противопоставляютъ ихъ симъ послѣднимъ съ цѣлію или ослабить или совсѣмъ устранить силу ихъ. За тѣмъ, толкуя такъ или иначе разные новоизобрѣтенные признаки внутренніе и такъ или иначе сочетавая ихъ, сочиняютъ разныя представленія объ обстоятельствахъ написанія той или другой книги, выискиваютъ въ исторіи или сочиняютъ сами таковыя обстоятельства и противопоставляютъ эти свои разныя теоріи свидѣтельствамъ церковнаго преданія. То обстоятельство, что четыре книги содержатъ исторію одного и того же Лица, вмѣсто того, чтобы свидѣтельствовать о подлинности сихъ книгъ, по причинѣ ихъ внутренняго согласія, подъ перомъ отрицательной критики обращается не въ пользу ихъ: выискиваютъ въ нихъ взаимныя (будто бы) противорѣчія, привязываются къ кажущимся разногласіямъ,

къ нѣкоторому несходству въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ и строить разныя заключенія о подлинности самихъ книгъ; самое сходство евангельскихъ сказаній въ повѣствованіяхъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, сходство иногда почти буквальное, поль перомъ ихъ, обращается также не въ пользу подлинности книгъ евангельскихъ. Потомъ, обращаясь, гдѣ можно, къ событіямъ гражданской исторіи или къ записямъ свѣтскихъ писателей о тѣхъ событіяхъ, на которыя есть указанія въ Евангеліяхъ, отыскиваютъ несоответствіе между ними, и, считая болѣе достовѣрными первыя и придавая имъ болѣе силы и значенія, обращаютъ ихъ противъ достовѣрности и подлинности евангельскихъ сказаній. И много, много разныхъ приѣмовъ употребляетъ отрицательная критика, чтобы внутренніе признаки подлинности Евангелій, содержащіяся въ нихъ самихъ, обратить не въ пользу подлинности ихъ, а противъ нея, такъ что вопросъ о внутреннихъ признакахъ подлинности Евангелій въ отрицательной критикѣ является въ высшей степени сложнымъ и запутаннымъ; особенно въ отношеніи къ первымъ тремъ евангелистамъ, такъ называемымъ синоптикамъ;—это поистинѣ лабиринтъ, изъ котораго непосвященному во всю тонкости этого вопроса, трудно выдти безъ вѣрнаго руководства твердой нити преданія и вѣры. И это очень естественно въ отрицательной критикѣ; къ этой сложности, запутанности и сбивчивости она должна была придти, руководствуясь *такъ* этими внутренними признаками, какъ она руководствуется, т. е. отрѣшивъ ихъ отъ внѣшнихъ историческихъ свидѣтельствъ о происхожденіи Евангелій. При этой отрѣшенности ихъ отъ исторіи, въ дѣль пониманія и

толкованія ихъ открывается широкое мѣсто произволу и фантазіи, которыя и уносятъ таковыхъ толкователей въ область историческихъ мечтаній и иллюзій, вмѣсто дѣйствительной исторіи; а эта область такъ пространна, и порядка въ ней нѣтъ: что голова, то мечта.

Но эта мечтательность, даже эта сложность и запутанность вопроса о внутреннихъ признакахъ подлинности Евангелій для поборниковъ отрицательной критики очень пригодны, и усиленно, какъ будто нарочно, поддерживаются въ ней. Съ одной стороны помечтать объ исторіи, отрѣшившись отъ строгихъ историческихъ данныхъ, гораздо легче и для нѣкоторыхъ пріятнѣе, а съ другой—разнообразіемъ теорій можно спутать и сбить съ толку нетвердаго и неопытнаго читателя, особенно не очень знакомаго съ точными историческими данными. «Внутренняя критика, справедливо замѣчаетъ Толюккъ, особенно пригодна резонерамъ, которые хотятъ дать свободный ходъ своимъ субъективнымъ тенденціямъ, и которыхъ полѣтъ останавливается историческими данными, какъ тяжелой кладью. Это—легкая колесница, на которой философъ можетъ переноситься, куда ему угодно. Правда, онъ рискуетъ легко упасть, но если сумѣетъ сохранить колесницу въ правильномъ равновѣсіи, то путешествуетъ съ большою скоростью. Умъ тонкій можетъ доказывать все въ подобнаго рода вопросахъ (т. е. въ вопросахъ о внутреннихъ признакахъ подлинности или неподлинности книгъ, когда эти признаки не опираются ни на какомъ внѣшнемъ свидѣтельствѣ—положительномъ или отрицательномъ, и отрываются отъ исторіи). Онъ можетъ доказать посредствомъ тонкихъ умозаключеній, что писатель

имѣть всѣ признаки истины, а въ слѣдъ за тѣмъ,— что не имѣть ни одного. Ему легко, слѣдуя подвижному процессу діалектики, опирающейся только на внутреннихъ критеріяхъ, дѣлать попеременно сомнительную подлинность самую неопровержимою, и неопровержимою самую сомнительною... Мы не думаемъ, замѣчаетъ еще Толюккъ, что наша критика должна находиться только на широкомъ полѣ внутреннихъ признаковъ: ибо гимнастика экзегеса, которою единственный законъ—субъективность необузданная, можетъ употреблять ихъ совершенно по произволу. Не такъ это въ границахъ историческихъ данныхъ, точныхъ и неколеблющихся» (а). Да, дѣйствительно не такъ, — здѣсь игра фантазіи есть крѣпкая узда. Вотъ почему любители историческихъ мечтаній и иллюзій, напримѣръ въ области евангельской исторіи, такъ не любятъ историческихъ свидѣтельствъ о подлинности Евангелій и — менѣе сильные совсѣмъ или почти обходятъ ихъ, а болѣе сильные стараются, во что бы то ни стало, устранить или ослабить ихъ силу, разорвать эти узы, приковывающія ихъ къ землѣ, чтобы на легкихъ крыльяхъ, отрѣшенныхъ отъ исторіи внутреннихъ признаковъ, унести въ облака мечтаній. Вотъ почему и Ренанъ, величающій себя философомъ и величаемый умомъ тонкимъ, почти умолчавъ объ историческомъ вселенскомъ преданіи о подлинности Евангелій и обстоятельствахъ ихъ происхожденія, разглагольствуетъ довольно о

(a) Essai sur la crédibilité de l'histoire Evangelique, par Tholuck, trad. par l'abbé de Valroger. Paris. 1847. p. 115—116.

внутреннихъ признакахъ ихъ неподлинности въ ихъ нынѣшнемъ видѣ; здѣсь удобнѣ помечтать, чѣмъ при изслѣдованіи строгихъ данныхъ исторіи.—Вотъ почему и вопросъ о внутреннихъ признакахъ подлинности Евангелій, когда, отрѣщенный отъ вѣшнихъ историческихъ свидѣтельствъ, онъ вступаетъ въ область мечтаній, такъ запутанъ и усложненъ: область мечтаній и иллюзій почти безгранична и также разнообразна, какъ разнообразны индивидуальныя особенности людей, и нѣтъ имъ предѣла, если не останавливаетъ ихъ строгая историческая дѣйствительность. Вотъ почему наконецъ бываетъ иногда очень трудно слѣдить критически научно за развитіемъ этого вопроса въ отрицательной критикѣ и бороться съ различными неправильными и произвольными сужденіями ея, какъ трудно бороться съ тѣнью или мечтой или съ гипотезой безъ основанія.

Изъ сказаннаго видно, что въ дѣлѣ доказательства подлинности Евангелій (равно какъ и другихъ книгъ), мы отдаемъ преимущество вѣшнымъ свидѣтельствамъ церковнаго вселенскаго преданія предъ внутренними признаками, или лучше сказать—поставляемъ послѣднія въ зависимость отъ первыхъ; отрицательная же критика поступаетъ на оборотъ (6). Это выгодно

---

(6) Strauss—Das Leben Jesu, für das deutsche Volk bearbeitet. Leipzig. 1864. — Пользуемся случаемъ сказать нѣсколько словъ объ этой книгѣ, на которую намъ часто придется ссылаться. Это —не новое изданіе прежней „жизни Иисуса“—Штраусса, а совершенно новое сочиненіе, въ которое, какъ выражается самъ авторъ, изъ прежняго ничего не возшло,

для нея, но рѣшительно не основательно.—Мы видѣли прежде, что вселенская церковь, опредѣляя канонъ книгъ священныхъ, т. е. отдѣляя подлинныя писанія апостольскія отъ подложныхъ, пользовалась преимущественно началомъ преданія или вѣдѣнныхъ свидѣтельствъ, и только иногда указывала на внутренніе признаки подлинности или неподлинности книги, не придавая этому началу особенно важнаго значенія, такъ какъ, по самому характеру своему, оно способно къ разнымъ перетолкованіямъ.—Церковь очень вѣрно это понимала и безошибочно опредѣлила составъ подлинно-апостольскихъ писаній, — почему же намъ не слѣдовать ей безпрекословно въ этомъ дѣлѣ? Разумныхъ основаній для этого нѣтъ, тѣмъ болѣе, что подлинность всѣхъ древнихъ письменныхъ памятниковъ

кромѣ основныхъ мыслей (Grundgedanken); вся вѣдѣнная обработка совершенно новая и сдѣлана собственно „для народа“, т. е. прежнее его сочиненіе, назначавшееся имъ „для ученыхъ богослововъ“, теперь новымъ сочиненіемъ популяризовано, хотя, какъ кажется, неудачно, потому что книга вышла очень тяжела, не подъ силу не только народу, но и получившимъ школьное образованіе. Вѣроятно въ благодарность за то, что тюбингенская школа Баура старалась подложить фундаментъ подъ его прежнее, основанное на пескѣ зданіе „жизни Иисусовой“, онъ совершенно примкнулъ къ этой школѣ и принялъ результаты ея изслѣдованій объ исторіи происхожденія Евангелій, такъ что новая книга его есть полное выраженіе этихъ результатовъ (почему и будемъ мы на нее ссылаться). Сравнить эту книгу Штраусса съ книгой Ренана, питавшагося отъ его же крупицъ, почти нельзя; послѣдняя на ряду съ ней является совсѣмъ пустой и вѣтреной. Здѣсь виденъ старый,

основывается главнымъ образомъ на преданіи, и уже съ нимъ сообразуется критика внутреннихъ признаковъ подлинности или неподлинности ихъ. Почему же дѣлать исключеніе изъ этого общаго правила для священныхъ писменныхъ памятниковъ первохристіанской древности? Впрочемъ отрицательная критика сама себя наказываетъ за это отступленіе и извращеніе здравыхъ правилъ исторической критики: произволь, натяжки, разногласія и взаимное противорѣчіе разныхъ представителей ея, вотъ характеръ отрицательной критики внутреннихъ признаковъ Евангелій. Предполагая изслѣдовать вопросъ о внутреннихъ признакахъ подлинности Евангелій въ болѣе общемъ его видѣ, мы опять, какъ и въ вопросѣ о внѣшнихъ свидетельствахъ, обратимъ вниманіе только на главное въ этомъ вопросѣ, оставляя утомительныя частности и подробности.

опытный и сильный боецъ противъ христіанства, во всеоружіи отрицательной критики, тогда какъ Ренанъ, сравнительно съ нимъ, фигляръ, махающій мечомъ картоннымъ. Но дожь основнаго воззрѣнія постоянно даетъ себя чувствовать въ этой книгѣ, и будучи полнымъ выраженіемъ отрицательной критики въ отношеніи къ Евангеліямъ, эта книга въ то же время есть полное выраженіе и несостоятельности этой критики. Поучительно было бы шагъ за шагомъ прослѣдить эту книгу, какъ сдѣлалъ съ книгою Ренана аббатъ Гетэ; она стоить того, — не то, что книга Ренана. Другое сочиненіе, служащее также довольно полнымъ выраженіемъ отрицательной критики, особенно въ вопросѣ о внутреннихъ признакахъ подлинности Евангелій, и на которое мы будемъ ссылаться — *Theologische Briefe für die gebildete der deutschen Nation*, — von der Alm. Leipz. 1863. B. 2.

Во избѣжаніе крайней запутанности и необходимо происходящей отъ того неясности, особенно для читателей, не знакомыхъ со всѣми тонкостями этого вопроса въ современной отрицательной критикѣ, считаемъ нужнымъ предварительно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: а) часть возраженій противъ подлинности Евангелій по внутреннимъ признакамъ основывается на особенномъ сходствѣ между собою первыхъ трехъ евангелистовъ, и отличіи отъ нихъ четвертаго.—Для объясненія этого сходства и отличія придуманы разныя гипотезы, и на этихъ гипотезахъ, которыя сами-то всѣ оказываются несостоятельными предъ судомъ здравой критики, основываютъ признаки неподлинности того или другаго Евангелія. Разбирать эти признаки мы здѣсь не будемъ, такъ какъ рассмотрѣнію гипотезъ о происхожденіи и взаимномъ отношеніи Евангелій имѣемъ въ виду посвятить особую статью. б) Часть возраженій основывается на кажущихся разногласіяхъ и противорѣчій трехъ первыхъ Евангелій между собою, и всѣхъ ихъ съ Евангелиемъ отъ Іоанна. Рассмотрѣніе всѣхъ этихъ кажущихся противорѣчій и разногласій повело бы слишкомъ далеко, и мы должны ограничиться только краткими указаніями и сужденіями о важнѣйшихъ изъ нихъ, и это сдѣлаемъ при разборѣ внутреннихъ признаковъ подлинности Евангелія Іоаннова; здѣсь же ограничимся разборомъ только тѣхъ возраженій, которыя направлены противъ каждаго изъ трехъ первыхъ Евангелій въ отдѣльности отъ другихъ. Ограничивъ такимъ образомъ свою задачу, приступимъ къ изложенію внутреннихъ признаковъ подлинности каждаго изъ Евангелій и возраженій отрицательной критики.

1) Обь обстоятельствахъ происхожденія перваго Евангелія отъ св. апостола Матѳея внѣшнія свидѣтельства первохристіанской древности таковы: святой Матѳеѣй написалъ свое Евангеліе первоначально для палестинскихъ христіанъ изъ іудеевъ^(в), отправляясь на проповѣдь Евангелія къ другимъ народамъ, слѣдовательно до разрушенія Іерусалима и опустошенія Іудеи Титомъ (70 г. по Р. Хр.)^(г). И въ содержаніи Евангелія есть черты, которыя вполне подтверждаютъ эти свидѣтельства. Что оно написано первоначально для христіанъ изъ іудеевъ, — это видно изъ всего

(в) Iren. adv. haeres. III, 1. (opp. in Patrol. Curs. Compl. tom. VII, col. 814—815). Origen. (ap. Evsebius Hist. Eccl. VI, 25. Opp. in Patrol. Curs. Compl. tom. XX. col. 581). Hieron. prol. in Matth. (opp. in Patrol. Curs. Compl. tom. XXVI, col. 18), De vir. illustr. c. 3. (Opp. ibid. tom. XXIII, col. 613).

(г) Извѣстія о годѣ написанія Евангелія частью неопредѣлены, частью разногласны. Климентъ александрійскій и Оригенъ у Евсевія (Hist. Eccl. VI, 14 и 25) и самъ Евсевій (Hist. Eccl. III, 24) говорятъ только, что Матѳеѣй написалъ Евангеліе ранѣе прочихъ евангелистовъ. Св. Иринеѣ (у Евсевія Hist. Eccl. V, 38) опредѣляетъ нѣсколько точнѣе время написанія Евангелія словами: *τὸ Πέτρος καὶ Παῦλος ἐν Ῥώμῃ ἐναγγελιζομένων καὶ θεμελιόντων τὴν Ἐκκλησίαν* (когда Петръ и Павелъ въ Римѣ проповѣдывали и основывали церковь), т. е. между 61—67 г. по Р. Хр. Позднѣйшіе писатели считаютъ временемъ написанія Евангелія 8-й годъ по вознесеніи (Θεοφιλάκτῃ и Εὐνομίῃ Ζιγαβενῇ), 15-й г. (Chronicon Paschale Alexandrinum), годъ убіенія Стефана (Κοσμά Ἰνδικοπλεβῆ). Herzog' Real-Encyclopädie B. 9. — Art. Matthaeus Apostel und Evangelist. S. 172.

содержанія его: повѣствованія въ немъ преимущественно направлены къ тому, чтобы показать, что Иисусъ есть истинный Мессія, обѣтованный праотцамъ еврейскаго народа, что особенно нужно было показать евреямъ, увѣровавшимъ во Христа, неузнаннаго ими и распятаго. Для этого въ семь Евангелій гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ Евангеліяхъ, сносятся и сличаются событія изъ жизни Христовой съ ветхозавѣтными пророчествами и прообразованіями (а). Для этого же вообще изъ всей исторіи Христа Спасителя избираются повѣствованія особенно важныя и нужныя для іудеевъ, напримѣръ а) повѣствованіе о происхожденіи Христа Иисуса отъ Давида и Авраама, согласно съ пророчествами и обѣтованіями (1, 1—18.); б) повѣствованія о рожденіи Христа въ Вифлеемѣ, избіеніи младенцевъ Вифлеемскихъ, бѣгствѣ младенца Иисуса во Египетъ и пр. (гл. 2), такъ же согласно съ пророчествами; в) двѣ обширныя рѣчи Христа къ народу (гл. 5—7 и 23—24), изъ коихъ въ первой Иисусъ Христосъ объясняетъ отношеніе Своего новаго закона къ закону ветхому и объясняетъ нравственныя правила Своего ученія, въ послѣдней обличаетъ уклоненія учителей народныхъ фарисеевъ отъ смысла и духа закона ветхаго; г) изображеніе ожесточенія и отвер-

---

(а) Напр. рождество Иисуса Христа отъ Дѣвы—по пророчеству Исаіи (Матѣ. 1, 22—23.), рожденіе Христа въ Вифлеемѣ—по пророчеству Михея (Матѣ. 2, 5—6.); бѣгство во Египетъ и возвращеніе оттуда—по пророчеству Осія (—2, 15.), проповѣдь Христа въ Галилеѣ—по пророчеству Исаіи (Матѣ. 3, 15 и дал.), и многія другія.

женія іудеевъ (е). Согласно съ симъ же назначеніемъ Евангелія, въ немъ не объясняются обычаи и уставы народа еврейскаго, какъ извѣстные болѣе или менѣе читателямъ Евангелія, что дѣлается въ другихъ Евангеліяхъ, назначавшихся первоначально для христіанъ изъ язычниковъ (ж). Что Евангеліе написано до разрушенія Іерусалима,—это видно изъ того, что въ немъ нѣтъ указаній на это событіе; Іерусалимъ и храмъ предполагаются еще существующими, и еврейскій народъ еще не подвергшимся никакимъ бѣдствіямъ опустошенія. Такое соотвѣтствіе содержанія перваго Евангелія свидѣтельствамъ древности объ обстоятельствахъ происхожденія его утверждаетъ достовѣрность сихъ послѣднихъ и чрезъ то подлинность происхожденія сего Евангелія отъ Матѳея, которому оно приписывается, какъ мы видѣли, вселенскимъ церковнымъ преданіемъ (з). Какъ же относится къ этимъ

(е) Напр. въ рѣчи Иисуса Христа по отшествіи посланныхъ къ Нему отъ Крестителя (11, 16—24), въ притчахъ о вертоградарѣ (20, 1—16.), о брачномъ пирѣ (22, 1—14.) и пр. Ср. 8, 11—12, и др.

(ж) Напр. обычай іудеевъ—умывать руки предъ вкушеніемъ пищи (Матѳ. 15, 1. и дал. ср. Марк. 7, 3. и дал.). Ср. Матѳ. 9, 14 и Марк. 2, 18., Матѳ. 26, 17 и Лук. 27, 2. и мн. др.

(з) „Конечно, замѣчаетъ Гэррике, мы имѣемъ немного историческихъ свѣдѣній о Матѳеѣ, чтобы изъ внутреннихъ признаковъ, независимо отъ историческихъ свидѣтельствъ, заключить именно о немъ, какъ писателѣ (Евангелія), но именно поэтому свидѣтельства преданія тѣмъ важнѣе для насъ, и то, что мы о Матѳеѣ частію знаемъ, частію съ достовѣрностію можемъ предполагать, находимъ мы и въ простотѣ расположенія Евангелія и въ... цѣли... и въ отношеніи къ ветхому

внутреннимъ признакамъ отрицательная критика, и что она противопоставляетъ имъ? Во-первыхъ, силится заподозрить достовѣрность сказаній объ обстоятельствахъ написанія этого Евангелія Матѳеемъ. Что Евангеліе сіе назначено первоначально для христіанъ изъ евреевъ, или произошло, какъ выражаются, изъ еврейско-христіанскаго общества, этого нельзя отрицать и отрицательной критикъ; и—она не отрицаетъ, а только такъ или иначе перетолковываетъ. Но, для христіанъ изъ евреевъ, по ея мнѣнію, могъ писать и не Матѳей. Почему же не Матѳей, когда преданіе указываетъ прямо на него, какъ на писателя этого Евангелія? Потому что, отвѣчаетъ, свидѣнія объ этомъ не достовѣрны: «всѣ вообще замѣчанія объ этомъ очевидно стоятъ въ связи съ предположеніями и преданіями о Евангеліи и примыкаютъ къ завѣдомо неосновательному мнѣнію о первоначальномъ языкѣ Евангелія, а характеристическаго, изъ чего бы мы могли заключить объ отношеніи этого Евангелія къ лицу Матѳея, они не представляютъ ничего» (и). Вотъ первая причина заподозрѣнія историческихъ свидѣтельствъ о написаніи Евангелія Матѳеемъ въ недостовѣрности. Но а) несправедливо и то, что всѣ они примыкаютъ къ мнѣнію о первоначальномъ языкѣ Евангелія, т. е. что всѣ они имѣютъ въ основѣ своей оправдать предвзятую мысль о томъ, будто Евангеліе это написано первоначально на еврейскомъ языкѣ. Во всѣхъ нихъ просто говорится, что первое Евангеліе на-

---

завѣту“.... (Guericke — *Gesamtgeschichte d. N.* T. 1854. S. 133—134).

(и) Holtzmann—*Die synoptische Evangelien.* S. 360—361.

писалъ Матѳеѣй, написалъ для увѣровавшихъ изъ евреевъ и написалъ на еврейскомъ языкѣ; предвзятая мысль тутъ никакой нѣтъ, а просто излагаются историческіе факты, кто написалъ Евангеліе, для кого и на какомъ языкѣ, и только; предвзятую мысль можетъ видѣть здѣсь развѣ также предвзятая мысль.

б) Несправедливо и то, будто мнѣніе о написаніи Евангелія Матѳеева первоначально на еврейскомъ языкѣ завѣдомо неосновательное мнѣніе. Всѣ древніе писатели, имѣвшіе случай говорить объ этомъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что Евангеліе написано на еврейскомъ языкѣ; нѣтъ ни одного древняго свидѣтельства, что оно написано на греческомъ языкѣ, и—это мнѣніе о первоначальномъ языкѣ Евангелія отъ Матѳея считать завѣдомо неосновательнымъ — основательно ли? Что языкъ книги (будто бы) не переводный, что цитаты изъ ветхаго завѣта приводятся по LXX, это вовсе не доказываетъ, что Евангеліе написано на греческомъ языкѣ: въ настоящемъ видѣ Евангеліе есть самостоятельный переводъ греческій, и въ греческомъ—приведены цитаты (не всѣ впрочемъ и далеко не всѣ (i)) изъ ветхаго завѣта по греческому же переводу:—что же тутъ подозрительнаго? Въ этихъ свидѣтельствахъ нѣтъ, говорятъ, ничего характеристическаго, что указывало бы на Матѳея, какъ писателя Евангелія. Что хотять сказать этимъ,—не понятно. Въ этихъ свидѣтельствахъ говорится, что апостоль Матѳеѣй, отправляясь изъ

(i) По еврейскому тексту, отъ котораго отличенъ нѣсколько текстъ греческій (LXX), приведены мѣста изъ пророковъ Осіи (11, 1.—Матѳ. 2, 15.), Исаіи (42, 1.—Матѳ. 12, 18.) и др.

Иерусалима на проповѣдь къ другимъ народамъ, написалъ для христіанъ изъ іудеевъ Евангеліе на еврейскомъ языкѣ: — чего же еще требовать? Свидѣтельства пріямыя и опредѣленные, если угодно, характеристическія. Подозрѣвать достовѣрность этихъ свидѣтельствъ на томъ основаніи, что въ нихъ неодинаково обозначается время написанія этого Евангелія^(к), также неосновательно. Что за важность, что преданіе не сохранило точно свѣдѣній о годѣ написанія Евангелія? Въ этомъ еще нѣтъ большой важности, и отъ этого нисколько не ослабляется сила свидѣтельствъ, что это Евангеліе дѣйствительно Матѳеево, а этихъ свидѣтельствъ много, — какъ мы видѣли.

Во-вторыхъ, ухищряются доказывать, что свидѣтельства древнихъ о написаніи Матѳеемъ Евангелія относятся не къ нашему каноническому Евангелію, а къ какому-то другому, которое, можетъ быть, написалъ Матѳей, и которое, можетъ быть, вошло и въ наше Евангеліе, какъ основа или часть, но что эта записка Матѳея (если она была) не извѣстна намъ въ точности, а свѣдѣнія, сообщаемыя древними объ обстоятельствахъ написанія этого Евангелія, не соответствуютъ характеру нынѣшняго каноническаго Евангелія отъ Матѳея. Что свидѣтельства древнихъ о Евангеліи отъ Матѳея говорятъ о нашемъ нынѣшнемъ каноническомъ Евангеліи отъ Матѳея (которое есть переводъ съ арамейскаго Евангелія сего апостола), объ этомъ сказано уже нами достаточно прежде, при разборѣ Папіева свидѣтельства объ Евангеліи Матѳеевомъ. А что извѣстія древнихъ объ обстоятельствахъ

(к) Holtzmann — D. synopt. Evang. S. 414.

написанія этого Евангелія не соответствуют характеру нашего каноническаго Евангелія, это подлежит изслѣдованію.—Почему не соответствуют ?

Потому, говорятъ, прежде всего, что первое Евангеліе не есть просто историческое повѣствованіе о жизни Христовой, какъ это представляется по смыслу древнихъ свидѣтельствъ о немъ, а имѣетъ іудействующій характеръ съ воззрѣніями іудействующихъ христіанъ, въ родъ тѣхъ, съ которыми боролся св. апостоль Павелъ, и которыя послѣ апостольскаго вѣка выразились особенно въ сектѣ евіонеевъ (1). Конечно въ этомъ случаѣ оно не можетъ принадлежать, по-крайней-мѣрѣ, въ настоящемъ видѣ апостолу, и притомъ произойти въ такое раннее время, на которое указываетъ преданіе. Итакъ, первое Евангеліе упрекаютъ—ни болѣе, ни менѣе—какъ въ еретическомъ характеръ, или въ томъ, по-крайней мѣрѣ, что оно написано въ духъ партіи, секты. Странное и страшное обвиненіе! На чемъ же оно основано? Перечислимъ кратко: на возведеніи родословія Христова только до Авраама (1, 1—18.), на особенностяхъ заповѣди о предѣлахъ апостольской проповѣди (10, 5. ср. 7, 6; 15, 24.), на ученіи о непремѣнности и непреходимости ветхаго закона (5, 17—19; 11, 13; 23, 3. 23.), на изреченіяхъ, выражающихъ мысль, что много зла причиняетъ еврейскому народу извращеніе закона преданіемъ (5, 20; 15, 3. 6.), на ученіи объ оправданіи дѣлами закона (7, 19—23; 12, 33—37; 19, 17; 21, 34. 41; 25, 31. и дал.), на

---

(1) У Bleck'a -- Einleitung in d. N. T. 1862. S. 280. Holtzmann—D. synopt. Evang. S. 377.

превознесеніи будто бы до крайности святости субботы (24, 20.), на предпочтеніи Петра другимъ апостоламъ (10, 2; 16, 17—19.), на представленіи Иисуса, какъ царя іудейскаго (2, 2; 25, 31 и дал.), на временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствахъ въ изображеніи втораго пришествія Мессіи (10, 23; 16, 28.), вообще на всей эсхатологіи, по которой кончина Израиля есть вмѣстѣ и кончина всего міра (24, 3. 22; 10, 23.), почему и пакибытіе двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ представляется какъ конечная цѣль всего историческаго развитія міра (19, 28.): Что сказать объ этомъ цѣломъ рядѣ, такъ называемыхъ, основаній? Очевидно, здѣсь взята одна сторона Евангелія—изображеніе отношенія Мессіи и Евангелія къ іудейству,—и посредствомъ ложнаго толкованія преувеличена до крайности, почему писатель и представляется съ іудействующимъ воззрѣніемъ. Но вотъ другая сторона Евангелія—изображеніе отношенія Мессіи и Евангелія къ язычникамъ, что опускаютъ изъ вида почему-то поборники (мнимо) іудействующаго направленія Евангелія отъ Матѳея. Въ язычникахъ, по повѣствованію этого Евангелія, Христось находилъ вѣру, Его Самаго изумлявшую, какой не находилъ Онъ въ іудеяхъ (8, 10; 15, 28.), и прямо говорилъ, что «многіе придутъ отъ востока и запада и получатъ участіе въ царствѣ небесномъ вмѣстѣ съ патриархами, а сыны царствія (іудей) лишатся этого участія» (8, 11—12. ср. 24, 31.). Въ этомъ именно смыслѣ, особенно въ послѣднихъ главахъ Евангелія, содержится много указаній на переходъ Евангелія и царства Божія отъ іудеевъ къ язычникамъ. Одинъ только этотъ евангелистъ повѣствуетъ о проклятій, которое изрекли сами

на себя іудеи (27, 24. 25.), онъ одинъ повѣствуетъ прямо и опредѣлительно о грозномъ предреченіи Господа, что царство Божіе отнимется отъ іудеевъ и дастся язычникамъ (21, 43.), и это ученіе раскрывается во многихъ притчахъ, содержащихся въ этомъ Евангеліи (20, 1—16; 21, 28—43; 22, 1—14 и др.). И язычники, по ученію этого Евангелія, исполняющіе заповѣдь любви, по вѣрѣ во Христа, будутъ блаженны (25, 31—45. ср. 11, 22; 12, 41—42.). Даже въ родословіе введены лица изъ язычниковъ (1, 5.). И язычники прославляютъ Христа, какъ царя іудейскаго, прежде іудеевъ (1, 1—12; 15, 22.). Съ другой стороны, ни одинъ евангелистъ не повѣствуетъ такъ много о обличеніяхъ Иисусомъ Христомъ фарисеевъ и прочихъ сектъ іудейскихъ, болѣе или менѣе руководившихъ народъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи; одинъ онъ наконецъ повѣствуетъ о величайшемъ обманѣ представителей іудейскаго народа при подкупѣ стражей, стерегшихъ гробъ погребеннаго Спасителя. Послѣ всего сказаннаго, — это ли повѣствователь съ ограниченнымъ и ложнымъ іудействующимъ въ воззрѣніи на христіанство направленіемъ, которое отрицало права язычниковъ на участіе въ царствѣ Мессіи, безъ соблюденія обрядовыхъ законовъ Моисеевыхъ, и ограничивало область сего царства избранными изъ народа іудейскаго по преимуществу? Какой односторонній и превратный взглядъ на Евангеліе и евангелиста! Что же касается до каждаго въ частности изъ выставленныхъ основаній этого взгляда въ самомъ Евангеліи: то стоить только снести эти мѣста съ другими мѣстами того же Евангелія, чтобы понять правильно ихъ смыслъ и не строить на нихъ такихъ ложныхъ

взглядовъ на повѣствователя, какіе строятъ. Нечего распространяться о томъ, почему у Матѳея родословіе Иисуса Христа возведено только до Авраама,—причина понятна: для увѣровавшихъ іудеевъ важно было знать, что Христосъ, соотвѣтственно пророчествамъ, происходитъ отъ Авраама; особенной цѣли въ этомъ ограниченіи родословія, въ родѣ той, будто писатель хотѣлъ этимъ ограниченіемъ родословія показать, что «благодѣянія Мессіи простираются только на народъ еврейскій, происходящій отъ Авраама», что будто бы указываетъ на «іудейскій партикуляризмъ» писателя,—подозрѣвать нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что въ это родословіе вводятся лица и не еврейскаго происхожденія. Указываютъ въ особенности на то, что только у одного Матѳея содержится повелѣніе Спасителя апостоламъ, при посольствѣ ихъ на проповѣдь, не ходить съ проповѣдью къ язычникамъ и самарянамъ, а проповѣдывать только погибшимъ овцамъ дома израилева (10, 5—6.). Сопоставляя съ симъ повѣствованіе, также у одного только этого евангелиста находящееся, о хананейской женѣ, которой Христосъ первоначально отказывалъ въ ея просьбѣ оказать помощь ея бѣсноватой дочери потому, что Онъ посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома израилева, и что несправедливо отнимать хлѣбъ у дѣтей и отдавать псамъ (15, 24. 26.), указываютъ въ этомъ іудействующаго повѣствователя. Но этому совершенно противорѣчатъ другія мѣста того же Евангелія, въ которыхъ Христосъ говоритъ, и даетъ Своимъ ученикамъ заповѣдь, о распространеніи Евангелія по всей землѣ, между всеми народами (24, 14. 31; 28, 18—20; 8, 11. 12. и др.). Разсматриваемое же

повеліе — ограничиться проповѣдью однимъ только іудеямъ, относится къ первоначальной лишь проповѣди апостольской, такъ какъ іудеи прежде призывались въ церковь Христову, имъ обѣтованъ былъ Мессія и между ними Онъ явился (х). Изреченія Господа женѣ хананейской имѣютъ тотъ же смыслъ, и сверхъ сего они служили къ испытанію твердости вѣры жены, и какъ скоро выражена была женою сія твердость вѣры, Христосъ тотчасъ же удовлетворилъ ея просьбу, восхваливъ ея вѣру. Гдѣ же здѣсь іудейскій партикуляризмъ, по которому силятся заподозрить происхожденіе Евангелія отъ апостола? Далѣе, ссылаются на изреченія, находящіяся только въ этомъ Евангеліи, о непремѣняемости и непреходимости ветхаго закона, особенно на слова, сказанныя Христомъ, что Онъ не пришелъ раззорить законъ, но исполнить; что скорѣе преѣдетъ небо и земля, нежели преѣдетъ одна іота или одна черта изъ закона, такъ чтобы не исполнилось все; что «кто нарушитъ одну изъ малѣйшихъ заповѣдей, тотъ малѣйшимъ назовется въ царствѣ небесномъ» (5, 17—19), — и видятъ здѣсь выраженіе того же іудействующаго воззрѣнія повѣствователя на христіанство. Но непосредственно за симъ же повѣствователь приводитъ цѣлый рядъ изреченій Гос-

---

(м) Такъ толкуетъ эту заповѣдь Спасителя и св. Златоустъ, влагая въ уста Иисуса такую рѣчь, при толкованіи сего стиха: „Я стараюсь исправить ихъ прежде другихъ.... И не только запрещаю вамъ проповѣдывать кому-либо прежде ихъ, но не позволяю даже касаться пути, который ведетъ къ язычникамъ.“ Бесѣд. на Ев. Матѳ. въ русск. перев. Москва 1839, ч. II, стр. 57.

пода, въ которыхъ Онъ представляетъ іудейскій нравственный законъ недостаточнымъ для наследованія царства небеснаго и замѣняетъ нѣкоторыя ветхозавѣтныя постановленія закона другими. Значить, не такъ нужно понимать изреченія Господа о непреложности закона ветхозавѣтнаго, какъ понимаетъ ихъ разсматриваемое мнѣніе, и оно несправедливо находить въ нихъ іудействующее воззрѣніе повѣствователя. Изреченія сіи имѣютъ тотъ смыслъ, что ветхій завѣтъ въ высшемъ духовномъ смыслѣ исполняется въ новомъ и замѣняется, потому и отмѣняется симъ послѣднимъ.—Разбирать ли другія выставленныя основанія разсматриваемаго мнѣнія? Всѣ они, какъ и сейчасъ разобранныя, представляются основаніями только при одностороннемъ и неправильномъ пониманіи указываемыхъ въ нихъ изреченій или повѣствованій, а разсматриваемыя правильно, при сличеніи съ другими изреченіями и повѣствованіями, не даютъ никакъ мысли о томъ, чтобы Евангеліе написано было въ духъ и интересъ іудействующихъ христіанъ и слѣдовательно не апостоломъ (съ нѣкоторыми изъ этихъ основаній мы впрочемъ еще встрѣтимся). Въ Евангеліи Маттеевомъ,—соотвѣтственно первому назначенію его, дѣйствительно есть, какъ мы видѣли, примѣненія къ потребностямъ христіанъ изъ іудеевъ, но нѣтъ слѣдовъ какого-либо евіонитскаго направленія.

Односторонность выставленныхъ основаній разсмотрѣннаго мнѣнія не могла быть не замѣченной и поборниками этого мнѣнія, но оно такъ полюбилось имъ и такъ имъ пригодно, что они не хотятъ разстаться съ нимъ, и—чтобы устранить противопоставляемыя имъ мѣста Евангелія, въ которыхъ выражаются воз-

зрѣнія совершенно не іудействующаго повѣствователя, прибѣгаютъ къ новымъ предположеніямъ, и на нихъ построиваютъ новыя доказательства противъ подлинности этого Евангелія на основаніи внутреннихъ признаковъ. — Предполагаютъ, что писатель Евангелія въ настоящемъ его видѣ (или послѣдній редакторъ его, какъ выражаются) — не самостоятельный писатель, а имѣлъ нѣсколько записей или источниковъ съ противорѣчивыми воззрѣніями и внесъ эти воззрѣнія въ свою книгу, — или, что первоначальная записъ, принадлежавшая можетъ быть и апостолу Матѳею, въ послѣдствіи была перерабатываема и восполняема, и — вотъ въ ней явились эти, какъ выражаются, универсальные элементы, тогда какъ первоначальная записъ была чисто іудейскаго направленія (н); и значить въ томъ и другомъ случаѣ Евангеліе не отъ апостола Матѳея произошло. На чемъ основываются эти предположенія? На тѣхъ же, будто бы, противорѣчащихъ мѣстахъ Евангелія. «Есть въ первомъ Евангеліи, говоритъ напр. Штрауссъ, такія мѣста, которыя мы должны производить изъ разныхъ источ-

---

(н) Оба эти предположенія — любимыя предположенія ново-тубингенской школы, хвалящейся своимъ историческимъ методомъ изслѣдованія. Первое развиваетъ особенно Швеглеръ (*Nachapostol. Zeitalt. I. 248*) и Штрауссъ въ своей новой „жизни Иисуса“ (стр. 116), а также Евальдъ; второе особенно Гильгенфельдъ (*Evangel. S. 115*) и самъ Бауръ (*Evangelien. S. 619*), потомъ Кэстлинь (*Evangel. S. 56*); этого же держится и Ренанъ. Всѣ они, разумѣется, нѣсколько видоизмѣняютъ эти предположенія; но объ этихъ видоизмѣненіяхъ, или оттънкахъ, кажется, нѣтъ нужды распространяться.

никовъ... которые стоятъ въ противорѣчїи между собою.—Такъ, посылая 12 учениковъ на проповѣдь, Иисусъ запрещаетъ имъ обращаться къ язычникамъ и самарянамъ, и общаетъ второе пришествіе Свое въ то время, когда они еще не успѣютъ обойти всѣхъ городовъ израильскихъ (7, 6; 10, 5 и дал. 23). А въ другихъ мѣстахъ того же Евангелія напротивъ Онъ угрожаетъ за невѣріе іудеевъ призвать на мѣсто ихъ язычниковъ (8, 11; 21, 43), объявляетъ, что Онъ не прежде придетъ, какъ когда Евангеліе распространится по всей землѣ, между всѣми народами (24, 14), даже прямо повелѣваетъ апостоламъ принимать въ свое общество посредствомъ крещенія всѣ народы (28, 19.)» (о). Но неужели это противорѣчіе? Сначала посылаетъ Господь, еще при жизни Своей, учениковъ Своихъ проповѣдывать Евангеліе по городамъ и селамъ только іудейскимъ, потомъ, совершивъ дѣло искупленія и оставляя міръ, посылаетъ ихъ на всемірную проповѣдь ко всѣмъ народамъ; такъ какъ, по Его же не разъ высказанному ученію, и язычники должны быть призваны въ царство Его:— неужели это противорѣчіе? Что касается до указанныхъ изреченій о времени втораго пришествія Христа, то при насильственномъ только толкованіи ихъ, или по-крайней-мѣрѣ одностороннемъ, можно видѣть въ нихъ взаимное противорѣчіе, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. О второмъ ли славномъ, при концѣ міра имѣющемъ быть, пришествіи Христовомъ говорится въ первомъ изъ указанныхъ изреченій: «не успѣете обойти городовъ израильскихъ, какъ Сынъ

(о) D. Leben Jesu. 1864. S. 116—117.

человѣческой придетъ» (10, 23)? Это изреченіе Господа, въ отношеніи ко времени пришествія Его, одинаково съ другимиъ Его изреченіемъ, содержащимся въ томъ же Евангелии: «нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго въ царствіи Своемъ» (16, 28). Здѣсь общее понятіе пришествія Сына человѣческаго (т. е. Господа Иисуса Христа) опредѣляется тѣснѣе понятіемъ пришествія Его въ царствѣ Своемъ. Пришествіе Иисуса Христа въ царствѣ Своемъ есть то же, что открытіе сего царства, а открытіе царства Христова совершилось Его воскресеніемъ, послѣ котораго Онъ Самъ сказалъ о Себѣ, какъ царь: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мат. 28, 18.), и ниспосланіемъ Св. Духа апостоламъ, послѣ чего они пошли во весь міръ съ проповѣдію объ открытіи сего царства.— Св. Златоустъ на слова: нѣкоторые изъ здѣсь стоящихъ и пр., дѣлаетъ такое примѣчаніе: «поелику І. Христосъ много бесѣдовалъ объ опасностяхъ (16, 24—26)..., то теперь, желая просвѣтити взоръ ихъ, и показать..., въ чемъ будетъ нѣкогда состоять та слава, съ которою Онъ придетъ (ст. 27), открываетъ имъ славу сію еще въ настоящей жизни, дабы они не печалились о своей смерти, равно какъ и о смерти Господа своего» (п), а слава сія открылась въ Его воскресеніи и потомъ въ ниспосланіи Св. Духа. Посему и въ первомъ изъ разсматриваемыхъ изреченій: не уснѣете обойти и пр., говорится о пришествіи Христовомъ въ томъ же самомъ смыслѣ, т. е. объ от-

---

(п) Златоустъ — Бесѣд. на Еванг. отъ Матѳея въ русск. перев. 1839. ч. II, стр. 354.

крытіи царства Христова въ воскресеніи Христовомъ и ниспосланіи Духа Святаго. Св. Златоустъ, объясняя эти и предшествующія (о гоненіи на апостоловъ) слова, замѣчаетъ: «Господь говоритъ не о тѣхъ гоненіяхъ, которыя имѣли быть послѣ, но о тѣхъ, которыя долженствовали быть прежде распятія и страданія Его, что и показалъ сими словами: *не имате скончати грады Израилевы, дондеже приидеть Сынъ человеческій...* Вы, говоритъ, не успѣете обойти Палестины, какъ Я тотчасъ приду къ вамъ..., ибо къ утѣшенію ихъ довольно было того, чтобы только увидѣть Его» (р) (т. е. послѣ страданій и смерти воскресшаго). Далѣе, въ послѣднемъ изъ указанныхъ изреченій Господа: и проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ, и тогда приидеть конецъ (24, 14.), говорится ли прямо о второмъ, славномъ пришествіи Христовомъ предъ концомъ міра? Во всей этой рѣчи говорится вмѣстѣ и о разрушеніи Іерусалима и храма и кончинъ вѣка: не разумѣется ли въ этомъ изреченіи подъ концемъ прежде всего конецъ іудейскаго царства, какъ прообразъ и кончины міра? Связь рѣчи этому благоприятствуетъ. Послушаемъ, какъ объясняетъ это мѣсто тотъ же вселенскій златоустый учитель церкви: «и тогда приидеть кончина—не міра, а Іерусалима ... А что Онъ на сіе самое указываетъ, это видно изъ послѣдующаго: ибо въ удостовереніи о разрушеніи Іерусалима Онъ привелъ и пророчество, говоря: *егда убо узрите мерзость запустыня, реченную Даніиломъ пророкомъ, сто-*

(р) Златоустъ — тамъ же, стр. 95—96.

ящу на мѣсть святъ (уже чтетъ, да разумѣетъ). — А мерзостію называетъ статую завоевавшего тогда городъ, которую онъ, по опустошеніи города и храма, поставилъ внутри храма; почему и называетъ мерзостію запустѣнія. Потомъ, дабы дать знать, что сіе случится еще при жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ, сказалъ: *егда узрите мерзость запустѣнія* (с). Если же скажутъ, что къ тому времени не было еще проповѣдано Евангеліе по всей вселенной во свидѣтельство всѣмъ народамъ: то вспомнимъ, что апостоль Павелъ около 60-го года писалъ къ римлянамъ о предѣлахъ проповѣди апостольской, пользуясь пророчесственными словами псалма въ приложеніи къ проповѣдникамъ Евангелія: «по всей землѣ разнесся голосъ ихъ и до предѣловъ вселенной слова ихъ» (Рим. 10, 18.) (г). Такимъ образомъ разсматриваемыя изреченія Господа, правильно понимаемыя, отнюдь не представляются противорѣчащими одно другому; ставить ихъ въ противорѣчіе и на этомъ противорѣчій строить гипотезу о разныхъ источникахъ перваго Евангелія, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. — «Точно также, продолжаетъ Штрауссъ рѣчь свою, въ рѣшительномъ противорѣчій стоятъ (въ Евангеліи отъ Матѳея) сказанія о капернаунскомъ сотникѣ (8, 5—10) и о хананейской женѣ (15, 21—28), когда Иисусъ одинаковую помощь однажды оказываетъ язычнику безъ отговорок, а въ другой разъ язычницѣ, —

(с) Златоустъ — Бесѣд. на Еванг. отъ Матѳея въ русск. перев. Москва. 1839. ч. III, стр. 287—288.

(г) Златоустъ — тамъ же.

послѣ продолжительнаго отрицанія, только какъ исключеніе» (у). Двойкій способъ испытанія вѣры тѣхъ, кому Христосъ хотѣлъ оказать помощь, и соответственное сему различіе повѣствованій можно ли назвать противорѣчіемъ въ воззрѣніи? Въ одномъ случаѣ Христосъ отказомъ въ помощи вызываетъ свидѣтельство вѣры, въ другомъ — непрекословное согласіе оказать помощь вызываетъ изумившую Самаго Христа силу вѣры, и въ обоихъ случаяхъ Христосъ похваляетъ ее:—это ли противорѣчіе? «Мы ясно (!) различаемъ здѣсь два разныхъ періода (Zeitalter) и степени развитія древнѣйшаго христіанства: изреченія и повѣствованія одного класса записаны въ одно время и съ одной точки зрѣнія ..., а изреченія и повѣствованія другаго класса послѣ».... (ф).—Каждый, кажется намъ, можетъ видѣть, можетъ ли быть сдѣланъ такой выводъ изъ выставленныхъ сейчасъ изреченій.

(у) Strauss — D. Leben Jesu. 1864. S.117.

(ф) Strauss — а. а. О. Онъ вздумалъ было даже объяснить это мнимое противорѣчіе предположеніемъ развитія (прогресса) въ сознаніи Иисуса (т. е. что Онъ сначала не сознавалъ Себя Мессією, потомъ созналъ Себя Мессією въ іудейскомъ смыслѣ, Мессією собственно евреевъ, и наконецъ уже созналъ Себя всемірнымъ Мессією, — любимое предположеніе отрицательной критики!), но въ пору одумался и оговорился, что въ „этомъ случаѣ повѣствованіе о капернаумскомъ сотникѣ должно бы стоять *послѣ* повѣствованія о хананейской женѣ, и что Христосъ, предсказавъ призваніе язычниковъ, не запретилъ бы апостоламъ идти на проповѣдь къ язычникамъ“.—Странность за странностью !

Другой признакъ того, будто писатель перваго Евангелія въ нынѣшнемъ видѣ его — не самостоятельный писатель, а заимствовалъ сказанія свои изъ разныхъ источниковъ, слѣдовательно не очевидецъ и не апостоль, указываютъ въ томъ, что въ этомъ Евангеліи о нѣкоторыхъ событіяхъ повѣствуется два раза, напр. объ упрекѣ фарисеевъ Христу, что Онъ силою князя бѣсовскаго изгоняетъ бѣсовъ (9, 32—34; 12, 24 и дал.), о знаменіи пророка Іоны (12, 38—41; 16, 4.) и о чудесномъ напитаніи народа (14, 15—21 и 15, 32—39.). «Что многія исторіи въ Евангеліи отъ Матѳея встрѣчаются два раза, это, говоритъ Штрауссъ, удовлетворительно можно объяснить только тѣмъ, что одни и тѣже исторіи представлялись писателю въ различныхъ источникахъ съ нѣкоторыми разностями и приняты были имъ за разныя исторіи, что конечно свидѣтельствуетъ о немъ, какъ объ очень мало критическомъ историкѣ-писателѣ» (x). Сказать голословно, что такой-то фактъ удовлетворительно объясняется только тѣмъ-то и сдѣлать по сему случаю дерзкій и рѣзкій отзывъ о повѣствователѣ факта, конечно, очень легко; но добросовѣстно ли? Почему удовлетворительно только такое объясненіе? Не болѣе ли удовлетворительно такое объясненіе этого факта, что здѣсь не повтореніе однихъ и тѣхъ же событій въ разныхъ редакціяхъ, а сказанія о различныхъ, особыхъ, только сходныхъ, событіяхъ?—Развѣ не могъ Господь Іисусъ Христосъ совершить два или болѣе одинаковыхъ или сходныхъ чуда, сказать дважды или болѣе одинаковыя рѣчи съ нѣкоторыми видоизмѣненіями при

(x) Strauss — тамъ же, стр. 116.

одинаковыхъ или сходныхъ обстоятельствахъ? Это такъ естественно, это перъдко случается со всѣми. Почему же въ подобныхъ повѣствованіяхъ Матѳея видѣть повтореніе сказаній объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ въ разныхъ редакціяхъ? Основаній и придумать никакихъ нельзя, и ихъ обыкновенно не выставляютъ поборники отрицательной критики. А между тѣмъ, сравните три выставленныхъ примѣра мнимаго повторенія сказаній объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ; и не трудно увидѣть, что это не повторенія. Возьмемъ и сравнимъ для примѣра хотя сказанія о чудесномъ насыщеніи народа. Это — не одно событіе, рассказанное дважды по разнымъ редакціямъ, а два событія особыя, различныя, только сходныя, и это различіе указываетъ во многихъ особенностяхъ. При первомъ насыщеніи было пять хлѣбовъ и двѣ рыбы (14, 17.), при второмъ — семь хлѣбовъ и нѣсколько рыбокъ (15, 34.); при первомъ ѣвшихъ было около 5000, кромѣ женъ и дѣтей (ст. 21.), при второмъ — 4000 (ст. 38.); при первомъ остатковъ собрали 12 полныхъ коробовъ (ст. 20.), при второмъ — 7 коробовъ (ст. 37.). И предшествовавшія этимъ событіямъ и послѣдовавшія за ними обстоятельства были такъ же не одинаковы. Первое насыщеніе было въ то время, когда Христосъ по случаю извѣстія объ убіеніи Іоанна Иродомъ удалился въ пустыню (14, 12. 13.); второе было по возвращеніи Іисуса изъ предѣловъ тирскихъ и сидонскихъ къ морю Галилейскому (15, 21. 29.). Послѣ перваго насыщенія ночью во время бури, когда Господь ходилъ по волнамъ и спасъ Петра отъ потопленія, Онъ съ учениками пришелъ въ землю Геннисаретскую (14, 22—34.); послѣ

второго насыщенія Иисусъ отправился въ лодкѣ въ предѣлы Магдалинскіе (15, 39.); наконецъ Самъ Спаситель въ рѣчи Своей ученикамъ, сохраненной у того же Евангелиста (16, 9—10.), напоминаетъ имъ о двукратномъ чудесномъ насыщеніи народа. Неужели же это одно событіе, только въ разныхъ редакціяхъ, когда между ними столько различія? Могутъ, конечно, утверждать что угодно; но гдѣ же основанія?

Далѣе, говорятъ, что писатель перваго Евангелія видимо повѣствуетъ не какъ очевидецъ, и слѣдовательно онъ не апостоль, что признаки этого есть ясные и прямые. Какіе же это признаки? «Сюда принадлежитъ прежде всего то, что онъ (писатель Евангелія) часто заставляетъ Иисуса говорить очень ясно о такихъ обстоятельствахъ, которыя явились по смерти Иисуса, и говорить такъ, какъ Самъ Иисусъ не сталъ бы говорить». Любопытно, что это такое несообразное съ временемъ жизни и рѣчью Иисуса. А вотъ что: «Иисусъ говоритъ напримѣръ священникамъ и фарисеямъ въ храмѣ (Матѹ. 23, 33): «зміи, порожденія эхиднины! Какъ убьжете вы отъ осужденія въ геенну? Ибо се Я пошлю къ вамъ пророковъ, мудрыхъ и книжниковъ; и вы иныхъ убьете и распнете, а иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ, и гнать изъ города въ городъ: да придетъ на васъ вся кровь праведная».... Это пророчество заимствовано отъ судебъ первыхъ христіанъ, слѣдовательно изъ опыта, бывшаго послѣ смерти Иисусовой» (ц). Очевидно, это доказательство основано на томъ, что Христосъ не

(ц) Von der Alm Theolog. Briefe. B. 2. Leipzig. 1863. S. 251.

могъ предсказывать о судьбѣ Своихъ посланниковъ въ такихъ чертахъ, въ которыхъ эти предсказанія сбылись дѣйствительно. Доказательство ли это? Хотя бы допустили во Христѣ естественную, только человѣческую прозорливость, отрицая Божественное предвѣдѣніе, и въ такомъ случаѣ, не ослыпаясь предвзятой мыслью, не сказали бы, что Иисусъ не могъ этого предречь. Его Самаго покушались нѣсколько разъ убить, и событія (Онъ говорилъ это предъ Своими страданіями) видимо клонились къ тому, что Онъ Самъ скоро положитъ душу Свою за животь міра, какъ и предсказывалъ Онъ это еще недавно Своимъ ученикамъ (Матѣ. 20, 17—19.), Самаго Его видимо преслѣдовали, такъ что Онъ долженъ былъ переходить изъ города въ городъ иногда для сохраненія жизни Своей. Даже по человѣчески, при такихъ обстоятельствахъ, неужели нельзя было предвидѣть и предсказать, что и посланники Его подвергнутся той же участи, если будутъ вѣрны Ему? Но и задолго еще до сего, посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь, Онъ предсказывалъ имъ: «ученикъ не выше учителя... Довольно для ученика, чтобы онъ былъ, какъ учитель его... Если хозяина дому (Христа) назвали вселезвуломъ; кольми паче домашнихъ Его? И такъ не бойтесь ихъ» (Матѣ. 10, 24—26.). И это вложено въ уста Христовы послѣ гоненій на апостоловъ?... Но и вообще голословно отрицать возможность пророчества и считать всякое предсказаніе пророчествомъ послѣ событія (*vaticinium post eventum*) совершенно неосновательно; руководствуясь этимъ началомъ, можно исказить (и искажаютъ) всю исторію. «Да Иисусъ Самъ, еще непризнанный (за Мессію), не могъ въ храмъ предъ

іудеями говорить, что Онъ пошлетъ пророковъ» (ч). Неправда и то, что Онъ не былъ признанъ за Мессію; не всѣми признанъ, — это правда, но многими и былъ признанъ. Не въ этомъ впрочемъ дѣло. Онъ Самъ зналъ, что Онъ Мессія и требовалъ вѣры въ Себя, какъ Мессію; почему же Онъ не могъ сказать, что Онъ пошлетъ іудеямъ пророковъ, и пр.? Онъ уже послалъ имъ Своихъ учениковъ, проповѣдавшихъ по Іудеѣ Его ученіе. «Далѣе, что не апостоль писатель Евангелія, говоритъ то обстоятельство, что писатель часто возвращается въ совершенно общихъ выраженіяхъ и не знаетъ ближайшихъ отношеній. Такъ въ главѣ 4, 23. говорится: и ходилъ Іисусъ по всей Галилеи, уча въ синагогахъ и проповѣдуя Евангеліе царствія и исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ» (ш). Читатель въ недоумѣніи, — почему бы этихъ словъ не могъ написать очевидецъ событій и апостоль? «Здѣсь, говорятъ, Евангелистъ, очевидно, хочетъ наполнить длинный промежутокъ времени, о которомъ онъ ничего особеннаго не знаетъ, но не могло бы быть недостатка въ матеріалѣ, если бы онъ какъ апостоль соучествовалъ своему Господу» (ш). Итакъ очевидцу непозволительно сдѣлать краткую общую замѣтку о дѣятельности въ известное время лица, дѣйствія котораго онъ видѣлъ, а непременно онъ долженъ повѣствовать о всемъ подробно, даже если не считаетъ того почему-либо нужнымъ? Иначе его заподозрятъ, скажутъ, что

(ч) Von der Alm.—а. а. 0.

(ш) Ibid. S. 251—252.

(ш) Ibid.

онъ ничего не знаетъ о событіяхъ, цѣлый рядъ которыхъ онъ охарактеризовалъ кратко (summatim), что онъ не былъ очевидцемъ ихъ? Странное, болѣе чѣмъ странное, историко-критическое начало! Притомъ приведенныя слова евангелиста составляютъ краткое выраженіе того, что далѣе онъ же самъ подробно излагаетъ; это общая характеристика дѣятельности Спасителя въ Галилеѣ, и только; по какому же праву утверждать, что повѣствователь не знаетъ подробностей? Еще: «Евангелистъ говорить: пошедши оттуда, Иисусъ пришелъ къ морю Галилейскому; и взойдя на гору, сѣлъ тутъ (Матѳ. 15, 29). Какъ называется эта гора? Въ Галилеѣ много горъ. Почему писатель не назвалъ ея? Если бы писатель былъ апостолъ, спутникъ Иисуса, то нужно бы ожидать, что онъ назоветъ гору по имени» (ъ). *Нужно бы!*—какъ будто писатель очевидецъ съ точностію протоколиста долженъ обозначать по имени каждую гору, каждый ручей, каждую долину, даже когда это вовсе и не требуется, когда для первыхъ и послѣдующихъ читателей его это и не важно знать! Въ удостовѣреніе, что писатель дѣйствительно очевидецъ, не пожелать ли еще, чтобы онъ показалъ и величину горы и объемъ ея, и какая растительность на ней и пр.? а иначе, если бы только гору назвалъ онъ по имени, все же можно было бы подозрѣвать, что онъ не видалъ ея; да и во всякомъ случаѣ впрочемъ можно подозрѣвать тѣмъ, кто способенъ на такихъ ничтожнѣйшихъ основаніяхъ подозрѣвать. И вотъ на основаніи подобныхъ-то признаковъ думаютъ отвергнуть

(ъ) Ibid.

подлинность Евангелій, утвержденную единогласнымъ преданіемъ вселенской церкви. Совѣстно даже говорить о подобныхъ основаніяхъ, а о нихъ трактуютъ даже съ важностью, и выставляютъ какъ верхъ современной мудрости, какъ послѣдніе результаты науки! Странно, даже болѣе чѣмъ странно! Попытались бы приложить подобныя историко-критическія начала къ древнимъ документамъ гражданской исторіи! — увидѣли бы, что вышлобы. Позволила ли бы ихъ себѣ сама эта критика? Здѣсь же все себѣ позволяютъ.... Довольно бы объ этомъ. Но вотъ еще одинъ примѣръ въ заключеніе. «Писатель, говорятъ, самъ не скрывается, что онъ писалъ долгое время спустя послѣ тѣхъ событій, которыя онъ описываетъ; напримѣръ 27, 8. онъ говоритъ о полѣ, купленномъ на деньги, возвращенныя Іудею искаріотскимъ: и называется то поле землею крови *до сего дня*; 28, 15: и пронесся слухъ сей (что ученики украли тѣло Иисусово) между іудеями *до сего дня*» (н). И это признакъ, что писалъ не очевидецъ, не апостолъ Матѳей, что писатель жилъ долгое время спустя послѣ событій? По свидѣтельствамъ древности самый ранній срокъ написанія Евангелія — восьмой годъ по вознесеніи Спасителя. Неужели черезъ восемь лѣтъ Матѳей не могъ написать, что село крови такъ называется *до сего дня*, и молва о похищеніи учениками тѣла Спасителя была *до сего дня*? Даже, если бы раньше написано было Евангеліе, и тогда эти выраженія совершенно умѣстны.—Но пора оставить подобные пустые признаки мнимой неподлинности Евангелія отъ Матѳея.

(н) Von der Alm.—а. а. 0.

Серьезнѣе, или по крайнѣй мѣрѣ благовиднѣе, возраженія отрицательной критики, которыя основаны на признакахъ, будто бы показывающихъ, что Евангеліе написано *послѣ* разрушенія Іерусалима и опустошенія Іудеи римлянами (70 г. по Р. Хр.), вопреки всѣмъ древнимъ свидѣтельствамъ о времени написанія этого Евангелія, такъ какъ апостола Матѳея тогда уже не было въ Іерусалимѣ, да едвали онъ тогда и въ живыхъ былъ. Говоримъ, — серьезнѣе или по крайнѣй мѣрѣ благовиднѣе, лишь сравнительно съ только-что приведенными возраженіями противъ того, что писатель былъ очевидецъ, — возраженіями, которыя по всему праву можно назвать пустыми, а не потому, чтобы они въ самомъ дѣлѣ были серьезны и дѣйствительно могли возбуждать сомнѣніе въ раннемъ происхожденіи этого Евангелія. — Признаки эти слѣдующіе.

Извѣстно, что первый евангелистъ, такъ же какъ второй и третій, описываютъ дѣянія Христовы, совершенныя главнымъ образомъ въ Галилеѣ, или по крайней мѣрѣ внѣ Іудеи и Іерусалима. Говорятъ, что самое это ограниченіе мѣста дѣйствій Іисуса (описанныхъ въ первомъ Евангеліи) Галилеєю объясняется только тѣмъ, что главный городъ іудейства (Іерусалимъ) былъ уже разрушенъ ^(b). Но во-первыхъ, на основаніи подобнаго объясненія можно построить такое заключеніе: такъ какъ евангелистъ Іоаннъ ограничиваетъ кругъ дѣйствій Іисуса по преимуществу Іерусалимомъ и Іудеей: то значитъ Іерусалимъ въ то время, какъ написано четвертое Евангеліе, не былъ

(b) Gfrörer—Urchristenthum II, 2. 3. S. 117 и дал.

еще разорень,—на что не согласится и сама отрицательная критика. Во-вторыхъ, все повѣствованіе перваго Евангелія несомнѣнно предполагаетъ еще существующими Іерусалимъ и храмъ съ храмовымъ богослуженіемъ и жертвами. Такія мѣста, какъ 5, 23—35; 17, 24—27; 23, 16 и дал. 21., даже по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ поборниковъ отрицательной критики, несомнѣнно указываютъ на существованіе Іерусалима и храма при написаніи Евангелія (*). Наконецъ тѣ мѣста, которыя приводятся какъ признаки написанія Евангелія послѣ разрушенія Іерусалима, сами по себѣ, какъ сейчасъ увидимъ, вовсе не указываютъ на это, и только при ложномъ пониманіи и толкованіи ихъ выставляются какъ таковыя признаки. Эти мѣста слѣдующія:

Въ обличительной рѣчи священникамъ и фарисеямъ Христосъ говоритъ (23, 35): «да придетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ, отъ крови Авеля праведника, до крови Захаріи, сына Варахінна, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ». — Кто этотъ Захарія, сынъ Варахінъ? Флавій говоритъ, что не задолго до разрушенія Іерусалима римлянами убитъ былъ во храмъ іудейскими зилотами нѣкто Захарія, сынъ Варуховъ (†); и отрицающіе подлинность Евангелія Матѳея думаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ этомъ Захаріи, т. е. что писателю Евангелія извѣстенъ былъ этотъ фактъ убіенія, и онъ,

---

(*) Hilgenfeld — Evangelien. S. 65 и дал. У Holtzmann — D. synopt. Evang. S. 404.

(†) De bello Judaico. 4, 6. 4: *ἐν μέσῳ τοῦ ἱεροῦ διαφθείραντες τὸν Ζαχαρίαν υἱὸν τοῦ Βαρούχου* (вариантъ — *Βαρουχίου*).

вставивъ его въ рѣчь Иисуса Христа, обличилъ тѣмъ самъ себя, т. е. показалъ, что онъ жилъ послѣ этого событія, т. е. послѣ разрушенія Іерусалима, слѣдовательно не апостолъ Матѳеѣй^(ю). Но а) упоминаемый Іосифомъ Захарія былъ сынъ Варуха, а не Варахія, а Варухъ и Варахія — не одно и тоже; б) этотъ Захарія не былъ ни пророкъ, ни посланникъ Божій, а въ этомъ здѣсь все дѣло: рѣчь идетъ объ особенныхъ посланникахъ Божіихъ къ народу. Слѣдовательно не объ этомъ Захаріи здѣсь рѣчь. О какомъ же Захаріи здѣсь говорится? Вѣроятно о томъ Захаріи, о которомъ упоминается въ 2 Парал. 24, 20,—который, какъ особенный посланникъ Божій, явился предъ народомъ во времена Іоаса царя (когда Богъ послалъ іудеямъ пророковъ, дабы они обратились къ Господу, а они не послушали—ст. 19), и котораго, по повелѣнію этого царя, побіли камнями во дворѣ дому Господня (ст. 21). Христосъ говоритъ, что зло будетъ отмщено на злыхъ, кровь пролитая отъ созданія міра (Лук. 11, 50—51), отъ крови Авеля до крови Захаріи взыщется отъ рода сего. Почему только до Захаріи, пострадавшаго при Іоасѣ? Христосъ беретъ примѣры пролитія невинной крови:—первый изъ первой, и послѣдній изъ послѣдней священныхъ историческихъ книгъ еврейскаго народа (по еврейскому счисленію ихъ), и въ этихъ предѣлахъ указываетъ исполненіе беззаконій іудеевъ въ пролитіи невинной крови, хотя можетъ быть и послѣ совершалось пролитіе невинной крови, но не записано въ

(ю) Гѳрэреръ, Бр. Бауэръ, Бауръ и др. у Holtzmann — D. synopt. Evang. S. 404.

священныхъ книгахъ, на которыя, въ доказательство для іудеевъ вѣрности своихъ словъ, ссылается Господь. — Правда Захарія, въ помянутомъ мѣстѣ книги Паралипоменонъ, называется сыномъ не Варахія, а Іуддая, но это можетъ быть объяснено тѣмъ, что отецъ Захарія носилъ два имени, какъ это было въ обычаѣ у іудеевъ, или же тѣмъ, что Захарія, по еврейскому закону ужичества, принадлежалъ двумъ отцамъ (я), одного звали Варахіей, другаго Іуддаемъ; тѣмъ болѣе это вѣроятно, что, по хронологическимъ соображеніямъ, этотъ именно Захарія упоминается въ книгѣ пророка Исаіи (8, 3) какъ сынъ Варахія. — При такомъ болѣе естественномъ объясненіи нѣтъ нужды прибѣгать къ произвольному натянутому и оскорбительному для писателя Евангелія объясненію, что онъ неправильно вложилъ въ уста Іисуса рѣчь о Захаріи, убитомъ предъ іудейскою войною, и основывать на этомъ мысль о позднѣйшемъ разрушеніи Іерусалима происхожденіи Евангелія — болѣе, чѣмъ произвольно; это догадка, и догадка, ничѣмъ не оправдываемая.

Указываютъ на рѣчь І. Христа о разрушеніи Іерусалима, содержащуюся въ 24 гл. Евангелія, и въ ней усиливаются видѣть признаки того, что писатель жилъ послѣ разрушенія Іерусалима римлянами и вложилъ въ уста Іисуса эту рѣчь, какъ пророчество

(я) По еврейскому закону ужичества братъ или ближайшій родственникъ умершаго бездѣтнымъ мужа женился на его вдовѣ; рожденные отъ этого брака считались потомками умершаго и имѣли какъ бы двухъ отцевъ.

послѣ исполненія (°). Бауръ идетъ даже далѣе. Онъ говоритъ, что признаки здѣсь содержащіеся указываютъ не на время разрушенія Іерусалима Титомъ, а на время іудейскихъ войнъ при Адрианѣ, что предостереженіе отъ лжехристовъ относится къ Варкохабу, мерзостью запусьвнн обозначаются статуи Юпитера капитолійскаго, поставленныя, по повелѣнію Адриана, на мѣстѣ храма, и на этомъ основаніи, видя также здѣсь изложеніе пророчества, послѣ исполненія, относятъ происхожденіе этой рѣчи и съ нею всего Евангелія въ настоящемъ его видѣ ко временамъ послѣ Адриана (v). Но мы уже замѣтили, что въ предсказаніяхъ евангельскихъ вообще видѣть изложеніе пророчествъ послѣ событій совершенно неосновательно, что такъ можно исказить всю исторію.— Что касается до разсматриваемой рѣчи: то въ ней самой много признаковъ того, что она имѣетъ именно пророческое значеніе, а не написана послѣ, по совершеніи событій.—Какъ и другія пророчесвенныя рѣчи, она довольно прикровенна; если бы она была написана послѣ событій, въ ней необходимо было бы болѣе ясности въ частныхъ чертахъ, обозначающихъ событіе; писатель невольно говорилъ бы яснѣе, и притомъ въ рѣчи не было бы совершенно такихъ чертъ, которыя никакъ не приложимы ни къ событіямъ при Титѣ, ни къ событіямъ при Адрианѣ и ни къ какимъ подобнымъ событіямъ, каковы всѣ

(°) Von der Alm—а. а. 0. S. 252—253. Также—у Holtzmann—D. synopt. Evang. S. 405 и дал.

(v) Baur—Evangeliën. S. 605—609. Theolog. Jahrbücher—1851. S. 323.

черты въ этой рѣчи, указывающія на пришествіе Христова второе (особ. ст. 29 — 33).—Пророчество объ этомъ послѣднемъ событіи съ пророчествомъ о разрушеніи Іерусалима (Титомъ ли, или Траяномъ) соединяются частицею *ἐνθίως*—*тогда*, и это какъ нельзя яснѣе показываетъ, что эти пророчества не написаны послѣ событія: ибо писатель въ такомъ случаѣ зналъ бы и видѣлъ, что *тогда* этого втораго пришествія Христова не было. Посему-то на читающаго эту рѣчь безъ всякой предвзятой мысли она производитъ такое впечатлѣніе, что это—дѣйствительно пророчественная рѣчь, а не сочиненная послѣ событія; трудно уразумѣть ее во всей ея глубинѣ и объемѣ, но потому именно и трудно, что она пророчественная и притомъ о событіяхъ, которыя исполнились только отчасти, а совершенное исполненіе ихъ еще въ будущемъ.

Далѣе, Штрауссъ ссылается, какъ на доказательство позднѣйшаго происхожденія перваго Евангелія, на тѣ слова, которыя апостоламъ, по этому Евангелію, Христосъ повелѣлъ употреблять при крещеніи, принимая въ церковь вся языки: *крестяще во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (28, 19.). Эта формула, говоритъ онъ, указываетъ на позднѣйшій церковный обрядъ крещенія, такъ какъ, по повѣствованію книги Дѣяній, древле въ апостольской церкви крестились просто во имя Іисуса (а). Штрауссъ, вѣроятно, имѣетъ при этомъ въ виду такія мѣста изъ книги Дѣяній, какъ 2, 38: «покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа»; ср. 8, 16;

(a) Das Leben Jesu. 1864. S. 118.

10, 48; 19, 5. Рим. 6, 3. Гал. 3, 27 и др.). Но несправедливо эти мѣста толковать такъ, какъ толкуетъ ихъ Штрауссъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ говорится не о точной формѣ произношенія словъ при крещеніи, а просто о крещеніи христіанскомъ вообще въ отличіе отъ крещенія Іоаннова, — о крещеніи, какъ таинственномъ средствѣ присоединенія крещаемого къ церкви Христовой, а не къ какому-либо другому обществу. При чтеніи этихъ мѣстъ представляется еще вопросъ: какимъ образомъ, — съ произнесеніемъ какихъ словъ крещенія, крестили во имя Іисуса Христа? Нѣтъ ни одного древняго свидѣтельства о томъ, чтобы при крещеніи христіанскомъ когда-либо въ древней церкви употреблялись другія слова, а не тѣ, которыми заповѣдалъ Христосъ крестить, т. е. во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Были еретики, крестившіе иначе, но они были осуждаемы, какъ еретики, и осуждаемы были именно потому, что крестили не такъ, какъ заповѣдалъ Господь, произносили не тѣ слова, которыя Онъ заповѣдалъ въ Евангеліи произносить (6). Итакъ, пусть бы сначала потрудились доказать, что въ древней церкви дѣйствительно крестились только «во имя Іисуса», а потомъ бы и ссылались на указанныя мѣста книги Дѣяній; но этого доказать рѣшительно нельзя. А поэтому нужно полагать, что, крестясь во имя Іисуса и въ Іисуса въ вѣкъ апостольскій, крестились по заповѣди и установленію Іисуса во имя Отца и Сына и Святаго Духа. «Креститься во Христа, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, значить — креститься вѣруя въ Него, по вѣро-

---

(6) Правила Апост. 49 и 50.

вать во Христа невозможно, не научившись исповѣдывать Отца и Сына и Святаго Духа... Какія должны быть слова призванія, тому Самъ Господь научилъ учениковъ Своихъ, сказавъ: *крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа»* (в). И почему бы нужно было думать, что Самъ Христосъ не установилъ этихъ словъ крещенія? причинъ нѣтъ. Онъ ясно училъ объ Отцѣ Своемъ, о Себѣ какъ Сынъ Его, и о Духѣ Святомъ, училъ о единосущи и нераздѣльности Своей съ Отцемъ и Духомъ; почему же Онъ не могъ установить сихъ словъ крещенія? Выраженіе — креститься во Христа или Іисуса или во имя Іисуса, ведетъ начало свое, вѣроятно, отъ крещенія, совершавшагося учениками Господа еще при жизни Его (Іоан. 4, 1—2.), въ отличіе отъ крещенія Іоаннова, и это выраженіе ради краткости употребляется апостолами и въ ихъ писаніяхъ, когда они говорятъ о христіанскомъ крещеніи во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Какъ бы ни было впрочемъ, несомнѣнно одно, что Штрауссъ совершенно произвольно отнесъ установленіе словъ при крещеніи къ позднѣйшему времени первохристіанской церкви, и что на этомъ произволѣ основанное доказательство позднѣйшаго происхожденія перваго Евангелія, потому что въ немъ содержатся разсматриваемыя слова Христовы, — не есть доказательство.

Наконецъ говорятъ, что первое Евангеліе нигдѣ и ничѣмъ не выдаетъ себя за произведеніе Матѳея, что

(в) Точн. излож. Правосл. Вѣры. Въ русск. перев. кн. IV, гл. 9, стр. 234—236.

оно не имѣть совершенно притязанія быть или считаться произведеніемъ апостола Матѳея или вообще апостола (г), т. е. Матѳеѣй ничѣмъ не показываетъ въ своемъ Евангеліи, что оно принадлежитъ именно ему. Что же изъ того, что не показываетъ? Единодушное, вселенское преданіе церкви, идущее отъ самихъ апостоловъ, приписываетъ это Евангеліе апостолу Матѳею: — чего же еще больше? Но почему же самъ писатель ничѣмъ не далъ знать, что онъ — апостоль Матѳеѣй? Мы этого не знаемъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что только въ этомъ Евангеліи содержится повѣствованіе о призваніи къ апостольскому служенію Матѳея подъ этимъ именемъ (9, 9 и дал. у Марка 2, 14 и Луки 5, 27 онъ называется Левіемъ). Конечно, этотъ признакъ происхожденія перваго Евангелія именно отъ Матѳея не важный, но не лишень вполне значенія. Впрочемъ, если бы и далъ писатель прямо знать, что онъ апостоль Матѳеѣй; развѣ отрицательная критика повѣрила бы этому признаку подлинности и стала бы поэтому считать это Евангеліе писаніемъ Матѳея? Писатель четвертаго Евангелія довольно ясно указываетъ на себя, какъ на возлюбленнаго ученика Христова Іоанна (21, 20—24.); но развѣ воспрепятствовало это приверженцамъ отрицательной критики отвергнуть подлинность происхожденія этого Евангелій отъ апостола Іоанна? Нѣтъ; мы увидимъ даже, къ удивленію, что они выставляютъ это указаніе писателя четвертаго Евангелія на себя признакомъ

(г) De-Wette—Lehrbuch, d. histor.-krit. Einleitung in d. Bibel. Zweit. Theil. Berl. — 1860. S. 202. Bleck — Einleitung. in d. N. Testam. Berlin 1862. S. 286 и др.

именно неподлинности этого Евангелія. — Мы знаемъ также, что апостоль Павелъ во всѣхъ своихъ посланіяхъ выставляетъ свое имя (кромѣ посланія къ Евреямъ) и еще одинъ обычный признакъ, на который онъ указываетъ какъ на признакъ подлинности своихъ посланій (2 Сол. 3, 17. 18.); но развѣ, не смотря на эти признаки, отрицательная критика не отвергаетъ подлинности бѣльшей части его посланій? Что же значить въ устахъ ея этотъ признакъ неподлинности перваго Евангелія,—что оно не имѣетъ притязанія на то, чтобы его считали писаніемъ апостола Матѳея или вообще апостола? Признаки происхожденія его отъ апостола, какъ мы видѣли, есть, ихъ довольно много, и они довольно ясны; но развѣ дала она имъ ихъ силу и значеніе доказательствъ подлинности Евангелія?

Вотъ всѣ болѣе важные внутренніе признаки мнимой неподлинности Евангелія отъ Матѳея, какіе выставляетъ отрицательная критика, противопоставляя ихъ признакамъ подлинности, заимствованнымъ изъ Евангелія, по согласію ихъ со вселенскимъ церковнымъ преданіемъ о происхожденіи этого Евангелія отъ апостола Матѳея (мы опустили только тѣ мнимые признаки неподлинности, относительно которыхъ выше сдѣлано ограниченіе). Произвольное перетолкованіе мѣстъ Евангелія — вотъ характеръ ихъ; ихъ насильственно сдѣлали признаками неподлинности, тогда какъ сами по себѣ, правильно понимаемые, они вовсе не имѣютъ въ себѣ характера таковыхъ признаковъ.

Въ заключеніе, отвергающимъ подлинность Евангелія на основаніи таковыхъ признаковъ предстоитъ рѣшить вопросъ: какъ же такъ случилось, что, не смотря на такіе, по ихъ мнѣнію, очевидные (?) при-

знаки неподлинности Евангелія, единодушное вселенское преданіе приписываетъ это Евангеліе апостолу Матѳею? Мы уже имѣли случай замѣчать, что нѣкоторые изъ критиковъ нѣчто изъ этого Евангелія, основу или очеркъ (Leitfaden или Grundstock), производятъ отъ Матѳея, что потомъ эта первая запись восполнялась, перерабатывалась, и когда явилась въ настоящемъ видѣ, то приписывалась все тому же апостолу, которому принадлежала первая запись. Но крайніе не удовлетворяются такимъ объясненіемъ, идутъ далѣе и доходятъ до истинно смѣшнаго. «По различнымъ церковно-отеческимъ повѣствованіямъ, говоритъ Штрауссъ въ своей новой книгѣ, Матѳеи считался однимъ изъ проповѣдниковъ Евангелія между іудеями, и такъ какъ сверхъ сего, по своей прежней должности мытаря, могъ считаться особенно способнымъ къ письму, то евангеліе и могло быть соединено съ его именемъ, хотя бы въ дѣйствительности онъ вовсе и не участвовалъ въ составленіи его» (а). До чего иногда можетъ доходить ослышленіе! Но апостолами іудеевъ считались по преимуществу Петръ и Іаковъ; почему же не имъ усвоено вселенскимъ преданіемъ написаніе этого Евангелія, если бы оно дѣйствительно не отъ апостола Матѳея происходило? Матѳея считали по преимуществу способнымъ писать. Но неужели другихъ апостоловъ считали неспособными писать? Но и отъ Петра и Іакова по крайней мѣрѣ остались посланія, которыя вселенское преданіе приписывало именно имъ, слѣдовательно считало ихъ способными писать. Впрочемъ съ такими предполо-

---

(а) Strauss—Das Leben Jesu. 1864. S. 119.

женіями и объясненіями совѣстно даже имѣть дѣло и относиться къ нимъ серьезно. . . А между тѣмъ вопросъ, какъ случилось, что цѣлая вселенская церковь единодушно съ самыхъ временъ апостольскихъ признавала не Матѳеево Евангеліе Матѳеевымъ, — вопросъ важный для отрицательной критики; она должна объяснить эту мнимую ошибку церкви вселенской; только, напередъ можно сказать, не сможетъ объяснить, такъ какъ ошибки здѣсь нѣтъ, и приходится ей объяснять исторически собственную иллюзію, а подобныя иллюзіи исторіею не объясняются и не оправдываются.

2) Относительно обстоятельствъ происхожденія Евангелія отъ Марка двѣ особенныя черты указываются въ древнихъ свидѣтельствахъ церковнаго преданія: а) оно написано первоначально для христіанъ изъ язычниковъ, именно римскихъ, и б) написано подъ руководствомъ апостола Петра, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ до разрушенія Іерусалима Титомъ (e).

(e) Преданіе объ этомъ прямое, засвидѣтельствованное въ писмени, идетъ отъ пресвитера Іоанна, ученика Господня и соученика апостоловъ, чрезъ Папія епископа іерапольскаго (у Евсевія, Hist. Eccl. III, 39). Оно засвидѣтельствовано св. Иринеємъ ліонскимъ (adv. haer. III, 1. 1), Тертуліаномъ (contr. Marc. IV, 5), Климентомъ александрійскимъ (у Евсевія, Hist. Eccl. II, 15 и IV, 14), Оригеномъ (у Евсевія, — тамъ же IV, 25), Іеронимомъ (epist. ad Hedib. c. 11 и Catal. c. 8), Епифаніемъ (adv. haer. LI, 6) и другими. Видно, что это было единогласное вселенское преданіе церковное.

И эти обстоятельства вполне подтверждаются содержанием и способом изложения повествований в Евангелии отъ Марка. Такъ, въ выборѣ предметовъ евангельскаго повествованія нельзя не замѣтить той особенности, что Маркъ ограничивается по большей части такими предметами, которые особенно нужно, или важно было знать увѣровавшимъ изъ язычниковъ, мало касаясь или вовсе не касаясь тѣхъ, которые нужны или важны были для увѣровавшихъ изъ іудеевъ, какъ это — въ Евангелии отъ Матѳея. Онъ, напримѣръ, опускаетъ родословіе Іисуса Христа и обстоятельства Его рожденія; опускаетъ Его бесѣды объ отношеніи Своего ученія къ ветхозавѣтному, Его обличенія іудеевъ въ неправильномъ пониманіи ветхаго завѣта, или упоминаетъ о нихъ весьма кратко; описываетъ больше дѣйствія Спасителя, особенно чудесныя, которыя могли имѣть большее вліяніе на умы язычниковъ, чѣмъ ученіе. По тому же, описывая событія или излагая ученіе, онъ опускаетъ обыкновенно подробности, относящіяся собственно къ іудеямъ, но немѣющія значенія для христіанъ изъ язычниковъ. По тому же онъ немного приводитъ свидѣтельствъ изъ ветхаго завѣта, которыя могли имѣть особенную силу и значеніе для христіанъ изъ іудеевъ, а не изъ язычниковъ. Гдѣ говоритъ онъ объ іудейскихъ обычаяхъ и постановленіяхъ, обыкновенно объясняетъ ихъ, какъ незнакомыя христіанамъ изъ язычниковъ (*).

(ж) Напримѣръ, по поводу вопроса, сдѣланнаго Іисусу Христу фарисеями, почему ученики Его неумытыми руками ѣдятъ, онъ объясняетъ обычай фарисеевъ умывать руки предъ вкушеніемъ пищи и омывъ домашнюю утварь (Марк. 7, 1—4.

По той же причинѣ онъ объясняетъ еврейскія, или сиро-халдейскія слова, когда случается ему употребить ихъ (з). Есть очень прямые признаки того, что Евангеліе первоначально было написано именно для римскихъ христіанъ изъ язычниковъ. Такъ, повѣствуя о вдовѣ, бросившей въ церковную кружку двѣ лепты, евангелистъ поясняетъ (12, 42.), что двѣ лепты составляютъ на римскія деньги кадрантъ (quadrans — римская монета); — такая замѣтка могла быть сдѣлана только для читателей римлянъ. Потомъ, упоминая о Симонѣ киринейскомъ, евангелистъ прибавляетъ, что онъ былъ отецъ Александра и Руфа; это прибавленіе опять могло быть сдѣлано только для читателей римлянъ, которымъ извѣстенъ былъ Руфъ (Рим. 16, 13.). На то же указываютъ латинскія слова и выраженія, встрѣчающіяся въ Евангеліи: 6, 27: *οπλακλάτωρ* (speculator — стражъ); 15, 39. 44. 45: вмѣсто *ἑκατοταρχης* (сотникъ) — *κενύριον* (centurio — сотникъ) и др. под. Подтверженіемъ втораго изъ указанныхъ церковнымъ преданіемъ обстоятельствъ написанія Евангелія отъ Марка, т. е. что оно написано подъ руководствомъ апостола Петра, служить съ одной стороны — то, что въ этомъ Евангеліи чаще, чѣмъ въ другихъ Евангеліяхъ, упоминается о Петрѣ (Марк. 1, 36. ср. Лук. 4, 42; Марк. 11, 21. ср. Матѳ. 21, 20; Марк. 13, 3. ср. Матѳ. 24, 3 и Лук. 21, 7; Марк.

ср. 14, 12 — о закланіи агнца пасхальнаго въ день опрѣсочный) и др.

(з) Марк. 3, 17: *Βοανερπεσ*, т. е. сыны громовы. 5, 14: *Ταλωα κуми*, что значить: дѣвица, тебѣ говорю, встань. 7, 11. 34; и др.

14, 37. ср. Лук. 22, 45 и Матѳ. 26, 40; Марк. 16, 7. ср. 28, 7. 10.), съ другой стороны—то, что нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся Петра, въ этомъ Евангеліи изложены точнѣе. Такъ, на примѣръ, пророчество Господа объ отреченіи Петра и исполненіе этого пророчества въ Евангеліи Марка изложены точнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ Евангеліяхъ: тогда какъ въ сихъ послѣднихъ говорится вообще, что прежде, чѣмъ пропоеть пѣтухъ, Петръ трикратно отречется отъ Христа, и такъ исполнилось (Матѳ. 26, 34. 75. Лук. 22, 34. 60. 61. Іоан. 13, 38; 18, 27.), у Марка повѣствуется точнѣе и раздѣльнѣе: прежде, чѣмъ пѣтухъ пропоеть дважды, Петръ отречется отъ Христа трижды, что въ точности и исполнилось (Марк. 14, 30. 72.). Наконецъ, примѣчательно и то, что слова апостола Петра (Дѣян. 10, 37—42.) обнимаютъ евангельскую проповѣдь этого апостола въ тѣхъ именно предѣлахъ, какія назначилъ своему Евангелію ученикъ Петра Маркъ, и только онъ одинъ. Довольно, кажется, признаковъ, подтверждающихъ единодушное преданіе вселенской церкви, что второе Евангеліе дѣйствительно написано апостоломъ Маркомъ, спутникомъ и истолкователемъ апостола Петра. Что же дѣлаетъ съ этими признаками отрицательная критика, и что она противопоставляетъ имъ, какъ признаки (мнимой) неподлинности этого Евангелія?

Первый приемъ ея, разумется, — ослабить значеніе внѣшнихъ свидѣтельствъ объ обстоятельствахъ написанія этого Евангелія. — Отрицать первоначальное значеніе этого Евангелія для христіанъ изъ язычниковъ, и именно римскихъ, невозможно ни для какой критики: такъ очевидны внутренніе признаки сего въ

самомъ Евангеліи, и поборники отрицательной критики почти не отрицаютъ сего. Но за то они направляютъ съ особеннымъ усиленіемъ удары свои противъ того пункта свидѣтельствъ древности, что Евангеліе написано подъ вліяніемъ или руководствомъ апостола Петра; отвергнувъ достовѣрность этихъ свидѣтельствъ, они думаютъ тѣмъ отвергнуть или заподозрить происхожденіе этого Евангелія отъ Марка апостола, — по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ его видѣ. Въ этомъ пунктѣ свидѣтельства древности о Евангеліи отъ Марка дѣйствительно нѣсколько различны въ подробностяхъ, будучи согласны въ общемъ. Различіе это относится къ слѣдующимъ подробностямъ: по преданію, идущему чрезъ Иринея, Маркъ написалъ Евангеліе по смерти апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ ^(и), а по преданію, идущему чрезъ Климента александрійскаго, Евангеліе написано еще при жизни апостола Петра и одобрено имъ ^(і). Средину между этими нѣсколько

(и) „По отшествіи ихъ (*μετά τῆν τῶν ἑξοδῶν*) Маркъ, ученикъ и истолкователь Петра, проповѣдающее Петромъ передалъ намъ въ писменн“ (Iren. adv. haer. III, 1. 1.).

(і) „Когда Петръ въ Римѣ всенародно проповѣдывалъ слово Божіе,.... тогда многіе изъ бывшихъ тамъ просили Марка, давняго его спутника, помнившаго все сказанное имъ,—написать, что онъ имъ проповѣдывалъ. Маркъ написалъ Евангеліе и передалъ его нуждавшимся. Узнавъ объ этомъ, Петръ явно и не противился сему дѣлу и не склонялъ къ нему“ (Климентъ александрійскій у Евсевія—Церков. Ист. VI, 15, въ русск. перев. 1848, стр. 344). Въ другой разъ, рассказывая о томъ же со словъ Климента, Евсевій передаетъ такъ слова его объ отношеніи къ сему дѣлу апостола Петра: „апостолъ обрадовался ревности

разногласными свидѣтельствами занимаетъ свидѣтельство Папія (или пресвитера Іоанна, отъ котораго слышалъ Папій); онъ говоритъ только, что Маркъ тщательно записалъ то, что запомнилъ (изъ проповѣди Петра), не указывая — принималъ ли въ этомъ какое нибудь участіе лично самъ апостоль Петръ (к). Вотъ разности. Что изъ нихъ можно вывести противъ достовѣрности того, что Евангеліе отъ Марка написано именно этимъ апостоломъ подъ руководствомъ, или вліяніемъ апостола Петра? Казалось бы, ничего особеннаго, кромѣ того, что преданіе о подробностяхъ происхожденія Евангелія нѣсколько оразнообразилось, сохраняясь одинаковымъ въ главномъ фактѣ, что Евангеліе написано Маркомъ подъ руководствомъ апостола Петра. Но поборники отрицательной критики рады привязаться къ этимъ разностямъ, чтобы, по обыкновенію, вывести изъ нихъ самыя смѣлыя слѣдствія, дотога смѣлыя, что даже отрицаютъ пребываніе въ Римѣ не только Марка, спутника Петра, но и самаго Петра. Страннымъ и дикимъ можетъ это показаться съ перваго раза, а дѣйствительно такъ. Выставивъ указанныя

римлянъ и одобрилъ Евангеліе (Марка) для чтенія въ церквахъ“ (Церков. Ист. II, 15, въ русск. перев. стр. 85). Въ томъ же смыслѣ говоритъ блаженный Іеронимъ: *Petro narrante et Marco scribente* (Epist. ad. Hebid. с. 11.), и со словъ Климента александрійскаго рассказываетъ ту же исторію (Catal. с. 8) Епифаній (Adv. haer. LI, 6).

(к) У Евсевія—Церк. Ист. III, 39, въ русск. перев. стр. 182. Таково же и краткое замѣчаніе Оригена о семъ: „второе Евангеліе Марка, который написалъ его по сказаніямъ Петра“ (у Евсевія—Церков. Ист. VI, 25, въ русск. перев. стр. 361).

разности, Гольцманъ продолжаетъ: «очевидно (!) заботились о томъ, чтобы второму Евангелію придать апостольскій авторитетъ, и думали достигнуть этого чрезъ сопоставленіе словъ 1 Петр. 5, 13 («привѣтствуетъ васъ... церковь вавилонская и Маркъ, сынъ мой») съ *мнимымъ* пребываніемъ апостола въ Римъ, потому — чрезъ болѣе тѣсное отношеніе прямого писателя къ непрямому» (1). Тутъ чтò ни слово, то неправда. — Во-первыхъ, изъ указанныхъ разностей въ повѣствованіяхъ древнихъ о происхожденіи Евангелія нисколько не очевидно, будто заботились о томъ, чтобы придать второму Евангелію апостольскій авторитетъ; во всѣхъ нихъ просто рассказывается фактъ, какъ произошло Евангеліе, по преданію; заботы такой, какую предполагаютъ, не видно ни откуда; если и была тутъ забота, то забота только о томъ развѣ, чтобы вѣрно передать фактъ. «Заботились о томъ, чтобы придать второму Евангелію апостольскій авторитетъ»: — кто же заботился? Указанные свидѣтели древности? Но преданіе объ этомъ идетъ отъ пресвитера Іоанна, ученика Господня и соученика апостольскаго; — неужели онъ позаботился о томъ, чтобы не апостольскому (*мнимо*) Евангелію придать апостольскій авторитетъ? Какое же право клеветать такъ на пресвитера — ученика Господня? Можно, конечно, бросать грязью во все; но честно ли это? Или уже послѣдующіе свидѣтели древности заботились придать апостольскій авторитетъ этому Евангелію и ложно ссылались на древнѣйшихъ свидѣтелей? И

---

(1) Holtzman — D. synopt. Evangel. S. 388. Ср. Strauss — Das Leben Jesu. 1864. S. 51—52.

въ этомъ подозрѣвать ихъ нѣтъ никакихъ основаній. Они просто, безъ предвзятой мысли (заботы), говорятъ, что знали изъ преданія о происхожденіи втораго Евангелія, и—только. Апостольскій авторитетъ Евангелія для нихъ былъ выше всякаго сомнѣнія, и заботиться о томъ, чтобы придать ему таковой авторитетъ, у нихъ не могло быть даже мысли. — «Думали достигнуть этого чрезъ сопоставленіе словъ 1 Петр. 5, 13 съ мнимымъ пребываніемъ Петра въ Римъ», т. е. всѣ сказанія о пребываніи Петра въ Римъ основываются будто-бы на приведенныхъ словахъ изъ его перваго посланія, гдѣ подъ Вавилономъ нужно разумѣть Римъ (въ переносномъ смыслѣ). Неужели позволительно такъ шутить историческими свидѣтельствами? Извѣстно, что только въ 4-мъ вѣкѣ Евсевій далъ такое толкованіе слову Римъ въ указанномъ мѣстѣ посланія Петрова (м), и выставляетъ онъ это, какъ свою догадку, а не какъ дошедшее до него преданіе; ранніе же свидѣтели о пребываніи Петра въ Римъ совершенно не на этомъ основываются въ своихъ показаніяхъ (по крайней мѣрѣ, въ нихъ нѣтъ ни одной ссылки на это мѣсто посланія Петрова), а на преданіи. За чѣмъ же клеветать на нихъ? Развѣ это историческая критика? «Мнимое пребываніе Петра въ Римъ»! Но объ этомъ пребываніи и страдальческой кончинѣ Петра въ Римъ свидѣлствуютъ всѣ древніе писатели, имѣвшіе случай говорить о семъ, и свидѣлствуютъ, совершенно не упоминая объ указанныхъ словахъ посланія Петрова, т. е. не на нихъ основываясь. Объ этомъ свидѣлствуютъ Климентъ

(м) Церк. Ист. II, 15, въ русск. перев. 1848, стр. 85.

римскій, Кай, пресвитеръ римскій, Діонисій коринѳскій, Иринеѳ ліонскій, Климентъ александрійскій, Оригенъ, Лактанцій и т. д. (н). Такова, какъ видно, была увѣренность всей древней церкви. — Это ли мнимое пребываніе Петра въ Римъ? Послѣ этого — что же во всей исторіи есть не мнимо-го-то? Странными, даже болѣе чѣмъ странными представляются послѣ сего такого рода изреченія, написанныя безъ дальнѣйшихъ доказательствъ: «если вѣроятно сопутничество Марка Петру, то невѣроятно во всякомъ случаѣ примыкающее къ извѣстному мѣсту (изъ посланія Петрова 5, 13.) о Римѣ—Вавилонѣ, дальнѣйшее преданіе, по которому Маркъ съ помянутымъ апостоломъ пришелъ въ Римъ, и тамъ былъ толкователемъ Петра...., какъ называетъ его и Папій, не связывая впрочемъ съ симъ сказанія о пребываніи въ Римѣ» (о). Папій не упоминаетъ о Римѣ, какъ мѣстѣ написанія Маркова Евангелія? Что же изъ того? Цѣлый рядъ дальнѣйшихъ свидѣтельствъ посвящаетъ въ этомъ случаѣ свидѣтельство Папія:—чего же еще желать болѣе? Пребываніе Петра съ Маркомъ въ Римѣ, говорятъ, «во всякомъ случаѣ будетъ сомнительно дотолѣ, пока будетъ основаніе вѣрить, что евіоней несомнѣнно мученическую кончину Петра перенесли въ Римъ» (п). Это—по истинѣ изумительная новость! Незначительная и немногочисленная секта, обитавшая гдѣ-то на берегахъ Мертваго моря, взду-

---

(н) Свидѣтельства ихъ можно видѣть у Guericke—Gesammitgeschichte d. N. T. Leipz. 1854. S. 30—31.

(о) Holtzmann—D. synopt. Evangel. S. 367.

(п) Holtzmann—тамъ же.

мала утверждать почему-то, что апостоль Петръ скончался мученически въ Римъ, и обманула будто бы тѣмъ всю вселенскую церковь, даже тѣхъ, которые жили нѣсколько пораньше образованія этой секты (Климентъ римскій) и звали достоверно о кончинѣ Петра въ Римъ.... Неужели все это правдивая историческая критика? Но довольно. Надобно впрочемъ сказать, что такими аргументами пользуются только немногіе критики отрицательной школы; болѣе умѣренные не доходятъ до такихъ крайностей, и признають дѣйствительность пребыванія Петра въ Римъ и даже съ Маркомъ, и выставляютъ другіе признаки (мнимой) неподлинности Маркова Евангелія въ настоящемъ его видѣ; мы показали только, до чего можетъ дойти ослѣпленіе предвзятой мыслию. — Чѣмъ же, однако, примиряется указанное разногласіе древнихъ свидѣтельствъ объ обстоятельствахъ происхожденія Евангелія отъ Марка? Написано ли оно еще при жизни Петра или послѣ смерти его? и если при жизни, то какъ отнесся къ нему Петръ? Мы замѣтили, что преданіе объ этомъ нѣсколько оразнообразилось; разнообразію этому должна быть причина, кажется намъ, въ самомъ фактѣ, а не въ постороннихъ обстоятельствахъ, — не въ несправедливости наприм. котораго-либо изъ сохранныхъ преданіемъ извѣстій. Самымъ вѣроятнѣйшимъ представляется предположеніе, что Маркъ началъ свое Евангеліе при жизни Петра, и — въ этомъ случаѣ, конечно, не безъ его соизволенія и участія, и окончилъ послѣ его смерти (p). Отъ этого дѣйствительно могло оразнообра-

---

(p) Guericke—Gesammtgeschichte d. N. T. S. 132—140.

зяться и преданіе о подробностях происхожденія этого Евангелія; одни изъ свидѣтелей говорятъ преимущественно о началѣ труда Маркова, другіе — объ его окончаніи. Другая разность въ извѣстіяхъ,—именно: по одному—Петръ не препятствовалъ Марку, исполняя желаніе римскихъ христіанъ, написать Евангеліе, но и не склонялъ къ тому, по другому—Петръ обрадовался и одобрилъ Евангеліе, — эта разность весьма удобно примиряется тѣмъ, что Петръ въ началѣ дѣйствительно и не препятствовалъ дѣлу Марка и не склонялъ его къ сему, а въ послѣдствіи написанное уже одобрилъ, радуясь усердію христіанъ римскихъ (с). Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ выводить изъ этихъ разностей такіа слѣдствія, какія выводятъ крайніе поборники отрицательной критики, совершенно не логично; такъ можно исказить всякую исторію. При нѣкоторыхъ удобопримиримыхъ разностяхъ остается, какъ фактъ вселенскаго преданія церкви, что Евангеліе Марка написано въ Римѣ, подъ руководствомъ апостола Петра, и этого факта не сильны отвергнуть никакіа лукавыя ухищренія поборниковъ отрицательной критики,—а вмѣстѣ съ симъ остаются въ полной своей силѣ тѣ внутренніе признаки подлинности Евангелія отъ Марка, которые соответствуютъ внѣшнимъ свидѣтельствамъ о происхожденіи этого Евангелія, и которые мы выставили выше.

Другіе приемы, употребляемые отрицательной критикой для того, чтобы отвергнуть или заподозрить подлинность Евангелія отъ Марка по внутреннимъ признакамъ,—тѣже самые въ сущности приемы, какіе

(с) Guericke — а. а. 0.

употребляются ею въ отношеніи къ Евангелію отъ Матѳея, а потому останавливаться на нихъ мы не будемъ. Мы нарочито довольно подробно изложили приемы, употребляемые отрицательною критикою въ отношеніи къ этому первому Евангелію, чтобы уже не останавливаться на разборъ ихъ въ отношеніи къ Евангеліямъ Марка и Луки.

Главнымъ образомъ отрицающіе подлинность Евангелія отъ Марка указываютъ на то, что писатель этого Евангелія совершенно не самостоятельный писатель, а заимствовалъ всѣ сказанія свои изъ Евангелій Матѳея и Луки; своего же собственнаго, чего нѣтъ въ этихъ двухъ Евангеліяхъ, у него весьма мало; онъ только будто бы сократилъ эти два Евангелія (г). Но надобно замѣтить, что весьма многіе изъ поборниковъ же отрицательной критики принимали и принимаютъ это Евангеліе за болѣе древнее, чѣмъ Евангелія отъ Матѳея и Луки; объ этомъ одно время шла ожесточенная полемика въ средѣ поборниковъ отрицательной критики, и идетъ еще досель (у). Это впрочемъ обычное и неизбежное у нихъ дѣло: чтó одни изъ нихъ признаютъ и защищаютъ всеми силами, то непременно кто-либо изъ нихъ же отрицаетъ; разногласія и противорѣчія въ подробностяхъ у нихъ на каждомъ шагу: также и здѣсь.—«Несамостоятельный писатель—писатель Евангелія отъ Марка»? Совсѣмъ нѣтъ; свидетельства древнихъ говорятъ, что онъ

(г) Von d. Alm — D. Theolog. Brief. B. 2. S. 258 и дал.
Strauss — Das Leben Jesu. 1864. S. 127 и дал.

(у) См. у Holtzmann — D. synopt. Evang. S. 38 и дал.,
54 и дал.

записывалъ слышанное имъ отъ Петра, т. е. что онъ не былъ писатель-очевидецъ описываемыхъ имъ событий; но ни одного свидѣтельства нѣтъ о томъ, чтобы онъ былъ только сократителемъ Евангелій отъ Матѳея и Луки, т. е. чтобы онъ былъ не самостоятельный писатель,—и непредубѣжденный читатель этого Евангелія никакъ не вынесетъ такого впечатлѣнія изъ чтенія самаго Евангелія. Правда, у Марка не много такихъ повѣствованій, которыя не встрѣчались бы въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки, но и въ этихъ сходныхъ повѣствованіяхъ есть черты, показывающія въ немъ повѣствователя—не сократителя.—Сюда принадлежатъ: упоминаніе, при взятіи Иисуса воинами, о нѣкоемъ юношѣ, слѣдовавшемъ за Нимъ (14, 51—52), о прозваніи, данномъ сынамъ Зеведеевымъ (3, 17), объ именахъ дѣтей Симона киринейскаго (15, 21), объ имени слѣпаго іерихонскаго (10, 46), объ имени Саломіи, матери сыновъ Зеведеевыхъ (15, 40; 16, 1).

Бауровская школа, выдающая во всѣхъ Евангеліяхъ «тенденціи», или предвзятія мысли при ихъ составленіи, видитъ и въ написаніи этого Евангелія «тенденцію», именно: «нейтралитетъ между Петровымъ — іудействующимъ (мнимо) и Павловымъ — свободнымъ направленіемъ, развившимися особенно въ послѣ-апостольскій періодъ», такъ какъ въ этомъ Евангеліи «опущено все, что могло показаться блазнительнымъ для христіанъ изъ іудеевъ въ Евангеліи отъ Луки, а для христіанъ изъ язычниковъ въ Евангеліи отъ Матѳея» (ф). Какія же доказательства этого? На примѣръ, что въ Евангеліи отъ Марка опущены ветхо-

---

(ф) У Holtzmann—D. synopt. Evang. S. 387—389.

завѣтныя пророчества о Христѣ, приводимыя евангелистомъ Матѳеемъ,—это, по Швеглеру, доказываетъ, что писатель отвергалъ ветхозавѣтныя пророчества (х). Неужели? Если бы Маркъ не приводилъ ни одного пророчества, и въ такомъ случаѣ нельзя было бы вывести такого заключенія; ибо онъ излагаетъ такія рѣчи Іисуса Христа, въ которыхъ Имъ приводятся пророчества изъ ветхаго завѣта (наприм. 12, 35—37; 14, 27; 15, 34). Но и самъ евангелистъ приводитъ нѣкоторые пророчества; конечно ихъ меньше, чѣмъ у Матѳея, но все же есть (1, 2—3; 15, 28), и это вполне достаточно объясняется тѣмъ, что Маркъ писалъ для христіанъ изъ язычниковъ, для которыхъ не нужно было приводить много пророчествъ изъ книгъ іудейскихъ. Объясненіе совершенно естественное; зачѣмъ же прибѣгать къ объясненію этого факта натянутому и нелогическому? И на подобныхъ странныхъ натяжкахъ думаютъ основать мысль «о предвзятыхъ намѣреніяхъ» (тенденціяхъ) писателя Евангелія! Странно даже и разбирать подобныя основанія.—Маркъ не упоминаетъ о притчахъ, содержащихся въ Евангеліи отъ Луки: о блудномъ сынѣ, о милосердомъ самарянинѣ, — и въ этомъ видятъ «нейтралитетъ» Марка: онъ опускаетъ то, что могло соблазнить христіанъ изъ іудеевъ въ Евангеліи отъ Луки (ц). Но онъ же говоритъ и о призваніи язычниковъ въ царство Мессіи (13, 10; 16, 15. 20), предъизображенномъ въ сихъ притчахъ. Зачѣмъ же было

(х) Ibid. S. 388.

(ц) Strauss—Das Leben Jesu. 1864. S. 132—133.

ему, опуская притчи, излагать ясныя и точныя слова Господа, въ которыхъ прямо выражается то, что тамъ—подъ образами? Опять повторяемъ, странно даже и разбирать подобныя основанія. А въ этомъ родѣ—почти вся критика Бауровой школы, въ которой впрочемъ есть самыя рѣзкія противорѣчія объ этомъ Евангеліи (ч).

Затѣмъ слѣдуютъ возраженія, направленные противъ церковнаго преданія о времени происхожденія Евангелія отъ Марка, — возраженія, имѣющія цѣлю показать, что Евангеліе написано послѣ разрушенія Іерусалима, и основывающіяся главнымъ образомъ на томъ, что выраженія въ эсхатологическихъ рѣчахъ Господа сходны съ выраженіями въ Евангеліи отъ Матѳея (написанномъ будто бы послѣ разрушенія Іерусалима, что какъ мы видѣли неверно) (ш). Они состоятъ все изъ таковыхъ же перетолкованій мѣстъ изъ Евангелія отъ Марка, какъ и изъ Евангелія отъ Матѳея, и разбирать ихъ пока нѣтъ нужды.

3) Что касается до обстоятельствъ происхожденія Евангелія отъ Луки: то изъ первыхъ стиховъ этого Евангелія (1, 1—4) видно, что оно написано первоначально для Теофила, какъ кажется, увѣровавшаго изъ язычниковъ и жившаго внѣ Палестины, съ цѣлю изложить послѣдовательную и полную исторію жизни

(ч) У Hoitzmann — D. synopt. Evang. S. 38 и дал. Schwarz — zur d. neuest. Theolog. S. 191—192.

(ш) Von der Alm. — D. Theolog. Brief. B. 2. S. 263 и дал.

Спасителя; а изъ свидѣтельствъ церковнаго преданія видно, что оно написано подъ руководствомъ св. апостола Павла, слѣдовательно до разрушенія Иерусалима (щ). Содержаніемъ самаго Евангелія вполне подтверждается это. Такъ, все повѣствованіе этого Евангелія отличается особенной полнотою сравнительно съ другими Евангеліями и послѣдовательностію, какъ въ изложеніи исторіи жизни Спасителя, начиная съ рожденія Предтечи и до вознесенія Господа, такъ и въ изложеніи ученія. Обычай и постановленія іудейскія онъ, какъ и Маркъ, объясняетъ (1, 8. 9; 2, 22—24; 22, 1 и др.). Вліяніе св. апостола Павла на Евангеліе отъ Луки весьма замѣтно въ особенномъ выборѣ нѣкоторыхъ повѣствованій, содержащихся только въ этомъ Евангеліи, и въ самомъ способѣ изложенія. Изъ множества бесѣдъ Спасителя Луки избираетъ и такія, содержаніе которыхъ преимущественно соответствовало особенностямъ Павловой проповѣди предъ язычниками и для язычниковъ. Такъ, напримѣръ, апостоль Павелъ въ своихъ посланіяхъ съ особенною силою излагаетъ ученіе о томъ, что человекъ оправдывается предъ Богомъ не исполненіемъ закона, а единственно вѣрою во Христа и

(щ) Объ этомъ свидѣлствуютъ: Ирней: „Лука, спутникъ Павла, изложилъ въ книгѣ Евангеліе, проповѣданное Павломъ“ (у Евсевія—Церков. Истор. V, 8. въ русск. перев. стр. 227), Оригенъ: „третье Евангеліе Луки, одобренное Павломъ“ (у Евсевія—Церков. Истор. VI, 25. въ русск. перев. стр. 361), Евсевій (Церков. Истор. III, 4. въ русск. перев. стр. 116), Тертуліанъ (cont. Marcion. c. 5. ср. с. 2), Иеронимъ (Catal. c. 17) и др.

дѣлами по вѣрѣ. Это же съ особенной наглядностію выражается и въ Евангеліи отъ Луки, напримѣръ, въ притчахъ Христовыхъ, изложенныхъ только въ этомъ Евангеліи, о блудномъ сынѣ (15, 11 и дал.), о мытарѣ и фарисеѣ (18, 10 и дал. ср. 17, 7—10) и др. Апостоль Павелъ также съ особенною силою излагаетъ ученіе, что о *Христъ Исусъ нѣсть іудей, ни еллинъ*, что іудеи напрасно гордятся своими преимуществами. Съ особенною наглядностію и въ Евангеліи отъ Луки изображается это. Такъ въ немъ одномъ содержится изреченіе Господа о посланіи Ілии пророка ко вдовицѣ сарептской—язычницѣ и объ очищеніи прокаженнаго язычника Неемана при Елисеѣ (4, 25—27); таково же повѣствованіе о десяти прокаженныхъ, исцѣленныхъ Господомъ, изъ которыхъ оказался благодарнымъ только самарянинъ (17, 11—19. ср. 10, 25—37; 9, 51—56). Повѣствованіе Луки объ установленіи Господомъ таинства евхаристіи (22, 17—20) особенно сходно съ Павловымъ повѣствованіемъ о семъ (1 Кор. 11, 23—25), даже въ выраженіяхъ.—Только у Луки и Павла есть сказаніе, что Господь, по Своемъ воскресеніи, прежде явленія всѣмъ ученикамъ вмѣстѣ, явился Симону (Лук. 24, 34. 1 Кор. 15, 5.). — Наконецъ, отъ апостола Луки дошла до насъ другая книга—Дѣяній апостольскихъ, и слогъ этой книги совершенно сходенъ съ слогомъ Евангелія, что также служитъ однимъ изъ важныхъ признаковъ подлинности Евангелія, такъ какъ писатель книги Дѣяній самъ указываетъ на Евангеліе, и есть несомнѣнно спутникъ апостола Павла — Лука. Что же противопоставляетъ этимъ признакамъ подлинности Евангелія Луки отрицательная критика?

Пользуемся случаемъ имѣть дѣло здѣсь прямо съ Ренаномъ, такъ какъ въ вопросъ о характерѣ Евангелія отъ Луки онъ высказался съ большою подробностію. Удовольствовавшись въ отношеніи къ двумъ первымъ Евангеліямъ замѣчаніями о томъ, что нынѣшнія Евангелія эти, по ихъ внутреннему характеру, будто бы не соответствуютъ тѣмъ записямъ Матѳея и Марка, какія имѣлъ Папій, и думая, что этого достаточно для отверженія подлинности этихъ двухъ Евангелій по внутреннимъ признакамъ, о Евангеліи отъ Луки онъ объясняется несравненно подробнѣе, и — какъ объясняется! Выписываемъ эти страницы его (ъ) (съ необходимыми замѣчаніями). Изъ нихъ очень ясно видно, какъ относится къ серьезному дѣлу ученый Ренанъ, видно и то, къ какимъ средствамъ прибѣгаетъ отрицательная критика для достиженія своихъ цѣлей; въ этомъ пунктѣ Ренанъ довольно полный выразитель ея, такъ какъ и нѣмецкіе ученые, руководители его, хотя не такъ легкомысленно, хотя съ бѣльшимъ запасомъ учености и съ бѣльшею серьезностію, высказываютъ въ сущности тоже, что и онъ.

Вотъ что пишетъ онъ: «это (Евангеліе отъ Луки) есть документъ второй руки». Что хочетъ сказать этимъ Ренанъ? То ли, что это — не первоначальная запись, а уже переработанная, выдержавшая нѣсколько, какъ выражаются, редакцій? Или то, что это запись не очевидца, и сдѣланная не по записямъ очевидца? По своему обыкновенію, онъ выражается двусмысленно, — пусть толкуютъ его, какъ хотятъ; а у руководителей его и то и другое предположеніе есть.

(ъ) Vie de Jesu, VI edit., p. XXXIX—XLII.

Посмотримъ впрочемъ на доказательства этого положенія.—«Повѣствованіе здѣсь болѣе зрѣло». Что значитъ это «зрѣло»—не пояснено, да и пояснить невозможно, и фраза остается только пустой фразой; въ смыслъ «совершенства» повѣствованіе всѣхъ евангелистовъ зрѣло, и повѣствованіе Луки ни въ чемъ предъ прочими не преимуществуетъ въ этомъ отношеніи.—«Слова Иисуса болѣе осмыслены, болѣе сложны». Опять ни одного доказательства, и опять фраза остается фразой. Неужели это доказательства, что Евангеліе отъ Луки—документъ второй руки? Вѣроятно, Ренанъ имѣетъ здѣсь въ виду ту мысль своихъ руководителей, что Лука пользовался *письменными* источниками своихъ предшественниковъ (Лук. 1, 1), выбиралъ изъ нихъ, осмыслялъ ихъ, и потому повѣствованіе его вышло зрѣло, обдуманно. Но ни откуда не видно, тѣмъ менѣе изъ предисловія къ Евангелію, что Лука *пользовался* письменными источниками и по нимъ составлялъ свое Евангеліе: онъ упоминаетъ, что нѣкоторые начали составлять повѣствованія о жизни Спасителя, но чтобы онъ ими пользовался, этого не видно. Онъ даже не одобряетъ этихъ повѣствованій (*ἐπεχειρήσαν*); вѣроятно, чтобы онъ ими руководствовался. Во всякомъ случаѣ эти фразы Ренана (и его руководителей) остаются фразами.

«Нѣкоторые изъ реченій (Господа) доведены до крайности и переименованы». Здѣсь приведено въ доказательство—14, 26, и сдѣлано примѣчаніе: «правила апостольства (гл. 10) имѣютъ характеръ экзальтаціи». Въ 26 стихъ 14-й главы читаемъ: «если кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестръ, и

самой жизни своей, не можетъ быть Моимъ ученикомъ». Но тоже самое и съ такою же, если еще не съ большею, силою выраженное находится и въ Евангеліи отъ Матѳея: «кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, недостойнъ Меня; и любящій сына или дочь болѣе, нежели Меня, недостойнъ Меня... Берегущій душу свою потеряетъ ее; а потерявшій душу свою за Меня обрѣтетъ ее» (Матѳ. 10, 37. 39). Гдѣ же крайности и преувеличенія у Луки? Очевидно, это опять одна пустая фраза, точно такъ же, какъ и замѣчаніе, что правила апостольства (т. е. наставленія Іисуса Христа апостоламъ) отличаются у Луки характеромъ экзальтаціи. Сравните эти наставленія по Евангеліямъ Луки и Матѳея (гл. 10) безъ всякой предвзятой мысли, и никакой особенной экзальтаціи у перваго изъ нихъ не найдете; наставленія почти совершенно одинаковыя, характеръ и тонъ рѣчи одинаковый.

«Пиша въ Палестины и несомнѣнно послѣ осады Іерусалима, авторъ обозначаетъ мѣстности съ меньшею строгостию, чѣмъ другіе два евангелиста». Т. е. позднѣйшій писатель Евангелія не зналъ мѣстностей палестинскихъ? Но нѣтъ (и Ренанъ не приводитъ) рѣшительно ни одного доказательства на это; писатель также обозначаетъ мѣстности Палестины, какъ и евангелисты Матѳей и Маркъ. — Въ доказательство того, что Евангеліе отъ Луки написано послѣ осады Іерусалима, Ренанъ ссылается на пророческія рѣчи Іисуса Христа объ осадѣ Іерусалима (19, 41. 43—44; 21, 9. 20; 23, 29). Мы уже сказали выше, что такія доказательства—не доказательства, что считать пророчества Господа вложенными въ уста Его послѣ совер-

шенія событій, о которомъ Онъ пророчествовалъ, рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ предвзятой ложной мысли о невозможности пророчества.

«Онъ (Лука) имѣетъ ложное понятіе о храмѣ, представляя его себѣ, какъ мѣсто, куда ходять поститься». Въ доказательство сего указывается на повѣствованія Луки: о пророцицѣ Аннѣ, которая не отходила отъ храма, постясь и молясь при немъ (2, 37), о молитвѣ въ храмѣ мытаря и фарисея (18, 10 и дал.), о пребываніи въ храмѣ апостоловъ, по вознесеніи Господнемъ (24, 52). Рѣшительно непонятно, въ чемъ тутъ выражается ложное понятіе повѣствователя о храмѣ. При храмѣ жили благочестивыя жены и дѣвы, какъ и сама Дѣва—Матерь Господа жила нѣсколько времени при храмѣ; во храмѣ ходили для молитвы, для славословія и благодаренія Бога:—что въ этомъ ложнаго?—Странно!

«Онъ (Лука) сглаживаетъ подробности, стараясь согласить между собою различные рассказы». Доказательство—4, 16. Съ этого стиха въ Евангеліи отъ Луки начинается *подробное* повѣствованіе объ ученіи Иисуса Христа въ синагогѣ назаретской. Ни въ одномъ изъ прочихъ Евангелій нѣтъ этого повѣствованія, есть только *краткія* указанія на это событіе (Матѣ. 13, 54; Марк. 6, 1.—2). Ренанъ говоритъ, что Лука *сглаживаетъ подробности*:—что же это значить, и какъ назвать подобный пріемъ ученаго критика?

«Онъ (Лука) смягчаетъ мѣста, которыя сдѣлались затруднительными съ точки зрѣнія болѣе восторженной идеи о Божествѣ Иисуса», т. е., сказать проще, Лука будто бы хочетъ *умалить* нѣсколько понятіе о Божествѣ Христа. Доказательство—3, 23 и замѣ-

чаніе: «онъ опускаетъ слова Матѳея 24, 36». Въ 23 стихъ 3-й главы читается: *и былъ (Иисусъ), какъ думали, сынъ Іосифовъ...*, этими словами: «какъ думали», по мнѣнію Ренана, Лука и смягчаетъ или умаляетъ нѣсколько понятіе о Божествѣ Христовомъ. Неужели такъ? Но въ этомъ же самомъ мѣстѣ евангелистъ прямо говоритъ, что Христосъ — Сынъ Божій (ст. 38); онъ излагаетъ слова Ангела къ Маріи: «Духъ Святой найдетъ на тебя, ... и рожденное свято наречется Сынъ Божій, Сынъ Вышняго» (1, 32. 35); онъ приводитъ слова Христа, въ которыхъ Бога Онъ называетъ Отцемъ Своимъ (2, 49) и множество другихъ мѣстъ въ Евангеліи, изъ которыхъ вполне открывается Божество Іисуса Христа. — Что же послѣ этого можно вывести въ пользу мнѣнія Ренана изъ словъ: «какъ думали», сынъ Іосифовъ Іисусъ? Лука опускаетъ слова Христовы, содержащіяся у Матѳея 24, 36: «о днѣ же томъ и часъ никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а только Отецъ Мой одинъ». Какимъ же образомъ чрезъ это опущеніе умаляется понятіе о Божествѣ Христовомъ? Не напротивъ ли? Кажется ученый критикъ самъ не знаетъ, что говоритъ и пишетъ.

«Онъ (Лука) преувеличиваетъ чудесное». — И это нареканіе написано у Ренана рядомъ съ предшествующимъ! Казалось бы, если Лука хотѣлъ умалить понятіе о Божествѣ Христовомъ: то не долженъ бы преувеличивать чудеснаго, свидѣтельствующаго о Божествѣ? Но у Ренана видно другая логика. Или евангелиста онъ считаетъ такимъ недалководнымъ, что онъ опускаетъ изъ виду цѣль, къ которой стремится?... Въ чемъ же однако это преувеличеніе чудеснаго?

Указывается въ примѣчаніи на 4, 14 и 22, 43—44. Посмотримъ. Въ первомъ изъ указанныхъ мѣстъ читаемъ: «Иисусъ возвратился въ силѣ духа въ Галилею и разнесся о Немъ слухъ по всей странѣ». Что же тутъ за преувеличеніе чудеснаго? Матѳеѣй и Маркъ, говоря о возвращеніи Христа въ Галилею тѣми же словами (Мѳ. 4, 12. 24, Мр. 1, 14), опускаютъ слова: «въ силѣ духа»: — въ этомъ ли преувеличеніе чудеснаго? Но сколько, на примѣръ, Матѳеѣй повѣствуетъ дѣйствительно чудеснаго—такого, чего нѣтъ въ Евангеліи отъ Луки? Почему же его за повѣствованіе чудеснаго не обвинить въ преувеличеніи чудеснаго, тогда какъ дѣлается это нареканіе на Луку за два слова, неуклазывающія впрочемъ прямо на чудеса? Другое мѣсто, указываемое Ренаномъ, — повѣствованіе о явленіи Ангела Господу въ саду Геосиманскомъ. Конечно, этого сказанія нѣтъ ни у котораго изъ евангелистовъ, но развѣ этимъ доказывается преувеличеніе чудеснаго въ Евангеліи отъ Луки? Матѳеѣй повѣствуетъ о звѣздѣ, путеводившей волхвовъ въ Іерусалимъ и объ этомъ не говоритъ ни одинъ изъ прочихъ евангелистовъ. Не упрекнуть ли и его въ преувеличеніи чудеснаго? Каждый изъ евангелистовъ повѣствуетъ о такихъ чудесахъ Спасителя, какихъ нѣтъ у другихъ, — не упрекнуть ли всѣхъ ихъ въ преувеличеніи чудеснаго? Почему же Ренанъ упрекаетъ только Луку? — Странный приѣмъ критическій, болѣе чѣмъ странный!

«Онъ (Лука) допускаетъ ошибки въ хронологіи». Доказательство, въ примѣчаніи: «на примѣръ въ томъ, что касается до Квирина, Лисанія, Ѳевды». — Это извѣстный вопросъ—о народной переписи въ Іудеѣ при Квириинѣ, о времени жизни Лисанія и Ѳевды.

Ренанъ не разъясняетъ этого вопроса и умалчиваетъ о томъ, что повѣствованія Юсифа Флавія, по видимому, разногласящія съ сказаніями евангелиста, удобно примиряются съ ними. Добросовѣстно ли же просто голословно обвинить евангелиста въ незнаніи хронологіи, когда ученый историкъ долженъ знать, что этотъ вопросъ рѣшается также и въ доказательство точности евангельскаго разсказа? Съ Ренаномъ впрочемъ постоянно это случается.

«Онъ (Лука) совершенно не знаетъ еврейскаго языка». Доказательство: «сравни Лук. 1, 31. съ Мѳ. 1, 21». Сравниваемъ. У Луки читается: «и се зачнешь во чревъ и родишь Сына и наречешь Ему имя Исусъ». У Матѳея: «родить же Сына и наречешь Ему имя Исусъ: ибо Онъ спасетъ народъ свой отъ грѣховъ ихъ». Каково доказательство? У Матѳея поясняется еврейское имя Исусъ, у Луки нѣтъ; слѣдовательно, Лука совершенно не знаетъ по еврейски. Неужели писатель Евангелія не зналъ даже значенія имени Исусъ, — писатель спутникъ апостола Павла, еврей отъ еврей, съ чѣмъ согласенъ и самъ Ренанъ ^(н)? Что же онъ морочить и себя и другихъ? Неужели, сравнивъ указанные цитаты, кто нибудь повѣритъ, что Лука не зналъ по еврейски? Самъ же Ренанъ говоритъ, что Лука вѣроятно пользовался записями Матѳея и Марка; изъ первой онъ могъ узнать, что значитъ имя Исусъ, — оно тамъ объяснено, а Ренанъ доказываетъ, что онъ не зналъ значенія этого имени, а изъ этого выводитъ, что онъ не зналъ совершенно по-еврейски. Странно, болѣе чѣмъ странно слышать

(н) Vie de Jesu. Introd. p. XVII.

такую рѣчь изъ устъ ученаго критика!—«Онъ, говоритъ, не приводитъ ни одного слова Иисуса на этомъ языкѣ, называетъ всѣ мѣстности именами греческими». Что же изъ того? Онъ пишетъ не для іудеевъ, и не употребляетъ еврейскихъ изреченій, которыя пришло бы пояснять, а мѣстности всѣ онъ называетъ такъ же, какъ и другіе евангелисты, т. е. ихъ еврейскими именами, написанными по гречески.

Не довольно ли впрочемъ? Мы хотѣли было выписать всѣ тѣ основанія, по которымъ Ренанъ считаетъ третье Евангеліе «документомъ второй руки» и утверждаетъ, что писатель его «компиляторъ, человекъ, который не видалъ самъ лично очевидцевъ» описываемыхъ имъ событій (б). Но, кажется, довольно и выписаннаго уже, чтобы видѣть, какъ ничтожны эти основанія; таковы же, если еще не хуже, и дальнѣйшія, которыхъ мы не выставляемъ (в). И вотъ на основаніи такихъ-то искаженій и перетолкованій мѣстъ изъ Евангелія отъ Луки думаютъ поколебать, основанную на вселенскомъ церковномъ преданіи и внутреннихъ признакахъ, вѣру въ это Евангеліе?

Другіе приемы отрицательной критики въ отношеніи къ внутреннимъ признакамъ подлинности этого Евангелія таковы же, каковы и въ отношеніи къ первымъ двумъ; и—подробный разборъ ихъ мы опускаемъ, чтобы перейти къ Евангелію отъ Іоанна, на которое направлены самые сильные удары критики, особенно тюбингенской школы Баура.

А. М.

(б) Renan—Vie de Jesu. Introd. p. XL.

(в) Ср. аббата Гетэ — опроверженіе на жизнь Иисуса, соч. Ренана, въ русск. перев. Тимковскаго. Спб. 1864, стр. 56—74.

НАЧАТКИ ДВИЖЕНІЯ ВЪ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ СОЕДИНЕНІЮ СЪ ВОСТОЧНОЮ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ слѣдующимъ привѣтствовалась занимавшаяся тогда заря того новаго движенія, которое послышалось въ недрахъ англійской церкви и отозвалось и въ мысли, и въ чувствъ, и даже въ образъ дѣятельности значительнаго числа ея членовъ:

«Я одинъ изъ среды вашей, братія; я просто пресвитеръ, и потому скрываю мое имя; иначе покажется, что я слишкомъ много беру на себя, рѣшаясь говорить отъ своего имени. Говорить однакоже я долженъ, ибо времена наши худы, злы, лукавы, а между тѣмъ никто не возстаетъ противъ нихъ».

«Не правдали? Мы посмотримъ другъ на друга, и не дѣлаемъ ничего! Всѣ мы видимъ, что церковь наша въ великой опасности, и однакожь спокойно, неподвижно остаемся въ состояніи разъединенія и одиночества, какъ будто бы горы и моря навсегда отдѣлили насъ отъ всякаго братолюбиваго общенія. Вотъ почему не возбраните мнѣ возмутить покой вашего мнимоблаженнаго уединенія и представить вамъ настоящее печальное положеніе нашей матери—церкви, съ ея еще болѣе безотрадною перспективою въ будущемъ: какъ знать, быть можетъ, рано или поздно,

мы и разстанемся съ нашей лукавой привычкой— смотреть на зло, и ничего не дѣлать въ избѣжаніе его» (а).

«Да», черезъ нѣсколько лѣтъ отозвался другой жалобный голосъ, «времена наши дѣйствительно худы, злы и лукавы. Зло, на которое жаловался нѣкто въ знакомыхъ намъ «Tracts for the Times», имѣло тогда только еще отрицательный характеръ, теперь же оно сдѣлалось чисто положительнымъ зломъ. Теперь уже не то, что было тогда: тогда стоило только поднять знамя истины, — и всѣ собирались вокругъ него съ любовію и святою рѣшимостію. Это знамя теперь было поднято; эта хоругвь была предносима предъ всѣми; и многіе, многіе слѣдовали за нею, многіе сражались подъ ея сѣнію, многіе отважно бросались съ нею въ самый пылъ этой битвы съ вопіющею ересью и уклончиво пресмыкающимся индефферентизмомъ, но битва не была нами выиграна; побѣда осталась не на нашей сторонѣ».

«Теперь не то, что было тогда: тогда довольно было провозгласить только истину, — и замирающая дѣятельность живаго и дѣйствительнаго члена католической семьи сама собою возникала къ новой жизни; теперь же что? Англійская церковь была пробуждена; возбуждены были и ея силы; но въ ея храмѣ послышался голосъ,—только не голосъ Божій, голосъ, которымъ заглушенъ былъ голосъ католической вѣры; явилась рука, и рука столь сильная, что не было возможности противиться ей,— и она сокрушила ея крѣпость и подавила всѣ ея усилія. Ибо

(a) Tracts for the Times.

хотя ученѣйшіе изъ ея богослововъ и мудрѣйшіе изъ ея сыновъ возстали съ своимъ свидѣтельствомъ противъ неправаго ея угнетенія; но голосъ ихъ остался голосомъ вопіющаго въ пустынь; власть кесаря восторжествовала надъ достоинствомъ Христовымъ» (6).

Жалоба эта прямо и непосредственно имѣетъ въ виду незаконное рѣшеніе такъ называемаго «Тайнаго совѣта» (Privy Council), состоящаго изъ однихъ мірянъ, (ибо епископы, присутствующіе на немъ, не имѣютъ никакого голоса въ дѣль его опредѣленій) по известному дѣлу о крещеніи между пасторомъ Горгамомъ (Gorham) и епископомъ экзетерскимъ. — Епископъ утверждалъ, что церковь, читая въ символъ вѣры: «исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ», этими словами и учитъ и обязуетъ своихъ пастырей учить, что не только полновозрастнымъ, но и всѣмъ младенцамъ, крещаемымъ въ купели крещенія, оставляется прирожденный ихъ грѣхъ. Пасторъ же вопреки ему говорилъ, что младенцамъ въ крещеніи и при крещеніи ихъ не оставляется ихъ прирожденный грѣхъ (в). И вотъ дѣло это, перенесенное партией пастора изъ церковнаго судилища (Ecclesiastical court) въ Тайный совѣтъ, какъ въ апелляціонное судилище, рѣшено было симъ послѣднимъ въ пользу пастора; по крайней мѣрѣ сказано было, что оно не противно ни ученію, ни духу англійской церкви.

При видѣ подобнаго разрушенія самыхъ первыхъ основъ догматическаго ученія церкви, дѣйствительно, все, что было правомыслящаго въ Англии, возстало

(6) Union Review. May, 1864.

(в) The Times, 20 марта 1850.

было на защиту и ограждение святыни католическаго ученія о крещеніи: но Тайный совѣтъ ни на минуту не хотѣлъ поколебаться въ своемъ опредѣленіи; какъ видно, онъ сказалъ себѣ: *еже писахъ, писахъ*.

То было въ 1850—1 и отчасти 2 годахъ. Не только пасторы, богословы, юристы, но и многіе изъ сановниковъ государственныхъ высказались по сему случаю съ ревностію, достойною лучшихъ дней и лучшаго исхода дѣла.

Такъ извѣстный Гладстонъ, дѣятельность котораго, по видимому, исключительно посвящается житейскимъ расчетамъ и выкладкамъ политической экономіи, высказался въ слѣдующихъ сильныхъ выраженіяхъ: «въ извѣстной мѣрѣ и степени, говоритъ онъ, дана Богомъ человѣку откровенная истина, и удобовразумительно опредѣлена для его употребленія; научать этой истинѣ есть не только особенное служеніе церкви, но прямое, непосредственное Божеское повелѣніе. Если же такъ, то думать, говорить и утверждать, что вѣра и что-либо противоположное ей относительно какого-либо изъ ея членовъ могутъ быть законно сопоставляемы на одинаковыхъ правахъ и условіяхъ, въ оградѣ церкви, значитъ прямо требовать, чтобы она измѣнила своему служенію. Это рѣшительно одно и то же, какъ если бы (да простятъ мнѣ это рѣзкое сравненіе), утверждая святыню брачнаго состоянія, нарушеніе объѣта вѣрности, т. е. прелюбодѣяніе представили произволу вступающихъ въ бракъ. Если бы первенствующая церковь подчинялась такой теоріи и допускала подобный образъ дѣйствованія, то дѣти ея конечно не испытали бы, что значитъ быть въ насти львовъ или въ пылу разожженной печи. За

то жилище Бога живо превратилось бы въ какой-либо пантеонъ. Но этого не было; и просто потому, что этого не могло быть; ибо то было бы противно опредѣленію и обѣтованію Божию» (г).

Замѣчательнѣе однако же, чѣмъ кто-либо, и говорилъ и дѣйствовалъ при настоящемъ положеніи дѣла одинъ изъ пасторовъ шотландской епископальной церкви, которому въ послѣдніе годы суждено быть епископомъ Абердина. Къ сожалѣнію, голосъ его не могъ слышаться среди браней, начавшихся тогда въ безсмертномъ нашемъ Севастополѣ; къ тому же бывшій съ нимъ въ содружествѣ, извѣстный діаконъ англійской церкви Вильямъ Пальмеръ, конечно, истомленный неопредѣленностію своего положенія, отдался въ руки тѣхъ, которые *преходятъ море и сушу, — сотворити единого пришельца*. Отъ того и самый документъ обреченъ былъ на безвѣстность; недавно однако же онъ получилъ гласность, при посредствѣ такъ называемаго «Union Review» (May, 1864), а потому и мы вмѣняемъ себя въ обязанность привести его въ настоящемъ его видѣ, хотя не имѣемъ положительнаго основанія думать, чтобы настоящій епископъ Абердина былъ *idem qui pridem*.

«Нельзя не допустить, говорить онъ, что настоящимъ положеніемъ британской церкви смущается и возмущается совѣсть всякаго, кто желаетъ пребывать въ ученіи апостоловъ и въ общеніи; и вотъ для исхода изъ этого положенія сами собою представляются намъ четыре пути»:

(г) Gladston on the Royal. Supremacy, p. 77.

«Первый изъ нихъ приводитъ къ необходимости оставаться по прежнему въ нѣдрахъ нашей церкви, и довольствоваться только личнымъ протестомъ противъ тѣхъ ересей, которыя эта церковь безнаказанно позволяетъ своему духовенству проповѣдывать. Если кому, то уже намъ не къ лицу безпощадно возставать противъ подобной рѣшимости: безъ особеннаго усилія и безъ особенной боли сердцу нельзя отрѣшиться отъ тѣхъ узъ, къ которымъ оно прикрѣплялось и надеждами и разочарованіями, и слезами и радостями дѣйствительной жизни; для многихъ это усиліе можетъ быть сокрушительно, и эта боль можетъ быть невыносима. Безъ сомнѣнія, найдутся съ другой стороны и такіе, которымъ покажется невозможнымъ руководствоваться цѣлую жизнь этимъ *ignis fatuus* нашихъ своевольныхъ вѣроопредѣленій, которые вмѣстѣ съ нами будутъ воздыхать объ утраченномъ нами свѣточѣ вселенской церкви, и которыхъ неодолимо будетъ тяготить та страшная мысль, что вселенская вѣра не есть болѣе достояніе британской церкви, и что намъ остается одно изъ двухъ: — или держаться истины Божіей, какъ она передавалась изъ вѣка въ вѣкъ, или влаться по волнамъ толковъ человѣческихъ, поражаемыхъ духомъ времени и обстоятельствъ, и утверждаемыхъ волею земныхъ кесарей».

Второй путь ведетъ къ общенію съ церковію Рима. На этотъ путь многіе, повидимому, принуждены были выступить, и многіе сами себя принуждали выступить на него. И здѣсь опять нельзя судить и осуждать безъ снисхожденія: какъ не сочувствовать тѣмъ, которые, видя, что подъ ихъ ногами обруши-

вается земля, бѣгутъ въ надеждѣ спасенія отъ угрожающей имъ катастрофы, бѣгутъ въ томъ или другомъ направленіи? Что однакожь до насъ и тѣхъ, которые намъ сочувствуютъ, то мы должны сказать, что въ папской системѣ есть какая-то непреодолимая преграда для дѣйствительнаго церковнаго общенія съ Римомъ; мы никакъ не можемъ отважиться сдѣлать насиліе нашей совѣсти; мы никакъ не можемъ приступать къ алтарю Божію съ ложью въ сердцѣ».

«Третій путь указываетъ намъ на отдѣленіе отъ настоящихъ церквей англиканскаго исповѣданія, т. е., идя этимъ путемъ въ сопровожденіи одного или двухъ изъ настоящихъ нашихъ епископовъ, мы должны будемъ основать такую церковь, которая была бы ограждена отъ всякаго давленія и угнетенія отъ вѣнъ, и которая невозбранно могла бы содержать въ себѣ вѣру во всей ея католической чистотѣ. Нечего и говорить, что на этотъ путь мы желали бы выступить и скорѣе, и смѣлѣе, и рѣшительнѣе; но увы! искомая нами цѣль вовсе не достигается этимъ путемъ. И духовные и міряне продолжаютъ по прежнему оставаться въ общеніи съ церковію, которая отъявленно и во имя закона позволяетъ учить вопреки разуму никейскаго символа вѣры: гдѣжь и какъ послѣ этого найти возможность возстановить намъ самимъ собою цѣлость и чистоту вѣры? Да еслибъ мы и могли успѣть въ томъ, положимъ даже, что нашлось бы нѣсколько епископовъ, готовыхъ вмѣстѣ съ нами отдѣлиться отъ общенія съ британскою церковію, положимъ слѣд., что тогда въ нашей средѣ сохранилось бы и апостольское преемство; но не страшное ли это дѣло безъ необходимости пораж-

дать новое дѣленіе, вмѣсто того, чтобы всячески стараться врачевать язвы, наносимыя со всѣхъ сторонъ «тѣлу Христову»? И какъ тяжело было бы подобное положеніе одиночества для всякаго, кто любить право мыслить и право чувствовать! Въ глазахъ и запада и востока подобное явленіе было бы только новымъ явленіемъ новой секты».

«Четвертый путь есть тотъ путь, на который полтора столѣтія тому назадъ, и при обстоятельствахъ конечно не столь тяжелыхъ, какъ напи настоящія, выступали наши *Non-juring* епископы (А), и который, еслибы не скончался тогда русскій царь, по всей вѣроятности, привелъ бы ихъ къ единенію съ католическою церковію востока. Вотъ если бы этотъ искомый союзъ могъ совершиться на условіяхъ, предполагаемыхъ нами, то всѣ наши настоящія трудности устранились бы сами собою, и намъ нечего было бы думать о римскомъ католицизмѣ. Тогда мы были бы въ общеніи съ пятью патріархатами, изъ которыхъ два навѣрное гораздо древнѣе, чѣмъ римскій престолъ, и изъ которыхъ однакоже ни одинъ не объявляетъ притязаній на главенство внѣ предѣловъ своей территоріи. Тогда намъ сострадала и сочувствовала бы церковь, которая торжественно хвалится тѣмъ, что въ недрахъ ея сохранилась чистая вѣра древнихъ дней, сохранилась незапятнанною отъ времени и недоступною для римской «системы развитія», церковь, истина которой есть истина св. Аѳанасія, св. Василія и св.

(А) То были именно епископы Brett, Collier, Gadderer, Campbell и Rattray, которые считали клятвопреступленіемъ присягнуть новому королю, принцу оранскому. *Пер.*

Златоуста, и учение которыхъ относительно всѣхъ существенныхъ пунктовъ есть то самое учение, которое католическая церковь издревле повсюду принимала и проповѣдывала, прежде нежели престоль римскій отважился объявить свои притязанія на главенство.

«Спрашивается теперь: разумноли же будетъ съ нашей стороны предложить членамъ англиканской церкви, подобно намъ, недовольнымъ ея бѣдственнымъ положеніемъ, искать соединенія съ церковью востока, когда мы не знаемъ еще, на какихъ условіяхъ она можетъ принять насъ въ союзъ съ собою, и когда мы не имѣемъ права и слова сказать отъ ея имени? Равно: хорошо ли будетъ для самаго дѣла, которое такъ близко къ нашему сердцу, если мы обратимся къ предстоятелямъ восточной церкви, не имѣя твердой увѣренности, какъ именно велико число желающихъ искать этого посредства для поддержанія въ нашей средѣ началъ чистаго католицизма?

«Для устраненія этихъ-то затрудненій и недоумѣній, мы, по тщательномъ изслѣдованіи дѣла и послѣ разныхъ совѣщаній съ людьми совѣта и разума, нашли нужнымъ составить такъ называемый «меморіаль», прилагаемый при семъ въ концѣ нашей статьи.

«Само собою разумѣется, что подписывающіеся къ сему меморіалу или иначе циркуляру, не обязываются еще къ принятію всѣхъ означенныхъ въ немъ пунктовъ, а только даютъ тѣмъ разумѣть, что они чувствуютъ настоящее бѣдственное, въ духовномъ отношеніи, состояніе британской церкви и считаютъ долгомъ и необходимостію искать совѣта и вразумленія у предстоятелей древнихъ православныхъ церквей. Какъ видно и изъ самаго меморіала, ихъ будущій

образъ дѣйстви́й будетъ зависѣть отъ того отвѣта, который будетъ полученъ. Напрасно и, мы надѣмся, излишне было бы говорить болѣе о томъ, какъ важно и какъ необходимо нужно участіе въ семъ дѣлѣ всѣхъ тѣхъ, кто истинно и твердо вѣруетъ въ единую, святую, католическую церковь, яко богоучрежденную блюстительницу «вѣры, нѣкогда преданной святымъ», яко Божіе царство, воздвигнутое среди царствъ земныхъ, во свидѣтельство истинъ неба на сей землѣ.

«Потокъ зла дѣйствительно поднялся высоко, и покрылъ даже вершины тѣхъ дальнихъ горныхъ высотъ, которыя еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, казалось, освѣщались златымъ свѣтомъ надеждъ. Страшно шумятъ и мнутя воды; даже надежды нѣтъ болѣе во многихъ, во многихъ сердцахъ; всѣ съ трепетомъ смотрятъ другъ на друга, ожидая въ «грядущемъ» еще болѣе страшныхъ золъ. Пошлемъ же эту грамоту, какъ вѣстницу, какъ нѣкую голубицу, пошлемъ съ молитвою сердца, да возвратится она къ намъ съ сущомъ радованія и упованія съ того дальняго востока, откуда возсіялъ нѣкогда свѣтъ благовѣстія Христова надъ языки міра, и который полонъ памятниковъ временъ апостольскихъ, временъ католическихъ и нераздѣльнаго христіанства».

---

* * * «Всѣ, желающіе принять участіе въ настоящемъ дѣлѣ, имѣютъ обращаться къ секретарю «Church Union», N° 8 North Bank Street Edinburgh, въ слѣдующихъ или подобныхъ тѣмъ выраженіяхъ: «м. г., я уполномочиваю васъ внести и мое имя въ списокъ

тѣхъ, которые подписались къ меморіалу, имѣющему быть посланнымъ въ святѣйшій правительствующій російскій синодъ». Просятъ при семъ прописывать сполна весь адресъ. Тѣ же, которые сами желали бы подписаться подъ документомъ, имѣютъ дать знать о томъ предварительно секретарю.

За дальнѣйшими и болѣе подробными свѣдѣніями всѣ имѣютъ обращаться также къ секретарю.

Переписка по крайней мѣрѣ до извѣстнаго времени должна имѣть совершенно частный, конфиденціаль- ный характеръ.

Всѣхъ, кому доведется этотъ циркуляръ и мемо- ріаль имѣть въ своихъ рукахъ, покорнѣйше просятъ о содержаніи ихъ сообщать и другимъ, въ особен- ности же тѣмъ, кои, по мнѣнію ихъ, болѣзнуютъ и сокрушаются о настоящемъ состояніи британской церкви».

*Меморіаль святѣйшему правительствующему
російскому синоду.*

Мы, нижеподписавшіеся, духовные и міряне, при настоящемъ положеніи нашей британской церкви, находимся въ состояніи угнетенія — (oppressed) со стороны большинства неправомыслящихъ, безпечныхъ и малодушныхъ, если не скудоумныхъ ея членовъ, которые то нарочито, то безсознательно, то по сла- бости попустили гражданской власти взять въ свои руки право рѣшать всѣ вопросы относительно ученія вѣры и благочинія церковнаго, и которые, въ особен- ности въ настоящее время, подчинились безпреко-

словно рѣшенію Тайнаго совѣта, будто ученіе о возрожденіи младенцевъ во святомъ крещеніи есть такое ученіе, которое не имѣетъ опредѣленнаго положительнаго толкованія въ англиканской церкви, и будто безнаказанно, безъ отлученія отъ общенія съ нею, можно давать этому ученію то положительный, то отрицательный смыслъ.

Мы такимъ образомъ чувствуемъ, что истина и ересь безразлично перебиваются въ нашей церкви, что наше церковное положеніе подрывается въ самомъ основаніи, и что на будущее время мы должны будемъ католическія истины, содержаемыя нами, содержать только на основаніи частнаго суда и мнѣнія (*privatum iudicium*), или же соединиться въ какое либо отдѣльное общество, которое дало бы намъ возможность содержать ихъ на основаніи авторитета.

Присоединяясь къ римской церкви, мы, очевидно, должны бы были сдѣлать насиліе нашей совѣсти; ибо мы вынуждены были бы въ семь случаевъ принять, какъ члены вѣры, такія ученія, которыя мы не признаемъ членами вѣры, и которыя утверждаются не на писаніи и не на непрерывномъ преданіи, но на сомнительной теоріи развитія.

Съ другой стороны намъ кажется (*appears*), что болѣе православное (*orthodox*, болѣе правое) ученіе въ настоящей нашей англиканской церкви (которое мы принимаемъ съ полнымъ убѣжденіемъ) въ самой вещи тождественно съ ученіемъ восточной католической церкви; — такъ что соединеніе съ нею не обязываетъ насъ къ какому-либо ученію, которому мы не вѣровали бы или не могли бы вѣровать, и не требуетъ отреченія или отдѣленія (*separatio*) отъ

какихъ либо ученій или лицъ, кромѣ тѣхъ, отъ которыхъ мы уже отреклись и отделились въ сердцахъ нашихъ, и отъ гнетущаго бремени которыхъ мы желали бы теперь освободиться.

Въ такихъ обстоятельствахъ, мы рѣшились обратиться къ святѣйшему руссiйскому синоду, при посредствѣ капеллана руссiйскаго въ Лондонѣ посольства (Пр. Евг. П.), который есть ближайшiй духовный представитель православной католической церкви, съ прошенiемъ о вразумленiи (*informatio*) насъ относительно слѣдующихъ пунктовъ:

Положимъ, что мы принимаемъ вселенскiй символъ вѣры согласно съ опредѣленiями седми вселенскихъ соборовъ; положимъ, что мы принимаемъ и то объясненiе этого символа, которое находится въ странномъ русскомъ катихизисѣ; положимъ, что мы отреклись отъ всѣхъ тѣхъ лютеранскихъ или кальвинскихъ заблужденiй, въ которыхъ британскiя церкви или подозрѣваются или обвиняются восточными католиками, и на будущее время готовы отдѣлиться отъ всѣхъ, кто не желаетъ отречься отъ нихъ: можетъ ли и пожелаетъ ли тогда руссiйскiй святѣйшiй синодъ принять насъ въ общенiе съ собою? Можетъ ли и пожелаетъ ли онъ принять насъ въ общенiе съ собою,

1) не требуя отъ насъ постояннаго подчиненiя (т. е. насъ самихъ и нашихъ конгрегацiй) руссiйской иерархiи?

2) не требуя отъ насъ, жителей запада (*being Westerns*) какого либо обязательства оставить нашу страну и жить напр. гдѣ либо на востокѣ, или

усвоить намъ и нашимъ конгрегаціямъ, находящимся въ здѣшней землѣ, какое либо мѣстное наименованіе, какъ напр. наименованіе «восточныхъ», «греческихъ», или «грекороссійскихъ» христіанъ, или христіанскихъ обществъ, въ отличіе отъ прочихъ?

3) не обязывая насъ употреблять въ нашихъ общественныхъ и частныхъ молитвахъ и службахъ какой либо языкъ, котораго мы не разумѣемъ?

4) не обязывая насъ вводить въ церковное счисленіе старый стиль?

5) можетъ ли и пожелаетъ ли Россійскій Святѣйшій Синодъ принять насъ безъ особенныхъ какихъ либо затрудненій, такъ чтобы и другіе изъ нашихъ соотечественниковъ могли съ большимъ удобствомъ послѣдовать нашему примѣру, въ настоящее ли то время или въ послѣдствіи? Иначе сказать, можетъ ли и пожелаетъ ли Святѣйшій Синодъ позволить намъ продолжать пользоваться тѣми молитвами и тѣми формами (религіознаго) богослуженія на нашемъ отечественномъ языкѣ, которыми мы и другіе члены британскихъ церквей досель обычно пользовались, за исключеніемъ въ нихъ, само собою разумѣется, того, что, по разсмотрѣніи Святѣйшимъ Синодомъ, окажется или не правымъ, или не полнымъ, или противнымъ вселенской вѣрѣ и благочинію?

Извлеченіе изъ пастырскаго увѣщанія д-ра Forbes, шотландскаго епископа брекинской области, читаннаго имъ на годичномъ епархіальномъ синодѣ, въ началѣ сего 1864 года.

(Стр. 15). Божественная истина, воплощенная въ вочеловѣчившемся Сынѣ Божіемъ, и вѣну открытая для всѣхъ въ Его таинственномъ тѣлѣ, — церкви, явлена намъ во внѣшней и видимой формѣ, и посему должна быть, до скончанія міра, верховнымъ авторитетомъ для насъ въ дѣлѣ религіи, — живою истолковательницею вѣры. Вотъ почему все, что оскорбляетъ авторитетъ церкви, необходимо должно колебать основаніе вѣры. Если то вѣрно, что единство также, какъ и святость, по опредѣленію Божію, долженствующія отличать Его церковь, много пострадали отъ извращеннаго употребленія свободной воли чловека; если неопровержима та печальная истина, что за грѣхи христіанскаго міра церкви Божіей попустило, едва не тысящу лѣтъ, находится въ состояніи раздѣленія, — я разумью здѣсь раздѣленіе ея на восточную и западную, а о дѣленіяхъ шестнадцатаго вѣка и упоминать нахожу излишнимъ, — то нельзя не видѣть, что вопросъ о возстановленіи единства неразрывно соединяется съ возстановленіемъ вѣры. Итакъ мы невольно каждый разъ приходимъ къ молитвѣ Спасителя: *да и ти въ Насъ едино будутъ: да и міръ въру иметъ, яко Ты Мя послалъ еси.*

Неудивительно послѣ сего, что люди, стоящіе на совершенно противоположныхъ полюсахъ въ религіозномъ отношеніи, одинаково ищутъ единства, и каждый, для достиженія сей цѣли, придумываетъ свою теорію.

Вотъ на примѣръ первая изъ этихъ теорій—теорія латитудинаріанства или синкретизма, которая домогается возсоздать единство христіанскаго міра на томъ основаніи, будто христіанство не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго символа вѣры или системы, и потому-де всякій взглядъ на откровенную религію угоденъ Богу, если только человекъ остается вѣрнымъ Ему въ жизни своей, и слѣдовательно всѣмъ и каждому остается только имѣть искреннія личныя убѣжденія. Нечего и говорить, что эта теорія единства, основываемая на произвольномъ предположеніи (assumption), необходимо должна рушиться по той простой причинѣ, что само это предположеніе въ высшей степени невѣрно. Если Богъ далъ Откровеніе, то предметомъ этого Откровенія необходимо должна быть одна только истина, — и эта истина дѣлается тогда для нашего сознанія и ума обязательною, потому что она открыта. Еще можно спрашивать, которое изъ двухъ ученій есть откровенное ученіе, но то или другое должно быть несомнѣнно вѣрно. Два противорѣчащихъ взгляда на истину не могутъ быть равно угодны Богу.

Таже теорія, только въ другомъ ея видѣ, гласитъ, будто можно достигнуть единства въ дѣлѣ вѣры при посредствѣ взаимнаго соглашенія: *in essentialibus Fidei*

Christianae» (въ существенныхъ членахъ вѣры христіанской). По этой теоріи допускають, что христіанство есть опредѣленная система, но заключаютъ его въ одномъ или двухъ ученіяхъ, составляющихъ будто бы всю сущность Евангелія. Такъ для однихъ этимъ ученіемъ служитъ ученіе о примиреніи, для другихъ ученіе объ оправданіи вѣрою, для третьихъ ученіе объ общеніи съ видимою церковію, для четвертыхъ ученіе о христіанскомъ братолюбіи, для иныхъ наконецъ ученіе о воскресеніи Христовомъ и т. д. Эта теорія, въ новомъ ея видѣ, конечно, можетъ имѣть больше значенія и достоинства, чѣмъ теорія синкретизма, но падаеть сама собою, во 1-хъ отъ того, что невозможно найти много такихъ людей, которые бы согласились между собою ту или другую истину признавать центральною, коренною истиною, и, во 2-хъ отъ того, что мы существа конечныя и несовершенныя, не имѣемъ права въ сужденіяхъ своихъ о благовѣстіи Христовомъ опредѣлять, что въ немъ особенно важно, что въ немъ менѣе важно, что существенно и что не существенно. Вспомнимъ только, что говоритъ Самъ Господь о тѣхъ, которые разоряютъ хотя бы то и *единую отъ Его заповѣдей малыхъ*: и мы сознаемся тогда, что намъ нельзя избѣжать Его грознаго суда и въ томъ случаѣ, если бы мы знали, въ чемъ заключаются и въ чемъ одна отъ другой отличаются малыя или меньшія Его заповѣди. Единеніе христіанъ на подобномъ основаніи отъ того уже не можетъ состояться, что мы остались бы тогда не вѣрными откровенной истинѣ.

Далѣе, въ видахъ церковнаго единенія, указываютъ на единство римской церкви; и нельзя, дѣйствитель-

но, отрицать, что зрѣлище, представляемое ею въ семь отношеніи, поразительно; поразительно, что она требуетъ и находитъ покоряющихся ей во всѣхъ климатахъ, во всѣхъ племенахъ и на всѣхъ степеняхъ цивилизаціи: но какъ ни величественно это зрѣлище, нельзя не чувствовать, что единство римской церкви далеко не совершенно, и именно потому, что оно не простирается на великую древнюю церковь востока, столь досточтимую по ея преданіямъ, столь непреклонно твердую въ охраненіи вѣреннаго ей достоянія. Единство это недовлѣтельно и потому, что до сихъ поръ не поражается имъ церковь великаго англосаксонскаго племени, которая, однакожъ, и въ силѣ и въ немощи своей, не перестаетъ жить жизнью вѣры. Не полно это единство и потому, что оно не поглощаетъ въ себя, не усваиваетъ себѣ того, что есть истинно добраго и благочестиваго въ протестантскихъ обществахъ. При видѣ сравнительной безуспѣшности христіанскихъ миссій, при видѣ возрастающаго невѣрія въ кругу мыслящихъ людей Европы, при видѣ ослабленія и вѣры и жизни по вѣрѣ во всемъ мірѣ, нельзя сказать, чтобы, при такомъ единствѣ, на которое намъ указываютъ, міръ вѣровалъ, что Отецъ послалъ Сына.

Нѣтъ, отцы и братія, болѣе глубокіе мыслители настоящихъ дней домогаются искать единства, которое заключало бы въ себѣ всѣ эти *disjecta membra*. Они чувствуютъ, что если шестнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ разсѣянія, то девятнадцатый и двадцатый должны быть вѣками воссоединенія, если только Сынъ человѣческій, пришедъ, имѣетъ обрѣсти вѣру на земли. Они чувствуютъ, что если когда, то теперь

остается одно изъ двухъ избирать, а именно: или держаться христіанства организованнаго, іерархическаго и догматическаго, или отдаться скептицизму, питающемуся грѣховною безнадежною во всемъ неизвѣстностію; они чувствуютъ, что во всѣхъ наконецъ раждается убѣжденіе, что истина безъ любви невозможна въ царствѣ благодати. И вотъ, какъ въ вѣкѣ, предшествовавшемъ реформации, люди, любившіе строго мыслить, при всемъ разнообразіи своихъ мыслей, домогались было новаго вселенскаго собора, какъ великаго врачества отъ золь своего времени; такъ и мы теперь, болѣзнуи сердцемъ нашимъ при видѣ всякихъ золь, происходящихъ отъ нашихъ несчастныхъ дѣленій и сѣченій, можемъ одного больше всего желать, одного больше всего чаять, объ одномъ больше всего молиться, а именно, чтобы скорѣе наступилъ тотъ благословенный день, когда церковь Божія накіи возстанетъ въ своей силѣ и славѣ, когда, тѣснимые разрушительными кознями общаго врага и движимые крѣпкимъ желаніемъ міра, всѣ, всѣ, кто только вѣруетъ въ Божество Господа Иисуса, и въ необходимость видимой церкви, яко Его тѣла и орудія (organ), соберутся подъ водительствомъ Самаго Бога, — когда всѣ вопросы подвергнутся испытанію безъ словопреній, когда всѣ притязанія разберутся, когда недоразумѣнія объяснятся, а словопренія (логмахіи) устраниятся, — когда любовь будетъ на всѣхъ правосудія, а слово Божіе будетъ судіею и рышителемъ, когда Духъ Святыи явитъ зпкдительное Свое присуціе, и Самъ Христось, яко *миръ нашъ, послетъ жезлъ силы Своея отъ Сіона, и обративъ къ Себѣ сердца всѣхъ, возставитъ скинію Давидову*

падшую, и возградить падшая ея; и раскопанная ея возставитъ, и возградитъ, якоже дни въка» (Амос. 9, 11.)».

Это пастырское посланіе (Charge или Exhortation) было прислано пишущему эти строки самимъ епископомъ Форбесомъ. Года три тому назадъ онъ молился у насъ и съ нами въ день св. Пятидесятницы, и стоялъ въ преддверіи храма.

Протоіерей Евелій Поповъ.

1 іюня с. с. 1864.

32 Welbeck Str.

London.

ИЗВѢЩЕНІЕ

о суммахъ, пожертвованныхъ на стипендію
въ память профессоровъ М. Д. Академіи,
протоіереевъ Ѳ. А. Голубинскаго и П. С.
Делицына.

Къ 8-му октября 1864 года состояло пожертвванной
суммы: 2642 руб. сереб. А за исключеніемъ 325 руб. сер.,
употребленныхъ на устройство памятника надъ могилою прото-
іерея Делицына—2317 рублей серебромъ.

Вновь пожертвовано:

Отъ преосвященнаго Теофиакта, епископа ставропольскаго
200 руб., Далматовскаго архимандрита Меодія 100 руб., Прото-
іереевъ: Г. Никитникова 5 р., В. Богословскаго 5 р., В. Ро-
залиева 3 р. Итого 313 руб. сер.

Всей суммы состоитъ на лицо: *два тысячи шесть сотъ
тридцать рублей.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Православный Собесѣдникъ будетъ въ 1865 году издаваться въ количествѣ 12-ти книжекъ въ годъ. Въ приложенияхъ, кромѣ дѣявій вселенскихъ соборовъ и памятниковъ древне-русской духовной письменности, предполагено издавать въ переводѣ *acta sanctorum* и *acta martyrum*. Будетъ печататься также продолженіе благовѣстника Теофилакта болгарскаго. — Адресъ: въ Казань, въ Духовную Академію. Цѣна годоваго изданія съ пересылкою *семь* рублей.

Странникъ и *Современный Листокъ*. Первый выходитъ ежемѣсячно по книжкѣ и стѣитъ съ пересылкою *четыре* рубля; послѣдній выходитъ два раза въ недѣлю и будетъ состоять изъ 104 номеровъ. Цѣна Листка также *четыре* рубля. Выписывающіе то и другое изданіе платятъ *семь* рублей. Адресъ: въ Петербургъ, въ редакцію Странника.

Духовная Бесѣда издается въ Петербургѣ протоіереемъ І. Яхонтовымъ. Выходитъ разъ въ недѣлю. Цѣна съ пересылкою *четыре* рубля. Редакція—въ квартирѣ протоіерея церкви Іоанна Предтечи на Лиговкѣ.

Руководство для сельскихъ пастырей. Издается въ Кіевѣ при Семинаріи, еженедѣльно по одному номеру. Цѣна съ пересылкою *пять* рублей.

Вѣстникъ Западной Россіи. Вленское изданіе подъ редакцію К. Говорскаго. Выходитъ ежемѣсячно по книжкѣ. Цѣна съ пересылкою *восемь* рублей.

Епархіальні Вѣдомости :

Черниговскія—выходять два раза въ мѣсяць въ Черниговѣ. Цѣна съ пересылкою *пять рублей пятьдесятъ копѣекъ*. При редакціи продается новое сочиненіе преосвященнаго Филарета, Архіепископа черниговскаго: *Православное догматическое Божіе словіе* въ двухъ частяхъ. Цѣна *два рубля семдесятъ копѣекъ*. Плата за пересылку по разстоянію.

Кіевскія — издаются въ Кіевѣ по два нумера въ мѣсяць. Цѣна съ пересылкою *три рубля*.

Тульскія, — выходятъ въ Тулѣ два раза въ мѣсяць. Цѣна съ пересылкою *пять рублей*.

Орловскія — начались изданіемъ съ января 1865 года. Выходятъ по номеру чрезъ двѣ недѣли. Цѣна *четыре рубля*. Адресоваться: въ Орелъ, въ Духовную Семинарію.

Полтавскія — выходятъ два раза въ мѣсяць въ Полтавѣ. Цѣна съ пересылкою *пять рублей*.

Подольскія — выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна съ пересылкою *четыре рубля*. Редакція въ Каменецъ-Подольскѣ.

Иркутскія — издаются въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ. Годовая цѣна: *пять рублей*. Адресоваться: въ Иркутскъ.

ковской епархіи. Цѣна 7 р. 50 к. съ перес.—Обзоръ русской духовной литературы. Цѣна 2 р. съ перес.—Бесѣды на воскресныя и праздничныя Евангелія, архіеп. Евсевія. 2 части. Цѣна 3 р. 60 к. съ пер.—Его же поученія о христіанской надеждѣ и любви. Цѣна 1 р. 50 к. На пересылку за 2 фун. Указатель для обозрѣнія московской патриаршей ризницы съ приложеніемъ XV таблицъ снимковъ, составл. епископомъ Саввою. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к.—Палеографическіе снимки съ греч. и славян. рукописей М. Синодальной бібліотеки изд. епископомъ Саввою. Ц. 5 руб.; на пересылку за 4 ф. Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и Церкви Его въ Ветхомъ Заветѣ. Цѣна съ пер. 1 р.—Исторія московской славяно-греко-латинской Академіи. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50. к. Жизнь св. Аѳанасія Александрійскаго. Цѣна 50 к. Разсужденія: о ересяхъ и расколахъ въ Россіи. 75 к. О христіанскомъ мученичествѣ. 40 к.—О Владыкѣ Израилевомъ. 7 к.—О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к.—О Божествѣ Сына Божія. 20 к.—О крестныхъ ходахъ православной Церкви. 20 к.—О поминовеніи усопшихъ. 25 к.—О литургіи преждеосвященныхъ даровъ. 50 к.—Пресв. Тихонъ, епископъ Воронежскій. 40 к.—О мурономазаніи. 15 к.—Св. Левъ, папа римскій. 30 к.—О поведеніи древнихъ христіанъ во дни воскресныя и праздничныя. 20 к.—Объ антихриствѣ. 40 к.—Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей Греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу Церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ. 30 к.

На пересылку послѣднихъ 15 сочиненій вѣсть прилагается за 8 фунтовъ, а каждаго порознь за 1 фунтъ.

Дѣло Патриарха Никона, историческое изслѣдованіе. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

Указатель къ Твореніямъ Св. Отцевъ и къ прибавленіямъ духовнаго содержанія за двадцать лѣтъ. Цѣна 25 к.

На пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Сборникъ, изданный М. Д. Академіею по случаю празднованія си пятидесятилѣтія. Цѣна 1 р. *На пересылку за два фунта.*

Съ требованіемъ всѣхъ означенныхъ изданій иногородные благоволятъ относиться *въ редакцію Твореній Св. Отцевъ, въ Сергіевскомъ посадѣ, Московской губерніи.*

Проживающіе въ Москвѣ могутъ относиться съ такими требованіями въ Правленіе Московской Семинаріи (въ домъ Семинаріи, за Каретнымъ рядомъ), или въ книжную лавку А. Н. Ферапонтова на Никольской улицѣ.

Гг. подписчики въ адресахъ, сообщаемыхъ въ редакцію, благоволятъ четко и обстоятельно прописывать уѣздъ и губернію, въ которыхъ находятся мѣста ихъ жительства.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО.

	<i>Стран.</i>
Изъ книги противъ ересей	133

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Объ источникѣ идеи Божества.....	363
О Евангеліяхъ и евангельской исторіи. По поводу книги Ренана: жизнь Иисуса. Статья 3.....	411
Начатки движенія въ англиканской церкви къ соедине- нію съ восточною.....	483

Примечанія: Извѣщеніе о пожертвованіяхъ на стипендію въ память Профессо-
ровъ М. Д. Академіи Голубинскаго и Делицына; объявленія объ изданіи въ 1865 г.
духовныхъ журналовъ и Епархіальныхъ вѣдомостей.

ОПЕЧАТКИ ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
425	13	отвѣчаетъ	отвѣчаютъ
430	16	отношеніи;	отношеніи, какъ Матей;
440	3 сн.	сходныхъ чуда, сказать	сходныхъ чуда? Разъ не могъ сказать

О ЕВАНГЕЛІЯХЪ И ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ.

(По поводу книги „Жизнь Иисуса“ Е. РЕНАНА: E. RENAN—
VIE DE JESUS. PARIS. 1863.)

IV.

(О подлинности четвероевангелія—окончаніе). О внутренних признакахъ подлинности Евангелія отъ Іоанна. Общее отношеніе къ сему вопросу отрицательной критики. Особенности Евангелія отъ Іоанна, сравнительно съ тремя первыми Евангеліями, и основываемыя на этихъ особенностяхъ возраженія противъ подлинности его. Разборъ важнѣйшихъ изъ нихъ: 1) расположеніе повѣствованій по путешествіямъ Иисуса Христа изъ Галилеи въ Іудею на праздники, 2) бесѣды Иисуса Христа, 3) личные особенности писателя четвертаго Евангелія, 4) сказанія о днѣ смерти Христовой и 5) сказанія о воскресеніи Христовомъ. Общее заключеніе.

Евангеліе отъ Іоанна, который, по особенной глубинѣ ученія о Богѣ, проименованъ Богословомъ, — Евангеліе, которое, по своей особенной возвышенности, получило названіе Евангелія духовнаго (а), въ новое время подверглось, со стороны внутренних признаковъ его подлинности, особенно сильнымъ нападеніямъ разныхъ направленій отрицательной критики евангельской, не всѣхъ впрочемъ. Очень замѣчателенъ фактъ, что цѣлая школа (Шлейермахера), идущая отрицательнымъ путемъ въ отношеніи къ первымъ тремъ Еван-

---

(а) *Πνευματικὸν εὐαγγέλιον* — такъ назвалъ его Климентъ Александрійскій (у Евсевія — Церк. истор. VI, 14.), и съ тѣхъ поръ употребляется это названіе.

геліямъ, признаетъ подлинность происхожденія четвертаго Евангелія въ настоящемъ его видѣ отъ апостола Іоанна, и усилено защищаетъ оную, отвергая подлинность прочихъ Евангелій, по крайней мѣрѣ въ ихъ настоящемъ видѣ. Видно, есть въ самомъ Евангеліи такія сильныя доказательства происхожденія его отъ возлюбленнаго ученика Господня Іоанна, что отрицать сего нельзя даже любящимъ отрицаніе, не смотря на то, что съ признаніемъ подлинности этого Евангелія соединены нѣкоторыя неудобства для ихъ цѣлаго философски-богословскаго воззрѣнія, наприм. надобно признать дѣйствительность чудесъ и пророчествъ, что они и дѣлаютъ, толкуя впрочемъ ихъ своеобразно. Фактъ, говоримъ, замѣчательный — уступка цѣлой отрицательной школы церковному ученію и воззрѣнію. Но за то, другія направленія отрицательной критики, особенно школа Баура, съ какимъ-то страннымъ ожесточеніемъ нападаютъ на подлинность и достовѣрность этого Евангелія, и какая-то особенная ярость выражается у нихъ, когда заговорятъ они объ этомъ Евангеліи (Мы представили нѣкоторые примѣры сего въ устраненіи ими вышнихъ свидѣтельствъ о подлинности этого Евангелія въ ст. 2-й). Больше впрочемъ, нежели на мнимой недостаточности вышнихъ свидѣтельствъ о подлинности этого Евангелія, они думаютъ опираться на внутренніе признаки мнимой неподлинности его, не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ эти внутренніе признаки свидѣтельствовали дѣйствительно противъ происхожденія его отъ апостола Іоанна, а потому что внутренніе признаки, если отрешить ихъ отъ вышнихъ историческихъ свидѣтельствъ, болѣе имъ пригодны, какъ мы прежде замѣтили; ими можно

пользоваться съ бѣльшимъ удобствомъ для оправданія предвзятой мысли ихъ, чѣмъ строгими историческими данными церковнаго преданія.

Всякій, читающій Евангеліе Іоанново, по прочтеніи первыхъ трехъ Евангелій, не можетъ не замѣтить, что это Евангеліе имѣетъ много особеннаго сравнительно съ ними. Эти особенности замѣтны: а) въ выборѣ предметовъ повѣствованія. Хотя каждый евангелистъ въ своемъ повѣствованіи сообщаетъ и о такихъ событіяхъ, о которыхъ не упоминаютъ другіе, но у Іоанна большею частію повѣствуется о такихъ событіяхъ, какихъ нѣтъ въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ. б) Въ самомъ расположеніи повѣствованій, Іоаннъ располагаетъ свои повѣствованія о событіяхъ по путешествіямъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ на праздники, тогда какъ первые три евангелиста говорятъ только о путешествіи Христа въ Іерусалимъ на послѣднюю пасху, а о событіяхъ прежнихъ мѣтъ дѣятельности Христовой повѣствуютъ безъ яснаго означенія времени ихъ. Отсюда особенность Іоаннова Евангелія — в) въ изображеніи мѣста дѣйствій Спасителя; по первымъ тремъ Евангеліямъ онъ дѣйствовалъ преимущественно въ Галилеѣ и окрестностяхъ ея, но Іоанну — преимущественно во Іерусалимѣ. г) Рѣчи Господа содержатся въ Евангеліи Іоанновомъ почти весь шпизъ, какихъ нѣтъ въ другихъ Евангеліяхъ, и эти рѣчи отличаются особеннымъ характеромъ возвышенности и глубины, тогда какъ въ рѣчахъ его, помѣщенныхъ въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ, преимущественный характеръ — простота. И много другихъ частныхъ особенностей имѣетъ это Евангеліе сравнительно съ тремя первыми, болѣе сходными между собою, и вотъ на этихъ-то особен-

ностяхъ основывается вся отрицательная критика въ отношеніи къ вопросу о подлинности Евангелія отъ Іоанна по внутреннимъ признакамъ, и—не только подлинности этого Евангелія, но и трехъ первыхъ. Назвавъ эти особенности Евангелія отъ Іоанна и трехъ первыхъ громкимъ именемъ противорѣчій и разногласій, поборники крайняго отрицанія рассуждаютъ такъ: «Евангеліе отъ Іоанна *противорѣчитъ* первымъ тремъ Евангеліямъ; следовательно всѣ они не подлинны (по крайней мѣрѣ въ ихъ настоящемъ видѣ, прибавляютъ болѣе умѣренные), такъ какъ писатели-очевидцы, или писавшіе со словъ очевидцевъ до *такихъ* противорѣчій не дошли бы.» Впрочемъ, мы замѣтили уже, что цѣлая школа отрицательной критики выводитъ другое заключеніе изъ этихъ особенностей Іоаннова Евангелія. Эти особенности, по ея воззрѣнію, таковы, что свидѣтельствуютъ о достовѣрности описываемыхъ въ этомъ Евангеліи событій, но такъ какъ повѣствованія о нихъ противорѣчатъ или разногласятъ (будто бы) съ повѣствованіями прочихъ Евангелій: то, значить, неподлинны только эти послѣднія. По поводу такого разногласія между самыми отрицательными направленіями, полемика о внутреннихъ признакахъ подлинности или неподлинности Евангелія Іоаннова особенно усилилась: *крайніе* должны были доказывать, что особенности Евангелія Іоаннова не свидѣтельствуютъ о достовѣрности его сказаній, и следовательно о подлинности; *умѣренные* должны были доказывать противное, въ ущербъ достовѣрности, и—следовательно подлинности первыхъ трехъ Евангелій (б).

(б) Ръшительная полемика изъ-за этого Евангелія начи-

Странное положеніе! Тамъ—крайность, здѣсь—односторонность, и поборники той и другой со страстностью борятся оба за неправыя воззрѣнія (последнее, конечно, справедливо въ отношеніи къ Евангелію отъ Іоанна), не отдавая должной справедливости единственно правому воззрѣнію, т. е. вселенскому церковному преданію о подлинности всѣхъ четырехъ Евангелій, и при семъ вполне удовлетворительно объясняющему всѣ особенности Евангелія Іоаннова сравнительно съ другими. Это вселенское церковное преданіе таково: въ концѣ перваго вѣка, когда Іоаннъ апостолъ достигъ глубокой старости, мало-азійскіе епископы, опасаясь съ одной стороны умножавшихся ересей, съ другой — скорой кончины старца-апостола, просили его написать имъ новое Евангеліе въ руководство для вѣры противъ неправовѣровъ, представивъ ему и три уже прежде написанныхъ Евангелія. Іоаннъ засвидѣтельствовалъ истину всего написаннаго въ нихъ, и замѣтивъ, что въ нихъ не все описано, написалъ

нается собственно съ Бретшнейдера (Probabilia—1820 г.), который объявилъ было себя рѣшительно противъ подлинности его, но вскорѣ отказался отъ своихъ возраженій, хотя ихъ доселѣ еще повторяютъ отрицающіе подлинность Евангелія.—Совершенно неподлиннымъ считаютъ это Евангеліе Штрауссъ, Бауръ, Целлеръ, Шwegлеръ, Гильгенфельдъ, Альмъ; подлинности его только въ настоящемъ видѣ не признаютъ (полагая, что основа его положена Іоанномъ) Вейссе, Шенкель, Швейцеръ, Ренаиъ.—Изъ отрицающихъ подлинность первыхъ трехъ Евангелій въ настоящемъ ихъ видѣ, признаютъ несомнѣнную подлинность Евангелія отъ Іоанна особенно Блэкъ, Евальдъ, Буизенъ, Деветте (въ послѣднихъ изданіяхъ своего учебника Введенія въ новозавѣтныя книги), Креднеръ, Люкке и другіе.

и свое Евангеліе (в). Такимъ образомъ, Іоаннъ, по свидѣтельству древности, написалъ свое Евангеліе послѣ прочихъ евангелистовъ, и имѣлъ цѣль — частію восполнить ихъ, частію — противопоставить свое Евангеліе лжеученіямъ еретиковъ (г). Этимъ вполнѣ удовлетворительно объясняются всѣ особенности этого Евангелія и въ отношеніи къ выбору повѣствованій, и въ отношеніи къ расположенію ихъ, и въ отношеніи къ выбору рѣчей Христовыхъ и пр. и пр. Но поборники отрицательной критики не удовлетворяются этимъ простымъ объясненіемъ, и, отстраняя древнія свидѣтельства объ обстоятельствахъ происхожденія Евангелія, (д) выставляютъ эти особенности, какъ доказа-

---

(в) Что таковы были обстоятельства написанія четвертаго Евангелія, видно изъ сопоставленія свидѣтельствъ: св. Иринея (*Adv. haeres.* III, 1, 2. слич. у Евсев. *Hyst. eccl.* V, 8.), Климента Алекс. (у Евсевія *Hyst. eccl.* VI, 14.), Оригена (тамъ же VI, 25.), Тертуліана (*De praescr.* с. 33.), Иеронима (*Catalog.* с. 9. и *Comment. in Matth. proöm.*), Епифанія (*Haer.* 69.) и Евсевія (*Hyst. eccl.* III, 24.).

(г) Древніе отцы и писатели церкви свидѣлствуютъ, что Іоаннъ имѣлъ въ виду именно Керинѳово лжеученіе и свіонейское, присовокупляя впрочемъ къ нимъ и другія. Иринея говоритъ, что Іоаннъ въ своемъ Евангеліи хотѣлъ «обличить то заблужденіе, которое поствялъ между людьми Керинѳъ» (*Adv. haeres.* III. II. 1. 2.). Иеронимъ говоритъ, что Іоаннъ написалъ Евангеліе «противъ Керинѳа и другихъ еретиковъ, и особенно для обличенія догмата (ученія) евіонитовъ» (*Catal.* с. 9.). Также и Епифаній говоритъ, что, кромѣ упомянутыхъ, Іоаннъ имѣлъ въ виду обличить и другія многія ереси (*ἄλλας πολλὰς αἰρέσεις* — *Haer.* 69.).

(д) Неразбираемъ того, какъ отстраняются эти свидѣтельства.

тельства противъ подлинности Евангелія, а равно и первыхъ трехъ. — Разберемъ же эти особенности подробнѣе съ воззрѣніями на нихъ отрицательной критики.

1) Исходнымъ пунктомъ возраженій противъ подлинности Евангелія отъ Іоанна, на основаніи внутреннихъ признаковъ, служитъ расположеніе повѣствованій Іоанновыхъ по путешествіямъ Господа Ісуса во Іерусалимъ на праздники, и зависящее отъ сего изображеніе мѣста дѣйствій Спасителя въ продолженіе Его общественнаго служенія до послѣдней пасхи. — Отличіе повѣствованій четвертаго евангелиста отъ повѣствованій первыхъ трехъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно очень замѣтно, даже для не совсѣмъ внимательнаго читателя евангельскихъ сказаній. По вступленіи Господа въ дѣло общественнаго служенія, какъ повѣствуютъ всѣ три первые евангелиста, Онъ возвращается изъ Іудеи (послѣ крещенія) въ Галилею, живетъ здѣсь, учитъ и чудодѣйствуетъ, исходя иногда и въ сопредѣльные Галилеѣ страны, но какъ будто не посѣщая Іерусалима; по крайней мѣрѣ, при повѣствованіи о событіяхъ, дѣяніяхъ и ученіи Господа въ Галилеѣ и окрестныхъ странахъ, ни одинъ евангелистъ не говоритъ, чтобы Онъ бывалъ и въ Іерусалимъ до времени послѣдней пасхи, въ которую Онъ пострадалъ (Мѡ. 4, 12—18. 35. Марк. 1, 14; 9, 50. Лук. 4, 14; 9, 50). По повѣствованію Іоанна, Христосъ послѣ крещенія удаляется также въ Галилею (1, 43; 2, 12),

---

Пріемы все тѣже, какіе видѣли мы при разборѣ возраженій противъ достовѣрности сказаній объ обстоятельствахъ происхожденія прочихъ Евангелій,—и результаты тѣже.

но не надолго; на праздникъ пасхи Онъ приходитъ въ Иерусалимъ (2, 13 и дал.), потомъ живетъ нѣсколько времени около Иерусалима въ Иудеѣ (3, 22 и дал.) и удаляется въ Галилею чрезъ Самарію (4, 1—4 и дал.). Потомъ на праздникъ Онъ опять идетъ въ Иерусалимъ (во второй разъ, — 5, 1 и дал.), исцѣляетъ больнаго при Виѣздѣ, и опять удаляется въ Галилею (6, 1 и дал.). На праздникъ кущей Онъ снова приходитъ въ Иерусалимъ (въ третій разъ, — 7, 1—14 и дал.); тамъ же былъ Онъ и на праздникъ обновленія (совершавшемся два мѣсяца спустя послѣ праздника кущей, — 10, 22) и, кажется, не возвращался уже въ Галилею, а пребывалъ недалеко отъ Иерусалима на мѣсть, гдѣ крестилъ прежде Іоаннъ (10, 40; 11, 6), откуда приходилъ въ Виѣанію воскресить умершаго друга своего Лазаря (гл. 11). Потомъ скрывался Онъ нѣсколько времени отъ раздраженныхъ противъ Него іудеевъ въ городъ Ефремъ (близъ пустыни—недалеко отъ Веоила), откуда снова возвратился въ Виѣанію (11, 54 и 12, 1 и дал.), а потомъ предъ праздникомъ пасхи торжественно вошелъ (въ четвертый разъ) во Иерусалимъ (12, 12 и дал.), гдѣ вскорѣ и былъ распятъ. Такимъ образомъ по повѣствованію Іоанна общественная дѣятельность Господа Іисуса, отъ крещенія Его до послѣдней пасхи, не ограничивалась только Галилеею и сопредѣльными ей странами, какъ то представляется по сказанію первыхъ трехъ евангелистовъ, но простиралась и на Иудею и на Иерусалимъ, и потомъ—Онъ на послѣднюю пасху, по повѣствованію этого Евангелія, пришелъ не прямо изъ Галилеи, какъ сказываютъ первые три евангелиста, а довольно долго былъ въ Иудеѣ. Выставляя эту осо-

бенность Евангелія Іоаннова, какъ противорѣчіе первымъ тремъ Евангеліямъ, одни изъ критиковъ отрицательныхъ направленій (школы Шлейермахера) силятся оправдать достоверность, и слѣдовательно подлинность перваго, въ ущербъ достоверности, и слѣдовательно подлинности послѣднихъ Евангелій; другихъ крайніе (Штрауссово-Бауровской школы) отрицаютъ достоверность, и слѣдов. подлинность всѣхъ четырехъ. Разсмотримъ этотъ пунктъ.

Есть ли здѣсь противорѣчіе между Іоанномъ и первыми тремя евангелистами? Уже и само по себѣ не вѣроятно, чтобы Господь Іисусъ въ продолженіе Своего общественнаго служенія не былъ въ Іерусалимѣ. Кромѣ того, что законъ и обычай обязывали каждаго іудея ежегодно бывать въ Іерусалимѣ (а Христосъ исполнялъ законы и обычай іудейскіе, и еще съ дѣтства съ своими родителями, имѣвшими обычай ежегодно ходить въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи, ходилъ туда), великое дѣло Его служенія необходимо требовало того, чтобы Онъ бывалъ во Іерусалимѣ, и являлъ Себя тамъ. Этотъ святой городъ былъ средоточнымъ пунктомъ, сердцемъ всей жизни іудейскаго народа: здѣсь былъ единственный во всей Іудеѣ храмъ Бога истиннаго, здѣсь приносились жертвы, здѣсь былъ синедрионъ, здѣсь полнѣйшимъ образомъ выражалась вся религіозная, умственная и общественная жизнь народа, здѣсь вполнѣ проявлялась его духовная дѣятельность съ лучшими ея сторонами: — могъ ли Христосъ не посѣщать этого города, могъ ли не считать его главнымъ или преимущественнымъ мѣстомъ Своей дѣятельности, когда Онъ сознавалъ Себя царемъ новаго царства Божія, имѣющаго воздвигнуться

на развалинахъ древняго іудейства (е)? Точно такъ же праздники должны были быть по преимуществу временами дѣйствій Іисуса въ Іерусалимѣ: при огромномъ стеченіи народа на эти праздники изъ разныхъ мѣстъ Іудеи и другихъ странъ, Ему удобнѣе было являть Себя міру, какъ чудотворца, какъ пророка, какъ Сына Божія, чтобы снискать вѣру въ Себя, чтобы слава о Немъ распространялась во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, откуда приходили въ Іерусалимъ поклонники и тѣмъ подготавливались всюду къ открытію Его царства; къ принятію Его, когда Онъ придетъ (ср. 4, 45. 10, 41—42), или учениковъ и послѣдователей Его. Такъ это и представляется по Евангелію отъ Іоанна. Почему же какъ будто не такъ у первыхъ трехъ евангелистовъ? Правда ли, что не такъ? Правда, что у нихъ не обозначается съ такою, какъ у Іоанна, географическою точностію мѣсто дѣйствій Христа отъ крещенія до послѣдней пасхи, но есть указанія очевидныя на то, что Христосъ прежде послѣдней пасхи нередко приходилъ въ Іерусалимъ съ своею проповѣдію и дивными дѣлами.—Такъ у Матѳея и Луки содержится одно изреченіе Господа, до очевидности показывающее, что Христосъ неразъ бывалъ въ Іерусалимъ до послѣдней пасхи, и многократно призывалъ обитателей

(е) Даже Ренанъ на этомъ основаніи считаетъ исторически-достоверными почти ежегодныя (?) путешествія Іисуса въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи; только, говоритъ, «подробности каждаго изъ нихъ мало извѣстны (будто бы?), ибо синоптики не говорятъ объ нихъ, а замѣчанія четвертаго Евангелія здѣсь очень сбивчивы» (будто бы? на сколько справедливо это увидимъ) *Vie de Jesus*, p. 204 и 205.

этого города къ Себѣ, — къ покаянію и обращенію на путь истинный. «Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ, и каменіемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ я собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли» (Мѡ. 23, 37. Лук. 13, 34). — *Сколько разъ* — эти слова не имѣли бы никакого значенія ни въ устахъ Іисуса, если бы Онъ не бывалъ въ Іерусалимѣ въ продолженіе своего обществѣннаго служенія до послѣдней пасхи, предъ которою были они высказаны, — ни подъ перомъ повѣствователей, если бы они «ничего не знали» (wissen nichts — обычное псевдокритическое начало поборниковъ отрицательной критики) о путешествіяхъ Господа въ Іерусалимъ преимущественно на праздники. — Бауръ говоритъ (ж), что подъ чадами Іерусалима надобно разумѣть здѣсь не обитателей Іерусалима въ тѣсномъ смыслѣ слова, но іудеевъ вообще, которые могли быть названы чадами Іерусалима потому, что всѣ они сознавали, что этотъ городъ есть средоточный пунктъ всей народной ихъ жизни. Но и буква изреченія, и связь рѣчи, въ какой стоитъ оно у евангелистовъ, рѣшительно противъ такого объясненія. Бауръ и самъ, кажется, сознаетъ это, и — чтобы ослабить силу этого доказательства, прибѣгаетъ къ другимъ, обычнымъ впрочемъ, уловкамъ критики. Онъ а) утверждаетъ (з), что у Луки это изреченіе неподлинно, такъ какъ его нѣтъ въ Маркіюновомъ Евангеліи. Странное доказательство! Еретики,

---

(ж) Die kanonisch. Evang. s. 127.

(з) Theolog. Jahrbuch. 1847. s. 99 и дал. ср. Die kanonisch. Evangel. s. 127.

исказившій Евангеліе отъ Луки, опустилъ извѣстное мѣсто или изреченіе изъ этого Евангелія; слѣдовательно это мѣсто или изреченіе неподлинно: неужели это приѣмъ исторической критики? Но, если бы и такъ,—все же этимъ неумалается значеніе сего изреченія, какъ доказательства частаго пребыванія Христа въ Иерусалимъ: оно есть въ Евангеліи отъ Матѳея. Бауръ говоритъ, б.) что все это изреченіе есть ничто иное, какъ слова говорящаго во имя Божіе пророка, котораго въ этой опредѣленной формѣ вложены въ уста Иисуса, и слова: *сколько разъ* относятся первоначально къ цѣлому ряду различныхъ, прежде бывшихъ, посланниковъ и пророковъ Божіихъ, а не къ самому лицу Христа (и). Но такое толкованіе есть только крайнее насильственное средство выпутаться изъ затрудненія, и даже не требуетъ опроверженія. Если бы даже эти слова относились къ прежнимъ посланникамъ Божіимъ и пророкамъ,—все же они могли быть вложены въ уста Иисуса только въ такомъ случаѣ, когда влагающіе знали несомнѣнно, что Онъ самъ лично не одинъ разъ былъ въ Иерусалимъ, и дѣйствовалъ тамъ не непродолжительное время. Такимъ образомъ рассматриваемое изреченіе Господа, содержащееся въ Евангеліяхъ отъ Матѳея и Луки, съ которыми въ общемъ расположеніи повѣствованія совершенно согласно и Евангеліе отъ Марка, несомнѣнно удостоверяетъ, что и по повѣствованіямъ первыхъ евангелистовъ Христосъ, прежде последней пасхи, неоднократно приходилъ въ Иудею и Иерусалимъ, и являлъ Себя тамъ, какъ Мессію, точно такъ же какъ и по

(и) Ibid.

Евангелію отъ Іоанна; только у послѣдняго эти путешествія описываются точнѣе и подробнѣе. Слѣды таковыхъ путешествій довольно ясныя находимъ въ сказаніяхъ евангелиста Луки. Онъ четыре раза упоминаетъ о томъ, что Христосъ *шелъ* въ Іерусалимъ: 9, 51; 13, 22; 17, 11 и 19, 28. Нельзя думать, что въ этихъ мѣстахъ говорится объ *одномъ* путешествіи, что въ послѣднихъ трехъ указаніяхъ содержится только повтореніе перваго указанія на путешествіе Господа въ Іерусалимъ на послѣднюю пасху; нѣтъ, это указанія на разныя путешествія Господа изъ Галилеи въ Іудею, хотя евангелистъ и не упоминаетъ о возвращеніи Его опять въ Галилею. (i) А такъ какъ въ общемъ расположеніи событій съ повѣствованіемъ Луки сходны повѣствованія Матѳея и Марка, и такъ какъ событія, описываемыя у Луки между упомянутыми указаніями его на путешествія Господа, описываются и въ двухъ первыхъ Евангеліяхъ; то, значить, и по нимъ Христосъ путешествовалъ ранѣе послѣдней пасхи изъ Галилеи въ Іудею. Къ тому же заключенію приводятъ и нѣкоторые другія указанія евангелистовъ. Напримеръ: по сказаніямъ евангелистовъ Матѳея и Марка при допросѣ Іисуса Христа у Каіафы утверждали, что Христосъ говоритъ: «могу разрушить храмъ Божій и въ три дня воздвигнуть его» (Мѳ. 26, 61. Марк. 14, 58 ср. Мѳ. 27, 40). Спрашивается: когда высказано было это или нѣчто подобное Христомъ?—Изъ повѣствованій Матѳея и Марка этого не видно, а изъ Іоаннова Евангелія узнаемъ,

---

(i) Ср. Wieseler's — Chronolog. Synops. d. vier Evangel. Hamburg. 1843. s. 316 и дал.

что, когда Христосъ пришелъ въ Иерусалимъ на первую во время своего общественнаго служенія пасху, то сказалъ между прочимъ: разрушьте храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его (разумѣя храмъ тѣла своего. Иоан. 2, 19. 21). Далѣе: въ Иерусалимъ, между членами синедріона, Христосъ имѣлъ ученика Юсифа Аримаѳейскаго, и объ этомъ мы знаемъ изъ повѣствованій трехъ первыхъ евангелистовъ (Мѡ. 27, 57. и дал. Мар. 15, 42. и дал. Лук. 23, 50 и дал.). Юсифъ жилъ въ Иерусалимъ, имѣлъ здѣсь и гробницу, и весьма вѣроятно, что онъ сдѣлался ученикомъ Господа во время прежнихъ посѣщеній Христомъ Иерусалима. Потомъ, изъ повѣствованія Луки (10, 38 и дал.) мы видимъ, что Христосъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Маріей и Марѳой, жившими въ Вифаніи близъ Иерусалима; эта близость отношеній предполагаетъ пребываніе Христа въ Иерусалимъ и окрестностяхъ его ранѣе послѣдней пасхи. Такимъ образомъ, повѣствованія Іоанна о путешествіяхъ Христовыхъ въ Иерусалимъ и Іудею, прежде послѣдней пасхи подтверждаются и указаніями первыхъ трехъ евангелистовъ, хотя они прямо и не говорятъ, или не такъ прямо говорятъ объ этихъ путешествіяхъ. Почему не говорятъ, или не прямо говорятъ, мы этого не знаемъ; но утверждать, что объ этихъ путешествіяхъ они «не знаютъ ничего» (wissen nichts), по мевъшей мѣрѣ не основательно, и противно началамъ здоровой исторической критики.

Не смотря на то, что и въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ есть указанія на путешествія Господа въ Иерусалимъ на праздники прежде послѣдней пасхи, отрицающіе подлинность Іоаннова Евангелія, настаивая,

что первые евангелисты ничего объ этихъ путешествіяхъ не знаютъ, и отдавая въ этомъ случаѣ предпочтеніе ихъ повѣствованіямъ предъ Іоанновыми, утверждаютъ, что повѣствованія четвертаго Евангелія объ этихъ путешествіяхъ, не имѣютъ сами въ себѣ исторической истины (*durchaus ungeschichtlich*) (к). Мнѣніе опять совершенно неосновательное.

а) Мы уже замѣтили, что самое дѣло Христово—основаніе новаго царства на развалинахъ іудейства необходимо требовало того, чтобы Онъ часто бывалъ и дѣйствовалъ въ Іерусалимѣ.

б) Четвертый евангелистъ не могъ бы такъ прямо говорить о путешествіяхъ Христовыхъ, если бы ихъ не было. Предположимъ, что четвертое Евангеліе, какъ думаютъ послѣдователи новотюбингенской школы, произошло отъ какого-то неизвѣстнаго писателя около половины 2-го в., который имѣлъ особенную догматико-полемическую цѣль: можно ли ожидать въ этомъ случаѣ, что онъ рѣшится такъ далеко разойтись въ изображеніи хода событій жизни Христовой съ установленнымъ преданіемъ, засвидѣтельствованнымъ въ общепринятыхъ церковно трехъ Евангеліяхъ? Не скорѣе ли слѣдовало бы ожидать, что онъ въ этомъ именно пунктѣ будетъ держаться трехъ Евангелій изъ опасенія, что разногласіе съ ними затруднитъ его книгѣ входить въ общество, лишитъ вѣры его книгу? Въ самомъ дѣлѣ, если до половины 2-го вѣка ничего не знали о томъ, что Господь отъ времени Своего крещенія до послѣдней пасхи нерѣдко приходилъ въ

(к) См. особенно Weisse's — *Evangel. Geschichte* s. 125
Baur's—*Die kanonisch. Evangel.* s. 126 и дал.

Иерусалимъ и дѣйствовалъ тамъ: то писатель, который подъ покровомъ апостольскаго авторитета захотѣлъ свое писаніе ввести въ церковь, легко могъ и долженъ былъ предвидѣть, что если онъ представитъ исторію Христа въ другомъ видѣ, не въ томъ, въ какомъ оно дошло по преданію, заключенному въ существующихъ Евангеліяхъ, то онъ не найдетъ себѣ вѣры; догматическій интересъ (предполагаемый) не могъ закрыть его глазъ отъ этого, а напротивъ долженъ былъ побудить его, если онъ хотѣлъ провести какую-либо особенную догматическую мысль, во внѣшней формѣ своихъ повѣствованій не отступать отъ повѣствованій уже общезвѣстныхъ. Бауръ, правда, думаетъ освободиться отъ этого затрудненія, объяснивъ дѣло такъ: поелику четвертое Евангеліе имѣетъ цѣлю вообще — представить борьбу свѣта со тьмою, вѣры съ невѣріемъ, то для писателя въ этомъ уже лежала необходимость заставить Иисуса учащать свои путешествія въ Иерусалимъ, какъ центръ невѣрія современнаго и враждебной Христу силы (1). Но эта цѣль, (если она и была) не могла заставить писателя, искавшаго вѣры въ свои повѣствованія, выдумывать небывалыя путешествія Христовы; онъ могъ и въ Галилеѣ поставить Христа во враждебныя отношенія къ іудеямъ и ихъ представителямъ, могъ продлить пребываніе Христово въ Иерусалимъ на послѣдней пасхѣ долѣе, и поставить Его въ болѣе враждебныя отношенія къ іудеямъ, и этимъ гораздо удобнѣе могъ достигнуть своей цѣли, нежели выдумкою небывалыхъ путешествій, противно-

---

(1) D. kanonisch. Evangel. s. 126 и дал.

рѣчащихъ общепринятому преданію. Почему же писатель не поступилъ такъ, а допустилъ такое отлічіе отъ повѣствованій первыхъ трехъ евангелистовъ въ этомъ пунктѣ?

в) Единственная причина можетъ быть только та, что писатель зналъ и былъ убѣжденъ, что такое изображеніе событій вполне вѣрно и истинно, нисколько не противорѣчитъ повѣствованіямъ первыхъ трехъ евангелистовъ, а только восполняетъ ихъ. Утверждать, что Іоанново Евангеліе потому отличается отъ прочихъ въ этомъ пунктѣ, какъ и въ другихъ, что писателю его совершенно неизвѣстны были первыя Евангелія (м), или почти неизвѣстны (н), совершенно нѣтъ основаній. Древнее церковное вселенское преданіе свидѣтельствуетъ о совершенно противномъ, и историческая критика совершенно не можетъ отрицать истинности этого свидѣтельства; — если даже допустить (для чего нѣтъ основанія), что писатель четвертаго Евангелія не зналъ первыхъ трехъ, то нельзя отрицать ни въ какомъ случаѣ того, что онъ зналъ *преданіе* о событіяхъ, описываемыхъ въ нихъ, и не захотѣлъ бы стать въ противорѣчіе съ этимъ общераспространеннымъ преданіемъ. Если же такъ, то писатель четвертаго Евангелія могъ допустить различіе въ своихъ повѣствованіяхъ о путешествіяхъ Господа отъ первыхъ трехъ потому только, что это — правда, и слѣдовательно его повѣствованія о семъ имѣютъ полную историческую достовѣрность (*durchaus geschichtlich*).

(м) Von d. Alm—D. Theolog. Briefe, B. 2. s. 278.

(н) Renan—Vie de Jesus. Introd. p. XXXVI.

Посмотримъ однако поближе на тѣ причины, по которымъ повѣствованіа Іоанна о путешествіяхъ Спасителя въ Іерусалимъ, а съ тѣмъ и о мѣстѣ дѣйствій Его отъ крещенія до послѣдней пасхи считаются не историческими, т. е. не имѣющими исторической правды.

а) Говорятъ, что четвертое Евангеліе, представляя Іисуса путешествующимъ въ Іерусалимъ на праздники, даетъ ложное понятіе о томъ положеніи, въ какомъ Онъ стоялъ къ народу въ продолженіе Своего общественнаго служенія. По этому Евангелію, не только книжники и старцы и вообще представители іудейскаго народа, но и самый народъ—масса состоитъ съ Нимъ по большей части въ ожесточенной враждѣ, что невѣроятно; тогда какъ, по повѣствованіямъ первыхъ трехъ евангелистовъ, у Христа въ Галилеѣ очень много послѣдователей: тамъ Его слушаютъ, тамъ проповѣдь Его имѣла большой успѣхъ, тамъ стоятъ къ Нему въ добрыхъ отношеніяхъ, что весьма вѣроятно; а потому исторической истинны повѣствованій надобно искать у нихъ, а не у Іоанна (о). Замѣчаніе, что въ Евангеліи Іоанна преимущественно (только впрочемъ, а не исключительно) изображается противорѣчіе, въ какомъ стоялъ народъ и особенно вожди его въ отношеніи ко Христу, вражда и борьба, тогда какъ въ первыхъ Евангеліяхъ чаще является благопріятное вліяніе, производимое Имъ на народъ, и болѣе благопріятное отношеніе къ Нему народа,—замѣчаніе это вполнѣ справедливо, но рассматриваемое

(о) Weisse's—D. evang. Gesch. 1, 120 и дал. Cp. Fromman's—üb. d. Echth. und Integrit. d. Evang. Joann. въ Stud. und Krit. 1840. s. 894 и дал.

объясненіе его неправильно, а оттого и заключеніе, выводимое изъ него, ложно. Какая причина этой особенності Евангелія Іоаннова? Совершенно нельзя искать этой причины въ неправильномъ пониманіи писателемъ отношеній І. Христа къ народу,—будто бы это была *idée fixe* повѣствователя, что Іисусъ, о которомъ онъ слышалъ, какъ о страдальцѣ, пріившемъ страшную смерть въ Іерусалимѣ отъ начальниковъ народныхъ, что этотъ Іисусъ издавна, съ самаго начала Своего общественнаго служенія, постоянно стоялъ въ непрерывной борьбѣ съ іудеями, и что эта борьба довела Его до страшной смерти,—будто т. е. позднѣйшій повѣствователь отъ послѣднихъ событій, въ которыхъ выразились враждебныя отношенія народа ко Христу, заключилъ, что они всюду и всегда стояли въ такихъ отношеніяхъ, и, описывая только такія событія, представилъ Христа въ ложномъ отношеніи къ народу (п). Если обратить вниманіе на указанія самаго евангелиста, и рассмотреть эту особенность Евангелія съ точки зрѣнія евангельской, а не чуждой, не предзанятой: то не трудно видѣть, что эта мнимая *idée fixe* есть извлеченная изъ всей исторіи жизни Іисуса истинная мысль, что ставшее плотію Слово Божіе не было сначала принято и понято ни отчужденнымъ отъ Бога міромъ вообще, ни даже самимъ народомъ Божіимъ (Іоан. 1, 10—11.), и что только нѣкоторые увѣровали въ Него, и чрезъ то сдѣлались участниками въ сыноположеніи Богу Отцу (ст. 12. 13. 14. 16.). Истина этой мысли засвидѣтельствована не только Евангеліемъ отъ Іоанна, но и всѣми

(п) Weisse—а. а. о. у Fromman.

Евангеліями, цілою історією жизни Христовой, особливо распятієм Его, въ которомъ вполнѣ выразилось то, что ни міръ, ни свои *Его непріяшя*. . . . По какому же праву теперь въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ видѣть исключительно историческую вѣрность, вѣрное изображеніе отношеній І. Христа къ народу, и подозрѣвать четвертое Евангеліе въ невѣрности изображенія этихъ отношеній? Но, по сказаніямъ первыхъ трехъ евангелистовъ, Христось не стоить въ такомъ противорѣчій со всѣми? Правда; но они изображали Его дѣйствія по преимуществу въ Галилеѣ, гдѣ вдали отъ центра извращеннаго іудейства не такъ ясно выразилось это противорѣчіе, гдѣ охотнѣе принимали Иисуса, и гдѣ ученіе и дѣла Его имѣли болѣе плодовъ, а Іоаннъ изображаетъ Его дѣятельность въ Іудеѣ и Іерусалимѣ, центрѣ извращеннаго іудейства, и слѣдовательно противорѣчія истиннѣ; онъ восполняетъ тѣхъ, и восполняетъ именно со стороны самой существенной, со стороны изображенія враждебныхъ отношеній народа ко Христу, окончившихся Его смертію, и здѣсь сама собою открывается истинность повѣствованій Іоанна. По повѣствованію первыхъ евангелистовъ, осужденіе Христа іудеями является почти неожиданнымъ, неподготовленнымъ предшествующими историческими обстоятельствами, почти внезапнымъ; изъ Евангелія Іоаннова открывается постепенное приготовленіе къ этому со стороны вождей народа. Это ли не вѣрное изображеніе отношеній Христа къ народу по Евангелію Іоанна? Эти враждебныя отношенія должны были выразиться особенно въ Іерусалимѣ; Іоаннъ и избираетъ такія событія, которыя происходили въ Іерусалимѣ, куда Христось приходилъ на

праздники; это ли неправильное понятіе о мѣсть дѣйствій Иисуса? Это ли не историческія повѣствованія о путешествіяхъ Христа въ Иерусалимъ на праздники?

б) Говорятъ, что все изложеніе жизни Иисусовой въ четвертомъ Евангеліи производитъ невольно такое впечатлѣніе, что Онъ Своими путешествіями въ Иерусалимъ намѣренно вызывалъ на Себя новыя преслѣдованія со стороны іудеевъ, нарочито возстановлялъ ихъ противъ Себя, что не естественно и не благоразумно со стороны Его, и слѣдовательно не вѣроятно (р). Опять справедливо замѣчаніе, что каждое почти появленіе Христа въ Иерусалимъ какъ будто все болѣе и болѣе ожесточало противъ Него и вождей народа и самый народъ, хотя этотъ послѣдній и оказывалъ по временамъ великое къ Нему расположеніе, искалъ Его и встрѣтилъ восторженно при торжественномъ входѣ Его въ Иерусалимъ. Но намѣренно ли вызывалъ Иисусъ на Себя преслѣдованія со стороны іудеевъ, это—другой вопросъ, положительнаго отвѣта на который никакъ нельзя признать справедливымъ. Факты, что Христосъ, какъ скоро замѣчалъ, что движеніе іудеевъ принимало характеръ опасный для Него, тотчасъ уклонялся и оставлялъ Иудею, избѣгая этимъ преслѣдованія, достаточно ясно показываютъ, что возбужденіе такихъ преслѣдованій не было въ намѣреніи Иисуса, а что они были слѣдствіемъ Его дѣйствій въ Иерусалимѣ, гдѣ полнѣе выражались испорченныя понятія народа о Мессіи; очень естественно, что именно здѣсь Онъ встрѣтилъ сначала противорѣчіе Себѣ, потомъ злобу, ненависть и ожесточеніе противъ Себя. Что

(р) У Fromman.—а. а. о. S. 901.

же тутъ не естественнаго? Но, ежели такъ, то зачѣмъ Онъ совершенно не оставилъ Іерусалимъ, гдѣ Онъ такъ часто встрѣчалъ ненависть и преслѣдованія; часто ходить туда, при такомъ положеніи дѣла, говорятъ, было неблагоразумно (с). Но мы уже указали, почему для Христа было необходимо часто бывать въ Іерусалимъ, а относительно благоразумія здѣсь не можетъ быть и рѣчи; Божественная мудрость Его видна во всемъ, и только легкомысліе можетъ осуждать поступки Его, и предвзятая мысль—отвергать дѣйствія Его якобы неблагоразумныя. И этимъ думаютъ отвергнуть дѣйствительность неоднократнаго путешествія Христа въ Іерусалимъ по повѣствованію Іоанна.

е) Если, говорятъ, дѣйствительно Христосъ не имѣлъ въ Іерусалимъ учениковъ, кромѣ Никодима и Іосифа Аримаѳейскаго, такъ какъ всѣ Его апостолы и остальные послѣдователи были изъ Галилеи; то путешествія Его въ Іерусалимъ являются безцѣльными (г). Но, кажется, надобно совершенно закрыть глаза, чтобы не видѣть цѣли этихъ путешествій, внѣ цѣли—избранія учениковъ. Цѣль Его при семъ была та, чтобы въ центръ іудейства явить Себя Сыномъ Божиимъ, будетъ ли Онъ признанъ таковымъ, или нѣтъ. Что случилось съ Нимъ здѣсь последнее, было естественно, когда Онъ обращался тамъ по пренуществу съ ожесточенными и упорными вождями народа, стоявшаго подъ ихъ вліяніемъ (исторія страданій). Притомъ, это и должно было случиться во исполненіе пророчествъ и Божественнаго предопре-

---

(с) Ibid. S. 902.

(г) Ibid. S. 903.

дѣленія: «негдѣ пророку погибнуть, кромѣ Іерусалима», говорилъ самъ Господь за долго еще до Своихъ страданій (Лук. 13, 33.).

г) Говорятъ, будто въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ содержатся указанія на то, что путешествіе І. Христа въ Іерусалимъ на пасху, въ которую Онъ пострадалъ, было первое Его туда путешествіе; и слѣдовательно прежде Онъ тамъ не былъ (у). Мы видѣли уже, что въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ содержатся совсѣмъ другія, а не такія указанія. Посмотримъ однако. Указываютъ въ особенности на повѣствованіе Марка о пребываніи Христа во храмъ послѣ торжественнаго входа Его въ Іерусалимъ, какъ Онъ осматривалъ все во храмъ, какъ будто все было ново для Него, какъ будто Онъ въ первый разъ во храмъ. Прочитаемъ подлинныя слова Марка: «и вступилъ Иисусъ въ Іерусалимъ и въ храмъ, и, осмотрѣвъ все, какъ время уже было позднее, вышелъ въ Виванію» (Марк. 11, 11.). Неужели изъ этого—*осмотрѣвъ все*—можно вывести заключеніе, что Христосъ былъ въ первый разъ во храмъ со времени вступленія Своего въ дѣло общественнаго служенія, что это было ново для Него? Предоставляемъ судить каждому, а на это мѣсто, повторяемъ, указываютъ, какъ на главное доказательство того, что, по повѣствованіямъ первыхъ трехъ евангелистовъ, Господь былъ въ первый разъ въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи. Каковы же другія доказательства? Выписываемъ тексты, на которые еще указываютъ. Матѳ. 16, 21: «съ того времени (послѣ исповѣданія Петрова) началъ Иисусъ открывать ученикамъ Своимъ, что Ему

(у) Ibid. S. 897. 898.

должно идти въ Иерусалимъ, и много пострадать, . . . и быть убиту» . . . Лук. 9, 51: «когда же приближалось время взятія Его (Христа) отъ міра, Онъ вознамѣрился идти прямо въ Иерусалимъ». Еще Дѣян. 10, 37, слова ап. Петра іудеямъ: «вы знаете, что происходило по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи, послѣ крещенія, проповѣданнаго Іоанномъ» . . . Неужели, читая эти мѣста, безъ предзанятой мысли, можно вывести изъ нихъ заключеніе, что Господь пришелъ на пасху, въ которую пострадалъ, въ Иерусалимъ въ первый разъ со времени Своего крещенія? . . . А выводять . . . Конечно, съ подобной логикой дѣло имѣть довольно трудно: тутъ болѣе дѣло совѣсти, чѣмъ логики.

Вотъ и всѣ болѣе важныя причины, по которымъ считаютъ путешествія І. Христа въ Иерусалимъ на праздники, по повѣствованію Іоанна, не имѣющими исторической достовѣрности, и потому самое Евангеліе Іоанна—не подлиннымъ. Нѣтъ, не желаніе чистой исторической истины руководить подобными соображеніями, а предвзятая мысль. Іоаннъ, писавшій послѣ другихъ евангелистовъ, видимо восполняетъ ихъ повѣствованія и располагаетъ свои сказанія болѣе хронологически, и точно обозначаетъ мѣсто и время событій, а потому изъ сопоставленія его повѣствованій съ сказаніями первыхъ трехъ евангелистовъ вытекаетъ довольно полное и вѣрное изображеніе мѣста дѣйствій Господа, именно: Онъ не избиралъ мѣстомъ исключительной Своей дѣятельности ни Галилеи, ни Іудеи, а путешествовалъ и тамъ и здѣсь, и тамъ и здѣсь оставался столько времени, сколько Ему нужно было, или сколько позволяли обстоятельства. Впрочемъ, въ Галилеѣ, вдали отъ Іерусалима съ его искаженными

ученіями, ученіе Господа было лучше принимаемо, потому Онъ тамъ иногда болѣе проводилъ времени, и первые три евангелиста изображаютъ болѣе событія этого времени, и представляютъ болѣе благопріятные успѣхи Его проповѣди; а Іоаннъ, восполняя ихъ, изображаетъ по преимуществу Его дѣйствія въ Іудеѣ и Іерусалимѣ, гдѣ проповѣдь Его не имѣла такихъ успѣховъ.

2. Другимъ признакомъ внутреннимъ неподлинности (мнимой) Евангелія отъ Іоанна для наборщиковъ отрицательной критики служатъ *рѣчи* Господа, содержащіяся въ этомъ Евангеліи, сравнительно съ рѣчами Его въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ читающему Евангелія съ перваго же раза не замѣтить особенности Евангелія Іоаннова въ этомъ отношеніи. Во первыхъ эти рѣчи почти всѣ иныя, какихъ нѣтъ въ первыхъ евангеліяхъ (исключая тѣхъ, какія говорены были по поводу событій, о которыхъ вмѣстѣ съ первыми тремя евангелистами говорить и Іоаннъ). Есть нѣсколько краткихъ изреченій въ немъ, одинаковыхъ съ изреченіями у первыхъ трехъ евангелистовъ; но нѣтъ въ немъ ни одной пространной рѣчи, которую передавали бы и первые евангелисты, или хотя одинъ изъ нихъ, и на оборотъ. Во вторыхъ, эти рѣчи Христовы въ Іоанновомъ Евангеліи имѣютъ особенный характеръ сравнительно съ рѣчами Его по первымъ Евангеліямъ, отличаются отъ нихъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Выскажемъ это кратко: въ отношеніи къ формѣ рѣчи Христа, по Іоаннову Евангелію имѣютъ по преимуществу разговорный (диалогическій) характеръ, тогда какъ рѣчи Его въ первыхъ Евангеліяхъ имѣютъ болѣе характеръ рѣчи не-

прерывной (монолога); притчей въ собственномъ смыслѣ, какихъ первые евангелисты передаютъ очень много, у Іоанна почти совсѣмъ нѣтъ. Въ отношеніи къ содержанію, рѣчи І. Христа у первыхъ евангелистовъ имѣютъ по преимуществу предметомъ своимъ царство Божіе на землѣ, его начало, распространеніе, характеръ и пр.; рѣчи у Іоанна по преимуществу относятся къ изображенію достоинства и величія Христа, какъ Сына Божія, и Его отношенія къ Отцу, какъ прежде вочеловѣченія, такъ и послѣ сего; вообще въ этомъ отношеніи характеръ рѣчей Христа у Іоанна наиболее богословскій, возвышенный, тогда какъ у первыхъ евангелистовъ — болѣе простой, и непосредственно практическій. Отъ того и въ самомъ языкѣ употребляются часто слова особенныя — съ особеннымъ значеніемъ, наприм. свѣтъ, міръ, животъ, истина и пр. Для изучающаго Евангелія подъ руководствомъ вселенскаго церковнаго преданія и исторіи — эта особенность Іоаннова Евангелія вполне удовлетворительно объяснима, и видна даже необходимость этой особенности Евангелія, если оно написано апостоломъ Іоанномъ. Если апостоль Іоаннъ видѣлъ и зналъ первые три Евангелія прежде написанія своего, то ему не было нужды въ своемъ Евангеліи повторять какъ описанія событій въ нихъ рассказываемыхъ, такъ и рѣчей въ нихъ изложенныхъ. Вотъ вполне достаточное объясненіе того, что рѣчи Христовы въ его Евангеліи нѣтъ, какихъ нѣтъ у первыхъ евангелистовъ. Если онъ повѣствуетъ о нѣкоторыхъ и такихъ событіяхъ, кои описаны первыми евангелистами: то это въ такихъ только случаяхъ, когда нужно что либо восполнить въ тѣхъ Евангеліяхъ, или выставить яснѣе ту сторону событія,

которая нужна для цели Евангелія его, и которая не вполне высказана у тѣхъ евангелистовъ; въ рѣчахъ же онъ достигаетъ сего выборомъ и изложеніемъ особенныхъ, опущенныхъ тѣми, рѣчей. Далѣе, Іоаннъ писалъ въ старости, въ концѣ 1-го вѣка, въ малой Азіи, въ столицѣ ея и центрѣ тогдашняго малоазійскаго образованія, въ Ефесѣ. Къ тому времени довольно ясно уже выражались еще неопредѣлившіяся прежде разныя, такъ называемыя, гностическія идеи, и мѣстомъ развитія ихъ была по преимуществу малая Азія, и именно Ефесъ (здѣсь во времена св. Іоанна жилъ Керинѣ). Отличительнымъ характеромъ гностицизма въ тогдашнее время были споры о такъ называемыхъ эонахъ и отношеніи ихъ къ Божеству, о логосѣ въ смыслѣ Филоновомъ, о Божественномъ и человеческомъ естествахъ І. Христа. Возлюбленный ученикъ Господа былъ свидѣтелемъ этихъ соблазнительныхъ для вѣрующихъ словопреній, и малоазійскіе епископы въ виду этихъ соблазновъ просили престарѣлаго апостола дать имъ въ руководство новое Евангеліе въ восполненіе первыхъ, и онъ написалъ. Вотъ другая причина, почему въ его Евангеліи рѣчи Христа другія, а не тѣ, какія у первыхъ евангелистовъ, и вмѣстѣ причина указанной особенности въ содержаніи этихъ рѣчей; избраны изъ нихъ такія, въ коихъ Христосъ по преимуществу раскрывалъ ученіе о своемъ Лицѣ, о своемъ Божескомъ достоинствѣ, объ отношеніяхъ Своихъ къ Отцу. Таковыя рѣчи говорены были Господомъ по преимуществу въ Іерусалимѣ и Іудеѣ, и это очень естественно. Здѣсь — въ средѣ испорченнаго іудейства — Ему приходилось имѣть дѣло съ спорливыми книжниками и законниками, и самый

народъ здѣсь болѣе стоялъ подѣ ихъ вліяніемъ. Удивительно ли по этому, что возвышенныя бесѣды Господа нерѣдко прерываемы были разными вопросами и возбуждали недоумѣнія? Эта же самая возвышенность предметовъ рѣчей, говоренныхъ въ Іерусалимѣ, заставляла и самыхъ близкихъ учениковъ Его нерѣдко вопрошать Его для объясненія того или другаго, сказаннаго непонятно для нихъ. Вотъ простое и естественное объясненіе преобладанія діалогической формы въ рѣчахъ Іисуса, сообщаемыхъ въ Іоанновомъ Евангеліи. Въ Галилеѣ, вдали отъ Іерусалима, народъ, очень естественно, былъ проще, не такъ зараженъ предразсудками современнаго іудейства, а потому съ усердіемъ и простотою слушалъ поученія Христовы, не споря, не возражая; да и самыя поученія Христовы тамъ по тому же самому были проще, по болѣе части въ приточной формѣ. Вотъ почему въ этихъ рѣчахъ преобладаетъ монологъ (*). Такъ просто и естественно объясняются особенности рѣчей Христовыхъ у Іоанна сравнительно съ рѣчами у первыхъ евангелистовъ, для тѣхъ, кто изучаетъ Евангеліа подѣ руководствомъ вселенскаго церковнаго преданія и исторіи; для него очевидна даже необходимость этихъ особенностей. Не такъ относятся къ сему приступающіе

(*) Само собою разумѣется, что эта разность могла условливаться еще личными особенностями писателя. Іоаннъ, любящій наглядность въ изображеніи событій, могъ ради ея удержать въ своемъ повѣствованіи діалогъ, тогда какъ другіе могли изображать только сущность рѣчей Господа, удерживая Его рѣчь и опускаая вопросы другихъ и отвѣты Іисуса на нихъ, не прямо относящіеся къ предмету рѣчи.

къ изученію Евангелій съ предвзятой мыслью, отторгшіеся въ дѣль изученія Библии отъ единственно вѣрнаго и надежнаго руководства для разумнѣя ея— вселенскаго церковнаго преданія, и на основаніи отрѣшенныхъ отъ исторіи внутреннихъ признаковъ унесшіеся въ область историческихъ мечтаній. Для нихъ эти рѣчи Господа сдѣлались соблазномъ и камнемъ претыканія, и досель они, повторяя одинъ другаго, твердятъ о неподлинности этихъ рѣчей и вмѣстѣ съ ними всего Евангелія (х).

Ренанъ, рѣзкостью фразы обыкновенно преувеличивающій и доводящій до крайности мысли своихъ руководителей, и тѣмъ самымъ обличающій ложь основнаго ихъ воззрѣнія, такъ фразируетъ объ этомъ предметѣ: «онъ (Іоаннъ) влагаетъ въ уста Іисуса бесѣды, въ которыхъ тонъ, слогъ, приемы, ученіе не имѣютъ ничего общаго съ бесѣдами, приводимыми у синоптиковъ (трехъ первыхъ евангелистовъ). Въ этомъ отношеніи различіе таково, что надобно дѣлать выборъ рѣшительный. Если Іисусъ говорилъ такъ, какъ у Матѳея, то не могъ Онъ говорить такъ, какъ у Іоанна. Между этими двумя авторитетами ни одинъ критикъ не колебался и не поколеблется» (ц). Но зачѣмъ же такъ клеветать на всѣхъ критиковъ? Ренанъ долженъ же знать, что въ продолженіе 18-ти вѣковъ было множество, и теперь есть множество критиковъ, и болѣе умныхъ, болѣе тонкихъ, болѣе проицатель-

(х) На это отлічіе Евангелія Іоаннова, какъ на признакъ его неподлинности, указываютъ въ особенности—Бретшнейдеръ, Вейссе, Брюно-Бауеръ, Бауръ, Альмъ и Ренанъ.

(ц) Vie de Jesus—Introd. p. XXIX.

ныхъ, чѣмъ онъ самъ, такихъ критиковъ, которые не только не колебались, но и не думали даже колебаться въ томъ, что рѣчи Христовы и у первыхъ трехъ евангелистовъ и у Іоанна могутъ принадлежать и дѣйствительно принадлежать одному лицу, могли быть сказаны, и дѣйствительно сказаны Христомъ. Долженъ же звать Ренанъ, что только небольшіе кружки критиковъ, и то съ недавняго (относительно) времени стали считать эти рѣчи несомвѣстимыми въ устахъ одного лица, что и эти критики руководствуются въ подобныхъ сужденіяхъ совсѣмъ не требованіями чистой исторической правды и истины, а другими побужденіями. Чтó же значитъ эта фраза: «ни одинъ критикъ не колебался, и не поколеблется»? Или онъ, кромѣ этихъ небольшихъ кружковъ критиковъ, никого уже и не считаетъ критиками? Не слишкомъ ли уже это смѣло и смѣшно? Потомъ, чтобы смѣть такъ рѣзко выставлять эту мнимую противоположность рѣчей Христовыхъ у Іоанна и первыхъ евангелистовъ, нужно бы дать фактическія доказательства. Сдѣлалъ ли это Ренанъ? Нѣтъ. Кромѣ общихъ и пустыхъ, въ родѣ вышеприведенной, фразъ, — ни одного доказательства. А не мѣшало бы ученому критику предварительно повнимательнѣе рассмотреть и сравнить рѣчи Господа по всѣмъ Евангеліямъ, и обратить вниманіе на дѣйствительныя, историческія причины особенности рѣчей у Іоанна: тогда онъ, можетъ быть, и остерегся бы бросать подобныя фразы, по крайней мѣрѣ принужденъ былъ бы смягчить ихъ. Не мѣшало бы ему присмотрѣться, нѣтъ ли у первыхъ евангелистовъ указаній на то, что Господь говорилъ иногда рѣчи, отличныя отъ сообщаемыхъ ими; нѣтъ

ли и у Иоанна указаній на то, что Господь говорилъ рѣчи, отличныя отъ сообщаемыхъ имъ, и не совмѣстимы ли эти (мнимо) противоположныя рѣчи въ устахъ одного лица. — Посмотримъ. Что касается внѣшней формы рѣчи, то дѣйствительно въ рѣчахъ Господа у первыхъ евангелистовъ преобладаетъ приточный способъ выраженія, тогда какъ у Иоанна почти нѣтъ притчей, — рѣчь возвышенна. Но и у первыхъ евангелистовъ есть весьма ясныя указанія на то, что Христосъ въ своихъ рѣчахъ не ограничивался преимущественно приточнымъ способомъ ученія, особенно въ отношеніи къ Своимъ ученикамъ, а употреблялъ другую рѣчь. Однажды ученики спрашивали Господа: для чего Онъ въ притчахъ говоритъ народу? Господь отвѣчалъ: «отъ того, что вамъ дано знать тайны царствія небеснаго, а имъ (народу) не дано» (Матѳ. 13, 10. 11; ср. Марк. 4, 11: «а тѣмъ внѣшнимъ все бываетъ въ притчахъ»; ср. Лук. 8, 10.); и послѣ сего Матѳей и Маркъ замѣчаютъ: «говорилъ Иисусъ народу притчами, и безъ притчи ничего не говорилъ имъ; ученикамъ же Своимъ особливо изъяснялъ все» (Матѳ. 13, 34; Марк. 4, 33. 34.). Итакъ, рѣчи говоренныя Господомъ къ народу, были отличны отъ бесѣды Его съ учениками, но внѣшней формѣ; послѣднимъ тайны царствія Онъ объяснялъ и безъ покрова притчи. Первые евангелисты сообщаютъ болѣе рѣчей перваго рода, Иоаннъ — послѣдняго, такъ какъ онъ писалъ послѣ нихъ, и рѣчи, переданныя въ нихъ, были уже извѣстны и распространены, и онъ, сообразно своей цѣли, избираетъ другія. Правда, не всѣ рѣчи Господа у Иоанна обращены къ Его только ученикамъ, — многія изъ нихъ говорены были и народу, — но, кажется,

нельзя въ строгомъ смыслѣ понимать замѣчанія первыхъ евангелистовъ, что Господь народу безъ притчей не говорилъ ничего; это только общее обозначеніе того, что было дѣломъ болѣе обыкновеннымъ и преимущественнымъ; и къ народу Христосъ говорилъ не одними притчами, особенно въ Иерусалимѣ — къ народу стоявшему болѣе подъ вліяніемъ книжниковъ; эти рѣчи и излагаетъ преимущественно евангелистъ Іоаннъ. И тѣ и другія совершенно совмѣстимы въ устахъ одного лица, по показаніямъ и самихъ евангелистовъ. Еще, — у Іоанна есть такое сказаніе: послѣ продолжительной прощальной рѣчи Господа, ученики сказали Ему: «вотъ теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой» (16, 29.). Итакъ Іисусъ не всегда употреблялъ приточный образъ рѣчи, — и особенно въ последнее время своей жизни говорилъ ученикамъ Своимъ безъ притчей; эти бесѣды и сообщаетъ Іоаннъ, и — вотъ причина ихъ отличія отъ бесѣдъ у первыхъ евангелистовъ. Такимъ образомъ рѣчи Господа, сообщаемыя у первыхъ евангелистовъ и Іоанна, по внѣшней своей формѣ, совершенно совмѣстимы въ устахъ одного лица, даже по указаніямъ самихъ евангелистовъ; — за чѣмъ же насильственно ставить ихъ въ противорѣчіе между собою, и считать несовмѣстимыми?—Что касается до содержанія рѣчей Господа у Іоанна, будто бы отличнаго отъ содержанія рѣчей Его у первыхъ евангелистовъ: то и здѣсь также нѣтъ недостатка въ указаніяхъ первыхъ евангелистовъ на изреченія Господа, имѣющія совершенно тотъ же характеръ, какъ и рѣчи у Іоанна. Таковы рѣчи Господа о Его Божескомъ достоинствѣ и Его отношеніи къ Отцу, особенно Матѣ. 11, 27. (ср. Лук.

10, 22.), Матѣ. 9, 4 и дал. (ср. Марк. 2, 8 и дал., Лук. 5, 22 и дал.), Матѣ. 16, 16 и дал., 21, 37 (ср. Марк. 12, 6 и Лук. 20, 13.), Матѣ. 22, 41 и дал. (ср. Марк. 12, 25 и дал. и Лук. 20, 41 и дал.), Матѣ. 25, 31 и дал., 26, 64. (ср. Марк. 14, 62.), Матѣ. 28, 18 и дал. и мн. друг. (ч). Эти мѣста изъ первыхъ евангелистовъ съ наглядностію увѣряють, что и по содержанію рѣчи Господа у нихъ и у Іоанна совершенно совмѣстимы въ устахъ одного лица. У Іоанна только болѣе сообщается такихъ рѣчей, въ которыхъ Господь говоритъ о Себѣ и отношеніи къ Отцу; но это, какъ мы замѣтили, совершенно удовлетворительно объясняется обстоятельствами происхожденія и особенною цѣлію этого евангелиста. — Зачѣмъ же, повторяемъ, насильственно ставить въ противорѣчіе рѣчи Господа у первыхъ евангелистовъ и Іоанна? Это противорѣчіе, эту несовмѣстимость рѣчей можетъ видѣть только предубѣжденная мысль; особенность у Іоанна есть, это правда; но это — особенность непротиворѣчающая прочимъ Евангеліямъ. Тоже должно сказать и объ особенности словоупотребленія у Іоанна въ рѣчахъ Господа. «Въ нихъ, фразируетъ по обыкновенію Ренанъ, развивается цѣ-

---

(ч) Выписываемъ нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, сопоставляя съ рѣчами по Іоанну. Матѣ. 11, 27: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ, и никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ.* Іоан. 10, 15: *Якоже знаетъ Мѧ Отецъ, и Азъ знаю Отца.* — 6, 46: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо Сый отъ Бога, Сей видѣ Отца.* Матѣ. 28, 18: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли.* Іоан. 13, 3: *вѣдый, яко вся даде Ему Отецъ въ руку; и др*

мый языкъ, совсѣмъ новый, языкъ, о которомъ первые три евангелиста не имѣютъ никакого понятія (миръ, истина, жизнь, свѣтъ, тьма и пр.)» (ш). Цѣлѣмъ языкъ, и совсѣмъ новый—изъ пяти словъ и пр.! О, всемогущая фраза! Языкъ, о которомъ первые три евангелиста не имѣютъ ни малѣйшаго понятія! Будто бы?! *Миръ* употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ у Иоанна, у Матѳея 13, 37 и слѣд., 28, 7 и друг.; *истина* — у Матѳея 22, 16., ср. Марк. 12, 14., Лук. 20, 21. и др.; *жизнь* — у Матѳ. 7, 13. 14; 18, 8; 19, 17 и др.; *свѣтъ* и *тьма* — у Матѳея 5, 14 и дал., 6, 22 и дал., и др.—И это языкъ, о которомъ первые евангелисты не имѣютъ ни малѣйшаго понятія? Безспорно, что въ рѣчахъ Господа у Иоанна чаще встрѣчаются эти слова, и шире развиваются ихъ понятіе; но зачѣмъ же говорить, что этихъ понятій нѣтъ въ рѣчахъ Господа у первыхъ трехъ евангелистовъ, что эти послѣдніе не имѣютъ о нихъ никакого понятія? И причина, почему Иоаннъ избираетъ бесѣды по преимуществу съ этимъ словоупотребленіемъ, вполне понятна: этими словами такъ злоупотреблялъ развивавшійся гностицизмъ около того времени, когда написано Евангеліе отъ Иоанна, и который онъ имѣлъ въ виду при написаніи Евангелія. — Что же послѣ этого значатъ фразы, въ родѣ сейчасъ приведенной, Ренана и подобныхъ ему, и руководителей его?

Далѣе говорятъ, что рѣчи Христа въ четвертомъ Евангеліи носятъ на себѣ ту же печать, и имѣютъ тотъ же характеръ, какъ и представленіе и изложеніе событій самимъ евангелистомъ, и изложеніе пер-

---

(ш) Vie de Jesus—Intr. p. XXXV.

ваго посланія, извѣстнаго подъ именемъ Іоанна, и слѣдовательно рѣчи эти неподлинны, а измышлены,— а слѣдовательно неподлинно самое Евангеліе (ш). Смысль возраженія тотъ, что самъ писатель (не апостоль) сочинилъ рѣчи Господа, и не сумѣлъ ихъ отличить отъ собственной рѣчи, и тѣмъ обличилъ подлогъ ихъ. Странное, болѣе чѣмъ странное обвиненіе! Предполагать такое неискусство въ дѣлѣ подлога въ человѣкѣ, который хотѣлъ (будто бы) сдѣлать подлогъ, можетъ только неискусный фразеръ позднѣйшій. Нѣтъ, захотѣвшій сдѣлать подлогъ, и притомъ въ позднѣйшее время, конечно, постарался бы скрыть это всеми мѣрами, и не допустилъ бы такого признака подлога; иначе надобно было бы признать его недовольно искуснымъ, чтобъ ввести въ заблужденіе цѣлую церковь. Но что говорить о предположеніи, о мечтѣ? Обратимся къ дѣйствительности, и посмотримъ на это возраженіе прямѣе. Правда, что языкъ рѣчей Господа въ четвертомъ Евангеліи одинаковъ съ языкомъ перваго посланія Іоаннова, языкомъ Апокалипсиса, и собственнымъ языкомъ евангелиста въ самомъ Евангеліи. Но ужели это можетъ свидѣтельствовать противъ подлинности рѣчей Господа въ этомъ Евангеліи, и противъ подлинности самаго Еван-

---

(ш) „Слогъ рѣчей, приписываемыхъ Іисусу четвертымъ Евангелиемъ, говоритъ Ренанъ, совершенно сходенъ съ слогомъ посланій св. Іоанна; видно (?), что, записывая рѣчи, авторъ слѣдовалъ не своимъ воспоминаніямъ, но довольно однообразному движенію своей собственной мысли“ (Vie de Jesus — Introd. p. XXXIV. XXXV). То же въ другихъ словахъ говорили прежде—Бретшнейдеръ, Бауръ и др.

гелія? — Возлюбленный ученикъ Господа, впечатлительный и нѣжный, такъ усвоилъ себѣ ученіе своего Учителя и самый способъ изложенія его, такъ проникся имъ, что, когда говорилъ и отъ себя, говорилъ тѣмъ же языкомъ, какъ и его Учитель въ Своихъ самыхъ возвышенныхъ бесѣдахъ; — не достаточное ли исполнѣніе это объясненіе одинаковости рѣчи самого Іоанна и рѣчей Господа, переданныхъ въ его Евангеліи? Это совершенно возможно психологически; это бываетъ и при обыкновенныхъ близкихъ взаимныхъ отношеніяхъ простыхъ людей; здѣсь же отношенія выше, чѣмъ отношенія обыкновенныхъ людей, духовное вліяніе Учителя на ученика сильнѣе, единенія духовнаго больше: — по какому же праву здѣсь именно отрицать возможность этого единенія и въ ученіи, и въ способѣ изложенія его, когда это такъ естественно психологически? — Основаній нѣтъ. Есть мѣсто только одному вопросу при этомъ: почему самъ Іоаннъ не употребляетъ по преимуществу простую форму рѣчей Господа, записанныхъ въ первыхъ Евангеліяхъ? Но отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простой: потому же, почему изъ всѣхъ рѣчей Господнихъ онъ избираетъ по преимуществу такія, какія помѣщены въ его Евангеліи. Это и требовалось обстоятельствами времени, въ которое написаны его книги, и больше соответствовало его возвышенному духовному настроенію. Во всякомъ случаѣ странно на этомъ основаніи заподозривать историческую достовѣрность рѣчей Господа въ Евангеліи Іоанновомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и подлинность самаго Евангелія. А между тѣмъ, не смотря на эту странность, построиваютъ на ней новое возраженіе противъ подлинности и исторической

достоверности рѣчей Господа по Евангелію Іоаннову, касаясь и рѣчей другихъ лицъ, о которыхъ въ немъ повѣствуется.

Говорятъ, что писатель Евангелія, подобно древнимъ греческимъ и римскимъ историкамъ, самъ по себѣ совершенно свободно составилъ и вложилъ въ уста дѣйствующихъ лицъ рѣчи, что въ частности рѣчи Христа въ этомъ отношеніи сходны съ рѣчами, вложенными въ уста Сократа (ничего не оставившаго послѣ себя въ письмени) Платономъ, который, подъ авторитетомъ Сократа, хотѣлъ распространить свои воззрѣнія (ѣ). Можно говорить, конечно, все, особенно подъ эгидой эрудиціи, — но есть ли фактическія доказательства? Въ рѣчахъ Господа, передаваемыхъ Іоанномъ, много есть краткихъ замѣчаній такого рода, которыя понятны только при предположеніи, что онѣ дѣйствительно чисто-историческія и притомъ вѣрно-сообщенныя рѣчи, чего нельзя найти въ Сократовскихъ рѣчахъ у Платона. Вотъ, наприм., краткое изреченіе, вдругъ неожиданно прерывающее продолжительную прощальную бесѣду Господа съ учениками: «встаньте, пойдѣте отсюда» (Іоан. 14, 31.). Это — приглашеніе Господомъ учениковъ оставить горницу, гдѣ происходила вечера и бесѣда, и итти въ другое мѣсто; но Евангелистъ не прибавляетъ, пошли ли они тотчасъ, или нѣтъ. Это изреченіе стоитъ внѣ всякой связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, и не имѣло бы никакого значенія для позднѣйшаго писателя, влагающаго рѣчи въ уста Господа, если бы

(ѣ) На это указываетъ и Ренанъ — *Vie de Jesus—Introd.* р. XXXV. XXXVI.

писатель Евангелія былъ таковымъ. — Оно могло напечатлѣться только въ памяти присутствовавшаго тутъ ученика, вспоминавшаго объ этой трогательной бесѣдѣ своего Учителя, хотя и не имѣетъ никакого отношенія къ контексту рѣчи. Но рѣшительно нельзя объяснить, что могло заставить позднѣйшаго писателя, свободно влагающаго въ уста Иисуса рѣчи, записать и эти, нарушающія связь рѣчи, слова. Отъ такого писателя скорѣе слѣдовало бы ожидать, что онъ такое изреченіе Господа отнесетъ къ концу рѣчи, а потомъ замѣтитъ, или что Онъ дѣйствительно пошелъ съ учениками Своими, или что Онъ и послѣ этого еще оставался нѣкоторое время на томъ же мѣстѣ, и почему. Во всякомъ случаѣ это изреченіе могъ записать, и записать именно въ этомъ мѣстѣ, не позднѣйшій писатель, а бывшій при этомъ ученикъ, у котораго напечатлѣлось оно живо въ памяти. Противники подлинности рѣчей Господнихъ въ Іоанновомъ Евангеліи сами чувствуютъ всю силу подобныхъ, говорящихъ громко противъ нихъ, изреченій, и силятся всячески ослабить силу ихъ, но напрасно. Наприм. Штрауссъ и Бауръ говорятъ (ы), что писатель четвертаго Евангелія заимствовалъ это изреченіе изъ перваго и втораго Евангелій, въ которыхъ, при повѣствованіи о томъ, какъ въ саду Геосиманскомъ пришли взять Господа, содержится такое Его изреченіе: «встаньте, пойдемъ; се приблизился предающій Меня» (Матѣ. 26, 46. Марк. 14, 42.). — Совсѣмъ невѣроятно. Къ чему было писателю, свободно влагаю-

---

(ы) Theolog. Jahrbuch. 1844. S. 429. — Die kanon Evang. S. 265.

щему въ уста Иисуса такую связную, пространную рѣчь, вставляя изреченіе, взятое отъ инуду, гдѣ оно имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, и прерывать имъ рѣчь? Нѣтъ, это увертка, не болѣе, — чтобы такъ или иначе выпутаться изъ затрудненія! Вотъ другое подобное изреченіе Господа, указывающее на историческую достовѣрность рѣчи, въ которой оно заключается, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прочихъ рѣчей Его. Послѣ бесѣды съ женою самарянскою Господь говоритъ ученикамъ Своимъ: «не говорите ли вы, что чрезъ четыре мѣсяца наступитъ жатва? А Я говорю вамъ: возведите очи ваши, и посмотрите на нивы» (иносказательно разумѣются самаряне, вышедшіе изъ города къ Спасителю, готовые принять ученіе Его), «какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ» и пр. (Іоан. 4, 31 и дал.). — Надобно замѣтить, что евангелистъ ни выше, ни ниже не дѣлаетъ никакого замѣчанія о томъ, когда происходило это событіе. Видно, что онъ передаетъ рѣчь такъ, какъ она была сказана, какъ запомнилъ ее очевидецъ-слушатель; отъ позднѣйшаго писателя надобно было бы ожидать, что онъ сдѣлаетъ поясненіе не ясно сказанному, въ чемъ очевидецъ-слушатель не имѣлъ нужды, да и едва ли могъ выдумать позднѣйшій писатель такую частность, и такъ искусно вставить ее въ рѣчь Господа. И такихъ частныхъ чертъ, свидѣтельствующихъ, что вспоминалъ и записалъ ихъ очевидецъ-слушатель, а не позднѣйшій писатель, влагавшій въ уста Иисуса выдуманныя рѣчи, въ Евангеліи отъ Іоанна множество. Сюда принадлежатъ прикровенныя пророчества Господа о Своихъ страданіяхъ и смерти, иногда объясняемыя евангелистомъ, наприм. 2, 19; 7, 33 и

дал. 8, 21; 10, 11. 17 и дал. 12, 23 и дал. 32; 14, 1—4; 16, 16 и др. — Сюда принадлежат замѣчанія самого писателя о нѣкоторыхъ событіяхъ и рѣчахъ, наприм. 2, 11. 23 и дал. 4, 54; 21, 14 и др. Кажется, только предубѣжденная мысль можетъ видѣть въ рѣчахъ Господа у Іоанна рѣчи, вложенныя въ уста Его и свободно-составленныя для какихъ-то цѣлей, придуманныхъ черезъ 18 вѣковъ. Конечно, нельзя представлять дѣла такъ, что повѣствователи записывали отъ слова до слова рѣчи своего Учителя; — видны въ ихъ повѣствованіяхъ нерерывы рѣчей; одни и тѣ же рѣчи передаются у нихъ не буквально сходно; но чтобы рѣчи были вымышленныя, или свободно составленныя, какъ рѣчи Сократа въ діалогахъ Платона, этого рѣшительно доказать нельзя, а противъ этого есть сильныя доказательства. Весьма курьезно въ этомъ послѣднемъ отношеніи сужденіе Ренана о писателяхъ Евангелій. Извѣстно, что о Сократѣ, его жизни и ученіи остались свѣдѣнія отъ двухъ его учениковъ—Ксенофонта и Платона. Нѣмецкіе ученые сравниваютъ повѣствованія первыхъ трехъ евангелистовъ съ «воспоминаніями» Ксенофонта, а повѣствованія Іоанна—съ «діалогами» Платона. Ихъ повторяетъ и Ренанъ, но по обычаю доводитъ до крайности и до смѣшнаго своимъ фразѣрствомъ. — «Чтобы изложить Сократово ученіе, должно ли, спрашиваетъ онъ, слѣдовать діалогамъ Платона, или воспоминаніямъ Ксенофонта? Никакое сомнѣніе на этотъ счетъ невозможно, отвѣчаетъ онъ; *весь міръ* слѣдуетъ воспоминаніямъ, а не діалогамъ» (b). Но зачѣмъ же клевет-

---

(b) Vie de Jesus—Introd. p. XXXV.

тать на цѣлый міръ? Долженъ же авторъ знать, что пѣкоторое время небольшой кружокъ ученыхъ держался этого мнѣнія, и пынь кое-кто еще держится его, подѣ влияніемъ такой же предвзятой мысли, какъ и Ренанъ, но весь міръ совсѣмъ не слѣдуетъ имъ. Первокласные ученые, безъ предвзятой мысли разбиравшіе этотъ вопросъ, судьи компетентные въ этомъ дѣлѣ, которымъ дѣйствительно слѣдуетъ міръ въ этомъ вопросѣ, рышаютъ его совсѣмъ не такъ, какъ Ренанъ. Вотъ наприм. у насъ классическое сочиненіе Грота «Исторія Греціи», сочиненіе, пользующееся европейскимъ авторитетомъ. Тамъ Ксенофонтово изображеніе Сократа не только не противопоставляется изображенію его Платономъ; но прямо говорится, что изображеніе его у того и другаго въ существѣ дѣла одинаково и вѣрно, и слѣдовательно, при изложеніи ученія Сократа надобно слѣдовать обоимъ, — иначе выдетъ не вѣрно (†). Таково мнѣніе и другихъ безпристрастныхъ изслѣдователей древности, и такому мнѣнію дѣйствительно слѣдуетъ міръ. Чтѣ же послѣ сего значитъ вышеприведенная фраза Ренана?... Правда, онъ нѣсколько смягчаетъ ее далѣе, снисходительно позволяя пользоваться и Платономъ, но «весь міръ» все таки слѣдуетъ будто бы воспоминаніямъ Ксенофонта. Странно. — обманывать и клеветать на весь міръ!... Односторонность мнѣнія, что въ изображеніи Сократа нужно слѣдовать Ксенофону достаточно доказана именно тѣмъ, что если слѣдовать только ему, и не брать той спекулятивной стороны духа

(†) Grote — Geschichte d. Griechenlands, aus d. Englisch. übertrag. von Meissner. Band. IV. Leipz. 1854. S. 623—625.

Сократа, которую изобразилъ по преимуществу Платонъ; то рѣшительно непонятнымъ становится, какимъ образомъ отъ него произошли многія по преимуществу спекулятивныя философскія школы ⁽⁹⁾. Мы съ своей стороны считаемъ рѣшительно несправедливымъ сравнивать повѣствованія первыхъ евангелистовъ съ повѣствованіями Ксенофонта, и Іоанна съ Платономъ; но не можемъ не замѣтить, что противники подлинности Евангелій, проводя и эту параллель, неправильно пользуются ею, натягиваютъ факты и извращаютъ исторію.—Такъ ли должно поступать ученой исторической критикѣ?

Далѣе, указываютъ какъ на признакъ неподлинности рѣчей Господа, записанныхъ у Іоанна, на часто встречающіяся въ нихъ будто бы не нужныя, неумѣстныя и скучныя повторенія, и утомительную монотонность, чего нѣтъ въ первыхъ Евангеліяхъ, и чего не могло произойти, если бы то были воспоминанія слушателя-очевидца ⁽¹⁰⁾. Скучно, утомительно, монотонно! Какъ на чей вкусъ! На людей, безъ предвзятой мысли читающихъ это Евангеліе, бесѣды Господа производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе; они испытываютъ величайшее духовное наслажденіе, отраду и успокоеніе при чтеніи ихъ. Не даромъ же еще древле назвали это Евангеліе по преимуществу духовнымъ. Во вся-

(9) Bretschneider's — über d. Werth. Socrates, als Philosophen (Werke—zur Philosophie. B. II. S. 287—308). Ritters—Geschicht. d. Philos. II, 43 и дал.

(10) Weisse—Evang. Gesch. 13. 2. У Frommann.—Stud. und Kritik. 1840. s. 886 и дал. Renan — Vie de Jesus. Introd. p. XXXIII—XXXIV.

комъ случаѣ впрочемъ личный вкусъ, да еще испорченный, не есть и не можетъ быть историко-критическимъ началомъ. Душевный человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ сіе безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14.). Повтореніе! Подъ этимъ упрекомъ разумѣется, вѣроятно, частое обращеніе Спасителя въ своихъ бесѣдахъ, записанныхъ у Іоанна, къ ученію о Себѣ и Своемъ отношеніи ко Отцу, — болѣе частое, чѣмъ въ бесѣдахъ, записанныхъ первыми тремя евангелистами; но мы уже видѣли причину сего, видѣли, что того требовали самыя обстоятельства проповѣди Христовой, и самая цѣль Евангелія Іоаннова! Да при томъ же это — не повторенія; главный предметъ рѣчи хотя одинъ и тотъ же, но раскрытіе его весьма разнообразно; утомляться этими повтореніями, повторяемъ, можетъ только испорченный вкусъ. На томъ же испорченномъ вкусѣ и предвзятой мысли основаны и другія, подобныя разсматриваемымъ, сужденія о рѣчахъ Господа въ Евангеліи отъ Іоанна, и выведены заключенія о неподлинности этихъ рѣчей, а съ ними и всего Евангелія. Ренанъ — мастеръ на фразы — довольно фразируетъ съ этой точки зрѣнія о бесѣдахъ Господа по Евангелію Іоаннову; но съ фразами, и притомъ бездоказательными, конечно, имѣть дѣло не стѣдуетъ (я).

Вотъ всѣ, считающіяся болѣе важными, основанія, по которымъ отвергаютъ подлинность рѣчей Господа

(я) *Vie de Jesus. Introd.* p. XXVI—XXXVII. Ср. Аб. Гэтэ — опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса, соч. Ренана, въ русск. пер. Тимковскаго, стр. 23—37.

въ Іоанновомъ Евангеліи, а съ ними и всего Евангелія. По истинѣ удивительно, что ихъ хотятъ противопоставить вселенскому церковному преданію о подлинности Евангелія—съ надеждою на уснѣхъ въ глазахъ людей не предубѣжденныхъ!

3. Третьимъ важнымъ внутреннимъ признакомъ неподлинности Іоаннова Евангелія считаютъ очень высокое греческое образованіе, какое примѣчается въ писателѣ этого Евангелія. Видятъ въ этомъ признакъ, что простой палестинскій рыбарь не могъ написать его, что писатель его не палестинецъ, даже вовсе не іудей, а какой-нибудь христіанинъ изъ язычниковъ, получившій предварительно хорошее греческое образованіе; выскрываютъ даже прямые признаки, что этотъ писатель не іудей и не Іоаннъ. — Разсмотримъ.

а) Что писатель четвертаго Евангелія не іудей, на это говорятъ, указываютъ тѣ выраженія, въ которыхъ высказывается отношеніе его къ іудеямъ и не-іудеямъ. Онъ выражается наприм. такъ: пасха іудейская, праздникъ іудейскій, очищеніе іудейское, начальникъ іудейскій (2, 6. 13; 3, 1; 5, 1; 6, 4; 7, 2; 11, 55.); еще чаще называетъ просто вообще іудеями народъ, съ которымъ приходилъ въ соприкосновеніе Іисусъ, и начальниковъ народныхъ, и не только собственно въ Іудеѣ, но даже и въ Галлеѣ (6, 41 52.); для самого даже Іисуса онъ представляетъ законъ Моисеевъ чужимъ, закономъ Его противниковъ, закономъ, не для Него обязательнымъ, а для іудеевъ (8, 17; «въ законъ вашемъ написано»; 15, 25: «слово, написанное въ законъ ихъ» (іудеевъ). Ср. 10, 34.). Видно, говорятъ, изъ этихъ мѣстъ, что писатель Евангелія говоритъ объ іудеяхъ, какъ чужихъ для него, что онъ

не принадлежит къ членамъ іудейскаго народа (°). Нисколько не видно; а видно, во первыхъ, то что Евангеліе это написано въ болѣе позднее время, чѣмъ первыя три Евангелія,—въ то время, когда іудей, по взятіи Іерусалима Титомъ, лишился своей національности, церковь христіанская совершенно отдѣлилась отъ іудейской и укрѣпилась, какъ церковь самостоятельная; видно, во вторыхъ, то, что писатель Евангелія, живя въ Палестинѣ между припявшими Евангеліе изъ язычниковъ, по обстоятельствамъ предназначилъ свое Евангеліе первоначально не столько для увѣровавшихъ изъ іудеевъ, сколько для увѣровавшихъ изъ язычниковъ. Такъ это и есть по свидѣтельствамъ вселенскаго церковнаго преданія: Евангеліе это написано спустя лѣтъ около 30 по разрушеніи Іерусалима, въ малоазійскомъ городѣ Ефесѣ для малоазійскихъ христіанъ. Неужели, при такихъ обстоятельствахъ, и непосредственный ученикъ Господа, чистый еврей, еврейскій отъ евреевъ, не могъ выражаться такъ о своемъ народѣ: пасха іудейская, праздникъ іудейскій и проч.? Что касается до подобныхъ изреченій Господа; то это простой обычный оборотъ рѣчи при спорѣ, когда одна изъ спорящихъ сторонъ неправильно понимаетъ дѣло, о которомъ написано въ книгахъ, ею же употребляемыхъ; это оборотъ, подобный слѣдующему: «вы же сами говорите; въ вашихъ же книгахъ сказано,» и проч.,—

(°) Еще Бретшнейдеръ указывалъ на эти признаки (Probabilia—р. 91 и дал.); изъ недавнихъ особенно Бауръ (Kapou. Evang. s. 317 и дал. Theolog. Jahrbuch. 1844. s. 623 и дал.), и особенно рѣзко — Альмъ (Theolog. Briefe B. 2, S. 273 и дал.).

обороты такъ часто употребляемые людьми совершенно одной національности. Христосъ основываетъ новую церковь, основываетъ на ветхомъ же законѣ, который данъ былъ въ руководство іудеямъ, и долженствовалъ быть для нихъ пѣстуномъ во Христа, а іудеи, непонимая закона, непринимаютъ Христа: не естественъ ли въ устахъ Господа такой оборотъ рѣчи: въ вашемъ же законѣ написано и проч.? Къ чему же такое натянутое и странное объясненіе подобныхъ оборотовъ, будто они вложены въ уста Иисуса позднѣйшимъ писателемъ Евангелія, не принадлежавшимъ къ іудейской національности? Не значить ли это просто насимовать исторію? Да и въ устахъ Іоанна подобные обороты совершенно естественны. Какъ же иначе ему выражаться? Праздникъ нашъ, пасха наша и проч. Почему же не праздникъ іудейскій, не пасха іудейская? Почему бы эти послѣдніе обороты свидѣтельствовали, что говорящій ихъ—не іудей? Для Іоанна, въ то время, какъ онъ писалъ Евангеліе, все это перестало уже быть «нашимъ,» равно какъ и для христіанъ, которымъ онъ писалъ.

Далѣе, въ доказательство того, будто писатель четвертаго Евангелія—не житель Палестины, указываютъ на нѣкоторыя будто бы погрѣшности въ обозначеніи мѣстностей палестинскихъ, особенно въ двухъ мѣстахъ Евангелія: 1, 28 и 4, 5. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ, «по несомнѣнно (будто бы) древнѣйшему тексту, который во времена Оригена имѣли почти всѣ рукописи, мѣсто, гдѣ крестилъ Предтеча Іоаннъ—по ту сторону Іордана (отъ Іерусалима) названо въ Евангеліи Вноаніей, и названо такъ ошибочно, потому что

Виванія находилась недалеко отъ Иерусалима (γ)». Дѣло въ томъ, что въ весьма многихъ древнихъ рукописяхъ дѣйствительно въ этомъ стихѣ, вместо *Вивавара*, стоитъ Виванія. Но во многихъ также стоитъ и Вивавара (а). Какое чтеніе правильнѣе было въ первоначальной рукописи, и какое ошибочнѣе? Надобно думать, что въ первой рукописи было Вивавара: ибо писатель Евангелія въ другомъ мѣстѣ точно опредѣляетъ мѣстоположеніе Виваніи въ отношеніи къ Иерусалиму (11, 18), а потому совершенно не вѣроятно, чтобы онъ же ошибочно помѣстилъ Виванію по ту сторону Иордана. Потому надобно принять (если не принимать предположенія, очень впрочемъ вѣроятнаго,

(γ) Baur's Theolog. Jahrb. 1844. s. 635 и дал. У Bleek—Einleit. in d. N. T. 1862. s. 208—209.

(а) *Βηθανια* — въ кодексѣ А. В. Е. G. Н. К. L. М. S. W. X. 8. 11. 12. и др. около 80 кодексовъ; также въ нѣкоторыхъ древнихъ переводахъ: сирскомъ—Пешито, коптскомъ, евевскомъ, сирскомъ-іерусалимскомъ, Вулгатѣ, также и у нѣкоторыхъ древнихъ писателей. *Βηθαβαρα*—въ кодексахъ: 22. 33. 66. 69 и многихъ другихъ, въ самомъ текстѣ, или на полѣ. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ сдѣланы примѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: „въ исправныхъ спискахъ читается не въ Виваніи, а въ Виваварѣ; ибо Виванія лежала не по ту сторону Иордана, и не въ пустынѣ, но близъ Иерусалима.“ Въ нѣкоторыхъ кодексахъ—и то и другое чтеніе, или въ текстѣ или на полѣ; въ нѣкоторыхъ имя—*Βηθαβαρα*—видимо неправильно написано переписчиками, *Βηθεβαρα* или *Βηβαρα* (Scholz—Novum Testamentum Graec. vol. 1. 1830. p. 347. not. d.). Въ синайской рукописи (Codex Sinaiticus ed. Tischendorf) первоначально было написано *Βηθανια*, но потомъ поправлено (корректоромъ С., по Тишендорфу) *Βηθαβαρα*.

и нѣкоторыми толкователями принимаемаго, — что было двѣ Виѳаніи, изъ которыхъ одна носила и другое имя — Виѳавара), что слово Виѳанія въ нѣкоторыхъ рукописяхъ древнихъ здѣсь поставлено по ошибкѣ какого-либо писца, примѣровъ чего, какъ извѣстно, въ книгахъ поваго завета, равно какъ и ветхаго, во всѣхъ древнихъ рукописяхъ, много. И эту ошибку писца, или другое названіе мѣстечка Виѳавары сдѣлали доказательствомъ неподлинности Евангелія Іоаннова! Въ другомъ изъ указанныхъ выше мѣсть (4, 5.) самарянскій городъ Сихемъ названъ Сихарь, о каковомъ названіи города неизвѣстно ни откуда, кромѣ этого мѣста, — и говорятъ, что названіе это поставлено ошибочно писателемъ, незнавшимъ мѣстностей Палестины (6). Неужели это такъ? Не естественнѣе ли предположить, что въ просторѣчій Сихемъ дѣйствительно назывался Сихарь, особенно у іудеевъ. При ихъ нерасположенности къ самарянамъ, ради насмѣшки они могли замѣнить одну букву именно другою, чтобъ изъ обыкновеннаго названія сдѣлать ироническое: *шикаръ* — значитъ — поилъ виномъ, а ефремяне, въ колѣнѣ которыхъ лежитъ Сихемъ, еще у Исаи (28, 1, 7.) представлены особенно любящими пить вино. Потомъ, *шекеръ*, значитъ ложь, а іудеи смотрѣли на религію и богочтеніе самарянъ какъ на ложное. Мудрено ли же, что легкимъ измѣненіемъ буквы названія народъ думалъ выразить свое нерасположеніе или насмѣшку надъ обитателями города, и употреблялъ это измѣненное названіе города? Это — въ обычаяхъ народныхъ. Какъ бы то нибыло впрочемъ, только совершенно не

---

(6) Вауг—а. а. О.

вѣроятно, что писатель допустилъ здѣсь неточность, не зная мѣстъ Палестины, какъ не палестинецъ, и не издавшій этой страны.

б) Но, говорятъ и повторяютъ, можно ли думать, что простой галилейскій рыбарь могъ имѣть такое высокое греческое образованіе, какое видно въ писателѣ четвертаго Евангелія? Это, говорятъ, невѣроятно^(в). Странное возраженіе; а между тѣмъ его повторяютъ почти всѣ противники этого Евангелія, не развывая впрочемъ его въ подробности, но держась болѣе въ области общихъ фразъ. «Высокое греческое образованіе писателя:» какой смыслъ этой фразы? Въ чемъ выражается это образованіе? Въ возвышенности и глубинѣ воззрѣній или вообще міросозерцанія? Но во первыхъ это воззрѣніе или міросозерцаніе вовсе не греческое, а совершенно особенное, христіанское; а во вторыхъ писатель выражаетъ не свои воззрѣнія, или міросозерцаніе, или точнѣе ученіе, а своего Учителя,—ученіе, совершенно одинаковое и съ ученіемъ, содержащимся въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ, и съ ученіемъ, раскрытымъ во всѣхъ писаніяхъ новаго завета. Въ способъ ли повѣствованія о событіяхъ выражается это высокое греческое образованіе? Но этотъ

(в) Даже Ренанъ ставитъ такіа фразы: „не ужели въ самомъ дѣлѣ Іоаннъ сынъ Зеведеа, братъ Іакова (о которыхъ даже ни разу не упомянуто въ четвертомъ Евангеліи), могъ написать по-гречески эти уроки отвлеченной метафизики, которымъ ничего подобнаго не представляютъ ни синоптики, ни Талмудъ(!)... Что касается до меня, я не смѣю быть увѣреннымъ, что четвертое Евангеліе написано все сполна перомъ прежняго рыбака галилейскаго.“ *Vie de Iesus—Introduc. p. XXV.*

способъ повѣствованія такъ же простъ и безыскусственъ, какъ и у прочихъ евангелистовъ! Въ языкъ ли? Но въ языкѣ-то именно во многихъ мѣстахъ и примѣчается писатель — природный еврей, который, свободно владея греческимъ языкомъ, не можетъ совершенно отрѣшиться отъ особенностей еврейскаго выраженія, и въ Евангеліи много оборотовъ, составленныхъ по правиламъ еврейской грамматики (г). Особенная возвышенность рѣчи въ Евангеліи зависитъ отъ особеннаго выбора предметовъ повѣствованія, а совсѣмъ не отъ высокаго греческаго образованія писателя. «Галилейскій рыбарь!»... Но этотъ галилейскій рыбарь былъ возлюбленнымъ и довереннѣйшимъ ученикомъ величайшаго Учителя міра. Если подъ руководствомъ обыкновенныхъ великихъ учителей міра образуются великіе ученики: то ужели подъ руководствомъ такого необыкновеннаго учителя не могъ образоваться такой ученикъ, какъ писатель четвертаго Евангелія—Іоаннъ? Надобно при семъ припомнить, что этотъ галилейскій рыбарь въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій жилъ въ самомъ центрѣ малоазійскаго греческаго образованія—въ Ефесѣ, гдѣ греческій языкъ былъ въ обычномъ употребленіи между жившими тамъ евреями. Въ продолженіе этого времени галилейскій рыбарь по необходимости долженъ былъ хорошо узнать греческій языкъ, говорить и писать на немъ. И будто бы этотъ галилейскій рыбарь, которому смолоду еще въ-

---

(г) Наприм. оборотъ рѣчи въ 7, 38: *впруля въ мя, яко же рече писаніе, рѣки изъ чрева ея истекуть воды живы*, совершенно не греческій, а еврейскій. Сравн. еще 7, 18; 5, 24 и друг.

роятно знакомъ былъ греческій языкъ, который былъ ближайшимъ ученикомъ великаго Учителя, жилъ и проповѣдывалъ очень долго въ центрѣ греческаго образованія, будто онъ не могъ быть писателемъ четвертаго Евангелія, даже если принять во вниманіе только естественныя его средства къ тому! Но — .

в) У писателя четвертаго Евангелія, говорятъ, не палестинская христологія (ученіе о Христвѣ),—и притомъ христологія не апостольскаго вѣка. Разумѣется здѣсь по преимуществу ученіе Іоанново о логосѣ, какъ вѣчномъ Словѣ Божіемъ, которое во Христвѣ стало плотію.—Думають, что палестинскій іудей не могъ такъ представлять и изображать Христа, и утверждаютъ, что представленіе о логосѣ—александрійскаго происхожденія, почерпнуто изъ греческой философіи и приложено ко Христу христіанами уже въ позднѣйшее время, когда получившіе греческое философское образованіе переходили въ христіанскую церковь, тогда какъ палестинскіе христіане изъ іудеевъ признавали Христа только человекомъ, одареннымъ особенными Божественными силами (а). Въ основѣ этого взгляда лежатъ совершенно извращенныя историческія понятія о первоначальной исторіи христіанства. Во первыхъ, что касается до наименованія Сына Божія—второго лица Пресвятой Троицы Словомъ: то оно встрѣчается еще въ книгахъ Вѣтхаго Завета. Такъ въ псалмѣ 32, 6 говорится: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила*

(а) Бретшнейдеръ, въ особенности Бауръ и Швеглеръ. У Влек.—Einleit. in d. N. T. 1862. Leipz. s. 210 и дал. Von der Ahn—Theologisch. Briefe B. 2, s. 274 и дал.

ихъ. Въ книгѣ Премудрости Соломона (18, 15) читаемъ: *всемогущее Слово Твое (Господи) съ небесъ отъ престоловъ царскихъ... въ средину погибельныхъ земли сииде.* (Сравни. ученіе о Премудрости—Притч. 8, 22 и дал. особ. Сир. 24, 3 и дал.) Въ Таргумахъ іудейскихъ оно также извѣстно, какъ ученіе о Словѣ Іеговы; опредѣленнѣе и прямѣе, но неправильно развили это ученіе александрійскій іудей Филонъ—современникъ Христа и апостоловъ. Раскрывалъ ли это ученіе Самъ Господь, неизвѣстно прямо; но и у другихъ апостоловъ, кромѣ Іоанна (какъ увидимъ сейчасъ), оно есть, хотя и не раскрыто съ такой полнотой, какъ у него. Во всякомъ случаѣ, нельзя утверждать, что это ученіе — александрійскаго происхожденія; еще менѣе можно утверждать, будто оно вытекаетъ изъ греческой философіи и приложено ко Христу въ позднѣйшее апостольскаго періода время. Мы встрѣчаемъ наименованіе Христа этимъ именемъ и у другихъ апостоловъ, наприм. въ рѣчи апостола Петра (Дѣян. 10, 36.) и въ Евангеліи отъ Луки (1, 2). Правда у апостола Іоанна это ученіе раскрыто прямѣе и опредѣлительнѣе, чѣмъ у другихъ апостоловъ, но это—по особенной причинѣ, вполне понятной изъ свидѣтельствъ церковнаго преданія о происхожденіи этого Евангелія, по которому оно написано въ концѣ перваго вѣка въ Ефесѣ. Къ тому времени вѣроятно тамъ сдѣлалось извѣстнымъ, и распространилось неправильное (хотя и не совсѣмъ ложное) ученіе Филона о логосѣ, какъ упостазированномъ Словѣ Божіемъ (но не упостасномъ), и грозило извратить христіанское ученіе о семъ, или по крайней мѣрѣ затруднить *точное* представленіе о семъ; и—вотъ

старецъ - апостоль , имѣя и другія побудительныя причины написать Евангеліе, кратко, но точно излагать въ немъ истинное ученіе о Слово Божіемъ, вѣчной упостасной премудрости — Слово Божіемъ , ставшемъ плотию и пострадавшимъ ради искупленія всѣхъ (e). На какомъ же, спрашивается, основаніи утверждать, что въ Евангеліи отъ Іоанна «христологія совсѣмъ другая, каковой не могло бы быть, если бы это Евангеліе было произведеніемъ апостольскаго вѣка, и именно—апостола изъ іудеевъ»? Во вторыхъ, должно же сознаться, что предположеніе, будто въ апостольскій вѣкъ у христіанъ изъ іудеевъ, даже у апостоловъ въ Іерусалимѣ, представленіе о Христѣ было только какъ о человѣкѣ, хотя одаренномъ особенными силами,—предположеніе совершенно неосновательное и хульное. Видѣвшіе славу Его, слышавшіе свидѣтельство Бога Отца о Немъ, увѣренные въ Его воскресеніи, зрѣвшіе Его вознесеніе, исповѣдывавшіе Его Богомъ и Христомъ, получившіе обѣтованнаго Имъ Духа Святаго, наставившаго ихъ на всяку истину, они всѣмъ сердцемъ вѣровали въ Него, какъ Бога и кровію запечатлѣли эту вѣру.—Должно же сознаться, что въ апостольскихъ писаніяхъ совершенно одинаковое ученіе какъ вообще, такъ и христологія въ особенности, только неодинаково полно у каждаго раскрыто оно въ писаніяхъ ихъ по особеннымъ обстоятельствамъ происхожденія ихъ писаній, что представленіе, будто ученіе о логосѣ приложено къ ученію

(e) Различіе между ученіемъ ап. Іоанна о Слово и ученіемъ Филона о немъ можно видѣть у Ebrard'a — *Wiss. kritik. d. Ev. Gesch.* 2 Aufl. 1850. s. 879 и дал.

о Христѣ въ послѣ-апостольскій періодъ, — совершенно ложное представленіе. Въ доказательство этого можно указать на противорѣчіе себѣ въ этомъ пунктѣ самихъ послѣдователей или представителей Бауровской школы. Сами же они признаютъ Апокалипсисъ подлиннымъ произведеніемъ апостола Іоанна, а тамъ Христосъ прямо именуется Словомъ Божиимъ (19, 13).—Справедливо ли же непризнавать ученіе о Словѣ въ Евангелии отъ Іоанна—Іоанновымъ потому только, что здѣсь оно раскрыто нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ Апокалипсисѣ и въ другихъ апостольскихъ писаніяхъ?

г) Въ этомъ Евангелии вообще, говорятъ, господствуетъ «свободное, универсальное воззрѣніе», а Іоаннъ былъ не съ такимъ воззрѣніемъ, судя потому, какъ его характеризуетъ апостоль Павелъ (Гал. 2, 9), поставляя его наряду съ Петромъ и Іаковомъ — апостолами іудеевъ; слѣдовательно, онъ былъ съ іудействующимъ воззрѣніемъ (ж). «Іудействующее воззрѣніе; свободное воззрѣніе!» Но мы уже имѣли случай замѣчать, что—это фразы, лишеныя всякаго основанія, когда онѣ прилагаются къ апостоламъ, что воззрѣніе апостоловъ всѣхъ совершенно одинаково, только тѣ или другіе изъ нихъ раскрывали тѣ или другія стороны его полнѣе, по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ. Нечего болѣе говорить объ этомъ.—Замѣтимъ только по сему случаю странныя приемы поборниковъ отрицанія.—Видятъ ли въ Евангелии іудействующее воззрѣніе, іудейскій партикуляризмъ, какъ выражаются они, и—на этомъ основываютъ подозрѣнія въ непо-

---

(ж) Baar—Theolog. Jahrbuch. 1844 S. 633 и дал. Канон. Evang. S. 329 и дал.

длинности Евангелія (напр. отъ Матѳея);—усматриваютъ ли противоположное, т. е. отсутствіе іудействующаго воззрѣнія, и на этомъ основаніи подозрѣваютъ Евангеліе въ неподлинности. Странное дѣло! А между тѣмъ такой совершенно некритическій, чтобы не сказать рѣзче, пріемъ встрѣчается у нихъ нерѣдко.— Не находятъ наприм. въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ указаній писателей ихъ на себя, именно какъ на писателей того или другаго Евангелія, и говорятъ, что это отсутствіе указаній свидѣтельствуетъ о неподлинности ихъ Евангелій. Но вотъ писатель четвертаго Евангелія довольно прямо указываетъ на себя, какъ апостола Іоанна словами: «ученикъ, котораго любилъ Іисусъ», и—не только не хотятъ признать Іоанна писателемъ Евангелія, перетолковывая и искажая всѣ подобныя указанія, но даже на повтореніи этихъ указаній основываютъ доказательство, что именно не Іоаннъ—писатель Евангелія, и не апостоль, такъ какъ апостолу и очевидно нечего было съ такимъ (будто бы) опасеніемъ, что ему не повѣрятъ, такъ усиливаться доказывать вѣрность своего свидѣтельства (з). Не ужели это пріемы безпристрастной исторической критики?..

Пора впрочемъ оставить подобныя возраженія, основывающіяся по бѣльшей части на личномъ испорченномъ вкусѣ, и обратиться къ такимъ, которыя имѣютъ, по

(з) Даже Ренанъ фразируетъ: „авторъ вездѣ говоритъ о себѣ, какъ свидѣтель-очевидецъ, онъ выдаетъ себя за апостола Іоанна... Наконецъ не только выдаетъ себя за апостола Іоанна, но даже (!) видно, что онъ пишетъ въ интересѣ этого апостола“! *Vie de Jesus—Introd. p. XXVII.*

видимому, болѣе твердое основаніе. Это—кажущіяся *прямая* противорѣчія Іоанновыѣ повѣствованій о въ-
 которыхъ событіяхъ съ повѣствованіями прочихъ еван-
 гелистовъ. — Мы сказали прежде, что часть возраженій
 противъ подлинности первыхъ трехъ Евангелій осно-
 вывается на противорѣчіяхъ ихъ (мнимыхъ) Евангелію
 Іоаннову, и противорѣчіяхъ ихъ — и между собою и съ
 Іоанновымъ Евангеліемъ. Беремъ по одному примѣру
 того и другаго (мнимаго) противорѣчія, именно ска-
 занія о днѣ смерти Христовой, и о воскресеніи Хри-
 стовомъ. Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ видятъ
 прямое противорѣчіе Іоаннова Евангелія тремъ первымъ;
 во второмъ — взаимныя противорѣчія всѣхъ евангели-
 стовъ, свидѣтельствующія будто бы о неподлинности
 этихъ сказаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о неподлинности
 самыхъ Евангелій.

4) Вопросъ о днѣ смерти Господа Іисуса и не-
 разрывно соединенный съ нимъ вопросъ о днѣ, въ
 который Господь совершилъ пасху съ Своими уче-
 никами, по сказанію Іоанна сравнительно съ сказаніями
 первыхъ трехъ Евангелистовъ, состоитъ въ слѣдую-
 щемъ: по единогласному сказанію всѣхъ евангелистовъ
 днемъ смерти Христовой была пятница (Іоанн. 19, 14.
 31. 42. Лук. 23, 54. Марк. 15, 42. Матѹ. 27, 62—
 64); а такъ какъ Христосъ, по единогласному тоже
 сказанію всѣхъ ихъ, совершилъ вечерю пасхи на-
 канунъ своей смерти, то, значитъ, днемъ совершенія
 ея былъ четвертокъ (и). Но въ какомъ отношеніи

(и) Вопросъ о днѣ тайной вечери Спасителя весьма тѣсно
 связанъ съ вопросомъ: совершалъ ли Господь на послѣдней
 ечери съ своими учениками пасху іудейскую, т. е. вкушалъ

стояли эти дни къ законному празднику пасхи того года, — объ этомъ, по видимому, есть разногласіе у Іоанна съ тремя первыми евангелистами, и разногласіе не маловажное. — День (первый) пасхи іудейской не соединенъ былъ съ какимъ либо опредѣленнымъ днемъ недѣли (какъ у насъ свѣтлое воскресенье), а праздновался въ разные дни, смотря потому, на какой день недѣли падало 14-е число Авива или Нисана мѣсяца (послѣ появленія луны, такъ какъ у евреевъ были лунные мѣсяцы). Законъ предписывалъ праздновать пасху вечеромъ 14-го числа помянутаго мѣсяца (Исх. 12, 1—8; 13, 1—10; Лев. 23, 5—14; Числ. 28, 16—25; Втор. 16, 1—8); а такъ какъ у евреевъ вечеръ причислялся къ слѣдующему дню, или день начинался съ вечера (какъ и у насъ дни церковные): то главнымъ днемъ праздника пасхи было собственно 15-е число; этимъ днемъ начинался седмидневный праздникъ собственно опръсноковъ, хотя и агнца пасхальнаго, по закону, непременно должно ѣсть съ опръсноками, и съ вечера 14-го числа уже не должно быть въ домъ ничего кваснаго. — Теперь сличая сказанія евангелистовъ о днѣ смерти Христовой, и днѣ совершенія пасхи, находимъ слѣдующее: сказанія

ли пасхальнаго агнца? Нѣкоторые изъ древнихъ христіанскихъ писателей утверждали, что не вкушалъ; но общепринятое мнѣніе въ церкви было, что вкушалъ. — Слѣдуемъ сему послѣднему, и, говоря о послѣдней пасхальной вечери Господа разумемъ вездѣ вечерю пасхальную іудейскую, по окончаніи которой Господь установилъ новозавѣтное таинство евхаристіи. См. Приб. къ изд. Тв. Св. Отц. въ русск. пер. 1853 г.: „совершалъ ли Господь Іисусъ Христосъ пасху іудейскую на послѣдней вечери своей съ учениками?“ Стр. 447—491.

первыхъ трехъ евангелистовъ по видимому представляють дѣло такъ, что Христось послѣднюю вечерю вкушалъ въ установленное время вмѣстѣ съ іудеями вечеромъ 14-го Нисана въ четвертокъ, а 15-го, въ пятницу, въ день самаго праздника былъ распятъ (Матѣ. 26, 17—20; Мар. 14, 12; Лук. 22, 1. 7); по повѣствованію же Іоанна (13, 1. 27—29; 18, 28; 19, 14) представляется, что пятница была 14-е число Нисана, въ которое вечеромъ надлежало вкушать пасху; слѣдовательно Христось совершилъ пасху ранѣе, то есть 13 числа; и если это было въ четвертокъ, то 15 число—главный день праздника—приходилось въ субботу, а не въ пятницу. Разногласіе кажется довольно виднымъ (i). Но таково ли оно на самомъ дѣлѣ, чтобъ имъ доказывать неподлинность всѣхъ Евангелій,—или первыхъ трехъ, или Іоанна? Не вдаваясь въ подробную критику способовъ соглашенія Евангелій въ этомъ пунктѣ (к), раз-

(i) Прямое противорѣчіе здѣсь между Іоанномъ и первыми тремя евангелистами видятъ Бретшнейдеръ, Бауръ, Швеглеръ и др. Штрауссъ въ своей новой книгѣ говоритъ, что это—такое очевидное противорѣчіе, какому подобнаго еще нѣтъ въ Евангеліяхъ. (D. Leb. Iesu. 1864. s. 535, 536 и дал.). Ср. Renan Vie de Iesus p. 383. Von d. Alm.—D. Theolog. Briefe, V. 3. s. 43 и дал.

(к) Такъ наприм. нѣкоторые полагали, что Іоаннъ говоритъ не о той вечери, о которой первые три евангелиста, что было двѣ вечери: одна съ умовеніемъ ногъ 13 числа, другая—собственно пасхальная, о которой говорятъ первые евангелисты, 14 числа, въ установленное закономъ время (Гессъ—въ своей исторіи Христа, Рене—Histo. krit. Abhandlung. dass das Mahl Iohan. 13 mit d. Passahmahle nicht identisch sei. 1856).

смотримъ вопросъ прямо.— По внимательномъ разсмотрѣннн евангельскихъ сказаннн о семь, подѣ руководствомъ церковнаго преданнн, заключающагося въ писанняхъ св. отцевъ и учителей церкви, подобно приять слѣдующее: а) что указаннн Иоанновы на день смерти Христовой и тайной вечера точнѣе, чѣмъ указаннн первыхъ евангелистовъ, т. е. что вечерю Христось совершилъ ранѣе законнаго времени—въ четвертокъ 13 Нисана, а въ пятницу 14-го былъ распятъ; б) что не совсѣмъ опредѣлительннн указаннн первыхъ трехъ евангелистовъ, при правильномъ ихъ пониманнн, не только не противорѣчатъ сему, но подтверждаютъ Иоанново сказаннн, особенно если допустить двукратное совершеннн пасхальной вечера у иудеевъ того времени.

а) Указаннн Иоанна на дни тайной вечера и смерти Господа такъ опредѣлительнн, что перетолкованнн ихъ въ томъ смыслѣ, будто онъ вечерю относитъ къ четгу 14 числа, а день смерти Господа къ пятницу 15 числа, видимо отзываются натянутостью. Разсмотримъ эти указаннн съ краткнми поясненнми.

Иоанн. 13, 1: *прежде же праздника пасхи* (*πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς τῆς πάσχα*), на пасхальной вечера совершилъ Иисусъ умовенн ногъ ученикамъ. Если бы было сказано: *прежде праздника опрьсноковъ* (начинавшагося съ 15 Нисана—первыи, главныйи день праздника пасхи); то можно было бы еще это выраженнн понимать такъ,

---

Другнн полагаи и полагаютъ, что и по сказаннмъ Иоанна вечера была не 13, а 14 Нисана; а 15-го въ самыйи день праздника, Христось распятъ былъ (Wieseler—Chronol. Synops. d. vier Evangelien. 1843 s. 339. и дал.—Такъ же Гевгстенбергъ, Толукъ—въ своихъ комментарняхъ, и другнн).

что имъ обозначается день перваго пасхальнаго вечера (14 число); но когда въ этомъ выраженіи употреблено слово *пасха*: то все выраженіе можетъ означать только: передъ днемъ, въ который вечеромъ вкушали агнца пасхальнаго;—а такъ какъ на слѣдующій день послѣ этой вечери Христосъ былъ распятъ, то значитъ вечера прежде праздника пасхи была 13-го Нисана.

Іоанн. 13, 1. 27—29. Когда еще возлежали на вечери, Иисусъ, обличивъ Іуду, сказалъ ему: *еже твориши, сотвори скоро. Сего же никто же разумѣтъ отъ возлежащихъ, къ чему рече ему. Ныщии же мняху, понеже ковчежець имѣше Іуда, яко глаголетъ ему Иисусъ: купи, еже требуемъ на праздникъ* (*ἀγοράσων, ὅτι χρῆσιν ἔχομεν εἰς τὴν ἑορτήν*), т. е., по сравненію съ стих. 1-мъ, къ празднику пасхи; слѣдовательно онъ еще не насталъ. Съ того времени, какъ начиналась вечеря пасхи, по іудейскому обычаю, до слѣдующаго дня нельзя было ничего ни купить, ни продать. Слѣдовательно, пасхальная вечеря совершена была Христомъ ранѣе, именно 13 числа.

Іоанн. 18, 28. Судившіе І. Христа утромъ въ пятницу не вошли въ преторію—домъ Пилата язычника—*да не осквернятся* (такъ какъ прикосновеніе къ нечистому, особенно языческому, считалось оскверненіемъ, а оскверненный не могъ вкушать пасхи), *но да ядятъ пасху*. Подъ пасхой здѣсь, по сравненію 13, 1., нельзя разумѣть пасхальныхъ жертвъ, приносившихся по закону (Числ. 28, 19—24.) въ каждый изъ семи дней опрѣсноковъ ⁽¹⁾, а должно понимать пасху въ собст-

---

(1) Какъ полагаютъ признающіе днемъ совершенія вечера 14-е, а днемъ смерти Господа 15 число Нисана (Генгстенбергъ,

венномъ смыслѣ—вкушеніе пасхальнаго агнца. Слѣдовательно, утро, въ которое Пилать судилъ Христа и осудилъ, было утро того дня, въ который вечеромъ надлежало вкушать агнца пасхальнаго, слѣдовательно утро 14 числа Нисана; слѣдовательно пасху Христось совершилъ 13 числа вечеромъ.

Іоанн. 19, 14. Тогда (день распятія Иисуса) *бѣ пятокъ пасць (παρασκευή τῆ πάσχα), часъ же яко шестый*. Пятница пасхи не значитъ—пятница праздника пасхи, или пятница въ праздникъ пасхи, но значитъ именно пятница предъ пасхою, пятница въ которую вечеромъ должно было вкушать пасхальнаго агнца (м).

Іоанн. 19, 31. *Іудее же, понеже пятокъ бѣ (день распятія Господа), да не остануть на крестъ тѣлеса въ субботу, бѣ бо великъ день тоя субботы (ἦν γὰρ μευάλη ἡ ἡμέρα ἐκείνη τῆ σαββάτῃ)* просили Пилата и проч. Это замѣчаніе о важности дня той субботы опять указываетъ, что пятница не была первымъ, главнымъ днемъ праздника пасхи того года, но днемъ приготовленія ко вкушенію вечеромъ пасхальнаго агнца, главнымъ же днемъ праздника была суббота, и потому этотъ день въ тотъ годъ былъ особенно великъ, какъ день субботній и первый день пасхи, — великая суббота. Первый и послѣдній дни праздниковъ іудей называли великими днями, въ продолженіи ихъ сохранялся покой субботній; промежуточные же дни праздниковъ назывались малыми, такъ

Толоккъ, Визелеръ и др.). Mayer's Die Aechtheit d. Evangel. Iohan. 1854. s. 380.

(м) Mayer—а. а. О. s. 381—382.

какъ въ продолженіе ихъ не соблюдалось покоя субботняго ^(н). Слѣды этого видимъ въ самомъ Евангелии отъ Іоанна, когда онъ напримѣръ говоритъ: въ послѣдній великій день праздника (кущей—*Ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ τῆ μεγάλης τῆς ἑορτῆς*—7, 37.). Если такъ, то несомнѣнно, что Іоаннъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ замѣчаніемъ объ особенномъ значеніи субботняго дня указываетъ, что именно эта суббота была главнымъ днемъ пасхи того года (15 число Нисана), а въ пятницу, въ которую распятъ былъ Христосъ, было 14 число, въ которое вечеромъ должно было вкушать пасхальнаго агнца, Христосъ же вкушалъ его днемъ ранѣе, въ четвертокъ 13 числа.

Къ сему надобно присовокупить еще слѣдующія, весьма важныя обстоятельства:

По закону 15 день Нисана (главный день пасхи и первый день опрѣсноковъ) въ святости сравненъ съ субботою, никакого дѣла не должно дѣлать въ эти дни (Лев. 23, 7. Числ. 28, 18.). На таковое освященіе этого дня находится много указаній у позднѣйшихъ іудеевъ, именно въ Талмудѣ, такъ что за несомнѣнное можно принять, что во времена Христовы этотъ законъ сохранялся точно, особенно фарисеями и членами синедріона, которые по внѣшности такъ строго держались законовъ, обычаевъ и постановленій своихъ. Невѣроятно становится поэтому, чтобы въ этотъ день и предшествующую ему ночь, которая также была священна (ибо съ вечера вкушали агнца пасхальнаго), могло случиться взятіе, осужденіе и распятіе Господа. Невѣроятно именно, чтобы въ эту священную ночь,

---

(н) Mayer's. a. a. O. s. 382.

непосредственно послѣ совершенія пасхальной вечера, синедрионъ выслалъ свою спину противъ Иисуса, да еще притомъ вооруженную, тогда какъ въ субботу (а слѣдов. и въ равночестный ей праздникъ 15-го Нисана) не позволялось даже носить оружіе (°). Еще невѣроятнѣе, чтобы въ эту священную ночь собирался синедрионъ для осужденія Господа, когда въ субботу (а слѣдов. и въ этотъ праздникъ) запрещенъ былъ всякій судъ (п). Еще невѣроятнѣе, чтобы утромъ въ этотъ день верховные члены главнаго судилища іудейскаго съ фарисеями и книжниками влачили предъ судомъ язычника, и наконецъ распяли Христа: это было бы величайшимъ оскорбленіемъ праздника, который особенно святить и чтить заповѣдалъ Самъ Богъ. Признающіе днемъ смерти Христовой день пасхи 15 число—сѣются объяснить эти невѣроятные поступки іудеевъ исключительностію обстоятельствъ, но—видимо неудачно (р). Говорятъ, что фанатическая ненависть іудеевъ противъ Иисуса завлекла ихъ такъ далеко, что они рѣшились нарушить святость праздника, что они, можетъ быть, даже считали дѣломъ правымъ—богохульника, какъ они называли Иисуса, осудить и наказать именно въ праздникъ. Но противъ такого объясненія, которое и само по себѣ слабо, рѣшительно говорить то обстоятельство, что вмѣстѣ со Христомъ осуждены были и распяты еще два человека, осужденіе которыхъ совсѣмъ не могло побудить

(°) *Mischna tract. Schabb. 6, 4.*

(п) *Mischna tract. Bezah. 5, 2. Gemara Sanhedr. fol. 35, 1.*
 Ср. *Lightfoot—Hæbraic. et talmud. ad Matth. 27, 1.*

(р) Ср. *Bleck. Einleit. in d. N. T. 1862 S. 182* и дал.

синедріонъ нарушить святость великаго дня, и не требовало того, чтобъ это было сдѣлано въ великій праздникъ. Говорятъ далѣе, что синедріонъ не могъ не воспользоваться представившимся удобнымъ случаемъ взять Иисуса, когда Іуда согласился имъ предать Его, и при томъ въ ночь, когда народъ, празднуя пасху, не могъ оказать защиты Иисусу, и не могъ произвести возмущенія. Но въ такомъ случаѣ синедріону достаточно было только захватить Иисуса и содержать подъ стражею, а осудить можно было не въ самый первый великій день праздника. Притомъ извѣстно, что синедріонъ именно не хотѣлъ осудить Иисуса въ праздникъ, опасаясь народнаго волненія (Матѣ, 26, 5.), въ чемъ впрочемъ, какъ послѣдствія показали, ошибся онъ. Говорятъ наконецъ, что дѣло осужденія и распятія принадлежитъ здѣсь не іудеямъ, а римлянамъ, такъ какъ іудеи не имѣли въ это время права сами казнить кого-либо смертію, что слѣдовательно осужденіе и распятіе Христа для іудеевъ не было собственно нарушеніемъ святости праздника. Но не римлянинъ Пилать, а сами іудеи съ своимъ синедріономъ начали дѣло, они дали спору Іудѣ, они судили и осудили Господа сначала у себя, потомъ обвиняли предъ Пилатомъ, они требовали Его смерти, они присутвовали при распятіи и наругались надъ Нимъ: — какъ же они могли не считать себя нарушителями святости праздника своего великаго? Нѣтъ, что бы ни говорили, — невѣроятно, чтобъ непосредственно послѣ вкушенія агнца пасхальнаго, въ священную ночь и утромъ въ великій праздникъ могли дѣлать начальники народа съ Иисусомъ то, что они сдѣлали. И это они — блюстители закона дѣлаютъ предъ лицомъ всего

народа, собравшагося изъ разныхъ странъ на праздникъ? Невѣроятно совершенно, чтобы они позволили себѣ это.

Далѣе, поспѣшность, съ какой производились судъ надъ Христомъ, обвиненіе Его предъ Пилатомъ и распятіе Его, видимо указываетъ, что день этого суда и распятія былъ день предъ вкушеніемъ агнца пасхальнаго. Осуждающіе спѣшатъ видимо окончить дѣло съ Иисусомъ: ночью собирается синедріонъ, утромъ спѣшатъ къ Пилату, настойчиво требуютъ скорѣйшаго осужденія, и пополудни все дѣло уже оканчивается. *Къ чему такая поспѣшность?* Единственно удовлетворительное объясненіе въ томъ, что, не желая откладывать осужденія до времени, когда пройдетъ праздникъ, они хотятъ окончить все дѣло до наступленія вечера, въ который слѣдовало вкушать пасхальнаго агнца.

Потомъ, трудно представить причину, по которой писатель четвертаго Евангелія рѣшился бы въ такомъ важномъ показаніи отступить отъ сказаній трехъ первыхъ евангелистовъ. Объясненіе вѣрное можетъ быть только одно: онъ зналъ, что показаніе его вѣрно, и что онъ не стоитъ въ противорѣчій съ показаніями трехъ первыхъ евангелистовъ, что и правда, какъ увидимъ. Точно такъ же, и при томъ предположеніи, что писатель этого Евангелія — не Іоаннъ, а неизвѣстный половины 2-го вѣка, нельзя найти основательнаго объясненія разсматриваемаго отступленія, когда этому писателю не могли не быть извѣстны первыя Евангелія, какъ мы видѣли, или по крайней мѣрѣ общее церковное преданіе, заключенное въ этихъ Евангели-

яхъ. Бретшнейдеръ и Бауръ (с) силились выписывать разныя объясненія, но всѣ онѣ весьма не естественны и натянуты, что въ послѣдствіи самъ же Бауръ созналъ, и выставилъ (т) иное объясненіе этого явленія, правда не новое, а указанное еще Штрауссомъ въ его прежней книгѣ о жизни Иисуса (у), именно: писатель четвертаго Евангелія взиралъ на Иисуса, какъ на истиннаго Агнца пасхальнаго, въ которомъ образъ ветхозавѣтнаго агнца осуществился истинно, и по этому будто писатель нашелся вынужденнымъ перенести день смерти Его съ 15-го Нисана на 14 число, когда, по закону, должно было вкушать агнца пасхальнаго, чтобы такимъ образомъ и ветхозавѣтный образъ и исполненіе соединялись даже по времени. Но а) это воззрѣніе на Христа, какъ на истиннаго Агнца пасхальнаго, образомъ котораго былъ ветхозавѣтный агнецъ, воззрѣніе совершенно истинное, никакъ не могло побудить писателя Евангелія къ тому, чтобы извращать заведомо извѣстный историческій фактъ; не согласно притомъ же съ извѣстнымъ распространеннымъ преданіемъ о семь, которое заключено въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ; б) той же цѣли писатель могъ достигнуть и въ томъ случаѣ, если бы смерть Христову отнесъ не къ 14, а къ 15-му числу--къ главному дню пасхи; и въ этомъ случаѣ воззрѣніе на Христа, какъ истиннаго

(с) Bretschneid. — Probabilia, p. 106—108. Baur — Theol. Jahrbuch. 1844. S. 435 и дал.

(т) Theolog. Jahrbuch. 1847. S. 113—120. Kanonisch. Evang. S. 272 и дал.

(у) D. Leb. Jesu--§ 120, и повторенное въ новой книгѣ его на S. 537 и дал.

Агнца пасхальнаго, нисколько не потеряло бы: все равно, писатель отпоситъ же смерть Христову не точно къ тому времени, когда вкушали агнца пасхальнаго, а нѣсколькими часами ранѣе; почему же было ему не отнести нѣсколькими часами позднѣе — къ самому главному дню пасхи; истина воззрѣнія нисколько не потеряла бы отъ сего; в) въ этомъ случаѣ писатель по крайней мѣрѣ яснѣе бы выразилъ сіе соотвѣтствіе времени смерти Христовой съ временемъ закаланія агнца пасхальнаго, нарочито указалъ бы на это, если бы ради этого рѣшился даже неточно повѣствовать объ извѣстномъ ему и другимъ историческомъ фактѣ; но онъ не указываетъ на соотвѣтствіе въ *этомъ* отношеніи.

Наконецъ, въ первенствующей церкви было болѣе распространеннымъ, а въ послѣдующее время стало господствующимъ то мнѣніе, что Господь былъ распятъ 14 Нисана въ пятницу, а вечерю совершилъ 13-го. Такъ утверждали: Анолинарій іерапольскій, Климентъ александрійскій, Ипполитъ, Иринеи, Оригенъ, Тертуліанъ; со времени Златоуста это сдѣлалось господствующимъ церковнымъ мнѣніемъ, которое выразили: самъ Златоустъ, Епифаній, послѣ Θεофилактъ и Зигабень (*). Прибавимъ къ этому, что и по іудейскому

(Ф) Одни изъ помянутыхъ древнихъ отцевъ и учителей церкви утверждали сіе, не признавая, что Господь вкушалъ на послѣдней вечери своей пасхальнаго агнца, другіе — вполне признавая это. См. ихъ свидѣтельства въ статьѣ: „Совершилъ ли Господь І. Христосъ пасху іудейскую на послѣдней вечери своей съ учениками?“ въ Прибавл. къ изд. Тв. Св. От. въ рус. пер. 1853. стр. 446—491.

преданію, сохраненному въ Талмудѣ, Христосъ распятъ и умеръ по полудни 14 Нисана ^(x), слѣдовательно—въ день, въ который вечеромъ по закону должно было вкушать пасху, а Онъ вкусилъ ее наканунѣ, 13-го вечеромъ.

б) Но этому противорѣчатъ, по видимому, первые три евангелиста? Помянутые отцы и учителя церкви, защищая вышеизложенное мнѣніе, конечно не признавали, что оно противно сказаніямъ первыхъ евангелистовъ. Изъ толкованій нѣкоторыхъ изъ нихъ, какія дошли до насъ, мы дѣйствительно видимъ, что они не считали Евангелія взаимно противорѣчащими въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ. И дѣйствительно, разногласія между ними нѣтъ; разногласіе только внѣшнее, кажущееся.

Прежде всего замѣтимъ, что въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ есть указанія, хотя не очень ясныя, которыя по этому можно просмотрѣть съ перваго раза, на то, что пасхальная вечеря совершена была Господомъ ранѣе установленнаго закономъ срока, ранѣе 14 Нисана, и именно 13-го, а смерть Его послѣдовала 14-го, въ день, въ который вечеромъ должно было вкушать агнца пасхальнаго. Такъ напр. евангелистъ Матѳеѣй повѣствуетъ, что Спаситель на вопросъ учениковъ, гдѣ приготовить пасху, сказалъ: *подите въ городъ къ такому-то, и скажите ему: Учитель глаголетъ: время Мое близъ есть: у тебе сотворю пасху со ученики Моими* (Мѳ. 26, 18.). Къ чему эти слова: *время Мое близъ есть*, если пасхальная вечеря назначалась въ обыкновенное, определенное закономъ время, вмѣ-

---

(x) Mischna. tract. Sanh. fol. 43. 1.

сть со всѣми? Тогда надлежало бы сказать: время не *мое*, но вообще: время наступаетъ вкушать пасху. Въ этихъ словахъ есть какъ будто объясненіе нѣкоторой поспѣшности для совершенія пасхальной вечера въ несовсѣмъ обычное время. Еще: Маркъ и Лука говорятъ, что Симонъ киринейскій, на котораго возложено нести крестъ Спасителя, въ это время шелъ съ поля (Марк. 15, 21. Лук. 23, 26.), т. е. съ работы на полѣ. Совершенно невѣроятно, что онъ занимался полевыми работами въ главный первый день праздника 15 числа, въ который, по яснымъ словамъ закона, не должно было производить никакой работы; это могло быть только 14 Нисана, въ который вечеромъ нужно было вкушать пасху, и въ который до начала пасхальной вечера могли быть производимы работы, прекращавшіяся къ вечеру этого дня. Не показывается ли это, что и по сказанію первыхъ евангелистовъ днемъ смерти Господа была пятница 14 Нисана, въ который вечеромъ слѣдовало вкушать пасху, и что слѣдовательно Христосъ вкусилъ оную ранѣе? И это было 13-го числа. Но что же означаютъ въ такомъ случаѣ выраженія ихъ о времени совершенія Господомъ пасхальной вечера: въ первый день опрѣсноковъ (Матѣ. 26, 17.), въ первый день опрѣсноковъ, когда закалали пасхальнаго агнца (Марк. 14, 12.), насталъ праздникъ опрѣсноковъ, въ который должно было закалать пасхальнаго агнца (Лук. 22, 7.)?

Въ счетъ дней недѣльныхъ или праздничныхъ евангелисты, соответственно еврейскому словоупотребленію, первый день называютъ не *первымъ* (*πρωτη*), а *единымъ* (*μια*). Такъ первый день недѣли, въ который воскресъ Христосъ, они называютъ *единымъ отъ*

субботъ (*μία σαββάτων*: Матѣ. 28, 1. Марк. 16, 2. Лук. 24, 1. Иоанн. 20, 1. ср. Дьян. 20, 7.). Такого словоупотребленія держится и св. апостоль Павелъ (1 Кор. 16, 2.). Судя по этому, надлежало бы ожидать, что въ счетъ дней семидневнаго праздника пасхи и опръсноковъ, о первомъ днѣ праздника, если они хотѣли обозначить именно его, сказали бы не: *πρώτη*, а *μία ἄζυμων*, а такъ какъ они употребили не: *μία*, а: *πρώτη*, то значить—хотѣли указать этимъ не на первый именно день праздника, а на другое время. Древніе греческіе толкователи полагаютъ, что это выраженіе: *πρώτη ἄζυμων*—означаетъ именно не первый день опръсноковъ, и не вечеръ пасхальнаго агнца, въ который также должно было употреблять опръсноки, но день предшествующій, такъ что все выраженіе: въ первый день опръсноковъ, въ который ѣли, или надлежало ѣсть пасху,—значить: въ день, предшествующій тому дню, въ который вечеромъ іудеи ѣли, или должны были ѣсть по закону пасху съ опръсноками, а этотъ день былъ четвертокъ 13-го Нисана, наканунѣ дня вечера пасхальной 14 числа. Св. Златоустъ, объясняя слова Матѣ. 26, 17: *въ первый день опръсночный приступиша ученицы ко Іисусу* и проч., говоритъ: «первымъ днемъ опръсночнымъ евангелистъ называетъ день, предшествовавшій празднику опръсноковъ: ибо іудеи всегда имѣли обыкновеніе считать день съ вечера. Евангелистъ упоминаетъ (словами: день опръсноковъ) о томъ днѣ, въ который вечеромъ должно было заколотъ агнца пасхальнаго: ибо ученики приступили къ Іисусу въ пятый день недѣли (т. е. въ четвертокъ по еврейскому численію дней недѣли—13 числа), и сей день евангелистъ Матѣей

называетъ днемъ, предшествовавшемъ празднику опръсноковъ, когда говорить о времени, въ которое ученики приступили къ Иисусу, а другой евангелистъ говорить такъ: *приде же день опръсноковъ, въ онъже подобаше жрети пасху* (Лук. 22, 7). *Приде*, т. е. приблизился, былъ при дверяхъ; очевидно евангелистъ упоминаетъ объ ономъ вечерѣ: ибо съ вечера начинали совершать пасху. Посему каждый евангелистъ присовокупляетъ: когда закали пасхальнаго агнца (и). Блаж. Теофилактъ, объясняя тѣ же слова Евангелія отъ Матѳея, говоритъ: «первымъ днемъ опръсноковъ евангелистъ называетъ день предъ опръсноками. Въ пятокъ вечеромъ (14 числа) іудеи должны были ѣсть пасху; день этотъ назывался опръсночнымъ. И такъ Господь посылаетъ учениковъ въ четвертокъ (13 числа), который евангелистъ называетъ первымъ опръсноковъ, потому что онъ предшествуетъ пятку, вечеру котораго ѣли опръсноки» (т. е. съ агнцемъ пасхальнымъ) (ч). Современный Теофилакту Евѳимій Зигабень, съ большимъ тщаніемъ пользовавшійся замѣчаніями своихъ предшественниковъ, и болѣе вниманія обращающій на примиреніе кажущихся разногласій между повѣствованіями евангельскими о семъ, такъ примиряетъ эти кажущіяся разногласія: «Матѳ. 26, 17: *въ первый же день опръсночный.*» Евангелисты Матѳеѳей и Маркъ называютъ здѣсь *опръсноками* пасху; потому что во время пасхи, вмѣстѣ съ мясомъ агнца,

---

(и) Златоуст. Бесѣд. на Ев. отъ Матѳ. въ русск. пер. М. 1839 г. Часть III. стр. 389—390.

(ч) См. Приб. къ изд. Твор. Св. Отц. въ рус. пер. 1853 г стр. 478.

бли и опръсноки. Отъ сихъ опръсноковъ пасха и называется опръсноками. Это подтверждаетъ Лука, говоря: *приближаешя же праздникъ опръсноковъ, глаголемый пасха* (22, 1.). *А первымъ днемъ опръсноковъ называютъ день, предшествующій пасхѣ, тринадцатый мѣсяца, четвертокъ.* Назвали его первымъ опръсноковъ, какъ предшествующій опръснокамъ пасхальнымъ. Ясное свидѣтельство о томъ находимъ у Иоанна, который сказалъ: *прежде же праздника пасхи, въдыи Иисусъ, яко прииде Ему часъ* (13, 1.). Тотъ день, который Матѳеи и Маркъ назвали первымъ опръсноковъ, Иоаннъ обозначилъ такъ: *прежде праздника пасхи.* Но такъ какъ объ этомъ днѣ, тринадцатомъ мѣсяца, четверткѣ, Маркъ говоритъ: *въ первый день опръсноковъ, егда пасху жряху* (14, 12.), а Лука: *прииде же день опръсноковъ, въ онъ же подобаше жрети пасху;* то выраженіе: *егда жряху пасху,* и: *въ онъ же подобаше жрети пасху,*—должно относить не къ первому опръсноковъ, а къ самому дню опръсноковъ. Ибо агнецъ былъ закалаемъ не въ 13-й, а въ 14 день. Законъ говоритъ: *въ первомъ мѣсяцѣ, въ четвертыинадцатый день мѣсяца, между вечерними пасха Господу* (Лев. 23, 5.). Если же агнецъ пасхальный былъ закалаемъ *между вечерними;* то почему же одинъ и тотъ же день называется и пасхой и опръсноками? Потому что іудеи имѣютъ обычай соединять вечеръ съ днемъ, его предвѣряющимъ. Такимъ образомъ отъ вечера пасхи и опръсноковъ, и день, оканчивающійся этимъ вечеромъ, называютъ опръсноками. Какъ же Лука, говоря о 13-мъ днѣ мѣсяца, выразился: *прииде день опръсноковъ?* Слово—*прииде* имѣетъ и значеніе: *приблизился* (*επλη-*

βίαια); этимъ значеніемъ онъ и воспользовался. Надлежитъ знать, что хотя начинали ѣсть опрѣсноки и въ 14 день, но праздникъ совершался въ 15 день; ибо законъ говоритъ: *въ пятыйнадесять день мѣсяца перваго, праздникъ опрѣсноковъ Господу* (Лев. 23, 6.). Назывался сей день первымъ опрѣсноковъ (ст. 7.), потому что онъ считался первымъ изъ опредѣленныхъ седми дней; ибо говоритъ: *седмь дней опрѣсноки да ясте* (ст. 6.). Но не объ этомъ праздникъ опрѣсноковъ, и не объ этомъ первомъ опрѣсноковъ говорятъ евангелисты, какъ показано: ибо онъ приходился въ 15 день мѣсяца, а евангелисты писали о 13-мъ» (ш). Такъ удобно примиряется словоупотребленіемъ еврейскимъ кажущееся разногласнымъ сказаніе Матѳея, Марка и Луки съ сказаніемъ Іоанна, и выходитъ одно: Христось совершилъ вечерю днемъ ранѣе, чѣмъ іудеи, именно 13-го Нисана, а 14-го, ввечеру, котораго надобно было по закону вкушать агнца, Онъ былъ распятъ.

Но почему Христось вкушалъ пасху ранѣе опредѣленнаго закономъ времени, и іудеи, искавшіе лжесвидѣтельствъ противъ Іисуса, не обличаютъ однакоже Его въ такомъ противозаконіи? Изъ того уже, что не обличаютъ, видно ясно, что это не противозаконіе. Что же это значитъ? Почему Христось могъ совершить пасху ранѣе назначеннаго закономъ времени?— Для насъ этотъ вопросъ не имѣетъ существенной важности. Для насъ важенъ вопросъ, — дѣйствительно ли между сказаніями евангельскими о дняхъ послѣдней вечера и смерти Господа есть противорѣчіе, и мы

(ш) Evthym. Zygab Comment. in quatv. Evang. tom. I. pars. 11. p. 990 и далѣе.

показали, что нѣтъ; что по нимъ Христосъ совершилъ пасхальную вечерю ранѣе узаконеннаго времени, именно—13-го Нисана, а 14-го былъ распятъ. Почему ранѣе, мы точно не знаемъ. Но изъ того, что іудеи не обвиняютъ Его за сіе, заключаемъ, что это не было дѣломъ противозаконнымъ. Какъ же такъ случилось однако?—У древнихъ писателей отвѣтъ на это не одинаковъ. Одни полагали, что сами іудеи въ этотъ годъ не вѣремя совершали пасху по причинѣ неправильныхъ вычисленій дней по явленію луны (ш); другіе, что они отложили празднованіе пасхи на день далѣе узаконеннаго, собственно для того, чтобы это празднованіе не было препятствіемъ для нихъ совершить казнь надъ ненавистнымъ для нихъ Христомъ (ъ). Есть еще такое объясненіе, что іудеи для избежанія, чтобы праздникъ пасхи не приходился непосредственно предъ субботою, переносили этотъ праздникъ на слѣдующій день, т. е. соединяли съ субботою: ибо въ противномъ случаѣ было бы сряду два дня, въ которые ничего нельзя было дѣлать.—Такъ было и въ годъ смерти Господа; пасха приходилась въ пятницу, а ее перенесли на субботу, т. е. пасхальнаго агнца начинали вкушать не въ четвертокъ вечеромъ, а въ пятницу, хотя частныя лица и могли ѣсть его въ тотъ день, въ который дѣйствительно слѣдовало ѣсть (ы). Но, кажется, болѣе вѣроятно то объясненіе этого факта, что около времени Христова

(ш) Елифаній—Наег. LI. n. 26, 27.

(ъ) Евсевій (Angelo Maii—Auctor veter. Coll. nov. t. 1. p. 254, 255). Злат. (Hom. in Matth. 84).

(ы) Vinaci de morte Iesu Christi, lib. I. c. 1 p. 45 и дал.

было въ обычаѣ у іудеевъ двухдневное совершеніе праздника пасхи—13-го и 14-го чисель Нисана, что законнымъ днемъ совершенія ея было 14-е число вечеромъ, но, какъ исключеніе, дозволялось совершеніе ея и 13-го вечеромъ.—Вотъ какъ излагалъ это ученый Гугъ къ отвѣтъ своемъ Штрауссу о причинѣ ранняго совершенія Христомъ пасхи (ъ). «Вопросъ о времени послѣдней вечери Исуса издавна принадлежалъ къ числу труднѣйшихъ, и именно по этому постоянно повторялся писателями, которые не благоволили къ Евангеліямъ.—Можетъ быть (такъ можно было думать), недостаетъ какого-нибудь указанія іудейской археологіи, и недостатокъ такого указанія затрудняетъ рѣшеніе вопроса. Это побудило меня ближе изучить древности относительно того вопроса, о которомъ идетъ рѣчь... и вотъ результаты изслѣдованія:—По возвращеніи изъ Вавилона іудеи сдѣлались религіознѣе, чѣмъ были когда-либо прежде; они хотѣли въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлать болѣе, чѣмъ сколько требовалъ Моусей, и обременили себя безчисленными обычаями. Они не довольствовались тѣмъ, чтобы праздновать установленные Моусеемъ праздники, но хотѣли сдѣлаться еще праведнѣе и святѣе празднованіемъ и тѣхъ дней, которые предшествовали праздникамъ, и это дѣлали галилеяне преимущественно предъ іудеями. Когда это введено было, съ точностью указать нельзя. Въ эдиктъ Августа въ пользу іудеевъ есть уже рѣчь о дняхъ, предшествующихъ праздникамъ: іудеи освождались отъ присутствія при судебныхъ дѣлахъ во

(ъ) Hug's — Gutachten über d. Leben Jesu—2 Theil, S. 130. 1844.

дни субботніе, и въ предшествовавшіе субботамъ съ девятаго часа (ѳ). Во дни Спасителя это является уже дѣломъ обычнымъ и установившимся. Рыбаки и другіе рабочіе въ Тиверіадѣ, Сепфорѣ и Акко праздновали дни предшествующіе праздникамъ, и оставляли работы (ѳ). Въ Іудеѣ, хотя въ день предшествующій пасхѣ работали до полудня, но въ Галилеѣ не производили никакихъ работъ въ продолженіе цѣлаго дня предъ пасхою (ю). Іерусалимскій Талмудъ безусловно утверждаетъ, что день, предшествующій пасхѣ, такъ же святъ, какъ и самый день пасхи (я). Въ слѣдствіе такого обычая и мнѣнія произошла перемѣна и въ отношеніи къ удаленію изъ домовъ кислаго хлѣба; его не должно было быть въ домѣ въ день, считавшійся святымъ наравнѣ съ самымъ пасхальнымъ днемъ. По этому еще вечеромъ наканунѣ этого дня осматривали тѣ мѣста, гдѣ могъ находиться кислый хлѣбъ (ѳ). Такъ было и въ Іудеѣ, хотя тамъ праздновали и не цѣлый день, предшествовавшій дню пасхи. Но въ Галилеѣ,—гдѣ строже соблюдалось это, и цѣлый день считался священнымъ, такъ что никакой работы въ продолженіе его не производилось,—удаляли изъ домовъ кислый хлѣбъ еще 13-го Нисана». — Что касается до агнца пасхальнаго, могъ ли онъ быть

(ѳ) Joseph—Antiqu. l. XVI. c. 6 n. 2. Ἐγγύας δὲ μὴ ὀμολογεῖν αὐτῶς ἐν σιβρίσιν, ἢ τῇ πρό ταυτῆς περιουσίῃ ἀπὸ ὄρας ἐν αὐτῆς.

(ѳ) Gemara hierosolym. tract. Moed. Katan. c. 2, 5.

(ю) Mischna—tract. de Pasch. c. IV. seg. 5.

(я) Gemara hierosolym. tract. Chagiga—cap. III. seg. 7.

(ѳ) Mischna—tract. de Pasch. c. 1. seg. 1.

приготовленъ и вкушаемъ въ этотъ день: то надобно полагать, что іудеи, не препятствуя обычаю галилеянъ праздновать и день, предшествующій пасхѣ, какъ день самой пасхи, тогда когда они праздновали его и въ Іерусалимѣ, дозволяли имъ вкушать, днемъ ранѣе пасхальнаго вечера, и агнца, чему благопріятствовало и то обстоятельство, что въ краткій срокъ, назначенный закономъ для закланія агнцевъ пасхальныхъ, затруднительно было при храмѣ готовить то количество ихъ, какое нужно было для всѣхъ, стекавшихся въ то время въ Іерусалимѣ праздновать пасху. — Во избѣжаніе этого затрудненія, нужно полагать, и разрѣшено было, особенно галилеянамъ, соответственно ихъ обычаю, вкушать пасхальную вечерю днемъ ранѣе назначеннаго закономъ времени, именно вечеромъ 13-го Нисана (v), хотя общее празднованіе и совершаемо было вечеромъ слѣдующаго 14-го дня. Господь воспользовался симъ, и, предвидя близость страданій Своихъ, совершилъ, по обычаю галилеянъ, пасхальную вечерю ранѣе общаго празднованія, 13-го числа, а 14-го — въ день общаго празднованія пасхи передъ вечеромъ, въ который начиналось вкушеніе агнца, — былъ распятъ.

(v) Въ продолженіе двухъ часовъ отъ 9 по 11, или по нашему — отъ 3 до 5 нужно было заколать во дворѣ храма около 256,000 агнцевъ. Joseph. Bell. Iud. 6, 9, 3. (Ebrard's—Wissenschaft. Kritik d. Evangel. Gesch. Zweit. Aufl. Erlang. 1850. s. 510. 511). — Во всякомъ случаѣ впрочемъ, на томъ основаніи, что Господь совершилъ вечерю днемъ ранѣе законнаго срока, не слѣдуетъ предполагать, что эта вечера была безъ агнца пасхальнаго. Въ такомъ случаѣ ее нельзя было бы на-

Представимъ же сводъ мнимо - противорѣчащихъ евангельскихъ сказаній о днѣ тайной вечера и смерти Господа по изложенному толкованію сихъ сказаній.

Прежде праздника пасхи (Іоан. 13, 1), въ день предшествующій дню опрѣсноковъ, т. е. тому дню, въ который вечеромъ, по закону, надлежало вкушать съ опрѣсноками агнца пасхальнаго (Матѳ. 26, 17. Марк. 14, 12. Лук. 22, 7), Иисусъ, зная, что пришелъ часъ Его, —перейти отъ міра сего ко Отцу (Іоан. 13, 1), т. е. что настало время страданій и смерти Его, желаніемъ возжелалъ въ послѣдній разъ совершить съ своими учениками самый торжественный и знаменательный въ отношеніи къ Его лицу праздникъ іудейской пасхи. Праздникъ этотъ напоминалъ іудеямъ то великое событіе въ ихъ исторіи, когда Богъ, рукою сильною и мышцею высокою освобождая ихъ изъ рабства египетскаго, поразилъ первенцевъ египетскихъ, минуя первенцевъ еврейскихъ, и знаменовалъ вмѣстѣ будущее искупленіе всего человѣчества отъ рабства грѣха и смерти истиннымъ Агнцемъ, вземлющимъ грѣхи всего міра, Господомъ Иисусомъ. —Настало время исполненія сего образнаго предзнаменованія: Господь, истинный Агнецъ, долженъ былъ заклаться въ срокъ закаланія образнаго агнца, и—Онъ желаніемъ возжелалъ, вмѣсто сѣни ветхозавѣтной, показать самый образъ вещей, самую истину, —вкусивъ агнца пасхальнаго ветхозавѣтнаго, явить новозавѣтное таинство пасхи,

---

звать пасхой: ибо пасху собственно составлялъ агнецъ, а безъ агнца вечера и не могла быть пасхой;—ученики же спрашивали Господа: „гдѣ уготовать *пасху*,“ т. е. вечерю съ агнцемъ пасхальнымъ.

совершивъ вечерю пасхальную ветхозавѣтную, установить вечерю новозавѣтную, тайную, но истинную, — не съновную. — Это было 13-е Нисана, четвертокъ, наканунѣ того великаго дня, въ который вечеромъ узаконено было совершать пасху. — По закону, не время было совершать пасху, но обычай позволялъ это, и обычай, предусмотрѣнный Промысломъ, послужилъ къ совершенію великаго дѣла — закланія истиннаго Агнца Христа, въ день закланія агнца образнаго.

Зная, что, по закону, не время еще было вкушать пасхальную вечерю, но обычай позволяетъ сіе, Христость призываетъ двухъ довѣреннѣйшихъ учениковъ — Петра и Іоанна, и говоритъ имъ: подите, приготовьте намъ ѣсть пасху. Ученики, не понимая вполнѣ словъ Учителя, спрашиваютъ: гдѣ? Онъ отвѣчаетъ: идите къ такому-то и скажите: *время Мое близко*; вотъ почему ранѣе узаконеннаго, но въ дозволенное время, Я совершу пасху съ Моими учениками. — Вкушая ветхозавѣтную пасхальную вечерю, Онъ, зная намѣреніе Іуды, говоритъ ему: дѣлай скорѣе, что хочешь. Ученики не поняли, но подумали нѣкоторые: можетъ быть, Онъ говоритъ: купи скорѣе того, что нужно намъ къ празднику (такъ какъ Іуда былъ хранителемъ денежнаго ящика въ маломъ обществѣ Господа), т. е. нѣкоторые изъ учениковъ подумали, что Господь повелѣваетъ Іудѣ купить нужное для ежедневныхъ, закономъ предписанныхъ, жертвъ въ продолженіе семидневнаго празднованія праздника опръсноковъ; но не то разумѣлъ всевъдуцій Учитель ихъ: Онъ говорилъ о скоромъ предательствѣ.

И дѣйствительно, въ ночь послѣ вечера, по ука-

занію Іуды, Христось былъ взятъ, и такъ какъ начальникамъ народа хотѣлось, чтобы до времени, опредѣленнаго закономъ для вкушенія агнца пасхальнаго, Онъ былъ осужденъ: то они повели дѣло осужденія быстро, ночью же Христось осужденъ былъ синедріономъ, утромъ слѣдующаго дня приведенъ былъ къ Пилату, при чемъ іудеи не входили въ домъ претора, чтобы не оскверниться прикосновеніемъ къ языческому жилищу въ день, въ который надлежало вкушать пасху. Это было въ пятницу предъ пасхальною вечерею, 14-го Нисана. — Пилать предалъ Господа на распятіе, и послѣ 6-го часа, т. е. въ первомъ часу пополудни Христось былъ распятъ. Такъ какъ вскорѣ по закону нужно было вкушать пасху, и такъ какъ это было наканунѣ субботы, а день этой субботы въ тотъ годъ былъ особенно великъ, ибо соединялся съ первымъ днемъ праздника пасхи (Іоанн. 19, 31); то іудеи просили Пилата ускорить смерть распятыхъ, чтобы тѣла ихъ не оставались на крестахъ въ такой великій праздникъ; но Христось вскорѣ умеръ на крестѣ, къ удивленію Пилата, и Ему, какъ истинному Агнцу, не сокрушили костей пребитіемъ голеней. — Тогда же Пилать позволилъ Іосифу Аримаѳейскому снять тѣло Господа и погребсти, что онъ вмѣстѣ съ Никодимомъ и исполнилъ, положивъ тѣло Его въ близъ лежавшей пещерѣ, съ поспѣшностію, такъ какъ наступало время вкушенія агнца (Іоан. 19, 41. 42). Жены, пришедшія съ Господомъ изъ Галилеи, смотрѣли, какъ полагалось тѣло Его; приготовивъ благовонія и масти, въ субботу — день покоя и вмѣстѣ пасхи — оставались по закону въ покоѣ, а на слѣдующее утро рано поспѣшили на гробъ... Есть ли же

въ этихъ сказаніяхъ непримиримое противорѣчіе Іоаннова Евангелія съ тремя первыми, которое свидѣтельствовало бы о неподлинности того или другаго Евангелія?

5) Еще болѣе, чѣмъ на противорѣчіе (мнимое) евангельскихъ сказаній о днѣ послѣдней вечера и смерти Христовой, въ доказательство неподлинности Евангелій, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ ихъ видѣ, поборники отрицательной критики указываютъ на разнорѣчія евангельскихъ сказаній объ обстоятельствахъ воскресенія Христова и первыхъ явленійхъ Воскресшаго. Если въ сказаніяхъ о днѣ послѣдней вечера и смерти Христовой находятъ противорѣчіе сказаній Іоанна тремъ первымъ евангелистамъ: то въ сказаніяхъ о воскресеніи видятъ взаимное противорѣчіе между всеми четырьмя Евангеліями, и выводятъ заключеніе, что такъ противорѣчить себѣ не могли непосредственные свидѣтели событія, что сказанія видимо (?) прошли черезъ нѣсколько рукъ, оразнообразились до противорѣчій, и слѣдовательно не происходятъ отъ непосредственныхъ свидѣтелей (а), и обличаютъ сами неподлинность происхожденія Евангелій отъ тѣхъ писателей, которымъ они приписываются. Разсмотримъ эти мнимыя противорѣчія съ тою подробностію, какой

(а) Съ особенною рѣзкостью высказано это у Штраусса (*Das Leb. Jesu.* 1864. S. 601—613) и Альма (*Theolog. Briefe,* B. 3, S. 199—262). Ренанъ оканчиваетъ книгу свою сказаніемъ о погребеніи Господа, неудостойная говорить со словъ свидѣтелей-очевидцевъ о Его воскресеніи. Станный приѣмъ историческій, не встрѣчающійся даже у самыхъ ярыхъ поборниковъ отрицательной критики!..

требуетъ самая важность дѣла, и съ какой раскрываю- ся онъ у поборниковъ отрицательной критики, не вдаваясь впрочемъ въ прямую полемику по всемъ частностямъ, а раскрывая смыслъ сказаній болѣе по- ложительно.

Сказанія о воскресеніи Христовомъ содержатся у всѣхъ четырехъ евангелистовъ (Матѳ. 28, 1—10; Марк. 16, 1—11; Лук. 24, 1—12; Иоанн. 20, 1—18); и вотъ разности, какія представляются при чтеніи ихъ, и ко- торыя подъ ложнымъ названіемъ противорѣчій выста- вляютъ противъ достовѣрности этихъ сказаній,—и слѣдовательно подлинности самыхъ Евангелій, въ ко- торыхъ они содержатся: А) въ сказаніяхъ о числѣ и именахъ женъ, приходившихъ ко гробу: Матѳеѣй гово- ритъ только о двухъ женахъ: Маріи Магдалинѣ и другой Маріи (ст. 1); Маркъ—о трехъ: Маріи Магда- линѣ, Маріи Іаковлевои и Соломіи (ст. 1); Лука—такъ же о трехъ: Маріи Магдалинѣ, Маріи Іаковлевои и Иоаннѣ (а не Соломіи, какъ у Марка), прибавляя, что были еще и другія съ ними (ст. 1, 10), наконецъ Иоаннъ говоритъ, что только одна Марія Магдалина путешествовала ко гробу (ст. 1).

Б) Въ сказаніяхъ о времени прибытія женъ ко гробу: Матѳеѣй говоритъ, что онѣ пришли въ вечеръ субботный: *свитаючи во едину отъ субботы* (ст. 1), Маркъ: *зъло заутра во едину отъ субботы, возсіявшу солнцу* (ст. 2); Лука говоритъ только, что это было весьма рано (не опредѣляя точнѣе вре- мени), а Иоаннъ говоритъ, что Марія пришла на гробъ *заутра, еще сущей тмь* (ст. 1).

В) Въ сказаніяхъ о порядкѣ путешествія женъ и учениковъ ко гробу, и возвращенія оттуда. Между

тѣмъ, какъ первые три евангелиста говорятъ, что Магдалина и другія упоминаемыя ими жены, услышавъ благовѣстіе отъ Ангеловъ о воскресеніи, и, вышедъ отъ гроба, *вмѣстѣ* побѣжали возвѣстить апостоламъ о случившемся (Матѳ. ст. 8, Марк. ст. 8, Лук. ст. 9, 10), Іоаннъ говоритъ, что Марія одна пошла возвѣстить апостоламъ—Симону и другому ученику о томъ, что тѣло Господа унесено (ст. 2), и тогда какъ ученики оба, по сказанію Іоанна, въ слѣдствіе вѣсти *одной* Маріи, пошли ко гробу (ст. 3—9), по сказанію Луки, только одинъ Петръ, въ слѣдствіе словъ Маріи и всѣхъ прочихъ женъ, побѣжалъ ко гробу (ст. 12); наконецъ, по свидѣтельству Матѳея, Магдалинъ *вмѣстѣ съ другою* Маріею на пути къ ученикамъ явился Самъ Іисусъ (ст. 8—10), а по свидѣтельству Марка и Іоанна, *одной* только Магдалинѣ явился Онъ, и притомъ, по сказанію Іоанна, при гробѣ, а не на пути къ ученикамъ (Марк. ст. 9. Іоанн. ст. 11. 14—17).

Г) Въ сказаніяхъ о происшедшемъ съ женами и учениками при гробѣ, и а) о явленіяхъ Ангеловъ: Матѳеѣмъ говоритъ объ одномъ Ангелѣ, сидѣвшемъ на камнѣ *внѣ* гроба, и бесѣдовавшемъ съ женами (ст. 2—8); по словамъ Марка, жены бесѣдовали съ Ангеломъ внутри гроба (ст. 5); Лука говоритъ о двухъ Ангелахъ внутри гроба, представшихъ женамъ (ст. 3—4). Іоаннъ же говоритъ, что одна Магдалина видѣла внутри гроба двухъ Ангеловъ, сидѣвшихъ въ головахъ и въ ногахъ, гдѣ лежало тѣло Іисусово (ст. 12); б) о бесѣдахъ Ангеловъ: Матѳеѣмъ и Маркъ почти буквально сходно передаютъ слова Ангела (Матѳ. ст. 5—7. Марк. ст. 6. 7), а Лука передаетъ ее въ

другомъ видѣ (ст. 5—7); Иоаннъ же разнится отъ всѣхъ, потому что, по его словамъ, Ангелы обращались къ одной Магдалинѣ, и предлагали ей одинъ только вопросъ, какого нѣтъ въ сказаніяхъ ни одного изъ прочихъ евангелистовъ (ст. 12. 13).

Д) Въ сказаніяхъ о обстоятельствахъ возвращенія женъ къ апостоламъ: по словамъ Марка, жены, когда возвращались отъ гроба, никому ничего не сказали (ст. 8), только послѣ сказала апостоламъ Магдалина (ст. 10); по сказаніямъ Луки, онѣ обо всемъ возвѣстили апостоламъ (ст. 9—10); по словамъ же Иоанна, одна Магдалина двукратно возвѣщаетъ апостоламъ о случившемся (ст. 2. 18). По сказаніямъ Иоанна, Воскресшій не позволилъ Магдалинѣ прикасаться къ Нему (ст. 17), а по сказаніямъ Матѳея, она вмѣстѣ съ другою Маріею обнимала ноги Его (ст. 9). Наконецъ, по сказанію Марка и Луки, апостолы не повѣрили Магдалинѣ, что Христосъ воскресъ, и былъ видѣнъ ею (ст. 11), между тѣмъ Иоаннъ не упоминаетъ о такомъ невѣрїи, а замѣчаетъ, что когда ученики были при гробѣ, то одинъ изъ нихъ повѣрилъ воскресенію (ст. 8).

Вотъ болѣе важныя разности, представляющіяся при чтеніи евангельскихъ сказаній о обстоятельствахъ воскресенія Христова и первыхъ явленіяхъ Воскресшаго,—правду сказать, разности не незначительныя, и соглашеніе ихъ издавна затрудняло толкователей. Конечно, эти разности далеко не такого рода, чтобы могли подавать поводъ усомниться въ достовѣрности евангельскихъ сказаній, но все же представляютъ довольно затрудненій. Не станемъ перечислять разныхъ способовъ и опытовъ соглашенія этихъ разностей;

укажемъ лишь на нѣкоторые, и потомъ изложимъ вѣроятнѣйшій опытъ соглашенія ихъ, не вступая при томъ въ прямую полемику съ тѣми, кто видитъ въ этихъ разностяхъ непримиримыя (будто бы) противорѣчя.

а) Всѣ разности въ разсматриваемыхъ сказаніяхъ евангельскихъ устранились бы при одномъ простомъ предположеніи, что жены четыре раза приходили ко гробу въ разные времена, и что каждое изъ этихъ четырехъ путешествій съ случившимися событіями описано порознь четырьмя евангелистами,—такъ что описанное у Матѳея путешествіе можно считать отдѣльнымъ отъ путешествій, описанныхъ у Марка, Луки и Іоанна, и на оборотъ. Въ такомъ случаѣ не представилось бы никакихъ разностей или разногласій въ сказаніяхъ евангелистовъ, если каждое изъ сказаній ихъ имѣетъ предметомъ совершенно особое происшествіе; и составить изъ нихъ полную исторію значило бы только списать ихъ по порядку одно за другимъ, опредѣливъ напередъ, какое изъ описанныхъ путешествій было первое, какое за нимъ, какое третье, и которое четвертое, т. е. переписать сначала на примѣръ Іоанново сказаніе, потомъ Матѳеево или Марково и т. дал., или сперва Марково, потомъ Матѳеево и т. д. (6).

---

(6) Опытъ подобнаго соглашенія сдѣланъ Исихіемъ пресвитеромъ іерусалимскимъ (V в.), который именно признаетъ, что жены путешествовали ко гробу четыре раза, и Духъ Св. устроилъ такъ, что каждый евангелистъ описалъ одно изъ сихъ путешествій. Онъ полагаетъ первымъ путешествіе Маріи Магдалины и другой Маріи (по его мнѣнію Матери Господней), описанное Матѳеемъ со всеми обстоятельствами—явленіемъ

Но неудобно, даже странно предполагать такую раздельность въ сказаніяхъ евангельскихъ при описаніи одной и тойже исторіи. Сходство описаній, кромѣ вышепомянутыхъ разностей, весьма ясно указываетъ на то, что св. евангелисты описываютъ одно и тоже событіе только съ большею или меньшею подробностію, а не разныя, такъ что одно сказаніе служить восполненіемъ и поясненіемъ другаго, а не исключаются взаимно одно другимъ. И въ другихъ случаяхъ еван-

Ангела и рѣчью его, возвращеніемъ ихъ и явленіемъ имъ на пути Иисуса; потомъ—путешествіе одной Магдалины, описанное Иоанномъ съ подробностями, которыя находятся у него,—возвращеніемъ ея къ Симону и другому ученику, новымъ путешествіемъ съ ними ко гробу, явленіями ей здѣсь сначала Ангеловъ, за тѣмъ самого Воскресшаго, и потомъ послѣднимъ возвращеніемъ ея къ апостоламъ; за тѣмъ—третіе путешествіе Магдалины съ Марією Іаковлевою, Саломією и другимъ, описанное Лукою съ обстоятельствами явленія имъ двухъ Ангеловъ, возвращенія къ ученикамъ и благовѣстія и поспѣшнаго за тѣмъ путешествія Петра ко гробу; наконецъ—четвертое путешествіе Магдалины опять съ Марією Іаковлевою и другою женою Саломією, описанное Маркомъ со всѣми обстоятельствами—разговоромъ женъ о камнѣ, явленіемъ и рѣчами Ангела и поспѣшнымъ возвращеніемъ. Такимъ образомъ исторія слагается у него изъ описанія сказаній, какъ они есть, безъ перемѣны,—Матѣева, Иоаннова, Луки и Марка. *Πουχίς προεβουτίφς Ιεροσολίμων τῆ Θεολόγῃ, περὶ τῆς ἀναστάσεως τῆ Κυρίας ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ.* In Graeco-latin. Patrum Biblioth. Nov. Auctor. ed. Combefis. Par. 1648. Т. 1. р. 743—774. Такимъ же почти предположеніемъ соглашается сказанія евангельскія Григорій Нисскій во второмъ словѣ на воскресеніе Христова, и Іоаннъ Фессалоникійскій (Combefis. tom. 1. р. 791—826).

гелисты часто, говоря объ одномъ и томъ же, говорятъ нѣсколько различно, упоминаютъ или умалчиваютъ о нѣкоторыхъ частностяхъ и подробностяхъ и восполняютъ одинъ другаго; и если все подобное считать сказаніями о различныхъ событіяхъ, то можно дойти до многихъ невѣрностей и искаженія исторіи. Сверхъ сего при такомъ сопоставленіи евангельскихъ сказаній объ обстоятельствахъ воскресенія Христова, встрѣчаются такія невѣроятности, которыя отнимаютъ силу убѣдительности усоставленной такимъ образомъ исторіи воскресенія. Такъ въ упомянутомъ сличеніи Исихія говорится, напримѣръ, что Марія Магдалина въ *первый разъ* съ другою Маріею приходили, по сказанію Маттея, на гробъ по прошествіи субботы, *свитаючи* во едину отъ субботы; потомъ во *второй разъ* пришла одна Марія Магдалина, по сказанію Іоанна, *заутра еще сущей тмъ* (pag. 746. 750), что очевидно не возможно, а потому и невѣроятно. Потомъ,—этотъ способъ сличенія заставляетъ Исихія предполагать, что Магдалина, видѣвшая вмѣстѣ съ другою Маріею Господа на пути отъ гроба къ апостоламъ, обнимавшая ноги Его и получившая отъ Него повелѣніе идти и возвѣстить апостоламъ о воскресеніи, усомнилась въ истинѣ явленія, и *пренебрегши* повелѣніемъ Спасителя—возвѣстить ученикамъ, снова возвращается ко гробу (pag. 750), что также не вѣроятно. Дальше полагая, что путешествіе женъ, описанное Маркомъ, было четвертое путешествіе Магдалины и второе Маріи Іаковлевоу, Исихій находитъ въ очевидно затрудненіи объяснить слова евангелиста Марка, что жены на пути говорили между собою: *кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба*: очевидно,

этого не могли говорить Магдалина и Марія Іаковлева, уже бывшія у гроба и знавшія, что камень отваленъ, а потому Исихій и рѣшаетъ это затрудненіе невѣроятнымъ предположеніемъ, что это говорила одна лишь Саломія, не бывшая у гроба (pag. 761). И много другихъ трудностей, невѣроятностей и неправильныхъ объясненій встрѣчается при этомъ способѣ сличенія евангельскихъ сказаній. Наконецъ и древніе знаменитые изъ толкователей не признавали такого предположенія, а считали, что евангелисты говорятъ объ одномъ и томъ же путешествіи женъ, объ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, только съ большею или меньшею полнотою, частностями и подробностями, которыми разнясь восполняютъ другъ друга.

б) Многія изъ разностей въ разсматриваемыхъ сказаніяхъ устранились бы сами собою и при томъ предположеніи, что было двѣ Маріи изъ Магдала—Магдалины, что бывшее съ одною изъ нихъ описываетъ евангелистъ Іоаннъ, особенно разнящійся отъ другихъ въ своемъ повѣствованіи о путешествіяхъ муриносицъ, а случившееся съ другою Магдалиною вмѣстѣ съ прочими женами изображаютъ въ своихъ повѣствованіяхъ три первые евангелиста, у которыхъ между собою менѣе разностей, чѣмъ по сравненію ихъ съ сказаніями Іоанна (в). Но предположеніе это, очевидно, произволь-

(в) Какое предположеніе сдѣлано Евсевіемъ Кесарійскимъ для объясненія разностей въ сказаніяхъ евангелистовъ о случившемся съ Магдалиною (*Ευσεβίος τῆ Παμφίλου περί τῶν ἐν τῷ μνημείῳ ἀγγέλων*. In Graeco—Latin. Patr. Biblioth. Nov. Auctor. Ed. Combefis. T. 1. p. 783—790. Paris. 1648.)

нос. Евангельская исторія нигдѣ не говоритъ намъ, чтобы въ сонмѣ св. мученицъ было двѣ Маріи изъ Магдала—Магдалины, и нѣтъ основаній для построенія такого предложенія. Вообще при объясненіи евангельскихъ сказаній нужно и можно съ безопасностію дѣлать только такія предположенія (тамъ, гдѣ это необходимо требуется), которыя бы имѣли для себя основаніе или подкрѣпленіе въ самыхъ евангельскихъ сказаніяхъ, —которыя бы, объясняя какія либо сказанія, изъ самыхъ этихъ сказаній, или другихъ евангельскихъ, заимствовали свою силу и достовѣрность; такія же предположенія, какъ то, о которомъ идетъ рѣчь, могутъ лишь усилить ту мысль, что у св. евангелистовъ дѣйствительно есть существенныя различія, тогда какъ сами для себя они—подобныя предположенія—не имѣютъ никакихъ основаній (г). Если оба эти предположенія не могутъ быть приняты за вѣроятныя, и способы примиренія ими разностей за вѣрныя; если св. евангелисты описываютъ одни и тѣже происшествія, въ которыхъ принимаютъ участіе одни и тѣ же лица: то остается признать, что разности въ евангельскихъ сказаніяхъ объ обстоятельствахъ воскресенія Христова должны (и могутъ) быть соглашены и сведены въ одну полную исторію событій другимъ способомъ.

(г) Другія частныя предположенія, для соглашенія только нѣкоторыхъ частныхъ разностей въ сказаніяхъ евангельскихъ о воскресеніи, можно видѣть въ комментаріяхъ Maldonati, in quatv. Evang. 1596. ad Matth. XXVIII. 1—10 pag. 675—695 п—Cornelii a Lapide, comment. in quatv. Evang. tom. 1 p. 555—564. Antverp. 1752.

Приступая къ примиренію въ сказаніяхъ евангельскихъ высказанныхъ разностей, какъ различныхъ сказаній объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, прежде всего нужно замѣтить, что евангелисты, очевидно, не передаютъ каждый въ подробности происшествій, слѣдовавшихъ за воскресеніемъ Спасителя, а избираютъ изъ нихъ только такія, которыя почитаютъ они болѣе важными, нужными и соответствующими ихъ частнымъ цѣлямъ, какія они имѣли при написаніи своихъ Евангелій, какъ это они дѣлаютъ вообще при повѣствованіи о всей земной жизни Богочеловѣка. Отъ того, при чтеніи повѣствованія одного евангелиста, рождаются вопросы, на которые отвѣты находятся у другихъ евангелистовъ, такъ что изъ взаимнаго сопоставленія сказаній всѣхъ ихъ составляется одно полное повѣствованіе, т. е. они взаимно восполняютъ свои сказанія и отъ того, сходные въ общемъ изображеніи событій, отличаются одинъ отъ другаго въ частностяхъ и подробностяхъ. Въ особенности можно сказать сіе о св. Іоаннѣ, который писалъ Евангеліе послѣ всѣхъ и имѣлъ цѣлю, между прочимъ, восполненіе сказаній другихъ евангелистовъ, какъ свидѣлствуютъ древніе церковные писатели (А). По сему такъ много въ Евангеліи его новаго сравнительно съ прочими евангелистами; посему болѣе всѣхъ разнится онъ отъ другихъ въ сказаніяхъ объ обстоятельствахъ воскресенія Христа Спасителя, излагая болѣею частію случившееся только съ Магдалиною. Имѣя въ виду это, приступимъ къ сличенію показанныхъ разностей, и—

(А) Evseb. Hist. Eccles. 9, 27. Hieron. de Vir. illustr. Epiph. — Hæres 51.

А) Въ сказаніяхъ о числѣ и именахъ св. женъ муроносицъ (Мѡ. 28, 1. Марк. 16, 1. Лук. 24, 10. Иоан. 20, 1.).

Если св. Матѡей говоритъ, что приходили ко гробу Марія Магдалина и другая Марія; св. Маркъ говоритъ о трехъ—Маріи Магдалинѣ, Маріи Іаковлевои и Саломіи; св. Лука — о Маріи Магдалинѣ, Маріи Іаковлевои и Иоаннѣ, а св. Иоаннъ объ одной Магдалинѣ: то сіе нисколько не означаетъ, что они разногласятъ между собою въ сказаніяхъ о числѣ и именахъ женъ муроносицъ. Къ уразумѣнію причины и значенія этой разности и къ устраненію всякой мысли о разногласіи въ семъ св. евангелистовъ ведутъ именно слова св. Луки: дважды повѣствуя о муроносицахъ, и разъ именуя нѣкоторыхъ изъ нихъ, и разъ не именуя, а называя просто именемъ женъ, пришедшихъ съ Іисусомъ изъ Галилеи (23, 55.), онъ въ тотъ и другой разъ замѣчаетъ, что были и другія съ ними (24, 1. 10). Сіи замѣчанія ясно показываютъ, что ни одинъ изъ св. повѣствователей не исчисляетъ всѣхъ женъ муроносицъ: ибо евангелистъ присовокупляетъ сіи замѣчанія тогда, какъ исчислилъ женъ болѣе, чѣмъ Матѡей и Иоаннъ, и наравнѣ съ Маркомъ. Сіе значитъ, что св. муроносицъ былъ цѣлый сонмъ, и евангелисты, по своему усмотрѣнію, поименовали тѣхъ или другихъ, не имѣя намѣренія поименовать всѣхъ. Итакъ Матѡей нисколько не разногласитъ съ другими евангелистами, когда поименовываетъ только Марію Магдалину и другую Марію, какъ двухъ самыхъ усердныхъ женъ: ибо, по согласному свидѣтельству всѣхъ евангелистовъ, Магдалина была самою ревностнѣйшею изъ муроносицъ, а Марія Іаковлева занимала первое послѣ нея мѣсто

въ этомъ отношеніи. Маркъ тоже не разногласитъ съ другими, когда, назвавъ поименованныхъ Матѳеемъ двухъ мурносицъ, поименовываетъ третью Саломію, о которой говорилъ онъ выше (15, 40). Лука также не разногласитъ, когда къ двумъ поименованнымъ у первыхъ евангелистовъ присовокупляетъ вмѣсто Саломіи (у Марка) Іоанну, о которой онъ прежде упоминалъ въ своемъ Евангеліи (8, 3). Наконецъ Іоаннъ, упоминающая объ одной только Маріи Магдалинѣ, тоже не стоитъ въ разногласіи съ другими. Изъ словъ самой Маріи Магдалины, по Іоаннову сказанію, видно, что она была не одна имѣвшая намѣреніе помазать Господа; возвратясь отъ гроба, она говоритъ апостоламъ: взяша Господа отъ гроба, и не вѣмы (*ὄιδαμεν*), гдѣ положиша Его (20, 2). Такимъ образомъ замѣчаніе евангелиста Луки о числѣ женъ не позволяетъ видѣть между сказаніями евангелистовъ никакого разногласія; а напротивъ ихъ сказанія восполняются одно другимъ. Если же вопросъ о числѣ женъ такъ разрѣшается, что кромѣ четырехъ поименованныхъ евангелистами остаются еще другія не поименованныя ни у одного изъ благовѣстниковъ (*и другія съ ними*, Лук. 24, 10); то этимъ объясняется и разность въ именахъ мурносицъ. Это суть различныя лица изъ цѣлаго сонма женъ, упоминаемыя евангелистами по ихъ усмотрѣнію. Истина и согласіе сказаній евангельскихъ очевидна.

Б) Въ сказаніяхъ о времени прибытія женъ ко гробу (Мѳ. 1. Мр. 2. Іоан. 2. Лук. 1).

Чтобы согласить сказанія св. благовѣстниковъ о времени прибытія женъ ко гробу Спасителя, изъ коихъ одинъ говоритъ, что это случилось *въ вечеръ субботный*, сви-

тающи во едину отъ субботъ, другой — згло рано возсіявшу солнцу, а третій, что Марія пришла еще сущей тмь (св. Лука говоритъ неопредѣленно: весьма рано), нужно прежде всего обратить вниманіе на то, что два первые евангелиста опредѣляютъ согласно время этого прибытія, и только св. Іоаннъ полагаетъ его нѣсколько ранѣе. Первое выраженіе евангелиста Матѳея: *въ вечеръ субботный, ὄψε σαββάτων*, и евангелиста Марка: *минувши субботъ — διαγενομένων τῆ σαββάτῃ*, не суть выраженія, которыя бы опредѣляли самое время прибытія женъ ко гробу, а указываютъ только вообще на время, когда благочестивыя другини предириняли путешествіе на гробъ, въ отношеніи къ предыдущему времени, именно, что это было не ранѣе, какъ въ вечеръ субботный, т. е. по прошествіи субботы — дня покоя, въ продолженіе котораго онъ по закону не могли исполнить своего благочестиваго намѣренія помазать погребеннаго (Лук. 23, 20), по обычаю іудеевъ (e). Время самаго прибытія женъ ко гробу опре-

---

(e) Что выраженіе *ὄψε σαββάτων* означаетъ здѣсь не вечеръ субботы, въ каковомъ случаѣ св. Матѳей разногласилъ бы самъ съ собою, присовокупивъ дагѣ *считающи* во едину отъ субботъ, — это несомнѣнно. По изслѣдованіямъ филологовъ, *ὄψε* хотя означаетъ собственно позднее время, вечеромъ; но въ сопряженіи съ родительнымъ падежемъ значитъ *посль, по прошествіи*, въ какомъ смыслѣ оно употребляется и у свѣтскихъ писателей (Nov. Lexic. Graeco-Latin. in Nov. Testam. Schleusner. T. II. подъ словомъ *ὄψε* p. 372 ed. IV. Lipsiæ. 1819. Справ. Comment. ad. h. loc. a Lapide въ его Comment. in quatv. Evang. T. I. p. 556 и Comment. ad. h. loc. Maldonati въ его Comm. in quatv. Evang. p. 678—680 (ed. 1596). Итакъ вы-

дѣляется у св. Матѳея послѣдующими словами его: *свитающи во едину отъ субботѣ—τῆ ἑπιφωσγένῃ εἰς μίαν βαββάτων*—когда свѣтало въ первый день недѣли. А это время весьма близко совпадаетъ съ тѣмъ временемъ прибытія женъ на гробъ, какое означаетъ евангелистъ Маркъ словами: *зѣло заутра во едину отъ субботѣ, возсіявшу солнцу*, т. е. когда свѣтало и первые лучи солнца только что освѣтили восточную сторону горизонта. «Подъ солнцемъ, говоритъ блаженный Теофилактъ,

раженіе: въ вечеръ субботный — *ὑπὲρ σαββάτων* совершенно равносильно выраженію, которымъ и евангелистъ Маркъ опредѣляетъ время, когда отправились жены на гробъ,—въ отношеніи къ предыдущему времени,—минувшей субботѣ *διαγενομένη τῆ σαββάτῃ* (ст. 1.). Выраженіе *во едину отъ субботѣ εἰς μίαν σαββάτων*, значитъ: въ первый день послѣ субботы—седьмого дня недѣли, или въ первый день новой недѣли, т. е. по нашему въ воскресеніе. Еврей называли субботою и одинъ седьмой день недѣли, и всю недѣлю, какъ седмицу (Лук. 18, 12), подобно тому какъ на нашемъ церковномъ языкѣ слово *недѣля* означаетъ и одинъ день недѣли—воскресенье и цѣлую седмицу. Когда же такъ называли еврей цѣлую седмицу: то первый день по субботѣ называли первымъ днемъ субботѣ, *μία σαββάτων* (*μία* вмѣсто *πρώτη*), второй — вторымъ днемъ субботѣ *δευτέρα σαββάτων*, третій—третьимъ субботѣ *τρίτη σαββάτων*, и т. д. Лук. 18, 12. Дѣян. 20, 7. 1 Кор. 16, 2. и др. Теофилакт. Comment. in quatv. Evang. ad Matth. XXVIII. 1 p. 180. ad Marc. XVI. 1 p. 288. Paris 1631. Hesych. Loc. cit. 447. Итакъ цѣлое выраженіе евангелиста Матѳея: *въ вечеръ субботный, свитающи во едину отъ субботѣ* значитъ: по прошествіи субботы на разсвѣтъ перваго дня недѣли,—какъ это видимъ и у всѣхъ прочихъ евангелистовъ.

здесь нужно разуметь ранніе лучи солнца» (ж); или, какъ замѣчаетъ бл. Августинъ, это было то время, когда небо на восточной сторонѣ забѣлелось, что бываетъ только при приближеніи восхода солнечнаго (з), что совершенно согласно съ словами св. Марка, который слова: *возсіяшу солнцу*, ограничиваетъ словами: *зѣло заутра*. Если по силѣ перваго изъ сихъ выраженій нельзя сомнѣваться въ томъ, что это было то время, когда начинало восходить солнце, то по силѣ втораго выраженія, которое для перваго служитъ явнымъ ограниченіемъ, нельзя думать того, чтобы солнце совершенно взошло уже; это ограниченіе подтверждается и словами св. Луки: *зѣло рано*. Это время могъ означить Матѳей словомъ *свитающеи*, такъ какъ солнце восходитъ при разсвѣтѣ. Значитъ, сказанія евангелистовъ Матѳея и Марка о самомъ времени прибытія жены ко гробу согласны между собою; жены прибыли на гробъ при восходѣ солнечномъ, когда разсвѣтало. Если же и есть нѣкоторое различіе здѣсь: то оно исчезаетъ совершенно при представленіи, что жены пробыли довольно долго при гробѣ; онѣ могли подходить ко гробу, когда свѣтало и еще не было солнца, что и означилъ св. Матѳей, а когда были уже при гробѣ, то первые лучи его озарили восточный край неба, что и означилъ св. Маркъ. Во всякомъ случаѣ разности здѣсь существенной нѣтъ, это разность полноты изображенія событія. Но какъ согласить съ этимъ слова

(ж) In Comment. ad Matth. XXVIII. 1. Comment. in quatuor. Evang. Paris. 1631, p. 180.

(з) De Consensu Evang. Lib. III. 65. Opp. t. IV. Venet. 1760. p. 175.

Іоанна, который говоритъ о прибытіи на гробъ Маріи *завтра еще сущей тьмѣ*? Бл. Августинъ думалъ согласить эту разность замѣчаніемъ, что когда настаетъ разсвѣтъ, и небо на восточной сторонѣ уже забѣлелось: то еще продолжаютъ остатки тьмы и исчезаютъ лишь по мѣрѣ того, какъ свѣтъ болѣе и болѣе распространяется; слѣдовательно св. Іоаннъ могъ означить словами: *еще сущей тьмѣ* тоже время, какое обозначили Матѳей и Маркъ словами: *свитающи и зѣло завтра возсіявшу солнцу*; и слѣдовательно разности между ними нѣтъ, и они различными названіями обозначаютъ одно и тоже время прибытія женъ ко гробу (и). Но съ этимъ объясненіемъ трудно согласиться: ибо, при восходѣ солнца уже не темно, и, если евангелисты Матѳей и Маркъ замѣчаютъ, что жены пришли ко гробу на разсвѣтъ при восходѣ солнца: то означеніе этого времени словами *еще сущей тьмѣ*, когда была тьма, при повѣствованіи о приходѣ женъ на тоже самое мѣсто, было бы весьма не точно, при намѣреніи опредѣлить точно. Нѣтъ, нужно допустить дѣйствительно, что св. Іоаннъ разнится отъ прочихъ въ этомъ случаѣ, но разнится потому, что описываетъ совершенно другое обстоятельство, а не то, которое описываютъ другіе евангелисты, а именно онъ описываетъ прибытіе на гробъ одной Магдалины, которая *упредила* прочихъ женъ въ путешествіи на гробъ и пришла къ нему еще *сущей тьмѣ*. Большая часть древнихъ и новыхъ толкователей согласно принимаютъ, съ одной стороны, что

(и) Augustin. *ibid.* p. 176.

путешествовали на гробъ многія жены, съ другой, что Марія Магдалина пришла на гробъ одна прежде прочихъ спутницъ своихъ. Св. Златоустъ говоритъ: «пламения самую въжнюю любовію къ Учителю, она (Марія Магдалина), какъ только минула суббота, не могла оставаться въ покоѣ, но пошла ко гробу въ глубокое утро, желая отъ мѣста получить какое нибудь утѣшеніе» (i). Въ такомъ же смыслѣ говорятъ объ этомъ св. Кириллъ александрійскій (к) и бл. Теофилактъ (л), не говоря уже о тѣхъ, которые признають три или четыре путешествія женъ ко гробу. Въ самомъ дѣлѣ, если несомнѣнно, что Магдалина пошла на гробъ не одна, ибо прочіе евангелисты поставляютъ на ряду съ нею и другихъ, и сама Магдалина, когда говоритъ: мы не знаемъ, гдѣ положили Его (Христа), въ самомъ повѣствованіи Іоанна (ст. 2), даетъ видѣть, что она была не одна: то и предположеніе, что она уредила прочихъ женъ въ прибытіи ко гробу, также нужно признать болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ. Къ такому предположенію побуждаетъ а) самое сказаніе Іоанна о прибытіи ко гробу Магдалины и уходѣ отъ него: *прииде, и видѣ камень взятъ отъ гроба, — тече убо и прииде къ Симону. Пришедши ко гробу и увидѣвъ,*

(i) Бесѣд. на Іоан. 85. 4. Въ русск. перев. при слб. Акад. Ч. 2. Спб. 1855. стр. 679.

(к) Comment. in Iohan. XX. 1. Opp. t. IV. Ed. Lut. 1638. p. 1078.

(л) Comment. ad Iohan. XX. 1. Comm. in quatv. Evang. Par. 1631. p. 831. Изъ новыхъ толкователей достаточно указать на Ольсгаузена Biblisch. Comment. über N. Testam. B. 2. 557. Königsberg. 1838.

что камня нѣтъ при входѣ во гробъ, она побѣжала назадъ; ни Ангела на камнѣ, ни Ангеловъ во гробъ, ни внутренности пещеры гроба, что видѣли другія жены, она еще не видала. Это показываетъ, что она была еще одна,—до прочихъ женъ. Ея слова къ апостоламъ: *взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиши Его*, и примѣръ апостоловъ, которые, пришедъ и осмотрѣвъ гробъ, иначе поняли событіе (Іоан. 20, 8), показываютъ, что Магдалина не видала еще гроба, не входила въ него, не разсматривала его, какъ то было съ ея спутницами, очевидно по причинѣ поспѣшнаго посѣщенія и внезапно представившейся ей мысли, что тѣло Господа ея унесли, каковая мысль не могла бы представиться ей, если бы она съ прочими спутницами была при гробѣ и слышала Ангеловъ возвыщавшихъ, что Христосъ воскресъ. Потомъ, самыя явленія Ангеловъ Магдалинѣ, по сказанію Іоанна же, и явленіе Самого Господа, бывшія уже при второмъ посѣщеніи гроба Марією, достаточно показываютъ, что первое прибытіе ея ко гробу было прежде прочихъ женъ: ибо они говорятъ ей: *А сею, что плачешь, кого ищешь* (Іоан. ст. 12), каковаго вопроса они не могли сдѣлать, если она въ первый разъ приходила вмѣстѣ съ женами, такъ какъ Ангелы объяснили уже тогда женамъ, что Того, Кого онѣ ищутъ, нѣтъ больше во гробѣ. б) Этого предположенія требуетъ сказаніе евангелиста Іоанна о путешествіи или прибытіи на гробъ одной только Магдалины. Еслибы она не предварила прибытія прочихъ женъ ко гробу, а пришла вмѣстѣ съ ними: то евангелисту Іоанну не было бы причины умолчать о прибытіи ея вмѣстѣ съ другими женами и потомъ уже сказать, что она, уви-

дѣвъ, что камень отваленъ отъ гроба, бѣжить къ Симону Петру одна. А онъ прямо сказуетъ, что въ первый день недѣли Марія Магдалина приходитъ ко гробу... и видитъ... и такъ бѣжить и приходитъ и говоритъ и пр.; рѣчь идетъ очевидно объ одной только.

в) Это предположеніе вполне согласно съ характеромъ Маріи: она отличалась особеннымъ усердіемъ ко Господу, и ея горячая любовь къ Нему содѣловала ее быстрою, скорою и рѣшительною. Св. Кирилль Александрійскій называетъ ея усерднѣйшею и рачительнѣйшею; св. Златоустъ замѣчаетъ, что особенно она пламенѣла нѣжною любовію къ Учителю (м). Можно думать, что и теперь, дѣятельная и скорая всегда, преимущественно предъ прочими женами, по выходѣ изъ дома она упреждаетъ своихъ спутницъ и приходитъ прежде всѣхъ ко гробу и потомъ опять уходитъ еще до прибытія прочихъ женъ.

г) Это предположеніе, какъ мы видѣли, допускаютъ и древніе и новые толкователи, говорящіе, что Марія была при гробѣ еще одна, — безъ прочихъ женъ, какъ сказуетъ евангелистъ Іоаннъ. Наконецъ д) съ этимъ согласно и опредѣленіе Іоанномъ времени прибытія ея ко гробу сравнительно съ показаніями прочихъ евангелистовъ о времени прибытія прочихъ женъ; вышедши вмѣстѣ съ ними и упредивъ ихъ, она приходитъ на гробъ *еще сущей тмь*, тогда какъ другія, оставшія отъ нея, приходятъ уже на разсвѣтъ, при восходѣ солнца. Такимъ образомъ евангелистъ Іоаннъ не разнится отъ другихъ въ опредѣленіи времени прибытія женъ на гробъ,

---

(м) In locis citatis.

ибо говоритъ не о томъ, о чемъ прочіе евангелисты, а опредѣляетъ только время прибытія на гробъ опередившей другихъ женъ Магдалины, — что другіе евангелисты опускаютъ, описывая лишь вообще путешествіе женъ мурносоиць, — хотя и именуютъ въ началѣ своихъ сказаній Магдалину, такъ какъ она отправилась изъ дома вмѣстѣ съ ними ^(н). — Итакъ сихъ сказаній трехъ первыхъ евангелистовъ и Іоаннова и не слѣдуетъ принимать за сказанія объ одномъ и томъ же; они говорятъ о различныхъ посѣщеніяхъ, а потому не одинаково опредѣляютъ и время прибытія женъ ко гробу.

Итакъ изъ сличенія сказаній св. евангелистовъ о времени прибытія женъ ко гробу открывается слѣдующее: по прошествіи субботы, въ первый день недѣли отправляются на гробъ мурносоицы; Магдалина, упеждая прочихъ женъ, приходитъ ко гробу, когда было еще темно; прочія же жены приходятъ на разсвѣтъ, при восходѣ солнца. Очевидно, что разногласія въ сказаніяхъ нѣтъ никакого.

В) Въ сказаніяхъ о порядкѣ путешествія женъ и учениковъ ко гробу и возвращенія оттуда.

Имѣя въ виду сказанное объ упежденіи Маріею Магдалиною прочихъ женъ въ прибытіи ко гробу и удаленіи ея, не трудно опредѣлить и порядокъ путешествія женъ и учениковъ ко гробу и увидѣть при семъ совершеннѣйшее согласіе въ сказаніяхъ евангелистовъ объ этомъ, не смотря на кажущіяся какъ будто разности. Когда принято за вѣрное, что Марія

(н) Olshausen Biblisch. Comment üb. N. T. V. II. S. 557. Königsberg. 1838.

Магдалина, вышедшая съ прочими женами для совершенія благочестиваго дѣла, упредила ихъ и пришла прежде ко гробу, а потомъ и опять прежде всѣхъ удалилась къ апостоламъ: то должно необходимо принять вмѣстѣ съ симъ,

а) что случившееся съ женами при гробѣ, по повѣствованіямъ трехъ первыхъ евангелистовъ, случилось съ ними безъ Маріи—въ ея отсутствіе, и посему

б) что событій, случившихся при гробѣ и описанныхъ ими, нельзя и не нужно смѣшивать съ событіями, описанными Іоанномъ; первые описываютъ случившееся съ женами прочими (кроме Магдалины), послѣдній случившееся съ Магдалиною и двумя учениками отдѣльно отъ прочихъ. (Только Маркъ въ видѣ прибавленія упоминаетъ также о случившемся съ Магдалиною и повѣствуетъ совершенно согласно съ Іоанномъ (ст. 9), и Лука весьма кратко упоминаетъ о путешествіи Петра въ концѣ повѣствованія—ст. 12). Такимъ образомъ сказаніе Іоанна о путешествіи Магдалины одной, потомъ съ учениками, независимо отъ сказаній трехъ первыхъ евангелистовъ, содержитъ описаніе другихъ событій, а не тѣхъ, которыя описываются тремя первыми евангелистами. Потому нельзя думать, что первые три евангелиста разногласятъ, въ сказаніяхъ о порядкѣ путешествія женъ и учениковъ ко гробу, съ Іоанномъ, когда имѣютъ въ виду не то передать, что скажетъ самъ Іоаннъ, который, оставляя сказанное тѣми, скажетъ объ иномъ. Порядокъ путешествія женъ и учениковъ ко гробу изъ сопоставленія евангельскихъ сказаній выходитъ слѣдующій:

1) Марія Магдалина приходитъ ко гробу первая, упредивъ своихъ спутницъ, и видя, что камень отва-

лень отъ дверей пещеры гроба, удаляется отъ гроба и спѣшитъ къ Симону и другому ученику, еще до прибытія ко гробу прочихъ женъ (°). По удаленіи ея, подходятъ ко гробу прочія жены, видятъ Ангеловъ, слышатъ благовѣстіе, и оставивъ гробъ, возвратясь къ апостоламъ, возвѣщаютъ имъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ (Мѡ. 1—7, Мар. 2—8. Лук. 1—9).

Что прочія жены пришли ко гробу нѣсколько послѣ того, какъ удалась отъ него Магдалина съ вѣстью къ Петру и Іоанну, необходимость этого предположенія мы уже раскрыли. Что жены, увидѣвъ гробъ и услышавъ вѣсть ангельскую, уходятъ отъ гроба еще до прихода учениковъ съ Маріею, и—уже именно въ слѣдствіе вѣсти, и ими принесенной, ученики пошли, а за ними и Марія,—это также несомнѣнно нужно принять, если сличить евангельскія сказанія. Первое видно а) изъ того, что Ангелы повѣляли имъ *скорѣ* идти и возвѣстить апостоламъ о воскресеніи, и онъ дѣйствительно вышедши *поспѣшно* изъ гроба побѣжали возвѣстить ученикамъ о томъ, что слышали отъ Ангеловъ (Матѡ. 7—8. Мар. 8); б) изъ того, что евангелистъ Іоаннъ, когда описываетъ второе путешествіе Маріи ко гробу вмѣстѣ съ учениками, не упоминаетъ, чтобы въ это время при гробѣ были прочія жены; напротивъ изъ всего разсказа видно, что были

(°) На обратномъ пути она встрѣтила, вѣроятно, прочихъ женъ, и сказавъ имъ тоже, что сказала апостоламъ, оставила ихъ, и онъ поспѣшилъ ко гробу. Объ этой встрѣчѣ можно догадываться изъ словъ ея къ апостоламъ — *и не вѣрны, идѣ положиши Его*, говоритъ она отъ лица всѣхъ (Іоан. 20, 2).

при семъ только помянутые ученики и Марія и—еще никого. На это ясно указываетъ и то обстоятельство, что пещера гроба была уже затворена: ибо ученикъ, пришедый прежде ко гробу, приникаетъ во гробъ, а не входитъ въ него (Іоан. ст. 5); слѣд. пещера гроба была затворена, чего не могло быть, если бы отъ него не ушли еще прочія жены, такъ какъ онѣ были въ самомъ гробѣ (Матѳ. ст. 7., Мар. 5. Лук. ст. 3).

в) Наконецъ такъ думаютъ и св. отцы и учителя церкви, которые, при объясненіи бесѣды Магдалины съ Ангелами и Спасителемъ, не полагаютъ, чтобы при этомъ были и прочія жены, а объясняютъ такъ, какъ повѣствуетъ Іоаннъ, т. е. что при этомъ не было никого (п). Итакъ прочія жены ушли отъ гроба еще до возвращенія къ нему Маріи съ учениками. Даже нужно думать, что онѣ застали еще дома этихъ учениковъ и присоединили свою вѣсть къ вѣсти принесенной Маріею, въ слѣдствіе чего помянутые ученики и побѣжали ко гробу (р). Это видно изъ того, что, по словамъ св. Луки, Петръ въ слѣдствіе вѣсти, принесенной не одною только Маріею Магдалиною, но и прочими муроносицами, съѣздить ко гробу (ст. 9—12), а это путешествіе—то же, о которомъ говоритъ евангелистъ Іоаннъ, что Петръ ходилъ вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ, какъ это сейчасъ увидимъ. Итакъ сначала приносится къ апостоламъ вѣсть Маріею Магдалиною, которая была прежде всѣхъ одна у гроба,

---

(п) Златоустъ, Кирилль Алекс., Теофилактъ въ указанныхъ мѣстахъ.

(р) См. Начерт. церк. библ. ист. Спб. 1816 г. стр. 687. 688.

что Господа нѣтъ во гробѣ; потомъ—прочими женами, которыя были у гроба послѣ Магдалины, что Господь воскресъ, по словамъ явившихся имъ Ангеловъ (Іоан. ст. 1—2. Лук. ст. 1—10). Очевидно, что разногласія въ сказаніяхъ о порядкѣ путешествія женъ и о томъ, кто принесъ вѣсти апостоламъ, между евангелистами никакого нѣтъ; они только восполняютъ другъ друга.

2) Въ слѣдствіе вѣсти, принесенной сначала Магдалиною, потомъ прочими женами, приходятъ ко гробу ученики Петръ и Іоаннъ, а за ними и Магдалина (во второй разъ), и здѣсь происходитъ то, что описано Іоанномъ (ст. 3 — 17) и кратко Лукою (ст. 12) и Маркомъ (ст. 9). Что съ учениками или нѣсколько послѣ ихъ пришла Марія ко гробу опять, — это ясно изъ повѣствованія Іоаннова, что Марія, по отшествіи учениковъ, оставалась одна при гробѣ (ст. 10, 11 и дал), слѣд. была съ ними при гробѣ, хотя Іоаннъ и говоритъ, что только Петръ и другой ученикъ побѣжали ко гробу. Что ученики и Марія пошли ко гробу именно въ это время, какъ только получена вѣсть отъ Маріи и прочихъ женъ,—это также видно изъ всего хода евангельскаго разсказа. Марія въ смущеніи спѣшитъ къ апостоламъ возвѣстить свою догадку, что тѣло Господа унесено, — вѣсть странная, не позволявшая ученикамъ замедлять путешествіемъ ко гробу; за Маріей прибѣжали другія жены съ другою вѣстью о явленіяхъ и рѣчахъ Ангеловъ, — новое побужденіе спѣшить, и вотъ, по сказанію Іоанна, Петръ и другой ученикъ, а по словамъ Луки, одинъ Петръ тотчасъ вышли и пошли ко гробу. Что описанное Іоанномъ и Лукою путешествіе учениковъ ко гробу — одно и то же, хотя первый говоритъ о двухъ ученикахъ,

а послѣдній—объ одномъ, это видно изъ слѣдующихъ соображеній: а) по обоимъ сказаніямъ, это путешествіе—слѣдствіе однихъ вѣстей, принесенныхъ сначала Магдалиною, потомъ прочими женами,—вѣстей, изъ которыхъ первая описана Іоанномъ, вторая Лукою. б) По обоимъ сказаніямъ, Петръ при путешествіи своемъ ко гробу не совсѣмъ твердъ былъ въ вѣрѣ своей. Евангелистъ Лука прямо говоритъ объ этомъ: *отъиде, въ себѣ дивляся бывшему*, а Іоаннъ—прикровенно, говоря, что другой (только) ученикъ *видѣ и върова* (с). в) Даже самыя выраженія въ описаніи этого путешествія у Іоанна и Луки чрезвычайно сходны и указываютъ на единство описываемаго событія: Лук. ст. 12: *Петръ тече* ко гробу; Іоан. ст. 4: *течаста* же (ученики); Лук. 12: *приникъ видѣ ризы*; Іоан. 5: *приникъ видѣ ризы*; Лук. 12: *и отъиде къ себѣ*—Іоан.: *идоста паки къ себѣ*. Сходство очевидное; очевидно, что описывается одно и то же событіе, только одинъ евангелистъ говоритъ подробнѣе, другой сжатѣе. Почему Лука говоритъ объ одномъ ученикѣ, а Іоаннъ—о двухъ? Потому же, почему Іоаннъ упоминаетъ только объ одной Магдалинѣ; потому же, почему они вообще говорятъ одни полнѣе, другіе короче; потому же, почему у нихъ вообще замѣчается различіе въ повѣствованіяхъ; однимъ словомъ—потому, что такъ нужно было и угодно Духу руководившему ихъ при написаніи Евангелій. Такимъ образомъ и въ описаніи путешествія учениковъ ко гробу нѣтъ никакого разногласія между евангелистами. Петръ и Іоаннъ, въ

(с) Бесѣд. Филар. М. М. говор. Іюля 22, 1858.

слѣдствіе вѣсти, принесенной сначала Маріею, а потомъ и прочими женами, немедленно посѣщили ко гробу и возвратились, одинъ въруая, другой дивяся бывшему.

3) Когда ученики ушли отъ гроба—одинъ въровавъ, а другой—*въ себѣ дивяся бывшему*, при немъ осталась одна Марія Магдалина. Здѣсь видитъ она сначала Ангеловъ, потомъ Самого Воскресшаго (первое Его явленіе), получаетъ повелѣніе идти снова къ ученикамъ и возвѣстить имъ о воскресеніи (Іоан. 12—17). Возвращаясь къ ученикамъ, она вмѣстѣ съ другою Маріей сподобляется новаго явленія Воскресшаго (второе явленіе) Матѳ. ст. 8—10. Возвратившись къ ученикамъ, она повѣствуетъ о явленіи ей Господа и словахъ Его къ ней (Іоан. ст. 18., Мар. ст. 10).

Что явленія Воскресшаго Магдалинъ, описанныя Іоанномъ (ст. 14—17) и Матѳеемъ (ст. 9—10),—два различныя явленія, а не одно и тоже, это видно изъ самаго описанія того и другаго явленій и изъ соображенія предшествующихъ и послѣдующихъ обстоятельствъ. Слова Спасителя: *радуйтесь, идите, возвѣстите* у евангелиста Матѳея, и: *не прикасайся Мнѣ, иди же и рцы* у евангелиста Іоанна, показываютъ, что одно явленіе было одной жень, другое не одной. Мѣсто явленія при гробѣ, по словамъ Іоанна, и на пути, по словамъ Матѳея, такъ же показываетъ различіе этихъ явленій, а равно и весь другія обстоятельства того и другаго явленій. У Іоанна Іисусъ запрещаетъ Маріи прикасаться къ Нему, а по сказанію Матѳея обѣ жены емлются за нозѣ Его. По словамъ Іоанна Марія сначала не узнаетъ Христа, по сказанію Матѳея непосредственно по явленіи и словѣ *радуй-*

теса, жены падають и емлются за нозѣ, и пр.; въ частности описанія этихъ событій у того и другаго евангелиста показываютъ, что они говорятъ не объ одномъ и томъ же. Такъ думаютъ и св. отцы и учителя церкви, объясняя и то и другое явленіе, какъ различныя (т), и новые толкователи (у). Что явленіе, описанное Іоанномъ, было именно въ то время, когда ученики только-что ушли отъ гроба, и женъ не было при гробѣ, это видно такъ же изъ всего сказанія Іоанна и изъ словъ Христовыхъ, обращенныхъ къ ней одной; объ этомъ свидѣтельствуесть и мѣсто явленія при самомъ гробѣ, въ то время, когда по отшествіи учениковъ, она еще не отходила отъ гроба, а оставалась тутъ и плакала. Для объясненія втораго явленія нужно предположить, что другая Марія, по возвращеніи учениковъ безъ Магдалины, вѣроятно, поспѣшила опять на гробъ и пришла туда, когда явился Магдалинъ Спаситель. Итакъ онѣ пошли снова къ ученикамъ, и вотъ Іисусъ опять сръбтаесть ихъ и говоритъ: *радуйтесь* и пр. Это предположеніе нисколько не противорѣчитъ ни одной чертъ сказаній евангельскихъ о воскресеніи, а потому можетъ быть принято, когда несомнѣнно, что при второмъ явленіи Воскресшаго Магдалинъ была и другая Марія, и когда этого требуетъ повѣствованіе самого Матѳея. Итакъ въ сказаніяхъ о явленіяхъ Воскресшаго женамъ никакъ нельзя

(т) Напр. бл. Теофилактъ. Comment. in quatv. Evang. Par. 1631. Comment. ad Matth. XXVIII. 8—10. p. 181—182. и ad Iohan. XX. 14—18. p. 834—836.

(у) Начерт. Церк. Библ. Ист. 1817. стр. 688.

видѣть и тѣни разногласія между Іоанномъ и Матѳеемъ: ибо они говорятъ не объ одномъ и томъ же явленіи, а о двухъ, бывшихъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, въ первый разъ—одной Магдалинѣ, во второй—ей же съ другою Марією.

Представимъ же теперь кратко порядокъ путешествія женъ и учениковъ ко гробу и возвращенія оттуда. Сперва приходитъ ко гробу, упреждая прочихъ женъ, Магдалина одна, когда было еще темно, и увидѣвъ, что камень взятъ отъ гроба, еще до прибытія прочихъ женъ, удаляется и спѣшитъ къ Симону и другому ученику. Въ отсутствіе ея приходятъ другія жены, видятъ Ангеловъ, слышатъ благовѣстіе, удаляются и повѣствуютъ апостоламъ о случившемся, со словъ ангеловъ. Ученики, а вмѣстѣ съ ними и Марія, спѣшаютъ ко гробу; осмотрѣвъ гробъ, ученики съ разными чувствами удаляются; послѣ нихъ Марія видитъ сначала Ангеловъ, потомъ Самого Воскресшаго, и спѣшитъ къ ученикамъ рассказать объ этомъ; встрѣчаетъ другую Марію, и объ удостоиваются новаго явленія Воскресшаго. Возвратясь къ ученикамъ, Марія Магдалина повѣствуетъ имъ, *плачущимся и рыдающимъ, яко видѣ Господа.*

Г) *Въ сказаніяхъ о случившемся съ женами и учениками при гробѣ (Матѳ. 2—8., Марк. 3—11., Лук. 3—9., Іоан. 3—17.).*

Сказанное о путешествіи женъ и учениковъ ко гробу и возвращеніе отъ него весьма много помогаетъ согласить разносности въ сказаніяхъ евангельскихъ и о случившемся съ ними при гробѣ. Жены и ученики были при гробѣ не всѣ вмѣстѣ въ одно время, а порознь (Магдалина одна, потомъ прочія жены, потомъ

ученики съ Магдалиной, и наконецъ одна Магдалина), а потому естественно, что одни въ одинъ разъ видѣли одно, другіе въ другой разъ другое, соответственно тому, что нужно было имъ по божественному опредѣленію; и одно описано подробнѣе одними евангелистами, другое другими, сообразно частной цѣли каждаго изъ нихъ. Потому и разности, замѣчаемыя у нихъ, суть разности взаимнаго восполненія, а отнюдь не существеннаго разногласія; разности эти и необходимы, когда описываются разныя частныя событія, или и одно и тоже, но съ разными цѣлями. Такъ,

а) когда принято за вѣрное, что Магдалина удалась до прибытія другихъ женъ ко гробу, и послѣднія только однѣ въ первый разъ видѣли Ангеловъ благовѣстниковъ, а Марія уже при второмъ посѣщеніи удостоена была видѣнія ангельскаго: то разногласіе повѣствованія Іоанна, который говоритъ, что одна Магдалина видѣла двоихъ Ангеловъ во гробѣ—одного въ головахъ, а другаго въ ногахъ, гдѣ лежало тѣло Иисусово,—съ сказаніемъ евангелиста Матѳея, который упоминаетъ только объ одномъ Ангелѣ, видѣнномъ женами, а равно и съ сказаніемъ св. Марка, который говоритъ также объ одномъ Ангелѣ, очевидно уже не есть разногласіе: Іоаннъ говоритъ объ иномъ явленіи, а не о томъ, о которомъ сказуютъ евангелисты Матѳеѣй и Маркъ.

Что касается до разностей въ показаніяхъ евангелистовъ Матѳея, Марка и Луки, которые очевидно повѣствуютъ объ одномъ событіи—явленіи Ангеловъ женамъ (безъ Магдалины) (ф), а между тѣмъ первый говоритъ, что

(ф) Безъ Магдалины: ибо, какъ замѣчено выше, Магдалина

жены видѣли одного Ангела, сидящаго на камнѣ *внѣ* гроба, второй, — что Ангела онѣ видѣли внутри гроба, а третій, — что не одного, а *двухъ* Ангеловъ онѣ видѣли *внутри* гроба: то для примиренія сихъ разностей нужно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельство: повѣствуя объ одномъ и томъ же событіи, евангелисты изображаютъ не однѣ части этого событія: Матѳей говоритъ объ одной, Маркъ и Лука о другой. Матѳей сказуетъ, что Ангель отвалилъ камень отъ двери гроба и на немъ сидѣлъ; слѣдовательно *внѣ* гроба, на отваленномъ камнѣ предъ входомъ въ пещеру, потому Ангель между прочимъ говоритъ женамъ: *подойдите (δεῦτε)*, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь, т. е. приглашаетъ ихъ взойти въ самый гробъ. Жены послѣдуютъ гласу Ангела и входятъ въ самый гробъ, какъ то показываютъ послѣдующія слова евангелиста: онѣ поспѣшно вышли (*ἐξελθεῖσαι*) изъ гроба, побѣжали возвѣститъ ученикамъ. Значитъ, Матѳей описываетъ явленіе бывшее *внѣ* гроба, ничего не упоминая о томъ, что было съ женами внутри самаго гроба. Между тѣмъ черты, которыми описываетъ явленіе Ангела св. Маркъ, показываютъ, что онѣ говорятъ о другомъ явленіи другаго Ангела, о которомъ умалчиваетъ Матѳей, и не описываетъ того явленія, которое описалъ онѣ. Св. Маркъ только намекаетъ на это явленіе, описанное Матѳеемъ въ словахъ: и

удалилась отъ гроба къ апостоламъ въ то время, какъ жены были при гробѣ и видѣли Ангеловъ, хотя первые три евангелиста и умалчиваютъ объ этомъ удаленіи и оттого какъ бы помѣщаютъ Марію въ числѣ сихъ женъ, видѣвшихъ Ангеловъ, тогда какъ ея не было съ ними.

возрѣвше видѣша, яко отваленъ бѣ камень, и отваленъ, конечно, чудесно, потому что онъ былъ велий зло, и жены недоумѣвали, кто имъ отвалитъ его; послѣ этого намека онъ продолжаетъ: и вшедше (εἰσελθῆσαι) во гробъ видѣша юношу (—5); слѣдовательно, миновавъ уже камень и на немъ Ангела, приглашавшаго женъ взойти въ самый гробъ, и посмотреть мѣсто самое, гдѣ лежалъ Господь, по сказанію Матѳея. Этотъ Ангель, котораго видѣли жены по сказанію Марка, уже не приглашаетъ ихъ взойти во гробъ, а прямо указываетъ мѣсто, гдѣ лежалъ Господь: *се (ὁδὲ) мѣсто*. Все это заставляетъ предполагать, что евангелисты Матѳеи и Маркъ говорятъ о различныхъ явленіяхъ и Ангелахъ, что сказаній ихъ не нужно смѣшивать, принимая за одно; а съ этимъ вмѣстѣ уничтожается и возможность разногласія между ними; одинъ говоритъ объ Ангелѣ *внѣ* гроба и словахъ его, другой объ Ангелѣ *внутри* гроба и словахъ его, т. е. жены сначала увидѣли Ангела *внѣ* гроба на камнѣ, который (ангелъ) приглашалъ ихъ взойти въ самый гробъ для удостовѣренія въ воскресеніи (Мѳ. ст. 5—6); взошедши же онъ увидѣли другаго Ангела, который, также какъ и первый, благовѣствовалъ имъ о воскресеніи Христовомъ, въ удостовѣреніе указывая и самое мѣсто, гдѣ лежалъ Господь (Мар. ст. 6) (х). Можно представлять событіе и такъ (какъ представляетъ бл. Теофилактъ), что тотъ же самый Ангель, котораго жены увидѣли сѣдящимъ на отваленномъ камнѣ *внѣ* гроба, и который приглашалъ

(х) Такъ думаетъ бл. Августинъ: De cons. Evang. III. 63. Opp. tom. IV. Venet. 1760 p. 174. 175.

женъ взойти въ самый гробъ посмотрѣть самое мѣсто, гдѣ лежалъ Господь, упредилъ женъ входомъ во гробъ, и когда жены вошли: то увидѣли его съядищимъ на правой сторонѣ гроба, какъ сказуетъ св. Маркъ; т. е. одинъ и тотъ же Ангелъ явился два раза женамъ, одинъ разъ внѣ гроба на камнѣ, другой разъ въ самомъ гробѣ (ц). Не лишено вѣроятности также другое предположеніе бл. Августина, что около гроба, гдѣ былъ положенъ Господь, была ограда, и что выраженіе св. Марка: *вшедше во гробъ* означаетъ то, что жены вошли въ эту ограду, и увидѣли Ангела съядищаго на правой сторонѣ, т. е. на камнѣ отваленномъ отъ самой пещеры гроба, — того же слѣдовательно Ангела, о которомъ говоритъ св. Матѳей. Въ томъ и другомъ случаѣ разногласія въ сказаніяхъ евангельскихъ очевидно нѣтъ (ч).

Евангелистъ Лука говоритъ, очевидно, о явленіи и рѣчахъ Ангеловъ въ самомъ гробѣ, какъ и Маркъ, ибо сказавъ, что жены *обрътоша камень отваленъ отъ гроба*, присовокупляетъ: *и вшедше* т. е. въ самый гробъ, *необрътоша тѣлесе* (Лук. ст. 3); потомъ онъ, по сказанію св. Луки, увидѣли *двухъ* Ангеловъ, которые также сказали имъ о воскресеніи Христовомъ, указали на самое мѣсто, гдѣ лежало тѣло Господа, напомнили имъ пророческія слова Его о воскресеніи и послали возвѣстить о воскресеніи Его ученикамъ (ст. 4—7), — явленіе *двухъ* Ангеловъ женамъ, очевидно

(ц) Бл. Теофилактъ: Comment. in quatu. Evang. Par. 1631. p. 180 и 288.

(ч) Augustin. ibid. p. 175.

въ самой пещерѣ гроба. Но какъ же согласить это съ сказаніемъ св. Марка, что во гробѣ онъ видѣли одного Ангела? На это можно отвѣтить вѣроятными предположеніями, которыя очень могутъ имѣть мѣсто въ приложеніи къ сказаніямъ, въ основаніяхъ своихъ одинаковымъ: можетъ быть, сначала увидѣли онъ одного Ангела *спяща въ десныхъ*, который и говорилъ имъ сначала одинъ, какъ описываетъ Маркъ, а потомъ явился уже другой, продолжая рѣчь перваго; или, можетъ быть, однѣ изъ женъ видѣли одного изъ Ангеловъ, а другія двоихъ; или, можетъ быть, то была рѣчь одного Ангела, о которомъ упоминаетъ Маркъ, тогда какъ ихъ было два, и Маркъ упомянулъ только о говорящемъ, а св. Лука—объ обоихъ; или, если принять послѣднее предположеніе бл. Августина о явленіи Ангела, по сказаніямъ Матѳея и Марка: то можно думать, что Ангелы были не тѣ, о которыхъ говорятъ два первые евангелиста, а совершенно другіе, которые явились женамъ въ самой пещерѣ, гдѣ былъ гробъ, а не въ оградѣ (ш). Какъ бы то ни было, сказанія евангелистовъ — въ существѣ одинаковы, и, при множествѣ возможностей для примиренія разности въ частномъ указаніи, нѣтъ мѣста для возможности разногласія. Притомъ евангелисты, упоминая объ Ангелахъ, какъ кажется, имѣютъ въ виду болѣе слова, сказанныя ими женамъ, чѣмъ ихъ число. Во всякомъ случаѣ сказанія св. Матѳея очевидно не стоятъ въ разногласіи съ сказаніями евангелистовъ Марка и Луки; онъ говоритъ только объ одномъ, сидѣвшемъ *внѣ*

(ш) Ibid. p. 178—179. Θεοφιλακτ. Loc. cit. p. 538.

гроба, и очевидно не отрицаетъ явленія другихъ Ангеловъ *внутри* гроба; Маркъ и Лука не разногласятъ съ Матѳеемъ: ибо явленіе Ангеловъ *внутри* гроба не отрицаетъ явленія Ангела *внѣ* гроба на камнѣ, и сказаніе ихъ прикровенно предполагаетъ явленіе этого послѣдняго; не разногласятъ Маркъ и Лука и между собою, передавая одинаковое въ существѣ событіе, одинакія рѣчи вѣстниковъ, и только восполняя одинъ другаго, точно также, какъ не разногласитъ самъ съ собою св. Іоаннъ, когда говоритъ, что ученикъ, *пришедшій прежде ко гробу, приникъ видѣ ризы едины лежаща*, а когда пришелъ Петръ и вошелъ въ гробъ: то увидѣлъ *ризъ лежаща и сударь, иже бѣ на главѣ Его (Христа) не съ ризами лежащъ, но особъ свитъ на единомъ мѣстѣ* (Іоан. 5—7). Очевидное дѣло, что таковыя разности суть разности взаимнаго восполненія, а не разности разногласія въ сказаніяхъ. Итакъ въ сказаніяхъ св. евангелистовъ о числѣ Ангеловъ, явившихся и бесѣдовавшихъ съ женами, разногласія нѣтъ никакого.

б) Тоже предположеніе, что Марія была одна особо при гробѣ, а прочія жены особо, и потомъ,—что Ангелы бесѣдовали съ женами дважды: *внѣ* гроба, и въ самомъ гробѣ,—не позволяетъ видѣть никакого разногласія въ сказаніяхъ *о бесѣдахъ ангельскихъ* съ Маріею Магдалиною и съ прочими женами, какъ передаются эти бесѣды евангелистами.

Сначала Ангелъ, сидѣвшій на камнѣ *внѣ* гроба, говорилъ женамъ (безъ Маріи): *не бойтеса вы; вѣмъ бо, яко Исуса Распятого ищите; нѣсть здѣ*, и пр., приглашаетъ ихъ взойти съ самую пещеру гроба и потомъ

идти и возвѣстить ученикамъ о воскресеніи (Матѣ. 5—7). Когда онѣ взошли: то другой Ангель или два возвѣщаютъ имъ другую рѣчь, которая хотя въ общихъ чертахъ сходна съ рѣчью, передаваемою св. Матѣемъ, такъ какъ Ангелы говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ, но различается отъ той въ частностяхъ, — и это различіе необходимо, ибо Ангелы говорятъ различныя, а не одинъ и тотъ же. *Не ужасайтесь, слышатъ во гробъ испугавшіяся жены: Иисуса ищите Назарянина распятаго: воста, нѣсть здѣ: се мѣсто, идѣ же положиша Его, и пр. (Мар. 6—7). Что ищите живаго съ мертвыми? Нѣсть здѣ, но воста. Помните глаголы Его, и пр. (Лук. 5—7).* Іоаннъ же говоритъ о совершенно другомъ явленіи Ангеловъ одной Магдалинѣ и потому передаетъ такую бесѣду ея съ ними, о которой умалчиваютъ другіе евангелисты, и потому онъ, очевидно, не разногласитъ съ ними въ своемъ сказаніи. *Жено, что плачешися? Глагола има: яко възми Господа моего, и не възми, гдѣ положиша Его (Іоан. ст. 13).* Этого вопроса и отвѣта прочія жены не слышали, потому что съ Маріею ихъ не было, а потому три первые евангелиста, описывающіе случившееся съ прочими женами, и умалчиваютъ объ этомъ, и, значить, Іоаннъ никакъ не стоитъ въ разногласіи съ ними: ибо говорить о другомъ.

Остается теперь разность въ сказаніяхъ евангелистовъ Марка и Луки, которые, говоря объ одной и той же рѣчи ангельской, передаютъ ее нѣсколько иначе: по словамъ Ангела, передаваемымъ Маркомъ, согласно съ Матѣемъ, ученики должны идти въ Га-

лилею, гдѣ увидятъ они Воскресшаго (Матѳ. ст. 7. Мар. ст. 7), а по словамъ Ангеловъ, въ сказаніи Луки, жены должны только вспомнить о томъ, что говорилъ имъ Иисусъ о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, будучи въ Галилеѣ (Лук. ст. 7). Но это, очевидно, опять различіе взаимнаго восполненія, а не разногласія. Св. Лука лишь восполняетъ другими словами Ангела слова Ангела, передаваемыя Маркомъ, и восполняетъ такими словами, которыя объясняютъ значеніе словъ Ангела, передаваемыхъ Маркомъ. Ангель, по сказанію Марка, говоритъ ученикамъ и женамъ, что они въ Галилеѣ увидятъ Иисуса, какъ Онъ и заповѣдалъ имъ (—7); Ангелы, по словамъ Луки, напоминаютъ женамъ предсказаніе Господа о страданіяхъ и воскресеніи, изреченное въ Галилеѣ;—одно указываетъ на другое, и одно другимъ взаимно объясняется: повелѣніе Ангела у Марка указываетъ или напоминаетъ женамъ предсказаніе Спасителя въ Галилеѣ о воскресеніи, а указаніе Ангеловъ у Луки на предсказаніе въ Галилеѣ—должно напомнить данное тамъ же завѣщаніе, которое состояло именно въ томъ, что ученики въ Галилеѣ увидятъ Воскресшаго Господа: *по воскресеніи Моёмъ варяю вы въ Галилеи* (Матѳ. 26, 32), *егда воскресну, варяю вы въ Галилеи* (Мар. 14, 22).—Еще послѣдняя разность въ этомъ отношеніи: по словамъ Ангеловъ въ сказаніяхъ Матѳея и Марка Господь обѣтовалъ ученикамъ Своимъ явиться въ Галилеѣ, куда Ангель и повелѣлъ имъ идти (Матѳ. ст. 7. Мар. ст. 7), между тѣмъ по сказаніямъ всѣхъ евангелистовъ, Спаситель являлся ученикамъ еще во Иерусалимѣ, — сначала Магдалинѣ, потомъ ей же вмѣстѣ

съ другою Марією, потомъ Петру, вечеромъ того же дня ученикамъ и прочимъ. Какъ же съ этимъ согласить слова Ангеловъ, записанныя у св. Матѳея и Марка, и приведенныя слова Самого Спасителя? Предсказанія Спасителя и слова Ангеловъ исполнились на самомъ дѣлѣ: Иисусъ являлся въ Галилеѣ ученикамъ двукратно, по свидѣтельству евангелистовъ Матѳея (ст. 16—20) и Иоанна (ст. 21), потомъ явился болѣе, чѣмъ 500 братіямъ, по свидѣтельству св. апостола Павла (1 Кор. 15, 6); явленія же Воскресшаго въ Іерусалимъ не противорѣчатъ нисколько смыслу этого предсказанія и смыслу словъ евангельскихъ. Галилея была по преимуществу мѣстомъ дѣятельности Христа Спасителя, и въ ней было болѣе послѣдователей Его, чѣмъ въ Іудеѣ, гдѣ были злѣйшіе Его враги, неутомимо - злобно ратававшіе противъ Него. Понятно, что въ Галилеѣ могло видѣть Его бѣльшее число послѣдователей; несомнѣнная истина Его воскресенія могла быть засвидѣтельствована бѣльшимъ числомъ лицъ, и явленіе Его могло привести къ Нему бѣльшее число вѣрующихъ. Вотъ почему Господь и общается ученикамъ явиться въ Галилеѣ, и Ангелы напоминаютъ имъ объ этомъ. Но съ другой стороны необходимо нужно имѣть въ виду и то, что Іудея, и въ частности Іерусалимъ—мѣсто страданій и погребенія Спасителя, слѣдовательно мѣсто, куда на время во множествѣ собрались послѣдователи Его, и гдѣ Его послѣдними чудесами пріобрѣтено нѣсколько новыхъ послѣдователей, не могли остаться безъ явленій Самого Воскресшаго; явленія сіи были необходимы именно для того, чтобы ученики и вообще послѣдователи Его въ

Иудеѣ убѣдились въ Его воскресеніи и шли въ Галилею, гдѣ Онъ хотѣлъ явиться имъ. По смерти Иисуса Христа, они, какъ видно, оставались въ Иерусалимѣ съ сомнѣніемъ (по слабости сердца человѣческаго) о воскресеніи ихъ Учителя, какъ то показываютъ примѣры Петра, Іоанна, всѣхъ, кому возвѣстили жены чудную вѣсть о воскресеніи, когда они плакали и рыдали, и наконецъ двухъ учениковъ шедшихъ въ Еммаусъ. Убѣдить ихъ въ истинѣ воскресенія было необходимо и—убѣдить не однократнымъ явленіемъ: ибо одно или два явленія они почли бы призракомъ, или духомъ, какъ дѣйствительно разъ почли (Лук. 24, 37). И Самъ Спаситель, обѣщая ученикамъ своимъ явиться въ Галилею, вовсе не отрицаетъ тѣмъ явленія своего въ Иудеѣ и въ Иерусалимѣ; Онъ говоритъ, что предваритъ учениковъ въ Галилею; но, въ слѣдствіе невѣрія или по крайней мѣрѣ смущенія ихъ, Онъ является имъ и въ Иерусалимѣ, и—потомъ уже, неоднократно явившись въ Иерусалимѣ, въ слѣдствіе обѣтованія Своего, Онъ варяетъ ихъ въ Галилею: ибо когда они пришли въ Галилею, Онъ является имъ тамъ. И слова Ангеловъ, что Иисусъ варяетъ учениковъ въ Галилею, указываютъ только на это обѣтованіе,—и, какъ исполнилось это послѣднее, такъ исполняются и слова ангельскія. Значитъ, ни обѣтованіе Спасителя явиться въ Галилею не отрицается дѣйствительностію явленій въ Иерусалимѣ, ни дѣйствительность этихъ явленій не отвергается обѣтованіемъ и явленіями галилейскими, и слѣдовательно евангельскія сказанія объ этомъ отнюдь не находятся въ какомъ либо разногласіи между собою; это опять разность взаимнаго восполненія святыхъ сказаній.

в) Разности въ сказаніяхъ евангелистовъ объ образъ и положеніяхъ явившихся при гробъ лицъ еще менѣе представляютъ трудностей для примиренія и еще менѣе могутъ привести къ мысли о разногласіи въ сказаніяхъ. Названія явившихся лицъ у Матѳея—Ангеломъ, у Марка—юношей, облеченнымъ въ бѣлую одежду, у Луки — мужами въ ризѣ блестящей, а у Іоанна — опять Ангелами показываютъ только, что то были дѣйствительно небесные вѣстники,—и ихъ рѣчи вполне подтверждаютъ то; различіе названій здѣсь никакъ не свидѣтельствуемъ о различіи природы вѣстниковъ воскресенія и слѣдовательно не поставляетъ въ разногласіе евангелистовъ. Тоже должно замѣтить и касательно сказаній о положеніяхъ Ангеловъ. Если явленій Ангеловъ было нѣсколько: то, конечно, ихъ могли видѣть въ разныхъ положеніяхъ. Жены могли видѣть Ангеловъ въ такихъ положеніяхъ, въ какихъ могла не видѣть Марія, приходившая послѣ; сказаній первыхъ трехъ евангелистовъ съ Іоанновымъ считать за одно и видѣть въ нихъ разногласіе въ этомъ, значить, нельзя. Нельзя считать за одно и сказаній св. Матѳея объ этомъ съ сказаніями евангелистовъ Марка и Луки; ибо тотъ и другіе говорятъ не объ однихъ Ангелахъ; Ангелъ внѣ гроба на камнѣ могъ быть въ другомъ положеніи (сидѣль), чѣмъ Ангелы въ самомъ гробѣ. Остаются сказанія евангелистовъ Марка и Луки, изъ которыхъ первый говоритъ, что Ангелъ внутри гроба сидѣль, а другой,—что Ангелы предстали женамъ. Въ примиреніе этой разности нужно сказать, что слово предстать не всегда значить определенное положеніе

стоянія, а иногда вообще неопредѣленное положеніе присутствія (Матѳ. 16, 28. Іоан. 1, 26. Лук. 7, 37—38). Притомъ возможно и то, что сначала Ангелы или Ангелы сидѣли, потомъ возстали. Въ томъ и другомъ случаѣ разногласія въ сказаніяхъ евангелистовъ о положеніи явившихся Ангеловъ нѣтъ.

Итакъ сказанія св. евангелистовъ о случившемся съ женами при гробѣ вообще не заключаютъ въ себѣ никакихъ разногласій, какъ скоро безъ предзанятой мысли, съ любовію къ истинѣ и благоговѣніемъ, будемъ ихъ сличать; разности здѣсь суть только частныя взаимныя восполненія, изъ сопоставленія коихъ выходитъ одно цѣлое подробное повѣствованіе.

Д) *Въ сказаніяхъ объ обстоятельствахъ возвращенія женъ отъ гроба* (Матѳ. 8—10., Мар. 8—1., Лук. 9., Іоан. 2. 18).

Въ сказаніяхъ объ обстоятельствахъ возвращенія женъ муриносиць отъ гроба находятся слѣдующія разности:

а) Въ сказаніяхъ Марка, Луки и Іоанна: первый говоритъ, что жены, вышедъ изъ гроба, побѣжали и подъ вліяніемъ страха и ужаса никому ничего не сказали, и только Магдалина рассказала о явленіи ей одной Іисуса (8—10); второй, — что онъ, возвращаясь, рассказали о всемъ апостоламъ (9—10); по сказанію же Іоанна, Марія *двукратно* возвыщаетъ апостоламъ о случившемся (2. 18). Очевидно, что главная разность здѣсь въ томъ, что по сказанію св. Марка жены умолчали о видѣнномъ ими, кромѣ Магдалины, а по другимъ — онъ обо всемъ сказали ученикамъ. Что онъ все пересказали апостоламъ, — это

выше всякаго сомнѣнія: ибо 1) явившіеся имъ Ангелы повелѣли возвѣстить о воскресеніи Спасителя ученикамъ, и онѣ никакъ не могли преступить повелѣнія небесныхъ вѣстниковъ. 2) На это указываютъ ясныя слова Луки, что жены, возвратившіяся отъ гроба, возвѣстиша вся единомунадесяте и всѣмъ прочимъ; блше же Марія Магдалина и Іоанна и Марія Іаковля и прочія съ ними, яже глаголаху ко апостоломъ сіа (9—10). Значить, нужно объяснить только особенное обстоятельство, о коемъ замѣчаетъ Маркъ словами—*никому же ничто же рѣша*: когда и гдѣ онѣ никому ничего не говорили? Евангелистъ говоритъ: *изшедше, бѣжаша — и никому же ничто же рѣша*; — значить, по выходѣ изъ гроба, на пути онѣ никому ничего не говорили. Отсюда открывается неправильность того объясненія, будто жены не осмѣлились ничего сказать въ отвѣтъ Ангеламъ (бл. Августинь) (ш); *изшедше*—оставивъ Ангеловъ, онѣ никому же ничто же рѣша. Нельзя также думать, чтобы слова Марка означали, что жены никому изъ стражей при гробѣ ничего не сказали: ибо стражей уже по всей вѣроятности не было; послѣ испуга отъ воскресенія Христова и явленія Ангела, отвалившаго камень, испуга, приведшаго ихъ въ оцѣпенѣніе, они разбѣжались, и при посѣщеніи женъ ихъ уже не было: ибо когда жены возвращались отъ гроба, то нѣкоторые изъ стражей были уже въ городъ и доносили первосвященникамъ о всемъ случившемся (Матѣ. 11). Итакъ

(ш) De consensu Evang. l. III. 64. p. 175 opp. t. IV. Venet. 1760.

евангелистъ говоритъ, что когда онъ, вышедши изъ пещеры гроба, бѣжали, напалъ на нихъ трепеть и ужась, и тогда-то, т. е. на пути къ апостоламъ, онъ никому ничего не говорили. Это было уже возсіявшу солнцу, когда, значить, могли быть встрѣчающіеся имъ на пути и по смущенному ихъ виду заключать о чемъ-либо необыкновенномъ, случившемся съ ними, и изъ нихъ-то онъ никому ничего не говорили, но не апостоламъ. Изъ слова евангелиста—*βιάχουσα, ἐφοβήθητο γὰρ* (собственно—испугались) можно заключить, что онъ только въ первое время, по выходѣ изъ гроба, на пути никому ничего не сказали. Св. евангелистъ такъ тѣсно связываетъ молчаніе женъ съ причиною его, что по смыслу словъ его можно заключать, что это молчаніе ихъ не могло продолжаться долѣе того состоянія, въ какое введены были жены явленіемъ при гробѣ, и изъ котораго должно было вывести ихъ пришествіе къ ученикамъ, которымъ онъ, по слову Ангела, должны были сказать радостную вѣсть. Мѣсто страха заступила теперь въ ихъ сердцахъ радость, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилось у нихъ и дѣйствіе страха—молчаніе, и вотъ онъ, какъ свидѣтельствуетъ евангелистъ Лука, *возвращешся възвѣстиша вся единомунадесяте и всѣмъ прочимъ*. Итакъ жены въ первое время по выходѣ изъ гроба на пути никому ничего не сказали, потому что испугались, но по возвращеніи благовѣствовали апостоламъ; значить, св. евангелисты Маркъ и Лука въ этомъ не разногласятъ, а только восполняютъ одинъ другаго. Что касается до остальныхъ разностей въ разсматриваемомъ мѣстѣ: то онъ легко примиряются изъ раз-

смотря на представленныхъ соображеній о порядкѣ путешествія женъ и учениковъ ко гробу. Мы видѣли, что первые три евангелиста оставляютъ случившееся съ Маріею Магдалиною и описываютъ путешествіе другихъ женъ и случившееся съ ними, и только Іоаннъ подробно описываетъ случившееся съ Маріею. Потому онъ и говоритъ, что Марія дважды возвѣстила апостоламъ о случившемся: въ первый разъ,—когда пришла одна къ Петру и Іоанну съ вѣстію, что тѣло Господа унесено,—о чемъ другіе евангелисты совершенно умалчиваютъ, и во второй, — послѣ уже явленія ей Воскресшаго; объ этомъ-то послѣднемъ возвѣщеніи и упоминаетъ вмѣстѣ съ Іоанномъ Маркъ (ст. 9). Евангелистъ же Лука, когда говоритъ, что жены возвѣстили о видѣнномъ и слышанномъ ими апостоламъ, разумѣетъ, какъ сказано выше, вѣсть принесенную ими вслѣдъ за первою вѣстію Маріи, слѣдовательно говоритъ совсѣмъ о другомъ, и слѣдовательно не стоитъ и не можетъ стоять въ разногласіи съ прочими евангелистами въ этомъ. Такимъ образомъ евангельскія сказанія объ этомъ, восполняясь одно другимъ, состоятъ между собою въ полномъ согласіи и совершенномъ единствѣ: жены, возвращаясь вслѣдъ за Магдалиною, принесли первую вѣсть апостоламъ, подъ вліяніемъ страха, дорогою никому ничего не сказали, а по возвращеніи обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими возвѣстили апостоламъ; послѣ—по явленіи Магдалинѣ Самого Воскресшаго,—она во второй разъ принесла радостную вѣсть апостоламъ.

б) Что касается до разности между Іоанномъ и Матѳеемъ, изъ которыхъ по свидѣтельству перваго,

Спаситель воспрещаетъ Маріи прикасаться къ Нему (Іоан. ст. 11), тогда какъ по словамъ Матѳея не запрещаетъ обнять ноги Его (ст. 9); то мы сказали уже, что эти явленія различныя, а потому въ сказаніяхъ о нихъ и не можетъ быть разногласія между евангелистами, если нельзя разсматривать ихъ какъ одно.

в) Наконецъ послѣдняя въ повѣствованіи объ обстоятельствахъ возвращенія женъ разность въ сказаніяхъ евангелистовъ Марка, Луки и Іоанна, изъ которыхъ первый говоритъ, что ученики не повѣрили одной Магдалинѣ, когда она рассказала о явленіи ей Господа (Мар. ст. 11), тогда какъ Іоаннъ не упоминаетъ объ этомъ невѣрїи, а напротивъ говоритъ, что другой ученикъ, когда былъ при гробѣ съ Петромъ, вѣрова (ст. 8); Лука говоритъ, что благовѣстію всѣхъ мурноносицъ ученики также не повѣрили (ст. 11): — эта разность очевидно не имѣетъ никакого значенія. Евангелистъ Лука говоритъ не о томъ, о чемъ Маркъ: Маркъ повѣствуетъ, что апостолы не повѣрили Магдалинѣ, когда она возвѣщала имъ о воскресеніи и явленіи ей самого Воскресшаго; а Лука, — что апостолы не повѣрили прочимъ женамъ (безъ Магдалины), когда онѣ повѣствовали о явленіяхъ и рѣчахъ Ангеловъ: — два повѣствованія о различныхъ предметахъ, и одно не исключается другимъ; слѣдовательно разногласія быть не можетъ. Наконецъ изъ молчанія Іоанна, что ученики не повѣрили словамъ Магдалины, не слѣдуетъ, чтобы онъ стоялъ въ разногласіи съ евангелистомъ Маркомъ, который прямо говоритъ, что ученики дѣйствительно не повѣрили; молчаніе Іоанна въ этомъ случаѣ никакъ не ставитъ его въ разногласіе съ

Маркомъ. Изъ сказанія Іоанна о Ѳомъ невѣрующемъ и изъ сказанія Луки о путникахъ Еммаусскихъ ясно видно, что между учениками долго еще были невѣрующіе. Вопросъ только въ томъ, какъ согласить это невѣріе или сомнѣніе съ тѣмъ, что Іоаннъ, когда вмѣстѣ съ Петромъ осмотрѣлъ гробъ, увѣровалъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить догадкою, что, можетъ быть, Іоаннъ вѣровалъ, а только другіе не вѣрили еще; и когда евангелисты говорятъ о невѣрніи учениковъ, то сіе нужно разумѣть только о другихъ ученикахъ, кромѣ Іоанна. Или можетъ быть и вѣра самого Іоанна не была еще слишкомъ тверда, такъ что вмѣстѣ съ другими и онъ былъ пристращенъ, когда Іисусъ явился дверемъ затвореннымъ, и ученики подумали, что это духъ. Или наконецъ,—что Іоанна по какому либо случаю не было съ ними, когда жены и Магдалина возвѣщали имъ о случившемся и они не вѣрили. Во всякомъ случаѣ множество возможностей вѣроятныхъ устраняетъ здѣсь невѣроятную возможность разногласія.

Такимъ образомъ всѣ разности, представляющіяся при чтеніи евангельскихъ сказаній объ обстоятельстве воскресенія Христа Спасителя удобно примиряются и возводятся къ согласному повѣствованію при правильномъ сопоставленіи ихъ и при немногихъ вѣроятныхъ предположеніяхъ, основанныхъ на самыхъ сказаніяхъ евангельскихъ и на свидѣтельствахъ христіанской древности. Выходитъ, что это—разности не разногласія, а взаимнаго восполненія евангельскихъ сказаній, изъ правильнаго сопоставленія которыхъ слѣдуетъ полная исторія разсматриваемыхъ, по сказаніямъ

четырехъ евангелистовъ, событій, слѣдовавшихъ за воскресеніемъ Христа Спасителя утромъ этого дня, въ такомъ видѣ:

По прошествіи субботы—дня покоя, въ первый день недѣли весьма рано жены, пришедшія съ Иисусомъ изъ Галилеи, и приготовившія благовонія и масти, чтобы, по обычаю іудеевъ, помазать тѣло возлюбленнаго Учителя своего, пошли съ ними посмотреть гробъ Его, дабы узнать, могутъ ли онѣ исполнить свое благочестивое намѣреніе, и если могутъ, то исполнить (Лук. 23, 55—56; 24, 1. Мар. 16, 1. 2. Матѳ. 28, 1.). То были Марія Магдалина, Марія Іаковлева, Саломія, Іоанна и другія съ ними (Лук. 24, 10. Матѳ. 28, 1. Мар. 16, 1).

Марія Магдалина, всегда дѣятельная и скорая по преимуществу предъ другими женами муринощицами, упреждая прочихъ женъ, приходитъ на гробъ раньше всѣхъ, когда было еще темно, и видитъ, что камень, закрывавшій входъ въ пещеру, отваленъ отъ входа. При видѣ этого отваленнаго камня, у ней тотчасъ раждается мысль, что тѣло Господа взято кѣмъ-то, и вотъ она поспѣшно бѣжитъ къ Симону Петру и другому ученику, котораго любилъ Иисусъ (Іоанну), и въ смущеніи говоритъ имъ: унесли Господа отъ гроба, и мы не знаемъ, гдѣ положили Его (Іоан. 20, 1—2). Камень же не закрывалъ входа въ пещеру гроба потому, что было великое замлетрясеніе: Ангель Господень, когда гробъ не могъ уже долѣе держать Владыку живота, сшедши съ небеси, приступилъ и отвалилъ камень отъ двери гроба; устрашась его, вострепетали стражи, приставленные іудеями ко гробу

изъ опасенія, чтобы ученики Иисусовы не украли тѣла Его изъ гроба ночью,—и стали какъ мертвые, потомъ разбѣжались (Матѳ. 28, 2—4. 11; 27, 62—66).

Въ слѣдъ за Маріею Магдалиною въ глубокое утро, на самомъ разсвѣтѣ, когда первые лучи солнца только что освѣтили восточный край неба, приближаются ко гробу прочія жены, говоря дорогою между собою: кто отвалитъ намъ камень отъ двери гроба? а онъ былъ весьма великъ (Мар. 2—4. Лук. 1. Матѳ. 1), и взглянувъ ко гробу, видятъ, что камень отваленъ отъ входа въ пещеру, и Ангель сидитъ на немъ; видъ его какъ молнія и одежда его бѣла, какъ снѣгъ. Жены испугались, чувство недоумѣнія овладѣло ими. Тогда Ангель, сидѣвшій на камени, началъ говорить и сказалъ женамъ: не бойтесь, я знаю, что вы ищете Иисуса распятаго; вѣтъ уже Его здѣсь,—Онъ воскресъ; подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь; и подите скорѣе, скажите ученикамъ Его, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и встрѣтитъ васъ въ Галилеѣ, тамъ Его увидите; я вамъ сказываю (Матѳ. 5—7).

Послушныя зову Ангела—подойти, посмотрѣть самое мѣсто, гдѣ лежалъ Господь,—жены вступаютъ во гробъ и дѣйствительно не находятъ тѣла Господа Иисуса; предъ ними явились другіе Ангелы—юноша въ бѣлой одеждѣ, сидящій на правой сторонѣ гроба, и потомъ мужа два во одеждахъ блистающихъ. Отсутствіе тѣла Господня приводятъ женъ въ недоумѣніе, а присутствіе Ангеловъ въ смятеніе и страхъ; отъ страха, смятенія и недоумѣнія, онѣ потупили взоры. Небесные благовѣстники ободряютъ ихъ, возвѣщаютъ о воскресеніи, показываютъ самое мѣсто,

гдѣ лежало тѣло Иисусово, посылають ихъ къ ученикамъ съ вѣстію объ этомъ, напоминая имъ пророческія слова Самого Господа о воскресенія послѣ страданія и смерти. Не устрашайтесь! слышать устрашенные жены. Вы ищете Иисуса Назарянина распятаго, Онъ воскресъ; нѣтъ Его здѣсь; вотъ мѣсто, гдѣ Онъ положенъ былъ. Подите, скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ встрѣтитъ васъ въ Галилеѣ; тамъ Его увидите, такъ какъ Онъ сказалъ вамъ (Мар. 6—7). Что вы ищете живаго между мертвыми?— слышать еще онѣ въ недоумѣніи. Нѣтъ Его здѣсь, Онъ воскресъ; вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ еще въ Галилеѣ, сказывая, что Сыну человѣческому надлежитъ быть предану въ руки человѣковъ грѣшниковъ и быть распяту и въ третій день воскреснуть (Лук. 6—7). И онѣ, вспомнивъ слова Его, вышли поспѣшно изъ гроба со страхомъ, но раствореннымъ радостію, и побѣжали возвѣстить ученикамъ Его; но на нихъ напалъ опять трепеть и ужась,—что очень естественно при неожиданныхъ и сильныхъ возбужденіяхъ, и дорѣгою онѣ никому ничего не говорили, потому что испугались (Матѣ. 5—8. Мар. 3—8. Лук. 4—8); пришедши же къ апостоламъ, рассказали имъ все, что видѣли и слышали.

Вѣсти, принесенной сначала Магдалиною, потомъ прочими женами, ученики не повѣрили и почли повѣствуемое ими за мечтаніе (Лук. ст. 11). Но Петръ и Іоаннъ вставши поспѣшно побѣжали ко гробу. Іоаннъ, еще юный, побѣжавъ вмѣстѣ съ Петромъ, упредилъ его, пришелъ прежде ко гробу, и наклонясь увидѣлъ однѣ ризы лежащія, впрочемъ не взошелъ; Петръ же

подоспѣвшій не удовольствовался однимъ приникновениемъ во гробъ, взошелъ въ самую пещеру гроба и увидѣлъ, какъ Іоаннъ, однѣ пелены лежащія и платъ, который былъ на главѣ Погребеннаго, не съ ризами лежащъ, но особо свитый въ другомъ мѣстѣ. Въ это время взошелъ и другой ученикъ, и увидѣвъ въ такомъ положеніи ризы и платъ, повѣрилъ воскресенію: ибо если бы тѣло Христа было унесено, какъ говорила смущенная Марія, то ризы не были бы въ такомъ порядкѣ. Ученики пошли опять домой отъ гроба, одинъ вѣруя, а другой еще только дивясь бывшему. Марія же, пришедшая вмѣстѣ съ ними, осталась одна при пещерѣ гроба, плача отъ неизвѣстности,—куда дѣвалось тѣло Господа; въ слезахъ она приникла во гробъ и увидѣла внутри его двоихъ небесныхъ вѣстниковъ въ бѣлыхъ ризахъ,—одного въ головахъ, другаго въ ногахъ, гдѣ лежало тѣло Іисусово. Что ты плачешь? спрашиваютъ ее явившіеся. Унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его,—отвѣчаетъ имъ слезящая Марія. За тѣмъ обратившись назадъ, увидѣла она Самого Іисуса, только отъ слезъ и сильной скорби не узнала Его, а приняла за вертоградара. Что ты плачешь? Кого ты ищешь?—спрашиваетъ ее Явившійся. Господинъ, отвѣчаетъ Марія, — если ты взялъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его. Іисусъ называетъ ее по имени; тогда она узнаетъ Его и съ словомъ Раввуні стремится объять Его. Но Іисусъ запрещаетъ ей прикасаться, а повелѣваетъ скорѣе идти возвѣстить ученикамъ о воскресеніи Его и имѣющемъ за тѣмъ послѣдовать вознесеніи (Іоан. 3—17). Такъ воскресши

Иисусъ въ первую субботу завтра явился прежде Маріи Магдалинѣ, изъ которой изгналъ Онъ семь бѣсовъ (Мар. 16, 9). Получивъ повелѣніе немедленно идти къ ученикамъ, Магдалина посѣбно оставляетъ гробъ, и идетъ возвѣстить ученикамъ, что видѣла.

Между тѣмъ на пути встрѣчаетъ она другую Марію и, вѣроятно, сообщивъ ей новую вѣсть о явленіи, со страхомъ и радостію бѣжитъ съ нею отъ гроба, и се Иисусъ сръгаетъ ихъ, и говоритъ:—радуйтесь. Жены съ благоговѣйнымъ страхомъ вѣры преклоняются предъ Нимъ и обнимаютъ ноги Его. Иисусъ говоритъ имъ: не бойтесь; подите возвѣстите братьямъ Моимъ, чтобы они шли въ Галилею; тамъ они увидятъ Меня (Матѣ. 8—10). Возвратившись домой, Магдалина возвѣщаетъ ученикамъ, что она видѣла Господа, и что Онъ сказалъ ей (Іоан. 18. Мар. 10). Но они, услышавъ, что Онъ живъ, и что Марія видѣла Его, опять не повѣрили (Мар. 11). Послѣ уже,—вечеромъ того дня одиннадцать апостоловъ и бывшіе съ ними, говорили, что Господь дѣйствительно воскресъ и явился Симону (Лук. 24, 33—34).

Такъ удобно примиряются между собою самыя, по видимому, разногласныя сказанія евангелистовъ, которыя выставляютъ какъ самыя непримиримыя противорѣчія ихъ въ доказательство неподлинности (мнимой) Евангелій, по крайней мѣрѣ въ ихъ настоящемъ видѣ. Другія, менѣе важныя разногласія, кажущіяся, примиряются еще легче, если читать ихъ безъ предвзятой мысли какой-либо школы и подъ безопаснымъ руководствомъ вселенскаго церковнаго преданія.—Разборъ этихъ незначительныхъ разногласій оставляемъ.

Мы кончили съ первой изъ задачъ отрицательной критики Евангелій и евангельской исторіи — отвергнуть подлинность происхожденія Евангелій отъ тѣхъ апостоловъ, которымъ они приписываются вселенскимъ церковнымъ преданіемъ, по крайней мѣрѣ въ ихъ настоящемъ видѣ (см. начало 2-й статьи). Мы видѣли, что въ основѣ этой задачи лежитъ предвзятая мысль о невозможности евангельскихъ событій въ томъ видѣ, какъ о нихъ повѣствуется, и съ этой предвзвѣтой мыслью предпринято отвергнуть подлинность самыхъ книгъ, въ которыхъ о нихъ повѣствуется.—Подъ вліяніемъ этой предвзвѣтой мысли предпринято отвергнуть свидѣтельства вселенскаго церковнаго преданія о подлинности Евангелій; подъ вліяніемъ ея же сдѣланы напряженныя усилія устранить силу внутреннихъ признаковъ подлинности Евангелій и выискать въ нихъ признаки ихъ неподлинности; но ни то, ни другое не достигаетъ своей цѣли, ибо всюду высказывается эта предвзятая мысль натяжками, искаженіями, перетолкованіями, противорѣчіями, насиліемъ и безсиліемъ.

Знакомые съ литературою по этому вопросу могутъ замѣтить, что мы далеко не исчерпали взятый предметъ, что многое опущено, многое сжато, на иное только намеки; но въ тоже время не могутъ не замѣтить, что задача осмотрѣна съ самыхъ существенныхъ сторонъ, въ самыхъ главныхъ вопросахъ, на сколько это можно было сдѣлать по доступнымъ намъ средствамъ и по выраженнымъ въ нашей духовной литературѣ потребностямъ въ этомъ отношеніи. Многіе изъ указанныхъ вопросовъ требовали бы, для полнаго разъясненія, спеціальныхъ изслѣдованій, и—дай Богъ,

чтобы для уясненія истины таковыя явились. Мы намъчали лишь путь, по которому нужно бы идти въ рѣшеніи этихъ почти новыхъ въ нашей литературѣ вопросовъ, чтобы не увлекаться такими эфемерными явленіями, какъ вѣтреная книжка Ренана, питавшагося отъ крупницъ, падавшихъ отъ трапезы господъ его,— не столько питательной, сколько ядовитой, отъ которой не мало уже людей умерло духовно.

А. М.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕКЦІЯ В. И. КУТНЕВИЧА.

26 апрѣля 1865 года скончался въ С.-Петербургѣ членъ св. Синода, главный священникъ арміи и флота, протопресвитеръ Василій Іоанновичъ Кутневичъ. Для московской духовной Академіи драгоцѣнно имя его, какъ одного изъ первыхъ и лучшихъ ея наставниковъ.

Василій Іоанновичъ былъ сынъ протоіерея Іоанна Денисова, изъ села Гладкова, чаусовскаго уѣзда, моголевской губерніи. Родился въ 1786 году. Получивъ первоначальное образованіе въ моголевской семинаріи, гдѣ прошелъ курсы грамматики и риторики, Кутневичъ въ 1804 году посланъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ бывую Александроневскую академію, и здѣсь оказался отлично успѣвшимъ въ изученіи наукъ и языковъ, такъ что въ продолженіе курса ученія, въ 1807 году, ему поручено исправлять въ Академіи должность учителя низшаго французскаго класса. Въ сентябрѣ 1808 года опредѣленъ учителемъ философіи въ моголевскую Семинарію, изъ которой въ слѣдующемъ году отправился для полученія новаго образованія въ преобразованную с.-петербургскую духовную Академію. По окончаніи здѣсь въ 1814 году курса со степенью магистра, Кутневичъ назначенъ на должность бакалавра въ московскую духовную Академію

вмѣстѣ съ семью товарищами (Г. А. Левицкимъ, И. К. Носовымъ, П. И. Розановымъ, В. В. Херсонскимъ, А. И. Тяжеловымъ, М. Ѳ. Бажановымъ, Г. К. Огіевскимъ). Предметомъ преподаванія назначены Кутневичу науки математическія. Съ апрѣля до сентября 1815 года онъ преподавалъ и нѣмецкій языкъ, каковое порученіе исполнялъ и другой разъ съ октября 1817 до сентября 1818 года. Августа 25 1815 года возведенъ въ званіе ординарнаго профессора математики, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено преподавать уроки по философскому классу. Въ мартѣ 1816 года онъ уволенъ отъ преподаванія математики и занялъ каѳедру философіи. Въ 1818 году 4 августа архіепископомъ московскимъ Августиномъ рукоположенъ въ протопресвитера московскаго архангельскаго каѳедральнаго Собора, и въ томъ же мѣсяцѣ по распоряженію Коммисіи духовныхъ училищъ переименованъ профессоромъ философскихъ наукъ. Въ томъ же году определенъ членомъ духовнаго цензурнаго Комитета. Въ 1820 году по порученію начальства обозрѣлъ Семинаріи вологодскую (обозрѣніе ея повторено имъ въ 1826 году), ярославскую, костромскую, владимірскую, а въ 1822 году—московскую.

Послѣ десятилѣтней академической службы, Василій Іоанновичъ въ октябрь 1824 года выбылъ изъ Академіи, оставивъ въ ней воспоминаніе о себѣ, какъ о весьма даровитомъ и трудолюбивомъ наставникѣ. Своими философскими лекціями (онъ читалъ логику и опытную психологію) онъ далъ понять своимъ слушателямъ высокое значеніе науки, способствовалъ развитію въ нихъ строгаго и основательнаго мышленія и сообщилъ доброе направленіе ихъ умственной дѣятель-

ности. Занятія философією сдѣлались весьма серьезными. Студенты доходили при немъ до увлеченія въ изученіи науки мудрости. Наставникъ ознакомилъ ихъ со многими новыми книгами по части наукъ философскихъ, выходявшими въ ту пору на западѣ: всякую новую сколько нибудь замѣчательную книгу онъ выписывалъ для Академіи. Такъ онъ выписалъ въ одинъ разъ сочиненія Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби, исторію философіи Теннеманна и другія книги философскаго содержанія. Подобная выписка книгъ была ежегодная. Видно, какъ глубоко любилъ онъ философію, какъ ревностно заботился о усовершеніи самообразованія. Не мудрено, что изъ его школы могли выйти такіе люди, каковъ Голубинскій, его ученикъ, потомъ сотоварищъ на службѣ, другъ и родственникъ (а).

На память о почившемъ наставникъ Академіи предлагаемъ вниманію читателей записанную однимъ изъ студентовъ 3-го курса первую лекцію Кутневича по философіи, произнесенную имъ на латинскомъ языкѣ въ 1818 году.

«Чтобы правильнѣе опредѣлить понятіе философіи, нужно обратиться къ первичному ея источнику, т. е. къ природѣ человѣческой. Природа человѣческая двояка: тѣлесная и духовная. Поелику же философія есть произведеніе свободной мысли человѣческой, то, когда говоримъ о философіи, мы должны обратиться къ чисто-духовной природѣ чловѣка. Она одарена двумя качествами: разумностию и свобододою. Во первыхъ чловѣкъ существо разумное; разумъ стремится къ по-

---

(а) О. А. Голубинскій былъ женатъ на сестрѣ В. И. Кутневича.

знанію. Не много времени продолжается тотъ періодъ жизни, когда человѣкъ не отличаетъ своего бытія отъ матери своей—природы и тихо покоится въ ея лонѣ, когда онъ стремится удовлетворить только естественнымъ нуждамъ и потребностямъ жизни. Настаетъ моментъ—пробужденія его отъ сна: тогда онъ вновь рождается и какъ бы въ первый разъ входитъ въ міръ, а до того времени онъ не могъ отличить себя отъ міра и блуждалъ (*vagabatur*), не зная ни себя, ни міра. Теперь возникаетъ въ немъ свѣтъ сознанія, и увидѣвъ себя среди безчисленнаго множества предметовъ, онъ начинаетъ разсуждать: я—не то, то—не я. Такое сужденіе показываетъ, что существуетъ два міра: субъективный и объективный, но это неудовлетворительно для моего знанія. Чтоже такое я, и что не я, чему я себя противопоставляю, и съ чѣмъ стою въ необходимомъ соотношеніи? Такова необходимая задача разума человеческого—объяснить бытіе свое и другихъ предметовъ. Нѣкогда я не существовалъ и могу не существовать; міръ объективный также случаенъ и подверженъ перемѣнамъ, и потому можетъ существовать иначе, существуетъ и можетъ не существовать: кто же привелъ въ бытіе оба міра? Посему познаніе первой причины составляетъ новую задачу, изслѣдованіе которой весьма важно для разума человеческого. Далѣе: человѣкъ есть существо свободное: свобода стремится къ дѣйствию. Доколь человѣкъ бываетъ только въ состояніи животнаго, доколь онъ подлежитъ законамъ природы физической, а не дѣйствуетъ, хотя и въ этомъ состояніи проявляется сила желанія; потому что однихъ предметовъ онъ ищетъ, отъ другихъ удаляется; но дѣятельность

этой способности невольная. Предметы поражаютъ его чувства и производятъ впечатлѣнія пріятныя или непріятныя, такъ что онъ не можетъ не отвращаться отъ непріятнаго, и не желать пріятнаго. Но когда возрастаетъ дѣятельность разума человеческого, тогда онъ начинаетъ сознавать свое нравственное достоинство; онъ сознаетъ, что природа предназначила ему гораздо благороднѣйшую цель, нежели прочимъ тварямъ, ему подвластнымъ, сознаетъ въ себѣ способность—дѣйствовать независимо отъ внѣшнихъ предметовъ; поэтому жизнь моя не должна быть случайнымъ сцѣпленіемъ дѣйствій произвольныхъ: я долженъ привести въ порядокъ и гармонию разнообразныя стороны жизни. Такимъ образомъ познается бытіе нравственнаго законодательства, или короче, возникаетъ вопросъ: что я долженъ дѣлать? Этотъ вопросъ составляетъ послѣднюю задачу, или лучше главную цель всѣхъ нашихъ познаній. Итакъ изъ природы человѣка, нравственной и разумной, мы вывели четыре задачи: 1) что такое я, или міръ субъективный? 2) что такое не я, или міръ объективный? 3) какая первая и высшая причина сихъ міровъ? 4) что мнѣ должно дѣлать? Поелику три первые вопроса относятся чисто къ познанію, а послѣдній къ знанію того, что должно дѣлать, то всѣ сіи вопросы можно свести къ двумъ главнымъ: что я могу знать и что долженъ дѣлать? Нѣкоторые присовокупляютъ еще третій вопросъ: чего я могу надѣяться? Но рѣшеніе этого вопроса вытекаетъ изъ сущности и познанія двухъ первыхъ вопросовъ. Сіи четыре задачи или два вопроса составляютъ то, что называется содержаніемъ (*materia*) философіи. Поелику сіи вопросы высоки и потому они такъ тѣсно

связаны съ природою, что всякій, владычущій достаточнымъ развитіемъ разума, не можетъ не предложить ихъ себѣ; посему можемъ назвать ихъ путемъ къ послѣднимъ цѣлямъ человѣческаго разума. Такъ какъ первый вопросъ: что я могу знать? заключающій въ себѣ три первыя задачи, относится къ тому, что на самомъ дѣлѣ существуетъ, а послѣдній относится къ тому, что должно быть, то назовемъ сіи два вопроса однимъ общимъ именемъ: бытіе существъ (*esse entium*). Посему мы опредѣлили бы философію такимъ образомъ: философія есть система нашихъ познаній о бытіи сущаго, направленная къ послѣднимъ, существеннымъ цѣлямъ разума человѣческаго. Но это опредѣленіе объемлетъ только одну часть понятія о философіи, именно указываетъ только на матеріалъ философіи, показываетъ то, познаніемъ какого предмета занимается философія. Посему, чтобы опредѣлить философію и со стороны послѣдней ея части, т. е. какъ она занимается этимъ матеріаломъ, должно обратить вниманіе на различныя начала (*origines*) познанія. Всѣ познанія человѣческія по своему происхожденію и источникамъ—двоякаго рода, или опытные или умственные. Умственное познаніе то, которое происходитъ отъ одного разума, напр. что существуетъ, то должно имѣть достаточную причину своего существованія. Опытное познаніе то, которое признаетъ своимъ источникомъ одинъ опытъ, напр. соль растворяется въ водѣ. Главный критерій умственного познанія тотъ, что познаніе происходитъ изъ началъ, а критерій опытнаго познанія тотъ, что познаніе вытекаетъ изъ фактовъ, а потому не можетъ быть умственнымъ. Познанія изъ началъ, или познанія умственные обыкновенно назы-

ваются познаніями a priori: симъ названіемъ означаются понятія, или представленія, не зависящія ни отъ опыта, ни отъ чувственныхъ впечатлѣній; по своему происхожденію, впрочемъ не по времени, они предшествуютъ всякому опыту; ихъ извлекаетъ разумъ изъ самаго себя, и главный характеръ ихъ — необходимость и всеобщность. Познанія опытные называемъ познаніями a posteriori; источникъ ихъ и начало — познавательная способность, но впечатлѣнія предметовъ на чувственные органы, и особенный характеръ такихъ познаній — случайность. Хотя философія преимущественно присволяетъ себѣ первый родъ познанія, тѣмъ не менѣе не отвергаетъ и послѣдняго, потому что и предметы опыта имѣютъ вліяніе на цѣлую ея систему. Что философія допускаетъ познанія опытные, это доказываютъ ея существенныя части, именно психологія опытная и прикладное нравственное ученіе. Собраніе свѣдѣній философъ заимствуетъ отъ опыта, подвергаетъ ихъ дѣйствию познавательной способности — разсудку, который путемъ сравненія, отвлеченія и ассоціаціи приводитъ ихъ въ единство сознанія и образуетъ общія понятія, а разумъ сравниваетъ эти понятія съ своими идеями и изъ началъ объясняетъ возможность самаго бытія. Что философія допускаетъ познанія чисто умственные, это доказываютъ логика, метафизика и чистое нравственное ученіе. Источникъ такихъ познаній есть разумъ, который беретъ ихъ изъ самаго себя и дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: во первыхъ проникаетъ мыслию въ самаго себя и созерцаетъ идею абсолютнаго и міра невидимаго, во вторыхъ, отражаясь въ самаго себя (*extra se repercutiendo*), приводитъ свои идеальныя воззрѣнія въ сознаніе. Съ пер-

ваго взгляда можно подумать, что всѣ познанія ведутъ свое происхожденіе отъ чувствъ, какъ думаютъ тѣ, которые лишены полнаго свѣта разума и водятся однимъ разсудкомъ, которыхъ предметъ дѣятельности—мірѣ физическій. Процессъ сего познанія такой: міръ внѣшній дѣйствуетъ на чувства, производя на нихъ впечатлѣнія, которыя разсудокъ сравниваетъ, отвлекаетъ и совокупляетъ, и которыя наконецъ разумъ возводитъ къ своимъ общимъ идеямъ и изслѣдуетъ ихъ; но такимъ способомъ пріобрѣтается только одна часть познанія, именно та, которая отъ міра чувственного доходитъ до разсудка и отъ него до разума. Остается другой гораздо благороднѣйшій родъ познанія, который происходитъ отъ идей ума и отъ него переходитъ къ разсудку, не восходя къ общимъ идеямъ ума, но отъ нихъ нисходя къ понятіямъ разсудка. Этой благороднѣйшей части познанія не достигаютъ тѣ, которые думаютъ, что всѣ познанія ограничиваются чувственными впечатлѣніями. Впрочемъ даже и низшія познанія ведутъ свое происхожденіе не отъ чувствъ, потому что не все, что начинается съ чувствъ, отъ нихъ получаетъ свое бытіе. Чувства только возбуждаютъ дѣятельность разума. Если бы представленія чувственные были единственнымъ источникомъ познаній, мы не имѣли бы познаній необходимыхъ и всеобщихъ; таковы положенія, основанныя на началѣ противорѣчія, понятія математическія и метафизическія. Это непрямое доказательство существованія въ насъ понятій чисто умственныхъ обратится въ прямое, когда раскроемъ источники тѣхъ познаній, которыя самый опытъ дѣлаютъ возможнымъ, именно когда изслѣдуемъ понятія чистаго пространства и времени, когда разсмотр-

римъ категоріи, посредствомъ коихъ единичныя представленія приводятся къ единству и простотѣ сознанія, когда произведемъ изъ разума главные идеи абсолютнаго субъекта, субстанціи, причины и цѣлаго. Послѣ изслѣдованія нашихъ познаній относительно ихъ начала можемъ опредѣлить и форму философіи, которую она употребляетъ въ познаваніи своего содержанія.

«Изъ опредѣленія матеріи и формы составляемъ такое понятіе о философіи: она есть система познаній о бытіи существъ на основаніи понятій и идей, направленная къ послѣднимъ цѣлямъ человѣческаго разума. Чтобъ въ этомъ опредѣленіи не дать мѣста темнотѣ, раскроемъ порознь понятія, составляющія оное. Во первыхъ я сказалъ, что философія есть *система познаній*. Чрезъ сіе мы противопоставляемъ ее простому агрегату понятій и приписываемъ ей достоинство знанія, такъ какъ она есть нѣчто цѣльное, методически построенное изъ многихъ познаній. Во вторыхъ она есть система познаній *о бытіи существъ*. Симъ бытіемъ означаемъ какъ то, что дѣйствительно существуетъ, такъ и то, что можетъ быть; далѣе разумѣемъ здѣсь бытіе, какъ абсолютное и необходимое, такъ условное и случайное. Въ третьихъ: *на основаніи понятій и идей*. Симъ указалъ я на средства, которыми пользуется философъ въ приобрѣтеніи познаній. Умъ человѣческій приобрѣтаетъ философскія познанія двоякимъ образомъ: или отъ чувственныхъ представленій восходитъ къ понятіямъ разсудочнымъ, и отъ нихъ къ идеямъ ума, или отъ идей ума нисходитъ къ понятіямъ разсудка. Отсюда само собою ясно различіе сего знанія отъ математики. Ибо математика, разсматриваемая по своей формѣ, есть знаніе не изъ

понятій, но изъ построения понятій въ чистомъ созерцаніи пространства. Я сказалъ наконецъ, что *система философіи направлена къ послѣднимъ и существеннымъ цѣлямъ человеческого разума*, и симъ поставилъ въ собственныхъ границахъ всю область философіи. Философъ не перестаетъ умозаключать, пока не достигнетъ всѣхъ цѣлей человеческого знанія, цѣлей, ограничиваемыхъ предѣлами человеческого разума. Посему, если сіе опредѣленіе подведемъ подъ норму и правильные законы опредѣленія, найдемъ оно довольно точнымъ: оно предлагаетъ понятіе о философіи ясное, полное и точное; ясное,—потому что представляетъ признаки философіи ясные и раздѣльные; полное, потому что содержитъ въ себѣ всѣ существенные, или характеристическіе признаки философіи; точное, потому что содержитъ признаки только необходимые и не имѣетъ такихъ, изъ которыхъ одинъ заключался бы въ другомъ. Поселику всѣ попытки философіи направлены къ тому, чтобы или опытнымъ представленіямъ возвести къ общимъ понятіямъ разсудка и къ идеямъ разума, какъ послѣднимъ началамъ, или чтобъ отраженія идей (*repercussiones*), перешедшія изъ разума въ сознаніе, преобразовать въ понятія разсудка, то необходимо способность идей или разумъ, какъ высшую силу умственную, подвергать особому испытанію и изслѣдовать, какая истина присуща идеямъ, т. е. выражается ли въ нихъ абсолютная и самостоятельная природа вещей.

«Изложивъ истинное свойство философіи, скажемъ теперь объ ея объемѣ, какъ онъ выработанъ въ наше время, и о раздѣленіи ея на части, равно и о порядкѣ, котораго должно держаться въ изслѣдованіи сихъ ча-

стей, т. е. въ какомъ числѣ и порядкѣ построено зданіе философіи; такимъ образомъ мы положимъ основанія энциклопедіи и методологіи.

«Части, изъ которыхъ составляется зданіе философіи, указаны въ самомъ понятіи философіи. Теперь нужна рефлексія, чтобы вывести ихъ систематически. Философію можно разсматривать, или со стороны ея содержанія, или со стороны формы. Если разсматривать философію со стороны ея содержанія, то она есть познаніе или того, что есть, или того, что должно быть. То, что есть, какъ одаренное определеннымъ бытіемъ, есть предметъ одного созерцанія, посему познаніе о томъ называется теоретическимъ, или созерцательнымъ; то, что должно быть, такъ какъ состоитъ въ чистой возможности и заключается во власти воли, составляетъ предметъ дѣйствія (*πραγματος*); посему познаніе о томъ называется практическимъ, или дѣятельнымъ. На основаніи такого существеннаго различія предметовъ, вся область философіи раздѣляется на двѣ части: теоретическую и практическую. Первая предметомъ своего изслѣдованія имѣетъ 1) или самую способность мышленія, такъ какъ чрезъ нее приобрѣтаются всѣ познанія, 2) или самые предметы познанія, какъ то, изъ чего составляются всѣ наши познанія. Въ первомъ случаѣ она систематически опредѣляетъ форму чистаго мышленія, т. е. правила и законы, которыми руководствуется разумъ въ мышленіи и познаніи; отсюда происходитъ названіе формальной философіи, которую мы называемъ логикою. Въ последнемъ случаѣ излагаетъ систему познаній о Богѣ, мірѣ и душѣ, и это называется философіею предметною (*materialis*). Эта послѣдняя занимается изслѣдо-

ваніємъ предметовъ двоякимъ образомъ: или возвышаясь надъ сферою опыта опредѣляетъ объективное бытіе изъ началъ разума, или заключааясь въ сферу опыта, изслѣдуетъ предметы, поколику они представляются чувствамъ. Въ первомъ случаѣ философія получаетъ названіе рациональной, или чистой, и называется метафизикою, т. е. системою познаній а priori о Богѣ, мірѣ и душѣ. Въ послѣднемъ случаѣ называется эмпирическою. Эмпирическая философія по видимому должна обнимать въ себѣ три рода предметовъ: Бога, мірѣ и душу; но поелику Богъ не есть предметъ, подлежащій чувствамъ, а познаніе о мірѣ относится къ опыту, хотя безъ началъ метафизическихъ крайне скудно и не совершенно, посему предметъ эмпирической философіи составляетъ одна душа человѣческая, и эта часть философіи называется опытною психологіею. Итакъ философія теоретическая состоитъ изъ трехъ частей: 1) логика или система правилъ и законовъ, которыми руководствуется разумъ въ мышленіи и познаніи; 2) метафизика или ученіе о Богѣ, мірѣ и душѣ, основанное на однѣхъ началахъ разума; 3) психологія опытная или ученіе о душѣ, основанное на одномъ опытѣ Философія . . . . .» (Здѣсь прерывается списокъ лекцій).

По этой лекціи можно судить о характерѣ философскихъ чтеній Кутневича. По свидѣтельству учениковъ его, онъ отличался въ преподаваніи своего предмета строго логическою послѣдовательностію, ясностію и твердымъ нравственно-религіознымъ направленіемъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ САРАТОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

По утвержденной Святейшимъ Синодомъ программѣ, съ 1 июня текущаго года, при Саратовской духовной Семинаріи будутъ издаваться **Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости.**

Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ имѣть два главные отдѣла: I-й отдѣлъ — официальный, или собственно Епархіальныя Вѣдомости, и II-й отдѣлъ — неофициальный, или прибавленія къ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

ВЪ ОТДѢЛѢ НЕОФИЦИАЛЬНОМЪ БУДУТЪ
ПОМѢЩАЕМЫ:

1) Выписки изъ свято-отеческихъ твореній и писателей духовныхъ, имѣющія отношеніе къ духовнымъ нуждамъ пастырей и пасомыхъ.

2) Лучшія проповѣди, произнесенныя въ разныхъ мѣстахъ епархіи, и особенно простыя и назидательныя поученія для поселянъ. Здѣсь же, по временамъ, будутъ предлагаться наставленія—о чемъ особенно и какъ благоуспѣшнѣе преподавать народныя поученія.

3) Примѣры благочестія въ различныхъ состояніяхъ и обстоятельствахъ жизни, и замѣчательныя въ религіозномъ отношеніи случаи смерти.

4) Разказы по Библейской и Церковной исторіи и назидательныя размышленія и разсужденія по всемъ отраслямъ бого-

словскихъ наукъ, преимущественно же о такихъ предметахъ, о коихъ въ настоящее время могутъ возникать, между прихожанами разныхъ сословій и образованія, различныя недоумѣнія.

5) Объясненія воскресныхъ и праздничныхъ Апостоловъ, Евангелій и паремій, переводы синаксарей, содержаніе церковныхъ службъ и замѣчательныхъ молитвъ.

6) Свѣдѣнія о религіозно-правственномъ бытѣ народа, о сельскихъ народныхъ школахъ, завѣдуемыхъ духовенствомъ, о способахъ преподаванія и успѣхахъ въ этихъ школахъ.

7) Историко-статистическія свѣдѣнія о мѣстныхъ церквахъ, по чему либо замѣчательныхъ, монастыряхъ, особенно чтимыхъ иконахъ и проч.

8) Біографіи и некрологи замѣчательныхъ дѣятелей въ Саратовской епархіи.

9) Извлеченія изъ газетъ и журналовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, о всемъ замѣчательномъ для вѣры и церкви вообще и для Саратовской епархіи въ частности.

10) Краткія бібліографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ книгахъ, относящихся къ духовной литературѣ, особенно замѣчательныхъ и полезныхъ для духовенства, и извѣстія о духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить еженедѣльно.

Цѣна годовому изданію пять рублей съ пересылкою.

Желающіе получить Епархіальныя Вѣдомости за настоящей годъ высылаютъ за 7 мѣсяцевъ, къ 1 іюня, три руб. сер. Требования свои благоволятъ адресовать: *въ редакцію Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей при Саратовской Духовной Семинаріи, въ Саратовъ.*

ОПЕЧАТКИ ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ КЪ ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ

СВ. ОТЦЕВЪ ЗА 1864-Й ГОДЪ.

НА ПЕЧАТАНО :

ДОЛЖНО ЧИТАТЬ :

страни. строк.

176	2 св. ни одинъ	ни одно
204	4 — до частности	до частности
250	3 св. аастію	частію
253	14 св. вліявіемъ	вліявіямъ
258	3 — именно	именно
264	11 св. замертіа	замерзшіа
265	15 — анологіи	аналогіи
281	8 — fusea	fusca
285	1 св. изъ насъ	изъ нихъ
308	3 — организмы	организмы
311	8 — прочитъся	упрочитъся
313	8 св. періодахъ	періодахъ
317	10 св. но	то
333	19 св. сохранились	сохранились
—	8 — усложненія	усложнятся
335	3 св. своей	его
340	2 — оставовъ	остововъ
425	13 — отвѣчаетъ	отвѣчаютъ
430	16 -- отношеніи;	отношеніи, какъ Матѳей:
440	3 — сходныхъ чуда, сказать	сходныхъ чуда? Развѣ не могъ сказать
511	6 св. другихъ	другіе
—	5 св. съ лучшими	съ лучшими и худшими
518	5 и 6 св. оно дошло	она дошла
550	12 св. именно	имени
561	10 и 11 — четгу	четвертку
576	въ прим. Віпасі	Віпасі

о христіанской надеждѣ и любви. Цѣна 1 р. 50 к. На пересылку за 2 фун.
Указатель для обозрѣнія московской патриаршей ризницы съ приложеніемъ
XV таблицъ снимковъ, составл. епископомъ Саввою. Цѣна съ пер. 2 р.
50 к.— Палеографическіе снимки съ греч. и славян. рукописей М. Сино-
дальной бібліотеки изд. епископомъ Саввою. Ц. 5 руб.; на пересылку за 4 ф.
Предъизображеніе Господа нашего Иисуса Христа и Церкви Его въ Ветхомъ
Завѣтѣ. Цѣна съ пер. 1 р.—Исторія московской славяно-греко-латинской
Академіи. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50. к. Жизнь св. Аѳанасія Александрій-
скаго. Цѣна 50 к. Разсужденія: о ересяхъ и расколахъ въ Россіи. 75 к. О хри-
стіанскомъ мученничествѣ. 40 к.—О Владыкѣ Израилевомъ. 7 к.—О поведеніи
первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к.—О Божес-
ствѣ Сына Божія. 20 к.—О крестныхъ ходахъ православной Церкви. 20 к.—
О поминовеніи усопшихъ. 25 к.—О литургіи преждеосвященныхъ даровъ.
50 к.—Пресв. Тихонъ, епископъ Воронежскій. 40 к.—О муропомазаніи.
15 к.—Св. Левъ, папа римскій. 30 к.—О поведеніи древнихъ христіанъ во
дни воскресные и праздничные. 20 к.—Объ антихриствѣ. 40 к.—Объ образѣ
дѣйствованія православныхъ государей Греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣ-
кахъ въ пользу Церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ. 30 к.

*На пересылку послѣднихъ 15 сочиненій вмѣстѣ прилагается за
8 фунтовъ, а каждое порознь за 1 фунтъ.*

Дѣло Патриарха Никона, историческое изслѣдованіе. Цѣна съ пере-
сылкою 1 р. 50 к.

Указатель къ Твореніямъ Св. Отцевъ и къ прибавленіямъ духовнаго
содержанія за двадцать лѣтъ. Цѣна 25 к.

На пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Сборникъ, изданный М. Д. Академіею по случаю празднованія ея пяти-
десятилѣтія. Цѣна 1 р. *На пересылку за два фунта.*

О Евангеліяхъ и Евангельской исторіи. По поводу книги Ренана:
Жизнь Иисуса. Опытъ обзора и разбора такъ называемой отрицательной
критики Евангелій и Евангельской исторіи. А. Михаила. Цѣна съ пер. 2 р.

Съ требованіемъ всѣхъ означенныхъ изданій иногородные благоволятъ
относиться въ редакцію Твореній Св. Отцевъ, въ Серіевскомъ посадѣ,
Московской губерніи.

Проживающіе въ Москвѣ могутъ относиться съ такими требованіями
въ Правленіе Московской Семинаріи (въ домъ Семинаріи, за Каретнымъ
рядомъ), или въ книжную лавку А. Н. Терапонтова на Никольской улицѣ.

Гг. подписчики въ адресахъ, сообщаемыхъ въ редакцію, благоволятъ
четко и обстоятельно прописывать уѣздъ и губернію, въ которыхъ на-
ходятся мѣста ихъ жительства.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

	<i>Стран.</i>
Опроверженіе Евномія.....	335

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО.

Изъ книги противъ ересей.....	291
-------------------------------	-----

П Р И Б А В Л Е Н І Я.

О Евангеліяхъ и евангельской исторіи. По поводу книги Ренана: Жизнь Исуса. Статья IV.....	503
Вступительная философская лекція В. И. Кутневича...	635

Припечатано объявленіе объ изданіи Саратовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Печатать дозволяется. Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
15 Апрѣля 1865 года.

Московская Духовная Академія.
Цензоръ Священникъ *Филаретъ Сергіевскій.*

СОДЕРЖАНІЕ

ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ ЗА
1864-й годъ.

	<i>стр.</i>
1. Объ источникѣ идеи Божества.....	363
2. О Евангеліяхъ и свангельской исторіи. По поводу книги Ренаана: Жизнь Иисуса.....	28, 109, 411, 503
3. Слово въ недѣлю Православія и на день возшествія Государи Императора Александра Николаевича на престоль.....	1
4. Слово на день возшествія Государи Императора Алек- сандра Николаевича на престоль.....	99
5. Слово на день коронованія Государи Императора Алек- сандра Николаевича.....	355
6. Троицкая Семинарія при Митрополитѣ Платонѣ....	205
7. Вступительная философская лекція В. И. Кутневича	635
8. Начатки движенія въ англиканской церкви къ соеди- ненію съ восточною.....	483
9. Притязанія апологета австрійскаго священства.....	10
10. Разборъ ученія Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ.....	245
